ДБ
10 Виленск. Временн
В-44 кн2

49а
IV-2
ДБ
10
В44

ВИЛЕНСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ.

Изданіе Виленскаго Генералъ-Губернаторскаго Управленія.

Книга II.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 14333
Союза С. С. Р.
ПОГАШЕНО

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНАГО
СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА М. В. Д.
Инв. 28-605 Мѣсто 30-1

ВИЛЬНА,
1907.

1

30 1938

Печатано по распоряженію Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго Генералъ-Губернатора.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 34218 1981 г.

Типо-Литографія Товарищества п. ф. „Н. МАЦЪ и К°“, Вильна.

ДБ
10
В44

Ц-49а
IV-2

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Нечистики. Сводъ простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи сказаній о нечистой силѣ—Н. Никифоровскаго . 3

2. Описаніе крестьянскаго жилого дома въ дер. Загорьѣ, Гродненской губ.—С-нъ 105

3. Свѣдѣнія о Бѣлорусскихъ крестьянскихъ постройкахъ въ Вилейскомъ уѣздѣ—П. С. 137

4. Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ—А. Харузина 161

НЕЧИСТИКИ.

СВОДЪ

простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи

СКАЗАНІЙ О НЕЧИСТОЙ СИЛѢ

Н. Я. Никифоровскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Когда мой бѣленькій землячокъ станетъ иногда жалобиться на экономическія затрудненія, происходящія отъ „малости зе́мельки и работинки“, я участливо выслушиваю его и понимаю, что недальновидный предокъ землячка, жившій, „якъ панъ каже“, имѣвшій въ наличности не болѣе двухъ „блазнюковъ“ да одной „утѣшницы-блазнотки“ и о вящшемъ семейномъ приростѣ не помышлявшій, упускалъ изъ виду, что эта тройка дѣтворы можетъ разрастись въ довольно численное потомство, а потому, при надѣленіи землею и другой возможности увеличить земельную собственность, годилъ лишь текущимъ нуждамъ, наличной семьѣ;—понимаю и вѣрю, что со своимъ фунтовымъ топорикомъ онъ нерѣдко безплодно прошатается около разныхъ „рюмовъ“, лѣсосѣчныхъ мѣстъ, гдѣ уже давнымъ-давно орудуютъ кто вѣсть откуда появившіяся десятифунтовыя сѣкиры, или со своею жиденькою „ко́скою и грабе́льками“ онъ еле-еле можетъ сложить за день кое-какую „везе́ню или копёшку сѣна“. Мнѣ и безъ словъ очевидна тогда „неуѣжность“ землячка: объ этомъ говоритъ весь обликъ его—вялый, подавленный, безъ порывовъ къ веселости. Станетъ землячекъ повѣствовать о разныхъ прижимкахъ, трудныхъ временахъ,

о семейной и сосѣдской неурядицѣ—я опять же на его сторонѣ, потому что воочію вижу, какъ его притѣсняетъ міръ, обижаютъ сосѣди, какъ ворчатъ и грызутся семейныя бабы, выходятъ изъ повиновенія родныя дѣти: вмѣстѣ съ землячкомъ я скорблю по поводу сложившагося нестроенія и, если не могу облегчить послѣдняго матеріально, такъ не отказываюсь отъ подачи нравственной поддержки.

Когда же, угнетенный набѣжавшею остротою положенія, землячокъ заключитъ свою повѣсть пословичнымъ возгласомъ—„живали дяды́, ни видали бяды́“—и тутъ же доскажетъ, что „унукамъ досталася уся мука“, я невольно начинаю колебаться и—грѣшенъ!—заподазриваю землячка въ прилыгиваніи, хотя и знаю, что не онъ первый и не онъ послѣдній готовъ считать личныя бѣды за настоящія, готовъ видѣть больше хорошаго въ прошедшемъ. Мнѣ почему-то рисуется тогда жизнь сначала незапамятнаго дѣда: вотъ онъ окруженъ страшилищами животнаго міра, съ которыми принужденъ бороться за существованіе, оспаривать пядь земли, глотокъ пищи; вотъ онъ, слабый владыка міра, ежечасно принужденъ трепетать за личное и своей семьи бытіе, потому что не знающій гражданскихъ правъ, но алчный сосѣдъ, того и жди, нападетъ, побьетъ, разоритъ, поработитъ. И мечется этотъ дѣдъ туда и сюда: укрывается въ лѣсныя чащи, въ дупла вѣковыхъ деревъ, въ горныя пещеры, на свайныя сооруженія, во всѣхъ сихъ мѣстахъ переживая климатическія нестроенія. Даже и тогда, когда окаянная жизнь его нѣсколько преобразилась, подпавъ подъ охрану не родовую, вѣчевую, областную только, но и княжью, когда онъ научился противостоять супостатскому разоренію, эта жизнь все-же не была въ достаточной мѣрѣ обезпечена отъ случайностей: чужеземные „воякѝ“ могутъ внезапно набѣжать, пограбить или пожечь скопленное добро,—полонить, побить, разоромъ пройти по насиженному мѣсту, остановить обычное теченіе жизни.

Вслѣдъ за симъ передо мною воскресаетъ жизнь и дѣда историческаго, того именно, которому пословично завидуетъ

внукъ. Очень можетъ быть, что сей дѣдъ лично не переносилъ ни шведскихъ, ни ляшскихъ разорительныхъ находовъ; зато до конца дней своихъ онъ помнилъ „рубани́ну, или руину“, помнилъ двѣ „бунтонины, Севастоплю“, грозную рекрутчину, многократныя голодовки, опустошительные „болѣзные годы“ и, въ особенности—страшную „панщину“. Все это прошло разоромъ по дѣдовской жизни, лично имъ и его присными перенесено, пережито; но все это совершенно невѣдомо завидливому внуку, при немъ перешло въ область преданій, гдѣ отдѣльныя событія представляются уже смутными, неузнаваемыми. Такъ, завидливый внукъ удостовѣряетъ, будто вотъ тѣ высокія насыпи есть „швецкія“ могилы и тутъ же, благодаря фальшивой филологіи, поясняетъ: въ давніе годы живали „шве́цы“ (портные); они прославились мастерствомъ,—за что́ и удостоены почетнаго погребенія... Нѣчто подобное и о галлахъ съ двунадесятью языками, почему-то смѣшиваемыхъ съ галками (птицами)—какими-то выродками пернатаго царства, когда то налетѣвшими изъ отдаленныхъ краевъ на пагубу и разореніе нашей родины. Что же касается „руины и Севастопли“, то памятованіе о нихъ сливается съ понятіемъ о „хрыцахъ“—органическомъ недугѣ, каковая немочь успѣшно вылѣчивается докторами и въ больницахъ... Несомнѣнно, что и ближайшія къ внуку событія изъ жизни дѣда съ теченіемъ времени закроются чѣмъ-нибудь смутнымъ и, если онъ не даетъ имъ фальшиваго толкованія, такъ наполовину скраситъ жизненную ихъ правдивость.

Опираясь на тѣ или другія данныя, можно, кажется, подвести приблизительные итоги траты и разора отъ указанныхъ матеріальныхъ нестроеній, можно опредѣлить границы ихъ, какъ и средства огражденія. Набѣжали шведы, ляхи, галлы, появились мятежники—побили они, пограбили, полонили, да и „замирились“—жизнь снова потекла обычнымъ путемъ; выдался болѣзный или голодушный годъ, потомилъ онъ современниковъ да и миновался—опять потекла прежняя жизнь; отбылъ дѣдъ панщину, ушелъ отъ несносной пригонной неволи, или припря-

тался на время отъ рекрутчины—все же у него не потеряна надежда возвратиться къ семьѣ, къ продолженію остановленной жизни. Потужитъ онъ по поводу происшедшаго, поправитъ дѣло по мѣрѣ обстоятельствъ и разумѣнія, поблагодаритъ судьбу за сохраненіе драгоцѣннаго дара—жизни и подспорныхъ при ней рукъ, и съ ними снова примется за прерванныя дѣла, какъ та Божья пчелка, у которой только-что разорили восковыя сооруженія, пограбили плоды долгихъ трудовъ.

А вотъ, куда ему бывало дѣваться, какъ противодѣйствовать безчисленнымъ незримымъ врагамъ, какъ поправлять учиняемыя ими траты? Не уйти бывало ему отъ этихъ враговъ ни въ чащи, ни въ дупла, ни въ пещеры, ни на сваи, не противопоставить имъ матеріальной силы: съ быстротою мысли враги окружали безпомощника, пробирались чрезъ высокія и крѣпкія стѣны, такія же ворота, башенныя и горныя выси, умѣя обходить все, чѣмъ противоборствовалъ слабый умъ человѣка. Правда, не полонятъ эти враги матеріально, зато опутаютъ незримыми сѣтями, изъ которыхъ жертвѣ не выбраться собственными силами; не пограбятъ—зато настроятъ мпожество преградъ къ притоку въ домъ добра; не побьютъ—зато медленно изведутъ. При всемъ этомъ въ страданіяхъ жертвы они постараются съ злорадствомъ видѣть свою побѣду, праздновать начало торжества. И какъ много этихъ враговъ, какъ обильны притонныя ихъ мѣста! Нескончаемые дремучіе лѣса, „долгія нивы и поля“, воды въ-рѣзь-край береговъ, необозримыя болотины, овражныя пропасти, горныя выси—сколько тутъ простора незримому врагу! А между тѣмъ волей-неволей давній человѣкъ принужденъ былъ вѣдаться съ такими мѣстами, идти, такъ сказать, въ руки враговъ. Если же онъ изловчался уходить отъ нихъ въ столь пагубныхъ мѣстахъ, то можно ли было ручаться за безопасность въ собственномъ домѣ, вокругъ да около него?

Протекли многія десятилѣтія, въ теченіе которыхъ одни дѣды смѣнились другими: топоръ да пила скосили дремучіе лѣса, или разрѣдили лѣсныя пространства—и въ нихъ все слабѣе

и слабѣе стали раздаваться вражескіе переклики, пропало здѣсь давнее приволье, позволявшее врагу ходить по-на-лѣсью, а внизу, у ногъ своихъ, заваживать жертву до потери силъ, до смерти; старинныя „долгія нивы“ измельчали, превратились въ пашенные „шнуры“ шириною не болѣе простой бороны, или въ прыжокъ дюжаго молодца, а „долгія поля“ застроились усадьбами такъ густо, что жильцы, пожалуй, свободно могутъ переговариваться со своихъ дворовъ, или же эти поля прорѣзались сохами, вслѣдъ за которыми и посыпаются благословеннымъ зерномъ, это же послѣднее вручается полю и отбирается отъ него то съ молитвенными, то съ пѣсенными возгласами мирныхъ людей; изъ пустынныхъ когда-то водъ почти не выходитъ неводъ корыстолюбивыхъ рыболововъ, уже не первый десятокъ лѣтъ сѣтующихъ на обмелѣніе этихъ водъ и бѣдную поимку рыбы; сродное корыстолюбіе прорѣзало каналами грозныя болотины, превративъ ихъ въ пашни и луга, даже поселки, съ которыхъ, въ свою очередь, уже раздаются мирные людскіе возгласы, при мирномъ веденіи житейскихъ дѣлъ; чрезъ овражныя пропасти перетянулись полотна подъ шоссе и рельсы, повисли мосты, и по нимъ ежедневно движутся туда и сюда сотни людей, безстрашно тащатся предметы ихъ обиходности, перемѣщаются плоды промышленной и торговой наживы; что же касается горныхъ высей, то одна часть ихъ срѣзана дорожниками, при проведеніи полотна, или для той же цѣли просверлена насквозь, а другая густо окружена людскими поселеніями, вдоль и поперекъ протоптана безстрашными прохожими—и отсюда уже раздадутся развѣ призывные, распорядительные людскіе голоса, веселыя пѣсни молодежи... Въ всемъ этомъ ярко свѣтится пріобрѣтенное умѣнье не только не страшиться незримаго врага, выживать его изъ насиженныхъ мѣстъ, но и губить его окончательно, или же устраиваться такъ, чтобы съ презрѣніемъ смотрѣть на козни и навѣты того же врага.

Пересиливъ исконнаго врага, смѣлый внукъ уже не страшится подлиннаго вражескаго имени, а произноситъ таковое и

въ дѣловой рѣчи, и въ шутливой бесѣдѣ, и въ брани, вовсе не желая знать, прибудетъ, или не прибудетъ врагъ на зовъ, не страшась и послѣдствій незримаго прибытія его,—что́ такъ непохоже на положеніе дѣдовъ. Бѣдняги по скорбному опыту знали, что „бѣсъ легокъ на поминъ“, не заставитъ призывать себя вторично, и что „съ чертомъ—не съ своимъ братомъ“, а потому всемѣрно обходили даже думу о немъ („задумалъ мужикъ брагу варить, а уже чертъ съ чаркой стоитъ“,—помнилось имъ), открещивались и отплевывлались при чужомъ или собственномъ поминѣ чертовскаго имени, при выслушиваніи повѣсти о бѣсовствѣ, а при крупной необходимости чертыхнуть, взамѣнъ подлинныхъ бѣсовскихъ именъ, употребляли иносказанія: „ёнъ, той-самый, ётый-што, пога́никъ, проклятикъ, рогатикъ, красавецъ хвостатый“ и проч. Если же такъ осторожно произносилось одно имя незримаго вра́га изъ опасенія, что онъ немедленно прибудетъ на зовъ и бѣдъ надѣлаетъ, то каково приходилось старикамъ, когда тотъ же врагъ незримо или о́бразно приставалъ къ нимъ, становился поперекъ ихъ дѣлъ и намѣреній, и когда необходимо было ограждать себя всюду и всегда?!...

Но тутъ лучше всего прослушать дѣдовскую повѣсть о сихъ врагахъ, составленную изъ сказаній о нечистой силѣ. Преемственною передачею отъ дѣдовъ и отцовъ эта повѣсть сообщалась дѣтямъ и внукамъ, принималась сими послѣдними на вѣру, какъ выходящая изъ авторитетныхъ устъ старшихъ, какъ наука и предупрежденіе младшимъ. Стоя отдѣльно отъ библейскихъ и вообще религіозныхъ сказаній, предлагаемая повѣсть сложена изъ сводныхъ сказаній простонародья о нечистикахъ и передаетъ типичныя особенности разнообразныхъ представителей—внѣшній и внутренній складъ, образъ жизни, странности и привычки, отношеніе къ людямъ и собратьямъ, родъ дѣятельности, мѣсто и время послѣдней, при чемъ она даетъ разграниченіе нечистиковъ по тремъ категоріямъ. Къ первой отнесены повсюдные, вольные нечистики, ко второй—человѣкоподобники, прикованные дѣятельностью къ опредѣленному мѣсту, и къ третьей—демоно-

подобники. Предварительно же повѣсти о каждомъ нечистикѣ порознь слѣдуетъ общее сказаніе о нихъ, суммирующее простонародныя свѣдѣнія о нечистой силѣ.

Передавая исключительно устныя простонародныя сказанія о нечистикахъ, состоя въ связи съ данными „Примѣтъ и повѣрій“ (Витебскъ, 1897 г.), повѣсть не вторитъ сихъ данныхъ и только въ немногихъ случаяхъ ограничивается легкимъ поминомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ существенныхъ дополненіяхъ къ повѣсти. Благодаря же своему характеру (сводъ сказаній), она лишена топографическихъ показателей, которыми остается считать всю область не разъ упомянутой Витебской Бѣлоруссіи.

5 мая 1898 года.
Витебскъ.

А. Общее о нечистикахъ.

Измельчавшій пынѣ будничный возгласъ: „одно слово— бѣсъ!“ суммируетъ дѣянія и особенности нечистой силы, по своему свойству, носящія отрицательную окраску. Совмѣщающій въ себѣ источникъ зла, сѣятель его въ мірѣ, завистникъ добра, есть существо, первымъ понесшее Божественное отверженіе и проклятіе: съ тѣхъ поръ это существо, „исчадье грязи и огня“, окруженное „смѣшеніемъ дня со тьмою“, уже не знаетъ добра, не стремится къ нему, а гдѣ и какъ можетъ, останавливаетъ и стороннее къ нему теченіе. Извращенность натуры, личное ослѣпленіе, или же нравственное рабство, могутъ, пожалуй, заставить иныхъ людей видѣть въ бѣсовскихъ дѣяніяхъ выраженіе добра, теченіе къ нему; но если вѣрно, что и людское добродѣяніе, съ его чистымъ источникомъ, забывается скорѣе злодѣянія, такъ-какъ оно не призываетъ къ борьбѣ и дается легче, чѣмъ побѣда и торжество надъ послѣднимъ, то и бѣсовское добродѣяніе, непродолжительное, непрочное въ силу отрицательныхъ свойствъ своихъ, помнится еще меньше. Остаются незабываемыми только чистыя дѣянія бѣсовской силы, какъ вызывающія борьбу и страданія, а потому эти дѣянія знакомѣе дѣяній противоположнаго строя.

Какъ духи, нечистики не подлежатъ пріуроченію къ мѣсту, неуловимы для матеріальнаго измѣренія и описанія. Если человѣческія свѣдѣнія о нихъ не лишены кажущейся полноты, то не слѣдуетъ забывать, что такія свѣдѣнія основаны на незримомъ

воздѣйствіи бѣсовской силы и лишь—на мимолетныхъ воплощеніяхъ нечистиковъ, кстати, неустойчивыхъ въ срокѣ и проявленіи матеріальнаго образа. Что́ на предметъ демоновѣдѣнія достигнуто доселѣ изъ разбросанныхъ свѣдѣній о нечистикахъ, то́ едва ли можетъ быть пополнено впредь, тѣмъ болѣе, что, при возрастающемъ людскомъ желаніи постигнуть тайну бѣсовскаго бытія, нечистики принуждены укрывать эту тайну, дабы оставаться неуловимыми попрежнему. Такимъ образомъ послѣдующая повѣсть о нечистикахъ слагается изъ разъединенныхъ свѣдѣній о нихъ, скопленныхъ раньше и воспринятыхъ по указанному выше преемству.

Прежде всего въ нечистикахъ недостаетъ не только вездѣсущія, но и *одновременнаго пребыванія* въ двухъ пунктахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на девять шаговъ. Если нечистикъ появляется тамъ и здѣсь, въ разъединенныхъ мѣстахъ, то въ семъ сказывается лишь духотворческая способность къ болѣе быстрому, чѣмъ мгновеніе ока, перемѣщенію, которое одинаково продолжительно и на трехъ шагахъ, и на трехъ тысячахъ верстъ, и только перемѣщеніе на востокъ, да отчасти на югъ, проходитъ медленнѣе, собственно потому, что нечистикъ не можетъ смотрѣть въ лицо поднимающемуся солнцу. Одна мысль можетъ нѣсколько опережать указанное перемѣщеніе, не измѣняющееся и въ томъ случаѣ, когда нечистикъ движется съ невещественнымъ предметомъ, какъ, напр., грѣшною душою. Въ остальныхъ случаяхъ быстрота перемѣщенія зависитъ отъ принятаго нечистикомъ образа и отъ особенностей матеріальной ноши: уже неодушевленные предметы значительно теряютъ свой видъ и свойства при быстромъ перемѣщеніи, а живыя, тѣлесныя существа, разумѣется, не выдерживаютъ его.

Преимущественный путь перемѣщенія есть воздушный и надъ водою, потому что здѣсь нечистикъ не можетъ натолкнуться на какой-нибудь освященный предметъ,—что, какъ извѣстно, причиняетъ непонятную при людскихъ страданіяхъ боль, далеко превосходящую обжогъ пламенемъ, каплею кипящей смолы, сѣр-

ной кислоты и проч. По той же причинѣ земныя перемѣщенія нечистиковъ медленнѣе воздушныхъ.

Среди множества мѣстъ на землѣ, какъ и въ близкомъ къ ней воздушномъ пространствѣ, нечистики не останавливаются на льнищѣ, конопляникѣ и на пшеничной полосѣ: на первыхъ двухъ вырастаютъ предметы, производящіе масло—приправу къ постнымъ кушапьямъ и за нужду идущее на освѣтительныя надобности, а на второмъ—матеріалъ для изготовленія просфоръ. Кромѣ того нечистики избѣгаютъ водовмѣстилищъ, гдѣ недавно освящена вода, стоятъ вербы, съ которыхъ отламывались вѣтки для освященія,—остатковъ, даже сродичей травы и цвѣтовъ, освященныхъ въ Ивановъ день, пока сродичи не будутъ побиты морозомъ, хотя и безнаказанно проносятся надъ всѣми этими предметами въ высотѣ, гдѣ не достаетъ ружейная пуля. Совершенно другое, когда попутно расположена церковь, каплица, „Божья нива“ (кладбище), придорожный, или полевой крестъ, или-же движется процессія: не только проноситься надъ ними, но и переступать пограничной черты ни на какой высотѣ нельзя—и нечистики неизбѣжно должны дѣлать обходные крюки. Если въ сихъ мѣстахъ ютится подходящая жертва, то на нее приходится оказывать воздѣйствіе издали,—что теряетъ долю преуспѣянія. Кстати дополнить, что, какъ здѣсь, такъ и при другихъ случаяхъ, нечистики подступаютъ къ жертвѣ и помѣщаются при ней съ сѣверной стороны; въ ту же сторону они отступаютъ прочь. Исключеніемъ можно считать развѣ лицъ, ходящихъ по богомольнымъ мѣстамъ: нечистики подступаютъ къ такимъ лицамъ съ произвольной стороны; не касаясь жертвы, кружатся около нея, точно нитка при наматываніи на клубокъ, и этимъ движеніемъ незримо опутываютъ ее, до тѣхъ поръ, пока жертва самолично не осквернитъ предметовъ, вынесенныхъ изъ богомольныхъ мѣстъ, и тѣмъ не обезвредитъ доступа къ себѣ нечистиковъ. Разъ это достигнуто—начинается полная гибель жертвы, которая уже опутывается вперекрестную.

По другимъ сказаніямъ, нечистики не только входятъ въ

упомянутыя мѣста, но даже уносятъ отсюда нѣкоторые освященные предметы, для помѣщенія ихъ въ домѣ своего ненавистника, когда необходимо опозорить его въ святотатствѣ. Ради послѣдней службы имѣются особи, продолжительнымъ сношеніемъ съ людьми значительно омірянившіяся, понесшія на себѣ не одну бѣсовскую, какъ и людскую кару, и, какъ видно будетъ ниже, исполняющія въ бѣсовскомъ мірѣ роль палачей при расправахъ съ нечистиками. Но при такомъ случаѣ нечистики пользуются не обычными людскими входами, чрезъ которые возможно перенесеніе святыни, а щелями, отверстіями и скважинами, соблюдая неизмѣнный бѣсовскій пріемъ—выйти тѣмъ же путемъ, какимъ вошелъ.

У нечистиковъ *нѣтъ всевѣдѣнія*, которое замѣняется у нихъ высшею степенью прозорливости, глубокимъ и всесторонпимъ знаніемъ человѣческой натуры. Но и о прозорливости нечистиковъ передается не мало преувеличеннаго, при чемъ существенною ошибкою нужно считать увѣреніе, будто они предвидятъ мысли и дѣянія людскія изъ какой угодно дали; если же нечистикъ во время и кстати попадаетъ къ худой мысли и дѣянію, такъ единственно благодаря бѣсовской юркости, метанію съ мѣста на мѣсто, выраженному словами текста: „искій кого поглотити“. Становясь лицомъ къ лицу съ подходящею жертвою, читая въ мелочахъ ея прошедшее и настоящее, нечистикъ не можетъ основательно заглянуть въ ея будущее, предрѣшить исхода своихъ по отношенію къ ней дѣяній. Послѣдствіемъ сего бываетъ далеко не единичный просакъ, при чемъ нечистикъ позволяетъ перехитрить себя весьма заурядному проходимцу изъ людей. Да будь иначе, не существовало бы оплошныхъ нечистиковъ, какъ извѣстно, подвергающихся сатанинскимъ расправамъ, не было бы и частой гибели или увѣчья особей, про что такъ много повѣствуется въ сказаніяхъ о бѣсовской силѣ; не было бы и спасающихся отъ бѣсовскихъ навожденій, которымъ, сверхъ противопоставленія сторонней помощи, личной воли жертвы, много помогаетъ именно недостаточная прозорливость нечистиковъ.

Утверждаютъ, что „одинъ бѣсъ стóитъ легіона самыхъ ядовитыхъ змѣй“. Казалось бы, что для исполненія бѣсовскихъ обязанностей такой мощи достаточно, и съ нею можно вести крупныя сатанинскія дѣла. На самомъ дѣлѣ бѣсовское *могущество и ловкость не такъ велики*,—что познается изъ дѣлъ ихъ и, особенно, изъ дѣлъ бѣсовскихъ ставленниковъ—вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, изъ которыхъ одни слабѣе, другіе сильнѣе прочихъ, смотря по тому, отъ какого бѣса воспринята ставленникомъ демоническая наука: старъ и многоопытенъ руководитель—онъ воспитаетъ достойнаго ставленника, и наоборотъ. Посему бѣсовскій скопъ не всегда полагается на единоличную дѣятельность даже испытаннаго товарища своего, а учреждаетъ сотрудника—шпіона, если только не найдется доброохочаго на сей предметъ помощника. Правда, въ семъ послѣднемъ можетъ быть и настоятельная надобность, ввиду сопротивленія жертвы, особенной цѣнности ея; но дѣйствующій и его приставникъ достаточно знаютъ роли другъ друга и не тяготятся контролемъ. Извѣстно, напр., что въ качествѣ неослабнаго блюстителя за жизнью и поведеніемъ отдѣльнаго человѣка при послѣднемъ состоитъ приставникъ, демоническій хранитель; но тутъ же, помимо случайныхъ искателей приключеній, въ любой срокъ шпіонитъ другой приставникъ, одинаково слѣдящій и за собратомъ, и за человѣкомъ, въ свою очередь, вредя послѣднему. Въ отдѣльныхъ случаяхъ бѣсовскій контролеръ обзаводится по сосѣдству усадьбою, строится, хозяйничаетъ, подобно человѣку. Какое жалкое, непутевое хозяйство! На поверхностный взглядъ оно богато и возбуждаетъ зависть; но образъ и плоды его вредоносны на далекую окружницу, губятъ и соприкасающееся съ нимъ, настоящее матеріальное довольство. Впрочемъ, въ семъ случаѣ контролеръ весьма скоро начинаетъ скучать за святымъ людскимъ занятіемъ—и въ одно прекрасное утро на мѣстѣ роскошной вчера усадьбы окрестное населеніе видитъ пустырь, поросшій недоброкачественною травою; это значитъ—нечистикъ сбѣжалъ.

Пока бѣсъ не принялъ вещественнаго обряда, незримое

присутствіе его дается лишь демоноподобникамъ; остальными людьми оно опредѣляется по слѣдующимъ приблизительнымъ даннымъ: у человѣка внезапно пропадаетъ молитвенное настроеніе, а начатая молитва не выливается изъ устъ, слова ея путаются, вокругъ слышится особенный звукъ—смѣшеніе вопля, стона и свиста; какъ и при воплощеніи, обоняется ни съ чѣмъ земнымъ несравнимый запахъ не то больного пота, не то смрада отъ начавшагося разлагаться трупа, и этого запаха нельзя назвать особенно приторнымъ, хотя въ немъ нѣтъ и ласкающаго; наиболѣе чистыя животныя поднимаютъ безпричинную тревогу, при которой движенія однихъ становятся неожиданно грознѣе, другихъ—ласковѣе; наконецъ, и всѣ ближайшіе предметы мгновенно пріобрѣтаютъ несродную окраску, мелькаютъ передъ глазами. Правда, все это, особенно—послѣднее, бываетъ и при появленіи воплощеннаго бѣса, только видится оно слабѣе, такъ какъ представшій нечистикъ сосредоточиваетъ вниманіе уже на себѣ.

Останавливаясь на бѣсовскомъ *воплощеніи*, т. е. принятіи матеріальнаго вида, прежде всего приходится напомнить, что, какъ нѣтъ въ мірѣ безусловныхъ двойниковъ, такъ нѣтъ и двухъ тождественныхъ воплощеній одного и того же бѣса: пусть онъ появляется передъ человѣкомъ десятки разъ какою-нибудь кошкою, послѣдняя каждый разъ будетъ имѣть видимыя уклоненія отъ предыдущихъ образовъ, а скрытыя—и подавно; только демоноподобники видятъ относительную устойчивость бѣсовскаго воплощенія. Вслѣдъ затѣмъ приходится напомнить, что трудно подыскать такіе земные предметы, образа которыхъ не въ состояніи былъ бы принять воплощающійся бѣсъ. Такъ, воплощаясь въ человѣкоподобное существо, онъ предстаетъ въ видѣ профессіональнаго лица, начиная отъ аскета и кончая новорожденнымъ младенцемъ,—предстаетъ давно умершимъ родственникомъ, обольстительнымъ красавцемъ, красавицею, щедрымъ богачомъ, приниженнымъ нищенкою, смотря по бѣсовской надобности, или по думѣ и мечтѣ человѣка. Когда бѣсъ воплотился въ животное, таковое предстаетъ то грознымъ звѣремъ, то ласковою птицею,

то рыбою, или безразличнымъ насѣкомымъ,—опять же примѣнительно къ бѣсовской надобности, по думѣ и мечтѣ человѣка. Блуждающіе огоньки, деревья, кусты, отдѣльныя былинки, камни, водовмѣстилища, водяныя капли, мелкія соринки и другіе неодушевленные предметы, въ свою очередь, служатъ объектами бѣсовскаго воплощенія, при чемъ, подобно тому, какъ воплотившійся бѣсъ не можетъ удалить типичныхъ особенностей бѣсовства (рога, хвостъ, клыки, когти, копыта), точно такъ же онъ не можетъ перемѣнить сущности неодушевленныхъ предметовъ, въ которые вошелъ: дерево, камень, вода остаются съ присущими имъ особенностями, и только бѣсовскій „чмуръ“ можетъ, напр., казать воду за камень,—что составляетъ лишь оптическій обманъ.

Какъ ни опредѣленны предметы при ростовомъ ихъ измѣреніи, но если въ нихъ воплотился нечистикъ, измѣреніе теряетъ устои: сію минуту они были данной величины, а при повторительномъ измѣреніи величина или уменьшилась, или возвысилась. Кромѣ того, одинъ и тотъ же предметъ кажетъ великана, посредственность и минимальный образъ свой: первостепенная мачта, умаляясь, моментально достигаетъ объема волоса, и наоборотъ.

Но увеличится ли образный предметъ до исполинской неузнаваемости, уменьшится ли онъ до потери вида, воплотившемуся бѣсу никогда не удается скрыть своихъ каинскихъ знаковъ—роговъ, хвоста, клыковъ, когтей, копытъ. Эти неумолимые знаки высовываются изъ-подъ дорогого цилиндра, роскошной шинели, густыхъ усовъ и бакенбардъ, нѣжныхъ перчатокъ и обуви, такъ же, какъ моментально вѣнчаютъ ничтожный волосной остатокъ, если только имъ сталъ нечистикъ. Кромѣ того, при человѣкоподобномъ, напр., воплощеніи, ему не удается скрыть и второстепенныхъ особенностей своего существа—темноты кожи, нестройности формъ, при чемъ на спинѣ, икрахъ и предплечіяхъ не будетъ мышцъ; не удается скрыть короткой свиноподобной, рѣдкой шерсти, крючковатаго носа, черныхъ съ фосфо-

рическимъ блескомъ глазъ, выпяченнаго впередъ подбородка, на которомъ уродливо торчитъ черная бороденка; наконецъ, не удается скрыть особенныхъ, какъ у летучей мыши, когтей на локтяхъ и колѣняхъ. Становясь скотоподобникомъ, бѣсъ снова не улаживается съ типичными уклоненіями: свинья напр., получаетъ собачьи, или куриныя ноги, козьи рога, морду бегемота, лошадиную гриву; козелъ—собачьи когти, кошачьи усы, коровій хвостъ, съ пучкомъ волосъ на концѣ. Въ концѣ концовъ воплощенному бѣсу ничѣмъ нельзя удалить несноснаго одуряющаго запаха, которой выходитъ у него одинаково и изо рта человѣка, и изъ пасти животнаго, и изъ клюва птицы.

Разумѣется, что нечистикъ немедленно узнается демоноподобниками; во всякомъ образѣ ошибаться, и то въ первое мгновеніе, могутъ развѣ престарѣлыя особи. Но если бы и заурядный человѣкъ внимательнѣе присмотрѣлся къ воплощеннику, то и онъ весьма скоро распозналъ бы нечистика; къ сожалѣнію, такой бѣсъ неожиданнымъ появленіемъ, а въ особенности—подпущеннымъ „чмуромъ“ отвлекаетъ вниманіе отъ присущихъ ему особенностей—и заблужденіе раскрывается нѣсколько позже, когда бѣсъ достигнулъ намѣченной цѣли. Изъ многочисленныхъ сказаній объ этомъ стоитъ припомнить, какъ, напр., проданная на базарѣ овца встрѣтилась съ возвращающимся домой хозяиномъ, жалобно заблеяла и была обласкана, но тутъ же она адски захохотала и скрылась;—какъ борзая собака, приласканная недальновиднымъ встрѣчникомъ, укусила и лягнула послѣдняго, при чемъ, вмѣсто лапъ, онъ увидѣлъ копыта;—какъ нѣчто сродное повторилось съ найденными на дорогѣ козленкомъ, черною курицею, или клубкомъ нитокъ: козленокъ запѣлъ пѣтухомъ, курица заржала по-лошадиному, а клубокъ выпалъ изъ кармана—и всѣ они съ несродными звуками, дикимъ хохотомъ бросились прочь отъ находчика.

Хотя нечистикамъ и выгоднѣе воплощаться одушевленными предметами, чѣмъ неодушевленными, однако, въ первомъ случаѣ, они подвергаются опасности, а именно: къ воплощеннику легко

можетъ подкрасться волкъ и безнаказанно сожрать его—погубить навсегда. Но есть животныя, которыми никогда не воплощаются нечистики: это—коровы, овцы, пѣтухи, дикіе и домашніе голуби и пѣвчія птички, за исключеніемъ иволги. Изъ растительныхъ предметовъ они не воплощаются въ вербы и въ такія травы данной мѣстности, которыя подлежали освященію.

Когда нечистикъ воплотился въ одушевленный предметъ, то и скорость перемѣщенія его будетъ приближаться къ наивысшей скорости движенія этого существа. Такъ, онъ бѣжитъ съ быстротою волка, лисицы, зайца, летитъ плавнымъ полетомъ журавля, нырками вороны, или плетется тихоходнымъ движеніемъ лягушки, улитки, гусеницы. Въ свою очередь, скорость передвиженія пушинки, соринки, листка, водянаго пузыря, плывущей щепочки, въ кои преобразился нечистикъ, зависитъ отъ стихійнаго воздѣйствія на эти предметы, но не отъ воли воплощенника, который можетъ вызвать развѣ высшую степень стихійнаго воздѣйствія. Вообще же нечистики прибѣгаютъ къ принятію матеріальнаго вида несовсѣмъ охотно, по необходимости, и въ большинствѣ обращаются въ летающіе предметы: всякое воплощеніе вызываетъ мгновенное, правда, но мучительное для бѣсовскаго существа напряженіе силъ, приравниваемое къ животной линькѣ, родильному процессу; если же нечистикъ принужденъ выдержать безостановочно нѣсколько воплощеній сряду, то онъ начинаетъ уже чувствовать изнеможеніе, мгновенно пропадающее послѣ превращеній. Тогда, какъ бы для отдыха, нечистикъ присѣдаетъ на движущійся предметъ: послѣдній сразу же пріобрѣтаетъ удвоенную скорость, при чемъ живой предметъ надрываетъ силы, неодушевленный обязательно попадаетъ въ непотребное мѣсто—оба такъ или иначе гибнутъ.

Какъ ни способствуетъ человѣческой гибели присѣсть нечистика на нѣкоторые предметы, но если они прямо или косвенно, быть можетъ, и въ отдаленное время знаменовались крестомъ, окроплялись освященною водою, нечистикъ не присядетъ на такой предметъ. Казалось бы, что базарный хлѣбъ,

мясо и другіе предметы потребленія, полученные изъ рукъ некрещенниковъ, какъ и сомнительныхъ христіанъ—вполнѣ удобные проводники нечистиковъ внутрь человѣка. Но вѣдь извѣстно, что зерно, напр., давшее муку для такого хлѣба, въ своэ время освящалось, знаменалось крестомъ при засѣвѣ, молотьбѣ, отпускѣ на продажу; то же своевременно выдерживало и животное, мясо котораго пріобрѣтено отъ некрещенника: при рожденіи оно посыпалось освященною солью, знаменалось крестомъ, окроплялось освященною водою, обжигалось громничною свѣчою, хлесталось вербою, благословлялось при отпускѣ на продажу. Всевозможные плоды, садовые и огородные, есть произведенія предметовъ, при посадкѣ или посѣвѣ которыхъ опять же положено было крестное знаменіе.

Принимая человѣкоподобный образъ, нечистикъ носитъ одежду нѣмецкаго покроя—тѣсную курточку, узкіе панталоны, башмаки съ высокими каблуками и обязательно—шляпу. Послѣдняя можетъ укрывать обликъ нечистика. Когда то́ нужно, онъ облачается въ заурядную крестьянскую или мѣщанскую одежду, но, за исключеніемъ воплощенія въ женщину, нечистикъ никогда не одѣвается въ женскія одежды, какъ не любитъ сатанить и самой женщины: можно утверждать, что изъ любой супружеской четы бѣсъ предпочтетъ изведеніе мужа, вслѣдъ за которымъ жена придетъ сама собою къ предначертанной гибели.

Бѣсовское воздѣйствіе на человѣка совершается разнообразными путями, при всякомъ скользкомъ положеніи жертвы: мелькнетъ недостойная дума, налетитъ такое же желаніе—бѣсъ у жертвы (неизмѣнно съ лѣвой стороны), вторитъ мысль и желаніе, развиваетъ таковыя, рисуетъ заманчивое продолженіе и конецъ ихъ. Такое воздѣйствіе, съ присоединеніемъ „чмура“, извѣстно подъ именемъ *навожденія*, которые кстати, сильнѣе отъ полдня до полночи, почему и самое время это можно считатъ бѣсовскимъ хозяйничаньемъ. По наслѣдству, отъ рожденія, некрещенники считаются неотъемлемыми жертвами нечистиковъ, при чемъ самыя добродѣтельныя движенія ихъ ничутъ не сму-

щаютъ „стражей зла“, и только тогда привлекаютъ бѣсовское вниманіе, когда клонятся къ выходу изъ нехристей. Одолѣла преграды личная воля некрещенника, подоспѣла помощь извнѣ и онъ ушелъ отъ враговъ—измѣннику мститъ цѣлый бѣсовскій скопъ, и рѣдко случается, что онъ не доводитъ жертвы до гибели, а себѣ не доставитъ сугубаго торжества.

Такимъ образомъ бѣсовская дѣятельность существенно направляется противъ преемственныхъ христіанъ („кристянъ“). Уже утробное дитя—не безъ вниманія „стражей зла“; это вниманіе усиливается съ момента появленія его на свѣтъ, растетъ до окрещенія, нѣсколько ослабѣваетъ во дни младенчества, снова растетъ параллельно росту дѣтскаго кругозора, доходитъ до высшаго напряженія въ пору юности и слабѣетъ съ оформленіемъ душевнаго склада—съ образованіемъ характера, если только послѣдній сложился въ неблагопріятную для бѣсовства сторону. Хотя бѣсовская догма и призываетъ къ возможно большей погибели человѣческихъ душъ, однако, бѣсы менѣе гоняются за скудоумниками, подростками,—за что и почетъ не великъ,— а всѣ усилія направляютъ на зрѣлаго человѣка, на зрѣлый характеръ. Тутъ прежде всего, дѣлаются навожденія, а потомъ и подшучиванья бѣсовъ.

Навожденіе на грѣховные помыслы и дѣянія происходитъ двояко: путемъ незримыхъ навѣтовъ (нашептываній) и путемъ подставленія чувственныхъ предметовъ, для чего бѣсы пользуются подходящею почвою—физическимъ изнеможеніемъ, скуднымъ, запутаннымъ матеріальнымъ положеніемъ, невзгодами общественнаго и семейнаго положенія жертвы, страстями ея, между которыми наиболѣе удобною слѣдуетъ считатъ притяженіе къ рюмкѣ. Находясь въ состояніи навожденія, жертва видитъ и чинитъ буквально несообразности: разговариваетъ и бранится съ мнимымъ знакомымъ, давнимъ покойникомъ, отсутствующимъ семьяниномъ; ходитъ по полю и собираетъ ни къ чему непригодные каешки, хворостинки; подпираетъ дерево, или стѣну, точно хочетъ поддержать накренившійся возъ; подпрыгиваетъ по

воробьиному, считая себя воробьемъ, или поетъ пѣтухомъ, кудахчетъ курицею, гогочетъ и ржетъ по-лошадиному, реветъ, хрюкаетъ, лаетъ и проч., или скачетъ по болотинѣ и квакаетъ; въ стужу раздѣвается донага. лѣзетъ на первый возвышенный предметъ, какъ на банный полокъ, и тамъ хлещется рукавицею, или, точно въ лѣтнюю воду, мечется въ полынью, плаваетъ по сугробу; садится на бревно, встрѣчное полѣно и галопируетъ на нихъ до изнеможенія, а нето — отчетливо видитъ, какъ обувшись въ лапти, надѣвъ рукавицы и шапку, лягушка лѣзетъ ему въ ротъ, какъ змѣя вползаетъ и выползаетъ изъ носа, глазъ, ушей и т. под. Да и невозможно перечесть всѣхъ навожденій, клонящихся къ одновременной погибели тѣла и души человѣка!..

Съ навожденіями весьма тѣсно граничатъ бѣсовскія *подшучиванья*, по крайней мѣрѣ, цѣли послѣднихъ состоятъ въ томъ, чтобы погубить человѣка путемъ комическихъ и странныхъ положеній, въ которыя то и дѣло ставитъ жертву нечистая сила. Такъ, иной человѣкъ вдругъ очутится въ богатомъ домѣ, среди веселаго общества, ѣстъ и пьетъ что ни есть лучшее, покоится на мягкой мебели, видитъ усердный за собою уходъ, при чемъ слуги наперерывъ подчуютъ, раздѣваютъ, разуваютъ и укладываютъ спать въ мягкую постель; но лишь пропоетъ полночный пѣтухъ—обаяніе пропадаетъ: дорогой гость видитъ себя на чердакѣ, на стогу сѣна, на охапкѣ соломы, на навозной кучѣ, въ болотинѣ, на трясинѣ, на дорожной грязи... Или: нечистикъ скрадетъ, напр., какую-нибудь вещь, мечетъ ее передъ глазами пострадавшаго, дразнитъ, угрожаетъ порчею ея; но какъ-только пострадавшій произноситъ—„вѣрно, чертъ подшутилъ“, немедленно отдастъ, т. е. владѣлецъ находитъ потерю въ такомъ мѣстѣ, что и самъ дивится, какъ она туда попала. Подобныя подшучиванья чаще всего дѣлаются съ наиболѣе грѣховными предметами—табакеркою, трубкою, табачнымъ кисетомъ и рюмкою во время попойки. Бываетъ и такъ, что охотникъ стрѣляетъ въ цѣнную дичь; но потомъ уже узнаетъ, что онъ стрѣлялъ въ древесный наростъ, въ пень, въ камень, и что въ рукахъ у него

не ружье, а палка, даже—срамный предметъ... Нерѣдко случается, что человѣкъ поймаетъ встрѣчное животное, повидимому, обезсиленное голодомъ и нуждою, кормитъ, холитъ, ласкаетъ его; но, среди высшихъ проявленій ухода, животное вырываетя и убѣгаетъ прочь, при чемъ норовитъ вызвать за собою погоню, увлекая въ какое-нибудь опасное мѣсто, гдѣ съ хохотомъ и пропадаетъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ видитъ бѣсовскія подшучиванья и желаетъ освободиться отъ нихъ, ему достаточно помянуть бѣсовское имя—и посрамленный чертъ перестаетъ шутить.

Какъ очевидно, бѣсовскія подшучиванья не лишены злонамѣренности, безъ чего бѣсъ не дѣлаетъ ни одного дѣла; но есть подшучиванья завѣдомо злонамѣренныя. Такъ, онъ трясетъ домъ и другое строеніе, гдѣ человѣкъ расположился для отдыха, тормошитъ спящаго, стучитъ предметами домашней обстановки, перемѣщаетъ ихъ, зоветъ голосомъ какого-нибудь члена семьи, чтобы заставить напрасно откликнуться, пойти на зовъ, или приневоливаетъ во время отдыха отлеживать руку, ногу. Весьма много страдаютъ отъ такихъ подшучиваній ружейные охотники и рыболовы: у первыхъ онъ уноситъ изъ ружья или полный зарядъ, или только пулю да дробь, или же направляетъ зарядъ въ неожиданную для охотника сторону; у вторыхъ гноитъ сѣти, скрадываетъ грузила и плавки, или же подставляетъ зацѣпы при самой рыболовлѣ.

Впрочемъ, на многія бѣсовскія подшучиванья въ домѣ нужно смотрѣть, какъ на гнѣвныя движенія домового, хлѣвника, гуменника и другихъ человѣкоподобниковъ, ютящихся въ усадьбѣ, которыхъ посему и необходимо умиротворять.

О *размноженіи* и необычайной плодовитости вольныхъ нечистиковъ существуетъ множество поражающихъ, часто комическихъ сказаній. Изъ нихъ видно, напр., что и самомалѣйшее прикосновеніе черта къ чертовкѣ тутъ же даетъ чертенка; но если бѣсовская чета вошла въ воду, въ болото, да взялась за руки—изъ-промежъ рукъ начинаютъ шлепаться чертята, кото-

рыхъ въ четверть часа можетъ появиться добрая сотня. Получаются чистокровные вольные нечистики, немедленно готовые къ бѣсовской дѣятельности; для развода ихъ только и нужна чертовка. Въ остальномъ она—какое-то бесцвѣтное существо, не знающее бѣсовской дѣятельности, и единственный поминъ о ней связывается лишь съ актомъ бѣсорожденія. Болѣе почетный людской поминъ имѣетъ ея свекровь, или „чертова матка“, которая, вопреки бѣсовской догмѣ, любитъ людей, а нерѣдко останавливаетъ даже и сыновнія дѣянія по отношенію къ нимъ.

Не блюдя, или лучше—не вѣдаясь съ супружескою вѣрностію, нечистики не любятъ чертовокъ, которыхъ, правда, за невыразимое безобразіе и любить невозможно, а охотнѣе льнутъ къ вѣдьмамъ, отъ которыхъ, въ свою очередь, могутъ имѣть чистокровныхъ чертятъ. Но нечистики не пропускаютъ случаевъ для сношеній съ обычными женщинами, не какъ искусители, а какъ ловеласы. Послѣднее необходимо всемѣрно отстранять и осторожно обходить незнакомыхъ мужчинъ, ласкающихся животныхъ, даже бездушные, но привлекательные предметы: въ нихъ можетъ быть воплотившійся нечистикъ, которому только и нужно, чтобы жертва дотронулась до предмета—приласкала животное, взяла въ руки, положила за пазуху, или въ карманъ приманчивый предметъ. Печальными плодами такого сношенія являются бѣсоподобныя существа—съ рогами, хвостомъ, клыками, шерстью, неузнаваемыми руками и ногами, словомъ—физическіе и, неизбѣжно, нравственные уроды. Ясно, что они составляютъ особенную кару не матери и семьи только, но и цѣлой деревни. Къ счастію, эти выродки не ведутъ бѣсовскихъ дѣлъ, а иногда помогаютъ матерямъ и семьямъ противъ бѣсовскихъ злодѣяній.

Въ свою очередь, нечистики не знаютъ и родственныхъ привязанностей: сегодняшній родитель, или сынъ, завтра же, въ скопѣ другихъ бѣсовъ, жестоко и злорадно расправляются другъ съ другомъ. Если существуютъ повѣсти о бѣсовской семейной идилліи, когда бѣсъ, окруженный чертятами и чертовками, предается семейному времяпрепровожденію, такъ тутъ-же передается,

что такія дѣянія ни больше, какъ каррикатурное воспроизведеніе людскихъ, пародія и осмѣяніе семейной идилліи людей.

Въ дальнѣйшихъ сказаніяхъ о бѣсовской *общественной жизни* видится та же пародія на людскую общественную жизнь. Безспорно, нечистики побаиваются другъ друга, какъ слабѣйшій сильнѣйшаго; но они все-таки не избѣгаютъ бѣсовскихъ скопищъ, ищутъ общества. Исключеніе могутъ составлять немногія о́особи, съ отшельническимъ складомъ, при чемъ и они не выдерживаютъ безусловнаго одиночества. Сверхъ чисто бѣсовскихъ занятій, обсужденія бѣсовскихъ дѣлъ, нечистики развлекаются на сборищахъ шутками, играми, плясками, бьются на кулачки, бодаются, лягаютъ другъ друга и проч. Съ человѣческой точки зрѣнія все это разнузданно и цинично: изысканная, грубая брань во всякой рѣчи смѣняетъ ласковыя слова только для того, чтобы осмѣять понятіе добра и добрыхъ порывовъ. Нечистики даже бываютъ въ гостяхъ и на пирушкахъ другъ у друга; но что это за пирушки! Вмѣсто водки тутъ пьется человѣческая кровь, на жаркое идетъ человѣческое мясо, при чемъ непотребныя и срамныя части тѣла смакуются, какъ лакомства! . . Бѣсовское глумленіе не покидаетъ и разныхъ требъ: такъ, между прочимъ, они притворно убиваются надъ мнимо-умершимъ, погребаютъ его и тутъ же съ сатанинскою спѣшностью начинаютъ справлять его свадьбу, которая, какъ выше замѣчено, ничѣмъ не вызывается, потому что ни для рожденія, ни для воспитанія чертятъ не требуется бѣсовской четы. Замѣчательно, однако, что для вящшаго свадебнаго торжества и самыя стихіи приходятъ на помощь: дождь, слякоть и вѣтеръ, переходящій въ жестокій вихрь и ураганъ, сопровождаютъ свадебное бѣсовское движеніе, при чемъ, по степени стихійныхъ проявленій, можно опредѣлить и степень ранговаго положенія брачущагося нечистика, такъ-какъ свадьба захудальца мчится въ простомъ легкомъ вихрѣ, первостатейника — въ ураганѣ. Люди научились губить бѣсовскую свадьбу, внезапно подставляя подъ узелъ вихря крестообразно сложенные ножи, или другіе рѣжущіе, колющіе предметы: сва-

дебные поѣзжане внезапно наѣзжаютъ на эти предметы, рѣжутся или колются ими и гибнутъ, видимымъ доказательствомъ чего служитъ остающаяся на предметахъ кровь. Нѣтъ крови—свадьба проскользнула, или въ вихрѣ не было нечистиковъ.

Излюбленными *мѣстами бѣсовскихъ сборищъ*, какъ и одиночныхъ шатаній, слѣдуетъ считать: пустоши, оставленныя селища, старыя, полуразрушенныя строенія, мельницы, преимущественно, вѣтряныя, мѣста самоубійствъ, овраги и вообще мѣста, куда рѣдко ступаетъ нога человѣка и куда давно не заносился освященный предметъ, а изъ бойкихъ мѣстъ—извѣстныя „ро́стыньки“ (перекрестки). Много ихъ ютится въ разныхъ водовмѣстилищахъ, откуда, однако, они стремительно выпрыгиваютъ при каждомъ здѣсь водосвятіи, садятся на ближайшіе предметы—деревья, камни, бугорки—и горько плачутъ по оставленному мѣсту. Тутъ зимою они выжидаютъ бабъ, приходящихъ колотить бѣлье, а лѣтомъ—первыхъ купальщиковъ: лишь только раздаются первые удары валька о ледъ, или купальщикъ вступитъ въ воду—туда же радостно впрыгиваютъ и нечистики. Не случись того или другого въ теченіе года—нечистики такъ и просидятъ на окрестныхъ предметахъ цѣлый годъ, пока не изберутъ новыхъ мѣстъ.

По другимъ сказаніямъ, нечистики не входятъ въ оставленныя водовмѣстилища лишь отъ Крещенія до Купальской полночи, сходятся даже на вербы, въ промежутокъ времени отъ Крещенья до Вербнаго воскресенья, и на однолѣтнія растенія (травы и цвѣты), послѣ того, какъ они будутъ повреждены морозомъ.

Что же касается *времени бѣсовскихъ сборищъ*, то оно тщательно скрывается отъ людей. Однако, извѣстно, что изъ зимнихъ дней масляница есть непремѣнный сборищный бѣсовскій праздникъ,—что нечистики чаще собираются весною, во время морозовъ, когда имъ живется несовсѣмъ хорошо, и шатаются они больше въ одиночку, рыская по оледенѣлымъ полямъ и дорогимъ, да „подувая въ кулаки“. Плодомъ послѣдняго и въ цѣляхъ вреда людямъ бываютъ грозныя мятели со всѣми разновидностями

ихъ, тамъ и здѣсь слышится свистъ и скрипъ движущагося по мерзлому снѣгу нечистика. Тѣмъ не менѣе, въ періодъ людскихъ свадебъ (мясоѣдъ отъ Рождества до масляницы), нечистики справляютъ собственныя,—о чемъ можно судить по бурнымъ въ это время вьюгамъ. Что всего тягостнѣе для нечистиковъ зимою, такъ это—трудный доступъ въ человѣческіе дома: послѣдніе чаще окуриваются ладономъ, окропляются освященною водою въ Крещенье и при вносѣ въ хату новорожденныхъ животныхъ, знаменуются освященнымъ мѣломъ; чаще здѣсь группируется семья для молитвенныхъ возношеній, справляются поминальныя съ молитвами праздненства; трудно тогда нечистникамъ пробраться и въ дома некрещенниковъ, потому что эти дома и безъ того переполнены нечистиками. Но не лучше и въ открытыхъ мѣстахъ: путевой или рабочій человѣкъ тутъ не застаивается понапрасну, а прикончивъ дѣло, спѣшитъ домой.

Къ слову о мѣстѣ и времени бѣсовскихъ сборищъ остается присовокупить, что сроки ихъ длятся всю ночь, отъ полныхъ сумерекъ до начала разсвѣта; но вредоносные находы на человѣка опасны и дѣйственны только „до пѣтуховъ“.

Утверждаютъ, что „у чертей работы много, и усталость незнакома имъ“: прикончивъ одну работу, обыкновенно состоящую въ простомъ и косвенномъ вредѣ человѣку, нечистикъ спѣшитъ къ другой, третьей, и тогда только предается относительному бездѣйствію, когда нѣтъ бѣсовскаго занятія. Въ это именно время нечистики и составляютъ свои сборища, гдѣ забавляются, передаютъ другъ другу собственныя и товарищескія приключенія и, между прочимъ, чинятъ *расправы съ виновными*. Въ послѣднихъ выражается все, что можетъ придумать демоническая злоба и изобрѣтательность для наказанія простой неисправности, бездѣятельности, попустительства, даже малоопытности. Пытаніе огнемъ, сдираніе кожи, потрошенье, битье молоткомъ на наковальнѣ, сѣченье раскаленными прутьями, сплюскиваніе въ тонкій листъ, растягиванье въ тонкую проволоку, сдавливанье въ маковое зерно, разрываніе на мелкіе кусочки и т. под. истязанія длятся

часы и чередуются одно за другимъ, при адскомъ хохотѣ зрителей и мучителей, да жалобномъ пискѣ истязуемаго, который, однако, пощады не проситъ, потому что послѣдней не дадутъ истязатели. Но эти истязанія чувствительны, пока длятся; прикончились они—кончаются страданія, временныя поврежденія, и нечистикъ принимаетъ первоначальный видъ; въ общемъ же такая расправа носитъ характеръ скорѣе сатанической забавы, чѣмъ наказанія.

Нѣсколько иначе съ тяжкими преступниками, къ которымъ примѣняются высшія кары, состоящія въ пытаніи и истязаніи освященными предметами: виновныхъ держатъ надъ курящимся ладономъ, посыпаютъ порошкомъ его, хлещутъ освященною вербою и цвѣтами, прутьями и плеткою, на которыя когда-нибудь упала капля освященной воды, поливаютъ подхваченною отъ кунѣли водою. Перечисленные предметы не держатся истязателями въ рукахъ, иначе тождественная пытка переносилась бы и на нихъ, а на шестахъ, поодаль отъ себя, держатся спеціальными на сей случай палачами, достаточно обтерпѣвшимися отъ частаго соприкосновенія съ этими предметами, или же вызываются демоноподобники—вѣдьмаки и колдуны. При спѣшности кары, особенной остротѣ ея, при отсутствіи палачей, нечистики распластываютъ виновнаго и бьютъ объ одинъ изъ освященныхъ предметовъ, или кладутъ его на освященное мѣсто.

Изъ перечисленныхъ бичеваній наивысшимъ служитъ обливаніе купѣльною водою и привѣшиванье надъ ладаннымъ дымомъ. Надо сознаться, что двумя послѣдними карами „служители злобы и огня“ доводятъ истязуемаго или до конечной гибели, или до непоправимаго увѣчья, хотя то и другое обыкновенно не входитъ въ намѣренія истязателей и создается случайно. Однако, цѣль расправъ достигается: истязуемый получаетъ бѣсовскую выправку—становится могучимъ дѣятелемъ въ бѣсовской семьѣ, надежнымъ бичомъ человѣка.

Бѣсовская выносливость невольно выдвигаетъ вопросъ о *долговѣчности* нечистиковъ, но какова она—составляетъ пока

вопросъ съ довольно смутнымъ рѣшеніемъ: нечистики появились раньше сотворенія міра, переживаютъ сотни, тысячи лѣтъ и весьма медленно старѣютъ, не умираютъ естественною смертью. Когда же, однако, нечистикъ дожилъ до старчества, когда со многими физическими изъянами его силы и энергія ослабли, тогда онъ приставляется или къ низменнымъ обязанностямъ человѣкоподобниковъ, или *перемолаживается*. Послѣднее происходитъ при возможно бо́льшомъ бѣсовскомъ скопѣ, при участіи вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, при чемъ перемолаживаемый иногда не выдерживаетъ перерожденія и погибаетъ. Но если оно прошло благополучно, перемоложенный воспринимаетъ бѣсовскую молодость и снова готовъ на сотни, тысячи лѣтъ. Такой нечистикъ стоитъ на особомъ счету: его опытности ввѣряется руководительство юныхъ нечистиковъ, при которыхъ онъ состоитъ дядькою, и поручаются наиболѣе запутанныя бѣсовскія дѣла.

Погибшій во время перемолаживанья, или отъ преслѣдованія доброй силы нечистикъ обращается въ безвредный предметъ. Бѣсовскій скопъ обыкновенно вопитъ надъ погибшимъ и спѣшитъ излить злобу надъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ, пока предметъ не превратится въ прахъ. Понятно, что если бы не было бѣсовскихъ истребителей, въ теченіе года нечистики могли бы размножиться до невѣроятнаго количества, отчего людская жизнь на землѣ считалась бы преждевременнымъ адомъ. Въ самомъ дѣлѣ нечистики обильно размножаются только осенью, слабѣе—зимою и, въ ничтожномъ количествѣ—весною, до перваго грома—могущественнаго истребителя ихъ во все лѣто. Не мало гибнетъ чертятъ при самомъ ихъ рожденіи: такъ, если моментъ рожденія чертенка совпалъ съ полуденнымъ и, въ особенности, въ полночнымъ возгласомъ пѣтуха, незримо расположившагося вблизи, новорожденный гибнетъ отъ „разрѣзу“, т. е. отъ воздѣйствія пѣтушьяго возгласа: онъ разсѣкается пополамъ, при чемъ разъединенныя части уже не могутъ соединиться вновь.

Страшась доброй силы, какъ противника сатанинской, нечистики особенно страшатся заправителей громоносной силы—св.

Юрія и Иліи, изъ коихъ первый правитъ громами весною, а послѣдній—въ остальное время, вплоть до глубокой осени. Людямъ никогда не счесть, сколько тутъ гибнетъ бѣсовъ; достовѣрно извѣстно, что каждый громовой ударъ неминуемо разитъ нечистика, а если молнія сверкнула крестообразно и зажгла предметъ, за которымъ, или въ которомъ, несомнѣнно, притаился нечистикъ, послѣдній погибъ. Въ противномъ случаѣ нечистикъ только изувѣченъ и далеко не уйдетъ отъ послѣдующаго удара, который и доканаетъ его. Кстати дополнить: молнія нерѣдко отбиваетъ то рога, то хвостъ, зубы, когти, копыта, то полосуетъ шкуру, и эти изъязвленія, подлежа нескончаемому осмѣянію товарищей, остаются непоправимыми во всю жизнь увѣчника. Однако, если второй ударъ молніи пришелся по одному и тому же мѣсту (по нечистику тожъ), увѣчья мгновенно исправляются, а убитый оживаетъ.

Замѣчено, что во время грозы нечистики прячутся вблизи человѣка—въ домѣ, въ платьѣ его, въ подручный около него предметъ, въ чаяніи, что громовыя стрѣлы не коснутся ихъ ради человѣка. Практика не оправдываетъ бѣсовскихъ упованій—и ударъ разитъ нечистика вблизи человѣка, или разитъ послѣдняго вмѣстѣ съ нечистикомъ. Зная бѣсовскую сноровку, предусмотрительные люди обыкновенно обставляютъ себя освященными предметами, а свои помыслы сосредоточиваютъ на святомъ, осѣняютъ себя и мѣсто вокругъ крестнымъ знаменіемъ: тогда бѣсъ уже не подступаетъ близко, а прячется за кору дерева, преимущественно осиноваго, въ стволъ тростника, въ травяной стебель, въ воду, подъ камень, куда и направляются громовыя стрѣлы, которыми попутно можетъ быть ранено, но не убито другое существо.

Каковы громовыя стрѣлы во время пораженія нечистиковъ—отвѣтить трудно; нужно полагать, что онѣ невещественны. Но, пронизавъ предметъ, даже зажегши его, стрѣлы врѣзываются въ землю, откуда ввидѣ кремневой чурки, длиною въ палецъ, толщиною—въ два, ровно черезъ три года подходятъ къ земной

поверхности. Какъ извѣстно, такія уже матеріальныя стрѣлы имѣютъ лѣкарственную силу: люди обмываютъ ихъ чистою водою, которую потомъ и даютъ пить страдающему костоломомъ и коликами.

При воплощеніи и внѣ его *нечистики не лишены* человѣкоподобныхъ *страстей*. Какъ выше сказано, они нескончаемо спорятъ, дерутся; но, кромѣ того, они предвосхищаютъ другъ у друга доходныя дѣянія, цѣнные предметы, клевещутъ, оглашаютъ личную скорбь, точно хотятъ вызвать сочувствіе, мстятъ, или въ безсильной злобѣ бьются о ближайшіе предметы, самоистязуюся, распарывая, напр., себѣ животъ, грудь, выкалывая глаза и проч. Забавнѣе всего видѣть бѣсовскій плачъ и слезы: уродливое лицо нечистика, гдѣ такъ непропорціонально сочетались отдѣльныя части, принимаетъ тогда ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое выраженіе и съ отвращеніемъ заставляетъ смотрѣть даже навычныхъ въ бѣсовствѣ демонодобниковъ. Гдѣ плакалъ нечистикъ и проливалъ свои слезы, тамъ три года не будетъ расти трава, а на нивѣ столько же лѣтъ не будетъ всходовъ.

Сколько для удаленія нечистика, столько и шутки ради, люди нашли средства вызывать подобный плачъ и слезы: такъ, вмѣсто табака, иной шутникъ подноситъ своему врагу „плакунъ-траву“ (плавунъ?), отъ которой образина нечистика моментально искажается—и со слезами, даже рыданіями, онъ стремглавъ летитъ прочь. Между прочимъ, „плакунъ-травою“ можно отогнать нечистика отъ кладохранилища, отъ готовой погибнуть жертвы, хотя и не слѣдуетъ забывать, что этой травы побаиваются и гпѣвно оставляютъ человѣка такіе добрые нечистики, какъ домовые, хлѣвники, кикиморы. Почти въ той же мѣрѣ нечистики боятся чертополоха, къ которому никогда не подходятъ близко.

Кромѣ сдѣланныхъ раньше указаній на предметъ распознаванія нечистиковъ, принявшихъ матеріальный видъ, небезполезно имѣть въ виду и нижеслѣдующія. Такъ, воплощенникъ никогда не подаетъ милостыни, испрашиваемой ради Бога, въ разговорѣ

ни однажды не произнесетъ того же Имени, не упомянетъ ни объ одномъ предметѣ христіанскаго почитанія, людскія имена будетъ произносить въ искаженномъ видѣ (Ванька Мишка, Дашка); глаза его, все время отливающіе фосфорическимъ блескомъ и часто подворачивающіеся подъ лобъ, при чемъ выступаютъ страшные бѣлки, бѣгаютъ по сторонамъ, прочь отъ собесѣдника; злая улыбка не сходитъ съ лица. Но такой нечистикъ ни разу не произнесетъ и чертовскаго имени, иначе первый попутный бѣсъ явится на зовъ и, пожалуй, перепутаетъ начатое дѣло. Вообще же нечистикъ избѣгаетъ словъ съ буквою *р*.

Звуки голоса отдѣльнаго нечистика гортанные, надсаженные, съ металлическимъ отзвукомъ, при чемъ собесѣднику кажется, будто говоритъ не товарищъ, а стоящій позади его, такъ-какъ губы и ротъ говорящаго остаются малоподвижными. У молодыхъ чертятъ голосъ пискливъ и отчасти напоминаетъ звуки аистовыхъ выводковъ. Когда же нечистики оживленно разговариваютъ, спорятъ, слушатель улавливаетъ смѣшеніе гортанныхъ и пискливыхъ звуковъ съ шипѣньемъ и урчаньемъ. Но подальше отъ сихъ звуковъ и мѣстъ! Если вѣрно, что „одинъ чертъ хитеръ, другой—хитрѣе его, а третій проведетъ всѣхъ“, то и малочисленный бѣсовскій скопъ не замедлитъ приготовить жертвѣ вѣрную гибель.

Житейское положеніе удостовѣряетъ, что „человѣкъ узнается въ ѣдѣ, въ игрѣ, да въ попутьи“. Нечистика легко узнать по одной только ѣдѣ: такъ онъ жуетъ обѣими челюстями одновременно, при чемъ рѣдкіе зубы съ лязгомъ стучатъ одинъ о другой. Такъ-какъ у нечистика слюны вообще мало, то онъ больше прихлебываетъ жидкаго кушанья, чѣмъ, примѣрно, откусываетъ хлѣба, который безпрестанно выпадаетъ у него изо рта. Кое-какая слюна нечистика обыкновенно мутная, клейкая, пѣнистая, зловонная жижа...

„Безъ чертей, однако, нельзя обойтись“,—сказано гдѣ-то, и люди вступаютъ въ такія или иныя сношенія со своими врагами, отчасти подневольно, отчасти—самохотью. Въ послѣднемъ

случаѣ нѣтъ надобности становиться вѣдьмакомъ, а достаточно по адресу нечистика выразить желаніе войти съ нимъ въ связь, чтобы во славу пожить на землѣ: оставаясь обычнымъ человѣкомъ, будущій эпикуреецъ долженъ сдѣлать одно—запродать нечистику свою душу и въ томъ дать расписку, написанную собственною кровью изъ разрѣзаннаго крестообразно мизинца правой руки, при чемъ перо и бумагу доставитъ нечистикъ, потому что людскія тутъ не годятся.

Пока расписка не подписана, нечистикъ только кажетъ ожидаемыя блага—деньги, дорогія вещи, обстановку,—но даетъ ихъ въ пользованіе тогда, когда расписка очутится въ его рукахъ и отнесется къ Люцыпыру. Правда, есть возможность возвратить расписку и нарушить обязательства; но для того необходимо заживо спуститься къ Люцыпыру, застращать его освященными предметами и потомъ долгое время очищаться покаянными средствами. Какъ очевидно, подобный поворотъ трудепъ, дается немногимъ; большинство принуждено катиться по наклонной плоскости и жить согласно предварительно выраженному желанію. Само собою разумѣется, что, при нарушеніи условія, всѣ блага сразу отнимаются отъ человѣка-отступника, и рѣдко бываетъ, что послѣдній уйдетъ отъ скоповой бѣсовской мести, которая покидаетъ человѣка только предъ монастырскими стѣнами...

Обычнымъ мѣстомъ для запродажнаго сговора, какъ и выдачи расписки, бываютъ „ростыньки“. Необходимо помнить, что въ послѣдующее время нечистикъ будетъ поставлять только то, что обусловлено въ сговорѣ, и не поступится лишнимъ, а потому запродавшій себя долженъ въ подробностяхъ и мелочахъ намѣтить требуемые предметы передъ выдачею расписки. По первому зову, даже по одной мысли человѣка, нечистикъ исполнитъ оговоренныя требованія съ неожиданною добросовѣстностію, при чемъ все это будетъ дѣлаться незримо, и жертва не видитъ своего властлеина, пока тотъ не явится за ея грѣшною душою.

Пользуясь благами земного положенія, возбуждая окрестную зависть, запродавшій себя человѣкъ все-же не испытываетъ

полнаго удовлетворенія, тоскуетъ по поводу не оговоренныхъ, но вдругъ набѣжавшихъ требованій, а пресытившись наличностью, сводитъ счеты съ земною жизнью: большинство такихъ алчниковъ кончаетъ самоубійствомъ. Въ то же время и самыя земныя блага алчника представляются дутыми, безплодными для него лично, гибельными для благъ, пріобрѣтенныхъ трудовымъ путемъ, но пришедшихъ въ соприкосновеніе съ бѣсовскими. Правда, въ немногихъ случаяхъ, запродавшій свою душу можетъ передать грѣховное добро по наслѣдству, можетъ благотворить имъ при жизни; но и въ наслѣдственномъ владѣніи, какъ и при благотвореніяхъ, оно изводитъ получателей, разрушаетъ трудовое ихъ добро. Только раздача добра бѣднымъ да вклады его въ церкви и монастыри, въ пользу причта и монаховъ, остаются плодотворными, даже для дателей, которымъ тѣмъ легче бываетъ нарушить учиненное обязательство.

„Бѣсъ добра не дѣлаетъ, чертъ не помнитъ его“,—утверждаетъ людская молва. При всемъ этомъ нѣкоторые недальновидники хотятъ видѣть въ иныхъ бѣсовскихъ дѣяніяхъ выраженіе чувства признательности за оказанную помощь. Безспорно, нечистикъ даетъ иногда человѣку вещественныя доказательства благодарности—деньги, вещи, хозяйственный достатокъ; но если человѣкъ не вышелъ изъ забвенія, творитъ святыя людскія дѣла, то, при первомъ же соприкосновеніи бѣсовскаго добра съ предметами обиходности такого человѣка, оно обращается въ непотребные, даже срамные предметы: чертъ всегда и вездѣ остается чертомъ...

I. ЛЮЦЫ́ПЫРЪ.

Глава бѣсовской силы, распорядитель злыхъ дѣяній въ мірѣ есть извѣстный Люцы́пыръ (опъ же—„Анчи́пыръ“, „Сато́нъ дъябольскій“)—первый отпавшій ангелъ, удаленный отъ Свѣта Правды и вмѣстѣ съ сонмомъ подвластныхъ ему духовъ низринутый съ первозданной высоты. Всѣ типичныя особенности бѣсовъ, обрисованныя предыдущею повѣстью, совмѣстились въ

немъ, какъ лучи въ фокусѣ; онъ—бѣсовскій идеалъ. По внѣшнему облику, Люцыпыръ—сатанинскій исполинъ, съ крупными формами и выразительностію, которой страшатся даже подвластные ему бѣсы, вѣситъ столько, сколько всѣ нечистики, взятые вмѣстѣ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, Люцыпыръ имѣетъ видимыя отличія своего достоинства—желѣзную корону, прибитую къ черепу проходящими насквозь гвоздями, и нѣчто въ родѣ желѣзныхъ вилъ въ правой, съ мощными когтями, лапѣ: осязательной боли отъ прибитой короны онъ не испытываетъ, но она не даетъ Люцыпыру возможности остановиться на свѣтлой мысли; не тяжелы вилы, но онъ не можетъ ни на минуту разстаться съ ними, потому что не можетъ раскрыть своей лапы... При каждомъ дыханіи Люцыпыръ выпускаетъ изъ ноздрей и пасти длинные пуки огненныхъ лучей, которые на далекое разстояніе жгутъ встрѣчные предметы.

Со времени своего паденія Люцыпыръ вольно пребывалъ въ мірѣ и тогда много терпѣлъ человѣкъ отъ него и слугъ его. Но вотъ уже нѣсколько вѣковъ этотъ первый человѣконенавистникъ запертъ въ мрачномъ аду, за двѣнадцатью дверями, за двѣнадцатью замками, прикованъ двѣнадцатью желѣзными цѣпями. Ни вопли, ни проклятія не могли доселѣ измѣнить его положенія, которое такъ и продлится до скончанія міра, съ чѣмъ вмѣстѣ погибнетъ Люцыпыръ со своими клевретами. Правда, по особому попущенію, отъ его неистовыхъ метаній и порывовъ ежемѣсячно разрушается одна дверь, разрывается одинъ замокъ и перегрызенная цѣпь; еще немного—и Люцыпыръ готовъ уничтожить послѣднія преграды, сорваться съ мѣста и очутиться на вольномъ свѣтѣ, который онъ ужъ злобно созерцаетъ. Но въ это именно время раздается полночный (Пасхальный) звонъ—и разрушенныя двери, замки и цѣпи снова принимаютъ цѣлостный видъ, мрачный адъ становится еще мрачнѣе. Тогда, въ изнеможеніи отъ безсильной злобы, гордый властелинъ зла падаетъ ничкомъ и остается неподвижнымъ вплоть до Вознесенія, послѣ чего онъ снова принимается за свою вѣковую работу—грызетъ, мечется, вопитъ.

Томительная неволя отдѣляетъ Люцыпыра отъ людей, которыхъ онъ давно не видитъ и о которыхъ знаетъ по сообщеніямъ подчиненныхъ бѣсовъ да по давнимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ людьми. Но и сами бѣсы сносятся со своимъ властелиномъ заочно, чрезъ двери, и только немногимъ изъ нихъ удается видѣть Люцыпыра, когда готова разрушиться послѣдняя дверь, порваться послѣдняя цѣпь. Безстрашные повсюду, бѣсы никогда не забываютъ обаянія страха отъ скоротечнаго созерцанія своего повелителя. Быть можетъ, это обстоятельство, или же особое на то попущеніе не позволяетъ бѣсамъ подступиться къ Люцыпыру съ помощью, для освобожденія отъ неволи. При всемъ томъ, безъ воли и указаній Люцыпыра, не творится ни одно бѣсовское дѣло, начиная отъ распорядка напастей на людей и кончая распорядкомъ въ бѣсовскихъ расправахъ. То же и въ отношеніи адскихъ мукъ грѣшныхъ душъ, воплемъ и стономъ которыхъ Люцыпыръ обыкновенно отчасти услаждаетъ свою томительную неволю. Въ нужныхъ случаяхъ Люцыпыръ сзываетъ бѣсовъ особымъ стукомъ въ дверь, ревомъ и свистомъ, или (по солдатскому сообщенію) барабаннымъ боемъ.

Передъ кончиною міра Люцыпыръ, однако, вырвется на прежнюю, хотя и кратковременную, свободу, надѣлаетъ много зла живущимъ на ту пору людямъ; но онъ скоро погибнетъ со всѣмъ сонмомъ подчиненныхъ бѣсовъ—и въ мірѣ, безъ злосодѣтелей, пойдетъ новая жизнь. Какъ скоро сбудется все это—никому изъ сотворенныхъ существъ не дано знать...

Неустанная и многообразная бѣсовская дѣятельность все же производитъ нѣкоторое измѣненіе бѣсовскаго существа: „старый бѣсъ, лысый бѣсъ, кривой бѣсъ“ только и могутъ образоваться отъ долголѣтней дѣятельности, увѣчники разныхъ формъ—отъ молніеносныхъ пораженій, отъ столкновеній съ людьми. Ничего подобнаго не происходитъ съ Люцыпыромъ; онъ не тощаетъ отъ неустанной работы, безсильной злобы; его завитые внутрь темени рога не тупятся отъ жестокихъ ударовъ о полъ, о

стѣны ада; не притупляются ужасные зубы и когти, не спадаетъ ни одной шерстинки.

II. ПЕКЕ́ЛЬНИКИ.

Мѣсто дѣятельности пекельниковъ есть извѣстное „пе́кло“ (адъ), имѣющее единственный свѣтъ отъ неугасающаго тамъ огня; самая же дѣятельность состоитъ въ поддержаніи этого огня и мученіи имъ грѣшныхъ душъ. Далѣе пекельныхъ стѣнъ эти бѣсы ничего не знаютъ, не могутъ выйти за нихъ, лишены сношеній съ остальными нечистиками, какъ и сношеній съ Люцыпыромъ, вблизи котораго они живутъ, исполняютъ его велѣнія, но котораго, въ свою очередь, никогда не видятъ. Немногимъ прозорливцамъ удавалось уловить обликъ пекельниковъ, который приблизительно таковъ: они имѣютъ полусобачій, полукозій видъ, лишены шерсти на толстой кожѣ, отчасти напоминающей кожу летучей мыши, покрытую толстымъ слоемъ копоти и нагара, которыми въ равной мѣрѣ покрыты длинный хвостъ и средней величины прямые рога; среди пекельнаго мрака какъ-то особенно рѣзко выдѣляются бѣлизною ихъ зубы съ удлиненными клыками и большими глазными бѣлками. Въ дополненіе ко всему этому пекельники держатъ неустанно высунутымъ огненнаго цвѣта языкъ свой, которымъ, какъ и изъ ноздрей, время-отъ-времени они обдаютъ жертвы расплавленною смолою и сѣрою, содержащимися внутри пекельниковъ.

Лично пекельники нечувствительны къ окружающему ихъ огню, который, кстати, не производитъ ни малѣйшаго измѣненія въ ихъ существѣ; но они испытываютъ томленіе отъ однообразной дѣятельности, приковывающей къ ограниченному пространству, и отъ воспоминанія о вольной жизни на вольномъ свѣтѣ. Это именно и развиваетъ то ожесточеніе, съ которымъ пекельники относятся къ жертвамъ: въ воплѣ, стонѣ, въ мучительнѣйшихъ движеніяхъ послѣднихъ они находятъ нѣкоторое забвеніе прежней своей жизни, къ которой для нихъ нѣтъ возврата.

Будетъ время, когда, по особому попущенію, рухнутъ пекельныя стѣны, которыя навсегда погребутъ и обратятъ пекельниковъ въ ничто.

До своего приставленія къ настоящей дѣятельности пекельники были вольными нечистиками; но они лишились вольной жизни изъ-за бѣсовскихъ неисправностей, или же отосланы сюда вслѣдствіе старости, увѣчья, недомыслія, при чемъ существо ихъ подлежало необходимымъ приспособленіямъ къ пекельной жизни—уничтожалась шерсть, вмѣсто копытъ на ногахъ стали цѣпкіе когти, внутренность стала содержать наивысшій жаръ, гдѣ мгновенно могутъ плавиться даже камни. Если бы пекельники предварительно знали про свою дѣятельность въ пеклѣ, они прилагали бы всѣ бѣсовскія усилія, чтобы не попасть въ постылое мѣсто; но они не знаютъ ничего о пекельной жизни и знакомятся съ нею только по вступленіи въ пекло. Случается иногда, что въ пекло одновременно вступаютъ бывшіе на-земные друзья—человѣкъ и его искуситель, которые здѣсь встрѣчаются, какъ жертва и мучитель: тутъ только и узнаетъ слишкомъ поздно человѣкъ, какою цѣною купилъ онъ земныя блага, что стóитъ сношеніе съ нечистою силою.

Б. Повсюдники, вольные нечистики.

III. Ш Е́ Ш К И.

Послѣ дикихъ и жестокихъ пекельниковъ, о которыхъ вообще мало извѣстно, вольные нечистики—шéшки являются чѣмъ-то отраднымъ въ бѣсовскомъ скопѣ,—что, отчасти, и выражается въ ласкательномъ имени ихъ—„шéшечки“. Послѣднему, впрочемъ, способствуетъ скромный ростъ шéшки, не превосходящій величины рослой кошки. Юркій, подвижной, но въ то же время легкомысленный шешка способенъ быть прекрасною бѣсовскою ищейкою, развѣдчикомъ грѣховныхъ движеній человѣка; лично же онъ не можетъ опутать жертвы, а тѣмъ болѣе—до-

вести до конечной гибели. Настоящіе нечистики пользуются услугами ищейки, но не полагаются на дальнѣйшее сотрудничество шешки, не ищутъ ненадежной помощи его, которая, помимо собственной воли шешки и вопреки завѣтамъ бѣсовщины, можетъ быть обращена въ пользу жертвы. Нечистики смотрятъ на шешку, какъ на блажного; человѣкъ же подкупается въ пользу его ласковыми приставаніями, игривостью бѣса, считая его озорникомъ, потому что шешка внезапно подоспѣваетъ къ человѣку, дразнитъ, отвлекаетъ отъ дѣла въ дорогую минуту, хватаетъ изъ-подъ рукъ и уноситъ прочь нужные предметы, тѣшась гнѣвомъ человѣка и тратою времени, употребляемаго имъ на розыскъ пропавшаго предмета. Въ длинные досужіе вечера, когда бездѣйствіе приводитъ человѣка къ грѣховнымъ помысламъ, шешки появляются скопомъ, рѣютъ вокругъ него, заигрываютъ, пристаютъ; но изъ всего этого опаснымъ можно считать лишь возможный подступъ дѣйствующаго нечистика, вслѣдъ за которымъ пойдетъ настоящее преслѣдованіе жертвы. Понимая свою дальнѣйшую непригодность, шешки моментально стушевываются, рѣютъ и пристаютъ къ новой жертвѣ.

Такое скоповое приставанье шешекъ бываетъ относительно рѣдко, и они предпочитаютъ жить и дѣйствовать въ одиночку. Въ свою очередь, шешки любятъ приставать къ одному и тому же лицу: привычка ли то, выраженіе ли расположенности—трудно отвѣтить, такъ-какъ и сами они не понимаютъ внутренней цѣли своихъ дѣяній, дѣйствуютъ по скудоумію.

IV. КА́СНЫ.

По внѣшнему облику касны какъ будто меньше шешекъ, но гораздо толковѣе ихъ, болѣе настойчивы и дѣйствуютъ непремѣнно скопомъ,—что и составляетъ опасную мощь сихъ нечистиковъ. При нападеніи на жертву, они присасываются къ ней, подобно страшнымъ догамъ („піявка“), и не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не доканаютъ ея; а если послѣднее непосильно, они

призываютъ къ содѣйствію болѣе мощнаго нечистика. Въ то время, когда легкомысленный шешка игриво и безъ сожалѣнія отступаетъ отъ жертвы, ка́сны тѣмъ сильнѣе и злобнѣе пристаютъ къ ней, чѣмъ бо́льшее встрѣчаютъ сопротивленіе, внѣшнее препятствіе. Злоба опьяняетъ касновъ: они даже перестаютъ чувствовать воздѣйствіе спасательныхъ людскихъ средствъ—пораженіе освященными предметами. Слѣдствіемъ сего бываетъ, что отдѣльные касны гибнутъ, или увѣчатся еще во время приставаній, гибнутъ и вмѣстѣ съ жертвою, отъ которой иные не отстаютъ тогда, когда довершившіе гибель ея болѣе сильные нечистики давно отступили прочь. А это, въ соединеніи со слабою плодовитостью касновъ, ведетъ къ постепенному уменьшенію ихъ.

Ка́сны нападаютъ и томятъ жертву только стайно; одиночное приставанье ихъ почти безвредно. Когда же нападеніе сдѣлано двумя-тремя каснами, то, пока одинъ при жертвѣ, остальные спѣшатъ созвать товарищей, при чемъ всѣ они издаютъ суетливый призывный писк, улавливаемый жертвою лишь тогда, когда послѣдняя носитъ при себѣ „четверговую соль“. Ясно, что благовременными мѣрами, при первомъ пискѣ касна, можно уйти, пока не подоспѣлъ стайный скопъ ихъ.

V. ШАТА́НЫ.

Эти нечистики владѣютъ назойливостью и неотвязчивостью касновъ, но живутъ и дѣйствуютъ особнякомъ, не дѣлясь даже намѣреніями съ другими шата́нами. Угрюмые, молчаливые, бѣсовскіе нелюдимы, шата́ны не пойдутъ на помощь къ собрату, а при нуждѣ не попросятъ на таковую и къ себѣ. Въ той же мѣрѣ, какъ они прявязчивы бываютъ къ жертвѣ, шата́ны придирчивы и къ своимъ собратьямъ, почему взаимно несносны другъ другу.

„Ни такъ шата́нъ, якъ шатаня́ты“,—говоритъ присловье. Эти послѣдніе, малымъ чѣмъ отличающіеся отъ касновъ, но владѣющіе бо́льшею мощью, нападаютъ на жертву малочислен-

нымъ скопомъ, который неминуемо и губитъ ее,—нападаютъ и сами собою, и по указанію шата́на. Онъ смотритъ на производимую шатанятами работу—и единственная въ семъ только случаѣ улыбка озаряетъ его суровый обликъ, служа шатанятамъ бѣсовскимъ поощреніемъ. Не опьяненіе касновъ, а сатанинская услада заставляетъ шатанятъ тормошить и расправляться съ жертвою и тогда, когда послѣдняя окончательно загублена.

Къ счастью, эти нечистики, во множествѣ погибающіе во время бѣсовскихъ приставаній и отъ молніеносныхъ пораженій, слишкомъ слабо размножаются, потому что угрюмый шатанъ мало знается со своею шатанихою и терпѣть не можетъ вѣдьмъ. Эти послѣднія безнаказанно дрязнятъ шата́новъ и принуждаютъ ихъ къ невольному бѣгству,—чего никогда не дѣлается при соотвѣтственномъ отношеніи другихъ нечистиковъ.

Изъ другихъ подробностей жизни шата́новъ извѣстно, что во время долгихъ досуговъ они плетутъ лапти, или мастерятъ дорожныя палки: тѣ и другія у нихъ какъ-то скоро изнашиваются, тратятся, и ради недоконченной работы иной шатанъ не поднимется съ мѣста, пропуская жертву. Находимые въ отдаленныхъ отъ поселеній мѣстахъ лапотные „отопки“ и старыя палки, несомнѣнно, оставлены шата́нами, какъ и стружки около удаленнаго пня, камня свидѣтельствуютъ о пребываніи и работѣ тутъ шата́на. Страшиться такихъ мѣстъ не сто́итъ, потому что вторично сюда не зайдетъ ни одинъ шатанъ; не заходятъ на эти мѣста и другіе нечистики просто изъ-за непріязни къ шатану.

VI. ЦМО́КИ (чмо́ки).

Подобно шата́ну, цмокъ живетъ и дѣйствуетъ особнякомъ и, подобно ему, не любимъ остальными нечистиками, но уже вслѣдствіе чванливой спеси. Благодаря природной лѣни, неподвижности отъ отучнѣнія, цмокъ не всегда откликнется на призывъ человѣка, или на призывъ къ помощи другого нечистика.

Но разъ онъ подступилъ къ жертвѣ—непремѣнно доканаетъ ее, хотя предварительно взвѣситъ, стóитъ ли она трудовъ, нарушеннаго покоя; если нѣтъ—цмокъ презрительно отворачивается отъ работы, предоставляя ее другимъ нечистикамъ.

По внѣшности цмокъ какъ-то опрятнѣе другихъ нечистиковъ, любитъ купаться, ходитъ въ баню и ежедневно умывается. Въ то же время немногіе цмоки имѣютъ какія-нибудь поврежденія, потому что вó время уходятъ отъ громовой напасти и непосильнаго столкновенія съ человѣкомъ. Предусмотрительная осторожность хранитъ бытіе цмоковъ дольше всѣхъ нечистиковъ.

Кромѣ сказаннаго, о цмокахъ извѣстно, что они рѣже пристаютъ къ простымъ деревенскимъ людямъ и что излюбленными ихъ жертвами бываютъ ханжи всѣхъ положеній, одиночники между людьми, такъ же, какъ и они сами между нечистиками. Люди семейные, или тяготѣющіе къ семейной жизни и живущіе обществомъ, свободны отъ напастей цмоковъ; къ нимъ, какъ и къ жилищамъ ихъ, цмоки не подступаютъ; зато нарушители семейныхъ и общественныхъ обязанностей—первыя ихъ жертвы.

VII. ПАРА́ЛИКИ (пара́люши).

Каковы пара́лики въ своемъ подлинномъ видѣ—неизвѣстно пока и самымъ опытнымъ демоновѣдамъ, за исключеніемъ, конечно, вѣдьмаковъ, вѣдьмъ, колдуновъ и колдуній. Но изъ смутныхъ свѣдѣній о пара́ликахъ видно, что они не воплощаются, не идутъ, подобно другимъ нечистикамъ, на зовъ человѣка въ ту-же минуту, а значительно позже, даже чрезъ годы,—что они бѣсовскіе слабосилы и что любимыми жертвами ихъ бываютъ люди выше среднихъ лѣтъ, мужчины и женщины—безразлично. Присутствіе и нападеніе вольныхъ нечистиковъ узнается какъ-то сразу; пара́лики же подступаютъ исподволь, точно крадучись (подскочитъ и отступитъ, за каждымъ разомъ—все ближе), незамѣтно завладѣваютъ жертвою, которая узнаетъ ихъ воздѣйствіе

только тогда, когда они окончательно сжились съ нею и когда удалить ихъ нѣтъ человѣческой возможности.

Такъ какъ отдѣльный параликъ слабѣе всякаго бѣсовскаго послѣдыша и на единоличныя силы не полагается, то къ жертвѣ ихъ подступаетъ всегда двое-трое: тутъ они работаютъ по-смѣнно, и только при особенномъ сопротивленіи жертвы—сообща, при чемъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ замѣчается сатанинское единодушіе. Замѣчательно при семъ то, что паралики не трогаютъ души своей жертвы, не нападаютъ на нее непосредственно: они главнымъ образомъ низводятъ тѣло, а душа становится ихъ жертвою лишь попутно.

Настоящіе нечистики не завидуютъ кропотливой, часто и долгосрочной дѣятельности пара́ликовъ, хотя и признаютъ, что такую мелкую работу только и могутъ сдѣлать слабосильные, но терпѣливые паралики. Эти послѣдніе такъ увлекаются своею работою, что не останавливаются и по окончательномъ низведеніи жертвы,—что, впрочемъ, зависитъ отъ того, что пара́лики лишены возможности знать предѣлы своихъ дѣяній.

Какъ медленно подступаютъ пара́лики къ жертвѣ, такъ же медленно, съ неоднократными возвратами, они и удаляются отъ нея: то и другое неуловимо для людей.

VIII. ПОВѢТРИКИ.

Уже изъ одного имени сихъ нечистиковъ видна обстановка ихъ дѣятельности. И дѣйствительно, повѣтрики припадаютъ къ жертвѣ случайно, не ища ея, какъ и сама жертва попадается имъ налетомъ; рѣя надъ болотиною, въ глухомъ мѣстѣ, да развлекаясь бѣсовскими потѣхами, повѣтрики внезапно подхватываются съ мѣста вѣтромъ и несутся, пока не задѣнутъ попутной жертвы, не остановятся на ней. Ихъ скоковая дѣятельность тутъ непродолжительна; въ озлобленіи за прервашныя забавы, за перемѣщеніе и вслѣдствіе, быть можетъ, долгаго бездѣйствія, повѣтрики

съ ожесточеніемъ набрасываются на жертву и немедленно губятъ ее. Подобно парáликамъ, повѣтрики разятъ главнымъ образомъ тѣло жертвы, а гибель души кончаютъ иные нечистики. Прикончивъ работу, повѣтрики снова рѣютъ въ воздухѣ, играютъ и забавляются, пока вѣтеръ не перемѣститъ ихъ къ новой жертвѣ.

Весьма часто случается, что человѣкъ, находясь неоднократно вблизи повѣтриковъ, или вблизи бѣсовской расправы ихъ съ жертвою, не только не терпитъ, но даже и остается внѣ вниманія этихъ нечистиковъ, въ то время, когда удаленная, кажется, обезпеченная жертва дѣлается внезапною ихъ добычею. Здѣсь все зависитъ отъ направленія вѣтра и задержанія его въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Повѣтрики привлекаются къ своей спорадической дѣятельности относительно рѣдко—чрезъ неровные промежутки лѣтъ,—привлекаются скопомъ, потому что единоличная дѣятельность повѣтрика слаба и цѣли не достигаетъ. Людямъ памятны дѣянія повѣтриковъ; касаются ли они отдѣльныхъ лицъ, семей, или цѣлыхъ обществъ—вездѣ проходитъ опустошеніе, при чемъ замѣчено, что повѣтрики разятъ въ различные сроки различные возрасты.

Гдѣ пребываютъ повѣтрики до призыва къ своей дѣятельности, на это нѣтъ положительныхъ указаній: иные опредѣляютъ ихъ мѣстопребываніе въ воздушной выси, другіе—въ отдаленныхъ чужеземныхъ странахъ, третьи—въ глубинѣ болотъ и багнъ.

IX. ПРА́ХИ.

Обликъ пра́ховъ и образъ дѣятельности ихъ довольно неопредѣленны, и приравнить ихъ можно развѣ къ тѣмъ неопредѣленнымъ единицамъ межъ людей, которымъ безразлично—быть при дѣлѣ, или безъ него. Въ этомъ случаѣ пра́хи—то начинающіе, то малоспособные, то праздполюбцы, то служащіе у другихъ бѣсовъ на побѣгушкахъ нечистики. Сами по себѣ они неопасны:

къ жертвѣ не пристаютъ по собственной волѣ; не всегда опасны прахи и при исполненіи порученій, потому что умѣютъ перевирать ихъ вопреки бѣсовскимъ цѣлямъ,—за что чаще другихъ нечистиковъ подпадаютъ подъ бѣсовскія расправы. Это, однако, не вразумляетъ праховъ: новое порученіе—новая неисправность, новая кара.

„На то и бѣсъ, чтобъ ему не вѣрить,“—говорятъ съ незапамятныхъ временъ: какъ ни простоваты прахи, все же они не лишены бѣсовскаго озлобленія противъ людей, спаровки вредить имъ, и полагаться на простоватость пра́ховъ—равносильно халатности, открывающей въ домъ доступъ каждому проходимцу, потому что „бѣсъ бѣсомъ и остается.“ Видно какими-нибудь опытами дознана вредоносность сихъ нечистиковъ, такъ-какъ при наивысшемъ озлобленіи, вмѣсто посылки „ко всѣмъ чертямъ,“ разгнѣванный человѣкъ часто посылаетъ своего ненавистнаго противника „ко всѣмъ пра́хамъ.“ Но гдѣ найти этихъ нечистиковъ? Отвѣтъ одинъ: тамъ, гдѣ гнушаются быть самые неразборчивые собратья ихъ и гдѣ, слѣдовательно, нѣтъ другихъ нечистиковъ. Трущобному мѣстопребыванію пра́ховъ, ихъ типичной захудалости въ бѣсовствѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ и самый образъ жизни ихъ, и хотя „чертъ черту по сатанѣ родня,“ однако, многіе вольные нечистики не желаютъ признать даже свойства́ съ прахами.

X. КАДУКЙ.

Прошло сокрытое отъ людей число вѣковъ, отдалившихъ текущее время отъ перваго преступнаго дѣянія сотворенныхъ существъ, понесшихъ за то достойную кару. Въ теченіе столь долгаго срока, хотя и не убавилось количество злыхъ духовъ, несмотря на упомянутую гибель ихъ, однако, отъ первобытныхъ во вселенной преступниковъ уцѣлѣли нѣкоторыя о́соби, одиноко разсѣянныя по лицу земли: это—кадуки́. Очень возможно, что почти каждый изъ нихъ выдерживалъ неоднократное пере-

молаживанье и что отъ бѣсовской дѣятельности не произошло измѣненія ихъ существа; но, какъ угодно, многовѣковая работа и случайныя поврежденія могли наложить печать на это существо,—что и сказалось на кадукáхъ.

Считаясь первыми по времени возрожденія, на текущемъ счету кадукú состоятъ послѣдышами, забытыми инвалидами бѣсовства, на которыхъ не обращáютъ вниманія остальные нечистики, не обращаются ни къ ихъ опытности, ни къ ихъ помощи и ни во что ставятъ старческій авторитетъ ихъ. Отягченные всѣмъ этимъ, да сверхъ того, озлобляемые своими собратьями, кадукú бродятъ вдали отъ нечистиковъ и отъ своихъ немногочисленныхъ сверстниковъ. Видя же людскую правду, въ особенности, почетъ младшихъ къ старшимъ, снисхожденіе сильныхъ къ немощнымъ, кадукú больше остальныхъ нечистиковъ расположены къ людямъ, намѣренно не вредятъ имъ и только тогда подступятъ къ жертвѣ, когда она порочна въ людскомъ смыслѣ. Разумѣется, свою рѣдкостную работу они отправятъ съ навычною ловкостью мастеровъ, опытностью дѣльцовъ.

Люди отдаютъ подобающее уваженіе упомянутымъ особенностямъ кадуковъ, почитая ихъ справедливѣе остальныхъ вольныхъ нечистиковъ: жертвы невинной, хотя и идущей прямо въ руки кадуковъ, они не тронутъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже не допустятъ къ ней и другихъ нечистиковъ; эти послѣдніе страшатся вмѣшательства кадуковъ и тѣмъ жесточе ненавидятъ ихъ.

Какъ не страшна людямъ дѣятельность кадуковъ, такъ же не пугаетъ людей и матеріальный обликъ ихъ. Если кадýкъ не лишился предательскихъ особенностей бѣсовства—роговъ, хвоста и др., послѣдніе давно скрыты подъ многовѣковыми наслоеніями вещественныхъ прилиповъ. Благодаря сему, кадукъ похожъ издали на копну сѣна, или ворохъ мха, могущіе пугать развѣ своимъ непривычнымъ для людей движеніемъ. Неразумныя животныя, не страшатся, однако, такой копны и вороха: одни изъ нихъ безнаказанно общипываютъ и ѣдятъ прилипы, другіе вьютъ

гнѣзда и выводятъ дѣтенышей въ мягкихъ наростахъ сѣна, мха, пуха, листьевъ, которыми такъ обильно наслоена кожа кадуковъ.

В. Человѣкоподобники.

О происхожденіи человѣкоподобниковъ, второстепенныхъ представителей нечистой силы, существуетъ два весьма близкихъ другъ къ другу сказанія, а именно: послѣ паденія сатаны, его единомышленники, свергаемые съ неба, попадали въ разныя мѣста на землѣ—въ людскіе дома (?) и усадебныя зданія, на поля и луга, въ лѣса, въ воду, въ болота, и только немногіе повисли надъ землею, въ воздушномъ пространствѣ, чему отчасти способствовала предохранительная поддержка раньше падавшихъ бѣсовъ. Не коснувшіеся земли бѣсы составили отдѣлъ вольныхъ повсюдниковъ, о которыхъ только-что закончены сводныя сказанія; остальные же своимъ прикосновеніемъ къ землѣ и упомянутымъ мѣстамъ остались навсегда на этихъ же мѣстахъ, при чемъ, кто изъ нихъ зашибъ голову до желваковъ, у того послѣдніе развились въ рога, кто увѣчилъ позвонокъ, у того отросталъ хвостъ, кто разбивалъ пальцы, локти и колѣни, у тѣхъ зашибленныя мѣста оттѣнились крючковатыми наростами, давшими впослѣдствіи когти; расплющенные ножные пальцы слились въ одинъ, образовавшій копыто. Болѣе дюжія особи скоро оправлялись отъ поврежденій и ушиба и примыкали къ вольнымъ повсюдникамъ; остальные принуждены были оставаться на мѣстѣ паденія, гдѣ потомъ и застали ихъ люди. Обласканные послѣдними, какъ органическіе немощники, и даже пріюченные ими, войдя чрезъ то въ нѣкоторую связь со своими покровителями и предметами имъ обиходности, эти нечистики съ теченіемъ времени обезвредили свои отношенія къ людямъ, а иные стали и благодѣтельствовать имъ, какъ напр., усадебные нечистики.

По другому сказанію, человѣкоподобники есть несчастные, но гордые строители Вавилонской башни, дерзнувшіе проникнуть

въ тайны неба и мечтавшіе прославить себя въ отдаленномъ потомствѣ. Гордыня навлекла вполнѣ заслуженную кару: проклятые строители обезсмертились въ иномъ значеніи; но гдѣ застало ихъ проклятіе, тамъ они навсегда и остались—въ домѣ, въ усадебномъ строеніи, въ полѣ, въ лѣсу, въ водѣ, на болотѣ. Съ того времени эти человѣкоподобники значительно измѣнились въ существѣ, а путемъ разныхъ смѣшеній пріобрѣли духотворческую особенность, т. е. возможность снимать и снова получать матеріальный обликъ человѣка, хотя общія знанія ихъ и уровень развитія остались тѣми же, какими были въ моментъ кары. И сами человѣкоподобники, и люди не забываютъ отдаленной родственной связи другъ съ другомъ, при чемъ люди поддерживаютъ союзныя отношенія со многими изъ нихъ, не страшась гибельныхъ послѣдствій союза съ нечистою силою.

Есть и еще одно сказаніе о происхожденіи человѣкоподобниковъ, по которому они являются плодами сношеній повсюдныхъ нечистиковъ съ порочными женщинами, почему и имѣютъ двойное существо, способность воплощаться. Послѣ гнуснаго рожденія эти выродки приставляются къ дому и семьѣ, съ которою имѣютъ кровное родство, чтобы наблюдать здѣсь за намѣченными жертвами и вести ихъ къ гибели. Ожиданія не оправдываются: по родственной связи, приставники сравнительно меньше вредятъ дому и семьѣ, чѣмъ того требуетъ бѣсовская догма, а нерѣдко и благодѣтельствуютъ имъ. Бѣсовскій отецъ приставника не можетъ преслѣдовать своего отступническаго выродка, огражденнаго людскимъ вниманіемъ и довольно безстрашно обращающагося съ нѣкоторыми освященными предметами семейной обиходности. Проклявъ взаимно другъ друга и обѣщая месть, отецъ порываетъ съ выродкомъ всякія сношенія. Смѣняется семья, въ кругу которой выродокъ родился о возросъ, и онъ обращается въ зауряднаго человѣкоподобника, какъ предокъ, оберегающаго потомство, служитъ ему покровителемъ и благодѣтелемъ.

Только непрерывное единеніе человѣкоподобника съ домомъ и людьми ставитъ его въ покровители и благодѣтели; но чѣмъ

дальше онъ отстоитъ отъ того и другихъ, тѣмъ больше дичаетъ его натура, тѣмъ больше у него бѣсовства, такъ что, напр., какой-нибудь болотникъ является уже чистѣйшимъ бѣсомъ со всѣми демоническими свойствами. Въ той постепенности, въ какой человѣкоподобники отстоятъ дальше и дальше отъ дома и людей, послѣдуютъ и сводныя сказанія о каждомъ изъ нихъ.

(Усадебные нечистики).

XI. ДОМОВЫЕ (домовики́, до́мники).

У домовика только одна жена. За смертью ея, онъ можетъ жениться до четырехъ разъ, но не на родственницахъ, иначе онъ обязанъ оставить домовую службу и поступить, примѣрно, въ лѣшіе, водяные, болотники. Отъ своей всегда безличной жены домовикъ имѣетъ сыновей и дочерей. По достиженіи возраста, сыновья обыкновенно поступаютъ въ домовые другихъ новоотстроенныхъ домовъ; дочери же выдаются замужъ за домовыхъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ остаются дѣвственницами навсегда. Въ семъ случаѣ онѣ вѣчно юныя красавицы, чѣмъ и изводятъ домашнихъ парней: склоняя въ связь съ собою, но въ то же время будучи неуловляемыми, домовички требуютъ вѣрности только себѣ однѣмъ и немилосердно мстятъ парнямъ при нарушеніи вѣрности, даже и тогда, когда сами онѣ начали новую связь. Домовые справляютъ свадьбы своихъ дѣтей, смотря по дому, гдѣ живутъ, то богато, то скромно, при чемъ стараются пріурочить ихъ къ свадьбамъ хозяйскихъ дѣтей, дабы не тратиться отдѣльно на музыкантовъ; въ подобномъ соотвѣтствіи они надѣляютъ дочерей приданымъ. Время ѣды, сна и работы домовые опять же распредѣляютъ примѣнительно къ принятому въ домѣ распорядку.

Такимъ образомъ, изъ помина о семейной и обыденной жизни домового видно, что эта жизнь есть двойникъ жизни даннаго дома и семьи; но и самъ домовой—безспорный двойникъ хозяина,—что сказывается въ нижеслѣдующемъ. Ввиду того,

что безъ домового обойтись нельзя и что онъ не всегда обнаружитъ свое пребываніе въ домѣ, предусмотрительный хозяинъ старается призвать его. Призывъ происходитъ въ Пасхальную полночь, когда семьяне въ церкви, приблизительно такъ: „выбáчь (извини), дѣдька (или братокъ) за турбацію (тревогу), алú тольки приди ко мнѣ ни зéленъ, якъ листина, ни синь, якъ волна на водѣ, ни понуръ, якъ вовкъ; приди такей, якъ я самъ!“ Явится двойникъ зовущаго—человѣкъ того же роста, склада и въ тождественной одеждѣ, который прежде всего обусловливаетъ тайну свиданія: ни на яву, ни во снѣ, ни отцу, ни матери, ни на исповѣди зовущій не долженъ выдавать этой тайны, подъ опасеніемъ, что домовой не только прекратитъ посылку добра, но и сожжетъ домъ, которому будетъ благодѣтельствовать. Иные домовики обусловливаютъ, что ихъ гнѣвъ и месть продлятся до четвертаго хозяйскаго поколѣнія; всѣ же они мстятъ вѣроломному хозяину, почему-либо отступившемуся отъ нихъ, да и за всяческое оскорбленіе отъ домашнихъ гнѣваются и взыскиваютъ не съ обидчика, а съ хозяина.

Какъ очевидно, призывъ домового налагаетъ довольно тяжкія обязательства; посему, гораздо лучше не прибѣгать къ призыву и, для успокоенія себя, наблюдать, есть онъ въ домѣ, или нѣтъ, а это можно опредѣлить по домашнимъ благополучіямъ и неблагополучіямъ. Да и не во всякій домъ войдетъ призываемый домовикъ, хотя и потребуетъ выполненія упомянутыхъ условій, а только въ тотъ, который пришелся ему по праву и вкусу,—что сказывается, напр., при переходѣ хозяевъ въ новый домъ: какъ бы ни склоняли его къ переходу, онъ остается въ старомъ домѣ, пока тотъ не разрушится, и тогда перемѣщается въ избранный, къ новымъ хозяевамъ, но не родственнымъ прежнему, все время негодуя на оставившихъ его сожителей и мстя имъ. При обратномъ положеніи дѣла, домовой—благодѣтельный слуга дома, которому достаточно лишь высказать вслухъ свои желанія, но безъ свидѣтелей. Тогда онъ проявляетъ необыкновенную дѣятельность и чуть не ежечасно проситъ работы,—что, повиди-

мому, такъ необычно въ этомъ увальнѣ: онъ чиститъ, моетъ стѣны и мебель, справляетъ работы наиболѣе любимыхъ имъ лицъ—шьетъ, прядетъ, стираетъ, мелетъ, производя работу по ночамъ; тогда онъ завиваетъ любимчикамъ кудри, плететъ косы, отгоняетъ отъ спящихъ насѣкомыхъ и проч. Въ то же время домовикъ караулитъ домъ и добро, предостерегаетъ о грядущихъ несчастьяхъ—пожарѣ, воровствѣ, или болѣни, то особымъ стукомъ, то смѣхомъ или плачемъ, то глаженьемъ головы и лица спящаго, то появленіемъ животнаго. Больше всего онъ оберегаетъ отъ вольныхъ нечистиковъ, съ которыми даже дерется. Усиленный стукъ домовика, его плачъ и стонъ пророчатъ обыкновенно болѣзнь въ домѣ, появленіе же въ своемъ подлинномъ видѣ—смерть хозяина. Кстати дополнить: при всѣхъ случаяхъ своихъ сношеній онъ вѣдается съ хозяиномъ и семейными мужчинами, и только наиболѣе красивыя семейныя женщины пользуются незначительнымъ его вниманіемъ.

За всѣ безкорыстные труды домовикъ требуетъ отъ покровительствуемыхъ всегдашняго почтенія и того, чтобы они не забывали благодѣтеля въ торжественные для семьи дни. Признательные хозяева чествуютъ домовика просьбою пожаловать за столъ (въ поминальные дни), постилая ради его чистую холстину отъ порога до стола; подобное, но безмолвное приглашеніе дѣлаютъ они и при крестинномъ, свадебномъ, гостиномъ сборѣ. Какъ въ сихъ случаяхъ, такъ и при будничномъ употребленіи, имя домовика произносится ласково, заискивающе—„дѣденька, дяденька, братокъ, самый набольшій“.

Какъ пожилой человѣкоподобникъ, какъ „набольшій“ въ домѣ, домовикъ капризенъ, даже привередливъ, и не мирится съ тѣмъ, что идетъ противъ его воли, вкусовъ и привычекъ. Такъ онъ не выноситъ присутствія въ домѣ зеркалъ, масокъ, скоморошныхъ сборищъ; не любитъ, когда у порога лежитъ какой-нибудь предметъ, а тѣмъ болѣе—живое существо,—что мѣшаетъ его переходамъ изъ хаты въ сѣни, и обратно. Тогда онъ начи-

наетъ проказничать и тѣмъ предостерегаетъ жильцовъ отъ своего дальнѣйшаго гнѣва: ночью сваливаетъ всю посуду въ лохань, перемѣщаетъ стряпные и утварные предметы, поставивъ, напр., кочергу и ухваты въ кутъ, скамьи и табуреты—въ порожній уголъ, или же все это сваливаетъ грудою подъ лавку, подъ нары, въ подпечье, при чемъ оставляетъ нетронутыми иконы, хлѣбъ и соль на столѣ. Нѣчто подобное дѣлаетъ домовикъ и во время своихъ подшучиваній и заигрываній съ жильцами, выражая тѣмъ свое расположеніе: толкаетъ, даще щиплетъ спящихъ, отчего у нихъ бываетъ немало синяковъ, которые, однако, не болятъ. Особенно часто онъ подшучиваетъ надъ супругами и любуется временными ихъ распрями, ради чего незримо подбавляетъ въ ихъ пищу и питье „раздорное зелье“. При игривомъ, какъ и при безразличномъ состояніи, домовикъ любитъ рядиться въ одежду хозяина, которую, однако, спѣшно кладетъ на мѣсто, коль скоро она понадобится.

Хотя человѣкъ привыкъ считать домового духомъ-нечистикомъ, правда, не имѣющимъ принадлежностей нечистика—роговъ, когтей, крыльевъ,—однако, онъ способенъ принимать образы одушевленныхъ предметовъ, но только мужскихъ, при чемъ тутъ не бываетъ смѣшаннаго сочетанія отдѣльныхъ частей (собачья голова, козье туловище, куриныя ноги). Чаще всего домовикъ принимаетъ человѣческій видъ; тогда онъ—плотный, средняго роста мужчина, съ полусѣдою, лопатистою бородою, съ красивымъ, добродушнымъ лицомъ, голубыми открытыми глазами; волосы на головѣ вразсыпную, частью спускающіеся на лобъ; за исключеніемъ пространства вокругъ глазъ и носа, все тѣло его, даже ладони и подошвы, покрыты, точно пушкомъ, мягкою шерстью; вполнѣ человѣческіе ногти его нѣсколько длинны и какъ-то особенно холодны,—что ощущается, когда домовой гладитъ, и что не сочетается съ ласкающимъ ощущеніемъ бархатистой ладони его. Иногда же онъ—глубокій старикъ, въ ростъ пятилѣтняго ребенка, съ морщинистымъ лицомъ, бѣлою какъ снѣгъ бородою, сѣдо-желтыми волосами на головѣ, съ фосфори-

ческимъ блескомъ глазъ, отъ которыхъ идутъ въ стороны свѣтовыя полосы. Въ томъ и другомъ возрастѣ домовикъ есть первостатейный щеголь.

Обычнымъ мѣстопребываніемъ домового считается запечный уголъ, откуда онъ заходитъ въ подполье (подъ нары), въ подпечье, гдѣ коротаетъ досугъ съ мышами и курами; излюбленнымъ же мѣстомъ его въ запечномъ углу служитъ именно линія соединенія запечныхъ стѣнъ, всегда приходящихся противъ кута, откуда онъ надзираетъ за семьею во время полнаго сбора ея при ѣдѣ, семейной радѣ, пріемѣ гостей, для чего онъ высовывается надъ поверхностью печи по грудь. Внѣ этой надобности домовой спускается на самый низъ запечнаго угла, гдѣ обыкновенно дремлетъ.

Кромѣ мѣстъ въ хатѣ, домовой ютится въ сѣняхъ, на чердакѣ и въ клѣти, когда въ сихъ мѣстахъ лѣтнею порою больше пребываетъ и семья. Тутъ онъ присѣдаетъ на жердочку, на пологъ, на молочную „скрыню“, на жерновный поставъ, или же на вколоченный въ стѣну деревянный крюкъ. Гдѣ ни помѣстился бы домовой, онъ будетъ сидѣть въ неподвижномъ забытьѣ, изъ котораго, какъ человѣкоподобника, не выводятъ: ни пѣнье пѣтуховъ, ни молитвенные возгласы людей, ни метанье предметовъ съ мѣста на мѣсто, ни даже обращеніе къ нему. И только тогда онъ уклонится слегка въ сторону, когда метаемый предметъ особенно грязенъ, какъ, напр., снятые съ ногъ лапти, онучи, или грязный голикъ, укрываемый на время отъ людского взора.

Есть исключительныя положенія дома и семьи, когда домовикъ часто и подолгу удерживаетъ принятый человѣческій видъ. Тогда, примѣнительно ко времени года и погодѣ, онъ носитъ то теплую, то легкую одежду, по праздникамъ смѣняетъ будничную одежду. Но и лѣтомъ и зимою онъ ходитъ босикомъ, безъ шапки; эту послѣднюю домовой одѣваетъ только передъ смертью хозяина, когда временно присѣдаетъ на его мѣсто, за его работу. Призывавшій домового раньше теперь видитъ его вторично

совершенно такимъ, какимъ видѣлъ и въ первый разъ. Остается ли въ домѣ достойный замѣститель умирающаго хозяина, или нѣтъ, домовой не выразитъ скорби, не перестанетъ благодѣтельствовать до тѣхъ поръ, пока къ нему будутъ сохраняться начатыя отношенія; но если въ управленіе домомъ вступила женщина, и оно затягивается, домовой ослабляетъ свою благодѣтельную дѣятельность, а нерѣдко и совершенно прекращаетъ ее, оставаясь лишь свидѣтелемъ упадка благополучій дома.

Сношеніе съ домовымъ не считается преступнымъ въ той мѣрѣ, какъ сношеніе съ другими нечистиками, и получаемое при содѣйствіи его добро не идетъ прахомъ. Однако же, это сношеніе оттѣняетъ человѣка: онъ становится задумчивымъ, молчаливымъ, или говоритъ кратко, больше ріемою,—тѣмъ безтолковѣе, чѣмъ глубже сношеніе,—уединяется и кончаетъ, или сумасшествіемъ, или самоубійствомъ.

Домовой „отъ чертей отсталъ—и къ людямъ не присталъ“ (или наоборотъ: отъ людей отсталъ—и къ чертямъ не присталъ): онъ живетъ по старинѣ незапамятной, мыслитъ и смотритъ на все такъ, какъ это было въ моментъ превращенія; то же наслѣдуютъ и его сыновья. Посему домовой не уживается съ новшествами, а ютится и благодѣтельствуетъ тамъ, гдѣ живутъ проще, постаринѣ.

Сколько времени живутъ домовые—никому неизвѣстно, хотя всякій знаетъ, что единственная гибель ихъ отъ громовыхъ ударовъ возможна тогда, когда самъ онъ, въ семъ случаѣ весьма осторожный, почему-либо сплошалъ. Какъ и всѣ нечистики, пораженный домовой обращается въ прахъ, при чемъ даже дѣти не собираются оплакивать отца.

XII. ХЛѢВНИКЙ.

Многіе не отдѣляютъ домового отъ хлѣвника, считая, что въ домѣ и въ хлѣву дѣйствуетъ одинъ и тотъ же домовой,

смотря по волѣ и обстоятельствамъ, то временно перемѣщающійся туда и сюда, то исключительно отдавшій себя на служеніе въ домѣ, или въ хлѣву. Это несправедливо: въ то время, когда въ домѣ благополучно рождаются, подвоспитываются и брачатся дѣти, исправно идутъ работы, слѣдуетъ притокъ добра за добромъ, почетъ за почетомъ, плохо разводится скотъ, болѣетъ, падаетъ, нѣтъ въ немъ ни силы, ни тука. Это значитъ, что домовой покровительствуетъ, а хлѣвника или вовсе нѣтъ, или онъ дѣйствуетъ во вредъ хозяйству, будучи доведенъ до сего хозяйскою выходкою, личнымъ неудовлетвореннымъ капризомъ. Такъ двоиться въ дѣятельности не въ состояніи одинъ и тотъ же близкій къ человѣку человѣкоподобникъ, который только и можетъ быть: или покровителемъ дома, или его ненавистникомъ.

Правда, домовой и хлѣвникъ весьма похожи другъ на друга характеромъ, странностями, привычками, оба стараются благодѣтельствовать данному хозяйству; но въ проявленіи благотворной дѣятельности того и другого сейчасъ видна рознь этихъ человѣкоподобниковъ, сошедшихся такъ близко, но, кстати, даже не знающихъ другъ друга: домовой не пойдетъ въ хлѣвъ, хлѣвникъ—въ домъ; каждому въ своей области достаточно работы.

Главнымъ образомъ хлѣвникъ вѣдается съ хозяйскими лошадьми (коневникъ) и коровами, весьма рѣдко—съ овцами и никогда—съ козами и свиньями, едва перенося ихъ присутствіе въ хлѣву. Лѣтомъ и зимою хлѣвникъ безвыходно остается въ хлѣву, занимая здѣсь или задній хлѣвной уголъ, или взбирается на балку, на куриную нашесть, откуда надзираетъ за скотомъ, каждый разъ подходя къ хлѣвному порогу при отправленіи скота въ поле и при возвращеніи его въ хлѣвъ. Впрочемъ, наиболѣе любимое животное хлѣвникъ сопровождаетъ иногда до самаго мѣста его отлучки, даже остается при немъ чуть не до возврата животнаго домой. Когда же во время навозной толоки, или поврежденія хлѣва, скотъ загоняется въ другое хозяйственное строеніе, въ полевую загорожу, и ночуетъ тамъ, хлѣвникъ

слѣдуетъ за скотомъ и занимаетъ свои обычныя мѣста—уголъ, балку, или жердочку.

Полюбилъ хлѣвникъ хозяевъ, пришелся ему по нраву подборъ масти животныхъ—онъ холитъ и чиститъ каждую скотину, а лошадямъ даже заплетаетъ гривы и хвосты, носитъ любимчикамъ воду домашними ведрами, тайкомъ подхваченными изъ сѣней и изъ подъ навѣса, утучняетъ кормъ, не допускаетъ до обиды однихъ животныхъ другими и проч. Въ противномъ случаѣ онъ войлочитъ, даже выщипываетъ шерсть, гривы и хвосты скручиваетъ въ колтуны, тревожитъ ночью, галопируя на животномъ по хлѣву, до упадка силъ животнаго. Больше всего достается нелюбимой лошади: на ней хлѣвникъ выѣзжаетъ на дворъ, въ гумно, дѣлаетъ нѣсколько концовъ по деревнѣ, проскачетъ верстъ пятокъ по дорогѣ, или по полю, и за одну только ночь уходитъ ее такъ, что лошадь спадетъ съ тѣла. Кромѣ того, онъ отталкиваетъ животное отъ корма и пойла, или переноситъ ихъ къ любимчику, который такимъ образомъ откармливается на счетъ нелюбимаго. Это послѣднее тощаетъ, изводится; самки сбрасываютъ, новорожденныя бываютъ съ искривленіями, органическими пороками.

Во всѣхъ такихъ сношеніяхъ съ животными хлѣвникъ остается невидимымъ и только изрѣдка объявляется въ видѣ съежившагося, морщинистаго захудальца: кажется, будто остовъ мальчика помѣщенъ въ кожу взрослаго человѣка. Хотя этотъ человѣкоподобникъ и можетъ дѣйствовать впотьмахъ, однако, онъ обходитъ скотъ, дѣлаетъ распорядки при свѣчѣ, дающей синій цвѣтъ пламени, которую зажигаетъ постаринному—кресивомъ и трутомъ.

Хлѣвникъ разборчивъ во вкусахъ: иной не любитъ вороныхъ, иной сѣрыхъ, иной двоежильныхъ лошадей; всѣ же они терпѣть не могутъ пѣгихъ (стрыкатыхъ, лапленыхъ): на послѣднихъ онъ обыкновенно въѣзжаетъ въ хлѣвъ, если только доселѣ не было его тамъ и—портитъ весь скотъ. Кое-какъ сживаясь съ

пребываніемъ козы, хлѣвникъ не терпитъ козла (самца), и если желательно вывести хлѣвника, такъ стóитъ помѣстить совмѣстно со скотомъ козла, привѣсивъ здѣсь же (въ конюшнѣ) убитую сороку. Хлѣвникъ рѣшительно не выноситъ послѣдней: когда она часто садится на хлѣвъ и щебечетъ, выдавая тѣмъ пребываніе хлѣвника, то послѣдній впадаетъ въ изступленіе и начинаетъ вредить любимѣйшимъ животнымъ, а наконецъ и совсѣмъ уходитъ изъ хлѣва. Въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, когда хлѣвникъ потревожилъ скотъ ночью, въ шутку, или по внезапному гнѣву, его можно остановить пристыженіемъ: войдя тайкомъ въ хлѣвъ со скрытою, но незажженною громничною свѣчою, при первомъ шорохѣ, поднять свѣчу и укоризненно сказать, что „я вижу продѣлки и нахожу ихъ неприличными“.

Подобно тому, какъ не произносится подлинное имя домового, при такомъ или иномъ домашнемъ поминѣ о хлѣвникѣ, не выговаривается и его имя. Мало того: всяческая осторожность возбраняетъ смотрѣть въ уголъ, на балки и шесты, гдѣ предполагается помѣщеніе хлѣвника; въ случаѣ надобности стронуть балку, жердь, необходимо предварительно назвать эти предметы, чтобы тѣмъ предупредить хлѣвника, который иначе съ просонья (лучше — дремы) можетъ надѣлать немало бѣдъ.

Сроки жизни, какъ и возможная гибель хлѣвника одинаковы со сроками и гибелью домового; но хлѣвникъ старѣетъ и разлагается отъ пребыванія въ грязно содержимомъ хлѣву какъ-то скорѣе домового; особенно онъ много терпитъ отъ паразитовъ, пристающихъ къ нему отъ животныхъ: если хлѣвникъ не дремлетъ, такъ немилосердно теребится, скидывая паразитовъ и кору отъ навозныхъ прилиповъ, при чемъ покровъ его лысѣетъ, какъ это бываетъ у зануженныхъ животныхъ. Если хлѣвъ содержится неряшливо и недостаточно защищенъ, хлѣвникъ больше сидитъ въ своихъ притонныхъ мѣстахъ и скотомъ мало занимается: тогда и наиболѣе любимыя имъ животныя остаются безъ его ухода, грязнѣютъ, зануживаются вмѣстѣ съ патрономъ. Повальный скотской падежъ есть или месть хлѣвника, занося-

щаго заразу, или необходимая жертва при гибели его. Гдѣ такимъ образомъ погибъ хлѣвникъ, тамъ никогда не разведется скотъ.

XIII. ГУМЕ́ННИКИ (ЁВНИКИ, ОСЕ́ТНИКИ), ПУ́ННИКИ И БАННИКИ (ЛА́ЗНИКИ).

Приведенными именами усадебныхъ человѣкоподобниковъ достаточно опредѣляется мѣстонахожденіе и область дѣйствій ихъ, какъ и то́, что они стоятъ нѣсколько дальше отъ человѣка и рѣже двухъ предыдущихъ приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Недостаточно знакомые со складомъ и характерными особенностями сихъ человѣкоподобниковъ принимаютъ ихъ за единоличное усадебное существо. Но это несправедливо уже потому, что человѣкоподобники слишкомъ тѣсно связаны съ мѣстомъ дѣятельности, не покидаютъ его даже ради сношеній другъ съ другомъ; съ другой стороны, одинъ и тотъ же человѣкоподобникъ не можетъ отправлять раздѣльной дѣятельности, обращаться съ раздѣльными предметами,—что можно было видѣть изъ повѣсти о домовыхъ и хлѣвникахъ. Общимъ у сихъ человѣкоподобниковъ можно считать развѣ только благотворное, или отрицательное служеніе человѣку, да тотъ неряшливый видъ, какой они обыкновенно имѣютъ отъ грязи, копоти и пыли.

Евникъ или осе́тникъ ютится въ овинной сушильнѣ, гдѣ неизмѣнно понуро сидитъ въ углу—или запечномъ, образуемомъ соединеніемъ запечныхъ стѣнъ, или на самомъ печномъ рогу, выступающемъ на средину сушильни, или на сушильной жердочкѣ, и только изрѣдка подходитъ къ сушильному окну, чтобы выхаркнуть пыль и копоть; еще рѣже переступаетъ онъ порогъ сушильни, чтобы осмотрѣть токовище, склады сноповаго хлѣба, направить или отклонить вѣтеръ, необходимый во время провѣванія хлѣба, посмотрѣть на молотьбу и работающихъ въ овинѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ овинъ заходятъ ненужныя здѣсь лица, ёвникъ появляется въ разныхъ мѣстахъ овина и выпуги-

ваетъ пришедшихъ; если же въ овинъ прибылъ ненавистникъ ёвника, послѣдній дѣятельно слѣдитъ за нимъ, выжидая минуты потревожить его сонъ, затмить дымомъ, уморить угаромъ и даже сжечь вмѣстѣ съ овиннымъ добромъ.

При миролюбивомъ отношеніи, ёвникъ заботится о правильной топкѣ сушильной печи, о надлежащей сушкѣ сноповъ и зерна, не ломаетъ соломы, посылаетъ нужный для вѣянья сквозникъ, регулируетъ провѣваемое зерно, правильно наслояя мякину, отбросы, отборное зерно; словомъ—помогаетъ, споритъ работу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда овинная сушильня служитъ для сушки и первоначальной обработки пеньки и льна, ёвникъ также дружелюбно служитъ при мялкѣ и трепалкѣ, хотя и тревожно перемѣщается, такъ какъ не переноситъ смрада отмоченной и отлежавшейся пеньки и льна. Весьма нравится также ёвнику, когда сушильня замѣняетъ баню: тутъ у него есть единственная возможность смыть копоть и пыль, при чемъ онъ видитъ людей въ томъ естественномъ видѣ, въ какомъ зналъ въ незапамятные дни своего человѣчнаго бытія.

Когда ёвникъ принимаетъ вещественный образъ, онъ все-таки остается неуловляемымъ для обстоятельнаго описанія: человѣкъ видитъ предъ собою человѣкоподобную массу, гдѣ копоть, пыльныя нити паутины, мякинные и другіе прилипы, а также овинный полумракъ не даютъ возможности разобрать отдѣльныхъ формъ. Но ёвникъ рѣдко и ненадолго принимаетъ вещественный образъ, большею частью оставаясь обычнымъ невидимкою.

Евникъ не боится обыкновеннаго огня, и овинный пожаръ, по людской неосторожности, мало тревожитъ его: выйдя изъ своего притока за овинную черту, онъ спокойно наблюдаетъ за происходящимъ, а по окончаніи пожара и по уходѣ людей, забирается въ печь, на обгорѣлое бревно и тутъ ютится, пока не отстроится новый овинъ, куда немедленно и переходитъ. Нѣсколько иначе съ пожаромъ отъ молніи: тутъ нерѣдко совершенно гибнетъ ёвникъ, благодаря внезапности громового удара,

невидимаго мрачнаго притона, и тому наслоенію мякинной пыли, которая легко воспринимаетъ пламя. Пораженный ёвникъ сгораетъ, не оставляя послѣ себя ни пылинки. Если это произошло съ однимъ ёвникомъ, другой не пойдетъ въ овинъ, отстроенный на томъ же мѣстѣ: овинъ остается безъ ёвника.

Пунникъ не загрязненъ такъ, какъ ёвникъ, по крайней мѣрѣ, на немъ нѣтъ копотнаго наслоенія, хотя и есть вдоволь пыли и мусора отъ сѣна и трухи; также онъ покрытъ запыленными нитями паутины. Все это затрудняетъ подробное разсмотрѣніе пунника, когда тотъ принимаетъ вещественный образъ: видится человѣкоподобной формы масса, въ которой скорѣе можно признать охапку мелкаго, загрязненнаго сѣна, чѣмъ живое существо. Какъ и ёвникъ, онъ принимаетъ матеріальный обликъ весьма рѣдко, пока въ пунѣ есть сѣно; обыкновенно же онъ незримо торчитъ на стропильныхъ перекладинахъ, надзирая за приходящими въ пуню, споритъ или изводитъ сѣно, любуется сценами игръ и столкновеній собирающейся сюда людской молодежи, тѣшится кошачьими взвизгами, вознею ихъ, ловлею мышей, и терпѣть не можетъ гнѣздъ и выводковъ вольныхъ птичекъ. Ребятишекъ и одиночныхъ посѣтителей пунникъ обыкновенно пугаетъ неестественнымъ аханьемъ, храномъ и свистомъ, или жалобнымъ воемъ чрезъ щели и многочисленныя отверстія пуни,—что, въ свою очередь, доставляетъ ему немалое удовольствіе.

Пунникъ ютится не только въ усадебной, но и въ отдаленной луговой или лѣсной пунѣ, лишь бы она имѣла крышу и стропильныя перекладины: всякая мокрота, въ томъ числѣ и отъ дождя сквозь крышу, дѣйствуетъ на пунника разрушительно—онъ медленно хирѣетъ, хотя и не доходитъ до окончательной гибели; послѣдняя возможна только при громовомъ ударѣ да при неосторожныхъ движеніяхъ пунника во время выхода изъ пуни, когда послѣдняя зажжена молніей. Подобно ёвнику, онъ обращается тогда въ безслѣдный прахъ.

Ла́зникъ гораздо злѣе помянутыхъ усадебниковъ и терпѣть не можетъ праздныхъ, а тѣмъ болѣе—несвоевременныхъ посѣтителей, которыхъ распугиваетъ неестественнымъ храпомъ, шипѣньемъ, поименнымъ зовомъ, визгомъ. стукомъ въ стѣну, ворочаньемъ камней на банной каменкѣ, хохотомъ и проч. Этотъ послѣдній злораденъ и сопровождаетъ выпугиваніе запоздалыхъ въ банѣ женщинъ, принужденныхъ убѣгать нагишомъ. Но отъ выпугиваній ла́зника несвободны и всѣ, кто вздумалъ бы мыться въ банѣ позже полночи: онъ бросаетъ въ моющихся мусоромъ, даже камнями и, при остромъ случаѣ, можетъ губить нарушителя покоя.

Не мало злобнаго безпокойства доставляетъ лазнику первоначальная обработка пеньки и льна—мятье и трепанье—какъ и предварительная сушка ихъ въ самой банѣ, когда ла́знику приходится переносить смрадъ и пыль отъ перетлѣвшей кострики и зловонной слизи обрабатываемыхъ предметовъ. Хуже всего, что эти предметы остаются въ банѣ подолгу: это еще больше озлобляетъ ла́зника противъ посѣтителей, которымъ онъ мститъ баннымъ пожаромъ, какъ извѣстно, чаще другихъ повторяющихся среди усадебныхъ построекъ.

Евники или осе́тники, пу́нники и ла́зники—непрошенные усадебные человѣкоподобники, гости, безъ которыхъ легко обойтись; а потому, при переходѣ на новь, въ новоотстроенныя зданія, ихъ обыкновенно не приглашаютъ, подобно домовымъ и хлѣвникамъ: они сами набѣгаютъ сюда. Но, скучая относительною бездѣятельностію, назойливостью неумѣстныхъ и несвоевременныхъ посѣтителей, эти человѣкоподобники иногда внезапно оставляютъ строеніе, гдѣ проживали. Такой выходъ нечистика сопровождается гибелью или разореніемъ оставленнаго пріюта: послѣдній сгораетъ, разрушается бурею, или въ немъ проваливается крыша, потолокъ, печка, кривится стѣна. Какъ ни разорительно это для даннаго хозяйства, несчастье покрывается надеждою, что въ исправленное зданіе нечистикъ уже не войдетъ снова и что въ немъ не будетъ прежнихъ тревогъ.

XIV. ПОЛУНОЧНИКИ И ЕРЕТНИКИ.

Полуночники и еретники повсюдны въ усадебныхъ строеніяхъ: гдѣ пребываетъ человѣкъ, тамъ есть и они, несмотря на присутствіе помѣстныхъ усадебныхъ нечистиковъ, которые, правду сказать, не могутъ ладить съ этими озорниками среди усадебныхъ человѣкоподобниковъ. Полуночники начинаютъ свою озорническую дѣятельность во время общаго людского покоя, ночью, и проявляютъ ее дикими возгласами человѣка, фальшивою просьбою о помощи, свистомъ и ревомъ бури, страннымъ хохотомъ или плачемъ. Все это дѣлается снаружи помѣщенія, гдѣ расположился человѣкъ, и тѣмъ оно несноснѣе, что застаетъ покоящагося при первомъ снѣ, прерывая и послѣдующій ночной отдыхъ его,—что приблизительно длится отъ 11 час. вечера до 3 час. утра.

Гдѣ притонное становище полуночниковъ и каковъ ихъ обликъ—доселѣ никому не удавалось узнать, хотя въ темнотѣ нерѣдко свѣтится то одинъ, то оба глаза полуночника, немленно укрывающагося отъ преслѣдованія; но, по быстрому движенію полуночниковъ, порывистымъ ихъ дѣйствіямъ и, въ особенности, по голосу, можно догадываться, что эти озорники моложе среднихъ лѣтъ, что они бродятъ въ одиночку и скопомъ и что въ составѣ скопа есть и мужчины и женщины. Замѣчено многократно, что полуночниковъ разводится больше и дѣятельность ихъ болѣе озорна вблизи поселеній, гдѣ есть побольше молодежи, и полуночническая дѣятельность нечистиковъ тлетворно отзывается на жизни и дѣятельности мѣстной молодежи, двойнымъ страхомъ—на жизни родителей и старшихъ.

Гораздо опредѣленнѣе обликъ еретниковъ, въ которыхъ многіе хотятъ видѣть бывшихъ колдуновъ и колдуній, пожелавшихъ передъ смертью отрѣшиться отъ гнуснаго поведенія своего, но не допущенныхъ до сего своими властителями—бѣсами. Единственное доброе намѣреніе бывшихъ человѣконенавистни-

ковъ, по смерти ихъ, оплачивается особенною карою: каждую ночь они должны появляться на дорогахъ, поджидать здѣсь и томить запоздалыхъ путниковъ, дѣлать тоже съ людьми и на ихъ собственныхъ дворахъ, въ чертѣ усадебныхъ построекъ и внутри ихъ.

Еретники начинаютъ губительную дѣятельность послѣ вечернихъ сумерекъ и длятъ ее до перваго проблеска утренней зари,—что тѣмъ опаснѣе для людей, которые не могутъ предусмотрѣть врага въ темнотѣ. Дерзкій еретникъ внезапно пристаетъ къ жертвѣ и обхватываетъ ее обѣручъ, или схватываетъ за горло: въ томъ и другомъ случаѣ жертва теряетъ сознаніе, или безсильно мечется до потери жизни. Тогда еретникъ, насладившись страхомъ и муками жертвы, пьетъ теплую кровь ея, а тѣло уродуетъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда жертва не потерялась при первомъ подступѣ еретника, отъ послѣдняго нельзя отдѣлаться „ни пестомъ, ни крестомъ“: перваго не боится врагъ, а второй попадаетъ въ пространство, откуда увернулся еретникъ; при томъ же, будучи обхвачена и сдавлена, жертва не въ состояніи сдѣлать и этой послѣдней обороны.

Къ счастью людей, еретниковъ относительно немного, да и тѣ изводятся самими же еретниками, при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Тогда, при полной ночной тишинѣ, два еретника немилосердно грызутся, царапаютъ, душатъ одинъ другого, и не было еще случая, чтобы одинъ изъ нихъ уцѣлѣлъ. На семъ прерывается бытіе еретника, который уже отбываетъ потомъ однѣ замогильныя кары. Кромѣ того и люди научились изводить еретниковъ, которые, не страшась громовыхъ стрѣлъ, уязвлямы, однако, острыми металлическими предметами, и скоро гибнутъ отъ уколовъ, порѣзовъ. При каждой гибели еретника матеріальное вещество его обращается въ зловредный прахъ, разрушительно дѣйствующій на здоровье людей и даже животныхъ, когда пищею и питьемъ вводится въ тѣло.

XV. МА́РЫ.

Въ то время, когда полуночники и еретники отправляютъ свою непохвальную и губительную дѣятельность, повидимому, скромныя ма́ры мучатъ и томятъ спящихъ, не прерывая, однако, самаго сна ихъ. Обыкновенно ма́ра садится на грудь, или горло спящаго и начинаетъ давить, причемъ, затрудняя дыханіе, дѣлаетъ это съ минутными ослабленіями, чтобы насладиться еще бо́льшими му́ками жертвы послѣ передышки. Жертва ясно сознаетъ свое опасное положеніе и, чтобы спасти себя, поднимаетъ руку отогнать ма́ру толчкомъ, или крестнымъ знаменіемъ; но тутъ юркая мара придерживаетъ заносимую руку, при чемъ, отъ прикосновенія мары, рука млѣетъ, прибавляя новое страданіе. Единственнымъ могучимъ средствомъ спасенія отъ мары служитъ поминъ о томъ, что все это происходитъ во снѣ, а не на яву: страдалецъ быстро просыпается—и мара исчезаетъ. Но образумиться такъ могутъ лишь люди пожилые, къ которымъ, кстати, мара пристаетъ вообще рѣдко, хотя бы они спали даже на спинѣ (любимая марою поза спящаго); люди же молодые, „съ тепленькою кровью“, къ которымъ любитъ приставать мара, обыкновенно не додумываются до указаннаго средства и принуждены подолгу переносить причиняемыя ею муки.

Этотъ злобный мучитель молодежи окруженъ бо́льшею таинственностью, чѣмъ, напр., еретники, собственно потому, что пристаетъ къ человѣку только во снѣ и, преимущественно, къ тому, кто шумно провелъ время передъ сномъ, а, слѣдовательно, съ трудомъ можетъ разобраться во впечатлѣніяхъ. При томъ же мара мѣняетъ свой обликъ, когда послѣдовательно пристаетъ къ одному и тому же лицу. Но изъ этихъ мимолетныхъ явокъ обликъ мары обрисовывается приблизительно такъ: она имѣетъ человѣкоподобныя формы, ростомъ съ недѣльнаго младенца, голокожа, или покрыта рѣдкими, короткими перьями, иногда шерстью, мягка на ощупь, припадаетъ на жертву не грузно и не

сразу, а исподволь, при чемъ первое прикосновеніе ея даже ласкаетъ. Отступаетъ же мара отъ жертвы стремительно, оставивъ по себѣ у спящаго онѣмѣніе руки или ноги да обильный потъ на лицѣ и тѣлѣ.

Подобно многимъ усадебнымъ человѣкоподобникамъ, мары не страшатся освященныхъ предметовъ, какъ и осѣненія крестнымъ знаменіемъ, а потому свободно проникаютъ къ спящему чрезъ очерченную крестнымъ знаменіемъ черту. Гибнутъ ли мáры и отъ чего именно—остается неизвѣстнымъ и доселѣ.

XVI. КИКИМОРЫ (ВѢЩИЦЫ).

Послѣдними усадебными человѣкоподобниками считаются кикиморы—младенчески юныя существа, исключительно женскаго пола, загубленныя до крещенія дочери, или же проклятыя матерями еще въ утробѣ. Благодаря своему юному возрасту, неизмѣняющемуся съ годами, кикиморы положительно безвредны, хотя и засылаются въ людскіе дома съ враждебною цѣлью. По большей части, кикиморы скопляются въ тѣ дома, въ которыхъ произошло дѣтоубійство, проклятіе, и вблизи которыхъ былъ скрытъ трупикъ. Само собою разумѣется, что подобныя жертвы, загубленныя въ домѣ, даютъ не кикиморъ, а извѣстныхъ русалокъ. Благодаря своему слишкомъ юному возрасту, а отчасти и полу, кикиморы совершенно забываютъ про цѣли пребыванія въ домѣ, заигрываются и досаждаютъ жильцамъ развѣ одною вознею, отъ которой слышится неопредѣленный шумъ, перемѣшиваемый изрѣдка немощнымъ пискомъ да визгомъ. Но среди самой оживленной иногда возни кикиморы внезапно останавливаются: это значитъ—вниманіе ихъ привлечено къ созерцанію домашней обстановки, тѣхъ или иныхъ работъ, сверстницъ и сверстниковъ, ласкаемыхъ своими матерями. Тогда-то кикиморы издаютъ особенный, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимый вздохъ, въ которомъ сказывается зависть къ чужой ласкѣ и недостижимое желаніе получить таковую себѣ. За незнаніемъ иной работы, кикиморы

чаще всего набрасываются на оставленное шитье или пряжу, чтобы угодить ласковой матери, или ея дочери, и продолжаютъ прерванную ими работу. Цѣль, однако, не достигается: кривые и неумѣстные швы, неровность выпряденныхъ нитокъ, пухленье мычки и т. под. поутру разбираются матерями, или другими возрастными женщинами, причемъ по адресу мастерицъ слѣдуютъ укоры, замѣчанія, даже брань. Все это еще больше томитъ бѣдныхъ кикиморъ, вызываетъ болѣе тяжкій вздохъ.

Обычнымъ мѣстопребываніемъ кикиморъ въ домѣ—площадь на поверхности печи и подпечье, куда онѣ незримо спускаются. Въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда кикиморы принимаютъ тѣлесный обликъ, ихъ не трудно поймать и разсмотрѣть. Если догадливый человѣкъ немедленно выстрижетъ у кикиморы волосы на темени крестообразно, она навсегда остается человѣкомъ и продолжаетъ обычный ростъ дитяти, хотя впослѣдствіи не можетъ избѣгнуть такого или иного порока: непропорціональность формъ, кривизна отдѣльныхъ органовъ, косоглазіе, нѣмота, заиканіе, скудная память и умъ—вотъ неизбѣжные недостатки бывшей кикиморы, которая съ возрастомъ совершенно забываетъ о своей давней жизни.

(Внѣ-усадебные нечистики).

Перечисленные доселѣ усадебные человѣкоподобники тѣсно привязаны къ мѣстамъ своего пребыванія, въ большинствѣ готовы помочь человѣку и лишены разнообразныхъ превращеній. Остальные сродичи ихъ, стоящіе поодаль отъ человѣка и его жилища, уже не имѣютъ точно опредѣленныхъ притоновъ, помогаютъ человѣку съ корыстными цѣлями, но чисто сатанинскимъ побужденіямъ, и, за исключеніемъ облика чистаго вольнаго бѣса, способны принимать разнообразные и чудовищные виды, превращаться въ любой предметъ своей области. Какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, и самая область человѣкоподобниковъ этой категоріи

шире области усадебныхъ собратій ихъ; области соотвѣтствуетъ и дѣятельность.

XVII. ПОЛЕВИКИ.

Область каждаго полевика—поля и луга то одной, то нѣсколькихъ смежныхъ деревень, нераздѣленныхъ, другъ отъ друга ни лѣсомъ, ни водою,—со всѣми относящимися къ полямъ и лугамъ горными высотами, долами и оврагами. Здѣсь, часто въ обширномъ пространствѣ, полевикъ ютится на горкѣ, въ овражкѣ, въ канавѣ, у камня, у полевого дерева, кустарника, межевого столба, непремѣнно подъ прикрытіемъ сихъ предметовъ, съ коими немедленно разлучается при водопольѣ, дождевомъ стокѣ, такъ-какъ терпѣть не можетъ мокроты, уходя отъ послѣдней на мѣста возвышенныя. Правда, полевикъ заботится о плодородіи полей, объ утучнѣніи луговъ, спугиваетъ отсюда „шкодниковъ“ и выравниваетъ стебли и листья растеній; но это дѣлается для того, чтобы привлечь сюда возможно бо́льшее число людей, между которыми онъ, несомнѣнно, найдетъ и жертвы. Впрочемъ, случается и такъ, что онъ гонитъ неподлежаще зашедшихъ въ его область ради собственнаго покоя. Между прочимъ, полевикъ сторожитъ полевые клады, кои не выдаетъ ни при какой сдѣлкѣ съ человѣкомъ, и немилосердно мститъ случайному находчику клада: зная это, кладоискатели не обращаются къ полевику, а сдѣлавшись обладателями полевого клада, оставляютъ всяческія сношенія съ притонными мѣстами полевика.

Существенная дѣятельность полевика направлена къ одному только вреду полевого хозяйства человѣка. Разрушая изгороди, вѣшки, маня видомъ хлѣбныхъ и луговыхъ растеній, онъ привлекаетъ скотъ къ стравежу, причемъ норовитъ сдѣлать это на участкѣ ненавистника; то же дѣлаетъ полевикъ, когда приманиваетъ дѣтей и молодежь за цвѣтами, полевыми растеніями, какъ, напр., картофель, брюква, огурцы, или просто—для игръ и сборищъ. Вмѣсто всего этого полевикъ чинитъ и прямой вредъ:

приваливаетъ къ землѣ хлѣбъ и траву, скручиваетъ растенія, отклоняетъ дождь, засылаетъ вредныхъ насѣкомыхъ, водитъ тамъ и здѣсь заблудившихся дѣтей до изнеможенія; устраиваетъ коровьи „гизы́“, мучитъ пасущихся животныхъ, какъ и работающихъ людей, оводами, слѣпнями, комарами. Не щадитъ полевикъ и вполнѣ зрѣлаго, повидимому, нормальнаго человѣка: послѣдній вдругъ очутится спящимъ на грудѣ камней, кучѣ полевыхъ корневищъ, обыкновенно собираемыхъ въ одно мѣсто послѣ бороньбы,—въ грязной канавѣ, мокрой ложбинѣ и проч. Всѣхъ же вообще посѣтителей полей и луговъ онъ смущаетъ дикимъ эхомъ, передразниваньемъ, свистомъ, ревомъ, а главное—устрашающимъ обликомъ.

Въ послѣднемъ случаѣ полевикъ принимаетъ видъ чудовищной тѣни, которая то гонится за человѣкомъ, то уходитъ отъ него, заманивая жертву. Сто́итъ только поддаться коварному приманиванью—и человѣкъ много перетерпитъ за довѣрчивость; можетъ случиться, что, лаская своимъ тѣневымъ обликомъ, полевикъ вдругъ поражаетъ человѣка ужаснѣйшимъ солнопёкомъ и убиваетъ на мѣстѣ.

Полевики общительнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ усадебные, напр., человѣкоподобники, по крайнѣй мѣрѣ, извѣстно, что они гостятъ одинъ у другого, помогаютъ томить попавшуюся жертву; дружески перекликиваются, особенно, ночною порою, при спокойной погодѣ. Почти бездѣйствуя зимою, полевики сходятся для забавъ, и любимѣйшею изъ нихъ служитъ уничтоженіе дорожныхъ вѣшекъ, запорошеніе дороги, занось снѣгомъ канавъ и рытвинъ, чтобы туда попадалъ сбившійся съ дороги проѣзжій и прохожій, котораго они долго водятъ взадъ и впередъ, до замораживанья.

Наиболѣе плохо живется полевикамъ весною и осенью, при тогдашней слякоти и мокротѣ: какъ ни сильно сатанинское ихъ желаніе вредить человѣку и его добру, они не могутъ разставаться съ уютнымъ сухимъ мѣстомъ, не могутъ топтаться по

грязной и мокрой почвѣ. Но тутъ нерѣдко самъ человѣкъ дается имъ въ руки, когда приходитъ для отдыха на суходолину: лаская и убаюкивая пришедшаго затишьемъ, солнечнымъ припекомъ, они удерживаютъ отдыхающаго, пока у послѣдняго не начнется лихорадочный ознобъ, разрѣшающійся потомъ весьма нерѣдко злокачественною лихорадкою.

Гибнутъ ли полевики и какъ именно—трудно отвѣтить, хотя извѣстно, что эти осторожные нечистики скорѣе другихъ узнаютъ приближеніе грозы, умѣютъ укрываться отъ громовыхъ стрѣлъ; при томъ же и самая область полевиковъ, если тамъ нѣтъ высокихъ, одиноко растущихъ деревьевъ, рѣдко принимаетъ громовые удары. Люди же, пока-что не придумали надежныхъ средствъ для погибели полевиковъ, отъ которыхъ сравнительно меньше терпятъ, чѣмъ отъ остальныхъ человѣкоподобниковъ: вѣдь поля періодически освящаются, засѣваются благословеннымъ зерномъ, да и самая работа здѣсь сопровождается молитвами.

XVIII. ЛѢШІЕ (ЛѢШУКИ́, ЛѢСОВИКИ́, ПУЩЕВИКИ́).

Какъ явствуетъ изъ самаго названія, область сего нечистика есть лѣсная площадь, отъ опушки до опушки, со всѣми находящимися здѣсь высотами, низменностями, пропастями и луговинами, за исключеніемъ просторныхъ водовмѣстилищъ, гдѣ имѣется отдѣльный нечистикъ—водяной. Въ глубинѣ такой площади находится домъ лѣшаго, въ которомъ живутъ его жены и дѣти; самъ же онъ—плохой домосѣдъ—больше бродитъ, отдыхаетъ и ночуетъ въ случайныхъ мѣстахъ: на вершинахъ высокихъ деревъ, въ дуплахъ, въ густыхъ зарослякъ, въ валежникахъ, буреломахъ, въ оврагахъ и пропастяхъ. Хотя лѣшій способенъ принимать разные образы, становиться любымъ предметомъ своей области, но онъ чаще всего показывается людямъ въ образѣ старика, съ бѣлымъ, какъ береста, или какъ воскъ, никогда не загорающимъ лицомъ, съ непомѣрно большими, тусклыми глазами свинцово-синяго цвѣта, которые неподвижны, никогда не

смыкаются. По отдѣльнымъ сказаніямъ, лѣшій имѣетъ сплюснутое, ребромъ впередъ, длинное лицо, длинную клинообразную бороду, одинъ глазъ и одну ногу, пяткою впередъ. Когда же онъ превращается въ заурядпаго человѣка, то подобно нѣкоторымъ усадебнымъ человѣкоподобнпкамъ, можетъ быть узнанъ только по тому, что лѣвая пола одежды у него будетъ запахнута поверхъ правой, т. е. совершенно иначе, чѣмъ у людей крещеныхъ, а правый глазъ будетъ неподвижнымъ и всегда больше лѣваго.

Лѣшій способенъ передавать голоса всѣхъ обитателей своей области, отъ медвѣжьяго рева до жужжанья комара включительно; но если онъ подаетъ свой собственный голосъ, голосъ незримаго существа, то или глушитъ человѣка, или ласкаетъ нѣжнымъ шепотомъ, примѣнительно къ цѣлямъ коварства. Но каковъ бы ни былъ этотъ голосъ, опытный слухъ различаетъ въ немъ дикіе переливы, злобные взвизги нечистика.

У лѣшаго нѣтъ доброты усадебныхъ духовъ, нѣтъ и проявляющейся изрѣдка признательности водяного. Онъ—дикій, неумолимый нечистикъ, котораго можно развѣ обмануть, провозгласивъ при вступленіи въ лѣсъ невѣрное направленіе предполагаемаго пути, или же противъ козней его принять предупредительныя мѣры, одѣвъ на опушкѣ платье наизнанку. Не сдѣлано этого—лѣшій немедленно приступаетъ къ жертвѣ и съ злорадствомъ любуется ея томленіемъ и вообще несчастіями: сбивъ съ надлежащаго направленія, онъ заставляетъ человѣка бродить лѣсомъ по нѣскольку часовъ, проходить по одному и тому же мѣсту нѣсколько разъ, заводитъ въ глубь лѣса, въ лѣсную трущобу; когда же у жертвы потеряно всякое соображеніе, она дошла до отчаянія, лѣшій злорадно хохочетъ, и его хохотъ слышится верстъ на сорокъ въ окружности. Иногда, по предварительному уговору съ водянымъ, или болотникомъ, онъ приводитъ свою жертву къ нимъ, въ ихъ область, хотя внѣ сего случая лѣшій и водные нечистики—непримиримые враги, при чемъ водяной всегда первымъ напакоститъ лѣшему.

Кромѣ указанной сатанинской забавы надъ человѣкомъ, у лѣшихъ есть и свои, общественныя, между которыми заслуживаютъ помина свадьбы лѣшихъ; на нихъ, какъ и на кумовствѣ, нечистики любятъ покутить, развернуться во всю бѣсовскую ширь. Гдѣ видится полоса поваленнаго лѣса, лежитъ буреломный валежникъ, тамъ, несомнѣнно, промчался свадебный поѣздъ лѣшихъ; но тотъ же поѣздъ любитъ лѣсныя дорожки и тропинки неизбѣжно останавливается для безчинства на лѣсныхъ перекресткахъ. Когда при свадебномъ движеніи, или при одиночной ѣздѣ мчится лѣшій, ему предшествуетъ вѣтеръ, по которому можно знать, куда направляется лѣшій, одинъ ли онъ, или въ компаніи; но тотъ же вѣтеръ и вихрь заметаетъ слѣдъ лѣшаго. Ввиду сего осторожный лѣсной путникъ не слѣдуетъ по такимъ дорожкамъ и тропинкамъ, не садится на нихъ, какъ и на перекресткахъ для отдыха, рискуя быть уничтоженнымъ, или поруганнымъ, до потери христіанскаго отличія.

Отъ лѣшаго и лѣшухи рождается уродливое существо, весьма мало похожее на своихъ родителей; эти послѣдніе тяготятся своимъ обжорливымъ дѣтищемъ и стараются подмѣнить его некрещеннымъ христіанскимъ дитятею, котораго немедленно превращаютъ въ лѣшаго. Подлинный лѣшонокъ остается у мнимыхъ родителей лѣтъ до 11 и потомъ скрывается въ лѣсъ, откуда, однако, незримо для воспитателей, платитъ имъ вещественною благодарностью, приноситъ даже деньги. Прикосновеніе громовой стрѣлы къ такому полулѣшуку превращаетъ его, какъ и каждаго лѣшаго, въ свирѣпаго крупнаго хищника—медвѣдя, волка, рысь, орла, кои до конца своей жизни ищутъ возможности загубить человѣка.

Случается иногда, что лѣшій вступаетъ въ сожительство съ женщиною, которую онъ ютитъ въ лѣсныхъ тайникахъ, укрывая отъ своихъ непомѣрно ревнивыхъ лѣшухъ. Плодомъ такого сожительства является вполнѣ добродѣтельный лѣшонокъ, безкорыстный слуга людской, до чего, однако, самъ отецъ и другіе не допускаютъ, а при явномъ упорствѣ лѣшонка, губятъ его.

Ради губительныхъ наживныхъ цѣлей, обыкновенный лѣшій можетъ быть привлеченъ человѣкомъ на службу. Дѣлается это особеннымъ выкликомъ въ Купальскую ночь: выкликающій становится на осиновый пень, лицомъ на сѣверъ, и возглашаетъ приблизительно такъ: „кажись не волкомъ-звѣремъ, не воронomъ-птицею, не древомъ иглистымъ, а такимъ, какъ я самъ!“ Лѣшій немедленно предстанетъ въ человѣкоподобномъ видѣ и, принимая сдѣлку, требуетъ за предстоящіе труды одну только душу выкликающаго послѣ неизбѣжной его смерти въ лѣсу; при этомъ онъ не настаиваетъ на храненіи тайны свиданія, какъ это дѣлаетъ домовой, но не позволяетъ хвастать ни своимъ сношеніемъ съ лѣшимъ, ни получаемыми дарами, какъ не позволяетъ шутить дружбою,—за что мститъ чисто по-сатанински. Въ то же время онъ мститъ, когда часто и безъ нужды поминаютъ его имя; если лѣшему не удастся месть въ отношеніи человѣка лично, онъ отомститъ ему гибелью того или другого домашняго животнаго, попавшаго въ лѣсъ.

Лѣшій вѣрно и безостановочно служитъ тому, кто его призвалъ: гонитъ дичь, указываетъ путь къ бортямъ, ягоднымъ и грибнымъ мѣстамъ, объявляетъ мѣстонахожденіе кладовъ и всемѣрно устраняетъ козни соперниковъ, которыхъ изводитъ ложными дорогами, стращаетъ свирѣпыми звѣрями, или же подводитъ къ послѣднимъ. Но сверхъ прямой службы, лѣшій помогаетъ и косвенно: къ такому человѣку станутъ обращаться при поискахъ заблудившагося въ лѣсу скота, просить указаній на прибыльныя мѣста тамъ же и проч. Кстати вспомнить: лично къ домашнему животному лѣшій не питаетъ вражды; замѣтно даже, что онъ, напр., расположенъ къ собакамъ, которымъ охотно позволяетъ бѣгать по лѣсу въ любое время. Если же онъ завлекаетъ въ лѣсъ и губитъ тамъ какое-нибудь домашнее животное, такъ дѣлаетъ это лишь потому, что имѣетъ случай отомстить хозяину, или доставить наживу покровительствуемому имъ человѣку.

Многіе останавливались на вопросѣ, почему лѣшій даетъ мало, а требуетъ большой жертвы, тогда-какъ домовой благо-

дѣтельствуетъ безкорыстно?. Тутъ необходимо припомнить, что житейское положеніе этихъ двухъ человѣкоподобниковъ слишкомъ расходится: въ то время, когда домовой смѣняетъ одинъ теплый и уютный уголъ на другой, всегда въ кругу почтительной семьи, среди предметовъ, коими даритъ домъ, одичавшій лѣшій, ради мелкой иногда услуги человѣку, не взирая на стихійныя невзгоды, принужденъ мчаться на далекія разстоянія по слякотной дорогѣ, чрезъ лѣсныя водовмѣстилища и болотныя топи, встрѣчаться съ ненавистными ему медвѣдями, красть нужный предметъ изъ области другого лѣшаго и проч. Ясно, что такіе труды, труды безъ помощниковъ, должны вызывать и достойную оплату.

Сколько есть на землѣ лѣшихъ, нетрудно вычислить по наличнымъ лѣснымъ площадямъ, потому что для каждой изъ нихъ назначается отдѣльный лѣшій. Если же лѣсная площадь велика, то и тутъ можно опредѣлить область лѣшаго, которая обнимаетъ не болѣе семи квадратныхъ верстъ. Еще удобнѣе опредѣлить число пущевиковъ, которые имѣютъ ограниченную и тѣсную область, а именно—дѣвственный лѣсъ, или лѣсъ выдающейся вышины („пуща-дремуща“). Какъ и лѣшій, пущевикъ превышаетъ головою самое высокое дерево,—что помогаетъ видѣть окрестные предметы на далекое разстояніе. Есть, однако, пущевики, которымъ такія деревья только по плечо.

Младшій братъ пущевика, лѣшій, идетъ на кое-какую сдѣлку съ человѣкомъ; какъ видно было, его дѣти (лѣшата) даже благодѣтельствуютъ человѣку; свирѣпый пущевикъ спѣшитъ стать поперекъ добрыхъ намѣреній брата, чинитъ одно лишь зло, памятуя, что ему пришлось уйти въ вѣковыя дубравы именно изъ-за давнихъ козней человѣка. Онъ не щадитъ ни стариковъ, ни дѣтей ни женщинъ, ни немощниковъ, ни житейскихъ помощниковъ человѣка—домашнихъ животныхъ: разъ жертва зашла въ пущу—ея гибель неизбѣжна. Косматый, поросшій волокнистымъ мхомъ по всему тѣлу, не исключая носа и глазъ, гигантъ по росту, пущевикъ способенъ убить жертву однимъ своимъ обли-

комъ; когда достигнута цѣль, онъ не хохочетъ, подобно лѣшему, не издѣвается надъ жертвою, а спокойно слѣдуетъ дальше, точно сдѣлалъ заурядное дѣло, исполнилъ скромный долгъ.

Къ счастью человѣка, пущевики весьма рѣдки, и есть немало пущъ, гдѣ заурядъ хозяйничаютъ одни только лѣшіе. „Гдѣ гибель человѣка, тамъ скрыто и спасеніе его“: пущевикъ неповоротливъ, дряхлъ до отупѣнія, плохо видитъ, что дѣлается у его ногъ. Все это помогаетъ человѣку уходить отъ страшнаго человѣкоподобника; при неизбѣжной же встрѣчѣ съ нимъ, нужно дѣлать крутые повороты туда и сюда, да спѣшно оставить область пущи, дальше которой пущевикъ не рѣшается дѣлать своего старческаго шага.

XIX. КЛА́ДНИКИ, КЛАДО́ВИКИ.

Многіе ошибаются, когда охранителями кладовъ считаютъ лѣшихъ и пущевиковъ. Безспорно, въ лѣсахъ и пущахъ скрыто много кладовъ; но едва ли меньше того скрыто ихъ въ усадебныхъ участкахъ, въ поляхъ и лугахъ, въ оврагахъ и разныхъ водовмѣстилищахъ, куда ни лѣшіе, ни пущевики не могутъ даже и заходить. Тогда, въ равной мѣрѣ, пришлось бы считать хозяевами кладовъ усадебныхъ человѣкоподобниковъ, полевиковъ и водяныхъ съ ихъ собратьями—болотниками, багниками оржавениками. На самомъ дѣлѣ они—или отдѣльные сторожа на службѣ у кладниковъ, или, какъ хозяева данной области, только знаютъ мѣстонахожденіе кладовъ, которыхъ, однако, передать никому не могутъ. Такимъ образомъ остается признать, что кладохранилища должны имѣть отдѣльныхъ хозяевъ—кладниковъ или кладовиковъ.

Кладники—несмѣтные богачи. Одѣваются они въ серебряныя сѣрмяги, обуваются въ такіе же лапти, изрѣдка—въ сапоги съ золотыми носками; коническія шапки кладниковъ изъ литого

золота, пояса—золотыя пута съ громаднымъ замкомъ (напоминаютъ желѣзныя пута для лошадей); дорожныя палки ихъ чистаго серебра съ золотыми набалдашниками и наконечниками. Кромѣ того и вся домашняя обстановка кладниковъ блеститъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, которые между прочимъ, служатъ предметами освѣщенія и дома, и въ пути. Но, при своихъ баснословныхъ богатствахъ, кладники жалкіе бѣдняки, потому что изъ своего несмѣтнаго добра они не удѣляютъ на продовольственныя нужды даже булавочной головки. Идетъ, примѣрно, кладникъ, залитый золотомъ да серебромъ—и отъ отощанія еле передвигаетъ ноги; въ серебряномъ кошелѣ его валяется корка хлѣба, то поднятая послѣ людской ѣды, то скраденная, то выпрошенная ввидѣ милостыни, такъ-какъ кладники прибѣгаютъ и къ сему постыдному способу прокормленія.

Быть можетъ, необычайная скаредность и вырабатываетъ у кладниковъ соотвѣтственную злобу не къ людямъ только, но и къ своимъ собратьямъ: съ первыми они не вступаютъ ни въ какія мягкосердыя сдѣлки, а во вторыхъ видятъ беззазорныхъ посягателей на охраняемое добро. По сатанинскимъ завѣтамъ, это послѣднее должно нарощаться на счетъ жертвы, разумѣется, сверхъ гибели души этой жертвы. Изъ пространной исторіи о кладахъ и кладонаходчикахъ видно, что кладники погубили много людей, такъ-какъ послѣдніе обыкновенно сами и наперебой идутъ къ кладникамъ, а не разыскиваются ими; то же, несомнѣнно, будетъ и впредь, пока люди не перестанутъ тянуться къ кладамъ, какъ мотыльки къ свѣчкѣ, пока не оцѣнятъ по достоинству то, чего такъ усердно ищутъ.

О кладахъ слѣдуетъ замѣтить, что, за малыми изъятіями, они есть награбленное, добытое разбоемъ и разными неправдами добро; если оно не омыто человѣческою кровью, такъ въ скопленіи его сочетавались алчность и скаредность, медленно, но прочно подтачивалась жизнь скопидома,—что опять же отзывается убійствомъ. Ввиду сего, на кладахъ лежитъ прямое и кос-

венное проклятіе, которое собственно и губитъ кладонаходчиковъ, по большей части, проматывающихъ и найденное добро и свое трудовое.

Когда владѣлецъ добра пожелаетъ скрыть его въ землю и тутъ же наложитъ заклятіе, кладникъ сторожитъ моментъ закрытія клада первымъ слоемъ земли, подхватываетъ и уноситъ въ глубь. Послѣ сего и положившій кладъ уже не хозяинъ сокрытаго добра, которое онъ можетъ вновь увидѣть развѣ для того только, чтобы сдѣлать надбавку; воспользуется же имъ иной корыстолюбецъ, алчникъ, искатель легкой наживы. Кладникъ поднимаетъ сокровище къ поверхности земли и злобно наблюдаетъ за корыстолюбцемъ, который уже не отойдетъ прочь, пока не совершитъ гибельной сдѣлки съ кладникомъ и собственною честью.

Въ рѣдкихъ случаяхъ кладникъ поднимаетъ къ поверхности земли то одинъ, то другой кладъ для провѣтриванья. Этотъ моментъ самый удобный для захвата клада, безъ потери для кладонаходчика, лишь бы на сю пору при кладѣ не было его страшнаго хозяина. Но это дается такъ рѣдко, такому ограниченному числу счастливчиковъ, что на нихъ трудно и указать.

XX. ВОДЯНИКИ.

Изъ нечистиковъ, хозяйничающихъ въ водовмѣстилищахъ, необходимо выдѣлить тѣхъ, что обитаютъ въ открытыхъ чистыхъ водахъ, собственно потому, что они какъ-то ближе къ человѣку, иногда даже покровительствуютъ ему почти съ тѣмъ же безкорыстіемъ, какъ и домовые. Такіе нечистики обыкновенно называются водяниками; они бываютъ: вúрники, или омýтники, и тихóни; первые ютятся въ движущейся водѣ, а вторые—въ стоячихъ водахъ—озерахъ и прудахъ. Но эта рознь столь незначительна, что позволяетъ говорить о всѣхъ водяникахъ заодно; къ тому же одинъ и тотъ же водяникъ способенъ занимать и

текучія и стоячія водовмѣстилища, лишь бы они сообщались другъ съ другомъ.

По внѣшнему виду, водяникъ есть средняго роста глубокій старикъ, съ длинною лопатистою бородою, съ такими же длинными волосами на клиноподобной головѣ, съ гладкою лоснящеюся кожею, расплывшимся лицомъ, одутловатымъ брюхомъ и непропорціонально длинными ногами, имѣющими между пальцевъ перепонки. Кромѣ того, и все тѣло водяника покрыто длинными волосами, которые, при ближайшемъ разсмотрѣніи, есть тонкія струи воды, или же тина и водоросли, приставшія къ покрову его. Въ такомъ именно видѣ водяникъ предстаетъ въ моментъ выхода изъ воды; оставшись же на сушѣ столько времени, сколько нужно для стока воды съ тѣла и освобожденія тины и водораслей отъ мокроты, водяникъ быстро начинаетъ терять обликъ, не можетъ вернуться въ воду и погибаетъ: тонкій пластъ высохшей тины и водораслей, обтянутый едва примѣтною плевою—вотъ жалкіе остатки погибшаго водяника! Но если такой пластъ, никѣмъ не нарушенный, будетъ подхваченъ поднявшеюся водою, или будетъ вброшенъ въ воду человѣкомъ, водяникъ оживаетъ, и въ послѣднемъ случаѣ остается признательнымъ за спасеніе,—что́ и можетъ доказать при потопленіи своего спасителя, котораго не только не приметъ, какъ жертву, но представитъ на неглубокое мѣсто, пододвинетъ бревно, кустъ и проч. Да и въ послѣдующее время водяникъ будетъ выражать признательность загономъ, напр., рыбы въ сѣти своего спасителя.

Признательность и вообще расположеніе водяного къ человѣку, между прочимъ, сказывается и въ слѣдующемъ: онъ принимаетъ покровительствуемаго спать на свою постель, находящуюся на днѣ водовмѣстилища, причемъ на спящаго не упадетъ даже и капли воды. Постель водяника, обязательно предоставляемая немногимъ избранникамъ, чарующе мягка, съ волшебною обстановкою: надъ спящимъ сводчатая, тонкая, какъ паутина, сѣнь, сквозь которую онъ видитъ жизнь растеній и водныхъ животныхъ, переливанье воды, игры русалокъ; но если

такой человѣкъ ткнетъ пальцемъ въ пелену—вода немедленно просочится въ дыру и зальетъ неосторожнаго.

Внѣ сего соотношенія водяникъ въ шутку и злонамѣренно распугиваетъ рыбу у сѣтей рыболова, разъѣзжая на своемъ любимомъ конѣ (сомѣ), рветъ и выворачиваетъ сѣти и другіе снаряды, раскапываетъ мельничныя плотины, портитъ и срываетъ мельницы; зорко сторожитъ купающихся, улавливая жертвы. между ними, рыболовами и неосторожно упавшими въ воду, при чемъ не дѣлаетъ пощады и скоту: усѣвшись на плывущее, или бархатающееся въ водѣ животное, водяникъ, катается на немъ и своею тяжестью придавливаетъ его ко дну. Если же онъ только подшучиваетъ, играетъ и нѣжится, то видно будетъ, какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ нежданно заклубится вода, всплывутъ на поверхность пузыри, станутъ расходиться круги, а ночью, при тихой погодѣ, хлопаетъ ладонями по поверхности воды, или реветъ по-коровьи, крякаетъ по-утиному, визжитъ и блѣетъ, подобно при-воднымъ птицамъ. Въ свою очередь, во внезапномъ разливѣ скромной рѣчки и ручья, въ напорѣ ихъ водъ, въ замучиваньи чистой доселѣ воды, приходится видѣть то шутки водяника, то свадьбу его; при послѣдней не выдерживаетъ самая крѣпкая плотина, мельница, и всегда должна здѣсь быть человѣческая жертва.

Водяниковъ сравнительно немного—по одному на каждое водовмѣстилище:—озеро, прудъ, рѣку, невысыхающую лужу, колодезь,—и только при мельницѣ ихъ бываетъ столько, сколько поставовъ, или водяныхъ колесъ, на которыхъ водяники держатся (на вершинѣ) при верченіи. Въ теченіе дня они обыкновенно лежатъ распластавшись на днѣ и только послѣ солнечнаго заката начинаютъ свою дѣятельность; но въ недѣлю передъ Ильинымъ днемъ водяники проявляютъ дѣятельность и днемъ—ихъ непонятное для людей возбужденіе особенно опасно въ это время.

Подобно домовымъ, водяники не сходятся одинъ съ другимъ сколько по враждѣ, столько и за невозможностью перемѣ-

щеній чрезъ сушу. Посему часто случается, что два водяника—рѣчной и колодезный,—живущіе въ двухъ-трехъ саженяхъ, знаютъ другъ друга заочно, по голосу и всплеску водъ, разговариваютъ, никогда не видясь. Впрочемъ, если бы и доступно было перемѣщеніе водяниковъ въ чуждую область, они не могли бы выдержать свойствъ новой воды. Люди пользуются этимъ для вывода водяниковъ и, соединивъ канавою, или каналомъ два водовмѣстилища, одновременно уничтожаютъ двухъ водяниковъ. Кромѣ сего водяниковъ можно выживать свистомъ, котораго, подобно лѣшимъ, они не переносятъ, какъ не переносятъ золы, всыпаемой по утрамъ (нюшками) въ воду: водяникъ отравляется отъ золы, неистово мечется отъ свиста и кончаетъ тѣмъ, что разбивается о подводные камни, или о подводные завалы. Метанія водяника крайне опасны: проходящаго по берегу онъ хватаетъ за полу, опрокидываетъ лодку ѣдущаго по водѣ, того и другого уноситъ вглубь. Если такой человѣкъ сумѣетъ уйти отъ водяника, онъ не избѣжитъ несчастья на сушѣ: сухопутный нечистикъ отомщаетъ за водяника, особенно, когда, при свистѣ и бросаньѣ золы въ воду, было помянуто имя водяника.

Какимъ бы путемъ ни заполучилъ водяникъ свою жертву, онъ долго тѣшится ея отчаянными порывами освободиться отъ воды: то подниметъ къ поверхности, дастъ вдохнуть воздуха, то снова еще глубже опуститъ внизъ, до тѣхъ поръ, пока, въ концъ обезсиленная, жертва не упадетъ на дно. Но и тутъ водяникъ продолжаетъ томить жертву образами возможнаго спасенія. Окончательно убивъ свою жертву, водяникъ сгоняетъ къ трупу піявокъ, раковъ, жуковъ, чтобы тѣ издѣвались надъ тѣломъ, отъ котораго онъ отстаетъ по извлеченіи души; эта послѣдняя поступаетъ на службу къ водянику.

Посинѣлый трупъ утопленника говоритъ о томъ, что жертва была весьма смутнаго, даже сатанинскаго происхожденія; водяникъ равнодушенъ къ такимъ утопленникамъ и предпочитаетъ жертвы съ чистою, христіанскою душою. Трупъ такой жертвы

часто навсегда удерживается водяникомъ, который укрываетъ его въ хлудахъ, въ корняхъ прибрежныхъ деревьевъ, между камней и проч.

Какъ извѣстно, водяникъ—старый холостякъ, и въ этомъ особенное несчастье женщинъ вообще, а дѣвушекъ—по преимуществу: при старческомъ невзрачьи, онъ любитъ молодость и красоту. Если въ его области уже было нѣсколько утопленницъ, водяникъ придерживаетъ только самоубійцъ, отпуская довольно скоро остальныхъ, невольныхъ утопленницъ. Но и первыхъ волей-неволей онъ долженъ бываетъ отпустить (трупъ ихъ),—что сопровождается волненіемъ и бушеваніемъ воды: это волнуется водяникъ. Что же касается души самоубійцы, послѣдняя становится извѣстною русалкою, поступающею подъ суровую власть водяника, съ которымъ принуждена бываетъ вести ненавистную связь. Плодомъ этой связи бываютъ многочисленные „водяпёнки“ — шаловливые и безвредные нечистики, однако, болѣе своего отца ищущіе связей съ живыми женщинами; этимъ послѣднимъ и всему ихъ роду они помогаютъ въ рыболовствѣ. „Водяпёнки“ исчезаютъ, едва достигнувъ совершенныхъ лѣтъ: иные гибнутъ на сушѣ, послѣ водополья, при преслѣдованіи живыхъ женщинъ, уничтожаются настоящими водяными, или удушаются своими озлобленными матерями.

Есть водяники, которымъ не суждено было сожительствовать съ русалками, собственно потому, что въ ихъ области доселѣ не было ни одной самоубійцы. Такіе водяники злы до крайности и не пропускаютъ ни одной жертвы, въ чаяніи встрѣтить въ ней женщину.

Ввиду того, что сношеніе съ водяникомъ не такъ прибыльно, какъ съ другими человѣкоподобниками, а условія тяжелы (послѣ утопленія подай душу, а сейчасъ—брось въ воду тѣльный крестъ, да отрекись отъ родни!), съ нимъ вступаютъ въ союзъ немногіе, отчаянные люди, которымъ, пожалуй, нечего терять, не отъ чего отрекаться.

XXI. БОЛОТНИКИ, БА́ГНИКИ, ОРЖА́ВЕНИКИ, ЛО́ЗНИКИ.

Отличительною особенностью сихъ человѣкоподобниковъ нужно считать взаимопомощь въ преслѣдованіи жертвы—человѣка, или его пособниковъ—домашнихъ животныхъ, какого единенія не встрѣчается, напр., между усадебными нечистиками; но они не бываютъ сотрудниками и помощниками водяника, обыкновенно сторонящагося отъ сихъ грязныхъ, до крайности неряшливыхъ нечистиковъ. За исключеніемъ упомянутой взаимопомощи, болотники, багники, оржавеники и лозники не сносятся одинъ съ другимъ, хотя нерѣдко и живутъ бокъ-о-бокъ: они неспособны къ нѣгѣ и ласкѣ, потому что неуклюжи, неподвижны, угрюмѣе и непокладливѣе всѣхъ нечистиковъ. Наконецъ, всѣ они лишены возможности къ самомалѣйшему измѣненію личнаго существа, затрудняющаго имъ подходъ къ поверхности своихъ обиталищъ: ютясь на днѣ ихъ, эти человѣкоподобники ищутъ жертву, заманиваютъ красивыми о́бразами и звуками,—въ чемъ и сама природа помогаетъ имъ, подставляя жертвѣ заманчивую растительность, но коварную почву, или просто даетъ миражъ. Они приступаютъ къ дѣятельности тогда, когда жертва поддалась коварству и погрязла въ болотинѣ, багнѣ, оржавенѣ, запуталась въ корняхъ и стволахъ лозняка: подлежащій нечистикъ схватываетъ ее за ноги и медленно, но прочно тянетъ къ себѣ; разъединенная было поверхность болотины, багны, оржавени соединяется вновь, не оставляя слѣдовъ гибели живого существа. Каковы же здѣсь предсмертныя муки послѣдняго и издѣвательства нечистика надъ жертвою, можно лишь догадываться по дикимъ чертамъ мучителя, вѣками поджидавшаго жертву.

Остается прибавить, что болотники, багники, оржавеники и лозники неуязвимы отъ громовыхъ стрѣлъ, теряющихъ губительную силу при первомъ соприкосновеніи съ поверхностью ихъ обиталищъ, и нечистики безстрашно, съ сатанинскою насмѣшкою,

подхватываютъ эти стрѣлы. Но для всѣхъ этихъ нечистиковъ есть непредотвратимая, величайшая опасность, а именно—осушеніе ихъ обиталищъ путемъ канализаціи: разъ отсюда сведена вода, осѣла сгустившаяся земля—нечистикъ люто погибъ, такъ-какъ ему не уйти изъ обиталища, ставшаго теперь его могилою. Съ теченіемъ времени прахъ нечистика сливается съ общею здѣсь землею, служа безвреднымъ удобрительнымъ матеріаломъ,—и однимъ нечистикомъ становится меньше, потому что всѣ они вѣчно одинокіе, холостяки.

Раздѣльныя особенности жизни сихъ нечистиковъ зависятъ отъ мѣстопребыванія каждаго изъ нихъ. Такъ болотникъ тѣшится, когда на поверхности его обиталища идетъ растительная и вмѣстѣ съ нею животная жизнь: по вечерамъ и утрамъ онъ реветъ по-коровьи (голосъ выпи), крякаетъ по-утиному, булькаетъ по-тетеревиному, чтобы приманить сюда охотника, или хищника,—дико стонетъ и тутъ же внезапно разразится хохотомъ молодого людского голоса (пардва—бѣлая куропатка), гогочетъ приманчивымъ гу́домъ (бекасъ на току) и проч. Когда природа разукрасила поверхность обиталища болотника чудными цвѣтами, ягодными растеніями (брусника, клюква, морошка), грибами (моховики), послѣдній скрыто раститъ промежъ нихъ коварный багунъ, доводящій посѣтителя до угарной одури. Коротая свои нескончаемые досуги, болотникъ тамъ и здѣсь пробиваетъ иногда болотныя оконца и окружаетъ ихъ то предательскою растительностью, то подгоняетъ рыбу къ окошному отверстію. Это—сатанинская ловушка, погубившая далеко не одну жертву.

Какимъ путемъ ни привлекалась бы жертва, болотникъ въ состояніи погубить ее только тогда, когда болотная топь достаточно глубока; въ противномъ случаѣ ему остается томиться безсильною злобою и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ надежнѣе спасенье жертвы. Весьма много злитъ болотника людское приспособленіе ходить по топкой болотинѣ при помощи болотныхъ лыжъ: трясется почва, гнется она внизъ, а человѣкъ безбоязненно дви-

жется да движется впередъ! Верхомъ же злобы является положеніе болотины въ знойное лѣто: не только самъ человѣкъ безбоязненно топчетъ ея поверхность, но нерѣдко проводитъ по ней и лошадь съ волоковою копною, или съ телѣжнымъ возомъ. Что же касается зимняго времени, то мерзлякъ-болотникъ, корчась и ёжась на днѣ обиталища, принужденъ подумывать о собственной безопасности: вымерзнетъ болото—погибнетъ и болотникъ. Правда, изъ его берлоги поднимается время-отъ-времени теплое дыханіе, даетъ оно болотную полынью; но ударитъ новый морозъ—болотникъ въ новой тревогѣ за существованіе, снова безсильно злится на конскій топотъ, отдающійся эхомъ въ его берлогѣ.

Хотя никому изъ людей не приходилось видѣть болотника такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, однако, чрезъ косвенное посредство другихъ нечистиковъ извѣстно, что онъ непомѣрный толстякъ (паливашка), совершенно безглазый, весь въ толстомъ слоѣ грязи, къ которой налипли въ безпорядкѣ: водоросли, мшистыя волокна, улитки, жуки и другія водяныя насѣкомыя. Все это, дѣлая болотника неповоротливымъ, въ то же время ставитъ его въ разрядъ наиболѣе отвратительныхъ нечистиковъ.

Багникъ ютится въ торфяномъ, никогда не покрывающемся растительностью болотѣ, имѣющемъ видъ черной грязевой лужи. Онъ никогда не появляется на поверхности своей „багны“ и присутствіе въ ней выдаетъ лишь пузырями на поверхности да изрѣдка—мелкими огоньками тамъ же; тѣ и другіе сопровождаются особеннымъ „пуктаньемъ“, незначительнымъ колебаніемъ поверхности. Это — дышетъ и пыхтитъ вѣчно бездѣятельный багникъ, не поднимающійся съ мягкаго ложа и тогда, когда жертва попала въ багну и мечется въ грязи. Онъ увѣренъ, что ей не уйти отсюда и что жертва сама подойдетъ къ нему.

Не только люди, но и многія животныя сторонятся багны, въ которой постоянными живыми существами можно считать немногочисленныхъ насѣкомыхъ—улитокъ, жуковъ, піявокъ, чер-

вей; за поисками сихъ насѣкомыхъ прибываютъ на короткіе сроки болотные голенастики, но и они спѣшатъ уйти отъ опасной багны, иногда убивающей тлетворными газами, испускаемыми время-отъ-времени багникомъ.

По внѣшнему виду багникъ еще грязнѣе болотника. Какъ и сей послѣдній, онъ страшится канализаціи, хотя и не боится морозовъ, которымъ весьма рѣдко удается закрывать багну, согрѣваемую теплымъ пыхтѣньемъ багника. Къ сожалѣнію, для послѣдняго есть отдѣльный бичъ, а именно: предпріимчивые люди вычерпываютъ багновую грязь, для выработки топлива, удобренія полей и огородовъ, и тѣмъ крайне тревожатъ нечистика, который того и гляди очутится безъ багны; въ сухое же лѣто, когда багна не только подсыхаетъ, но и кое-гдѣ горитъ, полумертвый багникъ томится на днѣ своего обиталища и едва переживаетъ время до новаго разжиженія багны дождями и приточными ручейками.

Какъ извѣстно, оржа́вень (оржа́вина) представляетъ послѣдыша между болотными топями, къ которой не идутъ за кормомъ и питьемъ даже нуждающіяся животныя: крайне скудная, жесткая осока да хвощъ и желтожелѣзистая вода оржавени вредны и приторны; то-же свойство воды не даетъ возможности ютиться здѣсь и такой животной мелочи, какъ лягушки, піявки, черви, жуки и проч. Ясно, что оржавень въ конецъ загажена ютящимся здѣсь оржавеникомъ, который даже не хочетъ прикрыть срамнаго обиталища своего; эти мутные пузыри да „сало“ (желѣзистыя свѣчи) краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о наивысшей загаженности оржавени. Каковъ же долженъ быть жилецъ ея? Грязно-рудый, съ непомѣрно толстымъ животомъ и тонкими, какъ стебель хвоща, ногами, съ ржавыми прилипами ко всему его покрову, непрестанно рыгающій, оржавеникъ не можетъ привлечь къ себѣ вниманія даже неразборчивыхъ нечистиковъ; всѣ же живыя существа сторонятся и обиталища его. Такимъ образомъ оржавенику весьма рѣдко приходится имѣть жертву: животное забѣгаетъ

въ оржавень второпяхъ, спасаясь отъ преслѣдователя-хищника, а человѣкъ зайдетъ развѣ при ненормальномъ состояніи. Въ то время, когда болотникъ и багникъ могутъ зимою, напр., обмануть прохожаго и проѣзжаго, оржавенику не удается закрыть своего срамнаго обиталища: если оржавень кое-какъ закрылась льдомъ и запорошилась снѣгомъ, тотъ и другой непремѣнно выдадутъ притонъ оржавеника своею буро-желтою окраскою.

Оржавеникъ пока-что пользуется бо́льшимъ покоемъ, чѣмъ его помянутые собратья, потому что знойное лѣто не высушаетъ оржавени, а людямъ не нужна эта срамная, крайне непроизводительная земля: нечистику остается валяться на днѣ своего обиталища, наслаиваться прилипами да поддерживать срамную муть оржавени.

На ло́зниковъ указываютъ какъ на родственныхъ помощниковъ при-водныхъ нечистиковъ, или какъ на подростковъ. Изъ предыдущаго видно, что всѣ эти нечистики живутъ и дѣйствуютъ порознь и что у нихъ нѣтъ потомства; ло́зники составляютъ отдѣльный скопъ скорѣе надводныхъ, чѣмъ подводныхъ нечистиковъ, и притономъ ихъ служатъ густые кусты сплевшагося малорослаго лозняка, отъ цвѣта котораго они воспринимаютъ цвѣтъ своего покрова. Сами по себѣ ло́зники слишкомъ крохотные бѣсики, отчасти напоминающіе шешекъ, подобно имъ, игривые, и не имѣютъ ввиду погубить той жертвы, которую запутываютъ въ кустѣ лозы, въ корняхъ ея, или заставляютъ проваливаться въ скрытое оконце топи. Все это дѣлается не какъ сатанинская напасть, а какъ игра, шутка, послѣ которой они подаютъ и помощь, пододвигая жертвѣ кустъ не отонувшей лозы, тростникъ, аиръ, и проч. Если и при такой помощи жертва не спаслась, такъ ее подхватилъ обитающій здѣсь крупный нечистикъ—водяной, болотникъ багникъ,—которымъ ло́зники не намѣрены были подслуживаться.

Какое именно значеніе имѣютъ ло́зники въ бѣсовскомъ мірѣ, трудно опредѣлить; слѣдуетъ догадываться, что эти нечи-

стики загнаны сюда и прикованы къ мѣсту за неимѣніемъ для нихъ подходящей дѣятельности. Ввиду же почти безусловной безвредности лозниковъ, ихъ ничтожнаго облика, громовыя стрѣлы разятъ ихъ лишь попутно. У лозниковъ остается одна опасность, о которой они, однако, совершенно не помышляютъ: это—осушеніе мѣста подъ ихъ обиталищемъ и чрезъ то уничтоженіе лозовыхъ кустовъ, съ ростомъ которыхъ соединено бытіе лозниковъ; послѣдніе въ семъ случаѣ гибнутъ цѣлымъ скопомъ навсегда и безслѣдно.

XXII. РУСАЛКИ.

Причисляя русалокъ къ человѣкоподобнымъ нечистикамъ, необходимо предварить, что онѣ, во-первыхъ, не имѣютъ страшныхъ обликовъ своихъ собратій, а во-вторыхъ—происхожденіе ихъ не демоническое, сравнительно позднѣйшее, притонное мѣсто—чистая вода, гдѣ независимо отъ сего ютится тотъ или другой водяникъ. Въ болѣе подробномъ развитіи упомянутыхъ особенностей прежде всего слѣдуетъ сказать, что русалки—существа исключительно женскаго пола, вѣчно юныя красавицы съ чарующимъ и обаятельнымъ обликомъ; онѣ есть или выродки людскихъ дочерей, или дочери, проклятыя родителями еще въ материнской утробѣ, умершія неокрещенными, загубленныя своими матерями вскорѣ послѣ рожденія, непремѣнно въ водѣ, или же молодыя утопленницы, покончившія жизнь самоубійствомъ. Какъ ни различны возрасты этихъ жертвъ людской небрежности, злобы, насилія, личнаго малодушія, въ состояніи русалокъ они объединяются, такъ что каждая изъ нихъ представляетъ существо въ пору наилучшаго развитія дѣвичества, и только опытный глазъ улавливаетъ между ними рознь возрастовъ при жизни, крещеныхъ особей. Послѣднее сказывается едва замѣтнымъ оттѣнкомъ креста межъ персей,—что можно наблюдать на разстояніи девяти шаговъ отъ русалки.

Русалки имѣютъ ласковые голубые глаза, которыми, между прочимъ, такъ удачно приманиваютъ жертву; но, послѣ поимки

ея, тѣ же глаза остаются стекловидными и неподвижными, какъ у мертвеца. По нѣжному, почти прозрачному тѣлу ихъ разсыпаются волнистые волосы русаго цвѣта, идущіе отъ маленькой головы до колѣнъ; у отдѣльныхъ русалокъ эти волосы скорѣе похожи на пряди зеленой тонкой осоки.

Вѣчно веселыя, игривыя хохотуньи, русалки не разстаются со своимъ водовмѣстилищемъ и живутъ здѣсь въ хрустальныхъ домахъ, подъ присмотромъ русальской царицы, обыкновенно поставляемой мѣстнымъ водяникомъ. Въ заурядное время русалки могутъ оставаться внѣ воды столько времени, сколько то потребно для осушенія ихъ тѣла и волосъ отъ мокроты, послѣ чего онѣ могутъ немедленно погибнуть въ мучительной истомѣ. Вслѣдствіе сего русалки лишь изрѣдка, на короткіе сроки, всплываютъ на поверхность воды, присаживаются на подводный камень, на берегъ, чтобы заманить жертву, или стряхнуть тягость воды, обыкновенно удерживаемой пышными ихъ волосами. Кстати: какова тяжесть выдерживаемой русалкою воды, можно отчасти заключить изъ того, что расчесываніемъ своихъ мокрыхъ волосъ въ теченіе, напр., часа она можетъ извлечь столько воды, что ея достаточно будетъ для затопленія цѣлой деревни. . .

Въ русальную недѣлю (восьмую по Пасхѣ) русалки выпускаются на сушу на болѣе продолжительные сроки, причемъ устраняется помянутая опасность погибнуть на сушѣ. Онѣ безбоязненно и весело размѣщаются на берегу водовмѣстилища, даже уходятъ въ ближайшія рощи, на луга и поля, взбираются на деревья, чтобы покачаться на сучьяхъ и верхушкахъ ихъ. Всѣмъ этимъ русалки освѣжаютъ памятованіе о покинутой землѣ и о людяхъ, между которыми онѣ не преминутъ уловить и жертву. Послѣднее достигается, между прочимъ, такъ: обольстительницы кувыркаются, играютъ, ведутъ бѣговыя игры, хороводы, пляшутъ, хохочутъ, поютъ пѣсни и приманчивыми движеніями зовутъ къ себѣ случайнаго зрителя. Если онъ поддастся зову и подойдетъ къ русалкамъ, или же остановится въ оцѣпенѣніи,

онѣ скопомъ обступаютъ жертву, жмутъ ее въ объятіяхъ, щекочутъ до смерти, причемъ, слыша веселый хохотъ и пѣсни, никто не подаетъ помощи, не рѣшится подозрѣвать опасности тамъ, гдѣ идетъ игривое веселье молодежи. Единственнымъ возможнымъ средствомъ спасенія отъ русалокъ служитъ уколъ хотя бы одной изъ нихъ иголкою или булавкою, которыя необходимо имѣть при себѣ и наготовѣ: тогда весь скопъ русалокъ съ воплемъ кидается въ воду, гдѣ еще долго раздаются голоса ихъ. Однако, и при такой предосторожности, лучше всего избѣгать въ русальную недѣлю при-водныхъ мѣстъ, не купаться, не колотить бѣлья и не ловить рыбы.

Когда жертва заполучена, русалки уносятъ ее въ свое обиталище и здѣсь окружаютъ самыми нѣжными заботами: въ жертвѣ—женщинѣ онѣ видятъ возможную супругу своего властелина—водяника, новую подругу себѣ, а въ мужчинѣ, особенно, когда послѣдній молодъ и красивъ—возможнаго любовника одной изъ нихъ. Разумѣется, больше другихъ ухаживаетъ за погибшимъ та русалка, которой онъ пришелся по нраву. Эта заботливость объ избранникѣ доходитъ до мелочей: русалка чешетъ голову его, третъ тѣло, отгоняетъ водныхъ животныхъ, убираетъ ложе лучшими водораслями, а въ русальную недѣлю выводитъ его вмѣстѣ со своимъ скопомъ на сушу, даже позволяетъ заглянуть въ родственный домъ и на людей, чтобы сколько-нибудь ослабить скорбь по земной жизни. Остальныя жертвы остаются безъ вниманія: русалки позволяютъ ракамъ и насѣкомымъ уродовать ихъ тѣло, а если жертва оказалась почему-либо несимпатичною, онѣ выталкиваютъ трупъ на поверхность воды, къ берегу.

Спасшійся отъ русалокъ, даже видѣвшій, или слышавшій ихъ издали, невсегда остается безнаказаннымъ. Такъ, иной пріобрѣтаетъ привычку безпричинно и неудержимо хохотать, иной кривляется, точно развинченный, во время походки, гримасничаетъ, у иного поражается то или другое чувство, преимущественно—слухъ. Замѣчательно при этомъ, что чѣмъ крѣпче на-

тура жертвы, тѣмъ разительнѣе будутъ полученныя органическія поврежденія, съ которыми человѣкъ не можетъ справиться во всю жизнь.

Кромѣ враждебныхъ нападеній, при которыхъ безпощадно преслѣдуются люди всѣхъ возрастовъ, отъ младенцевъ до стариковъ включительно, извѣстны еще заигрыванья русалокъ, преимущественно тѣхъ, кои при земной жизни не знали людей, какъ, напр., младенцы. Эти заигрыванья, менѣе враждебныя и не столь опасныя, больше всего приходятся на молодыхъ мужчинъ, особенно парней, сношеніе съ которыми не только ново, но и заманчиво для русалокъ. Тутъ русалка подхватываетъ какой-нибудь его предметъ—одежду, обувь, рыболовный снарядъ, и, готовясь затопить его, тѣмъ заставляетъ владѣльца бросаться безъ разбору за поимкою предмета, сама же незримо подталкиваетъ предметъ все дальше и дальше, въ опасное мѣсто, куда, конечно, увлекаетъ и хозяина. Если послѣдній благополучно избѣжалъ опасности и спасъ похищенный русалкою предметъ, этому предмету не сдобровать: онъ обязательно имъ затеряется впослѣдствіи, или будетъ скраденъ, испорченъ. Много приходится терпѣть отъ заигрываній русалокъ молодымъ рыболовамъ: строгивая лесы, снуры, русалки обманываютъ удильщиковъ фальшивымъ клёвомъ; у остальныхъ онѣ выворачиваютъ сѣти, набиваютъ ихъ тиною и травою, вырываютъ весло, шестъ, или качаютъ рыболовное судно, чтобы переворотить его вмѣстѣ съ рыбакомъ.

Какъ ни красна, повидимому, жизнь русалокъ, у нихъ есть много скорби, которой онѣ не могутъ подавить развлеченіями. Такъ, прежде всего, имъ съ завистью приходится смотрѣть на свободу земныхъ подругъ своихъ—женщинъ, такъ же завидливо созерцать материнскія ласки, которыя многимъ были не только незнакомы, но имѣли отрицательный характеръ въ отношеніи ихъ. За тѣмъ, самоубійцамъ приходится томиться изъ-за минутнаго, быть можетъ, необдуманнаго рѣшенія покончить жизнь, чтобы потомъ наложить на себя вѣчную неволю. Но что всего

скорбнѣе, такъ это—подневольная связь съ ненавистнымъ водяникомъ, въ области котораго онѣ живутъ и которому подчинены съ минуты вступленія сюда. Не скорбь только, а наивысшая степень безсильной злобы должна обхватывать существо русалки, когда ей приходится видѣть молодую, счастливую чету, разгуливающую по берегу обиталища русалокъ, или катающуюся въ лодкѣ тамъ же. Зато какой радостный возгласъ раздается иногда здѣсь, при полученіи извѣстія о гибели ненавистнаго водяника! Такой возгласъ, однако есть послѣдній радостный возгласъ, потому что вмѣстѣ съ гибелью водяника начинается и ихъ собственная, если только русалки не успѣли удалиться изъ осиротѣлаго обиталища и перемѣститься въ новое. Но тутъ легко можетъ случиться, что изъ одной неволи онѣ попадаютъ въ новую, быть можетъ, болѣе тягостную.

Въ рѣдкихъ обиталищахъ болотниковъ, багниковъ и оржавениковъ есть отдѣльныя русалки, которымъ это имя придается развѣ въ насмѣшку и которыя, кромѣ женоподобнаго облика, не имѣютъ ничего общаго съ симпатичными, ласковыми русалками. Эти русалки стары, съ клюками въ рукахъ, отвратительно безобразны и грязны, примѣнительно къ цвѣту обиталища, злы и угрюмы не менѣе своихъ сожителей, съ которыми, однако, онѣ не имѣютъ ровно никакихъ сношеній, а часто и не знаютъ другъ друга.

Г. Демоноподобники.

Всѣ нечистики этой категоріи есть настоящіе люди, воспріявшіе свое бытіе отъ людей же, живущіе людскою жизнію. Но ихъ существо и дѣятельность такъ далеко уклоняются отъ обычныхъ людскихъ, что ихъ скорѣе приходится принимать за воплощенныхъ бѣсовъ, чѣмъ за людей. По мѣрѣ теченія своей полудемонической жизни, демоноподобники измѣняются по возрастнымъ стадіямъ—имѣютъ красную пору жизни, зрѣлость, старѣютъ, дряхлѣютъ и умираютъ, причемъ въ составѣ ихъ почти

равномѣрными дѣятелями бываютъ мужчины и женщины,—чего нѣтъ у остальныхъ нечистиковъ. Подъ конецъ позорной на землѣ жизни демоноподобники пріобрѣтаютъ даже типичныя особенности нечистиковъ: такъ у мужчинъ начинаетъ отростать на головѣ подобіе роговъ, у лицъ обоего пола—короткіе въ подлежащихъ мѣстахъ хвосты, ручные и ножные пальцы утончаются до пальцевъ хищника, изо рта рѣзко выступаютъ два-три удлиняющіеся зуба, тѣло утрачиваетъ мягкія части и покрывается подобіемъ шерсти.

Не пріобрѣтая сатанинства путемъ наслѣдственности, по рожденію, демоноподобники не передаютъ его и преемникамъ: личная воля человѣка и личное исканіе даютъ ему сатанинство, отъ котораго, однако, онъ уже не можетъ отрѣшиться до конца жизни. Такимъ образомъ, приходится видѣть, что дѣти демоноподобника правдивы, честны, безупречны въ религіозномъ смыслѣ, собственно потому, что по наслѣдству не воспріяли преступнаго положенія родителя, а личная воля не позволила имъ идти по преступному пути.

Демоноподобниковъ относительно немного, собственно потому, что рѣдкіе изъ людей рѣшаются принять тягостныя условія сатанинства, всѣ же страшатся скорбнаго конца его, и только наивысшее озлобленіе противъ людей, ненависть къ добру да корыстныя побужденія могутъ призвать къ демоноподобничеству. Какъ появляются и чѣмъ кончаютъ эти нечистики—видно будетъ изъ послѣдующаго.

XXIII. ВѢДЬМАКИ И ВѢДЬМЫ.

Вѣрными служителями бѣсовъ, исполнителями ихъ воли и непоколебимыми врагами людей совершенно справедливо признаются вѣдьмаки и вѣдьмы, у которыхъ удержался одинъ лишь людской обликъ. Но и сей послѣдній жалокъ, каррикатуренъ, какъ жалокъ можетъ быть извращенный видъ человѣка: вѣдьмакъ и вѣдьма обязательно имѣютъ кривизну, тѣлесный порокъ, ввидѣ

неумѣстной бородавки, пучка волосъ, лишняго или недостающаго числа пальцевъ, двойного ряда зубовъ; они сутуловаты; мужчины не имѣютъ растительности на губѣ и подбородкѣ, женщины—имѣютъ усы и бороду; у тѣхъ и другихъ отростаютъ изъ конечнаго позвонка хвосты длиною въ добрую пядь.

Помимо сихъ разительныхъ признаковъ, вѣдьмаки и вѣдьмы узнаются еще и по слѣдующимъ особенностямъ: у нихъ мутный, свирѣпый взглядъ изподлобья, то упорный, сосредоточенный, то блуждающій, какъ у нечистиковъ,—небрежная прическа, или таковой вовсе нѣтъ, морщинистый лобъ, сросшіяся густыя брови, свинцово-сѣрое, неулыбающееся лицо, или же дающее злую до передергиванья улыбку,—медленный, гортанный, иногда и хриплый голосъ, неразговорчивость, или неумолчное бурчанье, говоръ про себя, задумчивость, неосмысленная походка и мн. др. Въ заключеніе вѣдьмаки и вѣдьмы имѣютъ неудержимое притяженіе къ водкѣ и табаку; пьютъ и ѣдятъ наиболѣе вычурное; одѣваются смѣшанно, сочетавая въ уборѣ роскошь и убожество; спятъ и работаютъ въ розничную съ людьми пору; безучастно относятся къ сосѣднимъ радостямъ и горю, не дѣлятся и своими; перестаютъ молиться Богу, ходить въ церковь, отправлять христіанскія требы; избѣгаютъ общественныхъ сборищъ и даже уединяются отъ собственной семьи.

Вѣдьмачество (оно же—вѣдьмарство) достается „самохотью,“ по личной волѣ человѣка; но оно можетъ быть придано и „нахра́тью“—злоумышленно, или же случайно, потому что существуетъ особенная лихая година, въ которую можно вызвать все худое, о чемъ бы не помыслилъ человѣкъ; наконецъ, вѣдьмачество дается и въ связи съ иною профессіей: мельникъ, лѣсникъ, кузнецъ, давній войтъ, коновалъ и другіе легко могутъ становиться вѣдьмаками. Соотвѣтственно сему пріобрѣтается вѣдьмачество и женщинами.

Самохотные вѣдьмаки и вѣдьмы обыкновенно начинаютъ съ того, что носятъ тѣльный крестъ подъ пятою, разстаются съ

иконами и молитвою и начинаютъ брать вѣдьмаческіе уроки у приставленныхъ къ нимъ бѣсовъ. Съ первыхъ же уроковъ они отрекаются отъ всего святого, отъ родителей и родни, обязуясь враждебно относиться ко всему, что не носитъ демонической окраски. Тогда уже доброволецъ вѣдьмачества дѣлается злѣйшимъ губителемъ тѣла и души своей жертвы и съ этой стороны опережаетъ наставниковъ, которые хлопочутъ существеннымъ образомъ лишь о гибели души жертвы. Въ такомъ усердіи вѣдьмаки и вѣдьмы напоминаютъ прозелитовъ, обыкновенно злѣйшихъ противниковъ своихъ недавнихъ единовѣрцевъ.

Истинное положеніе дѣла обязываетъ отмѣтить, что мужчины менѣе воспріимчивы къ вѣдьмачеству, чѣмъ женщины, а потому и вѣдьмаковъ меньше, чѣмъ вѣдьмъ. Дальнѣйшее слово преимущественно о сихъ послѣднихъ.

„Молодая вѣдьма, старая вѣдьма“—слишкомъ обыденныя разграниченія, изъ которыхъ видно, что демоноподобницы имѣютъ возрастныя различія; но дѣятельность той и другой одна и та же, какъ и внѣшніе признаки. На поверхностный взглядъ вѣдьмы не отличаются днемъ отъ обыкновенныхъ женщинъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онѣ занимаются людскими дѣлами; зато отъ сумерекъ до сумерекъ, когда проходитъ ихъ чисто демоническая дѣятельность, вѣдьмы тотъ-часъ узнаются по фосфорическому блеску глазъ, причемъ обычное безобразіе лица и предательскія особенности бѣсовства обнаруживаются наиболѣе рѣзко. Укрываясь, по возможности, отъ людей въ теченіе дня, въ указанную пору сутокъ вѣдьмы поневолѣ принуждены еще болѣе укрываться, чтобы не выдавать себя,—что вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ и съ ихъ дѣятельностью, общеніемъ съ нечистою силою. Для сего онѣ превращаются въ живые предметы непремѣнно женскаго пола, или же, сохраняя свой обычный обликъ, пользуются подспорными предметами для передвиженія. Такъ многіе видѣли ихъ разъѣзжающими верхомъ на козлѣ, на волкѣ или медвѣдѣ, въ горшкѣ, въ ступѣ, на помелѣ, или метлѣ, на

скамьѣ, простой доскѣ, изгородномъ колу и проч. Какъ бы ни перемѣщалась вѣдьма, при ней неотлучно находится помело, или метла, вѣникъ, чтобы заметать слѣдъ: безъ такой предосторожности вѣдьминъ путь, какъ и мѣсто слѣдованія, могутъ быть открыты людьми; то-же могутъ обнаружить вѣдьмаки и вѣдьмы, какъ извѣстно, всегда враждующіе другъ противъ друга, строющіе всяческія козни противницамъ.

Такимъ именно способомъ вѣдьмы перемѣщаются на бѣсовскія сборища, для обсужденія общихъ дѣлъ и для отправленія шабашей, изъ коихъ главными почитаются: Купальскій (въ ночь 24 іюня) и мясоѣдный—18 января (на 24 день послѣ христіанскаго праздника Р. Х.). Кромѣ циничныхъ дѣяній, на первомъ шабашѣ бываетъ свальное купанье вѣдьмъ и чертей въ молокѣ, которое та и другая вѣдьма успѣли къ этому времени отнять отъ чужихъ коровъ, а на второмъ скопъ нечистиковъ приноситъ дикую жертву—закалывается младенецъ, иногда извлеченный изъ материнской утробы, и, при неистовыхъ крикахъ радости, съѣдается участниками шабаша. Здѣсь же происходитъ посвященіе новичковъ въ тайны вѣдьмачества, снимаются отчеты, дѣлаются расправы съ виновными и ведутся нескончаемые бѣсовскіе танцы, при которыхъ пары пляшутъ, приложивъ спину къ спинѣ. Случается, что иная вѣдьма или вѣдьмакъ больше не возвращается съ шабаша, или возвращается съ какимъ-нибудь органическимъ поврежденіемъ: очевидно, такой демоноподобникъ подвергся бѣсовской расправѣ.

Хотя вѣдьмаки и вѣдьмы слишкомъ близки по физическому и духовному складу, между ними нѣтъ иныхъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; зато вѣдьмы неизбѣжно состоятъ въ сожительствѣ съ вольными, повсюдными нечистиками, отъ которыхъ имѣютъ даже дѣтей. Какъ самая связь, такъ и плоды ея носятъ характеръ едва выразимаго цинизма: между прочимъ, вѣдьмы сжираютъ такихъ своихъ дѣтей, угощая поджареннымъ мясомъ ихъ и сожителей.

Вредя обыкновеннымъ людямъ всѣми доступными средствами и съ разныхъ сторонъ, вѣдьмы и вѣдьмаки имѣютъ силу превращать ихъ въ разные предметы. Такъ иной внезапно и неожиданно для себя очутится медвѣдемъ, волкомъ, ястребомъ, другой—вороною, свиньею, кошкою, мышью и проч. По этимъ превращеніямъ можно предугадать, какого пола былъ превращенный и кто—вѣдьмакъ или вѣдьма сдѣлали превращеніе, потому что первый не можетъ, напр., превратить женщины, а мужчины превращаются рѣдко въ предметы женскаго рода.

Приданный вѣдьмою или вѣдьмакомъ видъ сохраняется относительно недолго—одну ночь, рѣдко—цѣлыя сутки. Но и этого краткаго срока достаточно, чтобы оставить на человѣкѣ неизгладимый слѣдъ: многіе усвояютъ не только привычки, но и голосъ того животнаго, въ которое были превращены. Когда по вѣдьмаческимъ цѣлямъ превращеніе выдержало животное, оно еще разительнѣе воспринимаетъ особенности: такъ, напр., курица начинаетъ плескаться въ водѣ и крякать по-утиному, если она была превращена въ утку. Изъ всѣхъ живыхъ существъ только одни кузнецы не боятся вѣдьмъ и вѣдьмаковъ, и не могутъ быть превращены ни въ одинъ предметъ.

Во всѣ времена люди много терпѣли отъ сихъ демонопободобниковъ и изыскивали средства предупредить ихъ злодѣянія, разрушить козни, а главное—наказать и уничтожить своихъ враговъ. Вѣковой опытъ и усилія не пропали даромъ. Такъ узнано, что вѣдьма не испытываетъ боли, когда ее бьютъ по тѣлу, но что она чувствуетъ удесятеренную боль, когда бьютъ по тѣни той же вѣдьмы: эта тѣнь есть прихвостень вѣдьмы—одинъ изъ чертей, который и передаетъ удары вѣдьмѣ; нужно только бить не ладонью, а верхнею стороною кисти. Особенно страшными бываютъ удары по тѣни освященными предметами: тутъ можно даже извести вѣдьму. Того же обыкновенно достигаютъ люди, проткнувъ тѣнь вѣдьмы гвоздемъ и другимъ заостреннымъ предметомъ изъ церковнаго или капличнаго зданія; а если вѣдьма

или вѣдьмакъ не перестаютъ выходить изъ могилъ послѣ смерти, тотъ же заостренный предметъ нужно воткнуть въ могильный холмъ, чтобы окончательно пригвоздить человѣконенавистника. Не менѣе надежно въ семъ случаѣ и другое средство: нужно откопать могилу демоноподобника и осиновымъ коломъ пробить трупъ его.

Такъ-какъ въ сельско-хозяйственномъ быту весьма много приходится терпѣть отъ молочныхъ вѣдьмъ, то для узнанія, поимки и наказанія такихъ вѣдьмъ найдено достаточно средствъ, изъ числа которыхъ наиболѣе извѣстны слѣдующія. Заговляя сыромъ въ масляное заговѣнье, кусочекъ его нужно удержать во рту на ночь; утромъ въ „пильный“ понедѣльникъ высушить и тутъ же зашить въ одежду, которую слѣдуетъ безсмѣнно носить въ теченіе всего поста и въ это время вести себя такъ, какъ и при ношеніи „пѣтушинаго яйца“, т. е. не ходить въ баню, не умываться, ни съ кѣмъ не разговаривать, даже избѣгать привѣтствій. Съ кусочкомъ сыра въ рукѣ нужно придти къ пасхальной заутренѣ и, остановившись у порога церкви, поднимать сыръ вверхъ при произношеніи словъ „Христосъ воскресе“; тогда, вмѣсто платковъ, на головахъ вѣдьмъ будутъ видны дойки,— что и выдаетъ молочныхъ вѣдьмъ цѣлаго прихода. Вмѣсто сего тогда же нужно смотрѣть на женщинъ чрезъ дырочку лучиннаго огарка, откуда самъ собою выпалъ сучокъ во время масляничнаго заговѣнья.

Зная наличныхъ вѣдьмъ своей окружицы, нетрудно уже располагать мѣрами поимки, наказанія и даже гибели ихъ. Такъ, если вѣдьма присѣла на цѣдилку ввидѣ мухи, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы произвести молочную порчу, такую муху нужно немедленно завертѣть въ цѣдилку и эту послѣднюю привѣсить надъ „сопухой“, или варить въ кипяткѣ: вѣдьма не можетъ снова превратиться и будетъ испытывать муки, пока цѣдилка останется въ дыму, или въ кипяткѣ, и совершенно погибаетъ, когда дымъ былъ отъ ладана, а вода—съ примѣсью освященной.

Если же молочная вѣдьма, принявшая видъ земляной (корявой) лягушки, очутилась въ коровьемъ хлѣву, а тѣмъ паче—пристала къ вымени, отъ котораго она не можетъ произвольно отстать, пока не закончится вѣдьмаческая порча, съ такою вѣдьмою можно сдѣлать приблизительно слѣдующее: отрѣзать пальцы, выколоть глаза, проткнуть тѣло иголками, булавками. Всѣ поврежденія останутся у вѣдьмы навсегда и послѣ превращенія, причемъ физическія муки отъ уколовъ и порѣзовъ растянутся на долгіе годы.

Чтобы отогнать молочныхъ вѣдьмъ и причинить имъ страданія, въ Купальскій день и ночь нужно заложить щели хлѣва „жигли́вкою“, чертополохомъ, терновникомъ, стеблями крыжовника; а надъ дверями привѣсить фителями внизъ громничныя (Срѣтенскія) свѣчи: попробуетъ вѣдьма съ размаху влетѣть въ хлѣвъ—она обязательно порветъ себѣ кожу, уколется о колючки, обожжется крапивою и, въ особенности—громничною свѣчою. Послѣ всѣхъ такихъ мѣръ часто происходитъ или продолжительная болѣзнь завѣдомой вѣдьмы, или у нея появляется новый органическій недостатокъ, или же она пивѣсть куда пропадаетъ.

XXIV. КОЛДУНЫ и КОЛДУНЬИ.

Эти демонподобники стоятъ значительно дальше отъ чистыхъ бѣсовъ и—гораздо ближе къ людямъ, съ которыми ведутъ даже и житейскія сношенія. Кромѣ того они ходятъ въ церковь, исполняютъ требы и окружаютъ себя предметами христіанскаго почитанія. Хотя все это дѣлается для отвода людскихъ глазъ и хотя колдуны и колдуньи достаточно закрѣпощены въ бѣсовство, властелины и распорядители ихъ дѣятельности, настоящіе черти, не полагаются на нихъ такъ, какъ на вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, опасаются двоедушія ихъ и сравнительно больше довѣряютъ только тѣмъ осо́бямъ, у которыхъ появились типичныя особенности бѣсовства—зачатки роговъ, хвоста, клыковъ, фосфорическое свѣченіе глазъ, исчезновеніе мясистыхъ частей. Но и при семъ условіи колдуны и колдуньи лишены возможности лично и по

произволу чинить бѣсовскія дѣла, для чего каждый разъ обязаны обращаться къ содѣйствію настоящихъ бѣсовъ, указывать причины и цѣль предстоящихъ дѣяній, причемъ случается, что бѣсъ принужденъ бываетъ служить, помимо воли, положительнымъ надобностямъ человѣка. Такъ, колдунъ или колдунья лѣчитъ травами, заговорами, производитъ чары, коими поправляетъ падающее благосостояніе сторонняго человѣка, помогаетъ привораживать любимое лицо, указываетъ воспособляющія средства при охотѣ, на промыслахъ и проч. Разумѣется, все это дѣлаютъ настоящіе бѣсы за цѣну проданной имъ души колдуна или колдуньи.

Особенностью сношеній бѣсовъ съ сими демонноподобниками приходится считать то, что они не появляются въ своемъ чистомъ видѣ, а лишь въ видѣ миніатюрныхъ человѣчковъ, вслѣдствіе чего колдуны и колдуньи не имѣютъ о бѣсахъ тѣхъ свѣдѣній, какія, напр., даются вѣдьмакамъ и вѣдьмамъ. Они узнаютъ своихъ сотрудниковъ въ подлинномъ видѣ только при концѣ постыдной жизни и за предѣлами смерти. Но колдунамъ не суждено узнавать и другъ друга, по крайней мѣрѣ, при первыхъ встрѣчахъ,—что слишкомъ непохоже на вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, обыкновенно узнающихъ одинъ другого при первомъ взглядѣ. Послѣдствіемъ сего бываютъ частныя столкновенія колдуновъ и колдуній, пока враждебными дѣйствіями не опредѣлятся личности враговъ; руководители же бѣсы одинаково служатъ тому и другому и остановятся развѣ тогда, когда цѣлямъ бѣсовства приносится ущербъ. Въ общемъ пониманіи людей, какъ и самихъ колдуновъ, это значитъ, что „нашла коса на камень“, или что слабѣйшій сдался сильнѣйшему. Причинить существенный убытокъ, а тѣмъ болѣе—извести другъ друга колдуны не могутъ: кончина ихъ приходитъ естественнымъ путемъ, если только колдунъ или колдунья не подверглись насильственной смерти, или не покончили самоубійствомъ. Естественная кончина ихъ заслуживаетъ вниманія.

Когда колдунъ или колдунья дожили до предѣльнаго земного бытія, ослабѣли умственно и тѣлесно и не могутъ дольше

вести бѣсовскихъ дѣлъ, бѣсы перестаютъ давать свою обычную помощь и остаются при нихъ только на стражѣ души ихъ и ради выполненія существеннаго условія колдовства—передать послѣднее кому-либо изъ близкихъ къ колдуну лицъ. Чѣмъ скорѣе сдѣлано это, тѣмъ скорѣе наступитъ и кончина колдуна, хотя предсмертныя муки ихъ и въ семъ случаѣ бываютъ выше обыкновенныхъ людскихъ. Но передать колдовство нелегко, тѣмъ болѣе, что, видя зазорную жизнь близкаго лица и зная источникъ ея, даже родныя дѣти уклоняются отъ родительскаго предложенія.

Лишеніе бѣсовской помощи, физическія терзанія бѣсовъ, при неустанномъ поминѣ о передачѣ колдовства, и угрызенія совѣсти за злодѣянія цѣлой жизни уже сразу ставятъ болѣзнь колдуна невыразимо тяжкою. Но, по мѣрѣ того, какъ длится болѣзнь, растетъ и тягость мукъ: больной мечется, старается уйти отъ страшныхъ образовъ, неестественно стонетъ и реветъ, проситъ доканать его; для утоленія, напр. нестерпимой жажды хватаетъ и несетъ въ ротъ горящую лучину, тогда-какъ при очевидномъ холодѣ молитъ о подачѣ льда, воды изъ проруби. Что же касается предсмертныхъ, по большей части, дикихъ рѣчей колдуна, то онѣ полны проклятій, грубой брани и цинизма.

По чувству человѣчности, окружающіе стараются оказать возможную помощь умирающему: помѣщаютъ его на срединѣ избяного пола, а на грудь кладутъ веревку, протягиваемую на дворъ чрезъ отворенную дверь, чтобы душѣ удобно было выйти изъ тѣла; открываютъ дымовыя отдушины, просверливаютъ въ стѣнахъ и потолкѣ дырья, чтобы туда прошла несомая чертями душа колдуна, если только двери и окна назнаменованы мѣловыми крестами; ввиду же того, что душа колдуна рогата, и ей трудно выходить изъ тѣла, на печь привѣшиваютъ хомутъ со шлеями, чтобы черти могли запрячься и общими усиліями извлечь „рогатую душу“. Разумѣется, послѣднее причиняетъ умирающему столь сильныя муки, что для передачи повѣсти о нихъ на человѣческомъ языкѣ нѣтъ и словъ.

По извлеченіи души изъ тѣла, бѣсы скопомъ входятъ внутрь его, чтобы осквернить недавнее обиталище своей жертвы, иногда же—для того, чтобы подхватить тѣло и унести его на бѣсовскій пиръ. Послѣднее, впрочемъ, не удается, потому что окружающіе посыпаютъ тѣло освященнымъ макомъ, или солью. Тогда бѣсовскій скопъ стайно носится надъ домомъ умершаго ввидѣ воронъ, и стайно же улетаетъ вдаль, унося душу колдуна, послѣ чего слѣдуетъ буря и ненастье впродолженіе нѣсколькихъ дней сряду. Люди стараются предупредить стихійныя нестроенія; въ могилу погребаемаго колдуна они кладутъ нарочито приготовленный крестъ, вытесанный изъ молодого (въ ростъ человѣка) дерева, подъ гробъ колдуна.

Если колдуну, или колдуньѣ приходится кончать свою жизнь такъ жестоко, зато предшествующая ихъ жизнь можетъ почесться красною, завидливою,—что, кромѣ озлобленія на людей и мести имъ, всегда манитъ къ колдовству. Безъ колдуна не обходится выдающееся семейное праздненство, гдѣ ему предоставляется почетное мѣсто и уходъ, къ нему обращаются за совѣтами и помощью при людскихъ и скотскихъ болѣзняхъ, просятъ разрушить чары и заклинанія, причиненныя ненавистникомъ, просятъ помощи для наказанія врага. За всѣ труды колдунъ получаетъ безотговорное вознагражденіе —деньгами, хлѣбомъ, скотомъ, одеждою, скопляетъ весьма часто значительное состояніе.

Сила колдовства велика. Такъ, лишь словомъ заклинанія колдунъ можетъ навести заочную кару не на отдѣльное только лицо, а на семью, цѣлую деревню, погубить доброе предпріятіе; още сильнѣе дѣйствіе заклинанія надъ питейными и съѣстными предметами, лишь бы они были потреблены жертвою; съ лѣкарственными же снадобьями колдуна не справиться и медицинской наукѣ. Колдуны обыкновенно не выдаютъ тайнъ своего лѣченія, и, если не передали близкому лицу колдовства, уносятъ эти тайны въ могилу. Однако, наблюдая исподтишка, люди узнали, какіе камни и земли варятъ колдуны, чье сердце и другія внут-

ренности добываютъ они для порошковъ, изъ какихъ травъ и кореньевъ они дѣлаютъ настой для внутренняго и наружнаго употребленія, чѣмъ, наконецъ, поятъ и кормятъ себя, когда хотятъ призвать черта для содѣйствія. Между прочимъ, колдуны натираются мазью изъ состава слѣдующихъ предметовъ, кстати—весьма наркотическихъ: а) аконитъ или борецъ, б) черемица (белладона), в) бѣлена, г) красавица, д) багунъ, е) вѣдьмина трава и другіе. Когда они хотятъ околдовать стороннее лицо, то даютъ эту мазь и ему: человѣкъ начинаетъ быстро перемѣщаться на разныхъ предметахъ—на палкѣ, на бревнѣ, на кочергѣ или ухватѣ, летаетъ по воздуху, танцуетъ, веселится въ обществѣ молодежи, и тутъ же принимаетъ участіе, или созерцаетъ возмутительныя бѣсовскія дѣянія, коими пародируются религіозныя, и вообще всѣ дѣянія земножителей. Придя въ обычное положеніе, такой человѣкъ испытываетъ органическое изнеможеніе и упреки совѣсти за видѣнное и учиненное имъ во время зачарованія, и это состояніе измѣняется чрезъ долгіе сроки, послѣ очищенія обѣтными подвигами. Отдѣльныя лица, однако, на всю жизнь остаются то съ органическими, то съ душевными ограниченіями: получаютъ трясучесть тѣла, сведеніе рукъ, ногъ, кривизну лица, глухоту, или теряютъ память, пріобрѣтаютъ разсѣянность и проч. Во всякомъ случаѣ замѣчено, что побывавшій въ переворотняхъ по собственной волѣ, но подъ воздѣйствіемъ колдуна, или колдуньи, станетъ избѣгать вторичнаго превращенія; подневольный же переворотень не выдерживаетъ вторичнаго превращенія.

XXV. ОБОРОТНИ.

Подъ воздѣйствіемъ нечистой силы, какъ непосредственнымъ, такъ и чрезъ демоноподобниковъ, человѣкъ можетъ быть обращенъ въ различные предметы—одушевленные и неодушевленные. Если это произошло отъ сторонняго наведенія, получается переворотень, отъ личнаго, по собственному произволу—оборотень.

Въ послѣднемъ смыслѣ оборотнями могутъ быть почти всѣ нечистики и, преимущественно—вѣдьмаки, вѣдьмы, колдуны и колдуньи, какъ имѣющіе частую нужду укрывать свой человѣческій видъ. Такъ, замѣчается иногда, что видимый издали человѣкъ вдругъ побѣжалъ волкомъ, зайцемъ, покатился камнемъ, остановился пнемъ: ясно, что это одинъ изъ демоноподобниковъ обратился въ новый предметъ, чтобы привлечь на себя вниманіе. Нѣтъ такой надобности, или не дается она—демоноподобникъ становится оборотнемъ, чтобы просто поглумиться надъ людьми, фальшивою примѣтою ввести въ обманъ, и чаще всего это продѣлываютъ вѣдьмы да колдуньи. Всѣмъ жильцамъ даннаго дома видно, напр., какъ сорока безстрашно припала къ окну снаружи дома, или на ворота, на стрѣху, слышно, что она стрекочетъ о какихъ-то наиблагопріятнѣйшихъ вѣстяхъ; но пусть только кто-нибудь довѣрится этому стрекотанью и станетъ ожидать благихъ исполненій—случится наоборотъ: тутъ стрекоталъ оборотень—вѣдьма или колдунья.

Бѣсовскія надобности создаютъ отдѣльныхъ оборотней, которые ради корыстныхъ или вредоносныхъ цѣлей изъ обыкновенныхъ мирныхъ людей преобразуются въ разные предметы, и демоническую дѣятельность проявляютъ только въ такомъ именно перерожденіи. Посему оборотня гораздо труднѣе узнать, чѣмъ вѣдьмакующаго, или колдующаго: его выдастъ развѣ усталый видъ да ироническая улыбка, полунамеки, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ что-то такое знаетъ, что-то такое сдѣлалъ своему собесѣднику, или обоимъ имъ извѣстному лицу,

Подобно вѣдьмакамъ и колдунамъ, оборотни пріобрѣтаютъ свой даръ путемъ предварительнаго уговора съ нечистою силою; однако, многіе оборотни владѣютъ и средствами вполнѣ естественными, достигаютъ умѣнья обращаться въ иные предметы помимо нечистой силы—личною практикою, наставленіемъ опытныхъ оборотней. Вслѣдствіе сего, за малыми исключеніями, оборотни не имѣютъ такого лютаго конца жизни, какой неизбѣженъ

для колдуновъ, и, если грѣховная душа ихъ не избѣгаетъ заслуженной кары, такъ въ данномъ случаѣ она несетъ наказаніе обычныхъ грѣшниковъ.

Оборотни заботливо охраняютъ тайны своего перераживанья и выдаютъ ихъ развѣ при концѣ жизни самымъ близкимъ лицамъ. Это обстоятельство, какъ и неохотное содѣйствіе нечистиковъ, недовѣрчиво относящихся къ оборотнямъ, дѣлаетъ ихъ относительно рѣдкими демоноподобниками. Кромѣ того и практическая польза отъ перераживанья въ оборотней не окупаетъ риска,—какъ это извѣстно изъ исторіи оборотней.

Чтобы оборотиться въ произвольное животное, человѣкъ втыкаетъ въ уединенномъ мѣстѣ лѣса, отдаленной пустоши, двѣнадцать одинаковыхъ ножей въ землю, остріемъ вверхъ, и троекратно кувыркается чрезъ нихъ, стараясь не стронуть ножей съ мѣста. За первымъ кувыркомъ человѣкъ теряетъ подробныя очертанія своего лица; за вторымъ—остается безформеннымъ живымъ существомъ, а за третьимъ пріобрѣтаетъ полный видъ животнаго, въ которое желательно оборотиться. Когда наступитъ время переоборотиться, оборотень вновь кувыркается троекратно чрезъ тѣ же ножи, но съ обратной стороны, причемъ измѣненіе существа его слѣдуетъ въ обратномъ же порядкѣ.

Для обращенія въ волка, лисицу, хорька, или ласку достаточно семи ножей, чрезъ которые совершается то же троекратное кувырканье. Но чтобы оборотиться въ мелкую птичку, въ пресмыкающееся, или насѣкомое, можно обойтись и безъ ножей, единственно при помощи осиноваго пня, на которомъ, при рубкѣ дерева, не положено крестнаго знаменія: человѣкъ хватается зубами за верхній край пня и стремительно кувыркается чрезъ него—по другую сторону онъ сразу становится желаннымъ животнымъ. Обратнымъ кувыркомъ оборотень снова преобразуется въ человѣка.

Если самъ оборотень стронулъ съ мѣста одинъ изъ предметовъ, чрезъ которые кувыркался, или это сдѣлалъ сторонній,

а тѣмъ паче унесъ предметы, оборотень навсегда остается въ принятомъ видѣ, развѣ его выручитъ посвященный въ тайный подобнаго перераживанья близкій человѣкъ. Бывали случаи, когда злополучный оборотень падалъ отъ пули, попадалъ въ капканъ, силокъ, въ охотничьи сѣти: снимая шкуру съ убитаго оборотня, находили подъ нею истлѣвшую одежду, ожерелье, серьги, кольца, а во всемъ тѣлѣ его—человѣкоподобную форму. Зная все это, оборотни прибѣгаютъ къ опасному риску въ крайнихъ случаяхъ, при соблюденіи самыхъ строгихъ предосторожностей. Чаще всего они обращаются въ продажное животное—лошадь, корову, овцу, свинью, гуся, курицу: по предварительному уговору съ близкимъ лицомъ, оборотень продается на базарѣ за настоящее животное, которое вскорѣ уходитъ отъ своего хозяина; проданное вторично, въ другія руки, животное снова уходитъ, или оборотившись въ новое животное, проходитъ вторичную продажу въ нѣсколько рукъ. Изъ предметовъ неодушевленныхъ оборотни дѣлаются „поворотными рублями“—и въ такомъ состояніи продѣлывается то же, что и въ состояніи животнаго. Но послѣднее обращеніе еще опаснѣе потому, что иногда такой рубль можетъ подвергнуться изгибу, перелому, когда дѣло идетъ на пари, или можетъ быть расплавленъ на издѣліе: оборотень увѣчится, или погибаетъ окончательно.

Напрасно увѣряютъ, будто перераживанье оборотней проходитъ безнаказаннымъ для нихъ самихъ; напротивъ, извѣстно, что за каждымъ такимъ дѣяніемъ жизнь ихъ сокращается на нѣсколько дней, примѣнительно къ лѣтамъ животнаго, или цѣнности „поворотнаго рубля“. Вслѣдствіе сего, подъ старость, оборотни отстаютъ отъ своей демонической дѣятельности, тѣмъ или другимъ средствомъ искупаютъ пороки жизни, которую и кончаютъ обыкновенными добродѣтельными людьми.

ОПИСАНІЕ

крестьянскаго жилого дома въ деревнѣ Загорьѣ, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

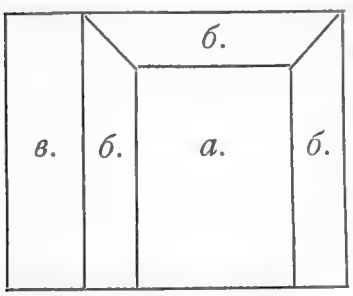
Избранный для подробнаго описанія жилой домъ крестьянъ (двоюродныхъ братьевъ) Ивана Игнатьева и Ивана Викентьева Клинчуковъ расположенъ въ деревнѣ Загорьѣ, Скрибовскаго сельскаго общества, Росской волости, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи; деревня эта заселена сплошь бѣлоруссами, которые владѣютъ землею подворно. Принадлежащая вышеназваннымъ крестьянамъ Клинчукамъ надѣльная земля составляла первоначально одинъ участокъ, но 24 года тому назадъ старшій изъ нихъ, Иванъ Игнатьевъ Клинчукъ, и отецъ младшаго (нынѣ умершій), Викентій Клинчукъ, подѣлили между собою какъ землю, такъ и возведенныя на ней хозяйственныя постройки, дворъ-же и жилой домъ остались общими.

Жилой домъ Клинчуковъ, по мѣстному названію „хата“, построенъ около 30 лѣтъ тому назадъ въ юго-западномъ углу двора и обращенъ къ проходящей черезъ деревню улицѣ своею узкою южною стороною. Домъ деревянный, одноэтажный, служитъ исключительно для жилья; длина его, по западной и восточной сторонѣ,—20 аршинъ, ширина, по сѣверной и южной сторонѣ,—10 аршинъ, высота стѣнъ—3 арш. 10 вершк. Наружныя стѣны дома покоятся на каменномъ фундаментѣ („подмуро́къ“), который устроенъ слѣдующимъ образомъ; въ землѣ, по всей длинѣ

наружныхъ стѣнъ дома, выкопанъ ровикъ, глубиною въ 1/2 аршина, и въ этотъ ровикъ положенъ выступающій надъ поверхностью земли рядъ большихъ неотесанныхъ камней; промежутки же между ними заполнены мелкими камнями и залиты известью. Самыя стѣны сложены изъ спиленныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ прямоугольныхъ бревенъ, изъ коихъ нижнее, лежащее на фундаментѣ, называется „подру́бою", среднія—„стѣнами", а верхнее подъ крышею—„очепою". Толщина бревенъ колеблется между 4 и 7 вершками. По угламъ бревна связаны между собой двумя различными способами, а именно: въ обращенныхъ къ улицѣ юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ концы бревенъ соединены „нѣмецкимъ угломъ"; способъ этотъ заключается въ томъ, что входящіе въ данную стѣну концы бревенъ сосѣдней стѣны не выступаютъ наружу, а спиливаются въ уровень съ наружной вертикальной плоскостью стѣны; затѣмъ концы бревенъ по обѣимъ сторонамъ угла закрываются набитою на нихъ въ вертикальномъ положеніи доскою—„шалёвкою". При закладкѣ дома („закла́дины") въ одномъ изъ угловъ—у Клинчуковъ въ юго-восточномъ—кладется между двумя соединяющимися въ углу подрубами какая нибудь монета, смотря по степени зажиточности хозяина.—Что же касается обращенныхъ во дворъ сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго угловъ дома, то въ этихъ двухъ углахъ брёвна соединены „простымъ угломъ", т. е. съ выступающими наружу концами брёвенъ и безъ шалёвокъ. За исключеніемъ шалёвокъ, прибитыхъ на южныхъ концахъ дома, послѣдній ничѣмъ не обшитъ и ничѣмъ на зиму не обкладывается. Въ интересахъ-же охраненія дома отъ зимней стужи помѣщенъ вдоль всей сѣверной его стѣны рядъ простыхъ неотесанныхъ камней, переложенныхъ землею; этотъ рядъ камней мѣстные крестьяне называютъ „при́избою" (при́-избою, на планѣ—*m*) которая въ данномъ случаѣ для сидѣнія не приспособлена.

Входныхъ дверей *(a)* въ домѣ двѣ: обѣ выходятъ во дворъ и расположены на длинныхъ сторонахъ дома: первая, ведущая въ половину старшаго брата,—на восточной, а вторая,

ведущая въ половину младшаго брата,—на западной сторонѣ. Ни передъ одной изъ этихъ двухъ дверей крыльца не имѣется, а лишь положены въ безпорядкѣ большіе камни, разной величины, образующіе рядъ неправильныхъ ступеней, при чемъ вдоль всей западной стороны дома, кромѣ того, проложена мостовая *(у)* изъ мелкихъ камней, имѣющая полъ-аршина въ ширину. Восточная входная дверь, ведущая въ помѣщеніе старшаго брата, одностворчатая, сколочена изъ трехъ дюймовыхъ досокъ („цалёвокъ"), стоящихъ вертикально и скрѣпленныхъ извнутри хаты двумя поперечными дощечками, „иглицами". Ширина двери $1^1/_2$ аршина, вышина $2^1/_4$ аршина. Дверь эта открывается внутрь хаты и ходитъ на завѣсахъ, т. е. на двухъ желѣзныхъ вертикальныхъ цилиндрахъ, прибитыхъ къ двери при помощи составляющихъ ихъ продолженіе желѣзныхъ пластинокъ, надѣваемыхъ на прикрѣпленные къ косяку двери желѣзные крюки. Косякъ двери представляетъ собою три вдѣланныхъ въ стѣну прямоугольныхъ бревна, изъ коихъ два стоятъ по обѣимъ сторонамъ двери, на подрубѣ, съ которою соединены при помощи своихъ-же, спиленныхъ со всѣхъ сторонъ, концовъ („пальцевъ"), впускаемыхъ въ подрубу, примѣрно до ея половины. Третій косякъ находится надъ дверью и лежитъ горизонтально на двухъ вертикальныхъ косякахъ, при чемъ оба конца горизонтальнаго косяка и верхніе концы вертикальныхъ срѣзаны подъ угломъ,



вслѣдствіе чего плоскость ихъ соединенія представляется наклонною (см. чертежъ), а самые косяки называются „ушаками". Рядомъ съ лѣвымъ ушакомъ вдѣланъ въ стѣну еще одинъ прямоугольный столбъ одинаковой вышины съ ушакомъ, называемый „стоякомъ". Запирается эта входная дверь при помощи желѣзной клямки, прикрѣпленной къ внутренней сторонѣ двери и заскакивающей на вдѣланный въ косякъ желѣзный крюкъ „за́зубень". Снаружи клямка эта подымается по-

средствомъ нажиманія особой проходящей черезъ дверь желѣзной пластинки, подъ которой находится желѣзная полукруглая ручка, прибитая къ двери въ вертикальномъ положеніи. Кромѣ того дверь запирается извнутри при помощи желѣзной задвижки—„за́волки“. Другая входная дверь—на западной сторонѣ дома—имѣетъ вполнѣ тождественное устройство и отличается отъ первой лишь своимъ нѣсколько мéньшимъ размѣромъ: ширина ея аршинъ, а вышина 2 аршина. Оконъ *(б)* въ жиломъ домѣ Клинчуковъ восемь: съ длинной восточной стороны—три (одно направо отъ входной двери и два налѣво); съ длинной западной стороны—два (оба налѣво отъ входной двери); съ короткой южной стороны—два, и съ короткой сѣверной стороны—одно. Всѣ окна выкрашены въ бѣлый цвѣтъ и никакихъ особыхъ названій не имѣютъ. Ширина ихъ одинаковая—14 вершковъ; вышина на половинѣ старшаго брата (къ югу отъ входныхъ дверей)—1 арш. 3 вершка, а на половинѣ младшаго брата (къ сѣверу отъ входныхъ дверей)—1 арш. 2 вершка. Всѣ эти окна двустворчатыя, при чемъ въ деревянной рамѣ каждаго изъ двухъ растворовъ („фу́ртка“) окна имѣется по три квадратныхъ стекла одинаковой величины. Отворяются окна наружу и запираются при помощи желѣзныхъ крючковъ, вдѣланныхъ въ верхній и нижній края оконной рамы и входящихъ въ особыя петли, ввинченныя въ оконный косякъ. Косякъ этотъ („скри́ня“) представляетъ собою четыре сколоченныя доски (двѣ вертикальныхъ и двѣ горизонтальныхъ) и вставляется въ оконное отверстіе стѣны, а къ нему уже прикрѣпляются на завѣсахъ оконныя рамы. Пространство между скриней и стѣной закладывается мхомъ, а снаружи забивается „карнизо́ванными шалёвками“, т. е. дощечками, по длинѣ коихъ сдѣланы для украшенія полукруглыя углубленія и возвышенія. Никакихъ рѣзныхъ украшеній ни на окнахъ, ни на другихъ частяхъ построекъ Клинчуковъ не имѣется; ставень или рѣшетокъ при окнахъ также нѣтъ.

Крыша („стрѣха“) жилого дома Клинчуковъ соломенная, четырехскатная, при чемъ два длинныхъ четырехугольныхъ ската

ея соотвѣтствуютъ длиннымъ сторонамъ дома (западной и восточной), а трехугольные скаты, или вальмы, обращены къ сѣверу и югу. Крыша эта со всѣхъ четырехъ сторонъ дома спускается нѣсколько ниже верхняго вѣнца сруба („зруба"), при чемъ уголъ, образуемый длинными скатами крыши и плоскостью горизонта, составляетъ около 42 градусовъ.

Способъ установки стропилъ и покрытія ихъ соломою слѣдующій. По возведеніи стѣнъ, на западной и восточной очепахъ устанавливается въ плоскостяхъ, параллельныхъ сѣверной и южной сторонамъ дома, нѣсколько паръ болѣе тонкихъ, отесанныхъ бревенъ въ наклонномъ положеніи, при чемъ верхніе концы каждой пары этихъ бревенъ, именуемыхъ „кроквами", соединяются между собою крестообразно; съ этою цѣлью верхній конецъ каждой кроквы распиливается пополамъ и одна изъ распиленныхъ половинокъ отрубается топоромъ; остающаяся-же половина соединяется съ такою же половиною другой кроквы посредствомъ проходящаго черезъ обѣ половины деревяннаго дубоваго „гвозда". Нижніе концы кроквъ, спускаясь нѣсколько ниже очепъ, прикрѣпляются къ очепамъ такими же „гвоздами", для чего въ подлежащихъ мѣстахъ очепъ и кроквъ дѣлаются соотвѣтствующія другъ другу выемки. Кромѣ того каждая пара кроковъ соединяется горизонтальнымъ брускомъ или „семе́ничемъ", концы котораго упираются въ среднюю часть обѣихъ кроквъ. По установкѣ кроквъ, дѣлается, по мѣстному обычаю, изъ можжевельника („елове́цъ") особая „квѣтка" (связка въ родѣ кисти или кропила) и прикрѣпляется въ мѣстѣ соединенія ближайшей къ улицѣ пары кроковъ, послѣ чего домъ считается „оквѣченнымъ",—и хозяинъ угощаетъ строителей и сосѣдей, приглашая ихъ къ себѣ „на квѣтку". Послѣ оквѣченія дома начинаютъ „латить" крышу „латами", т. е. длинными тонкими жердями, плоскими съ одной стороны и нѣсколько закругленными съ другой. Эти латы, равныя длинѣ дома, набиваются поверхъ кроквъ, плоской стороной къ послѣднимъ,— при чемъ первая лата прибивается нѣсколько отступя отъ ниж-

няго края кроквъ, а слѣдующія на разстояніи около полуаршина одна отъ другой до самаго конька (верхняя линія, образуемая мѣстами соединенія кроквъ между собою) крыши. Поверхъ латъ настилается солома „подъ стрѣховку“, т. е. камелями внизъ, а колосьями вверхъ. На каждую лату накладывается рядъ соломы, прижимается къ ней „поу́зиной“, т. е. длинными тонкими колышками изъ орѣшника и другихъ деревьевъ, которые затѣмъ прикрѣпляются къ латѣ особыми связками изъ мелкихъ березокъ или лозы („дубцы́“). Второй рядъ соломы своими камелями покрываетъ колосья перваго ряда и т. д. Для заполненія-же образующагося при этомъ подъ конькомъ крыши пустого пространства употребляются такъ называемые „парки́“, т. е. солома, смоченная въ мокрой глинѣ. Эта солома вмѣстѣ съ глиною кладется по обѣ стороны конька въ два ряда: нижній рядъ колосьями вверхъ, а верхній колосьями внизъ.

Южный скатъ крыши дома Клинчуковъ состоитъ изъ двухъ частей. Верхняя половина его представляетъ собою крытую соломой, наклонную трехугольную плоскость, боковыми сторонами коей являются двѣ дополнительныя кроквы, соединяющія верхніе края ближайшей отъ улицы укороченной пары кроквъ съ южнымъ концомъ конька крыши, въ которомъ соединяется слѣдующая, уже полная, пара кроквъ; нижнею же сторопою трехугольника является семе́ничъ, соединяющій между собой концы вышеозначенныхъ укороченныхъ кроквъ. Середина этого семе́нича соединена съ вершиной трехугольника еще одной кроквой, а затѣмъ поверхъ этой кроквы и двухъ боковыхъ набиты латы.

Нижняя половина того-же южнаго ската крыши представляетъ собою вертикальную плоскость въ формѣ равнобедренной трапеціи, образуемой двумя укороченными кроквами, ихъ семе́ничемъ и очепой южной стѣны дома. Плоскость эта называется „щитомъ“ и состоитъ изъ ряда горизонтальныхъ „карнизованныхъ“ (или „фугованныхъ“) досокъ, прибитыхъ къ укороченнымъ кроквамъ; въ средней изъ этихъ досокъ имѣется круглое отверстіе для вентиляціи чердака. Косые края щита (т. е. уко-

роченныя кроквы) закрыты особыми шалевками „опу́хами“, въ которыя входятъ концы латъ и поузины отъ длинныхъ скатовъ крыши, при чемъ концы нѣкоторыхъ болѣе длинныхъ латъ проходятъ черезъ опуху и выступаютъ передъ ней. Между нижнимъ краемъ щита и верхнею частью южной стѣны дома устроенъ для охраны этой стѣны отъ дождя такъ называемый „копе́шъ“: въ южную очепу, по краямъ ея и по срединѣ, вбито въ наклонномъ положеніи три колка, а поверхъ этихъ колковъ прибиты, въ три ряда, образующія копешъ доски, при чемъ каждый верхній рядъ заходитъ на нижній.

Сѣверный скатъ крыши дома Клинчуковъ также состоитъ изъ двухъ частей: соломенной и деревянной, но расположенныхъ въ обратномъ порядкѣ. Верхняя треугольная часть ската представляетъ собою деревянный щитъ, стоящій вертикально, тогда какъ нижняя четырехугольная часть ската соломенная и наклонная. Боковыми сторонами деревяннаго щита являются верхнія половины послѣдней пары кроквъ, а нижнею стороною ихъ семеничъ; по срединѣ этого щита также сдѣлано круглое отверстіе, заткнутое соломою; доски же, изъ которыхъ онъ сдѣланъ, обыкновенныя— не „карнизованныя“. Что же касается соломенной части сѣвернаго ската крыши, то она, подобно южному щиту, имѣетъ форму трапеціи, боковыми сторонами которой являются двѣ дополнительныя кроквы, соединяющія два сѣверныхъ угла дома со срединою послѣдней пары кроквъ; поверхъ этихъ двухъ дополнительныхъ кроквъ и набиты латы для соломенной части сѣвернаго ската крыши.

Изъ приложеннаго къ настоящему описанію отдѣльнаго плана жилого дома Клинчуковъ видно, что западная и восточная входныя двери ведутъ въ сѣни *(А—А′)* которыми весь домъ раздѣляется на двѣ неравныя половины: южную—бо́льшую, занимаемую старшимъ братомъ, и сѣверную ме́ньшую, которая до раздѣла представляла собою нежилую часть дома— складъ, или „коморку“, а въ настоящее время служитъ жилымъ помѣщеніемъ для младшаго брата и его семьи. Сѣни отдѣляются

отъ жилыхъ помѣщеній обоихъ братьевъ двумя поперечными стѣнами, сложенными частью изъ спиленныхъ, частью изъ круглыхъ бревенъ, или „кругляковъ“, и выведенными на одинаковую высоту съ наружными стѣнами дома. Сѣни въ свою очередь раздѣляются на двѣ половины особою перегородкою, поставленною паралельно длиннымъ сторонамъ дома. Эта перегородка, вышиною въ 1 арш. 6 верш., устроена слѣдующимъ образомъ: къ боковымъ стѣнамъ сѣней, нѣсколько ближе къ входной двери старшаго брата, прибиты съ каждой стороны двѣ тоненькія деревянныя планочки „лиштэвки“ въ вертикальномъ положеніи, при чемъ нижніе концы ихъ стоятъ на землѣ; между лиштэвками оставлено узкое пространство, въ которое и вдавливаются образующія перегородку тонкія доски и жерди во всю ширину сѣней. Полъ въ сѣняхъ старшаго брата глиняный („токъ“), частью мощеный, т. е. въ отдѣльныхъ мѣстахъ вдѣланы въ глину камни разныхъ размѣровъ, но мощеніе это не окончено, за недостаткомъ времени. Въ юго-западномъ углу этой половины сѣней стоитъ „ступа“ *(д)* на отдѣльной деревянной подставкѣ цилиндрической формы, каковая подставка имѣетъ $^1/_4$ аршина высоты и болѣе $^1/_2$ аршина въ діаметрѣ. Самая ступа представляетъ собою большую деревянную рюмку въ 1 аршинъ вышины, выдолбленную внутри, причемъ верхній ея край также имѣетъ болѣе $^1/_2$ аршина въ діаметрѣ. Въ ступѣ этой при помощи особыхъ круглыхъ палокъ, съ гвоздями на концахъ, толкутъ ячмень для полученія бѣлой крупы, извѣстной подъ названіемъ: „кутя“, а также овса для полученія болѣе бѣлаго зерна, изъ котораго къ Рождеству приготовляется кисель. Палки для толченія называются „косачами“, если къ срединѣ ихъ придѣлана отдѣльная ручка, и „толкачами“, если эта ручка замѣнена посредине палки особой выемкой, за которую толкущій берется рукою. Въ ступѣ, при осмотрѣ ея, лежало „згребло“, т. е. скребница для чистки лошади и большой желѣзный циркуль („циркель“), употребляемый хозяиномъ при изготовленіи, для собственныхъ надобностей, колесъ. Въ южную стѣну тѣхъ же сѣней, близъ юго-восточнаго

ихъ угла, вбиты на высотѣ 2 аршинъ двѣ желѣзныя пластинки, на которыхъ, по объясненію хозяина, лежала выброшенная теперь деревянная дощечка, образуя полочку или „пали́чку“; на эту паличку иногда ставилась пища для охолаживанія. Въ той-же южной сторонѣ сѣней имѣется дверь (*а*), ведущая изъ сѣней въ кухню старшаго брата (*Б*); дверь эта одностворчатая; сколочена, подобно входнымъ, изъ трехъ вертикальныхъ досокъ, при чемъ со стороны сѣней линіи соединенія этихъ досокъ забиты тоненькими шалевками, да и то не вполнѣ; въ одной линіи забита лишь верхняя ея половина, а въ другой нижняя. Запирается дверь клямкою, падающею на зазубень, при чемъ круглая ручка и приспособленіе для подыманія клямки устроены со стороны кухни. Вышина этой двери $2^3/_8$ аршина, ширина 1 аршинъ; порогомъ же двери служитъ подруба стѣны, въ которой она пробита. Находящимися въ кухнѣ двумя печами (*в*) кухня раздѣляется на двѣ половины: восточную или собственно кухню (*Б*) и западную или „запе́чье“ (*Д*). Поломъ въ обѣихъ половинахъ служитъ токъ. Деревянный потолокъ („столь“ женскаго рода) имѣется во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ дома Клинчуковъ, причемъ онъ покоится на поперечныхъ стѣнахъ и шести поперечныхъ балкахъ, соединяющихъ между собою длинныя стѣны дома; изъ числа этихъ шести балокъ, одна проходитъ въ сѣняхъ,—три—на половинѣ старшаго брата, и двѣ на половинѣ младшаго брата. Самый потолокъ состоитъ изъ длинныхъ деревянныхъ досокъ, проложенныхъ параллельно длиннымъ стѣнамъ дома такъ, что одна часть этихъ досокъ соединяетъ южную наружную стѣну дома съ внутренней стѣной, отдѣляющей кухню старшаго брата отъ сѣней, а другая часть ихъ соединяетъ ту-же внутреннюю стѣну съ сѣверной наружной стѣной, покрывая такимъ образомъ сѣни и все помѣщеніе младшаго брата. Доски, образующія потолокъ, не прилегаютъ плотно одна къ другой, а положены съ промежутками, равными половинѣ ширины доски, каковые промежутки закрываются сверху вторымъ рядамъ такихъ-же досокъ. На жилой половинѣ старшаго брата всѣ наружныя

и внутреннія стѣны, равно какъ потолокъ, сплошь выбѣлены известью. На сѣверной сторонѣ кухни, между дверью въ сѣни и сѣверо-восточнымъ угломъ устроены во весь простѣнокъ четыре полки „пали́цы“ (*е*) размѣромъ 1 арш. 10 верш. × 6 вершковъ. Каждая изъ этихъ пали́цъ держится на двухъ колкахъ, вбитыхъ въ стѣну. На первой верхней полкѣ находятся: стоячая керосиновая лампа („лямпа“) безъ стекла; бутылка („пляжка“) для керосина; глиняный горшокъ („горщокъ“), оплетенный для крѣпости проволокою („дротомъ“), съ мелкою ячменною крупою и пустая бутылка; чайникъ („имбричекъ“), бутылочка съ рыбьимъ жиромъ („транъ“) для смазыванія ранъ у домашнихъ животныхъ; утюгъ („желязко“) для глаженья бѣлья и черепокъ отъ разбитаго горшка. На второй полкѣ—шесть деревянныхъ ложекъ; жестяная кружка („кубокъ“) для питья воды; жестяное ведёрко („бляша́ное пудэлочко“) съ яйцами, переложенными перьями; чугунный кувшинчикъ („сагапчикъ“), въ которомъ ходившій въ школу сынъ хозяина готовилъ себѣ пищу; большой чугунный горшокъ („сагапъ“) для приготовленія пищи; глиняный горшокъ безъ проволки,—и брусокъ изъ особаго камня, употребляемый при косьбѣ для точенія косы („ме́нтить“ косу). Третья и четвертая полки пустыя. Рядомъ съ этими полками, на восточной сторонѣ кухни, между сѣверо-восточнымъ угломъ и окномъ, виситъ на гвоздѣ терка („тарка“) для растиранія картофеля и другихъ продуктовъ; въ томъ-же сѣверо-восточномъ углу на полу стоятъ: 1) небольшой желѣзный треножникъ („трино́жекъ“), на которомъ согрѣваютъ въ „ямкѣ“ (объясненіе ниже) печи пищу для ужина, и 2) „тоукачъ“, или деревянная круглая, расширяющаяся книзу палка, употребляемая для толченія картофеля.

Вдоль восточной стѣны кухни и южной стѣны отъ юго-восточнаго угла до дверей въ слѣдующую комнату стоятъ двѣ сходящіяся въ юго-восточномъ углу скамейки („лавы“—*ж*), состоящія изъ двухъ досокъ, положенныхъ на три колодки въ $^3/_4$ арш. высоты, изъ конхъ одна помѣщается въ углу, а двѣ по краямъ скамеекъ; скамейки эти не прикрѣплены ни къ колод-

камъ, ни къ сотвѣтствующимъ стѣнамъ. На краю восточной лавы, близъ описанныхъ полокъ, стоитъ деревянное ведро съ желѣзною полукруглою ручкою для ношенія, или „осилкóмъ“. Это осилко вдѣвается въ особыя желѣзныя „ушки“, прикрѣпленныя къ ведру желѣзными заклепками или „питами“ и обхваченныя желѣзнымъ обручемъ, обнимающимъ все ведро. Подъ другой лавой, стоящей на южной сторонѣ кухни, находится еще одинъ саганъ, или чугунный горшокъ, въ которомъ приготовляется кормъ для свиней. Надъ той-же лавой подъ потолкомъ прибита полочка особаго устройства, называемая „лажетникомъ“; полочка эта состоитъ изъ двухъ боковыхъ вертикальныхъ стѣнокъ, верхній край которыхъ дугообразно понижается по направленію отъ стѣны къ переднему краю полки; нижніе края тѣхъ-же стѣнокъ и среднія ихъ части соединены между собой двумя горизонтальными полками, а надъ верхней изъ этихъ полокъ боковыя стѣнки кромѣ того соединены въ передней своей части круглою палкою, параллельною полкамъ. Въ нижней полкѣ лажетника имѣются трехугольныя отверстія, въ которыя вкладываются въ вертикальномъ положеніи ложки. На самыхъ полкахъ стоитъ кухонныя посуда, при чемъ тарелки на второй полкѣ могутъ стоять вертикально опираясь верхнимъ краемъ объ указанную выше круглую палку. За лажетникомъ прибита еще обыкновенная деревянная вѣшалка (*з*) съ деревянными-же зубьями („шараги“), но хозяинъ предполагаетъ ее снять, такъ какъ она мѣшаетъ при постановкѣ посуды на лажетникъ. Съ южной стороны кухня отдѣляется отъ жилого помѣщенія деревянною перегородкою, въ которой пробита большая двустворчатая („филенгóвая“) дверь. Слѣва отъ двери, перегородка состоитъ изъ ряда горизонтальныхъ досокъ, которыя въ юго-восточномъ углу кухни впущены при помощи пальцевъ въ столбъ или „стоякъ“; щель столба, въ которую впущены доски, носитъ названіе „фазы“, „фаса“ или „пазы“. Та же перегородка соединяется съ лѣвымъ краемъ двери нѣсколько иначе; здѣсь горизонтальныя доски „взяты на тэбль“, т. е. въ край подрубы около дверей впущенъ небольшой деревянный

колокъ („тэбль“), входящій верхнею своею частью въ нижнюю часть первой доски; другой такой же колокъ соединяетъ верхнюю часть первой доски съ нижнею частью второй доски и т. д.; окружающіе же дверь косяки съ перегородкой не скрѣплены. Подъ дверью въ подрубѣ сдѣлана выемка и на нее набита дощечка, служащая порогомъ. Косяки двери сходятся вверху ушаками, или, какъ выражаются плотники, „въ гéронгъ“ (также „на шмыгу“), и состоятъ каждый изъ трехъ слоевъ досокъ, изъ коихъ внутренній закрытъ двумя наружными, а наружные „карнизованы“ углубленіями и возвышеніями, проведенными вдоль всего косяка. Вышина двери $2^1/_2$ арш., ширина обоихъ растворовъ вмѣстѣ $1^1/_4$ арш. Каждый изъ растворовъ снабженъ двумя карнизованными прямоугольными выемками, расположенными одна надъ другой въ видѣ двухъ рамокъ. Дверь отворяется въ жилое помѣщеніе, при чемъ по сходящимся краямъ растворовъ прибиты съ разныхъ сторонъ тоненькія карнизованныя шалевки, свободная половина коихъ заходитъ при закрытіи двери на другой растворъ. Снизу къ дверямъ подточены дощечки, такъ какъ, по уменьшеніи чрезмѣрно высокаго порога, дверь оказалась слишкомъ короткой. Ходитъ дверь на французскихъ завѣсахъ, которыя отличаются отъ простыхъ тѣмъ, что прибиваемыя къ дверямъ пластинки ихъ развѣтвляются на поверхности двери въ видѣ двухъ закругленныхъ вопросительныхъ знаковъ. Запирается эта дверь внутреннимъ замкомъ, прибитымъ къ двери со стороны жилого помѣщенія; въ замкѣ этомъ имѣется клямка, заскакивающая на прикрѣпленный къ другой половинѣ двери зазубень; клямка приводится въ движеніе какъ со стороны кухни, такъ и со стороны жилой комнаты желѣзными ручками. Замокъ запирается ключомъ, при чемъ сердце замка входитъ въ отверстіе скобки, верхняя часть которой и составляетъ зазубень; кромѣ того подъ сердцемъ замка имѣется еще желѣзная задвижка „ригель“, которую можно задвинуть только изъ жилой комнаты. Справа отъ двери, если смотрѣть изъ кухни, опять поставленъ столбъ, а остальная часть перегородки до печки (*в*), представляетъ собою

кирпичную стѣнку, выбѣленную известкою. Къ сѣверной стѣнѣ кухни, между дверью въ сѣни и печью (*в*) прибита на высотѣ двухъ аршинъ палúчка на двухъ колкахъ и на ней стоитъ деревянное ведро, съ деревянными же ушками, безъ осилка́; въ этомъ ведрѣ хранится соль для кухни, а рядомъ съ нимъ лежатъ сушеныя груши, заготовленныя къ Рождеству. Рядомъ съ этой полкой виситъ сковорода „потéльня“ съ ручкой, которая входитъ въ особую желѣзную скобу, прибитую къ косяку двери. Подъ палúчкой въ углу, образуемомъ поперечной стѣной и печью, стоятъ: 1) деревянная кочерга́, состоящая изъ саженной палки и прибитаго къ концу ея въ видѣ буквы „Т“ деревяннаго же обугленнаго бруска; кочерга эта употребляется, при печеніи хлѣбовъ, для выгребанія жара, а затѣмъ и для вынимания хлѣбовъ, при чемъ во избѣжаніе сожженія самой кочерги послѣдняя предварительно смачивается водою; 2) вѣникъ изъ березовыхъ вѣтвей, связанныхъ лыкомъ изъ лѣснаго орѣшника; для бóльшей прочности вѣника въ него вгоняется деревянный гвоздь; 3) помело—т. е. палка, къ одному концу которой прикрѣпляется пучокъ изогнутыхъ хвойныхъ вѣтвей; употребляется для выметанія печи; 4) вила (ухватъ)—деревянная палка съ желѣзнымъ двузубцемъ на концѣ, употребляемая для вдвиганія горшка съ пищей въ печь,—и вынимания его оттуда, и 5) деревянная лопата въ $2^1/_4$ аршина длины, употребляемая для сажанія хлѣбовъ въ печь; полукруглая часть лопаты, на которую кладется хлѣбъ, имѣетъ 10 вершковъ въ длину.

Вторая часть кухни или „запéчье“ (*Д*) отдѣляется, съ южной стороны, отъ жилыхъ комнатъ перегородкою изъ пяти вертикальныхъ досокъ, нижніе концы которыхъ впущены пальцами въ особую подрубу, закрытую землею; верхніе же концы тѣхъ же досокъ прибиты къ горизонтальной лиштэвкѣ, прикрѣпленный къ потолку. Перегородка эта, какъ видно изъ плана, имѣетъ лишь 2 аршина ширины и не вполнѣ отдѣляетъ кухню отъ слѣдующей комнаты *Г*, оставляя пустое пространство между восточнымъ краемъ перегородки и юго-западнымъ угломъ печки *в*. Въ пере-

городкѣ устроена одностворчатая дверь съ прибитымъ къ подрубѣ небольшимъ порогомъ и верхнимъ горизонтальнымъ косякомъ, входящимъ пальцами въ сосѣднія доски перегородки. Что же касается двухъ укороченныхъ досокъ перегородки надъ этимъ косякомъ, то таковыя въ него не входятъ, а прибиты къ особой горизонтальной шалевкѣ, помѣщенной надъ дверью со стороны жилого помѣщенія.

Въ юго-западномъ углу запечья, вдоль западной стороны, прибита къ стѣнѣ еще одна вѣшалка (шараги) и на ней висятъ: 1) веревка, 2) безменъ, т. е. желѣзный стержень съ крючкомъ на концѣ; на крючекъ надѣвается взвѣшиваемый предметъ, а безменъ поддерживаютъ въ горизонтальномъ положеніи при помощи особой веревочки, которую передвигаютъ по длинѣ безмена до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ равновѣсіе; на безменѣ обозначены точками мѣры вѣса, при чемъ мѣра, указанная въ мѣстѣ нахожденія веревочки при равновѣсіи безмена, и соотвѣтствуетъ вѣсу предмета; на безменѣ Клинчука можно взвѣшивать предметы до $1^1/_2$ пуда вѣсомъ и опредѣлять ихъ вѣсъ съ точностью до $^1/_4$ фунта; и 3) сѣтка съ картофелемъ, предназначеннымъ для посѣва.

Въ сѣверо-западномъ углу запечья сохранился одинъ колокъ отъ налицы и на немъ повѣшенъ полушубокъ; въ томъ-же углу стоятъ „валко“ и „качалко“, т. е. принадлежности для катанья бѣлья; качалко—круглая палка, на которую накручивается бѣлье, а валко деревянная доска съ поперечными зубьями и ручкой, приводящая въ движеніе качалко.

Надъ дверью изъ запечья въ жилое помѣщеніе, подъ потолкомъ, между двумя досками перваго ряда потолка лежитъ деревянный большой ножикъ, или „трапачка“ для трепанія льна.

Между обѣими половинами кухни, на границѣ сѣней, находится большая русская печь (*в*), устроенная слѣдующимъ образомъ. Нижняя часть ея ($4 \times 5^1/_4$ арш.) представляетъ собою фундаментъ: для сооруженія послѣдняго выкапывается по всей

периферіи печи ровикъ въ 1/4 аршина глубины; въ этотъ ровикъ насыпаются мелкіе камни, а затѣмъ кладется рядъ болѣе крупныхъ камней въ уровень съ землею; надъ всѣмъ фундаментомъ возведена кирпичная (кирпичъ—„цегля“) стѣнка въ 3/4 аршина ширины и вышины (на сѣверной, прилегающей къ сѣнямъ, сторонѣ печи эта кирпичная стѣнка замѣнена, изъ экономіи, каменною того-же размѣра), причемъ въ передней лишь ея части, посрединѣ, оставлено свободное мѣсто въ 3/4 аршина ширины, представляющее собою входъ въ такъ называемый „подпе́чекъ“, т. е. въ пустое пространство, окаймленное кирпичною стѣнкою; въ этомъ подпечкѣ помѣщаются куры, которыя тамъ несутъ яйца,—а надъ подпе́чкомъ настилается потолокъ изъ досокъ, доходящій до передняго края задней кирпичной стѣнки. Входъ въ подпечекъ закрывается снаружи воротцами, имѣющими видъ деревянной лѣстницы съ частыми ступенями. Снизу эти ворота придерживаются колкомъ, вбитымъ передъ ними въ землю, а сверху „закру́ткою“ или желѣзною пластинкою, вращающеюся на гвоздѣ, вбитомъ въ крайнюю переднюю доску потолка подпе́чка. Вдоль трехъ наружныхъ сторонъ печи возведены, надъ потолкомъ подпечка, сплошныя тонкія кирпичныя стѣнки (отъ 1 до 1 1/2 кирпича толщины), вышиною въ 5 вершковъ и все пустое пространство между этими тремя стѣнками и поперечною стѣною дома заполнено большими камнями, пескомъ, битымъ стекломъ,—и залито глиною въ уровень съ кирпичными стѣнками, образуя какъ бы второй фундаментъ печи. Поверхъ всего этого фундамента положена одна горизонтальная кладка кирпичей, составляющая полъ самой печи, въ которой разводится огонь для приготовленія пищи. На этомъ полу, съ задняго и двухъ боковыхъ краевъ печи, снова сооружены тонкія кирпичныя стѣнки, при чемъ слѣва и сзади стѣнки эти немного отступаютъ отъ края пола, образуя небольшой уступъ или „зимсъ“, облегчающій возможность взобраться на печь. Что-же касается передней стороны печи, то тонкая кирпичная стѣнка возведена не на краю ея, а отступя 3/4 аршина отъ края,—и носитъ осо-

бое названіе „пе́люсти“. Посрединѣ этой пелюсти помѣщается входъ въ печь, т. е. аркообразное отверстіе въ $^3/_4$ аршина ширины и $^1/_2$ аршина вышины посрединѣ, закрываемое приставляющеюся къ нему доскою „за́слонкою“. Арка эта поддерживается плотно прилегающей къ внутренней ея поверхности желѣзной пластинкой („штабой“), надъ которой положена сводообразная кладка кирпичей. За этой кладкой весь потолокъ печи также представляетъ собою кирпичный сводъ („склепенье)“, средняя линія коего возвышается на 10 вершковъ надъ поломъ печи. Крайнія стѣнки печи, окружающія этотъ сводъ,—въ томъ числѣ и пелюсть, подымаются на 15 вершковъ надъ кирпичнымъ поломъ печи; все пространство между ними и сводомъ забивается глиною и сверху опять кладется одна ровная горизонтальная кладка кирпичей, служащая въ холодное время мѣстомъ для спанья.

Пространство между пелюстью и переднимъ краемъ пола печи, имѣющее, какъ уже выше сказано, $^3/_4$ аршина глубины, называется „при́печкомъ“. На переднемъ краю припечка, справа, начиная отъ стѣны сѣней идетъ параллельно пелюсти кирпичная стѣнка, толщиной въ одинъ кирпичъ, длиною въ три кирпича и вышиной въ $^3/_4$ аршина; между этой стѣнкой и пелюстью прилегаетъ къ стѣнѣ сѣней кирпичная кладка той же высоты, составляющая продолженіе правой боковой стѣны самой печи; а свободное пространство передъ этой послѣдней кладкой называется „ямкою“, надъ которою дѣлается маленькій кирпичный сводъ, прилегающій къ означенной кладкѣ и зажатый между пелюстью и передней кирпичной стѣнкой. Въ этой ямкѣ готовится лѣтомъ на треножникѣ ужинъ, при чемъ подъ треножникъ подкладываются мелкія дрова и лучины, называемыя „тёскою“.

На лѣвой сторонѣ припечка, въ уровень съ его лѣвымъ и переднимъ краемъ, положена плотно прилегающая къ пелюсти кирпичная кладка въ одинъ кирпичъ (взятый по длинѣ) шириной и въ $^1/_4$ аршина вышиной. Пространство надъ этой кладкой называется „комино́мъ“ и отдѣляется отъ припечка въ тѣсномъ

смыслѣ вертикальной кирпичной стѣнкой въ одинъ кирпичъ толщиной; эта стѣнка, равно какъ передняя стѣнка ямки возведены на одинаковую высоту ($^3/_4$ аршина), при чемъ передъ стѣнкой коминка, на сторонѣ послѣдняго, поставленъ еще желѣзный стержень („подставка“), расщепленный въ нижнемъ концѣ на двѣ „ралы“, или желѣзныя пластинки, лежащія горизонтально на кирпичной кладкѣ,—и ввинченный верхнимъ своимъ концомъ въ желѣзную четырехугольную гайку („мутэрку“). Поверхъ указанныхъ кирпичныхъ стѣнокъ и стержня положена опять деревянная доска (швелька)во всю ширину печи, образующая потолокъ надъ передними частями ямки, припечка и коминка; съ этой швелькой въ наружномъ углу коминка связана другая швелька, впущенная противоположнымъ концомъ въ пелюсть и образующая такимъ образомъ потолокъ надъ лѣвымъ краемъ коминка. Въ коминкѣ разводится огонь для освѣщенія кухни. Объ швельки, вмѣстѣ съ желѣзнымъ стержнемъ коминка, поддерживаютъ трубу или ко́минъ, возвышающуяся надъ лишенною потолка частью при́печка; справа отъ трубы надъ ямкою возведена еще во всю глубину припечка кирпичная стѣнка въ два кирпича ширины и три кирпича вышины, плотно прилегающая къ трубѣ и стѣнѣ сѣней. Размѣры трубы снаружи слѣдующіе: вышина до потолка $1^1/_4$ арш., ширина по передней сторонѣ печи—$1^1/_2$ арш. и глубина $^3/_4$ аршина. Вся передняя сторона трубы представляетъ собою четырехугольное углубленіе, окаймленное узкою рамкою („му́рочекъ“), на нижнемъ краю которой лежатъ спички и мыло. Надъ коминкомъ свободное пространство между двумя швелькями также переходитъ въ трубу малаго размѣра, которая соединяется съ главною трубою; эта послѣдняя сдѣлана вся изъ кирпичей; кверху она суживается, проходитъ черезъ потолокъ на чердакъ и выводится на крышу, сохраняя все время прямое вертикальное направленіе и четырехугольную форму, какъ внутри, такъ и снаружи. Въ этой части трубы, которая возвышается надъ припечкомъ, имѣются: въ лѣвомъ нижнемъ углу „за́соука“, которою закрывается труба коминка́, а въ правомъ верхнемъ углу

дверца, за которою находится обыкновенная вьюшка („юшка“), т. е. круглый поперечный разрѣзъ трубы, закрываемый двумя крышками. Описанная печь служитъ только для приготовленія пищи; въ моментъ ея осмотра въ ней стоялъ большой чугунный „саганъ“ съ двумя ручками и черная „миса“ изъ огнеупорной глины съ кашею.

Для отопленія же помѣщеній старшаго Клинучка служитъ другая печка, помѣщающаяся на границѣ обѣихъ половинъ кухни и жилыхъ комнатъ названнаго Клинчука. Эта печка (*в*) представляетъ собою прямоугольную призму въ $2^1/_2$ аршина вышины, сѣверная сторона которой обращена къ русской печи, западная выходитъ въ запечье, южная въ жилыя комнаты, а восточная частью въ жилую комнату, частью (равною одному аршину) въ первую половину кухни. Подземный фундаментъ этой печки устроенъ такъ же, какъ и въ русской печи; затѣмъ на току возведена кирпичная кладка въ два кирпича, а надъ нею 10 рядовъ бѣлыхъ полированныхъ кафель (размѣръ каждой кафли $3 \times 4^1/_2$ вершка). Надъ 10-мъ рядомъ кафель проложена еще для украшенія кафельная полоса („шлифки“) съ выдолбленными въ ней отверстіями, а надъ этой полосой еще карнизъ или „зимсъ“. Отъ юго-западнаго угла кухни въ тѣсномъ смыслѣ (образуемаго печкой и перегородкой, отдѣляющей кухню отъ жилого помѣщенія) въ сторону кухни положены въ каждомъ горизонтальномъ ряду кафель лишь три кафли, а вся остальная часть этой восточной стѣнки печи, равно какъ стѣнки сѣверная и западная, также выходящія въ кухню, сложены не изъ кафель, а изъ обыкновенныхъ кирпичей, выбѣленныхъ известью. Сѣверная и южная сторона этой печки имѣютъ $1^5/_8$ арш., а восточная и западная — $1^1/_2$ арш. въ ширину. Главное отверстіе печки находится съ восточной стороны, въ предѣлахъ кухни, на высотѣ 3-го и 4-го (снизу) рядовъ кафель. Отверстіе это, размѣромъ $5 \times 7^1/_2$ вершковъ, закрывается желѣзной дверцей съ двумя ручками, изъ коихъ одна служитъ запоромъ, а другая, при поворотѣ ея, закрываетъ рядъ отверстій, сдѣланныхъ въ

нижней части дверцы; на дверцѣ имѣется рельефное изображеніе какого то животнаго и разныхъ арабесокъ. За отверстіемъ находится обыкновенное помѣщеніе для дровъ, (глубиною въ $1^1/_8$ аршина), въ которомъ, при осмотрѣ, находились миска, тарелка и ложки; надъ этимъ помѣщеніемъ подымается труба, которая при посредствѣ нѣсколькихъ „люхтовъ“ (дымовые ходы) выводитъ дымъ въ горизонтальный рукавъ, проходящій подъ потолкомъ и соединяющій верхній сѣверо-восточный уголъ печки съ верхнею частью трубы русской печи. Длина этого рукава $1^1/_4$ аршина, а поперечный разрѣзъ равенъ квадратному полуаршину. На верхней поверхности кафельной печи со стороны кухни лежали, при осмотрѣ, зеленый лукъ, мелкія дрова, топорище, зонтикъ („парáсоль“) и щетка для чесанія льна, представляющая собою доску, на которой укрѣплены два деревянныхъ мостика, обитыхъ жестью; изъ жести этой торчатъ (на одномъ мостикѣ чаще, на другомъ—рѣже) желѣзные гвозди, которые и употребляются въ качествѣ гребней для чесанія льна. На западной сторонѣ печки, обращенной къ запéчью, на высотѣ 1 аршина 14 вершк. отъ земли имѣется еще одна металлическая дверца (размѣръ ея 6×5 вершковъ), запирающаяся при посредствѣ клямки и зазубня и вращающаяся на завѣсахъ и крючкахъ. За этой дверцей имѣется пространство глубиной въ 1 арш. 3 вершка, обитое сверху и снизу желѣзными листами. Это помѣщеніе называется желѣзною печкою или душникомъ; оно сильно нагрѣвается во время топки печки и сюда ставятъ пищу для сохраненія ея въ горячемъ состояніи.

Къ обѣимъ половинамъ кухни примыкаетъ съ южной стороны собственно жилое помѣщеніе старшаго брата Клинчука, раздѣленное перегородкой (параллельной длиннымъ стѣнамъ дóма) на двѣ комнаты (*В. и Г.*). Спеціальныхъ названій эти комнаты не имѣютъ и носятъ общее наименованіе „хаты“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или „станцій“; имѣя же въ виду ихъ преимущественное назначеніе, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ называть бóльшую изъ нихъ (восточную—*В*)—*столовою*,

а мéньшую (западную—*Г*)—*спальнею*. Въ сѣверную стѣну столовой, отдѣляющую ее отъ кухни, вбиты между двустворчатою дверью и сѣверо-восточнымъ угломъ комнаты гвозди, на которыхъ хозяинъ вѣшаетъ свою шапку и верхнюю одежду, а въ самый уголъ вбитъ колокъ и стеклянная пробка отъ графина, на которыхъ висятъ второй зонтикъ („парáсоль)“ и шарфъ („шаликъ“). На восточной наружной стѣнѣ столовой надъ окномъ виситъ въ наклонномъ положеніи зеркало („люстэрко“), вдѣланное въ черную деревянную рамку. Подъ тѣмъ же окномъ стоитъ переносная скамейка „слонъ“ (*и*) на четырехъ косыхъ ножкахъ, имѣющая $3^5/_8$ арш. въ длину, 9 вершковъ въ ширину и $^3/_4$ арш. въ вышину. Образа („образы́“) висятъ въ юго-восточномъ углу комнаты, который носитъ названіе „пóкутя“. Налѣво отъ угла, вдоль восточной стѣны, висятъ три католическихъ образа съ нѣмецкими надписями и отмѣткою на польскомъ и русскомъ языкахъ о дозволеніи ихъ Варшавскою цензурою; эти три образа: 1) Распятіе („Es ist vollbracht“); 2) Христосъ въ гробу („Heil Grab Jesu“) и 3) Іоаннъ Креститель съ барашкомъ („Kind Johannes“) сохранились, по объясненію хозяина, со временъ нахожденія мѣстныхъ крестьянъ во владѣніи помѣщиковъ-католиковъ. По другую сторону угла, вдоль южной стѣны столовой, висятъ три новѣйшихъ православныхъ образа, купленные у разнощиковъ, а именно: 1) Христосъ, несущій гробъ; 2) Николай Чудотворецъ, и 3) Успеніе Пресвятой Богородицы. Всѣ эти образа заключены въ деревянныя рамки, при чемъ за образомъ Св. Николая находятся: 1) пучокъ изъ колоса ржи й разныхъ травъ („свенцóно зелье“); этотъ пучокъ освящается въ церкви въ праздникъ Успенія, и затѣмъ заключающіяся въ колосѣ сѣмена ржи употребляется первыми при озимомъ посѣвѣ, а травы жгутъ, когда плачутъ дѣти, такъ какъ, по народному повѣрью, запахъ, издаваемый этими травами при горѣніи, успокаиваетъ дѣтей, и 2) самодѣльная свѣча изъ пчелинаго воска, которая также освящается въ церкви, зажигается во время грозы (почему называется „громничною свѣчою“), а также дается въ руки умирающимъ.

Въ томъ же юго-восточномъ углу столовой подъ южнымъ окномъ и православными образами стоитъ обѣденный столъ (*і*), обращенный длинною стороною (1 1/2 арш.) къ окну, а короткою (1 арш. 2 вершка) къ стоящему у восточной стѣны слону; вышина стола 1 1/8 арш., ножки стола въ нижней свой части соединены перекладинами, а въ передней части стола имѣется ящикъ „столикъ“, въ которомъ хранятся нитки, шило, гребенка и другія мелочи. Накрытъ столъ скатертью („настольникомъ“). Во время принятія пищи хозяинъ садится въ покутѣ, т. е. въ самомъ углу на краю слона; рядомъ съ нимъ на томъ же слонѣ садилась прежде одна только хозяйка (нынѣ умершая), дабы имѣть возможность свободно вставать отъ стола для подачи пищи; дѣти же (дочь и три сына) размѣщаются вокругъ стола по старшинству (старшіе ближе къ отцу) и сидятъ на маленькихъ скамеечкахъ, а также на скамейкахъ, приносимыхъ изъ другихъ комнатъ, или „слончикахъ“ (*и*); слончиковъ этихъ имѣется въ столовой два, ножки ихъ также косыя, а сидѣніе имѣетъ эллипсовидную форму съ небольшимъ отверстіемъ въ центрѣ. Прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ скамеекъ во всемъ домѣ Клинчуковъ не имѣется. Въ юго-западномъ углу столовой, вдоль западной стѣны, отдѣляющій столовую отъ спальни, стоитъ обыкновенная деревянная кровать („ло́шко“—*к*) съ сѣникомъ, наполненнымъ соломою и лежащимъ на продольныхъ доскахъ; на сѣникѣ двѣ подушки и простыня („подстилка“ или „простирадло“). На этой кровати спитъ лѣтомъ самъ хозяинъ съ маленькимъ пятилѣтнимъ сыномъ.

Столовая отдѣлена отъ спальни деревянною перегородкою, устроенною слѣдующимъ образомъ. Очепа южной стѣны дома соединяется съ первой поперечной балкой [1]) короткою балкою, входящею пальцами какъ въ очепу, такъ и въ поперечную балку. Затѣмъ подъ этой короткой продольной балкой и поперечными

[1]) Къ этой первой поперечной балкѣ прибитъ посреди столовой крючокъ, на которомъ прежде висѣла дѣтская колыбель, а на второй поперечной балкѣ подъ потолкомъ лежитъ кошелекъ для мелкихъ денегъ.

балками проложена длинная продольная балка „трамъ“, которая проходитъ черезъ всю столовую, изъ столовой переходитъ надъ мéньшею печкою въ кухню, идетъ дальше параллельно соединительному рукаву обѣихъ печей и оканчивается, не доходя до русской печи, подъ проложенной въ предѣлахъ кухни третьею поперечною балкою. Поперечныя балки покоятся на имѣющихся въ трамѣ выемкахъ, а подъ нимъ вдоль западной стѣны столовой проложена на землѣ параллельная траму подруба съ фазою; въ эту фазу и впущены нижними концами вертикальныя доски, образующія перегородку между столовой и спальней, тогда какъ верхніе концы этихъ досокъ входятъ въ такую-же фазу, сдѣланную въ трамѣ. Въ означенной перегородкѣ пробита близъ кафельной печки одностворчатая дверь, ведущая изъ столовой въ спальню и выкрашенная въ сѣрый цвѣтъ подобно двустворчатой двери, ведущей изъ кухни въ столовую. Въ этой одностворчатой двери сдѣланы такія же двѣ карнизованныя выемки или рамки, какія имѣются на каждой половинѣ двухстворчатой двери; запирается она такимъ же замкомъ, имѣетъ такой-же порогъ, но завѣсы ея обыкновенныя, а не французскія. Ширина двери $1\frac{1}{4}$ арш., вышина $2\frac{1}{4}$ аршина. Отверстіе двери окружено обыкновенными сходящимися подъ угломъ ушаками, при чемъ между верхнимъ ушакомъ и трамомъ имѣется пустое пространство, въ которомъ лежитъ на ушакѣ: часословъ на церковнославянскомъ языкѣ, гребенка и пустая жестянка. На трамѣ между первою и второю пеперечными балками лежатъ: „абцушки“, или щипцы, употребляемые для оплетанія горшковъ проволокою; напильникъ, молотокъ, ножницы и коробка спичекъ.

Перегородка, отдѣляющая столовую отъ кухни, какъ уже было сказано при описаніи этой послѣдней, представляетъ собою, между кафельною печкою и двустворчатою дверью, кирпичную стѣнку, въ которую со стороны столовой вдѣлано для красоты семь рядовъ бѣлыхъ кафель (одинаковыхъ съ тѣми, изъ которыхъ сложена печка), по двѣ кафли въ рядъ, на высотѣ семи верхнихъ рядовъ кафель въ печкѣ.

Полъ („подлога“) въ столовой и спальнѣ деревянный, дощатый; по землѣ проложено пять поперечныхъ балокъ (параллельно поперечнымъ балкамъ потолка), и къ этимъ балкамъ прибитъ одинъ рядъ досокъ, параллельныхъ длиннымъ сторонамъ дома.

Послѣдняя комната—спальня, или „сыпальня“ (*Г*) служитъ преимущественно для спанья, при чемъ въ зимнее время въ нее переставляется и кровать изъ столовой. Въ западную глухую стѣну спальни вбитъ рядъ большихъ гвоздей, на которыхъ висятъ разные предметы верхней одежды: шуба, кожухъ, пальто и др. Подъ окномъ спальни, у южной стѣны стоитъ „лавка“ отъ „софки“ или дивана (*л*), представляющая собой обыкновенную деревянную скамейку на двухъ дощатыхъ ножкахъ одинаковой ширины съ сидѣньемъ, прикрѣпленныхъ къ нему нѣсколько отступя отъ краевъ сидѣнья; передній край этихъ ножекъ представляетъ собой ломаную линію; въ сѣверо-западномъ углу спальни, вдоль западной стѣны, стоитъ другая половина той же софки, т. е. второе сидѣнье одинаковаго размѣра съ первымъ, снабженное сквозной спинкой со сплошными боковыми ручками, верхній край коихъ, какъ въ лажетникахъ, представляетъ собой дугообразную линію; передній край ручки ниже задняго, который равенъ по вышинѣ дощатымъ ножкамъ лавки, или первой половины софки. Спинка софки представляетъ собою горизонтальную планку, прикрѣпленную къ верхнимъ заднимъ краямъ боковыхъ ручекъ и соединенную съ сидѣньемъ двумя поперечными вертикальными планками; эти планки помѣщены на равномъ разстояніи отъ ручекъ софки и раздѣляютъ такимъ образомъ спинку на три части. Когда эта софка въ порядкѣ, то вторая половина ея со спинкой ставится на первую половину (лавку) такъ, чтобы сидѣнья совпали, при чемъ получается обыкновенный деревянный диванъ. Передніе края обоихъ сидѣній дивана соединяются двумя петлями-шарнирами, на которыхъ вращается первая половина софки. При поворотѣ этой половины впередъ на 180^0, сидѣнье ея становится рядомъ съ сидѣньемъ лавки, образуя вмѣстѣ съ нимъ вдвое болѣе широкую скамейку,

а спинка и ручки софки, очутившись верхними краями на землѣ, служатъ ножками второй половины софки, которая при такомъ положеніи замѣняетъ собою кровать. Въ настоящее время у Клинчука шарниры софки сломаны и обѣ половины составляютъ двѣ отдѣльныя скамейки, изъ коихъ верхняя, благодаря неправильной формѣ ея ручекъ, можетъ стоять лишь при томъ условіи, чтобы передній край сидѣнья былъ плотно придвинутъ къ стѣнѣ; на второй половинѣ софки лежалъ, при осмотрѣ, творожный сыръ, завернутый въ тряпку и прикрытый плоскимъ камнемъ (плитою); на этомъ камнѣ трутъ соль при помощи небольшого ровно отесаннаго камня, имѣющаго форму эллипсоида и лежавшаго, при осмотрѣ, на коминкѣ русской печи.

Въ юго-западномъ наружномъ углу спальни стоитъ „дежка“ (*м*)—большая деревянная кадка въ формѣ медленно сужи-вающагося усѣченнаго конуса, охваченная внизу деревяннымъ обручемъ, а вверху желѣзнымъ, и покрытая деревянною крышкою съ ободкомъ, заходящимъ за края дежки. Въ этой дежкѣ мѣсятъ хлѣбъ; діаметръ верхняго отверстія дежки $^3/_4$ аршина, а вышина $^1/_2$ аршина. Стоитъ она на такъ называемомъ „креслѣ“, т. е. на двухъ дощечкахъ, соединенныхъ крестообразно и поставленныхъ на землю ребромъ, подобно спицамъ лежащаго на землѣ колеса. Верхніе и нижніе края дощечекъ не ровные, а дугообразные; они то сближаются, то расходятся, при чемъ максимальное разстояніе ихъ на концахъ и въ серединѣ дощечекъ, каковыя мѣста и служатъ точками опоры для дежки. Для соединенія дощечекъ между собою, въ нижнемъ краю одной изъ дощечекъ и въ верхнемъ краю другой, сдѣланы одинаковыя выемки до половины ширины дощечекъ; выемки эти входятъ одна въ другую, при чемъ края каждой изъ нихъ обхватываютъ другую дощечку, устанавливая такимъ образомъ обѣ дощечки на одинаковой высотѣ. Возлѣ нижней части софки (*л*) стоитъ вдоль перегородки, отдѣляющей спальню отъ столовой, „куфферъ“ (*н*), т. е. деревянный сундукъ, окованный желѣзомъ, съ желѣзными ручками и внутреннимъ замкомъ, запирающимся при по-

мощи ключа и входящей въ замокъ наружной клямки („защёпочки“); длина сундука 1 арш. 3 в., ширина $^3/_4$ арш., вышина 9 вершковъ. Въ сундукѣ этомъ лежитъ бѣлье; болѣе же цѣнныя вещи хранятся въ особыхъ вмѣстилищахъ, стоящихъ въ амбарѣ или „магазинѣ“. Надъ окномъ спальни прибиты гвозди, на которые зимой перевѣшиваются православныя иконы изъ столовой. Болѣе иконъ во всей половинѣ старшаго брата не имѣется. Съ сѣверной стороны спальня отдѣляется отъ запечья описанной уже выше неполной перегородкой и одностворчатой дверью, надъ которой, со стороны спальни, устроенъ, кромѣ ушака, деревянный карнизъ одинаковой формы съ ушакомъ, при чемъ верхняя сторона ушака совпадаетъ съ нижней стороной карниза, который затѣмъ, подобно ушаку, нѣсколько расширяется кверху. На верхней сторонѣ этого карниза покоится другой карнизъ въ формѣ равносторонняго тупоугольнаго треугольника съ весьма незначительной высотой; основаніе этого треугольника совпадаетъ съ верхней стороной перваго карниза, а бока его имѣютъ видъ весьма отлогой крыши, покрывающей дверь. Вся дверь, ушаки и оба карниза выкрашены со стороны спальни красной краской; запирается дверь при помощи клямки и зазубпя, помѣщенныхъ со стороны спальни.

Въ лѣтнее время семейство старшаго Клинчука размѣщается на ночь слѣдующимъ образомъ: отецъ съ младшимъ сыномъ спитъ въ столовой на длинной скамейкѣ, стоящей у восточной стѣны, приставляя къ этой скамейкѣ два маленькихъ слончика; старшій сынъ въ гумнѣ, а дочь въ спальнѣ на софкѣ, приставляя вторую ея половину къ первой. Зимой же отецъ и младшій сынъ спятъ на той же кровати, но въ спальнѣ, а остальныя дѣти помѣщаются между большою печью и западною наружною стѣною дома на особой самодѣльной кровати (койкѣ), покрываемой досками и тюфякомъ. Работаютъ члены семьи въ обѣихъ жилыхъ комнатахъ *В. и Г.*, но женская работа (тканье, пряжа и проч.) происходитъ обыкновенно въ спальнѣ. Отдѣльнаго отхожаго мѣста ни въ домѣ, ни во дворѣ не имѣется, а таковымъ

служитъ обыкновенно или свиной хлѣвъ или прилегающій къ хлѣву уголокъ двора.

Ни подвала, ни ледника въ домѣ Клинчуковъ нѣтъ, а чердакъ (гора́) имѣется на всемъ протяженіи дома между потолкомъ и крышею. Для проникновенія на чердакъ имѣется отверстіе въ потолкѣ сѣней, на половинѣ младшаго брата, къ каковому отверстію приставляется деревянная лѣстница (дроби́на). Поломъ всего чердака является потолокъ дома, на который накладывается трава „вересъ“, а по ней земля для огражденія потолка отъ гніенія. На чердакѣ находится очень немного вещей: стоятъ запасныя оконныя рамы, набросанъ ломаный кирпичъ и т. п. У окошечка, въ южномъ щитѣ крыши стоитъ „те́рница“ или особый деревянный станокъ, на которомъ при помощи деревяннаго же „языка“ трутъ ленъ. Языкъ этотъ представляетъ собой длинный и узкій деревянный ящикъ безъ узкихъ боковыхъ стѣнокъ и крышки, но съ рукояткою; верхняя же часть станка состоитъ изъ трехъ параллельныхъ дощечекъ, нѣсколько болѣе длинныхъ, чѣмъ языкъ и лежащихъ въ вертикальныхъ плоскостяхъ между двумя боковыми козлами станка, при чемъ разстоянія между отдѣльными дощечками равны разстоянію между боковыми стѣнками языка, каковыя стѣнки, по наложеніи льна на станокъ, вдвигаются между означенными дощечками и растираютъ лежащій на нихъ ленъ.

Переходя затѣмъ къ описанію половины дома, занимаемой младшимъ братомъ, мы начнемъ также съ сѣней (A'), въ которыхъ полъ представляетъ собою сплошь вымощенный токъ; въ сѣверо-западномъ углу этихъ сѣней прибита треугольная полка (e), на которую ставится ведро съ водою; здѣсь же въ сѣняхъ стоитъ „ряжка“ или деревянная кадка для кормленія свиней, а въ сѣверо-восточномъ углу сѣней стоитъ ручная мельница „жорно“ (o). Мельница эта представляетъ собою квадратный деревянный ящикъ на ножкахъ („варстатъ“), соединенныхъ внизу перекладинами; глубина ящика $^3/_8$ аршина. На двухъ несмежныхъ углахъ этого ящика прикрѣплены въ вертикальномъ положеніи

два кола въ 1 аршинъ высоты, верхніе концы коихъ соединены горизонтальной перекладиной. Въ срединѣ этой перекладины сдѣлано отверстіе, черезъ которое пропущенъ длинный тонкій колъ, называемый „млёномъ“. Въ днѣ ящика сдѣлано круглое отверстіе, имѣющее въ діаметрѣ немногимъ менѣе 1/2 аршина и надъ этимъ отверстіемъ лежатъ въ ящикѣ одинъ надъ другимъ два жерновыхъ камня („жерновые каме́нья“), имѣющіе въ діаметрѣ 1/2 аршина. Одна сторона этихъ камней круглая, а другая плоская, при чемъ они брашены другъ къ другу плоскими сторонами. Въ центрѣ обоихъ камней продѣланы круглыя отверстія, діаметры коихъ равны: въ нижнемъ камнѣ—1 дюйму, а въ верхнемъ—2 вершкамъ. Верхній камень окруженъ деревяннымъ обручемъ, а къ этому послѣднему придѣлано небольшое деревянное ушко, въ которое впускается нижній конецъ млёна, принимающаго при этомъ косое положеніе. Двѣ параллельныя другъ другу перекладины соединяющія подъ варстатомъ его ножки, соединены въ свою очередь между собою поперечной перекладиной или „подкладочкой“—въ срединѣ коей выдалбливается, сверху, доходящая лишь до половины ея толщины выемка. Въ эту выемку ставится въ вертикальномъ положеніи деревянный заостренный колокъ („веретено“), верхній конецъ котораго покрытъ плотно обхватывающею его заостренною трубкою; трубка проходитъ черезъ отверстія въ днѣ ящика и въ нижнемъ жерновѣ и доходитъ до особой желѣзной пластинки („поупри́цы“), прикрывающей по діаметру отверстіе верхняго жернова; въ срединѣ поуприцы также выдолблена не сквозная ямочка, въ которую и упирается веретено. При движеніи млёна рукою верхній жерновъ получаетъ вращательное движеніе и мелетъ насыпанныя между обоими жерновами зерна или крупу. Нижная подкладочка мельницы, въ которой стоитъ веретено, можетъ подыматься при помощи особыхъ клиньевъ, вставляемыхъ въ мѣста соединенія ея съ боковыми перекладинами, отъ чего поднимается верхній жерновъ и разстояніе между ними дѣлается больше; чѣмъ меньше это разстояніе, тѣмъ мельче получается крупа и обратно.

Жилое помѣщеніе младшаго Клинчука состоитъ изъ двухъ компатъ; кухни (*Б'*) и спальни (*Г''*), и соединяется съ сѣнями при посредствѣ одностворчатой двери, продѣланной въ сѣверной стѣнѣ сѣней и ведущей въ кухню. Полъ въ кухнѣ глиняный—токъ, а въ спальнѣ—дощатый; всѣ стѣны, потолокъ и печь (*в*), отдѣляющая кухню отъ спальни, выбѣлены, какъ у старшаго брата, известкою. Вдоль южной стѣны кухни, между дверью и юго-западнымъ угломъ комнаты стоитъ „шафка“ (*п*), т. е. шкафъ для посуды, вышиною въ 1 арш. 14 вершк. и шириною въ 1 арш. 5 вершковъ; шкафъ этотъ представляетъ двѣ параллельныя другъ другу боковыя стѣнки, приставленныя къ стѣнкѣ кухни и соединенныя между собой четырьмя горизонтальными полками, изъ коихъ верхняя и нижняя прикрѣплены къ верхнимъ и нижнимъ краямъ боковыхъ стѣнокъ; три нижнія полки одинаковаго размѣра, а верхняя немного у́же, такъ какъ боковыя стѣнки кверху немного сужены; задняя стѣнка имѣется между двумя верхними полками, а передней стѣнки и двери вовсе нѣтъ; онѣ замѣнены деревянною рамкою, нижній край которой прибитъ къ нижней полкѣ шкафа, а верхній ко второй сверху полкѣ, такъ что весь шкафъ является открытымъ. Подъ шкафомъ во всю длину южной стѣны кухни, отъ печи до юго-западнаго угла, имѣется большая полка „пали́ца“, а вдоль западной стѣны, между тѣмъ же угломъ и окномъ, повѣшенъ надъ шкафомъ маленькій „лажетникъ“ (описаніе см. выше), особенность котораго заключается въ томъ, что въ немъ имѣется лишь одна полочка по срединѣ и двѣ жердочки: одна надъ полкой, а другая подъ ней. Подъ окнами вдоль западной стороны кухни, стоятъ двѣ лавки (*ж*), при чемъ къ болѣе длинной изъ нихъ приставленъ еще и переносный слонъ (*и*). Обѣденный столъ стоитъ у сѣверной стѣны подъ окномъ, близъ сѣверо-западнаго угла кухни; во время обѣда хозяинъ сидитъ въ этомъ углу подъ образомъ Божіей Матери —споручницы грѣшныхъ, хозяйка по другую сторону стола, на софкѣ (*л*), а дѣти передъ столомъ, гдѣ стоитъ маленькій переносный слончикъ (*и*). Въ сѣверо-западномъ углу, надъ лавкой

укрѣплена трехугольная полочка, на которой лежатъ евангеліе, молитвословъ и стоитъ баночка съ чернилами. Образа размѣщены въ томъ же углу слѣдующимъ образомъ: на западной стѣнѣ, надъ окномъ, виситъ образъ Александра Невскаго, затѣмъ въ самомъ углу, надъ полочкой, Божія Матерь—споручница грѣшныхъ, а вдоль сѣверной стѣны, также надъ окномъ, размѣщены послѣдовательно иконы:

1) Воскресенія Христова, съ изображеніями двунадесятыхъ праздниковъ вокругъ;

2) Смоленской Божіей Матери,

3) Николая Чудотворца, съ изображеніемъ вокругъ событій изъ его жизни,

4) Ченстоховской Божіей Матери;

5) Крещенія Спасителя,

и 6) Страшнаго суда.

Послѣднія три иконы католическія, изъ нихъ первыя двѣ съ польскими надписями, а третья безъ надписи. Между обѣденнымъ столомъ и сѣверовосточнымъ угломъ кухни стоитъ лавка со спинкою, или „софка“ (*л*); спинка эта слегка выгнута и представляетъ собою продолговатую раму, длинныя стороны которой скрѣплены по срединѣ еще одной поперечной перекладиной, раздѣляющей всю спинку на двѣ рамы меньшаго размѣра; каждая изъ этихъ рамъ въ свою очередь дѣлится двумя діагональными перекладинами на четыре треугольныя рамы, при чемъ всѣ перекладины немного „карнизованы“. Въ юго-восточномъ углу кухни помѣщается печь (*в*), отдѣляющая кухню отъ слѣдующей компаты—спальни. Эта печь по своему устройству мало отличается отъ русской печи на половинѣ старшаго брата; нижнее помѣщеніе („подпечекъ“) также отведено для куръ, при чемъ отверстіе его закрывается просто доскою, закладываемою за колокъ; ширина отверстія (*а*) $^3/_4$ аршина, вышина $^1/_2$ аршина. Между подпечкомъ и припечкомъ въ кирпичной кладкѣ устроено еще одно помѣщеніе, такъ называемый „подприпечекъ“ для

складыванія посуды; глубина его 9 вершковъ,—а величина наружнаго отверстія 5 вершковъ въ вышину и 14 вершковъ въ ширину; надъ подприпечкомъ также устроенъ деревянный потолокъ во всю глубину подприпечка, а на этомъ потолкѣ лежитъ уже кирпичная кладка, образующая полъ самой печи. Наружное отверстіе припечка имѣетъ $^3/_4$ аршина въ вышину и 1 аршинъ въ ширину; глубина при́печка отъ края печи до пелюсти 10 вершковъ, а глубина самой печи за пелюстью 1 аршинъ 11 вершковъ. Справа отъ припечка устроена ямка, а подъ ней у южной стѣны кухни „печурка“ т. е. углубленіе съ квадратнымъ вертикальнымъ разрѣзомъ (3 × 3 вершка), имѣющее $^1/_2$ аршина въ глубину и служащее для складыванія спичекъ и другихъ мелочей; нижній край этой печурки соотвѣтствуетъ верхнему краю входа въ припечекъ. Слѣва отъ припечка, за кирпичною стѣнкою, устроенъ „коминокъ“ въ 7 вершковъ ширины и 10 вершковъ глубины; въ стѣнкѣ, отдѣляющей коминокъ отъ припечка, продѣлано квадратное отверстіе (3 × 3 вершка), дающее хозяйкѣ возможность видѣть, что́ дѣлается въ печи, когда на комнкѣ разводится огонь. Желѣзной подставки у стѣнки коминка нѣтъ, и эта стѣнка служитъ единственной поддержкой возвышающейся надъ припечкомъ трубы; въ этой послѣдней имѣется обыкновенная вьюшка и особая „за́соука“ для закрытія трубы коминка; въ кольцеобразную ручку этой за́соуки вложена большая деревянная ложка для наливанія кушанья или „аполоникъ“. Ниже вьюшки, къ передней стѣнкѣ трубы, прикрѣплена узкая деревянная по́лочка („му́рочекъ“) для спичекъ и другихъ мелочей; душника эта печь не имѣетъ. Слѣва отъ коминка примыкаетъ къ печи, въ одну линію съ переднимъ ея краемъ, плита или „машинка“ (*г*), представляющая собою прямоугольную кирпичную призму въ 1 арш. 5 вершк. ширины и 11 вершковъ глубины; высота же ея на одинъ вершокъ ниже пола коминка и припечка. Верхняя поверхность этой плиты представляетъ собою чугунную пластинку, въ которой имѣются два круглыхъ отверстія („фае́рки“), одно въ 5, а другое въ 4 вершка въ діаметрѣ. Топится плита съ сѣверной стороны,

гдѣ находится отверстіе „*a*“ (размѣръ его 5 × 5 вершковъ), и за нимъ помѣщеніе для дровъ; черезъ отверстія въ чугунномъ полу этого помѣщенія, послѣднее сообщается съ находящимся подъ нимъ пустымъ пространствомъ (поддувало или „вѣтренникъ“, размѣромъ 3 × 5 вершковъ), имѣющимъ свой входъ на той же сѣверной сторонѣ плиты подъ вышеописанной дверцей „*a*“. Дверцы отъ плиты и поддувала потеряны. Плита эта служитъ не для приготовленія пищи, а для согрѣванія комнатъ. За плитой помѣщается высокая кирпичная стѣнка, доходящая до поперечныхъ балокъ потолка; эта стѣнка, начинаясь у трубы русской печи, тянется на протяженіи $1^3/_4$ аршина и замѣняетъ собою перегородку между кухней и спальней; толщина стѣнки 6 вершковъ, высота $2^3/_4$ аршина. Въ верхней части стѣнки, примыкающей къ главной трубѣ, имѣется еще одна заслонка, закрывающая трубу плиты; эта послѣдняя труба, при посредствѣ устроенныхъ въ кирпичной стѣнкѣ четырехъ дымовыхъ ходовъ (люхтовъ), выводитъ дымъ черезъ стѣнку въ главную трубу. Продолженіемъ кирпичной перегородки является ушакъ двери „*a*“, ведущей изъ кухни въ спальню, а между ушаками и сѣверной стѣной дома поставлены вертикально двѣ доски, заканчивающія собою перегородку. На имѣющихся въ перегородкѣ ушакахъ двери нѣтъ; устройство же ушаковъ и соединеніе ихъ съ потолкомъ такія же, какъ на половинѣ старшаго брата въ перегородкѣ, отдѣляющей его спальню отъ столовой. Трама на половинѣ младшаго брата вовсе нѣтъ, но надъ только что описанной перегородкой проходитъ небольшая „ба́лечка“, соединяющая очепу сѣверной стѣны съ первой поперечной балкой; на ушакѣ, подъ этой балечкой, лежали, при осмотрѣ, шляпа хозяина и книжка. Со стороны спальни кирпичная стѣнка проходитъ отъ двери до юго-западнаго угла на одинаковой высотѣ, а въ юго-западномъ углу къ ней примыкаетъ прямоугольная кирпичная призма, верхнее основаніе коей служитъ для спанья въ холодное время. Вдоль восточной и сѣверной сторонъ этого кирпичнаго возвышенія проходитъ на половинной его высотѣ узенькій уступъ

или „зимсъ“; высота самой призмы $1\frac{3}{4}$ аршина, а размѣръ верхняго и нижняго ея основаній $1\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ аршина. Въ спальнѣ стоятъ вдоль сѣверной и южной сторонъ комнаты двѣ деревянныя кровати, головами къ восточной стѣнѣ. Къ сѣверной стѣнѣ, между кроватью и перегородкой, отдѣляющей спальню отъ кухни, прикрѣплена вѣшалка (шараги) для платьевъ, а подъ ней на полу стоитъ на „креслѣ“ дежка. Передъ другою кроватью стояли, при осмотрѣ, ушатъ или „балея“ (*р*) и стойка (*с*), т. е. небольшая табуретка, къ ножкамъ которой придѣлано дно; въ сидѣньѣ табуретки продѣлано круглое отверстіе, черезъ которое ставятъ на дно табуретки маленькаго ребенка, не умѣющаго ходить, при чемъ высота табуретки расчитана такъ, что руки ребенка свободно лежатъ на краяхъ сидѣнья, которое удерживаетъ его отъ паденія. На окнѣ въ спальнѣ стоитъ небольшое зеркало, а къ потолку подвѣшивается „люлька“ (колыбель), представляющая собою продолговатую корзину, къ четыремъ угламъ которой прикрѣплены веревки, сходящіяся подъ потолкомъ на особомъ крюкѣ. Спятъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ: хозяинъ съ семилѣтней дѣвочкой на софкѣ въ кухнѣ, хозяйка съ груднымъ ребенкомъ на кровати у сѣверной стѣны спальни, а остальныя дѣти (трое) на другой кровати въ той же комнатѣ. Для женскихъ работъ служитъ въ большинствѣ случаевъ спальня, а не кухня. Домашняя утварь, печной приборъ, посуда, приспособленія для пряжи, тканья, катанья бѣлья и проч. тѣ же, что и на половинѣ старшаго брата, но близъ печи, при осмотрѣ, оказалась еще „рыдлевка“, т. е. желѣзный заступъ для огородныхъ работъ. Болѣе цѣнныя вещи, какъ и у старшаго брата, хранятся не въ домѣ, а въ амбарѣ—въ сундукѣ.

Августъ м-цъ 1903 года.

С-нъ.

СВѢДѢНІЯ

о бѣлорусскихъ крестьянскихъ постройкахъ,

собранныя лѣтомъ 1903 г.

въ деревняхъ Молодечненской волости, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи.

Крестьянское населеніе названныхъ деревень состоитъ изъ бѣлоруссовъ.

Принадлежащія имъ постройки, жилыя и хозяйственныя, подходятъ, въ большинствѣ, подъ одинъ общій типъ, отличаясь лишь размѣрами и обстановкою, въ зависимости отъ степени зажиточности владѣльцевъ.

Равнымъ образомъ и мѣсто расположенія отдѣльныхъ построекъ подходитъ подъ одинъ обычный планъ.

Всѣ постройки деревянныя, одноэтажныя.

Жилое строеніе, или какъ выражаются мѣстные бѣлоруссы „жительное мѣсто“, называется „хата“. Она состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты, служащей для жилья, а вмѣстѣ съ симъ кухней и столовой. Къ хатѣ тѣсно примыкаютъ въ одну прямую линію „сѣни“, или „сѣнцы“ (если меньше размѣромъ)—въ родѣ передней, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и складомъ, „варивня“ или „истопка“—хозяйственный погребъ для храненія огородныхъ овощей и хозяйственныхъ принадлежностей и „стайня“—конюшня, въ другихъ случаяхъ „хлѣвъ“.

Въ послѣднее время нѣкоторые крестьяне устраиваютъ подъ хатой погребъ—„склепъ“, при наличности котораго отсутствуетъ уже варивня. Склепъ выкладывается внутри кирпичемъ или камнемъ и устраивается со сводомъ. Въ него ведетъ лѣстница кир-

пичная или деревянная изъ сѣней. Въ фундаментѣ хаты продѣлывается въ склепъ небольшое окно, называемое „душникъ“, служащее для ссыпки картофеля, для вентиляціи и прохода свѣта.

Хата, сѣни и варивня сообщаются между собою внутренними дверьми.

Большею частью, „хата“ и „сѣни“ крыты одною общею крышею, а „варивня“ и „стайня“ другою, но у нѣкоторыхъ хозяевъ всѣ 4 означенныя строенія находятся подъ одною крышею; встрѣчаются и другія комбинаціи.

Поименованныя строенія расположены съ одной стороны „двора“, съ другой стороны котораго въ послѣдовательномъ порядкѣ, тѣсно примыкая другъ къ другу въ одну прямую линію, находятся „хлѣвы“ разныхъ наименованій („хлѣвъ“—помѣщеніе для коровъ, „свинарникъ“—для свиней, „овчарникъ“ или „овчарня“—для овецъ), затѣмъ „свíранъ“ (амбаръ) и навѣсъ—„павѣтка“ для склада дровъ и хозяйственныхъ принадлежностей, какъ то: телѣгъ, саней, боронъ, сохъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если поименованныя строенія, расположенныя съ другой стороны „двора“, не помѣщаются въ одну прямую линію, то нѣкоторыя расположены подъ прямымъ угломъ въ 3-ю сторону „двора“ къ улицѣ, или къ противоположной сторонѣ. „Хлѣвы“ большею частью крыты одною общею крышею. „Свиранъ“ всегда крытъ отдѣльною.

Итакъ „дворъ“ бѣлорусса крестьянина окаймляется съ двухъ противоположныхъ сторонъ—направо и налѣво, входя съ улицы или дороги, двумя рядами построекъ. Улица или дорога отдѣляется отъ двора широкими воротами съ калиткой или низкими воротами и заборомъ.

Съ четвертой стороны „дворъ“ обнесенъ оградой съ низкими воротами, черезъ которыя проникаютъ въ другой дворъ, называемый „гумнище“ или „гумно.“ На немъ расположены гумно—„токъ“ и сѣновалъ—„пуня.“ У болѣе зажиточныхъ крестьянъ

кромѣ того—особая пристройка при гумнѣ съ механизмомъ, приводящимъ въ движеніе молотилку.

На второмъ дворѣ, называемомъ „гумнище“, крестьяне временно складываютъ разные предметы: камень, приготовленный для надобностей хозяйства, бревна отъ разобранной старой хаты и т. п. Въ свободномъ углу гумнища крестьяне, занимающіеся пчеловодствомъ, устраиваютъ пасѣку, иногда разводятъ садикъ.

Гумнище частью обнесено расположенными на немъ строеніями, частью заборомъ.

Въ 4-ой сторонѣ гумнища, параллельной линіи, отдѣляющей его отъ „двора“, имѣются выходныя ворота въ поле.

Болѣе состоятельные крестьяне имѣютъ баню, которая обыкновенно строится въ полѣ, въ сторонѣ отъ гумнища. Ею пользуются и сосѣди односельцы, менѣе зажиточные, за извѣстныя услуги.

Крестьянскія постройки складываются изъ круглыхъ бревенъ и вяжутся въ обыкновенные углы въ квадратъ. Крыши покрываются почти исключительно соломою, въ рѣдкихъ случаяхъ драницами.

Двери въ постройкахъ досчатыя, часто на желѣзныхъ завѣсахъ и крючьяхъ съ скобкою и пробоями. Этотъ способъ укрѣпленія дверей называется „на крюкахъ“ и примѣняется обыкновенно въ хатѣ, варивнѣ, амбарѣ, иногда въ гумнѣ у болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Существующій другой способъ укрѣпленія дверей въ хлѣвахъ, сѣновалахъ, дровяныхъ складахъ, иногда гумнахъ называется „на петнику́“ и заключается въ томъ, что дверь укрѣплена съ одной стороны (а если она двустворчатая, то каждая половина двери) къ столбику—„стоупе́цъ“, вращающемуся въ выемкѣ, сдѣланной въ прочномъ столбѣ—„шуло́“ у края отверстія двери и впущенному обоими концами въ сдѣланныя въ томъ же столбѣ углубленія. При отсутствіи послѣднихъ, въ случаѣ если столбъ не достаточно проченъ для пробитія

углубленій, столбикъ прикрѣпляется обоими концами къ „шулу“, при посредствѣ полукруглыхъ желѣзныхъ обручей, называемыхъ „шинами“.

Въ жилыхъ помѣщеніяхъ печи устраиваются съ трубами; въ рѣдкихъ только случаяхъ замѣчаются курныя хаты, но даже и въ нихъ дымъ отводится черезъ особый рукавъ въ „сѣни“.

Оконъ въ хатѣ обыкновенно бываетъ 3 или 4; окна небольшія ($^3/_4$ арш. $\times$ $^1/_2$ арш.); чаще выходятъ въ сторону двора и не имѣютъ украшеній. Въ новѣйшихъ хатахъ окна выводятся въ сторону улицы (или дороги).

Фундаментъ обыкновенно подводится только подъ жилымъ помѣщеніемъ — „хатой“, другія же строенія возводятся прямо на землѣ, иногда подъ ними подкладывается рядъ небольшихъ камней. Амбаръ ставится на ровный рядъ большихъ камней для устраненія сырости и гніенія пола и нижнихъ вѣнцовъ сруба.

Потолки устраиваются въ хатѣ и овчарнѣ, въ другихъ же строеніяхъ въ рѣдкихъ случаяхъ.

Изложенныя свѣдѣнія рисуютъ общій типъ бѣлорусскихъ крестьянскихъ построекъ и обычный планъ расположенія ихъ въ крестьянскомъ дворѣ.

Ниже приводятся подробныя свѣдѣнія, относящіяся къ отдѣльнымъ, особо описаннымъ, крестьянскимъ дворамъ.

Описаніе построекъ крестьянскаго двора въ деревнѣ Адамовичи, Молодечненской волости, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи

Входя съ улицы на лѣво (на западной границѣ) расположены 4 постройки, тѣсно примыкающія одна къ другой въ прямую линію. Собственно, на первомъ планѣ со стороны улицы возведена еще одна постройка—навѣсъ, но лишь временно, о значеніи которой будетъ сказано ниже.

Первая постройка, служащая для жилья, называется „хатой“. Сложена она изъ неотесанныхъ бревенъ—„кругляковъ“, ничѣмъ не обшита; достаточно тепла и въ холодное время, почему на зиму ничѣмъ не обкладывается. „Хата“ построена на фундаментѣ—„подмурокъ“, сложенномъ изъ камня. Входная дверь находится въ смежной постройкѣ—„сѣняхъ“, съ которой „хата“ сообщается внутренними дверьми. На востокъ (съ длинной стороны „хаты“) и на югъ (со стороны щита) выходятъ по два окна „акна“. Особыхъ названій они не носятъ, рѣшетокъ, ставней и запоровъ не имѣютъ. Изъ числа этихъ оконъ два съ двустворчатыми рамами—„на двѣ хфортки“, въ двухъ же остальныхъ простыя рамы, прибитыя къ стѣнамъ. Три окна, изъ нихъ 2 двустворчатыя, имѣютъ размѣры 1 арш. въ длину и 14 вер. въ ширину; 4-ое окно—9 вер. × 12 вер. Неодинаковость размѣровъ оконъ и ихъ системы случайнаго характера. Рамы, въ которыя укрѣпляются окна называются „шупляды“; промежутокъ между шуплядой и стѣной—„пазъ“ забивается мохомъ или паклей (па́куля) для защиты отъ проникновенія холода; на внѣшнія края „шуплядъ“ набиваются дощечки „шалевки“ (наличники), прикрывающія и „пазы“. Надъ окнами и подъ ними вбиты въ стѣну подъ угломъ дощечки, называемыя тоже „шалевками“, иногда „отливчиками“ служащія для стока атмосферическихъ осадковъ.

Хата покрыта соломенною крышею—„стрехо́й“; крыша двускатная—„на два спада“, отлогая—„шлаповатая“ (если крыша крутая, то называется „быстрая“ или „стромкая“). „Стреха́“ выступаетъ надъ зданіемъ, образуя относъ, называемый „застрешкомъ“.

Способъ установки стропилъ и ихъ крѣпленія въ крышахъ, покрывающихъ „хату“ и другія постройки слѣдующій.

Въ верхнихъ бревнахъ—„берве́ньяхъ“ (ед. число бервено́) сруба вырѣзаются гнѣзда—„чашки“, въ которыя устанавливаются стропила—„крохвы“. Въ одномъ изъ верхнихъ концовъ брусьевъ, составляющихъ стропило, пробивается „чепела́“, а въ

другомъ вырѣзается „палецъ“, который вгоняется въ „чепелу“; черезъ оба названные конца брусьевъ стропилы просверливается буровомъ отверстіе—„скручивается свердломъ дира“, въ которое забивается деревянный гвоздь—„гвоздъ“. Въ „чашку“ загоняется клинъ для приданія устойчивости стропилѣ. Въ срединныхъ частяхъ брусья стропилы схватываются балкой, называемой „поясомъ“. Для прочности крыши, у нѣкоторыхъ крестьянъ, на углахъ прибиваются косяки, одинъ конецъ которыхъ—къ стѣнѣ, а другой—къ крайней стропилѣ.

На крохвахъ прибиваются или привязываются „дубцомъ“ (лозовая вѣтвь) латы, по которымъ растилается солома, прикрѣпляемая къ нимъ тоже дубцомъ при посредствѣ тонкихъ жердей, обтесанныхъ съ одной стороны, называемыхъ „привязинами“ (ед. число при́вязино). Крыша покрыта „подъ бому“, т. е. по такой системѣ, что колосья соломы спрятаны, а комли выведены на верхъ („бомой“ называется жердь въ длину крыши, на которой покрывающій ее по мѣрѣ покрытія подымается, подтягивая „бому“, то съ одного конца, то съ другого веревками, привязанными къ коньку крыши—„щиту“ (другой способъ покрытія соломенныхъ крышъ отличается тѣмъ, что комли соломы спрятаны, а колосья выведены вверхъ; въ такомъ случаѣ выражаются, что крыша покрыта „подъ колосъ“. Второй способъ покрытія считается болѣе легкимъ и примѣняется или въ случаѣ недосуга, для экономіи въ расходованіи соломы или у менѣе зажиточныхъ крестьянъ). Щитъ составленъ изъ бревенъ и называется „лемегой“ (щиты дѣлаются тоже изъ ополокъ и—соломы у бѣдныхъ крестьянъ). Подъ лемегой выступаетъ въ наклонномъ положеніи надъ окнами маленькая крыша изъ дощечекъ—„застре́шакъ изъ до́щечекъ“ (иногда соломенная) для предохраненія оконъ отъ затеканія водою.

Надъ стропилами, выступающими вверху углами, проложена жердь, поддерживающая соединеніе обоихъ скатовъ крыши, называемая „щитъ“ или „вильчикъ“. Надъ крышею въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ положены „ключи“ (парныя жердочки—„колки“, схваченныя деревянными гвоздями—„гвоздами“), спускающіеся по обѣимъ сторонамъ ея съ цѣлью укрѣпленія. Эти „ключи“ ничѣмъ не укрѣплены къ крышѣ и держатся собственною тяжестью.

Къ хатѣ по ширинѣ ея тѣсно примыкаетъ въ прямую линію постройка, называемая „сѣни“. Эта постройка собственно двустѣнникъ, продольными стѣнами которой служатъ, съ одной стороны, стѣна „хаты“, а съ другой—стѣна слѣдующей постройки „варивни“. Такимъ образомъ, въ „сѣняхъ“ возводятся лишь поперечныя стѣны, сложенныя изъ неотесанныхъ бревенъ—„кругляковъ“, впущенныхъ съ обѣихъ сторонъ каждой стѣны въ прочные столбы—„шулья“ (ед. число шуло́), тѣсно примыкающіе къ стѣнамъ „хаты“ и „варивни“. Въ передней стѣнѣ „сѣней“, въ сторону двора, продѣланы двери, для входа въ „сѣни“, сообщающіяся внутренними дверьми съ хатой. Въ той же стѣнѣ возлѣ дверей продѣлано небольшое окно (безъ рамы)—„око́нце“ ($3 \times 3^1/_2$ в.), служащее для проникновенія свѣта и воздуха въ сѣни. Это „оконце“ имѣетъ и другое назначеніе: черезъ него просовываютъ руку для открыванія съ внутренней стороны двери засова, называемаго „за́соука“.

Къ сѣнямъ тѣсно примыкаетъ слѣдующая постройка, равнымъ образомъ въ прямую линію, называемая „варивня“ или „истопка“. Это четырехугольный срубъ, сложенный изъ „кругляковъ“. О назначеніи варивни упомянуто выше. Эта постройка сообщается съ сѣнями внутренними дверьми. Такимъ образомъ, хата, сѣни и варивня имѣютъ внутреннія сообщенія и одинъ входъ со двора,—черезъ наружныя двери въ сѣняхъ.

Въ передней стѣнѣ варивни продѣланы два продольныхъ окна „оконцы“ безъ рамъ (4 в. $\times$ 8 в.), служащія для прохода свѣта и воздуха; зимою они обыкновенно закладываются. Въ той же стѣнѣ вверху подъ крышею пробито небольшое квадратное отверстіе, называемое „дзюрка“ или „душникъ“ для вентиляціи

„варивни“. Возлѣ нея у основанія устроена „приизба“ (нѣчто въ родѣ привалинки) для предохраненія ея зимою отъ холода; она служитъ и для сидѣнья. „Приизба, вышиною до 1/2 арш., устроена слѣдующимъ образомъ: съ двухъ крайнихъ концовъ „варивни“ вбиты 2 „колка“—кола, за которыми положено бревно, засыпанное сзади до стѣны постройки землею.

У другихъ крестьянъ „приизбы“ устраиваются не непремѣнно при варивнѣ, а напр. (и большею частью) при „хатѣ“.

Тѣсно къ варивнѣ тоже въ прямую линію примыкаетъ четвертая постройка—„хлѣвъ“ для коровъ. Послѣдній представляетъ собою трехстѣнникъ, примыкающій къ широкой (сторонѣ) стѣнѣ варивни.

Въ хлѣвъ ведутъ дощатыя ворота, вращающіяся „на петнику“ (объясненіе выше).

Въ описанныхъ четырехъ постройкахъ надъ хатой и сѣнями общая крыша, надъ варивней и хлѣвомъ отдѣльныя.

Какъ выше было упомянуто, возлѣ хаты со стороны улицы возведена временная постройка. Это навѣсъ—„павѣтка“, служащій для склада телѣгъ, саней, корытъ и другихъ подобныхъ предметовъ хозяйства.

Собственно, практическое назначеніе этого навѣса, которое имѣлось въ виду при его постройкѣ, заключалось въ огражденіи „хаты“ отъ задуванія снѣгомъ. Но такъ какъ означенная „павѣтка“ заслоняетъ хату отъ свѣта, то хозяинъ предполагаетъ ее убрать. Навѣсъ покрытъ соломенною крышею, подступающею къ щиту—„лемегѣ“ хаты. Крыша лежитъ на трехъ угловыхъ столбахъ—„шу́льяхъ“ и двухъ бревенчатыхъ стѣнахъ (въ сторону улицы и сосѣдняго двора), связанныхъ въ четвертомъ углу. Такъ какъ задняя стѣна навѣса не доходитъ до хаты, то продолженіемъ ея служитъ высокій плетень „парканъ“, доходящій до крыши; длиною около 1 арш. Описанныя пять построекъ

расположены въ одну линію на западной сторонѣ двора. Такимъ образомъ, всѣ окна ихъ и входная дверь въ сѣни обращены на востокъ.

На восточной сторонѣ двора въ одну прямую линію расположены, тѣсно примыкая другъ къ другу, начиная отъ улицы: „хлѣвъ“ для коровъ, „овчарня“—для овецъ, „павѣтка“ (навѣсъ) для складыванія дровъ, служащая и помѣщеніемъ для свиней и „свиранъ“—амбаръ.

Первыя три постройки крыты одною общею крышею, сложены изъ „кругляковъ“; изъ нихъ овчарня сложена срубомъ изъ четырехъ стѣнъ, хлѣвъ представляетъ собою трехстѣнникъ, а въ павѣткѣ, боковыми стѣнами которой служатъ стѣны смежныхъ: овчарни и свирна, задняя стѣна глухая изъ кругляковъ, а передняя представляетъ собою плетень „паркань“ съ воротами сбоку. Входныя ворота (дощатыя) въ хлѣвъ и „дзверцы“ (дверь) въ овчарню и павѣтку вращаются „на петнику“.

Такъ какъ въ павѣткѣ стѣна, обращенная въ сторону двора сквозная, то на зиму за нею ставится какое нибудь имѣющееся подъ руками деревянное укрѣпленіе, напр. старыя ворота, или же вбиваются колья, причемъ промежутокъ между стѣной и этими приспособленіями плотно набивается („напхаютъ“) соломою, „ситникомъ“—тростникомъ или испорченнымъ сѣномъ.

Въ овчарнѣ имѣется въ сторону двора небольшое окно—„оконце“ (4 в×4 в.) для прохода воздуха и свѣта.

Рядомъ съ павѣткой построенъ амбаръ—„свиранъ“ или „клѣть“ на рядѣ сложенныхъ безъ замазки камней до 1 арш. въ вышину. Амбаръ построенъ изъ „кругляковъ“. Въ передней стѣнѣ посреди дверь изъ „до́щекъ“ (досокъ) размѣрами $1^3/_4$ арш.× $1^1/_4$ арш., открывающаяся „на крюкахъ“. Она запирается висячимъ замкомъ. При входѣ въ амбаръ расположена въ длину его деревянная площадка, называемая „пяреклять“ шириною въ $1^1/_4$ арш. Съ одной стороны послѣдней устроено прикрытіе для

сторожевой собаки, въ видѣ прислоненной къ стѣнѣ амбара подъ угломъ старой бороны, прикрытой соломой и „бульбовникомъ“—зеленью отъ картофеля. Надъ дверьми амбара протянуты жердочки для сушенія бѣлья. „Пяреклять“ служитъ для временнаго склада хозяйственныхъ принадлежностей—„снасць“, какъ то упряжи, топора и т. п.

Амбаръ покрытъ отдѣльною соломенною крышею „подъ бому“ съ тремя „ключами“.

Южная граница двора отдѣляется отъ улицы заборомъ „парканъ“ въ 3 арш. высотою, состоящимъ изъ укрѣпленныхъ къ вертикальнымъ кольямъ 3-хъ продольныхъ жердей, переплетенныхъ лозовыми и березовыми жердочками *). Парканъ замыкается возлѣ западной границы двора воротами, вышиною въ $1\frac{3}{4}$ арш. и длиною до 4 арш.; ворота эти состоятъ изъ 2-хъ вертикальныхъ столбиковъ—„стоупцóвъ“, схваченныхъ пятью продольными узкими досками („пáлки“), впущенными въ „стоупцы“; отъ воротъ до первой постройки на означенной границѣ (—навѣса) поставленъ на протяженіи 1 арш. заборъ—„плотъ“, вышиною до 2-хъ аршинъ, составленный изъ двухъ паръ вертикальныхъ кольевъ—„колкú“, черезъ которыя сложены съ промежутками горизонтальныя жердочки, привязанныя лозой. Этотъ маленькій низкій заборъ служитъ для перелазыванія во дворъ или со двора на улицу, дабы не открывать всякій разъ воротъ.

---

*) Крестьянскіе дворы, огороды, иногда поля (возлѣ дороги) обносятся разнаго рода изгородями, которыя по способу устройства носятъ разныя наименованія: 1) „Паркáнъ“—изгородь только что описанная, 2) „Плотъ“—изгородь, состоящая изъ ряда паръ вертикальныхъ жердей, черезъ которыя продѣто нѣсколько продольныхъ жердочекъ, привязанныхъ къ первымъ лозовыми прутьями, 3) „Шастоколъ“—обыкновенный частоколъ, состоящій изъ вертикальныхъ столбовъ съ заостренными вверху концами, схваченныхъ продольными латами, 4) „Аплéтъ“ состоитъ изъ расположенныхъ на разстояніи до 1 арш. кольевъ, заплетенныхъ вдоль (аплета) вѣтвями лозы или березы, 5) „Штакéтникъ“ заборъ, составленный изъ ровныхъ дощечекъ и 6) „Тынъ“ устроенъ изъ ряда высокихъ вертикальныхъ столбовъ (шульцы) съ продольными выемками, въ которыя впущены тесанныя бревна или пластины. Послѣдняго рода заборъ, какъ болѣе дорогой, встрѣчается рѣдко.

Такой же заборъ—„плотъ“ поставленъ на протяженіи 2 арш. отъ амбара до границы „гумнища“, о которомъ рѣчь ниже.

Съ сѣверной стороны дворъ огороженъ заборомъ—„плотомъ“, въ $2^1/_2$ арш. вышиною. На линіи той же стороны имѣются ворота, вышиною въ $1^3/_4$ арш. и длиною до 4 аршинъ (устроенныя тѣмъ же способомъ, какъ и входныя съ улицы во дворъ), ведущія въ слѣдующій дворъ, называемый „гумнище“, или „гумно“.

На „гумнищѣ“ расположены только двѣ постройки: сѣновалъ—„пуня“ и гумно—„токъ“—и оба на восточной его сторонѣ.

Первою постройкою стоитъ сѣновалъ—„пуня“, сложенный изъ „кругляковъ“. Сбоку передней стѣны его имѣются досчатыя одностворчатыя ворота, вращающіяся „на петнику́“. Постройка эта крыта отдѣльною соломенною крышею и представляетъ собою трехстѣнникъ, примыкающій къ слѣдующей постройкѣ—„току“. Послѣдній сложенъ, равнымъ образомъ, изъ неотесанныхъ бревенъ; въ передней стѣнѣ его посрединѣ расположены одностворчатыя досчатыя ворота, вращающіяся „на петнику“. Ворота запираются висячимъ замкомъ. Для временнаго же замыканія ихъ, напр. на время пріостановки работъ, устроена наружная деревянная задвижка, называемая „засоука“. При входѣ въ гумно подъ воротами положена въ вертикальномъ положеніи доска—„подворотня“, чтобы не задувалъ снѣгъ и не заходили куры. Средняя часть гумна, расположенная противъ воротъ и выбитая глиной называется „такоуня́“, служащая мѣстомъ для молотьбы (тутъ же возлѣ воротъ стоятъ цѣпи—„цапы́“). Боковыя части, называемыя „сторо́ны“, служатъ для складыванія невымолоченныхъ сноповъ; онѣ отдѣлены отъ „токоуни“ „зазсторо́нками“—перегородками, вышиною до 1 арш., сложенными изъ 5 тонкихъ пластинъ. Гумно покрыто соломенною крышею съ 6 „ключами“.

Въ сѣверо-западномъ углу гумнища находятся садикъ и пасѣка—„пчельникъ“. Нѣсколько ульевъ поставлено, кромѣ того,

подъ „застрешками“ (откосами крыши) гумна и сѣновала. Посреди „гумнища“ сложены бревна отъ разобранной старой хаты, прикрытые, впредь до употребленія ихъ въ дѣло, соломенною крышею отъ той же хаты.

Гумнище огорожено съ запада „парканомъ“, а съ сѣвера „плóтомъ“. На сѣверной границѣ, кромѣ того, находятся ворота, такія же, какъ ведущія со двора на гумнище, открывающія выходъ въ поле.

Изъ числа всѣхъ описанныхъ построекъ чердаки („горá“) устроены только надъ „хатой“ и „овчарней“. Въ чердакъ надъ хатой проникаютъ по деревянной переносной лѣстницѣ—„драбúна“ изъ сѣней. Этотъ чердакъ освѣщенъ однимъ „оконцемъ“, устроеннымъ въ щитѣ—„лемегѣ“ и служитъ для складыванія хозяйственныхъ принадлежностей (если хата курная, то на „горѣ“ ничего не складываютъ). Въ чердакъ надъ овчарней проникаютъ со стороны хлѣва. Этотъ чердакъ служитъ для складыванія соломы, кулей, сѣна и другихъ подобныхъ предметовъ хозяйства.

Что касается внутренняго устройства „хаты“, то послѣдняя состоитъ изъ одного помѣщенія, одновременно служащаго и комнатой для жилья, и кухней, и столовой. (Въ рѣдкихъ случаяхъ въ хатѣ дѣлается перегородка, не доходящая до потолка, за которой отгораживается столовая).

Въ хатѣ находится „печь“, служащая и для согрѣванія помѣщенія, и для изготовленія пищи. Устройство ея слѣдующее: на полу выведенъ 4-хъ угольный фундаментъ, называемый „опечка“, вышиною до 1 арш., длиною 2 арш. 14 вер., шириною 2 арш. 12 вер. Первая половина фундамента, сложенная изъ камня (въ рѣдкихъ случаяхъ эта половина фундамента дѣлается деревянная—срубомъ), покрыта сверху сплошь досками; надъ ними сложена изъ кирпичей—„цеглей“ вторая половина фундамента, между стѣнками которой надъ досками навалены

кирпичный щебень, камни и битое стекло; поверхъ всего этого сдѣлана кирпичная кладка въ три кирпича толщиною, служащая основаніемъ печи.

Спереди первой половины „опечекъ“ (фундамента) посрединѣ оставлено небольшое четырехъ угольное отверстіе—„дзюрка“, ведущее въ, образуемое упомянутыми досками и стѣнками этой половины „опечекъ“, помѣщеніе, называемое „подпечекъ“, служащее для загона въ зимнее время поросятъ и куръ. Во второй половинѣ фундамента имѣется спереди посрединѣ неглубокое помѣщеніе (до 8 вер. въ глубину), называемое „подпри́печекъ“ для складыванія кухонной посуды. Упомянутая кирпичная кладка является основаніемъ собственно печи, вышиною въ 1 арш. 1 вер. Печь складывается не на всей площади этой кладки, а оставляются спереди и по бокамъ выступы до 3-хъ вершковъ. Въ передней части печи сложены на разстояніи 1/2 арш. двѣ параллельныя стѣнки, съ аркообразными отверстіями посрединѣ, имѣющими 1 1/4 арш. въ длину и 7 в. въ вышину. Отверстіе во второй стѣнкѣ, черезъ которое проникаетъ пламя, называется „чалесники“. Боковыя отдѣленія между означенными двумя стѣнками называются: одно „копка“, куда „заметаютъ жаръ“ (загребаютъ угли, пепелъ), а второе „печурка“; въ „копкѣ“ отъ стѣнки къ стѣнкѣ проведены желѣзныя пластинки, подъ которыми разводится огонь для согрѣванія или приготовленія наскоро пищи въ горшкѣ или сковородѣ, которые ставятся на эти пластинки. Срединная часть между копкой и печуркой называется „припечекъ“, здѣсь ставится кухонная посуда во время приготовленія пищи для присыпки приправы, для осмотра, готова ли пища или чтобы помѣшать ее. За второй стѣнкой начинается „печь“; нижняя часть ея, гдѣ разводится огонь, называется „потъ“; здѣсь послѣ „заметанія жара“ ставятся горшки для приготовленія пищи и печется хлѣбъ. Верхняя часть печи представляетъ собою сводъ—„скляпе́нне“. Труба—„ко́миъ“ начинается надъ „припечкомъ“. Въ предѣлахъ хаты до потолка (на разстояніи 1 1/2 арш.) она подымается въ прямомъ направленіи съ лѣстни-

цеобразными выступами. Въ этой части трубы находится „юшка“ (въюшка), которая закрывается „дзверцами“. На чердакѣ труба заламывается и эта часть ея называется „лежакъ“, а затѣмъ выводится на крышу въ прямомъ направленіи. Назначеніе лежака заключается въ томъ, чтобы пламя и искры не проникали на крышу и чтобы вывести трубу посрединѣ послѣдней.

Наверху передней стѣны печи сбоку оставляется небольшое углубленное помѣщеніе, называемое „печуркой“, для складыванія, съ цѣлью просушки, разныхъ мелкихъ предметовъ, напр., рукавицъ зимою.

Уголъ, образуемый переднею частью печи и стѣной хаты (возлѣ входной двери изъ сѣней) называется „кочере́жникомъ“, служащимъ для складыванія кочерги, помела, ухвата и проч. На печи въ зимнее время спятъ.

Въ нѣкоторыхъ хатахъ у другихъ крестьянъ труба отсутствуетъ; въ такомъ случаѣ дымъ проводится черезъ особый „душникъ“ въ сѣни, откуда выдувается.

Курныя же хаты встрѣчаются крайне рѣдко. Полъ въ хатѣ глинянный (если полъ деревянный изъ досокъ, то называется „подлога“, въ данномъ случаѣ называется „безъ подлоги“). Потолокъ—„столь“ досчатый, при этомъ „шпарова́нный“, что означаетъ, что доски плотно приложены и впущены одна въ другую (если же доски кладутся рѣдко, причемъ другой рядъ досокъ покрываетъ промежутки, то „столь“ называется „покрыва́нная“). Подъ потолкомъ балки—„балки“ лежатъ поперекъ хаты, подъ ними же въ длину положена длинная балка, называемая „трамъ“ для укрѣпленія поперечныхъ.

Обѣденный столъ, до 3-хъ арш. длиною, расположенъ вдоль узкой стѣны хаты въ углу подъ образомъ, называемомъ „кутъ“ (другіе углы хаты такъ и называются). Печь находится обыкновенно въ углу, входя изъ сѣней въ хату направо или налѣво, въ зависимости отъ расположенія ихъ, а „куто́мъ“ бываетъ про-

тивоположный уголъ по діагонали. Образа бываютъ только въ хатѣ. Возлѣ стола во всю длину 2-хъ наружныхъ стѣнъ стоятъ „лáвы“, не переносныя скамьи, состоящія изъ толстыхъ досокъ, положенныхъ на колодки или—ножки (эти лавы служатъ и для сна). По другую сторону стола, въ длину его, стоятъ „услонъ“ или „зедаль“, обыкновенная переносная длинная скамья. Хозяинъ—„господарь“ сидитъ въ концѣ стола (въ сторону отъ „кута“) на „лавѣ“ при хлѣбѣ („для хлѣба“), который онъ рѣжетъ—„кроитъ“ и раздаетъ членамъ семьи. Если въ хатѣ живутъ двѣ семьи, то „господарь“ младшій садится въ „куту“ подъ образами, а старшій въ концѣ стола при хлѣбѣ. „Кутъ“—уголъ съ образами имѣетъ значеніе почетнаго мѣста только во время семейныхъ торжествъ.

Хозяйка—„господыня“ садится при краѣ стола—„съ краю“ на „зедалѣ“, чтобы удобнѣе ходить за пищею, которую сама подаетъ къ столу. Члены семьи размѣщаются какъ придется, причемъ дѣти обыкновенно ближе къ „мискѣ“, изъ которой въ одно время всѣ ѣдятъ.

Всѣ члены семьи спятъ въ „хатѣ“ на кроватяхъ—„лошки“ или „крóвати“, „лавахъ“, на печи и на особыхъ скамьяхъ, называемыхъ „палкú“ (ед. ч. палокъ), устроенныхъ въ длину печи и вдоль задней стѣны хаты. Кровати размѣщены на лѣво отъ входа въ нее (напротивъ печи) и возлѣ задней стѣны. Въ лѣтнее время кто нибудь одинъ изъ членовъ семьи остается спать въ хатѣ, а ругіе располагаются для сна въ сѣняхъ, сѣновалѣ и гумнѣ.

Инвентарь жилья—„хаты“, кромѣ упомянутыхъ предметовъ, составляютъ: 1) „ступá“—выдолбленная колода, въ которой при помощи „толкачá“ (закругленный валикъ съ выемкою посединѣ, чтобы было удобнѣе обхватить рукою) толкутъ соль, ячмень (для получепія крупъ), конопляное сѣмя, картофель (получается масса, которая смѣшивается съ мукой и пекутся „праснаки“—блины) макъ и т. д., 2) „Вáлакъ“ (плосскій брусокъ

съ зубьями съ одной стороны въ ширину его и съ рукояткою) и „качалка“ (круглый валикъ)—предметы для катанья бѣлья, 3) надъ входными дверьми „пали́чка“—обыкновенная полочка для складыванія мелочей; зимой на нее ставятъ кувшины съ молокомъ для вскисанія. У нѣкоторыхъ крестьянъ въ длину передней стѣны прибиваютъ полку, называемую „заложникъ“ съ перильцами съ трехъ сторонъ для складыванія тарелокъ, мисокъ, ложекъ и другихъ мелкихъ предметовъ, 4) подъ потолкомъ висятъ жердочки—„ба́лечки“ для подвѣшиванія верхней одежды, 5) возлѣ печи стоитъ „зедликъ“—скамеечка для ведра или чугуннаго горшка—„сага́на“, 6) Возлѣ ведра на зедликѣ стоитъ всегда „ко́ноука“—кружка металлическая или деревянная для питья воды. 7) Въ „кочережникѣ“ стоятъ: „кочерга“, „чепела́“ (родъ ухвата для выниманія изъ печи сковороды), „помело“ и „вилка“ (ухватъ) для выниманія изъ печи горшковъ, 8) „газни́чка“ жестяная конусообразная лампочка съ фитилемъ безъ стекла, зажигаемая если надо наскоро засвѣтить, 9) „рѣше́та“ для просѣванія муки, 10) „лу́бочка„ или „лубка“—плетеная соломенная корзиночка для принесенія муки, 11) „ко́шикъ“—плетеная изъ лозовыхъ вѣтвей корзина для принесенія картофеля или овощей, 12) ножи, вилки,—„виде́льцы“ и ложки, 13) „сальничка“—деревянный ящичекъ для соли, 14) „саганы́“ чугунные горшки, 15) „жбаны“—кувшины, 16) „начо́ука“—корыто съ отлогими полукруглыми берегами для мытья бѣлья, 17) „коры́та“—болѣе глубокія колоды съ вертикальными стѣнками или ящики сколоченные изъ досокъ для кормленія свиней и рубки травы, 18) Возлѣ „кута“ надъ обѣденнымъ столомъ виситъ лампа „лямпа“. Кухонная утварь хранится на „лавахъ“, въ „подприпечкѣ“, „печуркѣ“, на „паличкѣ“ (всѣ эти термины объяснены выше), разныя мелочи—въ шуфлядѣ (выдвижной ящикъ кухоннаго стола). Нужнѣйшіе припасы хранятся въ варивнѣ: хлѣбъ печеный, овощи, картофель, капуста и въ амбарѣ: зерно, мука, соль, сало, ветчины и другія приготовленія изъ свинины. Деньги хранятся въ секретномъ мѣстѣ: въ зернѣ или въ землѣ,

гдѣ нибудь въ варивнѣ. Разныя цѣнныя вещи, бѣлье, полотна, праздничная одежа хранятся въ сундукахъ, называемыхъ „скрипа“, если плоская крыша и „куфоръ“, если выпуклая. Бѣлье такъ же складывается въ „кублахъ“ (ед. число „ку́белъ“)—большой ушатъ съ ушками и крышкою („вѣ́ко“), черезъ ушки продѣваютъ палку, на концѣ которой привѣшанъ замокъ. Скрипы, куфры и кублы ставятся въ сѣняхъ, амбарѣ, иногда въ хатѣ.

Отхожаго мѣста или соотвѣтственнаго приспособленія при жильѣ не имѣется. Таковымъ служитъ „свинарникъ“ (хлѣвъ для свиней). Въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ дворахъ оставляется между двумя постройками промежутокъ, называемый „зау́локъ“, служащій отхожимъ мѣстомъ.

Въ сѣняхъ укрѣплена къ боковымъ стѣнамъ жердь—„шостакъ“ для подвѣшиванія одежды. Возлѣ задней стѣны прибита „ла́ука“—широкая полка для временнаго складыванія бѣлья. Около входныхъ дверей стоитъ „зе́дликъ“—скамеечка для ведеръ съ водою. Направо отъ входныхъ дверей въ стѣну вбитъ „колокъ“ для подвѣшиванія на скорую руку верхней одежды или упряжи для просушки.

Въ варивнѣ при входѣ съ лѣвой стороны въ углу стоитъ печь. Устройство ея слѣдующее: вмѣсто фундамента (какъ въ печи „хаты“) сложенъ деревяный срубъ—„опе́чки“, углы котораго лежатъ на камняхъ. Сверху сруба покрытаго сплошь досками сбита изъ глины собственно печь. Въ передней стѣнкѣ ея посединѣ имѣется аркообразное отверстіе, называемое „чале́сьники“, черезъ которое проходитъ дымъ въ варивню. Верхняя часть печи устроена сводомъ—„склепе́нне“. Передъ печью небольшой выступъ, называемый „припечекъ“; на немъ ставится посуда. Печь въ варивнѣ служитъ для отопленія ея зимой; въ ней же иногда варятъ для свиней картофель.

Съ правой стороны отъ входа въ варивню у „оконца“ прикрѣплена къ стѣнѣ на ножкахъ широкая полка, называемая „осада“, на которой приспособлена ручная мельница съ слѣдующимъ

устройствомъ: на „осадѣ“ лежитъ одинъ камень неподвижно съ отверстіемъ въ серединѣ, въ которое плотно проходитъ желѣзный стержень, называемый „виратяно́“; въ верхнемъ камнѣ тоже съ отверстіемъ—„мечея“ вложена пластинка, опирающаяся въ верхній конецъ „виратяна“, при поднятіи котораго, такимъ образомъ, подымается верхній камень. Подъ „осадой“ прикрѣплена однимъ концомъ къ стѣнѣ подъ угломъ деревяная пластина, называемая „каре́цъ“, въ середину котораго укрѣпленъ нижній конецъ „виратяна“, спускающагося отъ нижняго камня черезъ „осаду“; другой конецъ корца поднимается или опускается при посредствѣ веревки, протянутой черезъ сдѣланное отверстіе въ осадѣ, надъ которой веревка завязывается узломъ. Карцомъ регулируется система жернововъ: если веревка натянута, то карецъ подымаетъ „виратяно“, а послѣдній верхній камень и тогда зерно мелется крупнѣе и наоборотъ. Надъ жерновами подъ потолкомъ вбита къ стѣнѣ дощечка съ отверстіемъ, называемая „лапоте́нь“; черезъ это отверстіе проведенъ къ верхнему жернову шестъ—„мленъ“; вращая который послѣдній приводится въ движеніе.

Противъ входной двери варивни возлѣ боковой стѣны (къ которой примыкаетъ слѣдующая постройка—хлѣвъ) на разстояніи $3^1/_2$ арш. поставлена перегородка, вышиною въ $1^1/_2$ арш.; къ ней посединѣ примыкаетъ перпендикулярно другая перегородка, образующая вмѣстѣ съ первой два отдѣленія, называемыя „катухи́“ для складыванія картофеля. Одинъ изъ катуховъ дѣлится вспомогательной перегородкой, образуя маленькое отдѣленіе для складыванія овощей.

Въ варивнѣ хранятся разные хозяйственныя принадлежности: „кади“ (катки), „кадушки“ (маленькія кадки), „цебры“ (ушаты) „де́жечки“ (кадочки) для приготовленія кваса, „дежа́“ (кадка) для приготовленія хлѣба, деревянная лопата чтобы садить хлѣбъ въ печь, „каловро́тъ“ и „пра́сница“—предметы для пряденія и другія подобныя мелкія хозяйственныя принадлежности.

Въ хлѣвахъ подъ крышей устроены „пала́тки,“ состоящія изъ жердочекъ или досокъ, положенныхъ на балкахъ подъ кры-

шею, накрывающіяся зимой соломой для тепла. „Палатки“ имѣютъ и другое назначеніе—для складыванія, за неимѣніемъ другого свободнаго мѣста, вымолоченныхъ кулей соломы.

Въ свирнѣ (амбарѣ) вдоль трехъ стѣнъ устроены закрома—„аруды“ для храненія зерна. Въ этой же постройкѣ подъ соломенною крышею плотно сложены пластины (въ амбарахъ другихъ крестьянъ иногда тонкія отесанныя бревна), образующія „закотъ,“ на два ската, какъ и крыша.

На поперечныхъ балкахъ положены доски, составляющія „палатки“, служащія для складыванія хозяйственныхъ предметовъ, а также для сниманія съ верхней балки подъ самымъ угломъ „закота“ подвѣшенныхъ окороковъ, сала и проч.

На поперечныхъ же балкахъ подвѣшены разная одежда, лыко, „воуна“ (овечья шерсть)

Въ деревнѣ „Адамовичи,“ одинъ изъ крестьянскихъ дворовъ который здѣсь описанъ, послѣдніе группируются въ правильномъ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ проходящей среди этой деревни улицы.

Деревня Адамовичи расположена при проселочной дорогѣ, вдали отъ главныхъ трактовъ и рѣкъ. Мѣстность вокругъ деревни безлѣсная, немного холмистая.

Обычное занятіе мѣстныхъ крестьянъ составляетъ хлѣбопашество. Скотоводство и огородничество составляютъ подспорье для домашняго обихода. Торговлей не занимаются, кустарныя издѣлія не развиты.

Въ случаѣ возникновенія на мѣстѣ какихъ либо предпріятій и—спроса на рабочія руки крестьяне съ жадностью берутся за предлагаемыя работы. Такъ напр. при проведеніи нынѣ новой Бологое-Сѣдлецкой желѣзной дороги крестьяне весь свой досугъ (нѣкоторые даже въ праздничные дни) посвящаютъ работамъ, на которыя открывается спросъ: добываютъ и свозятъ къ желѣзной

дорогѣ камень, нагружаютъ и выгружаютъ для полотна желѣзной дороги песокъ, укладываютъ шпалы и проч. Равнымъ образомъ охотно отправляются на такія же работы въ другія губерніи.

Въ виду большого спроса на рабочія руки, мѣстные крестьяне, зарабатывая хорошія деньги, совершенно отказываются отъ поденныхъ работъ у мѣстныхъ помѣщиковъ, въ обыкновенное же время затишья они весьма охотно идутъ на эти работы, являющіяся для нихъ большимъ подспорьемъ.

Владѣніе у крестьянъ подворное. Многіе крестьяне раздѣлились и получилось дробленіе участковъ. Это обстоятельство повело къ обѣдненію ихъ и къ связанной съ этимъ эмиграціи, преимущественно въ Америку. По личнымъ наблюденіямъ за послѣдніе 20 лѣтъ, вынесеннымъ какъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, представляется возможнымъ смѣло выразить, что благодаря развившейся эмиграціи, мѣстное крестьянское мужское населеніе уменьшилось вдвое.

Это обстоятельство, въ связи съ существующимъ нынѣ большимъ спросомъ на рабочія руки для строющейся новой вѣтви желѣзной дороги, весьма подрываетъ хозяйство помѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые поставлены въ безвыходное положеніе въ дѣлѣ найма постоянныхъ и поденныхъ рабочихъ.

Описаніе построекъ крестьянскаго двора въ деревнѣ „Раевщинѣ,“ Молодечненской волости.

Выше было замѣчено, что крестьянскіе постройки и дворы въ общемъ подходятъ подъ одинъ типъ. Поэтому, чтобы не повторяться при описаніи другого крестьянскаго двора въ той же волости, будутъ указаны мѣста расположенія построекъ и группированія подъ крышами и нѣкоторыя особенности.

На западной сторонѣ описываемаго двора расположены съ противоположной къ улицѣ стороны слѣдующія постройки, тѣсно примыкающія одна къ другой по прямой линіи: „хата“, „сѣни“, „варивня“ и „стайня“ (конюшня); первыя двѣ подъ одною об-

щею крышею, равнымъ образомъ какъ и двѣ остальныя. Входъ въ хату черезъ сѣни, сообщающіяся съ нею внутренними дверьми. Въ хатѣ два окна выходятъ на востокъ, два на югъ. Всѣ окна съ двустворчатыми рамами,—„на двѣ хфортки“ и однихъ размѣровъ: $9^1/_2$ вер. $\times$ 12 в.; ставнями не снабжены, но прикрываются зимою съ внутренней стороны „матами“ изъ соломы.

Хата обшита „обшалевана“ досками въ вертикальномъ положеніи.

Возлѣ хаты въ сторону двора устроена „приизба“ (въ дворѣ деревни „Адамовичи“ „приизба“, какъ было отмѣчено, возведена при варивнѣ).

„Приизба“ устроена для предохраненія хаты отъ проникновенія зимою и осенью холода; другихъ приспособленій для этого не имѣется. Владѣльцы же болѣе вѣтхихъ хатъ и менѣе зажиточные возводятъ возлѣ стѣнъ или стѣны хаты особый заборъ въ родѣ частокола, промежутокъ между которымъ и хатой туго заполняютъ ржаною соломою, зеленью отъ картофеля или кастрикой („застремятъ хату плотомъ и напхаютъ соломой, бульбовникомъ или подмяльемъ).

Въ хатѣ имѣется деревянный полъ. Внутри стѣны оштукатурены „атынкóваны“. Въ послѣднее время нѣкоторые крестьяне штукатурятъ внѣшнія стѣны хаты, вмѣсто обшивки ихъ досками, находя это болѣе дешевымъ.

Въ варивнѣ въ сторону двора продѣланы два „оконца“ безъ рамъ, а подъ крышею отверстіе, называемое „дзюрка“ или „душникъ“. На восточной сторонѣ двора расположены, начиная съ противоположной къ улицѣ стороны: „хлѣвъ“—для коровъ, крытый отдѣльною крышею, „свинарникъ“ и „овчарня“, крытыя общею крышею. Эти постройки тѣсно примыкаютъ другъ къ другу въ одну прямую линію. Затѣмъ оставленъ между овчарнею и слѣдующею постройкою—амбаромъ промежутокъ до $1^1/_2$ арш., называемый „заулокъ,“ служащій отхожимъ мѣстомъ.

Амбаръ—„свиранъ“ слѣдуетъ за заулкомъ въ одну линію съ поименованными постройками; къ нему примыкаетъ „повѣт-

ка“—(навѣсъ) для складыванія дровъ, которая подъ прямымъ угломъ заламывается къ улицѣ въ сѣверную сторону двора. Къ „повѣткѣ“ съ этой стороны тѣсно примыкаетъ конюшня—„стайня“ (вторая). Между этой конюшней и упомянутой выше (расположенной на западной сторонѣ двора), построены досчатыя ворота двустворчатыя „на 2 фортки“ въ $3^1/_2$ арш. вышиною, сверху которыхъ возведена небольшая двускатная крыша—„стрешка на 2 спада“ по 1 арш. шириной; возлѣ воротъ одностворчатая калитка—„дверцы на одну фортку.“ Ворота закладываются со стороны двора „дронгомъ“—запоромъ.

За хатой внутрь двора расположены колодезъ (сту́дня) съ срубомъ, сложеннымъ изъ „площако́въ“—пластинъ, возвышающимся надъ землею на $1^1/_2$ арш. Вода черпается ведромъ при посредствѣ „вала“ съ колесомъ—„ко́ло“. Надъ колодцемъ устроенъ навѣсъ, состоящій изъ четырехъ столбовъ—„шу́льцевъ“, поддерживающихъ четырехскатную (пирамидальную) крышу, сложенную изъ досокъ.

Весь дворъ вымощенъ „вы́брукованъ“. Съ южной стороны отдѣляется отъ „гумнища“ „тыномъ“, и сообщается съ нимъ воротами, (такъ же какъ въ описанномъ дворѣ деревни Адамовичи).

Противъ южной стороны хаты по направленію къ „гумнищу“, захватывая часть его, находится маленькій садикъ—„огородчикъ“ съ фруктовыми деревьями и грядками съ овощами.

Идя въ „гумнище“, съ правой стороны его, расположенъ „то́къ“ (гумно) и „пуня“ (сѣновалъ) подъ отдѣльными крышами. Гумно съ большими двустворчатыми воротами, размѣрами $3^1/_4$ арш. $\times$ 3 арш. 10 вер., вращающимися „на крюкахъ“.

Съ лѣвой стороны „гумнища“ находится вторая „пуня“, къ которой тѣсно примыкаетъ въ прямую линію второе гумно—„то́къ“ подъ отдѣльными крышами. Въ этомъ гумнѣ стоитъ молотилка, приводимая въ движеніе лошадьми при посредствѣ довольно сложной деревянной конструкціи привода, части котораго находятся въ гумнѣ, но главнымъ образомъ въ особомъ навѣсѣ,

называемомъ „манежъ“, примыкающемъ къ гумну подъ прямымъ угломъ и расположеннымъ на южной сторонѣ „гумнища“. Означенная конструкція заключается въ слѣдующемъ.

Посреди „манежа“ укрѣпленъ въ вертикальномъ положеніи вертящійся валъ, нижнимъ концомъ вкопанный въ землю деревянный столбъ съ металлической оправой, а верхнимъ въ толстую балку, о которой рѣчь ниже.

Къ означенному валу придѣлано „кулачное ко́ло“ (зубчатое колесо, съ зубьями сверху и снизу) въ горизонтальномъ положеніи, при посредствѣ 8 косяковъ—„поясовъ“, прибитыхъ подъ угломъ внизу вала и „рамы“, сложенной внутри колеса. На разстояніи арш. отъ земли черезъ валъ продѣта балка, называемая „дронгъ“ или „дышель“, къ которой съ обоихъ концовъ запрягаютъ лошадей, приводящихъ въ движеніе всю систему.

Подъ крышею „манежа“ укрѣплены двѣ поперечныя балки, поверхъ которыхъ—двѣ продольныя, впущенныя въ гнѣзда, вырѣзанныя въ первыхъ (это укрѣпленіе называется — посредствомъ „звязанія“). Продольныя балки поддерживаютъ впущенную въ нихъ толстую балку, къ которой укрѣпленъ упомянутый выше вращающійся валъ.

При посредствѣ шестерни, задѣвающей зубья „кулачнаго кола“ передается двигательная сила молотилкѣ, стоящей въ гумнѣ. Къ послѣдней придѣланъ вращающійся валикъ или катушка—„шпу́ля“, соединяющійся съ моховымъ колесомъ—„па́совое коло“,—придѣланнымъ внутри гумна къ концу вала шестерни,—посредствомъ безконечнаго ремня—„па́са“, Означенный конецъ вала лежитъ и вращается на вертикальномъ бревнѣ—„слу́покъ“, укрѣпленномъ горизонтальною балкою (параллельною стѣнѣ гумна, смежной съ „манежомъ“), одинъ конецъ которой впущенъ въ боковую стѣну гумна, а другой укрѣпленъ на одной изъ продольныхъ балокъ, лежащихъ подъ крышею манежа (о нихъ была рѣчь выше), проходящей изъ послѣдняго внутрь гумна на протяженіи $1^3/_4$ арш. Въ „манежѣ“ въ лѣтнюю пору складываются сельско-хозяйственныя орудія.

Возлѣ манежа расположены ворота, ведущія въ огородъ и поле. Въ разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ задней границы „гумнища“ находится баня—„лáзня“. Послѣдняя состоитъ изъ обыкновеннаго сруба, покрытаго соломенною крышею. Къ банѣ примыкаетъ трехстѣнникъ, образующій предбанникъ „прилазникъ“; въ немъ раздѣваются, осенью же мнутъ ленъ. Входная дверь имѣется въ „прилазникѣ“, соединяющемся съ банею внутренними дверьми. Въ банѣ продѣлано окошечко „оконце“, размѣрами 4 × 5 вер. На лѣво отъ входа въ баню въ углу сложены, въ видѣ свода, большіе камни безъ всякой смазки, поверхъ ихъ набросаны въ большомъ количествѣ мелкіе камни. Это устройство называется печь; въ ней разводится огонь, нагрѣвающій камни, на которые наливается вода для полученія пара. Въ огонь бросаютъ небольшіе камни для накаливанія; ихъ опускаютъ въ воду для согрѣванія ея. Вода вносится въ баню „въ цебрахъ“—ушатахъ. Въ банѣ имѣется потолокъ, въ предбанникѣ же отсутствуетъ. Къ одной стѣнѣ ея укрѣплена широкая полка. Къ стѣнамъ прибиты 2 жерди для подвѣшиванія нижняго бѣлья.

Въ „лазнѣ“ дверь „на крюкахъ“, а въ „прилазникѣ“ на „петнику“.

Мѣстность, въ которой расположена деревня Раевщина не лѣсистая, немного холмистая.

Свѣдѣнія о занятіяхъ крестьянъ этой деревни и о расположеніи въ ней дворовъ тождественны съ тѣми, которыя приведены выше, при описаніи двора деревни Адамовичи.

Остается добавить, что нѣкоторые крестьяне, за отсутствіемъ свободнаго мѣста для храненія сноповъ, возводятъ для этой цѣли особое сооруженіе, называемое „озяро́да“, состоящее изъ двухъ вертикальныхъ столбовъ—„рѣшетни“ съ прорѣзанными отверстіями, черезъ которыя продѣты жерди—„же́рдки“. На послѣднія складываются снопы колосьями внизъ. Процессъ укладыванія называется „озяре́дить“.

П. С.

Ал. Харузинъ.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ

ВЪ

Сѣверо-Западномъ краѣ.

Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижеслѣдующій трудъ имѣетъ цѣлью разсмотрѣніе жилища славянской части населенія Сѣверо-Западнаго края въ общемъ ходѣ его развитія и въ связи съ крестьянскими постройками другихъ мѣстъ Россіи, а равно иныхъ мѣстностей, заселенныхъ славянами. Въ основу труда легли прежде всего личныя наши наблюденія, производившіяся разновременно, но преимущественно въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Эти наблюденія производились нами надъ жилищами бѣлоруссовъ, великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской, а равно въ разныхъ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ, затѣмъ въ Привислянскомъ краѣ, въ Галиціи, Силезіи, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Истріи, Австрійскомъ и Венгерскомъ Приморьяхъ, Хорватіи, Босніи, Герцеговинѣ, Далмаціи и Черногоріи.

Весьма существенную пользу оказалъ намъ рядъ лицъ, любезно взявшихъ на себя трудъ по описанію, согласно особо выработанной нами программѣ, *) построекъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, по снятію плановъ, изготовленію рисунковъ, снятію фотографій. Съ глубокою благодарностью воспользовавшись сотрудничествомъ доброхотныхъ помощниковъ, мы считаемъ своимъ долгомъ переименовать ихъ здѣсь, какъ лицъ причастныхъ къ нашему труду. Лица эти слѣдующія: Ѳ. Бордоновъ—по Могилевской губерніи, священникъ М. Будиловичъ—по Гродненской губерніи, С. П. Бѣлецкій—по Ковенской, Д. Г. Варесъ и А. А. Виноградовъ—по Виленской, И. К. Войтеховичъ—по Витебской, священникъ Д. Губинъ—по Ковенской, А. И. Долгово-Сабурова—по Могилевской, Г. Коляго—по Ковенской, протоіерей І. Корчин-

*) Руководство для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ. Изд. Им. Русск. Географ. Общ. С.-П.-Бургъ, 1902 годъ.

скій—по Гродненской, Г. Кузьменковъ—по Витебской, А. А. Масловъ—по Гродненской, А. И. Миловидовъ—по Виленской и Гродненской, Н. Г. Невѣровичъ—по Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, Н. Я. Никифоровскій—по Витебской, Б. Г. Петкевичъ—по Ковенской, Н. Петровичъ—по Могилевской, К. П. Раудъ—по Витебской, И. М. Рожанецъ—по Минской, П. Н. Сергіевскій—по Виленской, Н. Е. Скалонъ и священникъ Г. Скорковскій—по Гродненской, Л. М. Слезкинъ—по Витебской, священникъ В. Сосновскій и Н. Теодоровичъ—по Гродненской губерніи, и Ф. Н. Ястремскій—по Минской губ.

Изъ переименованныхъ лицъ мы считаемъ своимъ долгомъ особо отмѣтить труды: 1) протоіерея І. Корчинскаго, организовавшаго цѣлую сѣть разслѣдованія крестьянскихъ построекъ въ Гродненской губерніи, благодаря чему у насъ сосредоточились особо обильные матеріалы по названной губерніи. Тщательное изслѣдованіе послѣдней представлялось важнымъ потому, что именно она отличается въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ отношеніи крестьянскихъ построекъ наибольшимъ разнообразіемъ; 2) А. А. Маслова, собравшаго весьма полный матеріалъ по своеобразному во многихъ отношеніяхъ Пружанскому уѣзду, Гродненской губерніи; 3) Н. Г. Невѣровича, доставившаго намъ обильный матеріалъ съ серіею фотографій о постройкахъ шляхетскаго населенія Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губ.; 4) Н. Я. Никифоровскаго, извѣстнаго изслѣдователя быта бѣлоруссовъ, доставившаго въ наше распоряженіе обширную рукопись по постройкамъ Витебской губерніи; рукопись эта столь богата прекрасно обработаннымъ матеріаломъ, что мы сочли своимъ долгомъ помѣстить ее цѣликомъ во второмъ выпускѣ редактируемаго нами „Виленскаго Временника“; 5) П. Н. Сергіевскаго и Н. Е. Скалона, исчерпавшихъ всѣ вопросы нашей программы и доставившихъ намъ детальныя описанія построекъ: первый—изъ Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи, а второй—изъ Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Рукописи двухъ послѣднеозначенныхъ лицъ, благодаря полнотѣ изложенія, рав-

нымъ образомъ помѣщены нами всецѣло въ „Виленскомъ Временникѣ“.

Сверхъ того, мы считаемъ нужнымъ выразить нашу благодарность ряду лицъ, доставившихъ намъ матеріалы, собранные по нашей программѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не обозначивъ, къ сожалѣнію, своихъ фамилій.

Въ видахъ возможно большаго сосредоточенія у насъ матеріала, ради сравненія построекъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ съ постройками остальныхъ мѣстностей Россіи, нами была, частью лично, частью при посредствѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, разослана наша программа цѣлому ряду лицъ. Поступившіе лично къ намъ и въ Общество и намъ переданные отвѣты обогатили наличные наши матеріалы многочисленными новыми данными. Въ доставленіи этимъ путемъ требовавшихся отвѣтовъ приняли участіе слѣдующія лица: М. Анапскій, священникъ М. Виноградовъ, Б. К. Гиндце, священникъ Ѳ. Делекторскій, діаконъ П. Емельяновъ, священникъ А. Ершовъ, профессоръ Н. Ю. Зографъ, Ю. Н. Зографъ, священникъ Ѳ. Казанскій, священникъ А. Кипарисовъ, священникъ В. Колобѣевскій, священникъ Е. Крыловъ, священникъ Н. Лизговъ, священникъ В. Манаковъ, священникъ А. Нечаевъ, протоіерей М. Озеровъ, священникъ А. Орловъ, священникъ С. Павловъ, священникъ А. Смирновъ, священникъ В. Соколовъ, С. В. Соловьевъ, священникъ І. Усовъ, священникъ А. Успенскій, Н. Федоровъ, В. Харузина, Ю. Хорошавинъ, К. Шириковъ, протоіерей І. Щегловъ. Благодаря любезному сотрудничеству этихъ лицъ у насъ сосредоточился матеріалъ изъ разнообразныхъ уѣздовъ слѣдующихъ губерній: Владимірской, Вологодской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Московской, Олонецкой, Тамбовской, Тверской и Тульской.

Не маловажнымъ засимъ подспорьемъ послужили намъ обширныя коллекціи моделей славянскихъ построекъ нѣкоторыхъ музеевъ, а именно: Дашковскаго Этнографическаго въ Москвѣ, Этнографическаго въ Варшавѣ и Національныхъ музеевъ: сло-

винскаго—въ Люблянѣ и хорватскаго—въ Загребѣ, а равно Этнографическаго музея въ Сараевѣ, въ Босніи.

Кромѣ того мы имѣли возможность воспользоваться обширными этнографическими матеріалами, собранными по иниціативѣ и по программѣ покойнаго князя Тенишева. Мы нашли въ этихъ матеріалахъ не мало интересныхъ для насъ данныхъ по постройкамъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Новгородской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской. Матеріалы эти, при собираніи которыхъ имѣлась въ виду цѣль не чисто этнографическая, но и экономическая, въ части, касающейся жилища, не могли быть нами использованы въ желаемой мѣрѣ потому, что все изложеніе текста о постройкахъ въ большинствѣ случаевъ чуждо нашей цѣли—исторіи развитія жилья. Тѣмъ не менѣе данныя по названнымъ губерніямъ, собранныя въ самыхъ разнообразныхъ уѣздахъ, оказали намъ не малое подспорье для извлеченія сравнительнаго матеріала. Лица, принимавшія участіе въ собираніи свѣдѣній по программѣ князя Тенишева, слѣдующія—Г. г. и Г-жи: Антиповъ, А. Баловъ, А. Бобровъ, И. Боголюбовъ, Борисовъ, В. Булгакова, А. Васильевъ, К. Веселовскій, И. Голубевъ, Гребеневъ, И. Григорьевъ, Гриневъ, Добровольскій, Н. Добрынинъ, Жуковъ, Н. Журавлевъ, И. Иванинскій, А. Ивановъ, Е. Ивановъ, Т. Ивановъ, И. Каблуковъ, А. Карповъ, Катоновъ, А. Кашинъ, Кирилловъ, Н. Козловъ, Н. Колосовъ, Ѳ. Костинъ, Краснораменская, Я. Кузнецовъ, Г. Куликовскій, А. Кушнеровъ, Лашмановъ, Лихачевъ, К. Львовскій, Д. Малевинскій, А. Малининъ, А. Матвѣевъ, Миролюбовъ, И. Морозовъ, Муромскій, С. Мушакъ, С. Недешевъ, В. Поповъ, священникъ Птицынъ, П. Пѣшковъ, Рождественскій, А. Сахаровъ, В. Созоновъ, Старовѣровъ, И. Столяровъ, М. Тарховъ, А. Титовъ, Тищенковъ, А. Тріумфовъ, Д. Туберозовъ, А. Фоминъ, Холстовскій, В. Чапурскій, В. Чепуринъ, И. Шадринъ, Л. Швахгеймъ, Д. Шишловъ, И. Щегловъ, П. Яковлевъ и В. Ѳеокритовъ.

Засимъ нашъ матеріалъ былъ пополненъ данными, извлеченными нами изъ посмертнаго матеріала брата нашего Н. Н. Харузина, приступившаго въ послѣдніе года своей жизни къ разработкѣ вопросовъ о славянскомъ и въ частности русскомъ жильѣ. Означенные матеріалы, хотя и несутъ отрывочный характеръ начатаго труда, но, благодаря систиматичности подбора и тщательнаго извлеченія свѣдѣній изъ разнообразныхъ литературныхъ источниковъ, доставили намъ возможность пополнить имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія и наблюденія данными значительной для насъ цѣнности преимущественно въ отношеніе слѣдующихъ губерній: Вологодской, Вятской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Олонецкой, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Харьковской и Херсонской, а равно въ отношеніе древнихъ русскихъ построекъ и жилищъ Болгаріи и Моравіи.

Что касается литературныхъ источниковъ, которыми мы пользовались при изложеніи нижеслѣдующаго текста о жилищахъ, мы считаемъ долгомъ отмѣтить преимущественно слѣдующіе: В. Сусловъ—Памятники древняго русскаго зодчества, С.-П.-Б., 1895—1901 г.г.; Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи, 1880 г.; Б. Ташеръ—Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1676 г. (перев. съ латин. И. Ивакина, М., 1891); Гр. Уваровъ—Матеріалы для археологическаго словаря („Древности“, М. 1869 г.;) Н. Костомаровъ—Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.; Н. Чечулинъ—Русскія деревянныя жилыя постройки въ XVI в. (Зап. И. Русс. Арх. Общ., т. VI, 1893 г.); И. Забѣлинъ—Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII в., 1862 г.; В. Сусловъ—Очерки по исторіи древняго русскаго зодчества, С.-П.-Б., 1889 г.; С. Максимовъ—Бѣлорусская Смоленщина съ сосѣдями („Живописная Россія“); А. Киркоръ—Долина Припети; Пинское полѣсье и полѣшуки („Живописная Россія“); Н. Янчукъ—По Минской губерніи (Труды Этнограф. Отдѣла Им. Об. Люб. Естествоз. Антроп. и Этног., т. IX); П. Шейнъ—Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго

края, т. I—III; Н. Никифоровскій—Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи, Витебскъ, 1895 г.; А. Шарко—Малороссійское жилище (Этнограф. Обоз. кн. XLVII, М. 1901 г.); В. Чураковъ—Экономическое положеніе боровщиковъ Ярославскаго у. (Сборникъ Правовѣдѣнія, III, С.-П.-Б., 1894 г.); А. Ч.—Крестьянскія жилища (Русс. Жизнь, 1892 г., № 142); Л. Весинъ—Жилье великорусскаго крестьянина (Сѣвер. Вѣст., 1892, № 7); Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губ. (Харьков. Сбор., в. 7 и 8); А. Постниковъ—Жилище с. Верх. Талызина Курмышскаго у. Симбирской г. (Изв. Об. Арх. Истор. и Этн. при Казан. Унив., XI, в. 4); В. Бабарыкинъ—Село Васильевское Нижегородскаго у. (Этнограф. Сбор., I, 1853 г.); Сорокинъ—Мѣстечко Дмитровка (изд. Херсонской земской управы); Н. Тиховъ—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища (Изв. Об. Арх. Истор. и Этн. при Казан. Унив., IX, в. 1., 1891 г.); W. Matlakowski.—Budownictwo ludowe na Podhalu (Изд. Краков. Академ. наукъ, 1892); Album valašska, ve prospěch české mateřské školky v Nov. Iičině; Slovensko. Sbornik stati venovanych raji a lidu slovenskému, 1901; Oesterreich—ungarische Monarchie in Wort u. Bild: 1) Kärnten u. Krain, Wien, 1891; 2) Bosnien u. Hercegovina, Wien, 1901; R. Meringer—Das volksthümliche Haus in Bosnien und der Hercegovina (Wien, 1900); П. Ровинскій—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ (С.-П.-Б., 1897); R. Meringer—Studien zur germanischen Volkskunde; das Bauernhaus und dessen Einrichtung (Wien, 1891); Národopisná vystava česko-slovanská v Pràze, 1895; R. Kainde—Haus u. Hof bei den Rusnaken (Globus, 1897); Д. Мариновъ—Градиво за веществената култура на западна България (София, 1901), Z. Wasilewski—Iagodne (Warszawa, 1889), „Wisla“, 1895 t. IX и 1902 t. XVI, P. Uluha—О љубићским селима; антропогеографска проучаваньа (Етнографски зборник српске кральевске академије, кнь V). Всѣ эти труды, содержащіе весьма обширные матеріалы, были въ значительной степени использованы и потому заслуживаютъ особаго

упоминанія. Что касается другихъ литературныхъ источниковъ, зачастую мелкихъ брошюръ, то ссылки на нихъ, въ мѣрѣ надобности, помѣщены нами въ текстѣ труда.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ отмѣтить тѣ словари русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, которыми мы пользовались для пополненія номенклатуры построекъ и ихъ отдѣльныхъ частей, собранной нами при личныхъ обслѣдованіяхъ на мѣстахъ или извлеченной изъ доставленныхъ намъ матеріаловъ и литературныхъ источниковъ. Ниже приводимые словари оказали намъ тѣмъ большее подспорье, что изслѣдователи какъ тѣ, которые доставляли намъ матеріалъ по изданной нами программѣ, такъ особенно тѣ, которые трудились по собиранію свѣдѣній, пользуясь программою князя Тенишева, а равно опубликовавшіе свои изслѣдованія, зачастую либо мало придаютъ значенія мѣстной номенклатурѣ, либо даже совершенно ее игнорируютъ. Исключенія изъ этого совершенно ошибочнаго пріема встрѣчены нами, къ сожалѣнію, весьма рѣдко. Между тѣмъ мѣстная номенклатура жилищъ или вообще построекъ и ихъ отдѣльныхъ частей представляется въ высшей степени важной въ дѣлѣ исторіи развитія жилища. Обращая особое вниманіе на эту номенклатуру, мы въ нижеслѣдующемъ текстѣ *печатаемъ всѣ мѣстныя наименованія, играющія роль терминовъ, курсивнымъ шрифтомъ*, причемъ каждый разъ пользуемся алфавитомъ, употребляемымъ каждой данной народностью.

Возвращаясь къ словарямъ, нами использованнымъ, мы приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ ниже нами размѣщаются наименованія построекъ или частей ихъ по отдѣльнымъ народностямъ или частямъ ихъ. Прежде всего нами приводятся наименованія на мѣстномъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ нарѣчіи, въ большинствѣ случаевъ бѣлорусскомъ, наименованія, зачастую совпадающія съ великорусскими, малорусскими, нерѣдко съ польскими или съ другими славянскими. При этомъ словаремъ, которымъ мы пользовались для пополненія собранной номенклату-

ры, служилъ „Словарь бѣлорусскаго языка“ И. Н. Носовича. Затѣмъ слѣдуютъ въ порядкѣ изложенія наименованія, свойственныя великорусскому и малорусскому нарѣчіямъ. Дополнительный матеріалъ извлекался при этомъ нами изъ словарей: И. И. Срезневскаго—„Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ“; Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона—„Энциклопедическій словарь“; В. Даля—„Толковый словарь живого великорусскаго языка“, изданія второе и третье; Е. Тимченко—„Русско-малороссійскій словарь“. За наименованіями по русскимъ нарѣчіямъ слѣдуютъ наименованія по языкамъ наиболѣе близко стоящихъ къ русскому южно-славянскихъ народностей: болгаръ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ. При номенклатурѣ на этихъ языкахъ пособіями намъ служили слѣдующіе словари: Н. Герова—„Рѣчникъ на блъгарскый языкъ“; П. А. Лаврова—„Русско-сербскій словарь“, Ђ. Поповића—Речник српскога и немачкога језика; „Turcizmi u Bosni“; Л. Мичатека—„Дифференціальный сербско-русскій словарь“; I. Filipović—„Novi rječnik hrvatskoga i njemačkoga jezika“: I—„hrvatsko-njemački dio“, II—„deutsch-kroatischer Theil“; A. Janežič—„slovensko-nemški slovar“. За группою южныхъ славянъ въ нашемъ текстѣ помѣщается номенклатура по языкамъ западныхъ славянъ: поляковъ, чеховъ и словаковъ. Мы пользовались при этомъ, какъ подспорьемъ, слѣдующими словарями: П. П. Дубровскаго—„Полный словарь русскаго и польскаго языка, часть русско-польская“; P. Dubrowskiego—„Dokladny slownik jezyka polskiego i ruskiego, część polsko-ruska“; I. B. Ранка—„Русско-чешскій словарь“; I. Rank—„Česko-ruský slovnik“; I. Iordan—„Vollständiges Taschen-Wörterbuch der böhmischen und deutschen Sprache“, I. Loos—„Slownik slowenskej, madarskej a nemeckej reči: II—deutsch-ungarich-slovakischer Theil, III—diel slowensko-madarsko-nemecky“; Л. А. Мичатека — „Дифференціальный словенско (словацко)-русскій словарь“ и его же: „Карманный русско-словенскій словарь“.

Такъ какъ та цѣль, которую мы преслѣдуемъ въ нашемъ трудѣ, заключается не въ возможно подробномъ описаніи жилища

Сѣверо-Западнаго края и принадлежащихъ къ жилищу хозяйственныхъ построекъ, а въ возможномъ изученіи общаго хода развитія мѣстнаго жилья, какъ жилья славянскаго, то мы весьма часто и не вдаемся въ излишнія, съ нашей точки зрѣнія, детали, предлагая интересующимся этими деталями обратиться къ цитированнымъ нами или инымъ литературнымъ источникамъ. Исходя изъ указанной цѣли—изученія исторіи развитія славянскаго жилья въ томъ проявленіи, которое это жилье получило въ Сѣверо-Западномъ краѣ, мы придаемъ важнѣйшее значеніе схематическимъ планамъ жилищъ: поэтому мы ими широко пользуемся. На ряду съ этимъ мы придаемъ въ подобномъ нашемъ изложеніи важнѣйшее значеніе рисункамъ. Нашъ собственный опытъ убѣдилъ насъ при чтеніи многочисленныхъ литературныхъ источниковъ, описывающихъ наше русское или иное славянское жилье, что наличное описаніе, какъ бы оно детально и систематизировано ни было, разъ оно не снабжено рисунками, не въ состояніи дать точнаго и опредѣленнаго представленія о жильѣ, или вообще постройкѣ, когда они читающему описаніе не извѣстны лично. Съ другой стороны—опытъ обозрѣнія рисунковъ показалъ намъ, что часто простой взглядъ на такой рисунокъ выясняетъ гораздо больше, чѣмъ сложное описаніе. Поэтому мы сочли необходимымъ снабдить нашъ текстъ многочисленными рисунками, воспроизведенными частью съ личныхъ нашихъ фотографій, частью съ фотографій или рисунковъ отъ руки нашихъ любезныхъ сотрудниковъ, частью съ рисунковъ, извлеченныхъ изъ нѣкоторыхъ печатныхъ трудовъ.

Въ литературѣ о бѣлорусскомъ племени уже неоднократно высказывалась мысль, что въ лицѣ этого племени надлежитъ видѣть наиболѣе чисто сохранившійся славянскій типъ. Къ этой мысли дѣйствительно существуетъ не мало данныхъ. Поэтому и жилище бѣлоруссовъ, съ точки зрѣнія хода развитія вообще славянскихъ жилищъ, пріобрѣтаетъ особое значеніе. Кромѣ того интересъ жилища Сѣверо-Западнаго края заключается и въ томъ, что народонаселеніе его живетъ, говоря вообще, въ однородныхъ усло-

віяхъ и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ великорусскаго племени, которое, растянувшись на громадное пространство, живетъ въ настоящее время въ весьма разныхъ условіяхъ климата и экономическаго быта. Съ другой стороны, населеніе Сѣверо-Западнаго края, въ частности бѣлорусское племя, оцѣпленное великоруссами, малоруссами и поляками, проводило жизнь свою въ предѣлахъ славянской среды, не поддаваясь поэтому усиленному воздѣйствію среды иноплеменной. Правда, бѣлоруссы уже издавна тѣсно соприкасались съ чуждою имъ народностью литовцевъ, но ходъ культурно-исторической жизни послѣднихъ былъ таковъ, что скорѣе допустимо воздѣйствіе бѣлоруссовъ на литовцевъ, чѣмъ процессъ обратнаго свойства, который, впрочемъ, совершенно отрицать невозможно.

Наши личныя наблюденія надъ жилищами Россіи и другихъ славянскихъ земель убѣдили насъ, что, не смотря на всю громадность территоріи, которая въ настоящее время занята славянами, жилища ихъ полны общихъ чертъ, выражающихся и въ характерѣ построекъ и въ номенклатурѣ ихъ и ихъ отдѣльныхъ частей. Особенно тѣсно въ этомъ отношеніи связаны съ русскимъ племенемъ: поляки, чехи, словаки, хорваты и отчасти словинцы. Рѣка Сава, отъ истоковъ до своего впаденія въ Дунай, и затѣмъ особенно эта рѣка, игравшая столь важную роль въ исторіи славянскихъ народностей, служатъ и въ ходѣ исторіи развитія жилища извѣстной и существенной гранью, такъ какъ южнѣе предѣловъ этихъ рѣкъ жилище развивалось, повидимому, во многихъ отношеніяхъ своеобразно и во всякомъ случаѣ подвергалось инымъ, чѣмъ въ остальномъ славянскомъ мірѣ, воздѣйствіямъ. Тѣмъ не менѣе, говоря вообще, основа славянскаго жилища повсемѣстно едина и развитіе его, особенно сѣвернѣе Савы и Дуная, шло единообразнымъ порядкомъ.

Поэтому и наличное жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ— безъ различія, кѣмъ оно строится или обитается: бѣлоруссомъ или малоруссомъ или польскимъ или полонизированнымъ шлях-

тичемъ, или, наконецъ, чистокровнымъ полякомъ-мазуромъ Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи, въ правѣ именоваться не иначе, какъ жилищемъ славянскимъ, хотя и далеко не чуждымъ своеобразныхъ, данному мѣсту лишь свойственныхъ, особенностей.

Слѣдуетъ отмѣтить, что, разсматривая жилища славянской части народонаселенія Сѣверо-Западнаго края, мы имѣемъ дѣло главнымъ образомъ съ жилищемъ бѣлоруса. На ряду съ этимъ, однако, мы сталкиваемся въ краѣ съ жилищемъ великорусса, малорусса и поляка. Если малоруссъ занимаетъ, поселившись массами на югѣ Гродненской губерніи, пространство въ одной межѣ, то великоруссъ, а также польскій шляхтичъ разсѣянъ спорадически по всему краю. Въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе представляетъ небольшая часть Витебской губерніи, гдѣ сплошною массою живутъ великоруссы, и малая часть запада Гродненской губерніи, гдѣ поляки-мазуры живутъ сплошными деревнями. Такое совмѣстное жительство бѣлоруссовъ съ великоруссами, малоруссами и поляками не могло не вызывать обоюднаго вліянія на развитіе жилья. При этомъ надо отмѣтить, что великоруссъ, преимущественно старообрядецъ, исключительно колонизаторъ (за исключеніемъ развѣ отмѣченной части Витебской губерніи) бѣлорусской и отчасти литовской территоріи Сѣверо-Западнаго края, тогда какъ полякъ въ лицѣ шляхтича является лишь отчасти колонизаторомъ, такъ какъ многіе изъ шляхтичей совершенно не польскаго, а бѣлорусскаго или литовскаго происхожденія, воспринявшіе подъ вліяніемъ католической церкви и поляка-помѣщика польскій бытъ. Въ общемъ слѣдуетъ отмѣтить, что жилища какъ великоруссовъ, такъ и поляковъ-шляхтичей, нерѣдко носятъ своеобразныя, отличающія отъ бѣлорусскаго жилья особенности, однако сплошь и рядомъ различія между жильемъ бѣлоруса-крестьянина, великорусса-старообрядца и поляка-шляхтича не существуетъ.

При совмѣстномъ долголѣтнемъ жительствѣ, очевидно, происходили весьма существенныя обоюдныя вліянія, благодаря ко-

торымъ стерлись первоначальныя особенности. То же слѣдуетъ сказать и въ отношеніи соприкасающихся съ бѣлоруссами малоруссовъ. Затѣмъ, при разсмотрѣніи славянскаго жилища въ Сѣверо-Западномъ краѣ, возможно допустить мысль о могущемъ имѣть мѣсто нѣкоторомъ вліяніи литовскаго населенія, особенно въ Виленской губерніи, гдѣ бѣлоруссы и литовцы соприкасаются особенно тѣсно и притомъ въ значительныхъ массахъ. Далѣе нельзя отрицать и нѣкотораго вліянія нѣмецкаго жилища, которое сказывается въ Гродненской губерніи, напримѣръ въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ. Допустить же вліяніе еврейскаго населенія представляется труднымъ потому во первыхъ, что евреи являются преимущественно горожанами, а во вторыхъ оттого, что еврейскому населенію, собственно говоря, не свойственно національное жилище. Въ общемъ жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ не лишено извѣстнаго разнообразія, что объясняется значительнымъ пространствомъ всей территоріи края, причемъ отмѣтить слѣдуетъ, что на востокѣ его съ большей ясностью выступаетъ великорусское вліяніе. Не смотря, однако, на указанное разнообразіе, жилище Сѣверо-Западнаго края представляетъ въ сущности на всемъ его протяженіи единый типъ, проявляющійся спорадически въ болѣе развитыхъ и оттого выдѣляющихся изъ общей массы формахъ. Наибольшее количество развитыхъ и притомъ наиболѣе разнообразныхъ формъ жилья можно наблюдать преимущественно въ Гродненской губерніи, которая, соприкасается съ Привислинскимъ краемъ, и съ территоріями, заселенными польской, литовской и малорусской народностями.

I. Вмѣсто введенія.

Изъ статистики населенія Сѣверо-Западнаго края.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію жилища въ Сѣверо-Западномъ краѣ, мы считаемъ полезнымъ остановиться на его населеніи, дабы теоретически уяснить себѣ, съ какими основаніями и вліяніями мы можемъ имѣть дѣло при разсмотрѣніи мѣстныхъ построекъ.

Сѣверо-Западный край, обнимающій шесть губерній: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую—занимаетъ пространство въ 266.978 кв. верстъ или 27.810.208 $^1/_3$ дес. и представляетъ равнину, мѣстами и по настоящее время богатую лѣсомъ. Равнина эта, обхватываемая территоріями, заселенными великоруссами (сѣверъ и сѣверо-востокъ), малоруссами (югъ и юго-востокъ), поляками (западъ) и литовско-латышскимъ племенемъ (западъ и сѣверо-западъ), представляетъ въ этническомъ отношеніи значительное разнообразіе. Разнообразіе это заключается не только въ томъ, что въ предѣлахъ края живутъ разныя народности, но и въ томъ, что отдѣльныя части его разноствуютъ другъ отъ друга въ отношеніи состава населенія.

Общее число душъ обоего пола, заселяющихъ Сѣверо-Западный край, по даннымъ переписи 1897 г. *) составляетъ 10.062.811. Изъ этого числа главная масса, а именно 6.391.186 душъ или 63,5% приходится на долю русскаго племени. Въ

*) Понятно, что тамъ, гдѣ вопросъ подымается объ опредѣленіи говора великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго. мы не можемъ требовать отъ данныхъ переписи достаточно точныхъ свѣдѣній. Существуютъ, напримѣръ, вѣскія основанія предполагать, что при собираніи матеріаловъ о говорахъ въ Минской губ. число говорящихъ по малорусски значительно сокращено. Сознавая эту слабую сторону данныхъ переписи, мы тѣмъ не менѣе, по сравненію съ другими источниками, должны отдать имъ преимущество, вслѣдствіе ихъ полноты.

частности 5.446.218 душъ или 54% приходится на бѣлоруссовъ, 565.793 д. (5,6%) на великоруссовъ и 379.175 д. (3,8%) на малоруссовъ. Второе послѣ русскихъ мѣсто по численности принадлежитъ евреямъ, общая масса которыхъ составляетъ 1.414.157 д. или 14,1%. За евреями слѣдуетъ литовско-жмудское племя съ 1.309.843 д. или 13%. Сверхъ этихъ народностей въ Сѣверо-Западномъ краѣ имѣется весьма значительное число: поляковъ—563.854 д. (5,6%) и латышей 308.860 д. (3,1%). Кромѣ того въ краѣ обитаютъ въ сравнительно немаломъ количествѣ: нѣмцы—49.073 д. (0,5%) и татары, преимущественно такъ называемые литовскіе—11.024 д. (0,1%). Наконецъ, отмѣтить слѣдуетъ, что изъ общаго населенія 14.814 душъ или 0,2% принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ народностямъ; это показываетъ, что и Сѣверо-Западный край отражаетъ на себѣ все то племенное разнообразіе, которое свойственно Россіи, взятой во всемъ ея громадномъ объемѣ.

Приведенныя данныя основаны на показаніяхъ о разговорномъ языкѣ и требуютъ нѣкотораго дополненія, такъ какъ недостаточно точно выясняютъ этническій составъ мѣстнаго народонаселенія. Такъ въ отношеніи евреевъ слѣдуетъ отмѣтить, что ихъ въ дѣйствительности нѣсколько больше, чѣмъ то показываютъ данныя языка, а именно: на основаніи числа лицъ, исповѣдующихъ іудейскую вѣру, общее число евреевъ слѣдуетъ считать не въ 1.414.157 душъ, а 1.422.431 д. или 14,13%. *) Какъ евреи, такъ и татары не всѣ пользуются родною рѣчью и у нихъ, какъ и у послѣднихъ, рѣчь не всегда опредѣляетъ народность. Такъ магометанскую вѣру исповѣдуютъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ не 11.024 (говорящихъ по-татарски), а 15.490 д. или 0,15%.

По условіямъ жизни и быта въ Сѣверо-Западномъ краѣ далеко не безъинтереснымъ представляется отмѣтить раздѣленіе народонаселенія по главнымъ вѣроисповѣданіямъ. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ православію, которое исповѣдуется 5.167.181 д. или 51,3%, второе —католичеству, къ которому

*) Къ сожалѣнію въ данныхъ переписи не выдѣлены караимы.

себя причисляетъ 3.128.098 душъ или 31,1%. Кромѣ того въ краѣ имѣется не малое число: старообрядцевъ—181.348 д. (1,8%) и протестантовъ—145.900 д. (1,4%).

Приведенныя статистическія данныя, передающія общій этническій составъ населенія Сѣверо-Западнаго края, не характеризуютъ ту его часть, именно сельское населеніе, расчлененіе котораго по народностямъ особенно интересно для нашей спеціальной задачи. Между тѣмъ жизнь края исторически сложилась такимъ порядкомъ, что горожане въ значительной степени иного этническаго состава, чѣмъ сельчане. Общее число послѣднихъ составляетъ 8.879.018 душъ. Изъ нихъ 6.030.630 д. или 67,9% приходится на *русскую* народность. Эта народность по своему языку въ главной своей массѣ принадлежитъ къ бѣлоруссамъ, которыхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ края числится 5.306.851 д. или 59,8%. По сравненію съ бѣлоруссами, великоруссы и малоруссы составляютъ незначительное количество, а именно: первыхъ 354.644 д. (4,0%), а вторыхъ 369.135 д. (4,2%). *Малоруссы* почти всецѣло обитаютъ югъ Гродненской губерніи; въ послѣдней ихъ 356.601 д., составляющіе 26,4% общаго числа населенія данной губерніи. Затѣмъ нѣкоторое число малороссовъ имѣется на югѣ Минской губерніи, гдѣ ихъ, впрочемъ, не болѣе 8,000 д. Что касается остальныхъ губерній, то малоруссы составляютъ въ нихъ совершенно незначительную примѣсь, причемъ лишь Могилевская губернія выдѣляется 2.402 малоруссами. Что касается *великоруссовъ*, то они распредѣлены по отдѣльнымъ губерніямъ края значительно болѣе равномѣрно, чѣмъ малоруссы. Довольно большимъ числомъ великоруссовъ выдѣляется Витебская губернія, въ которой ихъ свыше 150.000 д. (11,8%); въ остальныхъ же губерніяхъ ихъ отъ 36 до 46 тыс. д. (отъ 2 до 3,3%). При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что болѣе половины всѣхъ великоруссовъ принадлежитъ къ старообрядчеству. Если не считать Витебской губерніи, великоруссы въ Сѣверо-Западномъ краѣ разсѣяны въ большинствѣ случаевъ спорадически, образуя тутъ и тамъ большей или меньшей величины поселки.

Въ отношеніи *бѣлоруссовъ* слѣдуетъ замѣтить, что они повсемѣстно, за исключеніемъ Ковенской губерніи, составляютъ основную массу сельскаго населенія: ихъ число нигдѣ не падаетъ ниже 50%. Меньше всего ихъ въ Гродненской губ. (50,6%), а больше всего въ Могилевской губ. (87,4%). Бѣлорусское племя считается весьма древнимъ населеніемъ Сѣверо-Западнаго края, образовавшимся преимущественно отъ дреговичей, радимичей и кривичей. Въ теченіи своей долговѣковой жизни бѣлоруссы сталкивались съ разными племенами, впитывая въ себя латышско-литовскіе, польскіе, велико-и малорусскіе элементы. Съ другой стороны шелъ и обратный процессъ, т. е. часть бѣлорусскаго элемента шла на пополненіе названныхъ племенъ. Сами бѣлоруссы не остались чуждыми постороннимъ вліяніямъ, отразившимся на ихъ языкѣ. Это вліяніе сказалось главнымъ образомъ на востокѣ, гдѣ въ рѣчи бѣлоруссовъ сказывается великорусское воздѣйствіе, и на крайнемъ западѣ (западъ и сѣверо-западъ Гродненской губ.), гдѣ встрѣчаются сильные полонизмы. *) Вообще, бѣлоруссовъ, съ точки зрѣнія ихъ языка, слѣдуетъ, повидимому, считать ближе къ великоруссамъ, чѣмъ къ малоруссамъ. Новѣйшій изслѣдователь бѣлорусскаго языка Е. Ѳ. Карскій **) представляетъ соотношеніе частей русскаго языка въ слѣдующемъ видѣ: русскій языкъ, говоритъ онъ, распался на два нарѣчія—великорусское и малорусское; затѣмъ великорусское нарѣчіе раздѣлилось на говоры: сѣверо-великорусскій, бѣлорусскій и южновеликорусскій; бѣлорусскій говоръ впослѣдствіи подвергся сильному перекрестному вліянію малорусскаго нарѣчія и польскаго языка.

Если соединить всѣ три вѣтви русской народности въ одно цѣлое, то въ отношеніи внѣгородской территоріи Сѣверо-Западнаго края мы получимъ слѣдующую картину. Въ Ковенской

*) Е. О. Карскій, Бѣлоруссы, т. I, Введеніе въ изученіе языка и народной словесности, Варшава, 1903 г. (Трудъ этотъ вошелъ въ I вып. „Виленскаго Временника“).

**) Е. Ѳ. Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Москва 1886 г.

губерніи русскій элементъ крайне незначителенъ; онъ состоитъ лишь изъ 84.000 душъ (6%), ютящихся главнымъ образомъ на востокѣ губерніи, въ Новоалександровскомъ уѣздѣ; въ Виленской губерніи русскіе составляютъ внѣ городовъ 66%, въ Гродненской и Витебской губерніяхъ отъ 70 до 80% и въ Минской и Могилевской отъ 80 до 90%.

Второе послѣ русскихъ мѣсто въ сельскихъ мѣстностяхъ занимаетъ *литовско-жмудское* племя, состоящее изъ 1.288.942 душъ, составляющихъ 14,5% всего сельскаго населенія. Племя это распредѣлено крайне неравномѣрно въ отдѣльныхъ губерніяхъ края. Основная масса литовцевъ и жмудяковъ живетъ въ Ковенской губерніи, гдѣ ихъ свыше милліона или 71,6%. Затѣмъ не мало литовцевъ въ Виленской губерніи: 276.188 душъ (20%). Здѣсь они живутъ то сплошными массами, то смѣшанно съ бѣлоруссами. Говоря вообще, въ Виленской губерніи они распредѣляются такъ: ихъ свыше 50% въ Свенцянскомъ уѣздѣ, большей части Трокскаго уѣзда, на востокѣ Виленскаго и кое гдѣ въ южной трети Ошмянскаго уѣзда; затѣмъ, менѣе 50% литовцы составляютъ на западѣ Дисненскаго, на югѣ Свенцянскаго, на сѣверѣ Лидскаго и въ южной трети Ошмянскаго уѣздовъ. Далѣе нѣкоторое число литовцевъ обитаетъ Гродненскую губернію (преимущественно ея сѣверо-западный уголъ), гдѣ они составляютъ менѣе 0,3%; приблизительно въ такомъ же отношеніи къ общему числу населенія стоятъ литовцы и въ Могилевской губерніи; въ остальныхъ губерніяхъ количество ихъ ничтожно.

Слѣдующее за литовцами мѣсто въ сельскихъ мѣстностяхъ занимаютъ *евреи*, общій процентъ которыхъ гораздо меньше процента, который они составляютъ въ городахъ; а именно: тогда какъ въ городахъ евреи образуютъ отъ 44 до 80% и больше— въ внѣгородскихъ мѣстностяхъ общій процентъ значительно колеблется: то падая, какъ, напримѣръ, въ Витебской губ., до 5%, то повышаясь, напримѣръ, въ Минской губерніи до 11%.

Почти не занимаясь земледѣліемъ, евреи сосредоточиваются преимущественно въ болѣе крупныхъ мѣстечкахъ, гдѣ они составляютъ торгово-промышленный и ремесленный классы.

Сравнительно большой процентъ населенія, живущаго внѣ городовъ, составляютъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ *поляки*. Общее число ихъ 412.785 душъ или 4,6%. Преобладая преимущественно въ западной половинѣ края, поляки живутъ въ значительно меньшемъ числѣ въ восточной его половинѣ. Болѣе всего поляковъ въ Гродненской губерніи (9,5%); затѣмъ слѣдуютъ Ковенская (7,9%), Виленская (5,5%); въ Витебской и Минской губерніяхъ поляки составляютъ не болѣе 2,5% общаго сельскаго населенія, а въ Могилевской ихъ всего только 0,9%. Польское сельское населеніе состоитъ частью изъ помѣщиковъ и лицъ, находящихся у нихъ въ услуженіи, частью же изъ многочисленнаго класса такъ называемыхъ шляхтичей; наконецъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, имѣются крестьянскія поселенія мазуровъ. Польская шляхта—мелкопомѣстные, нерѣдко ведущіе крестьяноподобный образъ жизни, дворяне и мѣщане. Частью польскаго, частью бѣлорусскаго и литовскаго происхожденія—шляхтичи усвоили себѣ въ домашнемъ быту, если онъ по бѣдности не крестьянскій, польскій образъ жизни. Составляя отчасти привиллегированный классъ, шляхтичи живутъ то деревеньками, то хуторами на всемъ пространствѣ Сѣверо-Западнаго края. Когда-то оплотъ польскаго владычества—шляхтичи и понынѣ являются убѣжденными проводниками и польской рѣчи и католическаго вѣроисповѣданія. Въ виду нѣкотораго ограниченія въ отношеніи пріобрѣтенія земли часть шляхтичей, бѣднѣя, приписывалась къ мѣщанству и крестьянству; въ настоящее время зачастую шляхтичи не отличаются отъ крестьянъ-бѣлоруссовъ. У тѣхъ шляхтичей, у которыхъ имѣется благосостояніе, бытъ въ значительной степени разнится отъ быта коренного крестьянина.

Изъ остальныхъ народностей слѣдуетъ еще отмѣтить *латышей*, составляющихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ 303.478 душъ

или 3,4%. Эта народность почти совершенно отсутствуетъ въ Виленской и Гродненской губерніяхъ; незначительно она представлена и въ Минской и Могилевской губерніяхъ (0,1 и 0,4%); за то въ Ковенской губерніи латыши составляютъ 2,4% общаго числа сельскаго населенія, а въ Витебской они занимаютъ значительное пространство, составляя 260.776 душъ (20,5%).

Что касается *нѣмцевъ*, то они (всѣхъ ихъ 31.087 душъ или 0,4%) разселены по всему краю, хотя и въ незначительномъ числѣ. Всего больше ихъ въ Ковенской губерніи—17.141 душа (1,2%); сравнительно немалое количество ихъ находится и въ Гродненской губерніи—5.554 души или 0,4%, преимущественно на западѣ; въ остальныхъ губерніяхъ процентъ ихъ колеблется между 0,1 и 0,2%.

Наконецъ въ отношеніи *татаръ* слѣдуетъ отмѣтить, что ихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ края всего 7.676 душъ (0,1%), причемъ болѣе половины ихъ не пользуется родною рѣчью. Главная ихъ масса живетъ въ Виленской губерніи (3.228 д.); затѣмъ сравнительно не мало ихъ въ Минской губерніи (2.228 д.). Въ остальныхъ губерніяхъ число ихъ ничтожно.

Если остановиться на этническомъ составѣ сельскаго населенія каждой губерніи, то ихъ можно характеризовать въ слѣдующихъ чертахъ. Въ *Виленской* губерніи двѣ трети русскихъ и, въ частности, бѣлоруссовъ; великоруссовъ здѣсь не болѣе 3%, а малоруссы почти совершенно отсутствуютъ. Затѣмъ въ губерніи значительное количество (20%) литовцевъ, 8,5% евреевъ, 5,5% поляковъ. Центръ губерніи, а равно востокъ и юго-западъ можно считать бѣлорусскими, западъ же, сѣверо-западъ и юго-востокъ—литовскими. *Ковенская* губернія почти сплошь литовско-жмудская; русскихъ, преимущественно великоруссовъ, только 6%. Евреевъ здѣсь больше, чѣмъ въ предыдущей губерніи (10,7%); больше здѣсь и поляковъ (7,9%); имѣется нѣкоторое количество латышей (2,4%) и нѣмцевъ (1,2%). *Гродненская* губернія состоитъ на 80% изъ русскихъ, причемъ свыше 50%

бѣлоруссовъ и свыше 26% малоруссовъ, обитающіе югъ губерніи; евреевъ 9,8%, поляковъ 9,6%. *Витебская* губернія на 72% русская, причемъ малорусскій элементъ почти совершенно отсутствуетъ; великоруссы составляютъ 12%, остальная русская масса состоитъ изъ бѣлоруссовъ (60%). Засимъ въ названной губерніи немало латышей, которыхъ въ общемъ количествѣ свыше 260.000, составляющихъ 20,5%. Евреевъ въ этой губерніи лишь 5%, а поляковъ 3%. Въ большей степени, чѣмъ Витебская, русской губерніей является *Минская*, въ которой русское племя составляетъ свыше 86%; при этомъ вся эта масса почти всецѣло принадлежитъ къ бѣлорусской народности, тогда какъ великоруссовъ только 2%, а малоруссовъ менѣе 0,5%. Поляковъ въ Минской губерніи приблизительно столько же, сколько и въ Витебской (2,5%). Евреи по количеству своему (11%) значительно выдѣляютъ Минскую губернію изъ всѣхъ остальныхъ губерній Сѣверо-Западнаго края. Что касается, наконецъ, *Могилевской* губерніи, то она изъ всѣхъ губерній наиболѣе русская, а именно русское племя составляетъ свыше 90%. И здѣсь, какъ и въ другихъ губерніяхъ, главная масса (87%) состоитъ изъ бѣлоруссовъ при незначительномъ количествѣ великоруссовъ (2,5%) и ничтожномъ числѣ малоруссовъ (0,2%). Изъ остальныхъ народностей болѣе всего выдѣляются евреи (8%); поляки не составляютъ и одного процента (0,9%).

I. Шесть губерній.

А.) По языку:	Въ уѣздахъ и городахъ.		Въ уѣздахъ безъ городовъ.	
Великоруссы. . . .	565.793	5,6	354.644	3,9
Бѣлоруссы.	5.446.218	54,1	5.306.851	59,8
Малоруссы	379.175	3,8	369.135	4,2
Всего русскихъ . . .	6.391.186	63,5	6.030.630	67,9
Поляки	563.854	5,6	412.785	4,6
Литовск.-жмуд. яз. . .	1.309.843	13,0	1.288.942	14,5
Латыши	308.860	3,1	303.478	3,4
Нѣмцы	49.073	0,5	31.087	0,6
Евреи	1.414.157	14,1	798.466	9,0
Татары	11.024	0,1	3.740	0,0
Прочіе языки . . .	14.814	0,1	9.890	0,1
Итого . .	10.062.811	—	8.879.018	—

Б.) По вѣроисповѣданію:

Православные . . .	5.167.181	51,4	4.863.863	54,8
Старообрядцы . . .	181.348	1,8	166.269	1,9
Р.-католики	3.128.098	31,1	2.914.856	32,8
Протестанты	145.900	1,4	125.493	1,4
Іудеи	1.422.431	14,1	799.604	9,0
Магометане	15.490	0,2	7.676	0,1
Проч. исповѣдан. . .	2.363	0,0	1.257	0,0

II. Виленская, Ковенская и Гродненская губерніи.

А.) По языку:	Въ уѣздахъ безъ городовъ.					
	Виленская.		Ковенская.		Гродненская.	
Великоруссы.	42.445	3,1	46.750	3,4	36.018	2,7
Бѣлоруссы .	876.846	62,9	36.039	2,6	682.049	50,6
Малоруссы .	249	0,0	1.299	0,1	356.601	26,4
Всего русск.	919.540	66,0	84.088	6,0	1.074.668	79,7
Поляки . .	77.274	5,5	111.334	7,9	129.500	9,5
Лит.-жмуд. яз.	276.188	19,9	1.003.336	71,6	3.428	0,3
Латыши . .	216	0,0	33.982	2,4	348	0,0
Нѣмцы . .	1.623	0,1	17.141	1,2	5.559	0,4
Евреи . .	117.124	8,4	150.334	10,7	131.635	9,8
Татары . .	746	0,1	317	0,0	684	0,1
Проч. языки	489	0,0	888	0,1	2.996	0,2
Итого. . .	1.393.200	—	1.401.420	—	1.348.818	—
Б.) По вѣроисповѣданію:						
Православные	378.727	27,2	21.416	1,5	865.602	64,2
Старообрядцы	23.391	1,7	30.386	2,2	317	0,0
Р.-католики .	868.549	62,3	1.133.465	80,9	341.138	25,3
Протестанты.	1.819	0,1	64.515	4,6	7.923	0,6
Іудеи . . .	117.371	8,4	150.471	10,7	132.019	9,8
Магометане .	3.228	0,2	413	0,0	1.731	0,1
Проч. исповѣд.	115	0,1	754	0,1	88	0,0

III. Витебская, Могилевская и Минская губерніи.

А.) По языку:	Въ уѣздахъ безъ городовъ.					
	Витебская.		Могилевская.		Минская.	
Великоруссы.	150.214	11,7	38.988	2,5	40.229	2,1
Бѣлоруссы .	759.861	59,8	1.345.630	87,4	1.606.426	83,6
Малоруссы .	74	0,0	2.402	0,2	8.510	0,4
Всего русск.	910.149	71,5	1.387.020	90,1	1.655.165	86,1
Поляки . .	32.744	2,6	13.440	0,9	48.493	2,5
Лит.-жмуд. яз.	1.969	0,2	3.489	0,2	532	0,0
Латыши . .	260.776	20,5	6.651	0,4	1.505	0,1
Нѣмцы . .	2.970	0,2	1.148	0,1	2.646	0,1
Евреи . .	61.760	4,8	126.425	8,2	211.188	11,0
Татары . .	64	0,0	5	0,0	1.924	0,1
Прочіе языки	2.895	0,2	1.399	0,1	1.223	0,1
ИТОГО . .	1.273.327	—	1.539.577	—	1.922.676	—
Б). По вѣроисповѣданію:						
Православные	761.716	59,8	1.341.748	87,2	1.494.654	77,8
Старообрядцы	75.699	5,9	21.388	1,4	15.088	0,8
Р.-католики .	332.805	26,2	43.766	2,9	195.133	10,1
Протестанты.	41.068	3,2	6.085	0,3	4.083	0,2
Іудеи . . .	61.792	4,9	126.553	8,2	211.398	11,0
Магометане .	69	0,0	7	0,0	2.228	0,1
Проч. исповѣд.	178	0,0	30	0,0	92	0,0

II. Постройки.

А. Жилой домъ.

Жилой домъ—важнѣйшая собственность крестьянина. Нѣтъ своего жилого дома—нѣтъ и своихъ хозяйственныхъ построекъ, нѣтъ и настоящаго хозяйства. Поэтому естественно, что всякій крестьянинъ Сѣверо-Западнаго края, если онъ не порвалъ окончательно связи съ землею, стремится обзавестись своимъ домомъ. Домъ даетъ ему надежный пріютъ; онъ оберегаетъ отъ невзгодъ; онъ даритъ крестьянину тотъ міръ, который можетъ почитаться своимъ, доступнымъ постороннимъ воздѣйствіямъ лишь постолько, посколько того пожелаетъ самъ хозяинъ. Эти неотъемлемыя свойства жилого дома окружаютъ его въ крестьянской средѣ любовью. Эти же свойства, характеръ, весь смыслъ жилого дома окружаютъ его глубокимъ уваженіемъ. Оно выражается въ рядѣ пословицъ, поговорокъ, повѣрій. Сама закладка дома обставлена нѣкоторой торжественностью, таинственностью и не чужда суевѣрій и предразсудковъ. Сооружая жилой домъ, крестянинъ болѣе, чѣмъ при чемъ либо иномъ, сознаетъ, что надъ нимъ господствуетъ сила, во власти которой находится все его благополучіе: его благосостояніе, жизнь. Сила эта требуетъ жертвъ, заклинаній. Напримѣръ, въ Волковыскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, подъ наружные углы строющагося дома закладываются монеты; въ Минскомъ уѣздѣ закладываніе монетъ производится *„у правомъ краю“*, т. е. въ красномъ углу; вмѣстѣ съ монетами закладывается кусокъ хлѣба, а у болѣе богатыхъ бутылочка съ *„живнымъ сиребромъ“*, т. е. съ ртутью; при этомъ закладка производится съ нѣкоторою торжественностью—въ присутствіи гостей, вечеромъ перваго дня постройки. Интересно отмѣтить, что указанный и ему подобные обряды предшествуютъ церковному освященію, къ которому прибѣгаютъ не ранѣе, какъ по изготовленіи жилого дома.

Это обстоятельство позволяетъ, казалось бы, предполагать, что существующіе въ настоящее время обряды относятся къ глубокой старинѣ, предшествовавшей эпохамъ не только введенія христіанства, но, очевидно, и типу современнаго жилья, съ которымъ характеръ обряда совершенно не связанъ. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, Минской губерніи, передъ постройкой дома совѣщаются съ гадальщицей, опредѣляющей удобное для постройки время. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ названной губерніи, напримѣръ, въ Минскомъ уѣздѣ, при укладкѣ перваго вѣнца въ зарубкѣ между бревнами кладутъ травы, собранныя наканунѣ Ивана Купалы и освященныя въ этотъ день. Послѣ сбивки вѣнца хозяйка дома вноситъ столъ и ставитъ его въ середину вѣнца; на столѣ разставляется закуска, къ которой приглашаются работники. Священникъ призывается уже послѣ окончанія постройки, когда снова устраивается пирушка. Въ Витебскомъ уѣздѣ священникъ нерѣдко приглашается весьма поздно, иногда по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ по окончаніи постройки. Здѣсь христіанская часть торжества при сооруженіи дома нерѣдко ограничивается болѣе или менѣе торжественнымъ перенесеніемъ образа, вносимаго одновременно съ обѣденнымъ столомъ съ краюхою хлѣба. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ того же уѣзда не переходятъ въ новый домъ, пока не пустятъ въ него на ночь пѣтуха. Въ Минской губерніи пѣтухъ помѣщается въ красномъ углу; съ этимъ обычаемъ соединяется надежда на богатство, довольство и веселіе дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи все сооруженіе дома начинается съ краснаго угла, какъ важнѣйшей, такъ сказать, основной части жилья. При этомъ плотникъ, рубя первыя два бревна, кого нибудь (изъ людей или животныхъ) заклинаетъ; заклятый не можетъ послѣ этого жить. Во всѣхъ указанныхъ и многочисленныхъ, имъ подобныхъ, обычаяхъ и обрядахъ нельзя не видѣть остатковъ жертвоприношеній. Изъ нихъ наиболѣе интересны тѣ, которые, казалось бы, указываютъ на сохранившіеся пережитки жертвоприношеній человѣческихъ; именно въ этомъ смыслѣ, очевидно, слѣдуетъ понимать заклинаніе людей, будь то

членъ семьи, хозяинъ строющагося дома или лица постороннія. Интересно отмѣтить, что заклинаніе охотно направляется на рыжихъ, т. е. на лицъ не любимыхъ, вызывающихъ извѣстное подозрѣніе. Приспособливаясь къ новымъ требованіямъ жизни, строитель нерѣдко переноситъ заклинанія съ людей на животныхъ, и изъ нихъ на тѣхъ, которыя не только не нужны въ хозяйствѣ, но даже вредны или по крайней мѣрѣ непріятны, напр., на мышей, таракановъ и т. п.

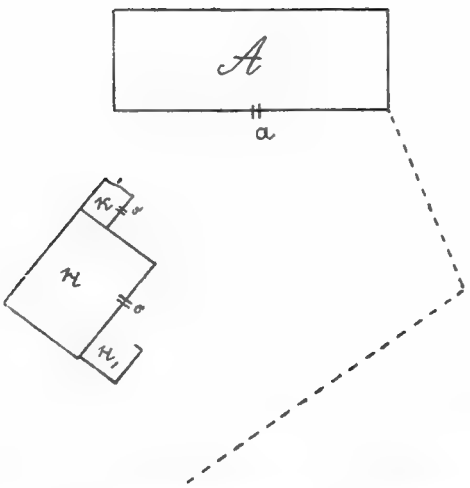
Какъ среди обычаевъ и обрядовъ, связанныхъ съ закладкою и вообще съ сооруженіемъ дома, сплелись понятія глухой старины съ новѣйшими понятіями, требующими церковное освященіе новаго жилья, такъ и въ формахъ этого сооруженія сочеталась старина съ новизной.

I. Матеріалъ. Матеріалъ, служащій для сооруженія жилого дома, какъ, впрочемъ, и всѣхъ крестьянскихъ построекъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ—это дерево. Матеріалъ этотъ исконній, хотя вѣроятно и не первоначальный, такъ какъ ему, какъ можно допустить, предшествовалъ другой—глина, земля, хворостъ. Эти метеріалы могли играть роль и активную и пассивную. Въ первомъ случаѣ изъ глины могло сооружаться жилье надземное, а во второмъ—жилье представляло изъ себя врытую въ почву землянку. Если допустить, что современнымъ формамъ жилья, которыя мы наблюдаемъ въ настоящее время въ Сѣверо-Западномъ краѣ, предшествовали подземныя или надземныя землянки, то и въ этомъ случаѣ, казалось бы, невозможно отрицать пользованія деревомъ, хотя бы и въ видѣ сучьевъ, жердей, шестовъ и т. п. образовавшихъ шалашъ. Осязательныхъ доказательствъ наличности, въ отдаленное время, землянки, какъ формы жилья, мы въ настоящее время въ Сѣверо-Западномъ краѣ не имѣемъ. Мы можемъ лишь теоретически допустить, что современныя деревянныя постройки, требующія сравнительно высокихъ техническихъ знаній, нуждались въ долгомъ времени для своего развитія и что это развитіе шло, по примѣру многихъ другихъ мѣстъ, параллельно съ

поднятіемъ жилья изъ подъ земли на ея поверхность. Можно вмѣстѣ съ тѣмъ думать, что исконній обитатель Сѣверо-Западнаго края, обильнаго, говоря вообще, и по настоящее время лѣсомъ, долженъ былъ, еще на зарѣ своей культурной жизни, научиться пользоваться лѣсомъ, какъ матеріаломъ строительнымъ. Этотъ матеріалъ является въ настоящее время почти единственнымъ въ постройкахъ Сѣверо-Западнаго края. Въ немъ не знаютъ землянокъ ни находящихся въ почвѣ, ни возвышающихся надъ ней; край не знаетъ и каменныхъ построекъ и дома изъ каменнаго матеріала, если они кое гдѣ встрѣчаются спорадически, то должны разсматриваться, какъ рѣдкое исключеніе. *) Однако, придерживаясь при сооруженіи жилья и другихъ построекъ стародавняго матеріала, мѣстный крестьянинъ не чуждается и камня, пользуясь имъ, впрочемъ, какъ матеріаломъ подспорнымъ для установки зданія и приданія ему большей прочности. Въ вопросѣ о степени развитія построекъ матеріалъ, которымъ пользуется строитель, самъ по себѣ можетъ и не имѣть никакого значенія. Естественно, что крестьянинъ пользуется тѣмъ матеріаломъ, который даритъ ему окружающая его природа. Мы знаемъ, что въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ, напримѣръ—степяхъ, мѣстный житель зачастую располагаетъ лишь глиной для сооруженія своихъ построекъ. Тѣмъ не менѣе послѣднія могутъ нести на себѣ достаточныя особенности для признанія, что жилье не стоитъ на низкой степени развитія. Правда, глина, какъ таковая, въ сооруженіи зданій ставитъ извѣстный предѣлъ, не позволяя развивать постройки до степени обширныхъ и высокихъ зданій, но, составляя матеріалъ для выдѣлки

*) По произведеннымъ въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія наблюденіямъ въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края надъ 890.102 крестьянскими постройками оказалось, что изъ нихъ лишь 166 каменныхъ и 412 глиняныхъ (Ст. поземел. собств. и населен. мѣстъ Евр. Россіи, V). Въ настоящее время каменныхъ крестьянскихъ домовъ едва ли на много больше. Что касается глиняныхъ построекъ, въ отношеніе практичности которыхъ мѣстное крестьянство неоднократно убѣждалось наставленіями, надо отмѣтить, что опыты введенія въ пользованіе подобнаго рода домовъ давали отрицательные результаты (А. Ч.—Крестьянскія жилища. Русс. Жизнь, 1892 г., № 142). Причины неудачъ надо, повидимому, видѣть въ климатическихъ свойствахъ края, изобилующаго осадками, неблагопріятно отзывающимися на столь непрочномъ матеріалѣ, какъ глина.

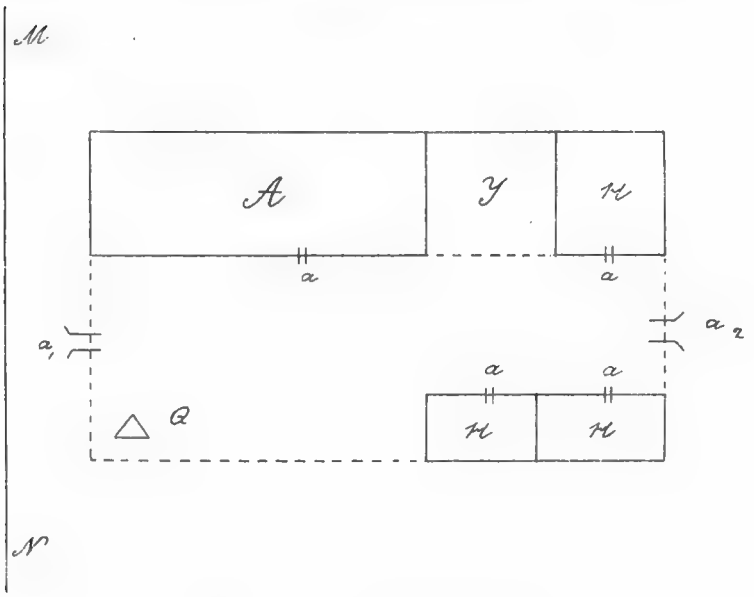
кирпича, въ большей или меньшей степени усовершенствованнаго, она можетъ содѣйствовать, почти безъ помощи дерева и во всякомъ случаѣ безъ помощи камня, жизнеспособности даннаго характера зданій. Матеріалъ деревянный, столь обычный въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, самъ по себѣ еще не знаменуетъ низкой степени развитія жилья и построекъ вообще. Такъ, напримѣръ, въ Олонецкой, Вологодской и Новгородской губерніяхъ изъ деревяннаго матеріала сооружаются весьма сложныя двухъэтажныя избы (см. напр. рис. 179 и 180). Да и древнерусское зодчество, породившее своеобразный стиль, вылившійся въ весьма сложныя деревянныя сооруженія, въ свою очередь, показываетъ, что дерево, какъ матеріалъ, не парализуетъ прогресса въ постройкахъ. Примѣромъ развитого деревяннаго жилья можетъ служить изображенная на рис. 106 богатая изба Тверской губерніи. Съ другой стороны каменный, этотъ наиболѣе прочный, матеріалъ, при пользованіи имъ для строеній, самъ по себѣ еще не знаменуетъ прогресса. Онъ указываетъ лишь, какъ и матеріалъ глиняный и деревянный, на характеръ мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Черногоріи и Герцеговинѣ, въ этихъ мѣстностяхъ, почти совершенно лишенныхъ древесной растительности, жилье состоитъ почти исключительно изъ камня, а между тѣмъ жилье это должно быть признано, по своей первобытности, стоящимъ на весьма низкой степени развитія (см. рис. 87, 123, 140, 167). Тѣмъ не менѣе за каменнымъ матеріаломъ нельзя не признать въ извѣстныхъ случаяхъ значенія выразителя прогресса. Это значеніе за нимъ слѣдуетъ признать въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, въ виду своихъ высокихъ качествъ, восполняя слабыя стороны деревяннаго матеріала и постепенно вытѣсняя послѣдній, становится господствующимъ. Такое постепенное вытѣсненіе, казалось бы, можетъ идти преимущественно въ вертикальномъ направленіи, когда первоначально низкій каменный фундаментъ, постепенно подымаясь, образуетъ нижній этажъ, отодвигая матеріалъ деревянный въ этажъ верхній. При такой замѣнѣ матеріала одного другимъ, камень первоначально отвоевываетъ себѣ лишь подвальное по-



Черт. 1. **Усадьба мелкаго арендатора**

изъ Виленскаго у., Виленской губ.

А—хата; Н—хлѣвъ; Н1—овечій загонъ; К—свинушникъ; а, а—двери; пунктиръ—изгородь.



Черт. 2. **Усадьба**

изъ с. Жгуни, Гомельскаго у., Могилевской губ.

А—хата; Н, Н—хлѣвы; J—навѣсъ; М—N—улица; Q—погребъ; а, а—двери; а1—ворота къ улицѣ; а2—ворота къ огороду.

мѣщеніе, служащее для хозяйственныхъ надобностей, а затѣмъ занимаетъ и все пространство жилья, предоставляя дереву верхнее помѣщеніе второстепеннаго значенія. Указанную замѣну каменнымъ матеріаломъ деревяннаго можно наблюдать во многихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами. Наиболѣе рельефно процессъ этотъ выступаетъ, однако, въ постройкахъ словинцевъ, особенно Крайны. На рис. 146 изображена изба изъ Моравіи; на этомъ рисункѣ ясно видно, что деревянная постройка покоится на каменномъ подвалѣ, развитіе котораго изъ фундамента совершенно очевидно. На рисункахъ 76 и 81, изображающихъ дома словинцевъ Крайны, можно видѣть двѣ стадіи отмѣченнаго процесса: на первомъ изъ нихъ ясно, что деревянный домъ стоитъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, оставляющемъ пространство для помѣщенія хлѣва; на второмъ видно, что домъ каменный и что изъ дерева сдѣланъ только его верхъ. Такая замѣна деревяннаго матеріала каменнымъ развивается параллельно съ постепеннымъ обезлѣсеніемъ мѣстности, причемъ крестьянинъ, привыкая къ новому матеріалу и цѣня его высокое достоинство, постепенно отдаетъ ему преимущество. Очевидно, что при этомъ процессъ идетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ каменный матеріалъ въ данной мѣстности обильнѣе. Это обиліе однако свойственно лишь горнымъ странамъ; поэтому неудивительно, если и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, при замѣчающемся быстромъ исчезновеніи лѣса, каменный матеріалъ не только не вытѣсняетъ деревянный, но и вводится въ практику лишь для фундамента, да и то въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ.

Деревомъ, какъ строительнымъ матеріаломъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ пользуются не всякимъ. Обыкновенно берется сосна, но пользуются и елью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гродненской губерніи, напримѣръ, въ Сокольскомъ уѣздѣ изъ сосны строится нижняя половина дома, тогда какъ верхняя сооружается изъ ели. За отсутствіемъ сосноваго и еловаго матеріала прибѣгаютъ и къ другому, напримѣръ, въ Гомельскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, берутъ для постройки и осину, въ рѣдкихъ случаяхъ ольху. Общимъ правиломъ можетъ считаться то, что хозяйственныя

постройки сооружаются изъ худшаго матеріала, чѣмъ жилой домъ, такъ что послѣдній можетъ быть выстроенъ изъ сосны, а хозяйственныя постройки изъ ели, или изъ этой послѣдней сооруженъ жилой домъ, а хозяйственныя постройки выстроены изъ осины, ольхи или березы. Если домъ принадлежитъ зажиточному крестьянину, разсчитывающему на прочность постройки, то нижнія бревна берутся дубовыя.

2. Фундаментъ и завалинка. Отмѣченныя бревна, выдерживающія тяжесть всего дома, являются простѣйшимъ фундаментомъ. Они лежатъ непосредственно на землѣ, наиболѣе подвержены дѣйствію сырости и забота крестьянина о томъ, чтобы именно эти бревна были особенно прочны, вполнѣ понятна. Эти бревна, имѣющія особое значеніе, носятъ и особое наименованіе, а именно они образуютъ *подрубъ*. Дальнѣйшее развитіе фундамента заключается въ томъ, что подъ подрубъ, обыкновенно подъ четыре угла, подкладываются большіе камни, которые ближайшимъ образомъ и исполняютъ роль фундамента, (рис. 139), въ значительной степени освобождая подрубъ отъ вредныхъ воздѣйствій почвы. Эти камни могутъ замѣняться толстыми, въ 1 арш. высоты, колодами, врываемыми на $^3/_4$ своей длины въ землю. Такой способъ установки жилого дома весьма распространенъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Помянутыя колоды носятъ разныя наименованія: такъ, напримѣръ, въ Гродненской губерніи онѣ называются *штэмпалы*, въ другихъ мѣстностяхъ *стулы*, или *шкандары*, *шкандарты*. Такой фундаментъ можетъ замѣняться и каменнымъ. При этомъ камень либо складывается безъ цемента, либо спаивается глиною, известью, (рис. 125). Камни берутся всегда неотесанные булыжники, не представляющіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ рѣдкости. Если каменный фундаментъ сложенъ безъ глины или извести, то онъ очень низкій; если же камни связаны какимъ либо цементомъ, то фундаментъ бываетъ выше: до $^1/_2$ даже $^3/_4$ аршина. Въ рѣдкихъ случаяхъ фундаментъ складываютъ изъ кирпича. Какъ бы ни былъ сложенъ каменный фундаментъ, но разъ онъ болѣе или менѣе высокъ и во всякомъ

случаѣ замѣтенъ, то онъ носитъ наименованіе: *подмурокъ*, *подмуровокъ*, *подмуровка*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, и *хундаментъ*.

Каменный фундаментъ, по крайней мѣрѣ тогда, когда онъ развитъ, обыкновенно исключаетъ наличность въ общемъ весьма обычнаго сооруженія—завалинки. Цѣль ея (рис. 115, 116, 134) заключается въ томъ, чтобы оградить жилой домъ отъ холода и сырости, проникающей извнѣ. Разъ фундаментъ каменный, то онъ уже исполняетъ роль завалинки и поэтому она является лишней. Завалинка бываетъ разнаго устройства. Напр., въ Гродненской губерніи въ разстояніи вершковъ 5 отъ стѣны дома устраиваютъ деревянную стѣнку высотою въ $1\frac{1}{4}$ арш. и промежутокъ между нею и стѣною дома засыпаютъ землею. Вмѣсто деревянной стѣнки, напримѣръ, въ Могилевской губ., вбиваютъ на разстояніи $\frac{1}{2}$ арш. отъ дома колышки, которые переплетаютъ лозой или прутьями березы, или закладываются жердями (рис. 178). Въ Виленской губерніи завалинку образуетъ насыпь, удерживаемая бревномъ, забитымъ кольями; въ этомъ же родѣ, т. е. при помощи бревна, устраивается завалинка и въ Минской губерніи; въ Волковыскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, завалинка состоитъ изъ камней, пересыпанныхъ землею; въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Слонимскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, землю просто приваливаютъ къ срубу, ничѣмъ ея не удерживая извнѣ. Какъ бы ни была устроена завалинка, она повсемѣстно служитъ однимъ, уже указаннымъ, цѣлямъ; она носитъ поэтому и одно общее наименованіе: *призба*, *призьба*, *призва*, *присьба*, *прысьба*, *прызьба*. Это обычное въ Сѣверо-Западномъ краѣ наименованіе замѣняется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ другимъ, а именно: въ Витебской губерніи говорятъ и *завальня*, на югѣ Гродненской губерніи—*подвалина*, а въ Виленской губерніи—*завалина*.

Слово *фундаментъ*, не смотря на свое иностранное (собственно латинское) происхожденіе, какъ извѣстно, весьма распространено въ русской рѣчи. Оно часто замѣняетъ народное слово *подмуровка*, ко-

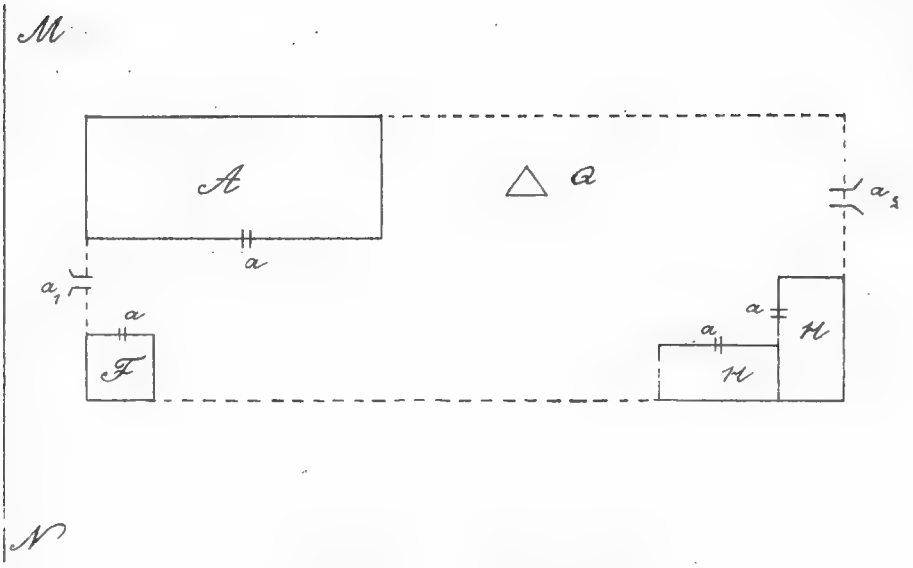
торое, повидимому, равнымъ образомъ слово не чисто русское и стоитъ, очевидно, въ связи съ нѣмецкимъ словомъ *Mauer*. Это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что глаголъ *подмуровать* означаетъ подвести каменную кладку подъ стѣну. Русскія слова, выражающія то же понятіе, что и *подмуровка—основье, подстѣнокъ, подстѣнье,* а въ старорусскомъ языкѣ *подшевъ*. Въ малороссійскомъ нарѣчіи употребляются слова: *пидмура, пидстава, засада*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ употребляются самыя разнообразныя слова для выраженія понятія о фундаментѣ, частью своего, частью иностраннаго происхожденія. Такъ, напр., на сербскомъ языкѣ говорятъ *основ, темељ, темешк, подумента* (въ Черногоріи—*поломента);* на польскомъ языкѣ—*podstawa, zasada;* на чешскомъ—*zaklad*. Изъ этого разнообразія словъ можно заключить, что устройство фундамента въ славянскихъ жилищахъ появилось, какъ, впрочемъ, то можно предполагать уже *a priori,* поздно, тогда, когда славянскіе народы раздѣлились на племена, утратившія между собою ближайшую связь. Наличность ряда иностранныхъ словъ для понятія о фундаментѣ какъ бы показываетъ, что таковой былъ заимствованъ у ближайшихъ сосѣдей.

Что касается *завалинки,* то она, какъ извѣстно, весьма распространена въ Россіи. Мѣстами она составляетъ неотъемлемую принадлежность жилого дома, мѣстами она устраивается лишь на зиму. Исполняя неизмѣнно прямое свое назначеніе—предохраненіе жилого помѣщенія отъ сырости и холода, завалинка пріобрѣла и другую роль, а именно ею пользуется старъ и младъ для сидѣнья. Слова *завалина, завалинка* свойственны преимущественно великорусскимъ мѣстностямъ; въ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, какъ въ самой Малороссіи, такъ и въ Юго-Западномъ краѣ, а равно въ Новороссійскомъ краѣ, какъ и въ краѣ Сѣверо-Западномъ, употребляются слова *призба, призьба, прызьба, прысьба;* то же слово употребляется и въ польской рѣчи: *przyzba, przyspa*. Въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ призба нерѣдко бываетъ весьма широкая, надъ ней выступаетъ навѣсомъ отливъ крыши, поддерживаемый столбами какъ это, напримѣръ, видно на рис. 138, изображающемъ хату изъ Харьковской губерніи. Здѣсь призба имѣетъ характеръ какъ бы галлереи вдоль жилого дома. Естественнѣе всего, казалось бы, сопоставить слово *призба* со словомъ *изба* и объяснить его какъ выраженіе для понятія о сооруженіи, при избѣ находящимся. Именно въ этомъ смыслѣ совершенно ясно названное слово употребляется въ

нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, напр., въ Псковской, гдѣ *призба* означаетъ находящуюся при избѣ клѣть. Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что слово *призба,* въ смыслѣ завалинки, употребляется какъ разъ тамъ (среди бѣло-и малорусскаго населенія), гдѣ жилой домъ называется не избой, а хатой.

3. Срубъ. Какъ бы ни была хорошо и надежно устроена завалинка-призба, она сама по себѣ лишь односторонне предотвращаетъ проникновеніе сырости и холода въ жилое помѣщеніе. Ея назначеніе—оберечь послѣднее въ нижней части. Хотя цѣль и достигается, но не всегда въ достаточной степени. Поэтому ко времени зимней стужи тѣ хозяева, у которыхъ жилой домъ менѣе надеженъ, обкладываютъ его либо соломой, либо камышомъ, либо хвоей *(шипой).* Этимъ матеріаломъ обкладывается домъ обыкновенно лишь въ нижней, ближней къ почвѣ, части, но закрываютъ домъ иногда и цѣликомъ до крыши, какъ то видно, напримѣръ, на рисункѣ 2, изображающемъ домъ изъ Гродненской губ., всецѣло обшитый съ фронтонной стороны камышомъ. Однако и это и тому подобныя приспособленія, вѣроятно весьма древняго происхожденія, гарантируютъ обитателя крестьянскаго дома лишь весьма относительно отъ стужи. Поэтому естественно, что мѣстный житель, перейдя къ деревянному матеріалу, долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы матеріалъ этотъ эксплоатировался возможно цѣлесообразно. Въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе имѣетъ характеръ сложенія дома, спайка отдѣльныхъ бревенъ, прокладка образующихся между бревнами промежутковъ матеріаломъ, не пропускающимъ сырости и вѣтра, обшивка досками остова дома и т. п. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать, что Сѣверо-Западный край обнаруживаетъ значительное разнообразіе, выражающее большую или меньшую степень прогресса. Однако, говоря вообще, наличный средній домъ весьма далекъ отъ необходимаго по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ совершенства.

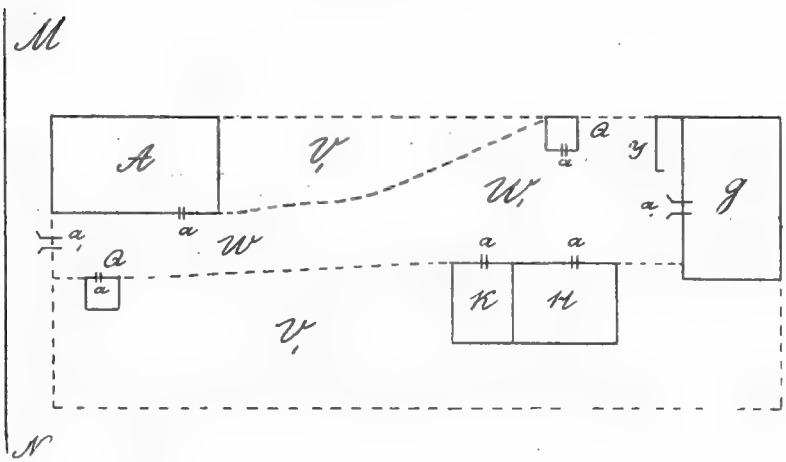
Жилой домъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ представляетъ большихъ или меньшихъ размѣровъ срубъ (*зрубъ*, *изрубъ*, *ист-*



Черт. 3. **Усадьба**

изъ с. Жгуни, Гомельскаго у., Могилевской губ.

A—хата; F—клѣть; H, H—хлѣвы; M—N—улица; Q—погребъ; a, a—двери; a₁—ворота въ сторону улицы; a₂—ворота въ сторону огорода.



Черт. 4. **Усадьба**

изъ д. Гайдучели, Волковыскаго у., Гродненской губ.

A—хата; g—гумно; H—хлѣвъ; J—навѣсъ; K—свинушникъ; M—N—улица; Q, Q—погреба; V₁, V₁—огороды; W—дворъ (*подворокъ*); W₁—пругмень; пунктиры—разнаго рода изгороди.

рубъ), сложенный изъ ряда положенныхъ другъ на друга вѣнцовъ (*вѣнки*) бревенъ. *) Количество этихъ вѣнковъ разно и зависитъ какъ отъ зажиточности даннаго хозяина, такъ, конечно, и отъ самаго размѣра (мощности) бревенъ; обыкновенно же домъ слагается изъ 10—15 вѣнковъ, считая ихъ отъ нижняго подруба до верхнихъ бревенъ—*очепъ*, служащихъ основой крыши. Бревна въ большинствѣ случаевъ не отесаны и представляютъ изъ себя такъ называемые *кругляки* (рис. 125, 134, 136, 137, 139, 178 и др.). Отесанныя бревна (рис. 115, 116, 117, 118 и др.), хотя и встрѣчаются, но сравнительно рѣдко; лишь въ Гродненской губерніи они (*дыли*) являются обычными, замѣняя, можно сказать, сплошь кругляки. Если бревна отесаны, то сдѣлано это обыкновенно лишь съ двухъ сторонъ: съ внѣшней и внутренней, тогда какъ верхняя и нижняя стороны остаются круглыми; но въ Гродненской губ. отесываютъ бревна и со всѣхъ четырехъ сторонъ подъ прямымъ угломъ. Между бревнами для спая кладется обыкновенно мохъ; въ домахъ болѣе усовершенствованныхъ устраиваются *пазы*, т. е. углубленія, благодаря которымъ бревна прилегаютъ другъ къ другу болѣе плотно и, конечно, въ большей степени гарантируютъ тепло. На углахъ бревна перекрещиваются; при этомъ концы ихъ либо торчатъ наружу, что называется строить *въ уголъ* или въ *гладкій, свѣтскій уголъ* (рис. 8, 11, 22, 25, 27, 38, 42, 43, 46, 53, 116, 118, 139, 178), либо складываются *въ замокъ*, что также называется строить *въ нѣмецкій уголъ* (рис. 10, 23, 30, 56, 59, 115, 117). Въ томъ и другомъ

*) Срубъ—это обычный способъ постройки жилого дома не только въ большей части Россіи, но и въ очень многихъ другихъ славянскихъ мѣстахъ: въ земляхъ, заселенныхъ поляками, словаками, въ Богеміи, Крайнѣ, Хорватіи, отчасти Сербіи, Черногоріи, Болгаріи. Срубъ можно считать выразителемъ весьма древняго пріема постройки. Въ этомъ убѣждаютъ и общность пріема его сложенія у разныхъ славянскихъ народностей и наличность его въ весьма простыхъ, архаическихъ формахъ жилья. Есть основаніе утверждать, что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами, которыя изобилуютъ камнемъ, срубъ сталъ вытѣсняться послѣднимъ преимущественно въ XIX в. Намъ лично удалось констатировать срубчатыя постройки въ Крайнѣ первой половины XVIII в. (рис. 73, 76). Что касается Россіи, то понятіе объ избѣ является какъ бы синонимомъ понятія о срубѣ. Рубленныя избы были обычны въ XVI в.

случаѣ углы могутъ быть забиты досками (рис. 1, 5, 16, 18, 137, 139). За послѣднее время жилые дома иногда обшиваются досками—*шалюются* цѣликомъ. Такая *шалевка* (*ошалевка*) производится не въ горизонтальномъ, а всегда, или почти всегда, въ вертикальномъ направленіи (рис. 20); изрѣдка встрѣчаются и такъ наываемые *отынкованные* дома, т. е. покрытые, хотя и не усовершенствованною, штукатуркой (рис. 3). *)

4. Крыша и щитъ. Описанный срубъ покрывается крышей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ соломенной. Однако, кромѣ соломы, крыша кроется, хотя и въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, другимъ матеріаломъ, а именно: тесомъ, дранью, гонтомъ, а напр. въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губ., и камышомъ или же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, иногда и черепицей. **)

Въ отношеніи формы крыши слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время большая часть жилыхъ домовъ имѣетъ двускатную крышу. Она является господствующей особенно въ Могилевской и Витебской губерніяхъ; въ Виленской губерніи четырехскатная крыша не представляетъ рѣдкости; часто она встрѣчается и въ Минской губерніи и особенно въ Гродненской, въ частности на югѣ ея. Кромѣ того повсемѣтно, особенно въ Виленской и еще болѣе въ Гродненской губ., можно наблюдать рядъ переходныхъ формъ между четырехъ-и двускатной крышами. Однимъ изъ такихъ переходовъ представляетъ крыша трехскатная, т. е. крыша,

*) Обычай обивать стѣны сруба тесомъ въ Россіи сравнительно новъ. Мы знаемъ, что по настоящее время большинство русскихъ избъ не шалюется и представляютъ не обшитый ничѣмъ срубъ. Въ памятникѣ XVI в.—житіи Св. Сергія, преподобный изображенъ обивающимъ домъ тесомъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что шалевка въ означенномъ вѣкѣ была уже извѣстна.

**) Наблюденія, произведенныя въ 70-хъ годахъ XIX ст. надъ 699698 постройками Сѣверо-Западнаго края показываютъ, что изъ нихъ 596183 были покрыты соломой, 102795 тесомъ, 705 черепицей и 15 желѣзомъ. Черепица встрѣчена почти исключительно въ Гродненской губ. (679 случаевъ). Что касается теса, то онъ почти совершенно отсутствовалъ въ Ковенской и Гродненской губ.; въ Виленской покрытыя тесомъ хаты составляли 2,4% всѣхъ хатъ данной губерніи. Въ Витебской крытыя тесомъ хаты составляли 15%, въ Могилевской 18%, а въ Минской 43%. (Стат. поземельн. соб. и насел. мѣст. Евр. Россіи, V).

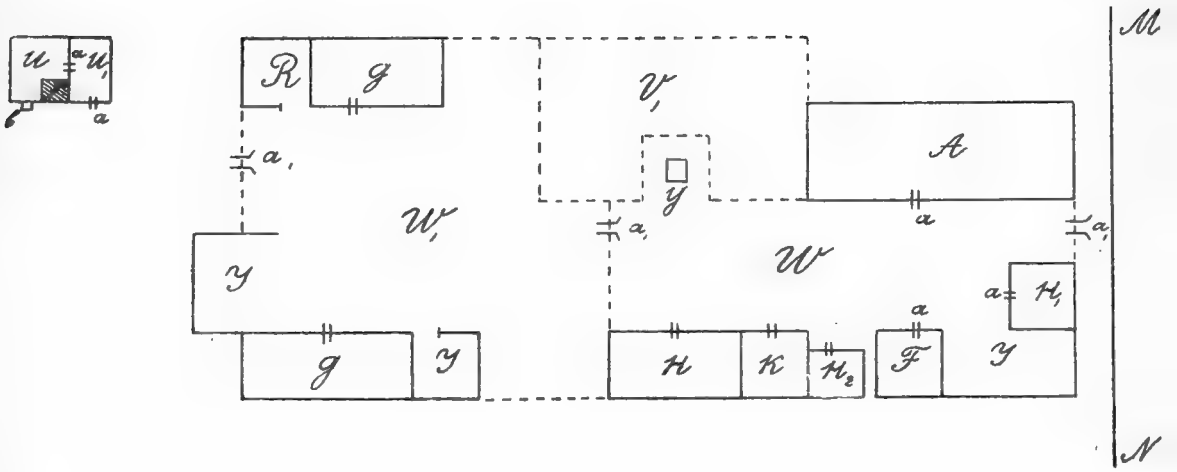
имѣющая, кромѣ двухъ скатовъ съ обѣихъ длинныхъ сторонъ, еще третій съ задней узкой стороны дома, тогда какъ фронтонъ, выходящій обыкновенно на улицу, вмѣсто ската крыши, имѣетъ такъ называемый щитъ.

Весьма обычнымъ въ исторіи развитія построекъ представляется то явленіе, что болѣе архаичныя формы и пріемы, утрачиваемые жилыми домами, сохраняются въ постройкахъ хозяйственныхъ. Наличность этого явленія слѣдуетъ отмѣтить и въ отношеніи крыши, а именно: тогда какъ крыша на жилыхъ домахъ обыкновенно двускатная—на хозяйственныхъ зданіяхъ она четырехскатная. Конечно, можно поставить вопросъ, представляетъ ли четырехскатная крыша явленіе болѣе раннее, чѣмъ крыша двускатная. Съ точки зрѣнія конструктивной перваго рода крыша сложнѣе и потому, казалось бы, она могла бы быть признана сооруженіемъ позднѣйшаго порядка. Кромѣ того отмѣтить слѣдуетъ, что въ высоко развитомъ быту горожанъ четырехскатная крыша фигурируетъ на ряду съ двускатной. Изъ двухъ, изображенныхъ на рис. 105 и 106 избъ Тверской губерніи болѣе сложная съ четырехскатной, а болѣе простая съ двускатной крышей. Тѣмъ не менѣе послѣдняго рода крышу въ крестьянскомъ быту Сѣверо-Западнаго края мы должны признать позднѣйшею по сравненію съ крышей четырехскатной. На это имѣется рядъ основаній. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что крыша послѣднеуказаннаго рода присуща старымъ постройкамъ, тогда какъ постройки новыя сооружаются, обыкновенно, съ двускатной крышей. Въ деревнѣ, въ которой имѣются еще дома съ черною топкой, т. е. съ курною печью, на ряду съ домами не курными, эти послѣдніе отличаются сплошь и рядомъ отъ первыхъ двускатностью крыши. Крыши не соломеннаго, а иного, напр. деревяннаго матеріала, который, конечно, по сравненію съ соломеннымъ, долженъ быть признанъ знаменующимъ прогрессъ, равнымъ образомъ двускатны. Слѣдуетъ принять въ соображеніе и то, что при двускатной крышѣ представляется возможнымъ лучшимъ образомъ устроить чердачное помѣщеніе,

снабжая его свѣтомъ при посредствѣ просвѣтовъ или оконъ со стороны щита, который при четырехскатной крышѣ, понятно, отсутствуетъ. Это наше мнѣніе относительно первичности четырехскатной крыши въ отношеніи крыши двускатной мы высказываемъ по соображенію построекъ Сѣверо-Западнаго края, не распространяя его вообще на исторію развитія крыши въ другихъ мѣстностяхъ.

Всякаго рода крыша ведетъ свое происхожденіе отъ шатра, т. е. той покрышки наземной, которая даетъ человѣку пріютъ, оберегая его менѣе отъ холода, чѣмъ отъ осадковъ. Шатеръ можетъ покоиться непосредственно на землѣ, представляя изъ себя шалашъ въ узкомъ значеніи этого слова, или же онъ можетъ покоиться надъ ямой—землянкой. Въ первомъ случаѣ первобытный шалашъ, какъ на то указываютъ современные шалаши кочевниковъ, естественнѣе представить себѣ четырехугольной, многоугольной или круглой формы. Такой шалашъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи создаетъ крышу четырехугольную, многоугольную или круглую. Въ этомъ, повидимому, не можетъ быть сомнѣнія тѣмъ болѣе, что само назначеніе шалаша таково, что онъ долженъ имѣть всѣ стороны закрытыми, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не будетъ исполнять своего прямого назначенія. Развитіе шалаша заключается въ томъ, что онъ получаетъ прочныя непередвижныя стѣнки, которыя не мѣняютъ основной его формы. Мы имѣемъ въ исторіи развитія жилищъ весьма интересные въ этомъ отношеніи примѣры: шестигранный срубъ въ формѣ шалаша у бурятъ, кибитку киргизовъ и калмыковъ. Въ средѣ славянскихъ племенъ умѣстнымъ представляется отмѣтить шалаши—кучи въ Босніи, изображенные на рис. 82, 83, 165, породившіе характерный босніискій съ четырехскатной крышей домъ (рис. 85, 166), переходомъ къ которому является не менѣе характерный домъ у черногорскаго племени васоевичей (рис. 84). Шалашеподобная форма сохранилась и въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ хозяйственныхъ постройкахъ, напр. Харьковской губерніи, гдѣ плетеные (иногда обмазанные глиною) хлѣвы и клуни удерживаютъ форму кру-

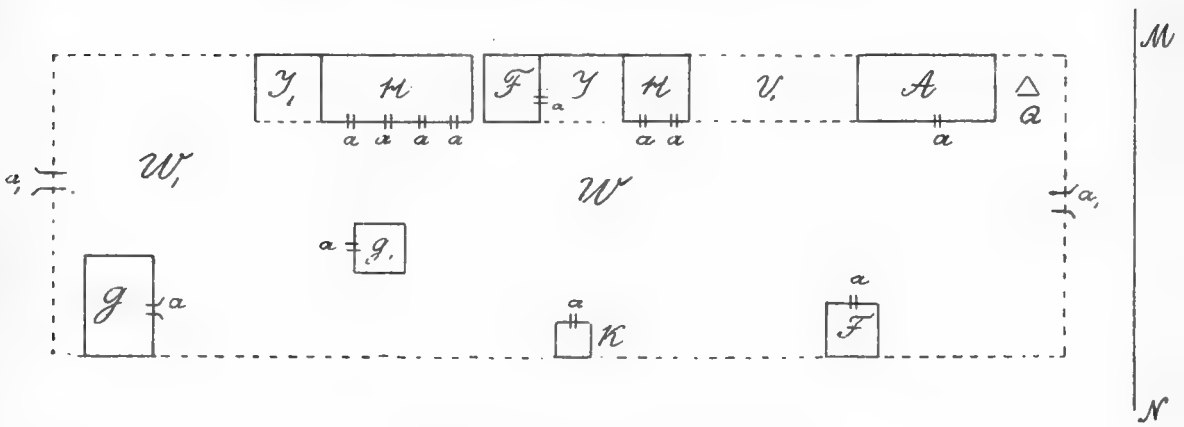
глаго шалаша то съ болѣе, то съ менѣе высокими стѣнами, какъ то видно на рис. 89, 90, 95, 96, 153. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ первичность округлой, многогранной или четырехскатной крыши не вызываетъ сомнѣній. Сомнѣній это не вызываетъ потому, что, съ одной стороны, сами постройки стоятъ еще на низкой степени развитія, а съ другой оттого, что переходныя отъ низшихъ ступеней къ высшимъ формы сохранились по настоящее время въ полной мѣрѣ. Вопросъ осложняется, когда рѣчь идетъ о происхожденіи крыши изъ шалаша, поставленнаго надъ ямой—землянкой. Конечно, само происхожденіе землянки въ извѣстныхъ случаяхъ могло идти параллельно съ шалашомъ, т. е. человѣкъ, обитавшій шалашъ, не покидая его, такъ сказать, зарывался въ землю, т. е. дѣлалъ землянку въ самомъ шалашѣ. Однако человѣкъ могъ обитать землянку и не пользуясь шалашомъ. Такая землянка могла имѣть прежде всего плоскую крышу, состоявшую изъ наваленныхъ на яму жердей, бревенъ и т. п. Подымаясь изъ подъ земли, такая землянка могла сохранять свою плоскую крышу. Очевидно, что такого рода происхожденіе имѣетъ плоская крыша востока и юга (рис. 160). Киргизы Букеевской орды, напримѣръ, зимующіе въ суровыхъ условіяхъ, пользуясь лѣтомъ круглыми кибитками, на зиму устраиваютъ изъ необожженнаго кирпича дома (такъ называемыя *ку(ы)стау*—землянки) съ плоскими крышами. Но землянка, возвышающаяся надъ почвой, можетъ имѣть уже на низкихъ ступеняхъ своего развитія дву—или четырехскатную крышу. Такова, напримѣръ, землянка въ Болгаріи, называемая ижа или хижа: она состоитъ изъ подземнаго жилья и наземной четырехскатной крыши. Дома Герцеговины, стоящіе вообще на весьма низкой ступени развитія и происшедшіе, какъ можно полагать, изъ землянки (или же пещеры), получившей при своемъ поднятіи надъ поверхностью не деревянныя (за отсутствіемъ дерева въ странѣ), а каменныя стѣны, имѣютъ четырехскатную и двускатную крышу (рис. 87 и 167). Дома же въ Черногоріи, имѣвшіе, какъ можно думать, то же происхожденіе, что и въ Герцеговинѣ, покрыты двускатными крышами (рис. 123,



Черт. 5. **Усадьба**

изъ д. Раевщины, Вилейскаго у., Виленской губ.

A—хата; F—клѣть *(свиронъ)*; g, g—гумны *(токи)*; H—хлѣвъ; H1—конюшня; H2—овчарня; J,J—навѣсы; K—свинушникъ; M—N—улица; R—сѣнникъ *(пуня)*; И—И1—баня *(лазня)*: И—лазня И1—прилазникъ; V1—огородъ; W—дворъ; W1—гумнище; Y—колодецъ; a, a—двери; a1, a1—ворота; в—окно; f—печь.



Черт. 6. **Усадьба**

изъ д. Старая Воля, Пружанскаго у., Гродненской губ.

A—хата; F, F—клѣти *(свироны)*; g—гумно *(клуня)*; g1—сельничекъ (для склада соломы); H, H—хлѣва; J—навѣсъ *(шупка)* для телѣгъ; J1—навѣсъ *(повѣтка)* для дровъ; K—свинушникъ; Q—погребъ (*склепъ*); V1—огородъ; W—дворъ; W1—часть двора (*гумно*); a, a—двери; a1, a1—ворота; пунктиръ—разнаго рода изгородь.

140). Затѣмъ по тому же вопросу мы можемъ еще указать, какъ на примѣръ, на своеобразной формы клуню (гумно) Екатеринославской губерніи (рис. 97 и 107). Она представляетъ ни что иное, какъ четырехскатную крышу, поставленную безъ стѣнъ на почву. Очевидно, что такого рода клуня представляетъ изъ себя какъ-бы первобытную форму жилья, которая въ идеѣ допустима надъ землянкой. Съ другой стороны допустима надъ землянкой, конечно, и двускатная крыша, столь обычно встрѣчающаяся, въ качествѣ шалаша-сторожки, едва-ли не повсемѣстно и изображенная на рис. 32. Землянки съ двускатной крышей обычны у молдавскаго и цыганскаго населенія Бессарабіи *(бурдей)*. Очевидно, что землянка, прикрытая подобнаго рода двускатнымъ сооруженіемъ, гораздо менѣе обезпечена отъ внѣшнихъ воздѣйствій, чѣмъ землянка, снабженная четырехскатной крышей, но послѣдняя требуетъ большаго труда и строительныхъ знаній и потому можетъ почитаться въ исторіи развитія крыши позднѣйшей. Наконецъ допустима надъ землянкой, поднявшейся или не поднявшейся, а также и надъ срубомъ, крыша односкатная. Такія крыши встрѣчаются насъ, напримѣръ, въ Олонецкой губ. на избахъ бѣдныхъ крестьянъ, какъ то видно на рис. 177. Односкатная крыша могла въ свою очередь перейти и въ четырехскатную. Въ виду изложеннаго невозможнымъ представляется признать абсолютно ту или иную форму крыши, т. е. четырехскатную или двускатную, первичною или вторичною. Повидимому болѣе правильнымъ представляется признать, что по мѣстнымъ условіямъ могъ идти процессъ развитія крыши разно: отъ двускатной къ четырехскатной или наоборотъ. Для Сѣверо-Западнаго края, какъ указано, слѣдуетъ признать имѣвшимъ мѣсто именно этотъ послѣдній процессъ, а напр. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской губ., напр. въ Рузскомъ уѣздѣ, избы болѣе новаго устройства имѣютъ четырехскатную крышу, тогда какъ старыя избы выстроены съ двускатной крышей (рис. 170, 171, 172, 173, 175), что опять таки не исключаетъ возможности образованія первопачальной двускатной крыши изъ первичной четырехскатной.

Выше отмѣчено, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ наблюдается рядъ переходныхъ формъ отъ четырехскатной къ двускатной крышѣ. Переходы эти наблюдаются со стороны передняго фронтона, выходящаго, какъ сказано, обыкновенно къ улицѣ. Задняя, узкая, т. е. противоположная фронтону, сторона остается обыкновенно со скатомъ—особенно если непосредственно къ жилому дому подъ одной крышей примыкаютъ хозяйственныя строенія. Если мы возьмемъ два противоположныхъ типа: типъ чисто четырехскатный (рис. 1, 8, 53, 56, 58, 59, 102, 108, 116, 118, 126, 129) и типъ чисто двускатный (рис. 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 60, 61, 62, 63, 109, 117, 125, 134, 136, 137), то мы увидимъ, что между ними замѣчается существенное различіе. Послѣдній типъ имѣетъ болѣе крутую крышу, образующую на фронтонѣ такъ называемый *щитъ*, *защитъ*, *защитокъ*, *лемега*, *пащіятъ*, *лобъ*, *чело*,*) сложенный изъ досокъ. Этотъ щитъ придаетъ дому болѣе открытый, какъ бы болѣе веселый характеръ, тогда какъ домъ съ четырехскатной крышей представляется болѣе замкнутымъ, сохраняя болѣе или менѣе шалашеподобный видъ. Шалашеподобность съ большею ясностью выступаетъ на старыхъ хатахъ, (рис. 119 и 129), а равно на хозяйственныхъ постройкахъ, какъ, напримѣръ, на хлѣвѣ (рис. 39), клѣти (рис. 37) и на гумнѣ или клунѣ (рис. 110, 112, 114, 124, 135). Очищеніе фронтона отъ ската крыши идетъ двоякимъ порядкомъ: либо снизу вверхъ, либо сверху внизъ. Въ первомъ случаѣ наверху крыши со стороны фронтона остается такъ называемая вальма *(лобякъ*, *залобъ*, *пристрѣшекъ)*, какъ то видно на рис. 15 и 46, а во второмъ—въ нижней части щита образуется рудиментъ ската *(окопъ*, *козырокъ*, *причелье*, *копешъ*, *капежъ*, *застрѣшокъ)*, сохраняющійся обыкновенно и при полной двускатной крышѣ даже тогда, когда она крыта исключительно деревомъ. Постепенное очищеніе щита этимъ путемъ можно прослѣдить на слѣдую-

*) Въ нѣтоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Гродненской губ. *щитомъ* и *челомъ* называется и скатъ крыши съ узкой, фронтонной стороны хаты.

щихъ рисункахъ. На рис. 2, 7, 21, 119, 139 мы видимъ, что скатъ крыши со стороны фронтона какъ бы осѣлъ, оставивъ наверху незанятое имъ пространство; на рис. 4, 115, и 145 совершенно ясно видна очистившаяся верхняя часть щита и примыкающій къ нему снизу *окопъ;* рис. 5 представляетъ то же явленіе съ тою разницею, что щитъ развился, а окопъ сократился въ большей степени; на рис. 66 отъ окопа остался лишь незначительный навѣсъ. Послѣдній, въ видѣ рудимента, сохранился и на домахъ, изображенныхъ на рис. 9, 12, 17, 20, 23, 61, 117, 120, 125, 136, 137, 178. Отмѣтить слѣдуетъ домъ, изображенный на рис. 6, на фронтонѣ котораго можно усмотрѣть сверху щита *лобякъ* или *пристрѣшекъ*, а снизу *окопъ*.

Не только наличность щита, но и характеръ его значительно измѣняетъ, если можно такъ выразиться, всю физіономію жилого дома. Поэтому небезинтересно отмѣтить, что щитъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ складывается весьма разнообразно. Въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ щитъ ни что иное, какъ продолженіе сруба, а именно онъ сложенъ изъ толстыхъ отесанныхъ бревенъ. Вслѣдствіе этого весь домъ пріобрѣтаетъ видъ значительной мощности, столь характерной, напримѣръ, для домовъ старой стройки въ Бѣловѣжской пущѣ (рис. 10). При безлѣсьѣ или бѣдности лѣсомъ бревна замѣняются половинками или досками, располагаемыми въ горизонтальномъ порядкѣ, какъ то, напримѣръ, видно на рис. 16, 18, 28, 30, 66, 117, 120, 125, 136, 178. Однако расположеніе досокъ щита и въ вертикальномъ порядкѣ представляется явленіемъ совершенно обычнымъ, особенно въ Виленской и Гродненской губ., какъ то видно на рис. 9, 11, 12, 23, 26, 27, 134 и др. Иногда употребляется смѣшанный способъ сложенія щита (рис. 17) или же доски закладываются наискось (рис. 6, 137, 174). Разъ у дома имѣется щитъ, то въ немъ обыкновенно не отсутствуетъ и прорѣзъ *(продуха)* для освѣщенія чердака: круглый или продолговатый, малыхъ или бо́льшихъ размѣровъ, развитый до степени окошка; указанные просвѣтъ и окошко являются почти непремѣнной принадлежностью

щита (рис. 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 16, 20, 23, 117, 125, 136, 137).

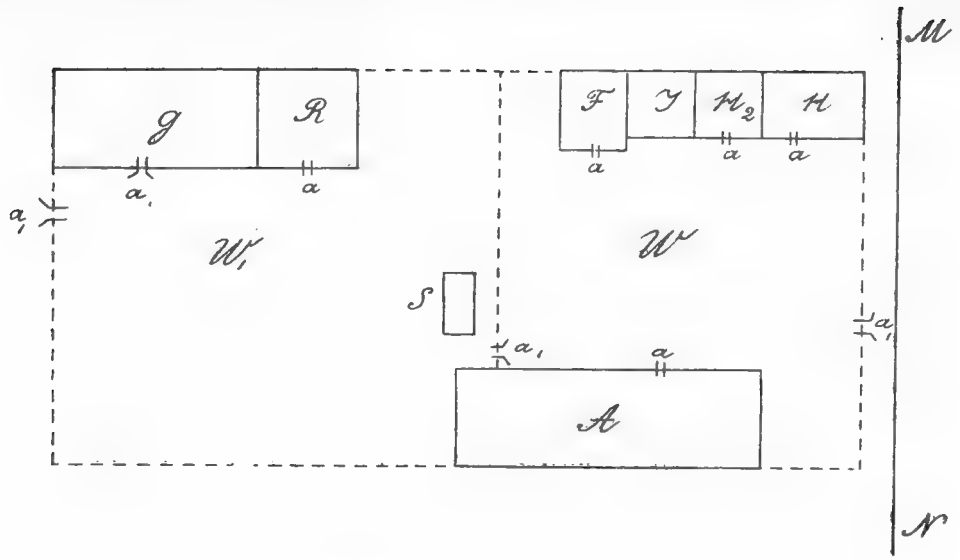
Если крыша отлогая, то она называется *шлаповатая*, если же крутая, то *быстрая* или *стромкая*. Послѣдняя форма, какъ указано, бываетъ преимущественно, когда крыша на два спада, т. е. двускатная. Скаты *(бока)* крыши, сходясь между собою, образуютъ гребень, такъ называемый князекъ, именуемый въ Сѣверо-Западномъ краѣ *вильчикъ*, *конекъ*, *стропъ*, *накотъ*. На этомъ гребнѣ, если крыша соломенная, расположены для удержанія соломы по-парно короткія жерди, скрещивающіяся надъ гребнемъ и придающія крышѣ весьма характерный оттѣнокъ; жерди эти называются: *козлы*, *козлики*, *ключи*, *остроколъ* (см. рис. 12, 18, 19, 21, 26, 30, 39, 49, 61 и др.). Если крыша двускатная, то она обыкновенно болѣе или менѣе выступаетъ надъ фронтономъ, образуя такъ называемый относъ или, какъ говорится, въ нѣкоторыхъ губ. (напр. Симбирской) *свисъ*, именуемый въ Сѣверо-Западномъ краѣ *выступомъ*, *навѣсомъ*, *застрѣшкомъ* (рис. 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 22, 25, 27, 117, 120, 125, 134, 136, 137). Двускатная ли крыша или четырехскатная—безразлично, но она всегда спускается или, какъ говорится, отливается ниже верхнихъ бревенъ сруба, образуя навѣсъ. Этотъ навѣсъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ носитъ разныя наименованія: *спускъ*, *окапъ*, *капежъ*, *(копежъ)*, *стрѣха*, *подстрѣшье*, *застрѣшникъ*.

Многочисленные рисунки, выше уже помянутые и изображающіе дома съ крышами разнаго матеріала *) передаютъ и тѣ особенности крыши, которыя подчасъ не поддаются описанію. Какъ бы эти особенности разнообразны ни были, онѣ не мѣняютъ основы остова крыши. Этотъ остовъ имѣетъ слѣдующее устройство. Въ верхнихъ бревнахъ *(очепы)* сруба пробиваются гнѣзда *(чашки)* и въ нихъ вставляются наискось стропила, сходящіяся наверху. Такихъ стропилъ *(кроквы*, *крёквы*, *крохвы* или *очепы)* надъ домомъ обыкновенно пять: три собственно надъ жилымъ

*) Солома: рис. 1, 2, 4, 5, 7, 8, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 25, 26 и др.; тесъ: рис. 9, 10, 13, 65; гонтъ: рис. 17, 20, 63, 178; черепица: рис. 23.

помѣщеніемъ, а двѣ надъ сѣнями. Стропила эти связаны между собою горизонтально положенными (до 12 съ каждой стороны крыши) обтесанными жердями—*латами* или *прутьями*. На этотъ то остовъ и накладывается собственно покрышка. Такъ какъ соломенная крыша болѣе характерна, чѣмъ крыша изъ другихъ матеріаловъ, то остановиться на ея укладкѣ интересно. Существуетъ три способа укладки соломы на крышу; она либо кладется колосьями внизъ, либо колосьями вверхъ, либо, наконецъ, смѣшанно. Первый способъ представляется наиболѣе простымъ, а именно *кулики* или *парки* или *мэтки*, т. е. пучки соломы, связываются попарно и накладываются на латы съ тѣмъ, чтобы верхній рядъ куликовъ нѣсколько перекрывалъ нижній; солома берется *правая*, т. е. не мятая, и только для прикрытія гребня крыши солома мнется, а иногда и смачивается глиной. Такой способъ укладки крыши называется *подъ прутъ*, *подъ колосъ* (рис. 110, 112, 122, 129). Болѣе сложный способъ второй, когда солома укладывается колосьями вверхъ. Такая крыша, требующая обыкновенно мастера, доводится въ зажиточныхъ хозяйствахъ до большого совершенства и свободно служитъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. При этомъ способѣ *кулики* соломы тоже связываются; если связка дѣлается попарно, то кулики называются *двойчаками*, если по три—то *тройчаками*. Колосья нижняго ряда покрываются куликами верхняго ряда. Такой способъ кладки крыши называется *подъ бому (бома*—жердь, на которой крюпцій крышу подымается), *подъ стрыховку*, *подъ щетку*, *подъ гребенку*, *подъ лопату* (рис. 117, 125, 137). Смѣшанный способъ заключается въ томъ, что лишь нижній рядъ куликовъ укладывается колосьями вверхъ, тогда какъ остальные ряды куликовъ располагаются въ обратномъ порядкѣ. Нижній рядъ куликовъ, образуя гребень изъ гладко срѣзанныхъ комлей соломы, образуетъ такъ называемые *остришанки*, *острышованники*. Способы укладки соломы на крышѣ видны на рис. 44 и 45.

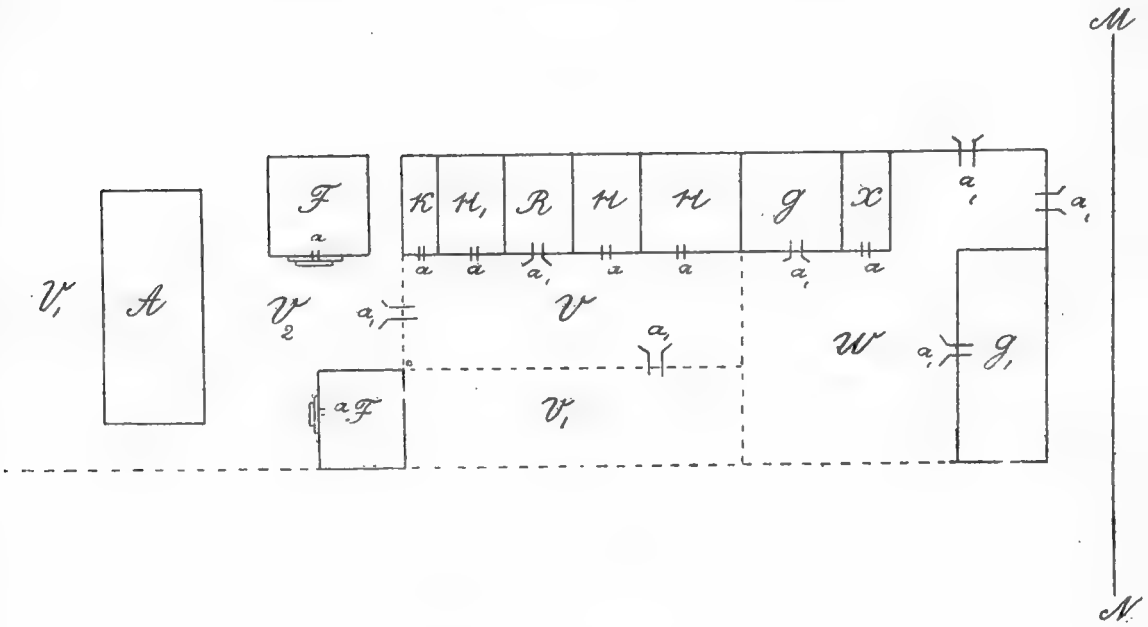
Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что обычнымъ наименованіемъ для крыши въ Сѣверо-Западномъ краѣ служитъ слово



Черт. 7. **Усадьба**

изъ д. Адамовичи, Вилейскаго у., Виленской губ.

A—хата; *F*—клѣть (*свиронъ*); *G*—гумно; *H*—хлѣвъ; H_2—овчарня; *J*—навѣсъ (*повытка*); *M*—*N*—улица; *R*—сѣновалъ (*пуня*); *S*—складъ бревенъ; *W*—дворъ; W_1—гумнище; *a*, *a*—двери; a_1, a_1—ворота.



Черт. 8. **Усадьба**

изъ д. Улица, Кобринскаго у., Гродненской губ.

A—хата; *F*, *F*—клѣти; *G*—сѣновалъ; G_1—гумно; *H*, *H*—хлѣвы; H_1—конюшня; *K*—свинушникъ; *M*—*N*—улица; *R*—дровяной сарай; *V*—скотный дворъ; V_1—огородъ; V_2—садъ; *W*—пригуменье; *X*—мякинникъ; *a*, *a*—двери; a_1, a_1—ворота; пунктиръ—изгороди.

стрѣха; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно среди ляхетскаго населенія, говорится и *дахъ*.

Употребляемое въ русскомъ языкѣ слово *крыша*, какъ кажется, свойственно исключительно великорусской рѣчи, другимъ славянскимъ языкамъ оно, повидимому, совершенно не извѣстно. Другое русское слово для выраженія понятія о крышѣ—*кровля*, встрѣчается въ нашемъ языкѣ, повидимому, не ранѣе XV в., но зато слово *кровъ* употреблялось уже въ XI в. и въ смыслѣ крыши и въ смыслѣ шатра, комнаты, покоя, защиты. Въ малорусскомъ нарѣчіи употребляется слово *покривля;* въ болгарскомъ—*покривъ, покриво;* въ сербскомъ и хорватскомъ языкахъ—*кров, krov;* въ словинскомъ языкѣ *krov* означаетъ крышу и покрышку, убѣжище, чердачную комнату; *krovje* — крыша, солома крыши, остовъ ея; въ чешскомъ языкѣ *krov(e)*—крыша. Болѣе распространеннымъ однако словомъ въ славянскихъ языкахъ является слово *стрѣха* и ему подобныя. Въ русскомъ языкѣ названное слово, кромѣ Сѣверо-Западнаго края, употребляется преимущественно среди малорусскаго населенія *(стриха)* и на югѣ и означаетъ главнымъ образомъ соломенную крышу. Стрѣха въ смыслѣ крыши среди великорусскаго населенія употребляется въ Вятской губерніи; *застрѣхъ, застрѣха* означаетъ въ Ярославской и Костромской губ. нижній край крыши, выступъ, навѣсъ ея, а въ Нижегородской и Вологодской—жолобъ подъ отливомъ крыши; этотъ жолобъ въ Псковской губ. называется *застрѣшь, застрѣха*. На болгарскомъ языкѣ *стрѣха* (въ письменныхъ памятникахъ съ XIV в.) означаетъ крышу; на сербскомъ же и хорватскомъ языкахъ *стреха, strcha* называется отливающійся край крыши; *настрешница* по сербски навѣсъ; на болгарскомъ *настрѣщњакъ*—край крыши; на словинскомъ языкѣ *streha*—крыша, убѣжище, навѣсъ; *podstrešje, podstrešina*—чердакъ, *podstrešnica*—чердачная комната; на польскомъ языкѣ *strzecha*—крыша, *strych*—чердакъ, чердачная комната, вышка; по чешски—*střecha*—крыша, пріютъ (въ старинномъ языкѣ—горница), *střch*—пріютъ; по словацки *strecha*—крыша, *strieška*—навѣсъ.

Изъ сказаннаго видно, что С.-З. край въ отношеніи наименованія крыши тѣсно примыкаетъ ко всему славянскому міру, прочно удержавъ въ мѣстномъ языкѣ слово стрѣха, повидимому утрачиваемое въ другихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами.

Что касается слова *дахъ*, явно нѣмецкаго происхожденія *(Dach)*, то оно, кромѣ Сѣверо-Западнаго края, употребляется еще въ малороссійской и польской *(dach)* рѣчи.

5. Окна. Наличное разнообразіе въ числѣ, величинѣ и устройствѣ оконъ, замѣчаемое въ Сѣверо-Западномъ краѣ, стоитъ въ тѣсной связи съ движущимся въ настоящее время развитіемъ тамъ жилища. Собственно окно, т. е. проемъ въ стѣнѣ для свѣта, какъ мы его понимаемъ въ городскомъ значеніи слова, представляется для крестьянскихъ построекъ Сѣверо-Западнаго края сравнительно новымъ явленіемъ. Ему, т. е. современному окну предшествовала другая, болѣе первобытная форма того *просвѣтца*, лишеннаго рамы, которая встрѣчается въ настоящее время въ хозяйственныхъ постройкахъ и въ стѣнѣ сѣней и которая представляетъ прорубъ въ одномъ изъ вѣнцовъ сруба (см. рис, 14, 25, 41, 62). Такой просвѣтецъ, постепенно усовершенствуясь, далъ первоначально *волоковое* окно (рис. 180). Типъ этого окна, сохранившійся въ немногихъ мѣстностяхъ, интересенъ тѣмъ, что оно представляетъ ни что иное, какъ просвѣтецъ, въ который вдѣлана рама, но безъ стекла, и къ которому съ внутренней стороны придѣлана движущаяся изъ стороны въ сторону дощечка. Такія окна, иногда и со стекломъ (рис. 116, 118), встрѣчаются рѣдко и въ настоящее время обыкновенно лишь въ кладовыхъ, а въ жилыхъ домахъ въ той части фронтонной стѣны дома, къ которой прилегаетъ нара (рис. 154). Изъ прорѣза въ одномъ вѣнцѣ впослѣдствіи развилось бо́льшихъ размѣровъ окно, помѣщающееся обыкновенно въ трехъ-четырехъ вѣнцахъ. Современное окно *(окно, акно, вокно, воконко, воконце, вокошко, вокошечко)* представляетъ изъ себя проемъ размѣрами: въ $^3/_4$—1 арш. высоты и въ $^1/_2$—$^3/_4$ арш. ширины; въ рѣдкихъ случаяхъ высота достигаетъ $1^1/_2$ арш., а ширина 1 арш. Менѣе усовершенствованныя окна не открываются, а болѣе усовершенствованныя открываются либо путемъ сдвига части рамы въ бокъ, либо путемъ ея поднятія, либо, наконецъ, настежъ на двѣ половины. Растворъ окна называется *фуртка* или *хфортка*, рама—*болонка*, дѣленіе окна на части—*кватэрка*, а стекло—*шибка*. Съ наружной стороны окна рѣшительно ничѣмъ не украшены и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, преимущественно на востокѣ края, можно встрѣтить придѣланный къ рамѣ *наличникъ* (рис. 16)

съ рѣзными украшеніями. Снаружи окно представляетъ обыкновенно удлиненный четырехугольникъ, раздѣленный либо на четыре (рис. 2, 12, 13, 14, 15), либо на шесть (рис. 5, 6, 7, 8, 10, 11) частей и обрамленный рамою изъ досокъ, рѣзко выдѣляющихся на срубѣ (рис. 4, 5, 8, 9, 10, 11, 15, 19, 20). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ снаружи къ окнамъ придѣланы ставни *(оконница, воконница, оконичница)* либо одностворчатыя (рис. 1, 9, 178), либо двустворчатыя (рис. 6, 16, 18, 137, 174). Однако ставни едва-ли не въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ и роль ихъ какъ приспособленія, оберегающаго жилье зимою отъ стужи, исполняютъ привѣшиваемые на зиму соломенные щиты—*маты*. Благодаря этимъ матамъ крестьянинъ обыкновенно не считаетъ себя вынужденнымъ задѣлывать на зиму окна двойными, внутренними рамами.

Сравнительное благоустройство окна, какъ въ отношеніи величины, такъ и въ отношеніи отворяемости, а равно наличности ставень можетъ быть разнообразно не только въ данномъ селеніи, но и въ каждомъ отдѣльномъ домѣ. Такъ одно (или нѣсколько оконъ) можетъ быть со ставней, бóльшей величины, чѣмъ остальныя и съ шестью кватерками, тогда какъ другія окна того же дома безъ ставни, малой величины и съ четырьмя кватерками (рис. 9). Происходитъ это, между прочимъ, оттого, что наличному малому окну можно по желанію хозяина, путемъ дополнительнаго проруба, придать бóльшую величину *). Въ настоящее время дома исключительно съ малыми, иногда волоковыми, окнами очень рѣдки; типы такихъ домовъ представляются вообще архаичными, обыкновенно съ печью, топящеюся по черному; какъ примѣръ, могутъ служить дома, изображенные на рис. 59, 116, 141 и представляющіе курныя хаты отчасти съ деревяннымъ дымникомъ на крышѣ, отчасти даже безъ него.

Что касается числа оконъ, то оно въ свою очередь весьма разнообразно и отчасти зависитъ отъ развитія дома. Если по-

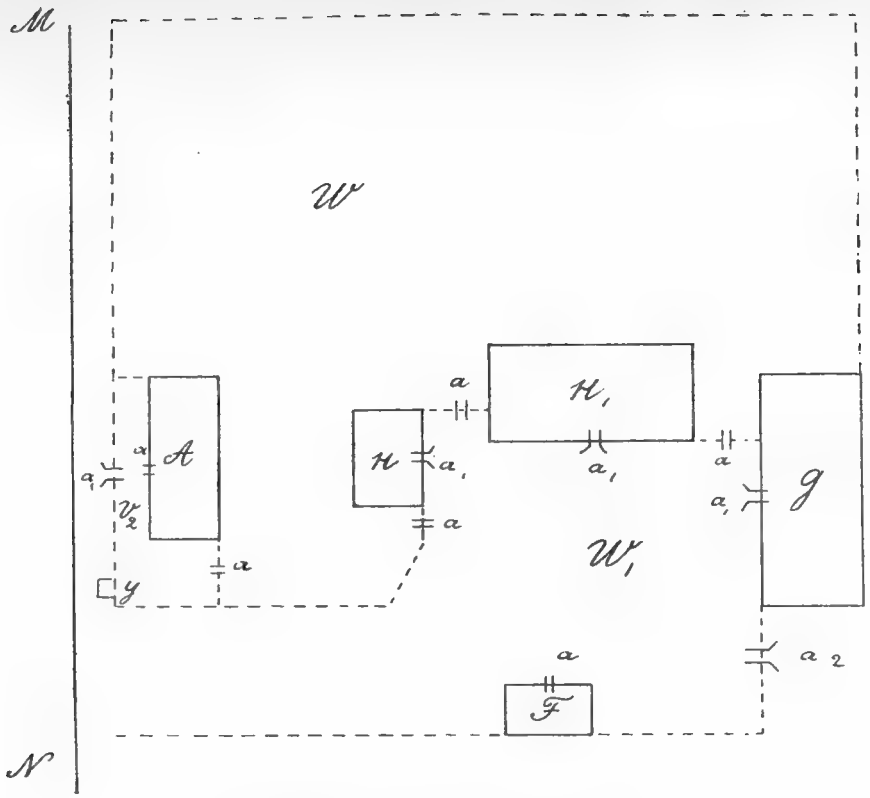
*) Въ XVI в. сначала сооружали зданіе (избу или церковь) изъ сруба до крыши и лишь затѣмъ, какъ это видно на рисункахъ въ Сильвестровскомъ житіи Бориса и Глѣба и въ житіи св. Сергія, вырубали окна и двери.

слѣдній состоитъ изъ двухъ жилыхъ половинъ, расположенныхъ по обѣ стороны сѣней, то число оконъ въ такомъ домѣ наибольшее, причемъ та жилая часть, которая выходитъ къ улицѣ, какъ главная, генетически старѣйшая, имѣетъ большее число оконъ. Если взять за ординарный типъ тотъ домъ, который состоитъ изъ жилого помѣщенія и сѣней, то число оконъ обыкновенно колеблется отъ двухъ до четырехъ. При этомъ въ первомъ случаѣ по одному окну со стороны фронтона и съ длинной стороны, въ которой помѣщается входная дверь, а во второмъ—съ обѣихъ сторонъ по два окна. Съ другой длинной стороны, противоположной той, въ которой находится входная дверь, окна обыкновенно не дѣлаются и если таковыя имѣются, то это указываетъ, что кромѣ обычной жилой комнаты имѣется еще другая, играющая роль спальни. Въ Виленской и Гродненской губерніяхъ весьма обычнымъ является наличность трехъ оконъ, изъ которыхъ со стороны фронтона находится лишь одно окно, при этомъ расположенное всегда асиметрично (рис. 1, 2, 10, 12, 22). Это явленіе не случайно. Напротивъ того, въ исторіи развитія жилища указанная асиметричность имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе. Дѣло въ томъ, что фронтонному окну соотвѣтствуетъ столь же асиметрично расположенное окно съ длинной стороны дома. Они называются *кутними*, *покутними* окнами, такъ какъ они лежатъ справа и слѣва отъ *кута (покута)*, т. е. главнаго, такъ сказать, священнаго угла жилого помѣщенія, того угла, въ которомъ или около котораго помѣщаются иконы и передъ которымъ стоитъ обѣденный столъ. Фронтонное окно, сколько бы оконъ ни было въ домѣ, никогда не отсутствуетъ. Поэтому мы въ правѣ признать его первымъ по времени появленія въ ходѣ развитія жилья. На это между прочимъ указываетъ и то, что именно кутнія окна почитаются какъ бы главными: если часть оконъ въ домѣ большихъ размѣровъ, то это именно кутнія; если не всѣ окна отворяются, то отворяющимися являются кутнія окна; они же по преимуществу снабжаются ставнями. Остальныя окна хотя и носятъ свои наименованія, но они въ разныхъ

мѣстностяхъ различны: такъ второе окно съ длинной стороны, приходящееся противъ печи, называется *вокно противъ печи* или *препичное* или *предпечное;* второе окно по фронтону—*запечное, запичное, запычне, противъ полу.*

Слово *окно* является общеславянскимъ словомъ. Въ древне-русскомъ языкѣ (XI—XIII в.) употреблялась форма *окъно, окъньце,* причемъ послѣднее слово означало и отверстіе вообще, дыру, дверку. Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи говорится и *окошко, оконко, оконце, окошечко, окошишко, окнишко, оконище, окнище; оконница*—рама окна, *окончина*—стекло окна. Въ малорусскомъ нарѣчіи употребляется форма *викно; викопньиця*—ставень, ставня. По-болгарски *окно,* собственно говоря, слуховое окно; остальныя же окна называются: *прозорци, прьзорци* (въ письменныхъ памятникахъ съ XIV в.), далѣе *пенджери, пенджури* (слова турецкія), *баджа* (турецко-персидское), *цаклота;* на сербскомъ языкѣ, кромѣ слова *окно,* употребляются и слова: *прозоръ* и *пенцер;* по-хорватски—*окно;* по-словински *okno* означаетъ и нишу; по-польски *okno*—окно всякаго рода, *okienica*—ставня; по-чешски и словацки *okno*—окно, а *okenice*—ставня.

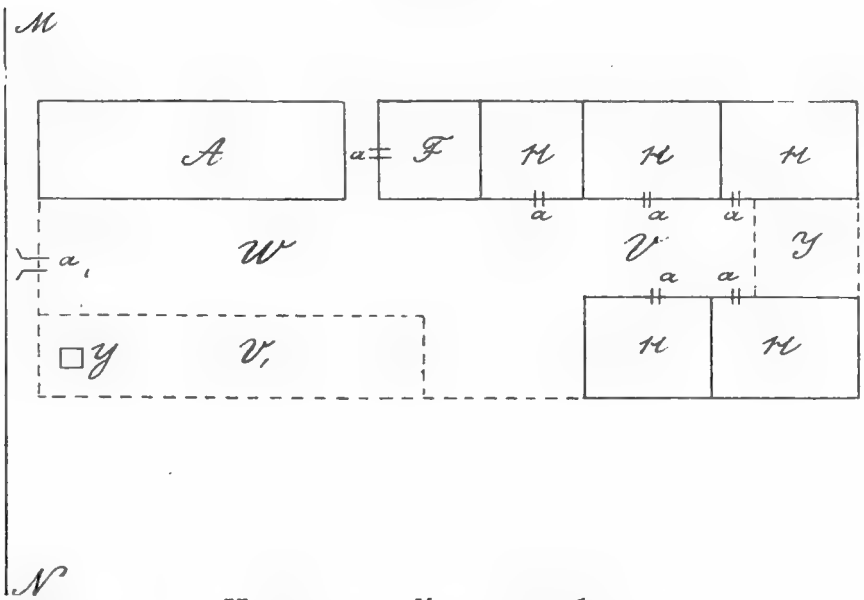
6. Крыльцо и порогъ. Выше неоднократно уже отмѣчалось, что жилой домъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, если онъ находится въ деревнѣ, выходитъ въ большинствѣ случаевъ фронтономъ, т. е. узкой своей стороной, на улицу. Съ этой стороны, безъ различія количества въ ней оконъ, никогда не помѣщается входная дверь. Послѣдняя расположена всегда съ длинной, выходящей обыкновенно на дворъ, стороны. Въ Гродненской губерніи, именно въ Пружанскомъ и Кобринскомъ ея уѣздахъ, не рѣдкостью представляются дома, которые имѣютъ, какъ то видно на рис. 30 и 56, входную дверь съ фронтона, но эта дверь ведетъ не въ жилое помѣщеніе, а въ прилегающее къ нему со стороны фронтона и не связанное съ нимъ внутреннимъ ходомъ хозяйственное помѣщеніе: истопку—кладовую. Фронтонная дверь дома, изображеннаго на рис. 29, ведетъ опять таки не въ жилую комнату, а въ хлѣвъ, не связанный съ послѣдней. Указанное расположеніе входной двери сбоку дома слѣдуетъ разсматривать какъ явленіе вторичнаго порядка. А именно боковая дверь дома появи-



Черт. 9. **Усадьба**

изъ дер. Клюковичи Брестскаго у. Гродненской губ.

A—хата; *F*—клѣть; *G*—гумно *(клуня)*; *H*—хлѣвъ; H_1—конюшня *M*—*N*—улица; V_2—садъ; *W*—дворъ; W_1—прагумень; *Y*—колодецъ; *a*, *a*—двери и калитки; a_1, a_1—ворота; a_2—ворота въ сторону поля.



Черт. 10. **Усадьба**

изъ д. Плебанци Пружанскаго у. Гродненской губ.

A—хата; *F*—клѣть *(комора)*, *H*, *H*—хлѣвы; *J*—навѣсъ; *M*—*N*—дорога-улица; *V*—скотный дворъ съ навозомъ; V_1—огородъ; *W*—чистый дворъ; *Y*—колодецъ; *a*, *a*—двери; a_1—ворота; пунктиръ—изгороди.

лась вмѣстѣ съ появленіемъ сѣней. Дома, предшествовавшіе современнымъ, не имѣли сѣней, и эти жилища, состоявшія лишь изъ одного помѣщенія, имѣли входную дверь съ противоположной фронтону стороны. Въ настоящее время такіе дома представляютъ большую рѣдкость (рис. 9) и принадлежатъ бѣднѣйшей части населенія или же тѣмъ крестьянамъ, которые не успѣли еще обстроиться, какъ напримѣръ, выдѣленные изъ семьи молодые.

Расположенная сбоку дома дверь въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишена крыльца. Однако зачатки его въ Сѣверо-Западномъ краѣ обычны, а именно—весьма часто передъ входной дверью въ землю вдѣланъ объемистый камень или старый, иногда разбитый, жерновъ, отмѣчающій ближайшую передъ входной дверью площадку. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Гродненской и Витебской губ., передъ дверью устанавливается широкій брусъ, одна—двѣ плахи, или устраивается деревянный мостикъ (*помостикъ*, *помостокъ*); въ Минской губ. на ряду съ такими же мостиками пристраиваются къ порогу двери двѣ ступеньки, причемъ верхняя представляетъ площадку аршина въ полтора въ квадратѣ; надъ этой площадкой устраивается крыша въ одинъ скатъ изъ соломы или драни, поддерживаемая двумя столбиками; такое же сооруженіе встрѣчается и въ Виленской губ. (рис. 27 и 34) и называется повсемѣстно обыкновенно *ганокъ*. Вообще говоря, наличность крыльца отмѣчаетъ болѣе зажиточныя хозяйства, а равно шляхетскіе дома. При дальнѣйшемъ своемъ развитіи крыльцо обыкновенно получаетъ двускатную крышу (рис. 61, 178) и вмѣсто двухъ—четыре столбика (рис. 19, 63); затѣмъ нижняя часть его забивается досками, вслѣдствіе чего крыльцо дѣлается полузакрытымъ (рис. 18, 132); наконецъ крыльцо можетъ быть совершенно обшито досками и представляться *глухимъ* (рис. 62). Изрѣдка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. Могилевской губ., крыльцо дѣлается и передъ калиткой между домомъ и воротами (рис. 174). Во всѣхъ случаяхъ крыльцо продолжаетъ носить наименованіе *ганка* (*ганокъ*, *ганекъ*, *ганакъ*, *ганэкъ*, *ганки*) и лишь въ Могилевской губ. глухое и съ крышею

крыльцо называется *крыльцомъ*. Такимъ образомъ крыльцо, хотя и не въ качествѣ обычнаго сооруженія, все же встрѣчается въ Сѣверо-Западномъ краѣ и составляетъ переходную къ жилью пристройку, отдѣляющую его отъ внѣшняго міра. Роль крыльца заключается въ томъ, что оно даетъ обитателямъ дома извѣстныя удобства въ смыслѣ обереганія не только обитателя самого, но и передней части его жилья, т. е. сѣней, отъ дождя и снѣга. Если крыльцо глухое, то роль его еще болѣе существенна, такъ какъ оно, конечно, способствуетъ большему теплу сѣней, а, слѣдовательно, и самаго жилья. Это же послѣднее значеніе имѣетъ отдѣляющій сѣни отъ внѣшняго міра или отъ крыльца, гдѣ таковое имѣется, порогъ т. е. нижній косякъ двери въ видѣ выступа, способствующій болѣе плотному притвору двери.

Сравнительную рѣдкость крыльца въ Сѣверо-Западномъ краѣ тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить, что оно въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ и особенно въ Великоруссіи представляется весьма обычнымъ. Слово *крыльцо*, кромѣ великорусскаго нарѣчія, встрѣчается, какъ кажется, лишь только въ сербскомъ языкѣ: *крылце, крыоце*—крылечко. Въ древне русской рѣчи подъ словомъ крыльцо понималась возвышенная съ лѣстницей площадка передъ дверью; названное слово отчасти замѣнялось словомъ *рундукъ*, употребляемымъ въ настоящее время преимущественно на сѣверѣ, а равно въ Малороссіи, Ярославской, Владимірской, Пермской, Вятской и Новгородской губ. то въ смыслѣ крыльца, то въ смыслѣ сѣней, помоста, а въ Сибири въ смыслѣ порога *). Южные славяне (сербы и отчасти хорваты) употребляютъ для выраженія понятія о крыльцѣ и итальянское слово: *скале, скалине* (рис. 152); въ Черногоріи пользуются и турецкимъ словомъ *басамаке, басамаци;* на сербскомъ языкѣ говорится и *лесница пред кучом* (т. е. передъ домомъ), по болгарски крыльцо—*одъръ;* чехи выражаютъ понятіе о крыльцѣ словомъ *přischodek,* а также *podsinek;* по-словацки говорится *schody* (или *schodky pred domom*), какъ въ смыслѣ лѣстницы, такъ и въ смыслѣ крыльца. На русскомъ языкѣ есть аналогичное слово: *сходня*—лѣстница, въ малорусской рѣчи *сходы;* по-хорватски *shod* означаетъ балконъ; по-польски и чешски

*) Въ Орловской губ. *рундукъ*—особая закрома, для склада зерна въ мѣшкахъ, если нѣтъ амбара, а въ Бессарабской и Херсонской—балаганъ на базарѣ для торговли, кіоскъ.

schody лѣстница. На словинскомъ языкѣ крыльцо *stopnice; stopnja*—ступень, терраса. То же слово употребляется и другими славянскими языками, но преимущественно въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ, а именно въ смыслѣ ступени: по-бѣлорусски—*стопень;* по-малорусски—*ступинь* (и *сходъ*), по-сербски—*стопа, ступань, ступник, ступница*—галлерея; по-хорватски *stopa*—подошва, стопа; по-польски—*stopień* (и *schod*); по-чешски *-stupně;* по-словацки—*stupeň.* Такимъ образомъ слова, выражающія на славянскихъ языкахъ понятіе о крыльцѣ, связаны преимущественно со словами, выражающими понятія о движеніи внизъ или вверхъ. Поэтому по существу отмѣченное выше слово для крыльца *ганекъ,* очевидно, происходящее отъ нѣмецкаго слова *Gang,* не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія. Слова *ганекъ, ганокъ, ганакъ, ганэкъ,* въ смыслѣ крыльца открытаго или закрытаго, употребляются повсемѣстно въ Сѣверо-Западномъ краѣ; то же слово *ганокъ* употребительно въ значеніи галлереи и крыльца и въ малорусской рѣчи. Слово это внѣдрилось къ намъ на западъ повидимому при посредствѣ польскаго языка, на которомъ *ganek* равнымъ образомъ означаетъ крыльцо, галлерею, балконъ и вообще подъѣздъ. Наконецъ то же слово, но въ болѣе чистой формѣ *gang* употребляется въ словинскомъ языкѣ для передачи понятія, очень типичной для словинскихъ домовъ, галлереи верхняго этажа дома (рис. 76), которая называется, между прочимъ, и *hodnik.* На основаніи наличнаго наименованія крыльца (ганокъ) можно предположить, что крыльцо было занесено въ Сѣверо-Западный край изъ польской среды, которая въ свою очередь восприняла крыльцо отъ еще болѣе западныхъ своихъ сосѣдей—нѣмцевъ. Предположеніе это въ отношеніе Сѣверо-Западнаго края подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что крыльцо особенно распространено среди шляхетско-польской части мѣстнаго населенія.

Что касается *порога,* то слово это общеславянское. Въ древней русской рѣчи, напримѣръ, еще въ XIV в. употреблялась форма *прагъ,* сохранившаяся въ церковно-славянской рѣчи; въ современной русской рѣчи, какъ извѣстно, употребляется полногласная форма *порогъ;* говорятъ и *порожекъ, порожишка, порожища;* въ малороссійскомъ нарѣчіи—*порiгъ;* по-болгарски—*прагъ, прадиште* (въ письменности съ X в.), что означаетъ и притолку и порогъ и наддверный косякъ; по-сербски *праг;* въ Черногоріи *прага*—есть какъ нижній, такъ и верхній брусъ двери; по-хорватски и словински—*prag;* по-польски—*prog;* по-чешски и словацки—*prah.*

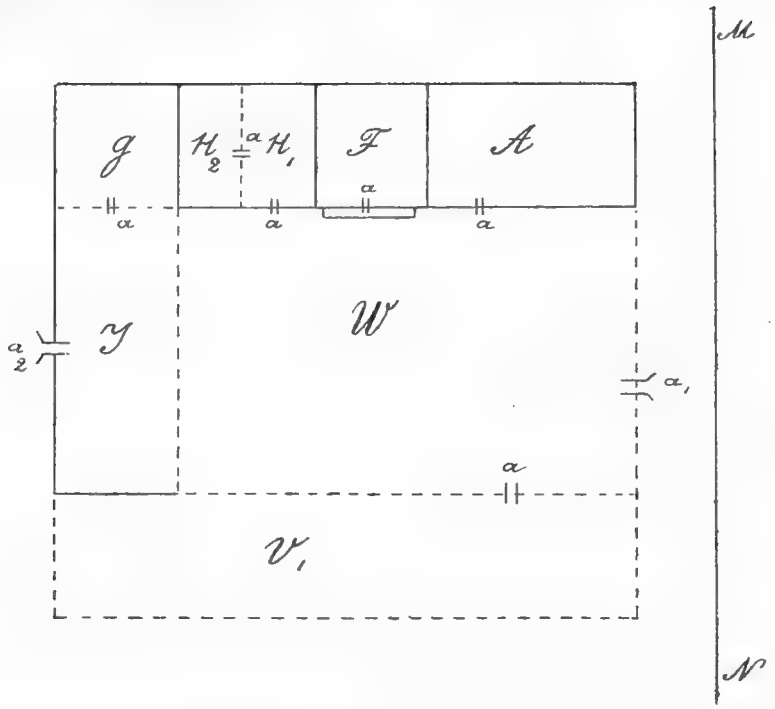
7. Хата—жилой домъ. Описанный выше жилой домъ Сѣверо-Западнаго края представляетъ, какъ видно изъ изложеннаго, сравнительно большое разнообразіе. Разнообразіе это развивалось постепенно. Внѣшнее развитіе заключалось въ томъ, что жилое строеніе увеличивалось въ объемѣ, снабжалось завалиной, ставилось на фундаментъ, срубъ складывался въ замокъ и ошалевывался; крыша изъ четырехскатной превращалась въ двускатную, причемъ со стороны фронтона очищался такъ называемый щитъ; просвѣты замѣнялись волоковыми, а затѣмъ растворяющимися и снабженными стеклами окнами; число ихъ отъ одного или двухъ увеличивалось до четырехъ и болѣе; приэтомъ и размѣръ оконъ увеличивался; пристраивалось крыльцо и т. д. Ближайшій прородитель современнаго дома можно себѣ представить въ слѣдующемъ видѣ: нѣсколько удлиненный четырехугольный срубъ, покрытый четырехскатной соломенной крышей и снабженный двумя волоковыми, расположенными по обѣимъ сторонамъ кутнаго угла, окнами, безъ фундамента, безъ крыльца, съ входной дверью съ узкой, а не длинной стороны. Дома именно этого рода сохранились въ настоящее время въ весьма ограниченномъ числѣ, но отдѣльные, характерные признаки ихъ встрѣчаются то тутъ, то тамъ сравнительно часто. (рис. 1, 8, 9, 108, 122, 129, 141).

Описанный домъ, будь онъ въ большей или будь онъ въ меньшей степени развитъ, носитъ повсемѣстно въ краѣ наименованіе *хата*, *хатка*, *хаточка*, *хатчина*, *хатчонка*, *хащёнка*. Встрѣчается наименованіе крестьянскаго дома и *халупа*, *халупка*, но это названіе употребляется не безъ ироніи и выражаетъ болѣе убогость жилья, чѣмъ понятіе о самомъ жильѣ, какъ таковомъ.

Въ Витебской губерніи хату именуютъ и *хорома*, *хоромина* (также *хабунька*, *хибарка*), но и эти наименованія являются болѣе дополняющими, чѣмъ замѣняющими понятіе, связанное со словомъ хата, какъ жилымъ домомъ. Если хата достигла значительнаго своего развитія съ примѣненіемъ не обычнаго, какъ дерево и солома, матеріала, то она можетъ нести наименованіе

домъ, домикъ. Наконецъ, шляхтичъ съ достаткомъ, имѣющій зажиточную хату, предпочитаетъ называть ее *будынкомъ*, отличая этимъ словомъ свое жилье отъ жилья крестьянскаго.

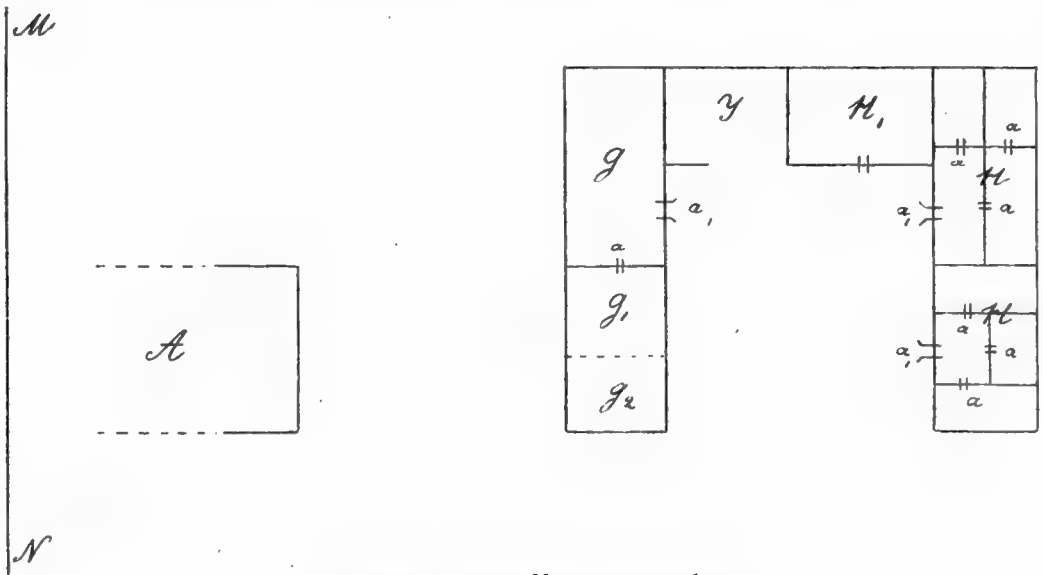
Мы тутъ же считаемъ нужнымъ отмѣтить, что населеніе Сѣверо-Западнаго края, какъ бѣлорусское, такъ и великорусское и шляхетско-польское, несмотря на свое соприкосновеніе на востокѣ съ великорусской территоріею, свой жилой домъ избою не называетъ. Очевидно, что тамъ, гдѣ бѣлоруссы приближаются къ великоруссамъ востока, какъ наприм. въ Минской губ., слово хата употребляется у нихъ на ряду со словомъ изба, такъ же какъ наприм. въ Курской, гдѣ крестьянинъ про свой домъ говоритъ и хата и изба, но гдѣ находится данная грань и въ какомъ направленіи она слѣдуетъ—опредѣлить съ точностью представляется труднымъ. Въ настоящее время, время живого общенія всѣхъ частей населенія Россіи, главнымъ образомъ въ виду воинской повинности и желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, невозможно сказать, чтобы бѣлоруссу слово изба было неизвѣстно, тѣмъ не менѣе оно ему чуждо. Правда, въ Сѣверо-Западномъ краѣ употребляется другое слово, которое въ старину, а мѣстами и нынѣ представляется синонимомъ избы, а именно *истопка* (*стопка, сдепка* и т. п.). Однако слово это означаетъ не жилой домъ, а кладовую. Мы еще вернемся къ этому наименованію. Выше уже было отмѣчено, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ завалина несетъ названіе *призбы*, т. е. какъ-бы придатка, при избѣ находящагося. Этотъ придатокъ или по крайней мѣрѣ его наименованіе могъ быть занесенъ въ край и впослѣдствіи, но въ немъ возможно также видѣть сохранившееся воспоминаніе о наименованіи изба, какъ выраженія для жилого дома, выраженія нынѣ забытаго и замѣненнаго словомъ хата. Во всякомъ случаѣ на основаніи термина призба было бы рискованно выводить заключеніе, будто прототипъ бѣлорусской хаты назывался избою. Мы желаемъ этимъ выразить мнѣніе, что хата и изба, какъ бы онѣ, благодаря однородному пріему и способу постройки, не походили въ настоящее время другъ на друга (а родственная



Черт. 11. **Усадьба**

изъ с. Микуличи Рѣчицкаго у. Минской губ.

A—хата; *F*—клѣть; *G*—сѣновалъ и коровникъ; H_1—конюшня; H_2—овчарня; *J*—навѣсъ; *M*—*N*—улица; V_1—огородъ; *a*, *a*—двери; a_1—ворота къ улицѣ; a_2—ворота къ гумну; пунктиръ—изгороди.



Черт. 12. **Усадьба**

изъ д. Малорыта Брестскаго у. Гродненской губ.

A—хата; *G*—сѣновалъ; G_1—гумно *(токъ)*; G_2—засторонокъ; *H*, *H*—скотный сарай съ отдѣленіями; H_1—конюшня; *J*—навѣсъ; *M*—*N*—улица; *a*, *a*—двери; a_1, a_1—ворота.

связь между ними несомнѣнна), произошли отъ строеній, имѣвшихъ существенное въ свое время различіе. Прототипъ хаты и избы едва ли возможно возстановить въ настоящее время съ полною точностью. Тѣмъ не менѣе можно утверждать, что эти прототипы были различны. Мы хотимъ далѣе выразить мысль, что современная хата Сѣверо-Западнаго края, происходя изъ иного прототипа, чѣмъ современная изба, заслужила благодаря своимъ особенностямъ и особое наименованіе, т. е. что послѣднее внѣдрилось въ край не механически, а въ тѣсной связи съ извѣстными органическими особенностями жилья. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы прототипъ избы никогда не существовалъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Напротивъ, какъ мы увидимъ ниже, есть основаніе утверждать совершенно противоположное. Но развитіе свое современное жилье получило въ краѣ не отъ прототипа избы (который, какъ будетъ сказано ниже, заглохъ), а отъ прототипа хаты. Хотя это наше мнѣніе и съ трудомъ поддается доказательствамъ (мы остановимся на нихъ ниже), тѣмъ не менѣе держаться противоположнаго мнѣнія трудно потому, что нѣтъ возможности, казалось бы, предполагать, что жилище при тождественномъ происхожденіи можетъ нести разныя наименованія. По нашему мнѣнію, жилище принадлежитъ къ тѣмъ основнымъ факторамъ быта народнаго, которые упорно сохраняютъ исконнія наименованія и не имѣютъ склонности мѣнять ихъ подъ чужимъ воздѣйствіемъ безъ измѣненія существа. Достаточно въ данномъ случаѣ остановиться на слѣдующемъ примѣрѣ. Всему славянству извѣстно слово *домъ*, но нигдѣ славяне не понимаютъ подъ этимъ словомъ исконное свое жилище: подъ *домомъ* всегда разумѣется жилье уже измѣненное, утратившее въ большей или меньшей степени первоначально—мѣстный обликъ.

Слово *хата* неоднократно возбуждало вопросъ о его происхожденіи. Нѣкоторые (напр. Миклошичъ, Карловичъ) находили возможнымъ связывать названное слово съ словомъ *ята*, встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ смыслѣ

клѣти, кладовой. На это дѣлаются и съ точки зрѣнія филологическихъ и съ точки зрѣнія этнографическихъ соображеній вѣскія возраженія. По мнѣнію Е. Ѳ. Карскаго, слово *хата* слѣдуетъ сопоставить съ староперсидскимъ словомъ *kota* и съ новоперсидскимъ *kad*, *kadah*, что означаетъ домъ; при этомъ Е. Карскій считаетъ нужнымъ отмѣтить, что у якутовъ *хот* или *хат* означаетъ землянку. Такимъ образомъ возможно допустить, что хата иранскаго происхожденія и что она при посредствѣ русскаго племени перешла къ нѣкоторымъ другимъ славянскимъ народамъ, а также, быть можетъ, на востокъ, какъ напримѣръ, къ якутамъ. О чуждомъ славянству происхожденіи слова хата высказывается и А. И. Александровъ, профессоръ Казанскаго университета, указывая, что названное слово не имѣетъ въ славянскихъ языкахъ родственной группы словъ. При этомъ профессоръ Александровъ склоненъ допустить, что слово *jata* (*ята*) произошло отъ слова хата. Не принимая на себя тяжелой задачи разрѣшить вопросъ о происхожденіи словъ хата и ята и о взаимномъ ихъ другъ къ другу отношеніи, мы считаемъ долгомъ остановиться здѣсь на нихъ, дабы облегчить въ будущемъ разъясненіе вопроса.

Слово *хата* встрѣчается изъ славянскихъ языковъ только въ русскомъ, польскомъ, чешскомъ и словацкомъ. Остальные славяне этого слова не знаютъ. Хотя великоруссъ и употребляетъ слово хата, но на его языкѣ оно обыкновенно означаетъ плохую избу; поэтому можно утверждать, что для него хата есть жилье, ниже избы. Во всякомъ случаѣ обычное, нормальное крестьянское жилище великорусса есть изба, а не хата. Въ народныхъ поговоркахъ хата и изба какъ бы равны другъ другу, означая обѣ жилой домъ: „не красна изба углами, а красна пирогами“, „чѣмъ хата богата, тѣмъ рада“, „моя хата (изба) съ краю, я ничего не знаю“. Въ Тверской губерніи *хата* означаетъ зимовку, скотное помѣщеніе во дворѣ для дойныхъ коровъ и телятъ, а равно и избу; въ Рязанской губерніи—клѣть. Крестьянскій домъ на малорусскомъ нарѣчіи называется всегда, какъ и на нарѣчіи бѣлорусскомъ, хатой. При этомъ малорусская хата можетъ быть

изъ разнообразнаго матеріала: изъ бревенъ (срубъ), плетеная и обмазанная глиной, глинобитная; она можетъ быть крашенной или нѣтъ. На малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ *хата* означаетъ не только жилой домъ, но и жилую (съ печью) комнату; далѣе для малорусса хата означаетъ и дворъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ хата называется и *хатына*. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ: въ Харьковской, Екатеринославской и Гродненской губерніяхъ, *хатиной* называется кухня; *хаткой* въ Кобринскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, называютъ отгороженное въ сѣняхъ мѣсто для спанья. Въ русской части Галиціи жилая комната называется такъ же какъ и среди нашего малорусскаго и бѣлорусскаго населенія, *хатой*. На польскомъ языкѣ: *chata*—изба, хижина, *chatka*—избушка, хижинка; на чешскомъ: *chata*—изба; *chatiska*—избенка, хижинка; то же значеніе имѣетъ и слово *chatrč*, означающее и землянку; на словацкомъ языкѣ: *chata*—изба, *chatrc*—лачуга, мизерное жилье.

Современная хата, представляющая въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ сказано, срубъ, покрытый соломенной крышей—есть зданіе не только однородное съ великорусской избой, но и аналогичное съ жилищами почти всего славянскаго міра (за исключеніемъ балканскихъ славянъ). Однако если обратить вниманіе на хату малороссійскую, то во многихъ мѣстахъ она несетъ своеобразныя черты. А именно малороссійская хата, хотя и далеко не повсемѣстно, но все же, повидимому, въ типичномъ ея видѣ—есть не срубъ, а мазанка (рис. 127, 158) или даже глинобитная постройка (рис. 162, 163). Если же обратиться къ великорусскому населенію, то мы не можемъ не признать, что великоруссъ подъ избой понимаетъ строеніе изъ сруба. Осложненіе сруба, напр. развитіе его въ двухэтажное зданіе, можетъ и не мѣнять наименованія, но никогда великоруссъ не назоветъ свое жилище избой, если бы ему, по какимъ либо условіямъ, пришлось его сдѣлать въ видѣ мазанки или глинобитнымъ. Поэтому, казалось бы, можно думать, что прототипъ хаты не было срубчатое зданіе, а быть можетъ зем-

лянка. Эта послѣдняя могла имѣть и другія, нынѣ утраченныя особенности. Она могла, смотря по условіямъ данной мѣстности, развиться въ глинобитную постройку, могла перейти и въ мазанку и, двигаясь къ мѣстностямъ, обильнымъ лѣсомъ, переродиться въ срубъ. Столкнувшись съ избой, хата могла видоизмѣниться подъ ея вліяніемъ, могла и въ свою очередь воздѣйствовать на нее и въ концѣ концовъ сдѣлаться въ сущности ея синонимомъ, какъ мы то видѣли на рубежѣ великорусскаго съ одной стороны и бѣлорусскаго и малорусскаго племени съ другой стороны, а равно у поляковъ и словаковъ.

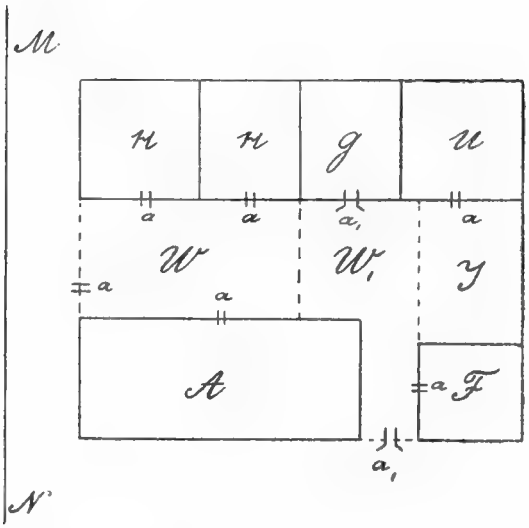
Однако хату едвали правильно считать происшедшей изъ землянки. Правда, намекъ на такое ея происхожденіе какъ бы имѣется въ тѣхъ хатахъ, которыя представляютъ изъ себя глинобитныя постройки, но слѣдуетъ, какъ указано, имѣть въ виду, что глинобитность совершенно не обязательна для хаты. Напротивъ хаты большинства мѣстностей построены не изъ глины. Такъ хаты Сѣверо-Западнаго края, а равно края Юго-Западнаго, отчасти Малороссіи, далѣе у поляковъ, чеховъ и словаковъ— строенія срубчатыя; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ хаты представляютъ плетеныя и обмазанныя глиной зданія. Послѣднее указываетъ скорѣе на происхожденіе хаты изъ шалаша. Къ тому же слѣдуетъ имѣть въ виду, что ни у одного изъ славянскихъ народовъ хата не понимается въ смыслѣ землянки, а выражаетъ понятіе о жиломъ домѣ наземномъ, указанной выше разнообразной конструкціи. Хотя въ чешскомъ языкѣ подъ словомъ chatrč и подразумѣвается землянка, но слово это уменьшительное и означаетъ и избенку и хижинку, т. е. вообще убогое жилье, также какъ чешское же chatiska и словацкое chatrc.

Тамъ, гдѣ славянское населеніе пользуется землянкой въ качествѣ временнаго или постояннаго жилья, оно именуетъ ее совершенно другими словами, чѣмъ слово хата. Такъ, напримѣръ, послѣднеозначеннымъ словомъ русское населеніе Бессарабіи называетъ жилой домъ (мазанку по плетню или по камышу или

глинобитную постройку), землянку же именуетъ либо: *землянка*, либо *бурдей*. Этимъ послѣднимъ словомъ выражаетъ понятіе о землянкѣ и болгаринъ, который землянку называетъ и *ижа* или *хижа*. Тѣмъ же словомъ передается понятіе о землянкѣ отчасти у чеховъ (*zemni chyše*), отчасти у насъ на Дону (*хижка*). Далѣе землянку означаютъ на славянскихъ языкахъ слова: *buda*—у словаковъ (*do zemi vykopana buda*), *колиба*, *колибица*—у сербовъ, *курень*—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ великоруссами, отчасти *barak*—у чеховъ. Если не считать Болгаріи, гдѣ землянка (*бурдей, бурдель* и *ижа*) является еще обычнымъ жильемъ, можно отмѣтить, что отъ подземнаго жилья все славянство, тамъ гдѣ оно имъ пользовалось, отстало, что оно не сохранило опредѣленнаго термина для выраженія понятія о землянкѣ: выше отмѣченныя слова имѣютъ отчасти и другое значеніе. Вмѣсто терминовъ въ славянскихъ языкахъ появились новѣйшія выраженія: такъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ—*землянка*, въ сербскомъ — *подземльушка*, *земуница*, въ польскомъ—*lepianka z ziemi* и т. п.

Если мы снова обратимся къ слову хата, то отмѣтить слѣдуетъ, что оно выражаетъ понятіе о наземной постройкѣ, либо служащей для жилья, либо служащей для хозяйственныхъ надобностей. Такъ: 1) хата среди великорусскаго и отчасти польскаго населенія означаетъ хижину, убогое жилье; 2) хата можетъ означать и хлѣвъ или вообще скотное помѣщеніе; въ этомъ именно смыслѣ названное слово употребляется въ Тверской губ.; 3) въ Рязанской губ. означенное слово употребляется въ смыслѣ клѣти; 4) наконецъ хата, какъ указывалось, означаетъ жилище, обычный деревенскій домъ, а именно у бѣлоруссовъ, малоруссовъ, отчасти у поляковъ, чеховъ и словаковъ.

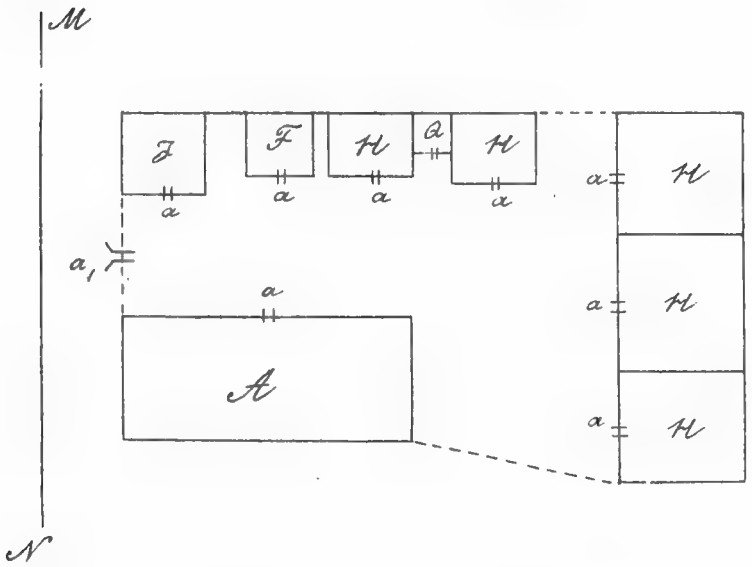
Что въ основу хаты легла не землянка, по нашему мнѣнію, косвенно доказывается, между прочимъ, данными по исторіи развитія жилья у насъ на юго-западѣ, а именно въ губерніяхъ Бессарабской и Херсонской. Въ первой изъ нихъ землянка сохранилась, какъ указывалось, въ качествѣ обычнаго жилья у



Черт. 13. **Усадьба**

изъ д. Даниково Люцинскаго у. Витебской губ.

A—хата; *F*—клѣть; *G*—сѣновалъ (*пуня*); *H*, *H*—хлѣвы; *J*—навѣсъ (*повѣтъ*); *M*—*N*—улица; *U*—истопка; *W*—дворъ; W_1—часть двора (*улица*); *a*, *a*—двери; a_1—ворота.



Черт. 14. **Усадьба**

изъ с. Теребежово Пинскаго у. Минской губ.

A—хата; *F*, *F*—клѣти; *H*, *H*—хлѣвы; *M*—*N*—улица; *Q*—погребъ; *a*, *a*—двери; a_1—ворота.

цыганъ съ наименованіемъ бурдей *). Та же землянка встрѣчается въ качествѣ жилья отчасти у молдавскаго населенія Бессарабіи. Она представляетъ выкопанную въ землѣ яму, покрытую двускатной крышей (рис. 184, 185). Входъ въ бурдей съ узкой стороны, т. е. такъ сказать со стороны щита, который отсутствуетъ. Такого рода землянка получила дальнѣйшее развитіе. А именно, выйдя изъ подъ земли, она получила стѣны, сложенныя изъ жердей и обмазанныя глиной (какъ у обычной мазанки). Крыша, своеобразной конструкціи, отличной отъ конструкціи крыши хаты, полуплоская (не оставляющая простора для чердака), покрытая глиной, иногда поросшей травой. Входъ съ длинной стороны. Генетическая связь такой мазанки съ описанной выше землянкой не подлежитъ, благодаря наличному ряду переходныхъ стадій, сомнѣнію. Эта мазанка именуется: у молдавскаго населенія *бурдей*, у русскаго же—*землянкой*. Въ большинствѣ случаевъ она служитъ для хозяйственныхъ надобностей, но можетъ служить и жильемъ. Въ послѣднемъ случаѣ внутреннее ея устройство соотвѣтствуетъ таковому у хаты. Однако хатой такая землянка-будей не называется. Въ западной части Херсонской губ. описанная землянка получила большое распространеніе и въ качествѣ развитыхъ хозяйственныхъ сооруженій и въ качествѣ развитого жилья. Такъ какъ здѣсь и хата зачастую является мазанкой и такъ какъ внутреннее ея устройство, какъ указано, тожественно съ внутреннимъ устройствомъ землянки-мазанки, то существо различія между послѣдней и хатой-мазанкой заключается исключительно въ крышѣ: у первой она глиняная, полуплоская, у второй она высокая, крытая соломой или черепицей. Поэтому мѣстное русское населеніе, употребляя слово хата въ смыслѣ жилого дома вообще именуетъ видоизмѣненную бурдей *землянкой*, а собственно хату—*верховой* (хатой).

Возвращаясь снова къ Бессарабіи, слѣдуетъ отмѣтить, что мѣстное жилье нерѣдко строится изъ камыша, которымъ осо-

*) Слово это въ томъ же смыслѣ подземнаго жилья встрѣчается въ Болгаріи (*бурдей, бурделъ, бурделница*, что означаетъ и погребъ), отчасти въ сербскомъ языкѣ и у насъ на югѣ. Другимъ славянскимъ языкамъ слово это не извѣстно.

бенно богаты Приднѣстровье, а равно мѣстности, прилегающія къ Дунаю, Пруту и многочисленнымъ лиманамъ юга губерніи. Остовъ такого жилья состоитъ изъ брусьевъ, соединенныхъ между собою жердями, между которыми вплетенъ камышъ. Такое жилище, явно несущее характеръ шалаша, обмазано снаружи и изнутри глиной и покрыто четырехскатной камышовой крышей. Эта мазанка носитъ наименованіе: у молдавскаго населенія—*каса*, у болгарскаго—*кышта*, у русскаго—*хата*. Такого рода жилье, иногда почти кубической формы, можетъ быть разсматриваемо какъ ближайшее къ прототипу хаты зданіе съ бо́льшимъ, какъ намъ кажется, правомъ, чѣмъ землянка. Кромѣ описаннаго только что жилья, въ Бессарабіи строятся мазанки не изъ камыша, а изъ прутьевъ, равнымъ образомъ обмазываемыхъ глиной (рис. 181, 181, 183). Затѣмъ также весьма обычнымъ жильемъ являются строенія чамурныя, т. е. сложенныя изъ глины, смятой съ соломой *). Какъ этого рода постройки, такъ и мазанки безъ различія на плетневомъ или камышовомъ основаніи носятъ на мѣстныхъ языкахъ наименованія: каса, кышта, хата. Изъ этого возможно сдѣлать заключеніе, что чамурныя постройки являются усовершенствованнымъ типомъ мазанки, въ основу которой легъ шалашъ, а не землянка. Кстати тутъ же будетъ отмѣтить, что подъ болгарскимъ словомъ *кышта*, означающемъ домъ вообще, надо понимать шалашъ, какъ прототипъ развившагося впослѣдствіи дома. Если, слѣдовательно, признать, что Бессарабская хата (кышта, каса) есть постройка камышовая, плетневая и глиняная, постепенно измѣнявшаяся и переходившая отъ менѣе прочнаго къ болѣе прочному матеріалу, то совершенно естественно допустить, что та же хата въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ переродилась въ срубъ, тѣмъ самымъ усвоивъ себѣ обликъ избы, строенія равнымъ образомъ срубчатаго **).

*) Чамурные дома, сооруженные не наспѣхъ, а въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ, отличаются сухостью, прочностью и долголѣтіемъ, позволяющимъ пользоваться ими въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

**) Аналогичный примѣръ мы видимъ на другомъ славянскомъ жилищѣ, на *хишь*. Это жилье, первоначально землянка (современная болгарская *ижа*

Переходя къ слову *ята*, слѣдуетъ отмѣтить, что оно въ великорусскомъ говорѣ почти не встрѣчается и употребляется на югѣ Россіи, повидимому, подъ вліяніемъ малорусскаго нарѣчія, на которомъ *ята* означаетъ палатку, торговое мѣсто на базарѣ, балаганъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ *ята* встрѣчается, какъ кажется, исключительно въ Гродненской губерніи опять таки, повидимому, подъ вліяніемъ малорусскаго говора. Въ этой губерніи ята означаетъ мелочную, подвижную съ харчевыми припасами лавочку. Изъ другихъ славянскихъ языковъ ята встрѣчается въ сербскомъ и польскомъ языкахъ. На первомъ изъ нихъ *jama* означаетъ закрытое отъ дождя мѣсто, клѣть, кладовую, а на польскомъ: *jata*—шалашъ, шатеръ; *jatka*—шалашекъ. Затѣмъ на сербскомъ, болгарскомъ, хорватскомъ и словинскомъ языкахъ существуютъ слова, которыя, казалось бы, возможно поставить въ нѣкоторую связь со словомъ ята. А именно: по сербски *ајат*—клѣть, кладовая, *вајат*—кладовая, коморка, клѣть, *вајата* (въ Черногоріи)—помѣщеніе у гумна для соломы и мякины, *појата*—въ Черногоріи то же что *вајата;* въ другихъ мѣстахъ съ сербскимъ населеніемъ—хлѣвъ, клѣть, сѣновалъ, сарай, *појатак* спальня, *појатица*—коморка, *поята* въ Болгаріи—хлѣвъ, въ частности овчарня; въ значеніи крова, дома, это слово встрѣчается въ болгарскихъ писанныхъ памятникахъ XIII в. На сербскомъ языкѣ слово поята означаетъ также конюшню, комнату; на хорватскомъ—сарай для мякины; *хајат*—по сербски клѣть, кладовая. Послѣднеозначенное слово въ формѣ *хаята* встрѣчается и въ языкѣ гагаузовъ Бессарабской губерніи и означаетъ сѣни, прихожую въ землянкѣ, служащей имъ мѣстами жильемъ; у болгаръ названной губ. указанное слово означаетъ сѣни, характеризуемыя наличностью очага—камина. Наконецъ въ словинскомъ языкѣ есть слово *bajta*, означающее хижину вообще, въ частности жилище-избу горнаго пастуха.

Выше указано, что жилое зданіе, болѣе или менѣе отличающееся по внѣшнему виду отъ крестьянской хаты, въ Сѣверо-Западномъ краѣ называется *домомъ* и что благоустроенная хата шляхтича часто именуется *будынекъ (будынокъ)*. По этому поводу слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что слово *домъ* очень распространено въ славянскихъ языкахъ. Въ старорусскомъ языкѣ *домъ* въ смыслѣ жилища, зданія, хозяйства, домашняго устройства, семьи, домашнихъ, рода, имѣнія, имущества, храма употребляется очень давно. Это слово встрѣчается

или *хижа*) переродилось въ богатыхъ лѣсами городахъ южной Австріи въ срубъ, а затѣмъ превратилось въ каменный домъ. Мы еще вернемся къ этому славянскому жилью также, какъ и къ болгарской кыштѣ.

уже въ договорѣ Игоря съ греками подъ 945 г. Широкое значеніе слова домъ (въ малорусскомъ нарѣчіи *домъ*) въ современномъ русскомъ языкѣ извѣстно. Болѣе или менѣе въ томъ же, что и въ русскомъ языкѣ, значеніи употребляются слова: *дом*—на сербскомъ, *dom*—на хорватскомъ и польскомъ и *dům*—на чешскомъ языкахъ. На словинскомъ языкѣ слово *dom* употребляется болѣе въ переносномъ значеніи: въ смыслѣ родительскаго дома, родины; *домъ*—въ болгарскомъ (въ памятникахъ съ XI в.) употребляется больше въ формѣ нарѣчія: *дома, домака,* т. е. дома, домой.

Что касается слова *будынекъ (будынокъ),* то оно, очевидно, стоитъ въ связи съ глаголомъ *будовать* (бѣлорусское-*будоваць,* малорусское-*будуваты),* т. е. строить. Въ старинномъ нашемъ языкѣ встрѣчается слово *буда* въ смыслѣ плетенки (XII в.) и плетенаго шалаша (XVI в.), а равно въ смыслѣ постройки вообще, склепа для покойниковъ. Въ настоящее время слово *буда* и тому подобныя означаютъ во многихъ мѣстностяхъ шалашъ, временное жилье: *будка (бутка)*—всякое отдѣльное строеніе для пріюта и защиты отъ непогоды, сторожка, шалашъ, балаганъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ *буда*—есть двускатный или полукруглый соломенный шалашъ для сторожа, (см. рис. 32), или для погонщиковъ плотовъ (см. рис. 33), верхъ у повозки (кибитка); *будка*—шалашъ, *будовля* –искусство строенія, *будынокъ*—господскій домъ; въ Курской губ. *будка*—плетеный сарай надъ погребомъ. На малороссійскомъ нарѣчіи *буда* означаетъ шалашъ, *будынокъ*—домъ, *будка*—сторожка, шалашъ, *будова*—складъ, а также строеніе; это послѣднее значеніе имѣетъ и слово: *будивля.* Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, напримѣръ въ Екатеринославской губерніи, *будка* означаетъ кладовую сбоку сѣней, также отдѣльно стоящую клѣть, т. е. амбаръ (рис. 68), а равно глинобитное помѣщеніе для гусей и свиней (рис. 69). Въ Россіи не мало селеній сохранили въ своихъ наименованіяхъ слова *будъ, буда,* напримѣръ, Буда-Кошелевская станція близъ Гомеля, Буда-Моргихина—мѣстечко въ Черниговской губерніи, Будакскій соляной лиманъ въ Бессарабской губерніи, Бударинская станица въ Уральской области, Буды—деревня въ Бѣловѣжской пущѣ, въ Гродненской губерніи; того же наименованія многочисленныя деревни въ другихъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, какъ напримѣръ: Будовище, Будилы, Будище, Будовыя, Будки, Будвице и т. д. Изъ другихъ славянскихъ языковъ намъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть о сербскомъ, польскомъ, чешскомъ и словацкомъ. На первомъ изъ означенныхъ языковъ *буда* означаетъ балаганъ, палатку (для продажи), ярмарочный шатеръ. На

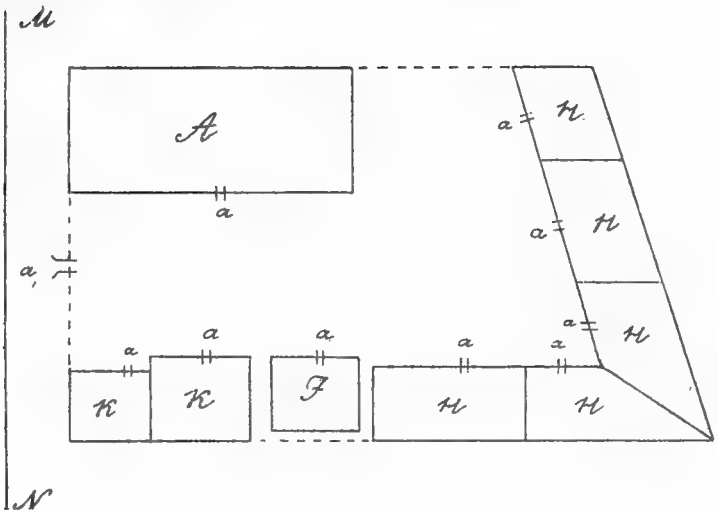
польскомъ: *budowa* и *budynek* означаютъ зданіе, строеніе вообще; въ томъ же смыслѣ употребляются слова: чешское *budowa* и словацкое *budova;* кромѣ того на чешскомъ языкѣ имѣется слово: *budka*—хижина и на словацкомъ: *buda*—хижина, шалашъ, ларь, *budka*—шалашъ и *budinok*—постройка; на послѣднеозначенномъ языкѣ слово *buda* можетъ имѣть значеніе и землянки.

На основаніи изложеннаго нельзя не отмѣтить, что слово буда и ему подобныя имѣютъ значеніе первобытнаго жилья преимущественно у восточной и западной группы славянъ. Отмѣтить это представляется не безъинтереснымъ для соображенія вообще вопроса о развитіи славянскихъ жилищъ и перехода простѣйшихъ формъ въ позднѣйшія и поэтому болѣе сложныя.

Что касается слова *хорома,* то оно въ русскомъ языкѣ очень древнее и означало какъ жилой домъ, такъ и горницу, клѣть, свѣтлицу, наконецъ вообще отдѣльныя, не соединенныя или соединенныя между собою сѣнями части *(хоромины)* всего дома, а равно церковь (стар. *храмина,* соврем. *храмъ*)*). Въ Витебской губерніи употребляется множественное число: *хоромы* въ смыслѣ жилья и хозяйственныхъ зданій. Въ старорусскомъ языкѣ подъ *хоромами* подразумѣвался жилой домъ; слово это выражало, какъ и теперь въ Витебской губ., комплексъ большихъ помѣщеній, просторный домъ; *хоромина*—жилой домъ, изба; *хоромина*—небольшая изба объ одну комнату, какъ то говорится нынѣ на Сѣверѣ и Востокѣ; *хоромный лѣсъ*—строевой лѣсъ; *хоромникъ, хоромщикъ*—строитель, плотникъ. Въ Вологодской губ. подъ *хоромами* понимаютъ хозяйственную, всегда очень обширную часть дома; въ Владимірской губ., напр. въ Меленковскомъ уѣздѣ, *хоромы*—двѣ соединенныя сѣнями избы.

Наконецъ въ отношеніе слово *халупа* слѣдуетъ отмѣтить, что оно, кромѣ бѣлорусской рѣчи, встрѣчается еще въ малорусскомъ нарѣчіи и вообще на югѣ въ смыслѣ убогой хаты, избушки, хижины; *халупникъ*—бобыль, безземельный крестьянинъ, у котораго есть хата и огородъ. Кромѣ того, слово это встрѣчается въ польскомъ, чешскомъ и словацкомъ языкахъ *(chalupa),* болѣе или менѣе въ одномъ и томъ же значеніи избы, хижины. Нѣкоторые производятъ это слово отъ греческаго καλυβη и сопоставляютъ его со словомъ *колиба,* встрѣчающемся почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ смыслѣ хижины, лачуги, шалаша.

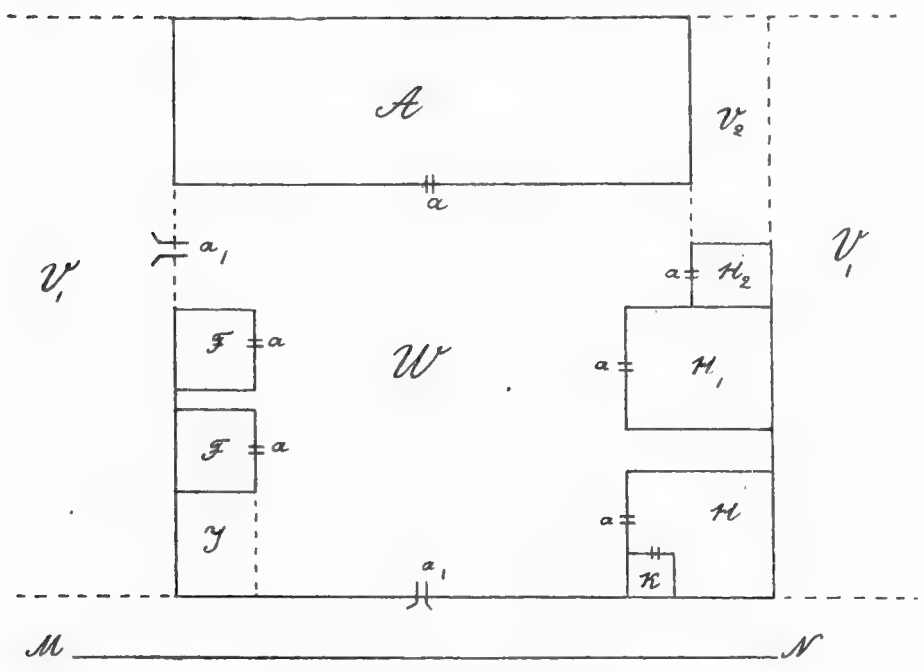
*) Древнія *хоромы* состояли преимущественно изъ трехъ этажей: внизу *подклѣти,* въ среднемъ *житьѣ* или ярусѣ—*горницы, повалуши, свѣтлицы;* вверху—*чердакъ, терема, вышки.* (И. Забѣлинъ.—Дом. бытъ царей, I).



Черт. 15. **Усадьба**

изъ с. Пинковичи Пинскаго у. Минской губ.

A—хата; *F*—клѣть; (*комора*); *H*, *H*—хлѣвы; *K*, *K*—свинушники; *M*—*N*—улица; *a*, *a*—двери; a_1—ворота.



Черт. 16. **Усадьба**

типа, встрѣчающагося спорадически въ Витебской губ. (новый типъ); по Н. Я. Никифоровскому.

A—хата; *F*, *F*—клѣти; *H*—хлѣвъ; H_1—конюшня; H_2—овчарня; *J*—навѣсъ, (*повѣтъ*); *K*—свинушникъ; *M*—*N*—дорога (*вулица*); V_1, V_1—площадь огорода; V_2—садикъ; *W*—дворъ; *a*, *a*—двери; a_1, a_1—ворота

Надлежитъ тутъ же отмѣтить, что исторія развитія славянскихъ жилищъ шла не только у отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но и въ разныхъ мѣстностяхъ, обитаемыхъ однимъ племенемъ, не всегда одинаково. Это явленіе стоитъ въ связи съ тѣми особенностями почвы и климата, которыя характеризуютъ ту или другую мѣстность, а также съ тѣми вліяніями, которымъ разновременно подвергались многочисленныя славянскія племена, занявшія колоссальную по своимъ размѣрамъ территорію. Наконецъ, взаимное вліяніе отдѣльныхъ славянскихъ племенъ другъ на друга равнымъ образомъ не должно быть упускаемо изъ вида при соображеніи вопроса о развитіи ихъ жилищъ.

Вотъ почему для опредѣленія общихъ понятій о жильѣ, зданіи, строеніи, а равно въ частности о первобытномъ жилищѣ, какъ шалашъ, шатеръ и т. п., наряду съ тожественными или аналогичными наименованіями, мы встрѣчаемъ, какъ указано, и, какъ мы увидимъ ниже подробнѣе, у отдѣльныхъ группъ славянскихъ народовъ, зачастую весьма различныя наименованія.

B. Хозяйственныя постройки.

1. Хлѣва. Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ современныхъ хозяйственныхъ построекъ Сѣверо-Западнаго края едвали не первымъ по времени происхожденія слѣдуетъ считать хлѣвъ. Въ самомъ дѣлѣ, если себѣ представить, что уже на зарѣ земледѣльческаго своего быта мѣстный житель былъ одновременно и скотоводомъ, можно предположить, что уже въ то время крестьянинъ оказывалъ заботливость домашнимъ животнымъ, на безопасности которыхъ зиждилось въ значительной степени благосостояніе его семьи. Эта заботливость должна была выражаться въ огражденіи скота и отъ хищныхъ звѣрей и отъ стужи, особенно въ зимнее время. Поэтому загоны, навѣсы и т. п. приспособленія, хотя бы самаго первобытнаго свойства, должны были появиться уже весьма давно. Суровость климата Сѣверо-Западнаго края не могла не содѣйствовать развитію болѣе или менѣе обособленныхъ помѣщеній для скота, которыя мы встрѣ-

чаемъ въ настоящее время. Тамъ, гдѣ климатическія условія благопріятны, какъ, напримѣръ, у насъ на югѣ или у южныхъ славянъ, помѣщенія для скота сохранили въ большей мѣрѣ свои первобытныя формы. Такъ, въ Бессарабской губ. скотъ находитъ себѣ убѣжище зачастую лишь за камышовой изгородью, или въ загонѣ, окруженномъ стѣною изъ навоза *(захата)*. Въ горахъ, обитаемыхъ южными славянами, равнымъ образомъ встрѣчаются загоны и иныя несложныя приспособленія для укрытія скота отъ непогоды. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить, напримѣръ, навѣсы, встрѣчающіеся въ горахъ Крайны, сложенные изъ камня и жердей (рис. 86). Интересно въ такомъ навѣсѣ и то, что онъ, не смотря на свои весьма неусовершенствованныя формы, называется хлѣвомъ *(hlev)*. Примѣненіе этого слова къ простѣйшимъ формамъ сооруженія и общность названнаго слова у всѣхъ славянъ показываютъ, что хлѣвъ, какъ приспособленное для скота помѣщеніе, весьма древенъ. Суровый климатъ Сѣверо-Западнаго края не позволилъ, конечно, пользоваться подобнымъ изображенному навѣсомъ долгое время и крестьянинъ былъ вынужденъ изыскивать иной способъ огражденія скота. Простѣйшій въ данномъ случаѣ способъ заключался въ томъ, что скотъ помѣщался въ жильѣ. Этотъ способъ и по настоящее время не вывелся, особенно въ отношеніи молодыхъ животныхъ: телятъ, ягнятъ, которые и теперь еще помѣщаются въ хатѣ, гдѣ имъ нерѣдко удѣляютъ особыя помѣщенія, какъ, напримѣръ, подъ нарой *(полъ)* въ такъ называемомъ подпольѣ или подъ печью въ такъ называемомъ *подпечкѣ*. Такое сосѣдство, допустимое, собственно говоря, лишь въ отношеніи мелкаго или молодого скота, не можетъ считаться удобнымъ. Поэтому крестьянинъ озабочивался удаленіемъ скота изъ жилья, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять его при себѣ. Поэтому мы и до сего времени видимъ, что въ качествѣ хлѣва весьма нерѣдко пользуются сѣнями. Такія сѣни, конечно, безъ пола, а иногда замощены булыжникомъ. Примѣромъ можетъ служить хата, изображенная на рис. 65 и черт. 25. На рисункѣ видно, что хата

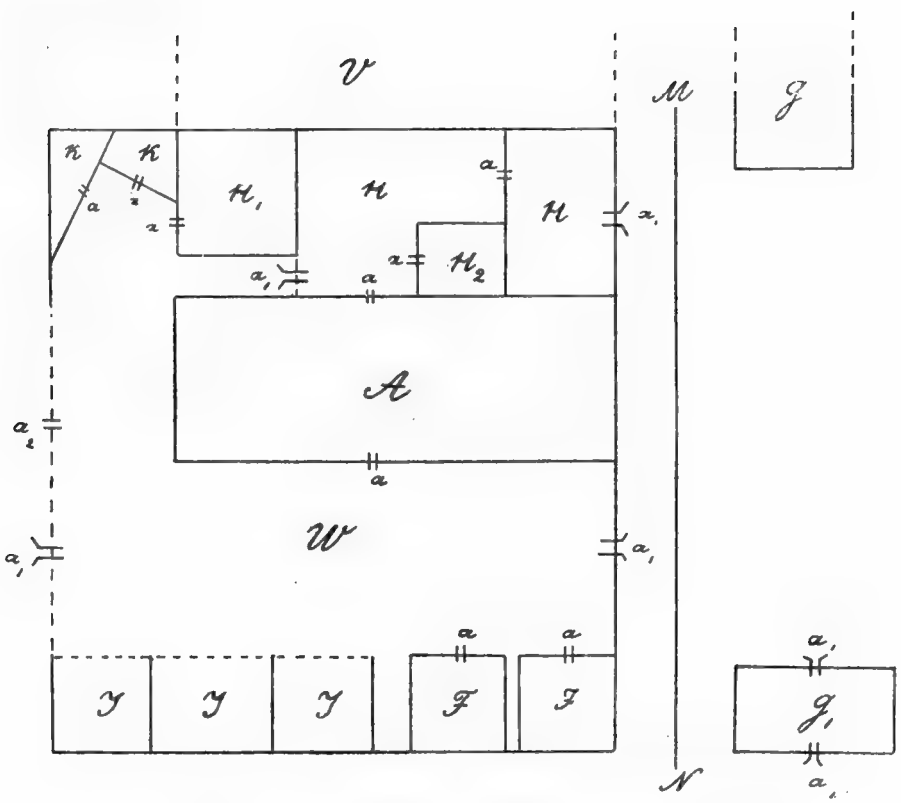
состоитъ какъ бы изъ двухъ частей; изъ нихъ передняя, выходящая къ зрителю, ничто иное, какъ обширныя сѣни, служащія одновременно и хлѣвомъ.

Такой способъ размѣщенія скота вѣроятно, какъ можно думать, когда-то былъ весьма распространенъ и не только въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но, конечно, и у другихъ славянъ. Уже впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи жилья, хлѣвъ выдѣлялся въ особое помѣщеніе. Оно первоначально не удалялось отъ жилья, а лишь нѣсколько перемѣщалось (чер. 27, 30). Мѣсто перемѣщенія было различно въ зависимости прежде всего отъ того, принадлежало ли данное населеніе къ горному или плоскостному. Обитатель горъ, пользуясь рельефомъ мѣстности, охотно переводилъ хлѣвъ подъ жилье. Такое обычное подъ жильемъ положеніе хлѣвъ занимаетъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи, Далмаціи и у горныхъ словинцевъ, какъ то, напримѣръ, видно на рис. 76, 85, 87, 150 и 152. Плоскостный житель поступалъ иначе: онъ отодвигалъ хлѣвъ отъ сѣней въ сторону, сохраняя его примыканіе къ сѣнямъ. Примѣромъ подобнаго рода расположенія хлѣва можетъ служить словинскій домъ, изображенный на рис. 78 А и В и лежащій въ Люблянской низменности. На рис. 78—В видна арочная дверь; она ведетъ въ сѣни, лѣвѣе же отъ нея видна другая дверь, ведущая въ хлѣвъ. Такое положеніе хлѣва обычно и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. При этомъ на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія хлѣвъ открывается не непосредственно наружу, а въ сѣни, такъ что скотъ, выходя изъ хлѣва, прежде всего попадаетъ въ сѣни, а уже черезъ нихъ проходитъ во дворъ (черт. 29 и 31). Однако въ большинствѣ случаевъ такой слабой диференціаціи хлѣва уже не существуетъ и онъ обыкновенно имѣетъ особый выходъ, непосредственно на дворъ (черт. 32, 37). Если хлѣвъ не одинъ, а ихъ имѣется нѣсколько, то они обычно размѣщаются одинъ за другимъ, тѣсно примыкая другъ къ другу въ одну линію, придавая дому чрезвычайно удлиненный видъ (черт. 37 и 39). Такое расположеніе хлѣвовъ особенно характерно для Гродненской гу-

берніи. Примѣрами рядового расположенія хлѣвовъ могутъ служить дома, изображенные на рис. 40, 41 и 58. Кромѣ указаннаго порядка выдѣла хлѣва изъ жилого зданія въ Сѣверо-Западномъ краѣ существовалъ и другой порядокъ, а именно: хлѣвъ диференцировался отъ сѣней не по направленію длинной, а по направленію широкой стороны хаты, т. е. хлѣвъ помѣщался не въ боковой сторонѣ, а въ задней сторонѣ сѣней. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Витебской губерніи, мы въ настоящее время видимъ хлѣва сзади сѣней: входя въ хату со двора попадаешь въ сквозныя сѣни, противоположная (входной) дверь которыхъ ведетъ въ хлѣва, прилегающіе къ задней длинной (глухой) стѣнѣ хаты. Такой хлѣвъ представляетъ пристройку къ хатѣ, задняя стѣна которой есть вмѣстѣ съ тѣмъ основная стѣна хлѣва, который представляетъ узкое и низкое строеніе. Изъ такого хлѣва можетъ выходить еще дверь, а именно со стороны фронтона, какъ это ясно видно на рис. 29. Въ настоящее время въ развитыхъ, зажиточныхъ хозяйствахъ нерѣдко можно встрѣтить наличность многочисленныхъ хлѣвовъ, часть которыхъ совершенно не примыкаетъ къ хатѣ, представляя вполнѣ самостоятельныя, такъ сказать, децентрализованныя зданія, какъ то видно, напримѣръ, на рис. 39 и 99. Всѣ помянутые хлѣва строются теперь изъ бревенъ или половинокъ, иногда очень прочно, даже, въ видахъ большаго тепла, съ потолкомъ, особенно овчарни. Въ былыя времена, конечно, хлѣва устраивались и изъ менѣе прочнаго матеріала. Они вѣроятно представляли въ иныхъ случаяхъ и плетеныя помѣщенія, какъ то видно, напримѣръ, изъ названія овчарни, которая именуется *кошарою*. Плетневые хлѣва во всякомъ случаѣ и въ настоящее время не представляютъ рѣдкости во многихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами. Мы ограничимся здѣсь примѣрами изъ Малороссіи. Такъ, на рис. 89 изображенъ плетеный изъ жердей круглый хлѣвъ изъ Харьковской губерніи; на рис. 90 мы видимъ большой, тоже плетеный, но продолговатой формы, хлѣвъ изъ той же губерніи, на рис. 153 подобный же хлѣвъ изъ той же

мѣстности; хлѣвъ этотъ отличается отъ предъидущихъ тѣмъ, что онъ обмазанъ глиной.

Въ большинствѣ случаевъ постройка или пристройка для скота, безъ различія для какого рода животныхъ она предназначена, въ Сѣверо-Западномъ краѣ называется *хльвъ*, *хльу́*, *хлэ́у*, *хлявы;* въ частности свинушникъ обыкновенно называется *хльвушокъ*, *хльвчикъ*, *хльучикъ*, *хльушокъ*. Хлѣвъ для крупнаго рогатаго скота въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, такъ, напримѣръ, въ Минской губерніи, называется и *обора*; въ Могилевской губерніи *пуня*, мѣстами *стодола*. Овчарня именуется мѣстами *кошара*, мѣстами *овечникъ*, *очарникъ;* конюшня, т. е. тотъ же хлѣвъ, но предназначенный для лошадей—*стайня*, *стаенка* (напримѣръ, въ Гродненской, Минской, Витебской и Виленской губерніяхъ) или рѣже (напримѣръ, въ Сокольскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи)—*конюшня*, иногда—*одринецъ*. Свинушникъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гродненской губерніи называется *свининецъ*, *свинарникъ*, *свиничникъ*, а въ Витебской губерніи—*свинярня*, въ другихъ мѣстностяхъ *закута*. Свинушникъ представляетъ обыкновенно низкое небольшое помѣщеніе, примыкающее къ узкой тыльной сторонѣ дома. Хлѣвъ для коровъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи, называется *коровникъ*, а помѣщеніе для телятъ *цилятникъ*. Всѣ эти отдѣльныя, громкія названія нисколько не опредѣляютъ внѣшняго характера построекъ, которыя неизмѣнно остаются однообразными, обыкновенно крытыми соломой подъ четырехъ или двускатной крышей. Интересно отмѣтить, что свинушникъ весьма часто служитъ отхожимъ мѣстомъ. Такое свойство свинушнику придается не только въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но и у нѣкоторыхъ другихъ славянъ. Такъ, напримѣръ, въ Крайнѣ среди словинцевъ, у которыхъ хозяйственныя постройки весьма развиты, отхожія мѣста пристраиваются всегда къ свинушнику, если таковой только имѣется въ данномъ хозяйствѣ. Такой свинушникъ съ отхожимъ мѣстомъ изображенъ на рис. 91: лѣвыя двѣ дверцы ведутъ собственно въ свинушникъ, а правая въ отхожее мѣсто.



Черт. 17.

Типъ наиболѣе стародавнихъ и распространенныхъ усадьбъ средней руки и ниже въ Витебской губ. (по Н. Я. Никифоровскому).

A—хата; *F*, *F*1—клѣти; *G*—гумно; *G*1—сѣновалъ (*пуня*); *H*, *H*—хлѣвы; *H*1—конюшня; *H*2—овчарня; *J*, *J*—навѣсы (*повѣти*) *K*, *K*—свинушники; *M*—*N*—дорога; *V*—огородъ; *W*—дворъ; *a*, *a*—двери; *a*1, *a*1—ворота; *a*2—перелазъ.

Слово *хлѣвъ* для передачи понятія о постройкѣ или части ея, предназначенныхъ для скота, весьма распространено среди славянскихъ языковъ. На великорусскомъ нарѣчіи: *хлѣвъ, хлѣвикъ, хлѣвокъ, хлѣвочекъ, хлѣвушокъ, хлѣвина, хлѣвишка, хлѣвушка* можетъ означать какъ крытый сарайчикъ для скота, такъ равно и загончикъ. На малороссійскомъ нарѣчіи говорится *хливъ, хливецъ,* представляющій круглый, продолговатый или четырехугольный плетеный (или глинобитный) сарайчикъ для скота, крытый соломой и нерѣдко обмазываемый, ради тепла, глиной и навозомъ (рис. 89, 90, 153). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи *хлѣвъ* имѣетъ спеціальное значеніе, напр. въ Костромской губ.—это помѣщеніе собственно для лошадей и овецъ, въ Вологодской—только для овецъ. На большинствѣ славянскихъ языковъ слово хлѣвъ означаетъ вообще помѣщеніе для скота, такъ, напримѣръ, на болгарскомъ: *хлѣвъ* или *хлавъ,* на хорватскомъ: *hliev*—хлѣвъ, а *hliev za krave* и *kravski hlev*—коровникъ. На словинскомъ языкѣ *hlev*—всякое помѣщеніе для скота, не исключая и навѣса; *hlevec*—свинушникъ. Въ томъ же общемъ значеніи употребляется и польское слово *chlew; swini chlew*—свинушникъ, *chlew dla krow*—коровникъ, *chlew owczy*—овчарня. По-чешски и по-словацки хлѣвъ—*chlev; ovčí chliv* по-чешски овчарня.

Что касается слова *обора* (помѣщеніе для рогатаго скота), то оно означаетъ и скотный дворъ и отгороженное мѣсто вообще. Въ Гродненской губ. *оборой* называется вся группировка построекъ одного хозяйства въ видѣ „П"; въ Витебской губерніи общее названіе для хлѣвовъ, дянника (скотнаго двора) и навѣса—повѣтки; въ Ковенской губерніи—примыкающій къ хатѣ хлѣвъ; *оборохъ* въ Сѣверо-Западномъ краѣ означаетъ подвижной навѣсъ (четырехъ или двускатную крышу) на шестахъ для сѣна; *оборина, оборища*—большой скотный дворъ; *оборокъ, оборочекъ*—сѣнокосная лощина среди пахатной земли. То же слово встрѣчается и во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ по-болгарски *оборъ, оборъ*—хлѣвъ, стойло, конюшня, сарай, загонъ для овецъ и козъ, а также заборъ. На сербскомъ языкѣ *обор*—огороженное мѣсто, дворъ, въ частности, скотный дворъ; по-хорватски *obor*—хлѣвъ, конюшня, а равно изгородь; по-словински *obora*—изгородь и звѣринецъ; по-польски *obora*—хлѣвъ, въ частности, коровникъ, *oborka*—хлѣвокъ; въ Сѣдлецкой губерніи *obora*—конюшня, стойло для лошадей; *brog*—подвижной навѣсъ для сѣна, какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. По-чешки *obor*—звѣринецъ, а по-словацки *obor*—область, округъ, *obora*—кругъ, площадь.

Выше указано, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ овчарня называется, между прочимъ, *кошара*. Основное значеніе этого слова—корзина, плетушка. Въ отношеніи овчарни слово это, очевидно, надо понимать какъ плетеную изгородь, плетеное помѣщеніе для овецъ. Слово *кошъ* извѣстно у насъ уже въ XI вѣкѣ въ смыслѣ корзины; въ XV вѣкѣ оно употребляется и въ смыслѣ стана, обоза; *кошьница* (XI вѣка) и *кошица* (XIII вѣка)—корзинка. У запорожскихъ казаковъ *кошъ* означалъ селеніе, станицу. Въ современномъ русскомъ языкѣ *кошъ (кошица),* въ смыслѣ корзины, употребляется въ Сибири; въ Воронежской губерніи *кошъ* означаетъ корзину для ловли рыбы; у Уральскихъ казаковъ *кошъ* означаетъ ставку, кибитку, камышовый сарай. На югѣ *кошъ* означаетъ плетеный шалашъ, балаганъ, а равно загонъ, овчарню. *Кошница* въ Бессарабской губ.—корзина сажени въ двѣ длиною и сажени полторы высотою для просушки кукурузы. *Кошара* въ Новгородской губерніи — овечій хлѣвъ, а на югѣ, а равно въ Тверской и Смоленской губерніяхъ, стойбище для овецъ или овчарня; въ Тульской губерніи это слово означаетъ загонъ для скота, вообще стойло. Въ Уральской области и Оренбургской губерніи *кошаръ* означаетъ походную кибитку киргизовъ; *кошница* въ Сибири—большая корзина для ловли рыбы. Въ смыслѣ корзины употребляются и слѣдующія слова: *кошикъ* въ Тульской губерніи, *кошова, кошела* въ Псковской, *кошовка* въ Новгородской, *кошолка* въ Тульской, Тамбовской, Московской и другихъ губ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края, напримѣръ, въ Гродненской губерніи, въ смыслѣ плетеной корзины употребляется слово *кошикъ; кошара* на бѣлорусскомъ нарѣчіи овчарня (на малороссійскомъ и овчарня и хлѣвъ для свиней); *кошара* въ Виленской губерніи—желѣзнодорожная сторожка; на малороссійскомъ говорѣ въ смыслѣ корзины говорится и *кишъ, кошыкъ, кошовка.* То же слово *(кошъ)* и въ томъ же значеніи корзины или плетухи извѣстно всѣмъ остальнымъ славянскимъ языкамъ: по-болгарски *кошъ*—корзина, *кошница, кошня*—корзинка; въ частности *кошъ*—плетеное помѣщеніе для кукурузы, пшеницы, ячменя, ржи, овса, то же, что житница, *кошара*—хлѣвъ: четырехстѣнная постройка изъ плетня, обмазаннаго глиною, а также улей; *кошары, кошери*—овчарня. По сербски *кош*—плетеный сарайчикъ, корзина для ловли рыбы; въ частности же въ Черногоріи *кош* или *кошар*—плетеная постройка для кукурузы, то же, что *салаш* или круглое, въ нѣсколько аршинъ высоты, сдѣланное изъ бревенъ и прутьевъ и покрытое соломой, помѣщеніе для жита; въ Босніи *кош*—помѣщеніе для кукурузы и синонимъ *кукурузняка* или *шепира;* на сербскомъ

языкѣ *кошара* означаетъ плетеный хлѣвъ, *кошница*—улей. Послѣднеозначенное слово *(košnica)* въ томъ же значеніи употребляется и хорватами; *koš, košarica*—корзина. У словинцевъ *koš*—корзина, плетеная верхняя часть телѣги и телѣга вообще, улей; *košec*—корзинка, корзиночка. На польскомъ языкѣ *kosz*—корзина, *koszar*—плетень, загородка; по-чешски и словацки *koš*—корзина, въ частности по-словацки *košiar*—овечій загонъ, плетень для овецъ.

Что касается слова *стайня* въ смыслѣ конюшни, то оно употребляется въ русскомъ языкѣ преимущественно въ Малороссіи, на югѣ и въ западныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Псковской. На ряду съ этимъ словомъ употребляется *стайка* въ Тамбовской губерніи въ смыслѣ стойки, стоичныхъ лошадей отъ земства; въ Новгородской—въ смыслѣ навѣса для повозокъ и земледѣльческихъ орудій, а равно овина, въ Вологодской—помѣщенія для мелкаго скота. Въ Тверской губерніи названное слово (а также *стая*) означаетъ крытыя ворота и дворъ; въ Вятской, Пермской и Олонецкой—крытый дворъ для скота; въ Пермской, Владимірской и Вятской—скотный дворъ, загонъ, стойло; въ Владимірской, Пермской, Оренбургской, Вологодской и въ Сибири—хлѣвъ, крытый сарай для скота; въ Вологодской—сарай вообще, крытый дворъ; въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи—конюшню. Въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ употребляютъ слово *стаи* въ смыслѣ помѣщенія для скота, конскаго стойла, т. е. отгороженнаго въ конюшнѣ мѣста для лошади. Это послѣднее слово, т. е. *стойло* (въ малороссійскомъ говорѣ *стійло)* означаетъ въ Вологодской губерніи всякаго рода хлѣвъ, а въ Воронежской, Новгородской, Оренбургской и Самарской—мѣсто, гдѣ скотъ отдыхаетъ во время зноя. На болгарскомъ языкѣ слово *стая* означаетъ отдѣльныя жилыя помѣщенія въ землянкѣ (ижѣ или хижѣ), комнату, а на сербскомъ *(staja, stoja)* и хорватскомъ *(staja)* конюшня. На польскомъ языкѣ *stanie*—стойло, въ старопольскомъ—конюшня; засимъ въ современномъ польскомъ языкѣ употребляются и слова: *stajnia*—конюшня, *stajenka*—конюшенька, небольшой хлѣвъ; *stajnia na krowy*—коровникъ; на чешскомъ языкѣ *stani* и *staj*—стойло; *stajna* и *staj*—конюшня; по-словацки *stajna*—стойло; *stajna konska*—конюшня, а *stajna kravska*—коровникъ.

Слово *конюшня* въ русскомъ языкѣ повидимому сравнительно новое; оно рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ и упрочивается повидимому не ранѣе XVI вѣка—*конюшьня;* малороссъ употребляетъ слово *кинньиця;* въ Орловской губ. говорятъ *лошадникъ;* болгаринъ гово-

ритъ—*конюшица конюшница, конушница;* сербъ и хорватъ—*конjар, konjara;* словинецъ—*konjušnica;* чехъ—*konirna,* а словакъ —*konica.*

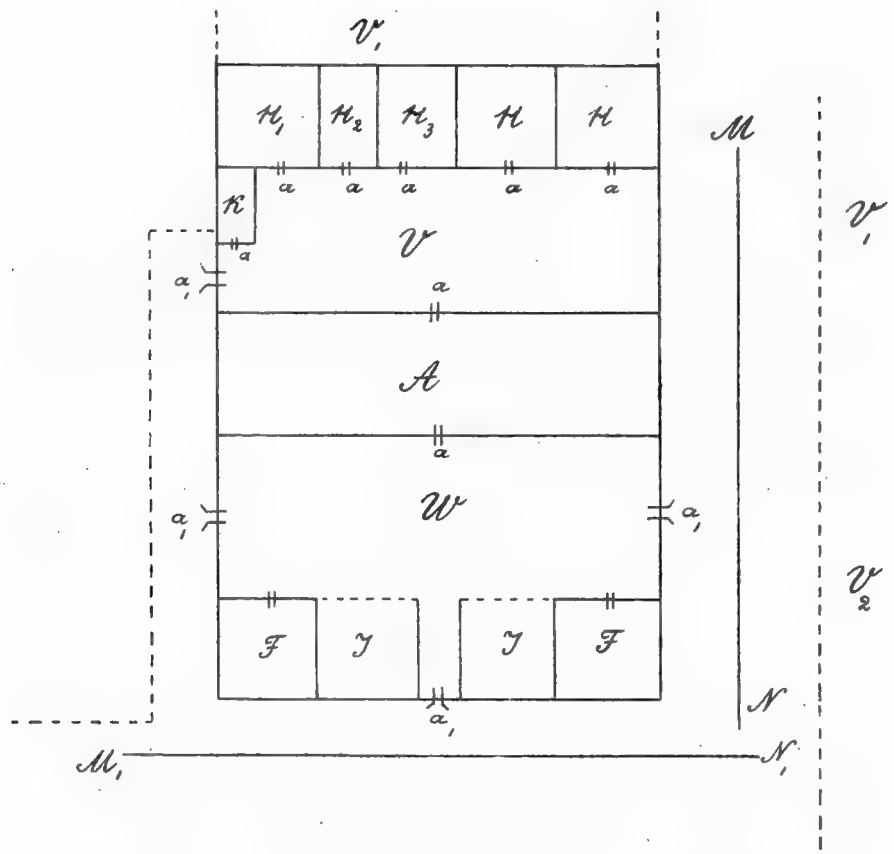
Выше уже отмѣчено, что для понятія о коровникѣ (въ малороссійскомъ говорѣ *коривникъ)* и овчарнѣ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Орловской губ. *овчарухъ,* въ другихъ, напримѣръ въ Екатеринославской—*овешникъ)* часто не имѣется спеціальныхъ выраженій; понятіе передается словомъ хлѣвъ или тому подобными съ прибавленіемъ коровій, овчій. Тѣмъ не менѣе указать слѣдуетъ, что не только въ русскомъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ употребляются спеціальныя выраженія. Такъ, напримѣръ, на польскомъ языкѣ говорится—*krowiarnia,* на чешскомъ—*kravak.* Овчарня (въ малороссійскомъ говорѣ: *вивчарня, вивчынець,* а также *чобарня)* по-сербски—*овчарница, овчара;* по-хорватски—*ovčara* и *ovčarica;* по-польски—*owczarnia;* по-чешски—*ovčin;* по-словацки—*ovciarna, ovčinec.*

Кромѣ перечисленныхъ существуетъ не мало и другихъ словъ въ славянскихъ языкахъ для понятія о хлѣвѣ вообще или о хлѣвѣ для особаго рода скота. Такъ, въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ значеніе хлѣва имѣетъ *мшанникъ* или *мшаникъ, омшанникъ, амшаникъ, мышеникъ, мщенникъ;* въ малороссійскихъ губерніяхъ: *ольшанникъ;* въ Харьковской губерніи—*повитка, сарай;* въ Екатеринославской губерніи—*будка;*вообще въ Малороссіи *сажъ*—для откармливанія свиней, въ Курской губерніи *закута;* въ Пензенской губ. *каолдосъ, калдосъ, калдосъ,* преимущественно для коровъ и овецъ; въ Рязанской *катуха* и т. п. На болгарскомъ языкѣ, кромѣ уже приведенныхъ, употребляются еще и слѣдующія слова: въ смыслѣ конюшни—*кашта, подземница, подникъ, яхарь, яхеры, яеры, яхыры, ахъръ;* въ смыслѣ овчарни—*поята, сірекъ, ирякъ, терло, мандра, мандричка, къшла, бачило* (зимняя овчарня), *бачія* (для доенія), *одаа, одая;* въ смыслѣ свинушника—*кочина, кочанъ* и въ смыслѣ хлѣва вообще—*гражъ.* На сербскомъ и хорватскомъ языкахъ употребляется слово *котац, kotac;* у сербовъ слово это означаетъ овчарню и свинушникъ, наконецъ, вообще помѣщеніе для мелкаго скота; въ Черногоріи *котац,* а также *кошар*—плетеное помѣщеніе для козлятъ; на словинскомъ языкѣ *kotec*—зимній свинушникъ; помѣщеніе для козъ называется въ Черногоріи и *струга;* слово это въ другихъ мѣстностяхъ означаетъ изгородь передъ конюшней; далѣе, сербы употребляютъ въ смыслѣ конюшни и двора слово *хар* и *ар* (въ Черногоріи). Въ Черногоріи употребляются еще слѣдующія слова для передачи понятія о хлѣ-

вахъ разнаго рода: *тор, полача, врзина* (собственно общественный загонъ для скота у племени васовичей) *прѣбой, прибой* и т. д. Наконецъ на Хорватскомъ Приморьѣ хлѣвъ называется и *štala,* очевидно, отъ нѣмецкаго слова *Stall.*

Изъ сказаннаго видно, что у славянскихъ народовъ имѣется цѣлый рядъ наименованій, связанныхъ съ понятіями о помѣщеніи для скота. Многія изъ нихъ встрѣчаются то тутъ, то тамъ, не получивъ преобладающаго значенія. Другія ни что иное, какъ наименованія, свойственныя совершенно другимъ, чѣмъ хлѣвъ, постройкамъ и перенесенныя на скотное помѣщеніе какъ бы случайно. Однако есть и характерныя, почти всему славянству свойственныя названія. Изъ нихъ безспорно по всеобщности распространенія первое мѣсто принадлежитъ *хлѣву.* Затѣмъ широкое распространеніе получили и слова *обора, стая* и ему подобныя и *кошъ, кошара.* Первое изъ этихъ *(обора)* словъ какъ будто первоначально обозначало огороженное мѣсто и лишь впослѣдствіи примѣнено къ помѣщенію, удѣленному для скота. Слово *стая* и ему подобныя слова примѣняются собственно говоря только въ отношеніе помѣщеній для лошадей и держатся, повидимому, исключительно среди русскаго племени и въ группѣ западныхъ славянъ. Широкое распространеніе получило слово *кошъ* и т. п. въ смыслѣ помѣщенія преимущественно для мелкаго скота, первоначальнымъ своимъ значеніемъ ясно показывая, что при изготовленіи помѣщенія пользовались, какъ впрочемъ зачастую еще и теперь, плетнемъ. Наконецъ отмѣтить слѣдуетъ, что въ славянскихъ языкахъ хлѣвъ именуется не рѣдко словами, связанными съ тѣмъ или инымъ видомъ скота, напримѣръ, коровникъ, овчарня, конюшня и т. п.

2. Гумно и овинъ. Если скотъ вызывалъ заботливость о себѣ уже на зарѣ развитія культурнаго человѣка, то не меньшей заботливости требовалъ дѣлаемый посѣвъ зерновыхъ хлѣбовъ, добыча, просушка, умолотъ и сохраненіе зерна, играющаго столь важную роль въ исторіи человѣка, особенно крестьянина, обитающаго Сѣверо-Западный край. Поэтому не слѣдуетъ удивлять-



Черт. 18.

Типъ усадьбы хозяина средней руки и выше въ Витебской губ. (по Н. Я. Никифоровскому).

A—хата; *F*, *F*—клѣти; *H*, *H*—хлѣвы; H_1—конюшня; H_2—овчарня; H_3—коровникъ; *J*, *J*—навѣсы (*повыти*); *K*—свинушникъ; *M*—*N*—дорога (*вулица*), M_1—N_1—малая дорога (*вулка*); *V*—скотный дворъ (*дядинецъ*); *V*, V_1—огородъ; V_2—садъ; *W*—дворъ; *a*, *a* двери; a_1, a_1—ворота.

ся, если при ознакомленіи съ хозяйственными постройками мѣстнаго крестьянина мы встрѣтимъ большое разнообразіе въ постройкахъ зданій, предназначенныхъ для добыванія и сохраненія, а также просушки снятаго съ поля хлѣба.

Неблагопріятныя климатическія особенности (обиліе осадковъ) вынудили крестьянина Сѣверо-Западнаго края озаботиться приспособленіемъ закрытыхъ помѣщеній какъ для умолота хлѣба, такъ и для его просушки. Для молотьбы служитъ, какъ извѣстно, гумно, для сушенія же—овинъ.

Гумно въ простѣйшемъ его видѣ есть гладкая площадка, позволяющая молотить безъ опасенія, чтобы зерно, выпадающее изъ сноповъ, смѣшивалось съ землею. Въ зависимости отъ мѣстности гумно можетъ быть глиняное или каменное. Перваго рода гумно является весьма распространеннымъ у насъ въ Россіи; каменное встрѣчается въ скалистыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Далмаціи, въ Хорватскомъ Приморьѣ (см. рис. 94). При развитіи хозяйственныхъ строеній мѣсто молотьбы помѣщается въ одномъ изъ нихъ, часто получающемъ наименованіе гумна. Наконецъ въ дальнѣйшемъ развитіи хозяйства умолотъ производится не на вычищенной земляной площадкѣ, а на деревянномъ полу, помѣщающемся въ хозяйственномъ строеніи. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ весьма обычнымъ является, что одно и то же зданіе служитъ и для умолота зерна и для его сушки и для его сохраненія; наконецъ такое зданіе можетъ служить и для сохраненія инвентаря и повозокъ. Развитіе такого строенія было вѣроятно сложно и слагалось оно, какъ можно думать, подъ разными вліяніями. На это указываетъ, съ одной стороны, разнообразіе тѣхъ формъ, которыя господствуютъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а съ другой—разнообразіе наименованій, которыя придаются данному зданію. При этомъ надо отмѣтить, что данныя наименованія не связываются съ зданіемъ опредѣленной формы. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ разнообразныя зданія носятъ одно наименованіе и, наоборотъ, разныя наименованія

присвоиваются одному и тому же зданію. Поэтому строенія, предназначенныя для указанныхъ функцій, варіируя по своей внѣшности, носятъ, отчасти въ зависимости отъ мѣстности, отчасти въ зависимости отъ сочетанія разныхъ функцій, весьма разныя наименованія. Обычнымъ именемъ служитъ слово *гумно*. Подъ нимъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, говоря вообще, подразумѣваютъ постройку, служащую для умолота зерна, одновременно часто для просушки, отчасти для сохраненія его. Такая постройка малыхъ размѣровъ называется *гуменце*. Она называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Дисненскомъ и Вилейскомъ уѣздахъ Виленской губерніи, а равно въ Минской и Витебской губерніяхъ, и *токъ*, что собственно обозначаетъ утрамбованную изъ песка и глины площадку для молоченія, т. е. то же, что означало гумно первоначально. Слѣдовательно слово *токъ*, какъ и слово *гумно*, перенесено отъ площадки для умолота на особо приспособленное зданіе. Далѣе весьма распространеннымъ наименованіемъ для гумна, какъ зданія, является слово *клуня*, употребляемое особенно на западѣ Сѣверо-Западнаго края и, въ частности, въ Гродненской губерніи. Иногда подъ этимъ словомъ (напримѣръ, въ Витебской губерніи) понимается сарай для склада сноповъ. Въ Гродненской же губерніи, а равно въ губерніи Виленской пользуются словами *одрина (адрина)*, причемъ въ послѣднеозначенной губерніи, по крайней мѣрѣ мѣстами, этимъ именемъ называютъ зданіе, имѣющее входъ съ длинной стороны (рис. 47); то же зданіе называется и *клуней;* если же входъ со сторны фронтона, то постройка именуется *гумно* (рис. 46). Впрочемъ одриной въ Виленской губерніи называютъ и небольшое, сдѣланное изъ плетня зданіе, встрѣчающееся въ бѣдныхъ хозяйствахъ (рис. 48). Въ Могилевской губерніи гумно называется и *клуней* и *ригой*, но преимущественно *гумномъ*. Въ смыслѣ крытаго гумна употребляется и слово *стодола*, напримѣръ, въ Гроднепской губ.; въ Витебской губерніи говорятъ, какъ и въ Могилевской, и *рига (рея)*, а въ Минской и *сыробойня;* послѣднее слово служитъ для обозначенія гумна безъ овина.

Сколь разнообразны крытыя зданія, имѣющія значеніе гумна, видно изъ приведенныхъ, а равно изъ слѣдующихъ еще рисунковъ. Напримѣръ, на рис. 44, на которомъ изображено гумно строющееся, видно, что входъ въ него съ длинной стороны и что со стороны фронтона имѣется вальма. Одрина и токъ, изображенные на рис. 43 и 45, представляютъ сарай весьма ходячаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Виленской губерніи типа. Не рѣдкимъ представляется гумно въ Виленской губ. и типа, изображеннаго на рис. 100. Клуня или гумно, изображенное на рис. 49, отличается наличностью двухъ воротъ, надъ которыми устроены своеобразные навѣсы *(причелки)*. Токъ на рис. 50 представляетъ зданіе, щитъ котораго плетеный. Клуня Бѣлостокскаго уѣзда (рис. 64) съ приподнятой и снабженной гребнемъ крышей. Гумно изъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи (рис. 135), представляетъ низкое зданіе съ четырехскатной крышей и двумя воротами: съ фронтона и длинной стороны. Въ свою очередь различно отъ предыдущихъ и гумно изъ того же уѣзда, изображенное на рис. 124. Сходный типъ встрѣчается и на югѣ Гродненской губ. (рис. 112). Въ этихъ мѣстностяхъ не рѣдкостью представляются клуни съ высокоприподнятыми крышами (рис. 110, 113 и 114). Весьма вытянутымъ зданіемъ представляется гумно, клуня или рига въ Могилевской губерніи, изображенная на рис. 131.

Какъ бы зданіе для молотьбы ни называлось, расположено оно почти всегда поодаль отъ хаты. Иногда гумно примыкаетъ къ жилому дому, но такое положеніе его не можетъ считаться обычнымъ (черт. 29, 36 и 44); крестьянинъ скорѣе имѣетъ стремленіе вынести гумно даже за предѣлы самой усадьбы. Такое гумно выдѣляется уже издали и своею величиной и своими характерными въ большинствѣ случаевъ формами, отличающими его отъ остальныхъ хозяйственныхъ зданій. Своеобразность формъ нерѣдко увеличивается тѣмъ, что къ гумну примыкаетъ навѣсъ—одинъ, а иногда и два, то для мякины, то для дровъ или иныхъ надобностей. Мякинникъ *(половникъ)*, впрочемъ, можетъ образо-

вывать и отдѣльную постройку (рис. 51). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Минской губерніи, гумномъ называютъ и площадку, на которой молотятъ; въ этомъ случаѣ гумно сохранило свое первоначальное значеніе. Съ другой стороны мѣстами слово гумно примѣняется совсѣмъ не къ зданію, въ которомъ молотятъ, а къ простору, находящемуся передъ нимъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской и Витебской губерній *гумно* (или *загуменье*, *пругмень* въ Гродненской губ.) означаетъ часть двора, лежащую непосредственно передъ зданіемъ для молотьбы. Загуменьемъ въ Гродненской губ. называется и вообще просторъ передъ клуней, даже если она далеко вынесена за усадьбу (рис. 113 и черт. 19—В).

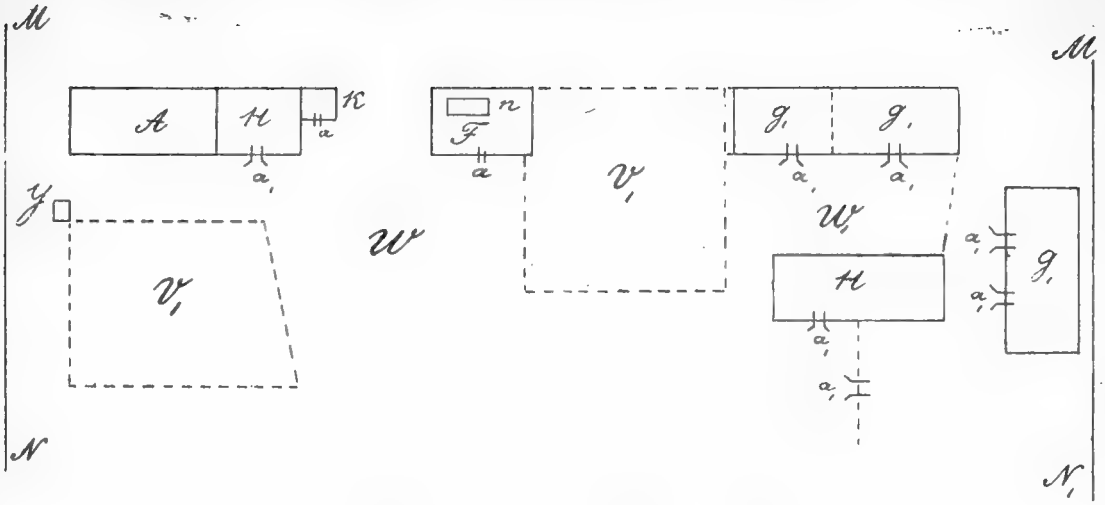
Хозяйственная постройка, служащая для умолота зерна, безъ различія того наименованія, которое она носитъ: *гумно*, *стодола* или *клуня*, часто соединяетъ, какъ сказано, въ себѣ и сѣновалъ, такъ что все строеніе (съ одними воротами, а иногда и двумя) раздѣляется: на сѣновалъ, лежащій справа или слѣва, на центральную площадку собственно для молотьбы и на мѣсто, куда складываются снопы. Эта послѣдняя часть называется *сторона*, *застóрона* или *застóронокъ*. Стороны можетъ быть и двѣ: справа и слѣва отъ центральной площадки для молотьбы. Что касается послѣдней, то она, какъ уже сказано, можетъ называться гумномъ, но обыкновенно именуется *токъ*, а иногда и *токовня*, *такоуня* (напримѣръ, въ Витебской губ. и Вилейскомъ уѣздѣ, Виленской губ.) и дѣлается изъ плотно убитой глины съ пескомъ.

Весьма нерѣдко въ крытомъ гумнѣ помѣщается овинъ, такъ что описываемое зданіе одновременно исполняетъ три совершенно различныя функціи: въ немъ молотятъ зерно, въ немъ просушиваютъ снопы, его же употребляютъ для сохраненія зерна и сноповъ, а иногда соломы, даже сѣна. Этими разнообразными, строго говоря, другъ съ другомъ не вполнѣ связанными функціями, очевидно, и объясняется наличность въ Сѣверо-Западномъ краѣ столь разнообразныхъ наименованій для выраженія понятія, собственно говоря, одного и того же зданія. Очевидно, что всѣ

эти названія слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что они нѣкогда присущи были разнымъ постройкамъ, которыя, постепенно внѣдряясь въ Сѣверо-Западный край и сочетаясь другъ съ другомъ, породили смѣшанныя понятія.

Первоначальный, впрочемъ, и по настоящее время весьма распространенный способъ просушки сноповъ заключается въ сложеніи ихъ въ скирды *(стогъ, стожокъ, стожэчекъ)*. Какъ бы переходными ступенями между скирдой съ одной стороны и овиномъ съ другой являются такія приспособленія для сушки сноповъ, какъ, напримѣръ, *островки* или *друки* въ Витебской губерніи, представляющіе воткнутые въ землю колья, а также *рышетни* или *переплоты* въ Витебской и Виленской губріяхъ, состоящіе изъ соединенныхъ горизонтальными жердями вертикальныхъ шестовъ (рис. 111).

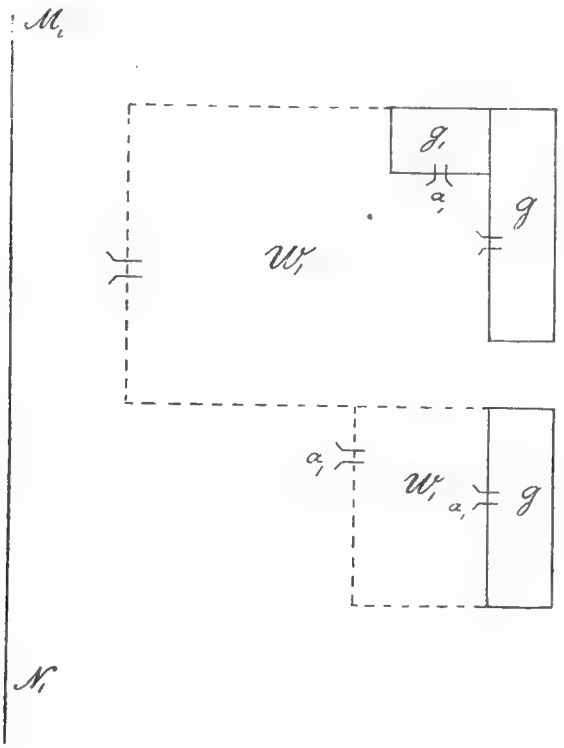
Эти приспособленія устраиваются преимущественно въ мѣстностяхъ съ сырою почвою, гдѣ подпочва состоитъ изъ глины, не пропускающей воды, вслѣдствіе чего послѣдняя, при обиліи дождей, легко появляется на поверхности. Конечно, перечисленныя приспособленія недостаточны для достиженія полной просушки зерна, особенно во влажномъ, богатомъ осадками климатѣ, какимъ онъ является во многихъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края. Поэтому неудивительно, что въ этомъ краѣ овины очень распространены. Иногда овинъ составляетъ особое зданіе, но въ большинствѣ случаевъ онъ помѣщается въ крытомъ гумнѣ, обыкновенно въ задней его части, представляя срубчатый кубъ съ печью внутри. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ овинъ представляетъ сравнительно сложное сооруженіе съ приспособленіями для притока теплаго воздуха черезъ рядъ отдушинъ, весьма же нерѣдко это—печь незначительныхъ размѣровъ, топящаяся по черному, при чемъ снопы сушатся на жердяхъ, расположенныхъ по близости отъ печи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ степени сложности, описанное приспособленіе носитъ разныя наименованія: менѣе сложное называется *евня*, *ёуня*, *ёвинка*, а болѣе сложное—*осетъ*, *осець*, *осётка*, *восетъ*, *асетъ*. Однако въ



Черт. 19—А. **Усадьба**

изъ дер. Горки Кобринскаго у. Гродненской губ.

A—хата; *F*—клѣть (*свиронъ*); g_1 G_1—сѣновалы (*сельныки*); *H*, *H*—хлѣвы; *K*—свинушникъ; *M*—*N*—улица; M_1—N_1—дорога; V_1 V_1—огороды; *W*—дворъ; W_1—загуменье; *Y*—колодецъ; *a*, *a*—двери; a_1, a_1—ворота; *n*—кровать; (за дорогой M_1—N_1 загуменья см. черт. 19—В).



Черт. 19—В. **Загуменья**

къ усадьбѣ 19—А.

G, *G*—гумно (*клуня*); g_1—сельничекъ для соломы; M_1—N_1—дорога; W_1, W_1—загуменья; a_1, a_1—ворота.

большинствѣ случаевъ крестьяне различія въ отношеніи наименованія не дѣлаютъ, отдавая предпочтеніе слову *осетъ*, *восетъ*.

Слово *гумно* принадлежитъ, вѣроятно, къ числу древнѣйшихъ славянскихъ словъ; въ нашемъ языкѣ по крайней мѣрѣ оно встрѣчается уже въ памятникахъ XI вѣка. Въ современномъ русскомъ языкѣ *гумно* (или въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Вологодской губ. *гувно)* означаетъ мѣсто, гдѣ ставятъ хлѣбъ для умолота и гдѣ его молотятъ, въ частности—плотно убитую для молотьбы площадку, т. е. то, что называется и токомъ; это и есть, очевидно, первоначальное значеніе гумна. Съ развитіемъ построекъ слово гумно начинаетъ переноситься и на то, болѣе или менѣе, сложное строеніе, которое защищаетъ молотильную площадку. Такъ, напр., въ Вятской губ. *гумномъ* называютъ соломенную крышу на четырехъ столбахъ, устраиваемую надъ площадкой для молоченія. Вмѣсто слова гумно употребляется мѣстами, напр. въ Московской губ., и слово *гуменникъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Грязовецкомъ у. Вологодской губ., дѣлаютъ различіе между гумномъ и гуменникомъ, называя первымъ изъ этихъ словъ открытую, а вторымъ прикрытую навѣсомъ молотильную площадку. Въ малорусскомъ нарѣчіи употребляется слово *прыгуменокъ* въ смыслѣ мѣста, находящагося за крытымъ гумномъ. Что касается остальныхъ славянскихъ языковъ, то на болгарскомъ *гумно* (въ письменныхъ памятникахъ съ XI в.) означаетъ и токъ, т. е. площадку для молотьбы, и крытое гумно; на томъ же языкѣ говорятъ и *врахъ*. На сербскомъ и хорватскомъ языкахъ говорятъ и *гумно* и *гувно (gumno, guvno);* кромѣ того на послѣднеозначенномъ языкѣ, напримѣръ, въ Приморьѣ, говорятъ и *huvno* и *gumna;* на хорватскомъ языкѣ слово *gumno* можетъ означать и дворъ и сѣни. На словинскомъ языкѣ *gumno* означаетъ и гумно и сарай; про гумно говорятъ и *gumnišče;* по польски, чешски и словацки гумно—*gumna, humno, humna.*

Слово *стодола* въ чистой великорусской рѣчи не употребляется; слово это встрѣчается лишь на западѣ Россіи и можетъ означать сарай, а также навѣсъ для повозокъ и скота. Въ малороссійскихъ губерніяхъ *стодоля* является синонимомъ клуни. Изъ остальныхъ славянскихъ языковъ названное слово употребляется отчасти у хорватовъ *(stodola)* въ смыслѣ амбара для кукурузы. Въ польскомъ, чешскомъ и словацкомъ языкахъ *stodola* означаетъ крытое гумно.

Слово *токъ* означаетъ на нашемъ языкѣ гладкое, убитое мѣсто, въ частности—мѣсто для молотьбы, т. е. гумно, а также молотильный сарай; въ Курской и Воронежской губерніяхъ *токомъ* на-

зываютъ расчищенную площадку, на которой стоятъ улья; въ Гродненской губерніи *токъ* означаетъ и глиняный полъ въ хатѣ; въ малорусской рѣчи говорится *тикъ* въ смыслѣ гумна. Затѣмъ названное слово встрѣчается въ польскомъ и словацкомъ языкахъ *(tok);* на первомъ оно означаетъ молотильную площадку, полъ въ овинѣ и молотильный сарай, т. е. крытое гумно, а на второмъ изъ названныхъ языковъ—житницу. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, напримѣръ, въ Минской губерніи, *токъ* называется и *сыробойней,* а въ Гродненской *клеписко,* (тоже и въ польскомъ: *klepisko),* а въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ *долонь,* а въ иныхъ, напр. въ Вологодской, *ладонь.* Слово токъ, означающее, собственно говоря, убитую глиняную площадку, повидимому лишь впослѣдствіи получило значеніе площадки для молотьбы, а затѣмъ примѣнено было, какъ мы выше видѣли, къ цѣлому зданію, представляющему крытое гумно, даже съ приспособленіями для сушки и сохраненія сноповъ.

Что касается *клуни,* то слово это употребляется на русскомъ языкѣ почти исключительно лишь на западѣ и югѣ (а равно въ Олонецкой губ.); оно означаетъ и овинъ и сарай для молотьбы, для мякины. Въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ слово *клуня,* въ смыслѣ молотильнаго сарая, совершенно обычно; при этомъ оно можетъ быть самой разнообразной формы. Такъ, клуня можетъ быть плетеной изъ хворостинъ съ четырехскатной крышей, но она можетъ быть и круглой. Послѣдняго рода клуни весьма типичныя для многихъ мѣстностей съ малорусскимъ населеніемъ. На рис. 95 и 96 изображены двѣ клуни изъ Харьковской губерніи. Онѣ состоятъ изъ низкаго круглаго плетня, образующаго стѣны клуни, и конической соломенной крыши. Весь внѣшній видъ такихъ клунь шалашевидный и весьма своеобразный. Въ другихъ мѣстностяхъ съ малороссійскимъ населеніемъ, напр. въ Екатеринославской губерніи, клуни имѣютъ совершенно другой характеръ, а именно, клуня здѣсь—есть четырехскатная крыша, непосредственно, безъ стѣнъ, упирающаяся въ землю (рис. 97 и 107). Если допустить мысль, что клуня Сѣверо-Западнаго края вмѣстѣ съ этимъ наименованіемъ перенесена и въ своихъ внѣшнихъ чертахъ въ этотъ край изъ мѣстностей съ малорусскимъ населеніемъ, то надо думать, что перенесены были формы второго изъ означенныхъ родовъ, т. е. зданіе въ видѣ четырехскатной крыши, а не плетеная круглая, шалашевидная клуня. По крайней мѣрѣ зданіе, подобное Екатеринославскимъ клунямъ, мы можемъ усматривать въ такомъ, напримѣръ, гумнѣ-клунѣ Сѣверо-Западнаго края, которыя изображены на рис. 124.

Овинъ, въ старинномъ русскомъ языкѣ *овинъ, овья,* строеніе, предназначенное для сушки хлѣба въ снопахъ, замѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвера словомъ *клунья,* на югѣ—*гумна,* въ Смоленской губерніи—*стодола,* въ Рязанской губ. и въ мѣстностяхъ, лежащихъ близко къ Балтійскому краю—*рига,* въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ—*ригачь,* въ Симбирской губ. *шишъ.* Всѣ эти постройки могутъ соединять въ себѣ сушилку съ молотильнымъ токомъ, т. е. быть одновременно и гумномъ. Въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ овинъ называется *сушней;* въ томъ же родѣ про овинъ выражаются и словаки: *sušiaren, sušiarna.* Поляки овинъ называютъ *stodola,* чехи—*sypka,* а также *obilnice (obili*—жито). У словинцевъ роль овина исполняетъ выше помянутый уже *kozolec,* а также отчасти сарай-гумно, такъ называемый *skedenj*; тѣмъ же словомъ *(скедань)* сербы передаютъ понятіе объ овинѣ. Въ словинской Крайнѣ такъ же какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, употребляются шесты (колья) и рамы для сушки хлѣба; первые называются *ostrnice,* а вторыя *stog.*

3. Сѣновалъ. Обычнымъ и притомъ весьма древнимъ способомъ складыванія сѣна для его сохраненія является, конечно, *стогъ* (въ малороссійскомъ говорѣ *стигъ*), т. е. болѣе или менѣе большая, круглой формы кладка. При этомъ способѣ достигается то, что верхніе слои сѣна оберегаютъ собою нижележащее сѣно отъ дѣйствія осадковъ. Болѣе усовершенствованнымъ способомъ представляется устройство надъ стогомъ навѣса, изъ котораго могъ развиться сарай. На такое, по крайней мѣрѣ мѣстами, развитіе сарая указываетъ, повидимому, то, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстностяхъ стогомъ называется и сарай. Кромѣ навѣса, роль въ развитіи сѣнного сарая могли играть и такія приспособленія, о которыхъ уже говорилось при упоминаніи способовъ сушенія сноповъ. Эти приспособленія, *переплоты* и *островки,* предназначены не только для сноповъ, но и для скошенной травы. Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить, что подобныя изображенному на рис. 111 переплоту приспособленія въ обильной осадками Крайнѣ (носящія наименованіе *стога* или *козольца*), постепенно развиваясь, породили столь сложное сооруженіе, которымъ является современный сарай *(козолецъ)* этой мѣстности, изображенный, напримѣръ, на рис. 98. Въ этомъ ко-

зольцѣ мы видимъ сочетаніе простой рѣшетни съ сараемъ. Что связь простѣйшихъ формъ съ столь сложной, какъ изображенная на рисункѣ, дѣйствительно существуетъ, доказывается рядомъ формъ промежуточныхъ *).

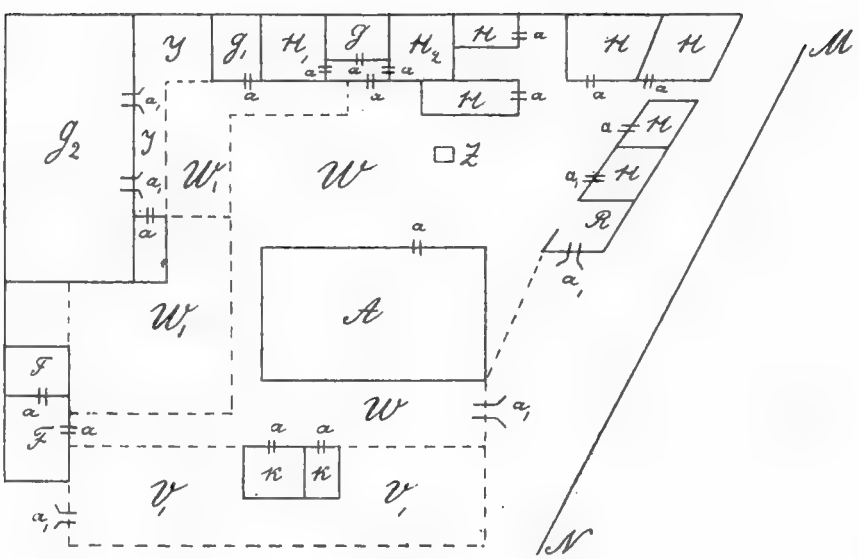
Обыкновенно на русскомъ языкѣ подъ стогомъ подразумѣвается кладь сѣна, а не сжатаго хлѣба. На сербскомъ языкѣ *стог* означаетъ сѣнной сарайчикъ; на хорватскомъ *stog*—и сѣнная кладь и сѣновалъ, т. е. сѣнной сарай. Словинцы подъ словомъ *stog* подразумѣваютъ особыя сушильныя изгороди значительной высоты и длины, служащія для просушки не только сѣна, но и хлѣба, гречихи, бобовъ. Польское *stog* и словацкое *stoh* употребляются въ нашемъ смыслѣ слова, а чешское слово *stoh* можетъ означать не только кладь сѣна, но и сѣнной сарай. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ названное слово въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ, впрочемъ, и вообще въ Россіи, не употребляется. Разъ сѣно уже сложено въ особое помѣщеніе, то терминъ стогъ къ нему не примѣняется. Сама постройка, служащая для сохраненія сѣна, въ Сѣверо-Западномъ краѣ именуется либо *пуня*, либо *сѣнница* или *сельникъ*, *селникъ*, *сельничекъ*. Слово *пуня* извѣстно болѣе или менѣе повсемѣстно, но повидимому употребляется болѣе на востокѣ названнаго края: въ Минской, Могилевской и Витебской губерніяхъ. Впрочемъ пуня можетъ означать и хлѣвъ, въ частности—коровникъ, напр. въ Могилевской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ пуня мѣстами можетъ служить и для склада сноповъ и соломы. Что касается *сельника*, то постройка этого наименованія можетъ служить для помѣщенія и одной соломы. Говоря вообще, и пуня и сельникъ представляютъ деревянный, покрытый соломой срубъ, не отличающійся отъ общаго типа хозяйственныхъ построекъ (рис. 42). Весьма нерѣдко и пуня и сельникъ стоятъ особнякомъ въ усадьбѣ, но могутъ входить и въ общую массу строеній. Наконецъ, въ смыслѣ сѣновала, въ Сѣверо-Западномъ краѣ употребляются и слова: *одрына* и *шопа*, что собственно означаетъ не сарай, а навѣсъ.

*) См. нашу статью въ „Живой Старинѣ“ 1902 г., в. 1—„Крестьянинъ Австрійской Крайны и его постройки“.

Слово *пуня* употребляется у насъ преимущественно въ западныхъ губерніяхъ, напримѣръ: въ Смоленской, Новгородской, Тверской; кромѣ того оно встрѣчается въ Рязанской, Воронежской, Орловской, Тамбовской, Калужской губерніяхъ. Значеніе ея и внѣшній видъ можетъ быть разнымъ. Такъ *пуня* или *пунька* можетъ служить для склада мякины; служитъ иногда и въ качествѣ чулана, клѣти; въ Смоленской губерніи *пуня*—сарай для сѣна, соломы, а также для повозокъ. Въ Воронежской и Орловской губ. *пунька* имѣетъ значеніе клѣти: пуньки могутъ быть здѣсь рублеными, плетеными или глиняными; онѣ ставятся нерѣдко по нѣсколько на хозяйство и служатъ для сохраненія добра и мѣстомъ ночлега невѣстокъ. Въ Воронежскомъ уѣздѣ пунька называется и *повѣтка, хибарны*. Въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губ. *пуньками* называются разгороженныя части свѣтлицы, помѣщающейся съ противоположной избѣ стороны сѣней; назначеніе ихъ служить жильемъ для молодежи или свекровей и невѣстокъ.

Обычнымъ наименованіемъ для помѣщенія, предназначеннаго для сохраненія сѣна, въ Россіи является слово *сѣновалъ*. Это либо сарай, либо навѣсъ, либо верхъ, чердакъ сарая, гдѣ хранятся сѣно и солома. Въ Вологодской и Симбирской губерніяхъ говорятъ и *сѣнница*, въ Тамбовской—*сѣнометъ*, въ Псковской, Пензенской и др.—*сельница;* послѣднее слово въ Нижегородской губерніи означаетъ помѣщеніе на гумнѣ для храненія мякины, служащей кормомъ мелкому скоту; на малорусскомъ нарѣчіи говорятъ: *синьыця*. Подобныя указаннымъ слова для выраженія понятія о помѣщеніи для сохраненія сѣна встрѣчаются и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ, напримѣръ, на сербскомъ языкѣ говорятъ *сенара, сенак;* въ Черногоріи—*сіонница;* въ Хорватіи—*sjenik;* на польскомъ языкѣ *sienniса;* на чешскомъ—*sennik;* на словинскомъ—*senik, seniса, seniščе, senjak*. Кромѣ того, на словинскомъ языкѣ сѣновалъ, разъ онъ составляетъ часть (верхній этажъ) общаго сарая *(skedenj)*, называется и *pod*. Подобное же выраженіе встрѣчается и на чешскомъ языкѣ: *půda na seno*. Кромѣ того, сѣновалъ на словинскомъ языкѣ *kozolec,* служащій, впрочемъ, и для сохраненія и сушенія и зернового хлѣба и бобовъ. Горный сѣнной сарайчикъ въ словинской Крайнѣ называется *kočne, svisli* (с), *svisel*. Въ Черногоріи въ смыслѣ сѣновала, хотя менѣе для сѣна, чѣмъ для соломы и мякины, употребляются слова: *nojata, bajata;* словакъ выражаетъ понятіе о сѣновалѣ словомъ *poval (na seno)*.

4. Навѣсъ и сарай. Весьма существенное мѣсто среди сооруженій въ крестьянскомъ хозяйствѣ имѣетъ навѣсъ. Нерѣдко



Черт. 20. **Усадьба**

изъ м. Яловки, Волковыскаго у., Гродненской губ.

A—хата; *F*, *F*—клѣти; *G*—сѣновалъ; G_1—одрина; G_2—гумно; *H*, *H*—хлѣвы; H_1—конюшня; H_2—овчарня; *J*, *J*—навѣсы; *K*, *K*—свинушники; *M*—*N*—улица; *R*—дровяной сарай; V_1, V_1—огороды; *W*—дворъ (*подворокъ*); W_1, W_1—пругмень; *Z*—колодецъ; *a*, *a*—двери; a_1, a_1—ворота.

значительно мѣняя архитектурныя формы зданія и пополняя ихъ, навѣсъ несетъ свою сложную службу. Ближайшая его задача заключается въ защитѣ отъ атмосферическихъ осадковъ, въ частности отъ дождя. Навѣсъ можетъ представлять ни что иное, какъ удлиненный отливъ крыши, не составляя особаго сооруженія; однако навѣсъ можетъ состоять и изъ самостоятельной односкатной, двускатной или четырехскатной крыши; наконецъ навѣсъ въ своемъ развитіи можетъ дойти и до степени цѣлаго сооруженія, отдѣльнаго зданія, служащаго переходной ступенью къ сараю. Отъ послѣдняго навѣсъ отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ представляетъ легкое, въ большей или меньшей степени открытое, сооруженіе, хотя нерѣдко и достаточно прочное. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ навѣсы разнаго рода являются какъ бы непремѣнною принадлежностью хозяйственныхъ зданій; исполняя роль сарая для дровъ, повозокъ, инвентаря и т. п., навѣсъ придаетъ хозяйственнымъ постройкамъ свой оттѣнокъ. Навѣсъ можетъ стоять свободно въ усадьбѣ, но обыкновенно онъ служитъ связующимъ звеномъ (или если навѣсовъ нѣсколько, то звеньями) между рядомъ хозяйственныхъ зданій или этими послѣдними и жилымъ домомъ.

Наименованія, которыя присвоиваются навѣсу въ Сѣверо-Западномъ краѣ, весьма разнообразны и отчасти въ зависимости отъ того, для какой цѣли навѣсъ служитъ. Напримѣръ, навѣсъ надъ воротами пуни или клуни называется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Гродненской губерніи, *причелокъ* (рис. 49 и 64); значеніе его заключается лишь въ загражденіи воротъ, разъ они открыты, отъ дождя. Такой навѣсъ, называемый иногда и *ганокъ*, придаетъ не мало своеобразнаго клунѣ или гумну, особенно если строеніе съ двумя воротами, надъ которыми по одному навѣсу (рис. 49). Навѣсъ у гумна, служащій для сохраненія мякины, называется *полувенкъ*. Четырехскатный, движущійся по четыремъ жердямъ или столбамъ, навѣсъ для сохраненія сѣна именуется *шатеръ* или чаще *оборохъ* или *брогъ**). Навѣсъ, служа-

*) Интересно отмѣтить, что такой движущійся навѣсъ для сохраненія сѣна встрѣчается у насъ на всемъ западѣ, включая и Петербургскую губ. Почти безъ измѣненія формъ тотъ же навѣсъ встрѣчается въ Галиціи, Хорватіи, Штиріи и Крайнѣ.

щій для сохраненія орудій и отчасти повозокъ, называется *дашокъ* или *вазовня*, *вазауня*, *вазуня*, также *колешня*, *колэшня*, (рис. 42). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи навѣсъ безъ различія, для чего онъ служитъ, называется и *шалашъ;* въ Могилевской губерніи *пуня*, а на югѣ Гродненской губерніи среди полѣшуковъ обычнымъ наименованіемъ для навѣса являются слова *шуръ*, *шурикъ*. Этотъ *шуръ* можетъ быть отдѣльно стоящимъ навѣсомъ, напримѣръ, для сохраненія дровъ (рис. 35), или примыкать къ клунѣ или гумну. Наиболѣе, однако, распространенными наименованіями для навѣсовъ всякаго рода, но не представляющихъ удлиненія отлива крыши, являются слова: *шопа*, *шопка*, *шопочка*, и *повытъ*, *повыть*, *повыць*, *повытка*, *повыточка* или *подповытка* (рис. 34, 36, 57, 132, 133).

Навѣсъ, какъ указано, можетъ быть настолько развитымъ, что правильнѣе его назвать сараемъ. Такой сарай, какъ и навѣсъ, можетъ служить для склада дровъ, для сохраненія повозокъ и сельско-хозяйственнаго инвентаря (рис. 42): его могутъ употреблять также въ качествѣ складочнаго мѣста для сѣна, соломы, мякины, даже для сноповъ; наконецъ сарай можетъ одновременно служить нѣсколькимъ цѣлямъ. Если сарай предназначенъ спеціально для одной изъ указанныхъ надобностей, то онъ можетъ носить особое, уже указанное, наименованіе, весьма часто различное въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ сарай можетъ входить въ общую массу другихъ хозяйственныхъ построекъ, можетъ также стоять и въ качествѣ самостоятельнаго зданія. Засимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сарай есть сплошное, совершенно закрытое зданіе или же закрытое лишь съ трехъ сторонъ и открытое съ четвертой, такъ что зданіе такое представляется какъ бы навѣсомъ. Очевидно, именно этимъ, т. е. тѣсной связью съ навѣсомъ, объясняется то, что сарай въ Сѣверо-Западномъ краѣ имѣетъ то же наименованіе, что и навѣсъ, а именно *шопа*. Что касается слова *сарай*, то отмѣтить слѣдуетъ, что оно, собственно говоря, въ Сѣверо-Западномъ краѣ не употребляется и извѣстно, повидимому, лишь подъ вліяніемъ

великорусской рѣчи. Затѣмъ кромѣ шопа употребляются и слова: *пуня*, *одрыня*, *одрина*, какъ въ смыслѣ сарая вообще (рис. 42), такъ и въ смыслѣ сарая для сѣна и соломы, а равно большого хлѣва для рогатаго скота и вообще хозяйственной части хаты; *одринка*—сарайчикъ; *одринецъ*—сарай преимущественно для сѣна, а также конюшня. *Одрина* можетъ служить лѣтомъ мѣстомъ для ночлега. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи *одрыня* есть отдѣльно стоящій амбаръ.

Въ славянскихъ языкахъ очень много выраженій для опредѣленія понятія о навѣсѣ. Наименованія эти отчасти намекаютъ на близость навѣса къ первобытному жилью, отчасти же приближаютъ навѣсъ къ прочимъ хозяйственнымъ постройкамъ. Наконецъ понятіе о навѣсѣ нерѣдко связывается съ понятіемъ о крышѣ или части ея. Въ русскомъ языкѣ въ смыслѣ навѣса употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Симбирской губерніи, слово *палатка*, въ другихъ, напримѣръ, въ Псковской губерніи, слово *наметъ*, что собственно означаетъ шатеръ. На малороссійскомъ нарѣчіи *наметъ* ознаетъ одинаково и навѣсъ и палатку и кибитку. Въ южнославянскихъ языкахъ *наметъ* имѣетъ совершенно другое значеніе, а именно значеніе подати (отъ слова наметать—набрасывать, налагать). Въ западныхъ же славянскихъ языкахъ *namiot* имѣетъ то же значеніе, что и въ малорусской рѣчи: въ польскомъ и чешскомъ—ставка, палатка, сѣнь.

Связь понятія о навѣсѣ съ понятіемъ о крышѣ вполнѣ естественна какъ потому, что свободно стоящій навѣсъ ни что иное, какъ укрѣпленная на столбахъ или стѣнахъ двускатная или односкатная крыша, такъ и оттого, что навѣсъ часто представляетъ продолженіе крыши. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ малорусскомъ нарѣчіи и въ польскомъ языкѣ въ примѣненіи къ навѣсу перенесено не славянское наименованіе крыши. Такъ, по малороссійски говорится про навѣсъ *дашокъ* (отъ нѣмец. *Dach*), *пиддашка*, по-польски *przeddaszek, obdaszek* (нѣмецк. *Obdach*—пріютъ). По-малороссійски о навѣсѣ выражаются и *остришекъ, остришокъ*, (отъ стреха, стрѣха, стриха); говорятъ и *халабуда, нахылъ*. На сербскомъ языкѣ навѣсъ: *настрешница* и *наслон;* на хорватскомъ—*podstrešje;* на словинскомъ *–podstrešek, podstrešje;* на чешскомъ—*přistřešek;* на словацкомъ—*strieška*. На словинскомъ языкѣ есть еще рядъ наименованій для навѣса: *kozolec, uta, lopa, stog z lopo*; на болгарскомъ говорятъ: *полесокъ* и *сеньтя*.

Что касается слова *шопа,* то въ русскомъ языкѣ оно употребляется лишь на западѣ и югѣ въ смыслѣ навѣса, обыкновенно большого, а также сарая. Въ великорусскомъ нарѣчіи названное слово почти не употребляется; въ Псковской губерніи говорятъ *шофа;* оно означаетъ навѣсъ, особенно на базарѣ. Въ малорусской рѣчи слово *шопа* означаетъ и сарай и навѣсъ, какъ синонимъ *возовни.* Въ остальныхъ славянскихъ языкахъ, какъ въ южныхъ (за исключеніемъ, кажется болгарскаго), такъ и западныхъ, слово *шопа* и ему подобныя очень употребительны. Въ сербскомъ и хорватскомъ *шупа, ŝupa* означаетъ сарай; на словинскомъ языкѣ *ŝupa* навѣсъ, обыкновенно только для дровъ и инвентаря; на польскомъ языкѣ *szopa*—навѣсъ, сарай, балаганъ, *szopka*—сарайчикъ, будочка; на чешскомъ *šopa* навѣсъ, сарай; *sypka*—овинъ, хлѣбный амбаръ; на словацкомъ *šopa*—навѣсъ, сарай. Слово это считается нѣмецкаго происхожденія—отъ *Schuppen*—сарай.

Въ отношеніи слова *повѣть* слѣдуетъ отмѣтить, что оно повидимому исключительно русское слово; по крайней мѣрѣ въ другихъ славянскихъ языкахъ оно не встрѣчается. Говорятъ и *повѣтье;* въ Ярославской губерніи—*повѣтъ;* въ Орловской—*пóвѣтъ;* въ Новгородской и Вологодской—*пóвить;* въ Воронежской—*повѣтка;* въ Вятской—*повѣтьé;* въ Малороссіи—*повитка;* въ Харьковской губерніи—*повѣточка.* Всѣ эти слова обозначаютъ такъ или иначе крышу или ей подобную покрышку, или соотвѣтствующую часть зданія, навѣсъ, а также сарай, хлѣвъ, верхній чердакъ; въ Вологодской, Пермской, Ярославской, Архангельской, Вятской, Казанской и Костромской губерніяхъ—сѣнникъ, сѣновалъ, а также крышу надъ скотнымъ дворомъ; въ Вятской, Вологодской, Нижегородской, Тверской и Новгородской—крышу надъ дворомъ, гдѣ ставятся повозки и инвентарь; въ частности въ Вологодской губ. *повить*—это верхъ крытаго двора-сарая, гдѣ нерѣдко устраиваются клѣти и горницы; въ Воронежской и Смоленской—сарай, хлѣвъ, коровникъ; въ Орловской, а равно въ Воронежской – плетеная или рубленая или глиняная безъ печи клѣть для невѣстокъ, въ которой онѣ лѣтомъ спятъ; въ Саратовской губерніи—навѣсъ, являющійся продолженіемъ крыши; въ Вятской—дощатый полъ, стоящій на столбахъ для сѣна, при чемъ подъ поломъ этимъ помѣщается скотъ; въ Пензенской—крыша надъ дворомъ; въ Ярославской—пространство между потолкомъ и крышею въ крытомъ дворѣ-сараѣ и т. п. и т. п.

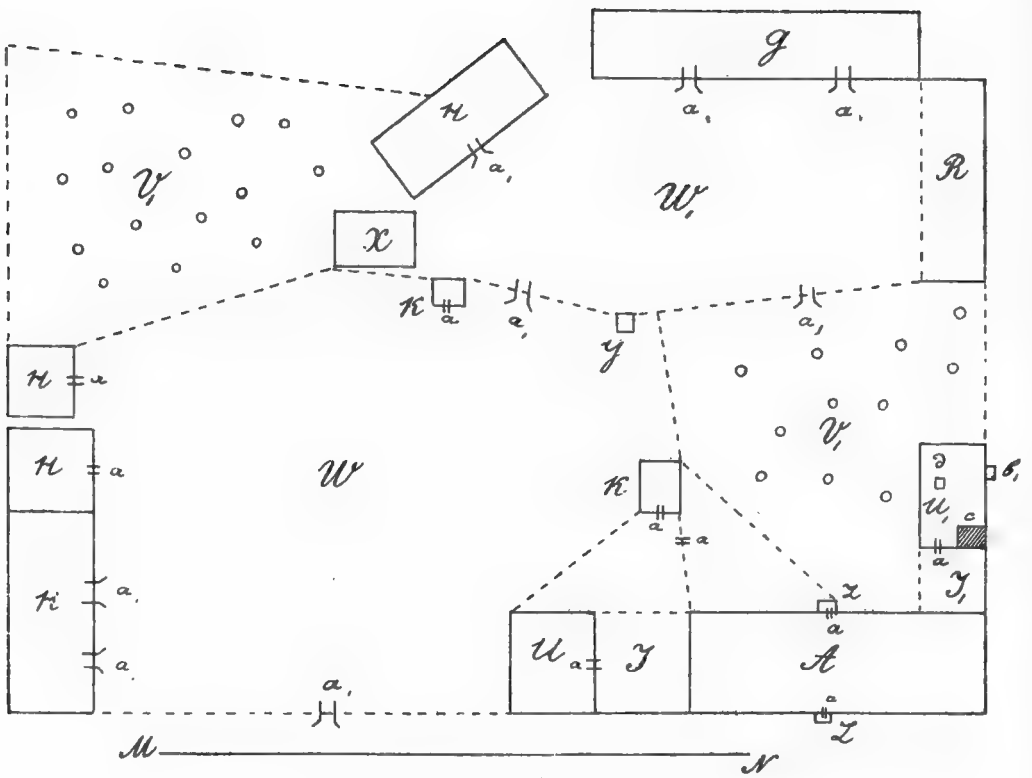
Что касается помянутаго выше слова *причелокъ,* то отмѣтить слѣдуетъ, что оно происходитъ, очевидно, отъ слова чело, т. е. фрон-

тонъ, главная, парадная часть зданія. Въ великорусскихъ губерніяхъ употребляется слово *причелина* для обозначенія доски вдоль края (относа) крыши по щиту (фронтону) избы; во Владимірской и Вятской губерніяхъ *причелина*—рѣзное украшеніе избы со стороны щипца (щита); въ Саратовской—подоконникъ, косякъ двери; въ Харьковской губ. *причилка*—лицевая сторона хаты (фронтонъ). Въ старомъ русскомъ зодчествѣ употреблялось слово *очелье* для обозначенія фронтона окна. Словинцы Крайны фронтонъ, щитъ (щипецъ) дома называютъ *pričelje, pročelje.*

Слово *сарай* (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Пензенской губ., *царай),* какъ извѣстно, не русскаго происхожденія; оно считается словомъ персидскимъ, перешедшимъ къ намъ при посредствѣ татарскаго языка. Въ нашемъ языкѣ названное слово выражаетъ понятіе о всякомъ холодномъ зданіи при жиломъ строеніи, служащемъ для хозяйственныхъ цѣлей, но обыкновенно не въ качествѣ сѣновала, а также хлѣвъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Вологодской губ., *сарай*—это крытый двухэтажный дворъ; въ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, напримѣръ, въ Харьковской губерніи, подъ *сараемъ* или *сарайчикомъ* понимаютъ хлѣвъ круглый, плетеный изъ хворостинъ (рис. 89, 90), не рѣдко обмазанный глиною (рис. 153); въ такомъ сарайчикѣ держатъ зимою и дрова, а лѣтомъ спятъ. Кромѣ русскаго языка, слово *сарай* встрѣчается и въ нѣкоторыхъ южныхъ славянскихъ языкахъ, но въ совершенно другомъ, чѣмъ въ русскомъ, значеніи. Такъ, на болгарскомъ языкѣ *сарай*—домъ, дворецъ; въ сербскомъ языкѣ слово *сарај* тоже означаетъ дворецъ; въ частности въ Босніи—дворъ, дворецъ, залу, а въ приморской части Черногоріи (напримѣръ, въ Барѣ) сараемъ называется домъ знатнаго бега—синонимъ *двори.* Въ хорватскомъ языкѣ *saraj* означаетъ дворецъ. Группа западныхъ славянъ названнаго слова, повидимому, совсѣмъ не знаетъ.

Слово *одрина* въ смыслѣ сарая разнаго рода, напримѣръ, для сѣна, а также въ смыслѣ хлѣва встрѣчается въ русскомъ языкѣ въ X—XI в. в. Въ XIII—XV в. названное слово употребляется какъ будто и въ смыслѣ избы, т. е. жилого помѣщенія. Въ старинномъ языкѣ *одрина* означала и спальню и комнату вообще; въ современной русской рѣчи *одрина* можетъ означать и хлѣвъ, какъ, напримѣръ, въ Тверской губерніи. Въ смыслѣ сарая для сѣна названное слово употребляется и въ польскомъ языкѣ: *odryna.*

Слово *колешня,* повидимому, стоитъ въ прямой связи съ общеславянскимъ словомъ *коло*—кругъ, колесо. Въ русскомъ языкѣ X



Черт. 21. **Усадьба**

изъ д. Буды, Пружанскаго у., Гродненской губ.

A—хата; *G*—гумно *(клуня)*; *H*, *H*—хлѣвы; *J*,—навѣсъ (*шопка*); J_1—навѣсъ (*шалашъ*); *K*, *K*—свинушники; *L*—крыльцо; *M*—*N*—улица; *R*—навѣсъ (*вазовня*) для дровъ и повозокъ; *U*—кладовая (*спихлеръ*); U_1—теплая кладовая *(пристьнокъ)*; V_1, V_1—пчельники съ ульями (*сады*); *W*—дворъ; W_1—гумнище; *X*—мякинникъ; *Y*—колодецъ; *a*, *a*—двери и калитки; a_1, a_1—ворота; b_1 мал. окно.

вѣка *коло* означало и повозку; на болгарскомъ и сербскомъ языкахъ *коло*—кругъ, колесо; *колница* на сербскомъ—сарай для телѣгъ. По-хорватски: *kol*—кругъ, *kola*—телѣга, повозка; по словински: *kolo*—колесо, *kola*—телѣга, *kolnica*—сарай для телѣгъ; по польски: *kolo*—колесо; по-чешски: *kolo*—кругъ, колесо, *kolna, kulna*—сарай, навѣсъ для повозокъ; по-словацки: *kolo*—кругъ, колесо, *kolna*—сарай.

Что касается помянутаго выше слова *вазуня, вазовня*, то ему подобное, въ смыслѣ сарая, встрѣчается въ польскомъ языкѣ: *wazownia*.

На нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ имѣются слова, служащія для передачи понятія спеціально о дровяномъ сараѣ. Такъ на малорусскомъ нарѣчіи употребляются слова: *дровникъ, дровитня*, на болгарскомъ—*дрѣвникъ*, на польскомъ—*drwalnia*, на чешскомъ—*dřevnik*, на словинскомъ—*drvnica, drvarnica*.

5. Клѣть или **свиронъ.** Однимъ изъ важнѣйшихъ строеній благоустроеннаго хозяйства въ Сѣверо-Западномъ краѣ является клѣть или свиронъ (рис. 12, 16, 37, 38, 40, 104 и 154). Оно предназначено для храненія всего цѣннаго имущества крестьянина. Здѣсь помѣщается зерно, одежда, драгоцѣнныя вещи, деньги. Поэтому клѣть строится очень основательно, зачастую прочнѣе и съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ сама хата. Мало-мальски благоустроенная клѣть покоится на фундаментѣ, обыкновенно сложенномъ изъ булыжника. Сама клѣть представляетъ плотный срубъ изъ хорошо пригнанныхъ другъ къ другу бревенъ. Нижніе два вѣнца часто выступаютъ наружу и, соединяясь между собою досками (рис. 38, 40, 104), образуютъ *ганекъ* или *ганыкъ* или *пяреклѣть* или *переклѣть*, т. е. крыльцо, покрытое сверху навѣсомъ (*приклѣтокъ*) отлива или относа крыши въ зависимости отъ того, на какой сторонѣ находится крыльцо: на длинной или узкой сторонѣ. Навѣсъ падъ крыльцомъ обыкновенно поддерживается 2—4 столбиками (рис. 37). Съ крыльца въ клѣть ведетъ небольшая, но плотная, тяжелая дверь. Внутри клѣть запотолочена, полъ *(мостъ)* деревянный, нерѣдко съ промазанными глиною щелями. Обыкновенно размѣръ клѣти до 2 саж. въ длину и до $1^1/_2$ саж. въ ширину. По бокамъ внутренняго помѣщенія находятся закромы для зерна—*оруды* или *заськи*. Остальное имущество помѣщается въ сундукахъ или кадушкахъ *(кублы)*; въ

послѣднія кладутъ обыкновенно *трубки* полотна собственнаго издѣлія или свертки матеріи. Мука и зерно сохраняются въ полубочкахъ *(перерьзъ)*. Одежда часто развѣшивается по стѣнамъ, также размѣщается и сбруя. Изъ сказаннаго видно, что клѣть играетъ троякую роль: житницы, кладовой и хранилища особенно цѣннаго имущества. Поэтому и само наименованіе описываемаго зданія тоже сбивчиво и неопредѣленно. Съ одной стороны клѣть носитъ и иныя названія, а съ другой стороны клѣтью именуютъ нерѣдко кладовую, служащую для сохраненія съѣстныхъ припасовъ. Слово *клѣть* или *кльць**) для описываемаго зданія употребляется преимущественно въ Витебской и Минской губерніяхъ, отчасти въ Ковенской, Виленской и Гродненской; въ Виленской губерніи, а также въ Гродненской, Ковенской и отчасти въ Минской, клѣть называютъ *свиронъ*, *свирень*, *свиренъ*, *свирнъ*, *свиронокъ;* наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минской губ., напр. въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, и Могилевской губ., напр. въ Мстиславскомъ и Гомельскомъ уѣздахъ, клѣть называютъ *амбаромъ*, а въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, и *коморой*.

Клѣть, какъ отдѣльно стоящее зданіе, очень распространено въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но не является обязательной принадлежностью хозяйства. Происходитъ это вѣроятно оттого, что процессъ диференціаціи клѣти изъ жилья, хотя и былъ обширнымъ, но не проникъ повсемѣстно. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что мы предполагаемъ, что клѣть нѣкогда входила въ составъ жилья. Къ этому предположенію приводитъ то, что и въ настоящее время нерѣдко клѣтью называется пристройка къ хатѣ по другую сторону сѣней подъ одной крышей со всѣмъ жильемъ (черт. 38 и 39). Такая клѣть по существу своего значенія не отличается отъ свободно стоящей клѣти. Разъ клѣть выдѣляется въ особое зданіе, то помянутая кладовая въ домѣ носитъ иное наименованіе. На этой кладовой мы остановимся на своемъ мѣстѣ. Возвращаясь къ клѣти-свирону, слѣдуетъ отмѣтить, что не

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Витебской губерніи, въ хозяйствѣ встрѣчаются двѣ клѣти, причемъ одна изъ нихъ меньше и хуже оборудована и носитъ наименованіе *повкльць*, т. е. полклѣть.

представляется возможнымъ провести между ними различіе: слова эти, повидимому, вполнѣ синонимы съ тою разницею, что слово свиронъ, считающееся словомъ литовскимъ, употребляется преимущественно на западѣ, а не на востокѣ Сѣверо-Западнаго края. Впрочемъ, слово свиронъ употребляется и на югѣ Гродненской губерніи, гдѣ литовскаго населенія вовсе не имѣется. Обращаясь къ внѣшнему виду клѣти-свирона, мы должны отмѣтить, что зданіе это можетъ представлять изъ себя по формѣ небольшую съ двускатной крышей хату, но безъ оконъ, какъ, напримѣръ, это видно на рис. 12. Съ другой стороны клѣть-свиронъ можетъ имѣть четырехскатную крышу съ помянутымъ ганыкомъ со столбиками, какъ, напримѣръ, видно на рис. 37; болѣе своеобразнымъ представляется свиронъ Виленской губерніи, особенно благодаря приподнятому ганыку съ расположеніемъ двери не съ узкой, а съ длинной стороны (рис. 38, 40, 104). Тамъ, гдѣ клѣть-свиронъ существуетъ въ качествѣ отдѣльнаго зданія, она ставится обыкновенно при хатѣ, непосредственно у улицы, съ оставленіемъ между нею и хатою простора, занятаго изгородью и воротами, какъ то, напримѣръ, видно на рис. 12 и 154. Однако клѣть можетъ становиться и поодаль отъ улицы или находиться, вмѣстѣ съ другими хозяйственными постройками, по другую сторону улицы, чѣмъ та, на которой расположена хата.

Клѣть, какъ отдѣльная постройка и именно съ помянутыми выше особенностями, т. е. безъ оконъ, крѣпкаго строенія, съ крылечкомъ и столбиками, поддерживающими навѣсъ отъ крыши, весьма распространена, хотя и подъ разными наименованіями, среди всего русскаго народа. Среди великоруссовъ она нерѣдко называется и *амбаромъ;* среди малоруссовъ—*коморой* (рис. 92 и 161), отчасти—*хижей,* а въ южныхъ степяхъ, гдѣ клѣть глинобитная и иной формы—*буджой* (рис. 68 и 162).

Слово *клѣть* и ему близкія слова употребляются въ русскомъ языкѣ очень давно: *клѣть, клеть* встрѣчается уже въ X вѣкѣ. Значеніе его разное: домъ, комната, келія, кладовая, амбаръ. Въ смыслѣ комнаты мы встрѣчаемъ слово клѣть въ Остро-

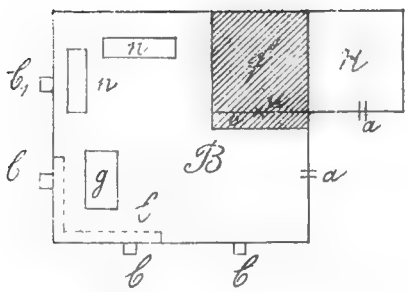
мировомъ евангеліи (XI в.), напримѣръ „ты же, егда молишися, вѣпиди въ клѣть свою“ (М.Ѳ., VI, 6); то же слово въ томъ же смыслѣ употребляется и по нынѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Въ смыслѣ дома мы встрѣчаемъ слово клѣть отъ X до XVI в. Такъ, въ лѣтописи подъ 946 г. мы встрѣчаемъ: „и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, иде же не горяше“, или напримѣръ: „а иніи разбивааху клиніемъ клѣти, рукы въкладааху въ стѣну, зажигаху“ (XVI в.); въ библіи XIV в. мы встрѣчаемъ слово клѣть ясно въ смыслѣ дома тамъ, гдѣ въ латинскомъ текстѣ употребляется слово domus. Въ значеніи кладовой, амбара, слово клѣть встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ часто, напримѣръ: „бысть буря велика и разноси хоромы и товаръ, и клѣти, и жито из гуменъ....и не остася у клѣтехъ ничего же“ (XII в.), или: „да сѣпникъ, да клѣть на подклѣтѣ, да четверть хмелника, и то все св. Михаилу въ вѣки“ (XIV—XV в.), или „а на избѣ, да на клѣти, да на овини десять бѣлъ“ (XIV—XV в.), или „тогда бяше старыхъ лѣтъ клѣти всякого обиліа изнасыпани на крому“ (XV в.). Значеніе клѣти какъ дома и кладовой привело къ переносному пониманію этого слова въ смыслѣ имущества вообще, казны; въ этомъ слыслѣ слово клѣть встрѣчается уже въ XII в. Въ слѣдующемъ вѣкѣ употребляется въ смыслѣ храмины, покоя слово *клѣтва:* „въведе мя царь въ клѣтвя своя“. Съ XI вѣка встрѣчается и уменьшительное слово *клѣтъка*, *клѣтека*. Оно означаетъ и комнату и келью и, повидимому. зданіе вообще, напримѣръ: „поставили же бяху клѣтку малу на томъ мѣстѣ, иде же бяше сгорѣла церковь, архіепископъ же пришедъ съ кресты и створи в тои клѣтцѣ всенощное пѣніе“ (XIV в.). Въ XVI в. слово *клѣтка* имѣетъ, повидимому, значеніе и тюрьмы: „ни въ клѣтку, ни въ погребъ безъ суда не сажати, ни ковати“; въ XV в. клѣтка означаетъ и лавку: „тежъ придаемъ къ тому воитовству половицу клѣтокъ мясныхъ и плату ихъ“.

Изъ изложеннаго наиболѣе интересно отмѣтить то, что въ древнія времена клѣть у насъ служила жильемъ, очевидно лишь

впослѣдствіи приспособленнымъ для спеціальныхъ надобностей, какъ напримѣръ кладовая, тюрьма и т. п. Это мнѣніе было въ свое время весьма опредѣленно выражено И. Забѣлинымъ, который между прочимъ писалъ*): „первообразомъ древнѣйшаго русскаго жилища, безъ всякаго сомнѣнія, была клѣть, весьма простое строеніе, уцѣлѣвшее даже до настоящаго времени. Вначалѣ она ставилась, можетъ быть, съ однимъ только очагомъ, подлѣ котораго согрѣвалась живущая въ ней семья; но съ того времени, какъ клѣть начали отапливать посредствомъ печи, она именовалась уже истопкою, отъ глагола топить, истопить, изъ котораго впослѣдствіи образовалось слово изба".

Съ своей стороны, какъ указано, мы, поддерживаемъ это мнѣніе И. Забѣлина. Однако не считаемъ возможнымъ смотрѣть на клѣть, какъ на „первообразъ древнѣйшаго жилища" и думаемъ, что клѣть лишь предшествовала избѣ, имѣя въ свою очередь другихъ, въ смыслѣ жилья, предшественниковъ, изъ которыхъ ближайшимъ была вѣроятно хижа-землянка, замѣненная клѣтью. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не находимъ достаточно основаній полагать, чтобы клѣть превратилась, какъ то полагаетъ Забѣлинъ, въ избу. Вѣроятнѣе допустить, что клѣть была замѣнена избой, жилищемъ самостоятельнымъ. Существенное различіе клѣти отъ избы несомнѣнно заключается въ томъ, что первое—неотопляемое помѣщеніе, а второе—жилище съ печью, но, какъ можно полагать, между ними было когда то и другое различіе, которое могло заключаться въ томъ, что клѣть первоначально была землянкой и лишь впослѣдствіи пріобрѣла срубчатое основаніе наземное, между тѣмъ, какъ изба никогда, быть можетъ, землянкой не была. Какъ бы то ни было и клѣть и избу въ качествѣ жилищъ мы видимъ у русскаго племени уже въ сѣдую старину. При развитіи жилища въ древней Руси мы видимъ клѣть въ качествѣ лѣтняго жилья (это въ свою очередь показываетъ, что клѣть неотопляема): такъ напримѣръ извѣстно, что князь Владиміръ Святой въ Берестовѣ, служившемъ лѣтнимъ мѣстомъ пре-

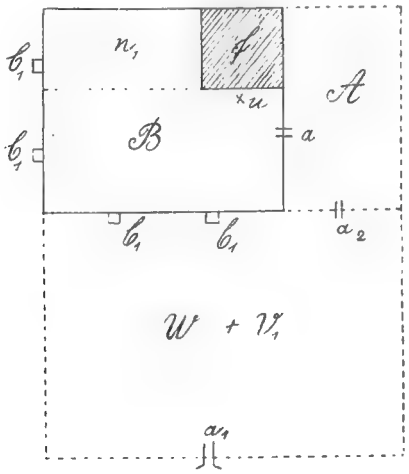
*) Домашній бытъ русскихъ царей, т. I, стр. 20—11.



Черт. 22. **Хата бобыля**

изъ дер. Застава въ Бѣловѣж. пущѣ Пруж. у. Гродн. губ.

B—хата; *H*—хлѣвъ; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1—мал. окно; *c*—припечекъ; *f*—печь; *g*—столъ; *l*—лавка; *n*, *n*—кровати.



Черт. 23. **Бѣдная хата бобыля на окрайнѣ селенія съ землею**

(собственной или арендуемой)

въ предѣлахъ убогой изгороди въ Витебской губ.

A—площадь сѣней, огороженная изгородью; *B*—хата; *M*—*N*—дорога; $W+V_1$—дворъ и огородъ; *a*—дверь; a_2—перелазъ; b_1, b_1—мал. окна; *f*—печь; n_1—нара; *u*—топка печи.

бываніемъ, такъ сказать, дачей, жилъ въ клѣтяхъ. Сложныя постройки XVI—XVII в. состояли изъ ряда покоевъ: избъ, клѣтей, горенокъ и пр. и именовался весь этотъ комплектъ, между прочимъ, и *клѣтями;* это показываетъ, что хотя въ отмѣченное время жилище, по крайней мѣрѣ богатыхъ, разбилось на сложные покои, но что первоначальное наименованіе жилья—клѣть, еще сохранилось. Съ какого собственно времени клѣть начинаетъ рѣшительно замѣняться избой сказать съ какою либо опредѣленностью не возможно. Однако существуютъ данныя предполагать, что въ XVI в. большинство крестьянъ жило въ избахъ, а не въ клѣтяхъ. Такъ Н. Чечулинъ (Русскія деревянныя постройки XVI в.), разбирая древнія описи, отмѣчаетъ, что изъ 317 дворовъ лишь десятка полтора были съ одними клѣтями и безъ избъ. Въ остальныхъ дворахъ были избы часто съ нѣсколькими клѣтями, напр., на 5 дворовъ 17 клѣтей, на 3 двора 5 клѣтей. Замѣна клѣти избой шла, очевидно, медленно и въ теченіе очень долгаго времени, сначала у высшихъ, затѣмъ у среднихъ классовъ и наконецъ у крестьянъ. При этомъ замѣна шла вѣроятно разнымъ порядкомъ. Съ одной стороны клѣть приспособливалась для хозяйственныхъ нуждъ или оставлялась для потребностей лѣтняго времени (въ Россіи по настоящее время повсемѣстно лѣтомъ спятъ въ клѣтяхъ), а съ другой стороны новое жилье пристраивалось къ старому, т. е. изба присоединялась къ клѣти, при чемъ связующимъ звеномъ служили сѣни. Такіе дома, какъ извѣстно, весьма обычны и по сіе время среди великорусскаго населенія. То же самое мы видимъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ мѣстами одна половина дома называется хатой, а другая клѣтью и гдѣ клѣть зачастую существуетъ независимо отъ жилища-хаты.

Какъ въ настоящее время въ богатыхъ хозяйствахъ встрѣчается по нѣсколько клѣтей, такъ и въ старину благоустроенные дома богатыхъ людей содержали рядъ клѣтей: для принадлежностей ѣды, для оружія и другихъ надобностей. Какъ мѣстами теперь, такъ и прежде подъ клѣтью оставлялось пространство *(подклѣть, порубь)*, имѣвшее значеніе дополнительнаго хозяй-

ственнаго помѣщенія: для прислуги, для всякаго рода имущества, казны *(казенки)*.

На современномъ великорусскомъ языкѣ, *клѣть* мѣстами *клить* (Тверская губ., Уральская область), означаетъ холодную половину избы, находящуюся черезъ сѣни, напр., въ Смоленской, Новгородской, Казанской, Рязанской и др. губерніяхъ, или же отдѣльное, тоже безъ печи, строеніе для поклажи добра, а равно чуланъ, амбаръ, кладовую. Говорятъ и *клѣтка*, *клѣтца*, *клѣтуха*, *клѣтушка*, что означаетъ и тѣсное помѣщеніе вообще, маленькій покойчикъ. Въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ клѣть—есть комната верхней части крытаго двора въ сараѣ и служитъ для храненія праздничной одежды и другого добра; въ Нижегородской губ. (Горбатовскій уѣздъ), клѣть—это сарай для сѣна и соломы; въ Лукьяновскомъ у., той же губ., клѣть пристраивается къ сѣнямъ для храненія имущества, при чемъ подъ нею помѣщается *амбаръ* или *погребъ* съ входомъ со двора; въ сѣверныхъ губ. (Олонецкая напримѣръ), клѣтью называютъ прямоугольный срубъ, образующій деревянную церковь. Такое значеніе слова клѣть напоминаетъ древній его смыслъ, когда слово это понималось и въ смыслѣ келіи. И по настоящее время со словомъ клѣть какъ бы соединяется понятіе о молитвѣ, какъ то напримѣръ видно изъ поговорокъ: „на нивѣ потѣй, въ клѣти молись—съ голоду не помрешь“ или „зашолъ въ чужую клѣть молебенъ пѣть“. Впрочемъ въ этихъ поговоркахъ слово клѣть можно понимать и въ смыслѣ дома.

Кромѣ обычнаго своего назначенія—быть кладовой, клѣть служитъ повсемѣстно въ лѣтнее время спальней; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай сжигать на Благовѣщеніе зимнія постели и послѣ этого перебираться спать уже въ клѣть. Клѣть часто отводится въ качествѣ помѣщенія для новобрачныхъ, которые мѣстами ночуютъ въ ней до рожденія ребенка. Наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ молодымъ, выдѣляемымъ изъ семьи, отдается клѣть, составляющая холодную половину избы или хаты. Такая клѣть разбирается и переводится на участокъ

земли; съ упрочненіемъ хозяйства къ ней пристраиваются сѣни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ помѣщеніе, совершенно соотвѣтствующее клѣти, носитъ иное наименованіе. Такъ въ Московской губ. отдѣльно стоящая клѣть называется и *амбаромъ*. Въ Курской губ. такая постройка, отводимая, какъ и клѣть въ качествѣ спальни для новобрачныхъ, именуется *хижей;* въ Орловской и Воронежской губ. аналогичное помѣщеніе для невѣстокъ называется *повѣткой* или *пунькой;* въ Смоленской—*перекльткой.*

Изъ всего этого ясно, что на клѣть нельзя смотрѣть иначе, какъ на зданіе, бывшее нѣкогда самостоятельнымъ и при томъ неотопляемымъ печью жильемъ, лишь впослѣдствіи отчасти заброшеннымъ и приспособленнымъ въ качествѣ хозяйственнаго помѣщенія.

Это жилище было свойственно не одному русскому народу, но повидимому всему славянству, у отдѣльныхъ племенъ котораго оно отчасти сохранило значеніе первобытнаго жилья, отчасти пріобрѣло значеніе хозяйственнаго помѣщенія. Такъ у болгаръ (съ XI в.) *клети*—означаетъ погребъ *); у сербовъ *клет* или *клијет*—клѣть, комната, въ частности спальня, а равно кладовая; на хорватскомъ языкѣ *kliet*—кладовая, компата, келія. Въ словинскомъ языкѣ *klet* означаетъ кладовую; слово это у словинцевъ впрочемъ почти вытѣснено другимъ *shramba* и употребляется сравнительно рѣдко. У группы западныхъ славянъ слово клѣть употребляется и въ иномъ, чѣмъ указано слыслѣ; такъ у поляковъ *klec*—шалашъ, хижина (мѣстами и клѣть въ нашемъ смыслѣ), *kleta, klita*—шалашъ, лачуга, нора, коморка, комнатка, горенка. У чеховъ и словаковъ слово клѣть утратило, повидимому, свое первоначальное значеніе; въ настоящее время употребляются слова: у чеховъ—*kleca* и *kletka* и у словаковъ *klec*—въ смыслѣ клѣтки.

Указанныя значенія слова выясняютъ, что мы въ клѣти имѣемъ всеславянское жилище, существовавшее когда то въ пер-

*) Собственно клѣть по болгарски: *задникъ*. Подобное слово мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ губ., напр., въ Рязанской, гдѣ словомъ *задняя* передается понятіе о второй половинѣ избы, ставшей, какъ можно думать, на мѣсто находившейся тамъ клѣти.

вобытныхъ своихъ формахъ, нынѣ утраченныхъ. Жилище это было замѣнено другими, приспособилось для несенія преимущественно хозяйственныхъ функцій, мѣстами слилось съ новымъ жильемъ, мѣстами же, повидимому, было совершенно заброшено и забыто. Первоначальную клѣть можно себѣ представить и въ видѣ шалаша и въ видѣ землянки. И то и другое предположеніе гадательно. Ясно лишь то, что клѣть не отоплялась печью. Но такъ какъ клѣть, по крайней мѣрѣ въ Россіи, какъ жилище, непосредственно предшествовала избѣ, то болѣе правильнымъ представляется предположить, что клѣть не была шалашомъ, подразумѣвающимъ кочевой или полукочевой образъ жизни. Поэтому допустима правильность мысли, что клѣть была землянкой, со временемъ, очевидно вышедшей изъ подъ земли и развившейся въ постройку наземную.

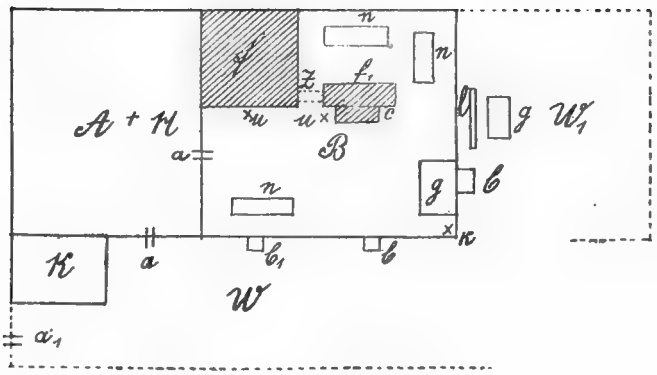
Слово *амбаръ* не славянское; оно считается арабскимъ, занесеннымъ къ намъ при посредствѣ татаръ. Поэтому оно является въ нашемъ языкѣ очень поздно, повидимому, не ранѣе XVI вѣка. Въ это время говорилось и *омбаръ* и *онбаръ*. Амбаръ въ старину служилъ, повидимому, исключительно для сохраненія хлѣба. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великоруссіи говорится и *анбаръ*, напр. въ Пензенской, Нижегородской и Вологодской губ., *онбаръ* въ Вологодской губ., въ Малороссіи *вимбаръ*. Это строеніе служитъ иногда только для склада зернового хлѣба и муки, напр. въ Симбирской губ., а иногда и для другихъ надобностей, совершенно соотвѣтствуя описанной выше клѣти. Во Владимірской губ. въ амбарѣ молотятъ ленъ и хранятъ кормъ для скота. Изъ другихъ славянскихъ языковъ названное слово встрѣчается въ болгарскомъ; болгарскій *амбаръ* служитъ какъ для сохраненія хлѣба, такъ и для кукурузы; говорятъ и *хамбаръ;* амбарчикъ по-болгарски *амбарча*. Въ смыслѣ зданія для сохраненія зерна названное слово употребляется и сербами: *амбар, анбар;* въ Босніи и Хорватіи говорятъ *хамбар, hambar,* причемъ въ Босніи слово это означаетъ ящикъ въ домѣ для муки, а въ Хорватіи небольшое зданіе разнообразной, иногда шалашевидной формы, для зерна и въ частности—кукурузы. Наконецъ то же слово—*hambar*—въ смыслѣ помѣщенія для зерна, встрѣчается еще у словинцевъ и словаковъ.

Слово амбаръ въ значительной степени вытѣснило на русскомъ языкѣ общеславянское слово *житница, житня, житенка*. Хотя слова

эти и употребляются у насъ по сіе время, однако слово амбаръ едва-ли, по крайней мѣрѣ въ Великоруссіи, не болѣе употребительно, быть можетъ, потому, что амбарами часто пользуются какъ клѣтью, т. е. не только для склада зерна. Житница встрѣчается въ нашихъ письменныхъ памятникахъ уже въ XI вѣкѣ, отъ слова *жито,* имѣющаго, впрочемъ, довольно разнообразное значеніе. Въ XI вѣкѣ слово *жито* употреблялось въ смыслѣ плода вообще, пищи, хлѣба, богатства. Въ современной русской рѣчи *жито* означаетъ въ Московской, Рязанской, Вятской и многихъ другихъ губерніяхъ, всякій зерновой, не молотый хлѣбъ; на югѣ—рожь; въ Сѣверо-Западномъ краѣ—всякую рожь въ колосѣ или въ зернѣ; въ Тверской губ.—яровую рожь; въ восточныхъ губерніяхъ—вообще яровое зерно, яровой хлѣбъ: овесъ, ячмень, пшеницу, гречиху; въ сѣверныхъ губерніяхъ—ячмень, а въ Псковской губерніи и варево изъ ячменя съ горохомъ или бобами. Среди малороссійскаго населенія вмѣсто житницы въ смыслѣ амбара говорятъ *житовня.* Въ Болгаріи подъ *житницей* понимаютъ корзину для храненія кукурузы; *жито*—хлѣбъ; по-сербски *житница*—сарай, амбаръ; *жито*—зерновой хлѣбъ, въ частности—пшеница; по-хорватски и словински *žitnica*—амбаръ; то же значеніе имѣютъ слова: польское *żytnica* и чешское—*zitnice; žito*—по-хорватски—плодъ, зерно, хлѣбъ; по-словински—зерно, хлѣбъ въ зернѣ, рожь; по-польски *(żito)*—хлѣбное растеніе, рожь; по-чешски *(žito)*—рожь; по-словацки *(žito)*—рожь, пшеница.

На славянскихъ языкахъ существуетъ еще рядъ словъ, обозначающихъ амбаръ и замѣняющихъ зачастую слово житница. Напримѣръ, въ сербскомъ, хорватскомъ, словинскомъ, польскомъ и чешскомъ употребляется слово *склад, sklad;* въ польскомъ это слово означаетъ и амбаръ и овинъ; на чешскомъ говорятъ *skladiště.* Въ малорусскомъ нарѣчіи говорятъ, вмѣсто амбара, *збижныця, шпыхлиръ; комора*—въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ; *буда*—въ Екатеринославской губерніи. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, вмѣсто амбара, употребляются и выраженія *шпихерикъ (spichlerz, spichrz*—у польской шляхты). На чешскомъ говорятъ: *špižirna, sypka;* послѣднее слово, а равно *sypareň,* употребляется и въ словацкомъ языкѣ. На польскомъ языкѣ говорятъ: *swiernia, swironek, swiron.* Среди словинцевъ употребляются слова: *kašča, kašta;* послѣдняя можетъ служить и овиномъ, для чего имѣется особый наружный помостъ *koza* съ рамою *(dira)* для сушки сноповъ.

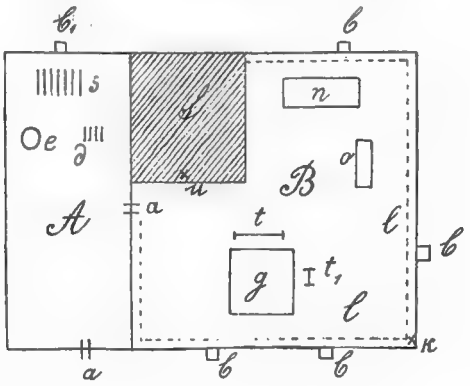
6. Варевня или **истопка.** Такъ же, какъ клѣтъ, повидимому, въ состояніи диференціаціи мы встрѣчаемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ



Черт. 24. **Хата**

изъ Виленской губ. и уѣзда.

A+*H*—сѣни, безъ потолка, служащіе одновременно хлѣвомъ; *B*—хата; *K*—хлѣвушовъ (свинушникъ); *W*, *W*1—усадьбочка огороженная плетомъ (плетнемъ); *a*, *a*—двери; *a*1—калитка; *b*, *b*—окна; *b*1—мал. окно; *c*—плита; *f*—печь; *f*1—печь—стѣнка; *g*, *g*—столы; *k*—распятіе; *l*—скамья; *n*, *n*—кровати; *u*, *u*—топки; *Z*—труба, соединяющая стѣнку съ печью.



Черт. 25. **Хата**

изъ Виленской губ. и уѣзда.

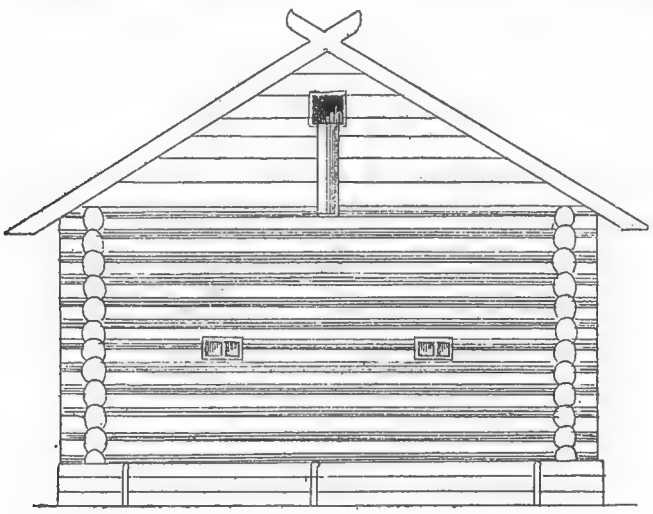
A—Сѣни *(тристѣнъ)*; *B*—хата; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *b*1—мал. окно; *d*—лѣстница на чердакъ; *e*—кадка съ водой; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—божница; *l*, —скамья; *n*—кровать; *o*—сундукъ; *s*—складъ дровъ; *t*—скамейка; *t*,—табуретка; *u*—топка печи.

еще одно и весьма при этомъ интересное помѣщеніе. Это варевня или истопка, назначеніе которой—служить кладовой для извѣстнаго рода съѣстныхъ припасовъ, а именно: капусты, свеклы, моркови, брюквы и другихъ овощей, а равно картофеля, а лѣтомъ молока. Иногда въ этой кладовой хранится и мука и крупа, но главное назначеніе ея заключается, какъ сказано, въ сохраненіи указанныхъ продуктовъ и именно съ осени до весны. Такая кладовая называется либо *варевня* *), *варивня*, *варовня*, *варэуня*, *варильня*, либо *истопка*, *истебка*, *истэпка*, *исцёпка*, *стопка*, *стёпка*, *стёбка*, *стэпка*, *стебка*, *сдэпка*. Первое наименованіе предпочитается особенно въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, второе особенно въ Витебской губерніи; въ другихъ, напр., въ Гродненской и Минской, обыкновенно употребляются слова и варевня и истопка. Какъ бы ни называлась данная кладовая, но особенность ея заключается въ томъ, что она представляетъ изъ себя согрѣваемое помѣщеніе. Однако варевня-истопка согрѣвается далеко не всегда печью. Если таковая имѣется, то она топится по черному, представляя иногда изъ себя весьма примитивное сооруженіе, сложенное изъ булыжниковъ безъ цемента; если ея нѣтъ, то ее замѣняетъ *расадникъ*, т. е. очагъ, представляющій основу печи въ хатѣ, или приносимый въ котлѣ изъ хаты жаръ. Огонь въ варевнѣ-истопкѣ нерѣдко разводится лишь въ лютые морозы, тогда какъ въ другое время эта кладовая представляетъ холодное помѣщеніе, подобное подвалу.

Какъ бы описываемая кладовая ни называлась, она можетъ находиться въ жиломъ зданіи съ противоположной жилой хатѣ стороны сѣней или въ задней части послѣднихъ (черт. 33, 35, 36, 37, 39, 41). Однако и варевня и истопка могутъ представлять изъ себя отдѣльное зданіе, помѣщающееся среди другихъ хозяйственныхъ строеній въ усадьбѣ. Въ такомъ случаѣ варевня-истопка (называется иногда и *спижарня*) имѣетъ видъ обычной хаты съ тою лишь разницею, что въ ней мало (одно-два) оконъ,

*) *Варево, вариво*—все, что приготовлено для варки, въ частности—кухонный не мясной припасъ, овощи.

притомъ небольшой величины; иногда окна эти волоковыя (см. приложенный чертежъ). Отдѣльно варевня-истопка ставится обыкновенно тогда, когда по обѣ стороны сѣней находятся жилыя помѣщенія. Если варевня или истопка лежитъ въ комплексѣ



Варевня или **истопка** изъ Витебской губ.
съ рис. *А. А. Корчагина.*

жилого строенія, то она можетъ согрѣваться путемъ отдушины въ стѣнѣ, черезъ которую идетъ духъ отъ хатной печи. Вообще варевня-истопка не имѣетъ опредѣленнаго положенія въ хатѣ, такъ, напр., на югѣ Гродненской губерніи она иногда помѣщается со стороны фронтона хаты, не соединяясь, впрочемъ, съ нею внутреннимъ ходомъ. (черт. 59, 60 и рис. 116, 159).

Главный интересъ *истопки* заключается въ ея наименованіи. Она, какъ указано, теплая кладовая. Поэтому представляется правильнымъ поставить это слово въ связь съ глаголомъ *истопить*. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ, не надлежитъ ли искать генетической связи между истопкой и избой, происхожденіе которой вызвало, какъ извѣстно, разнообразныя догадки. Слово *изба* или *изъба* въ смыслѣ отопляемаго помѣщенія, жилья, встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ уже въ XI вѣкѣ. Такъ, напр. въ лѣтописи говорится „обувшися въ *тепль избѣ*, заутрокавше

приѣдите ко мнѣ“ (пов. вр. л. 1095 года). На ряду со словомъ изба въ то же время употреблялись слова: *истьба*, *истобка*, *истопка*. Такъ, напримѣръ въ памятникѣ XI вѣка между прочимъ говорится: „да аще кто изъ *истьбы* вылезетъ напрастно, оубьенъ бываше невидимо“ (Новг. I л., 1092 г.) или „пристрои Ратиборъ отрокы въ оружьи, *истобку* пристави истопити имъ“ (Пов. вр. л., 1095 г.) или „идоша въ *истобку*“ (по другимъ спискамъ: „въ гридницу“ Пов. вр. л. 1097 г.). Слово истопка въ X вѣкѣ употреблялось и въ смыслѣ бани, напримѣръ: „они же пережьгоша *истопку* и влѣзоша древляне, начаша ся мыти“ (Пов. вр. л. 946 г.). Такимъ образомъ въ старину слова изба и истопка являлись синонимами и передавали понятія объ отопляемомъ помѣщеніи, въ частности о жильѣ.

Въ современномъ русскомъ языкѣ слово истопка широко употребляется въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ смыслѣ отопляемой или вообще теплой кладовой (*истопка*, *стопка*, *сдэпка* и т. п.). Засимъ *истопка*, въ Симбирской и Ярославской губерніяхъ и *истопокъ* въ Воронежской, Орловской, Рязанской и Тверской губерніяхъ означаетъ чердакъ, подволоку, верхнюю вышку, все мѣсто надъ избой, подъ кровлей, сверхъ наката. Такое значеніе названныхъ словъ какъ бы противорѣчитъ ранѣе сказанному, т. е. тому, что истопка и изба синонимы и что онѣ означаютъ отопляемое жилье. Однако въ дѣйствительности это не такъ. А именно напримѣръ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, чердакъ называется *на истопкѣ*, что ясно указываетъ, что подъ истопкой понимается собственно не чердакъ, а изба. И дѣйствительно въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ и по настоящее время слова изба и истопка представляются синонимами. Такъ напримѣръ въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ *истопка* означаетъ избу, избушку, избеньку объ одномъ покоѣ, но съ печью. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ *сдэпка*, т. е. синонимъ истопки, означаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, не только кладовую, но и маленькую жилую комнатку, а въ Виленской и Ковенской губерніяхъ подъ *стопкой*

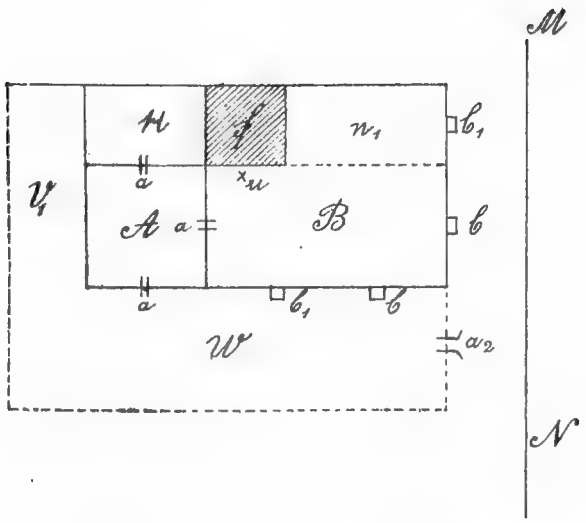
понимаютъ и хату, хатку, т. е. въ сущности ту же избу, избушку; напримѣръ народная поговорка: „маю свою маленкую стопку". Наконецъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ слово *стопка* означаетъ избу. Въ этомъ смыслѣ названное слово мы встрѣчаемъ напр. въ Вятской губ., гдѣ *стопка*—маленькая, о двухъ окнахъ изба, входъ въ которую непосредственно со двора безъ промежуточнаго помѣщенія—сѣней, которыя отсутствуютъ.

Такимъ образомъ связь между истопкой и избой, повидимому, становится очевидной, причемъ, казалось бы нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что то и другое слово произошло отъ глагола топить или вѣрнѣе отъ его производнаго истопить или старинной формы, извѣстной уже въ XI вѣкѣ, истопити—вытопить *). Надо имѣть въ виду, что въ настоящее время русскій народъ подразумѣваетъ подъ избой обязательно теплое помѣщеніе съ печью, перенося слово *изба* на весь жилой домъ, вмѣщающій отопляемое помѣщеніе (см. рис. 67, 105, 106, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 179, 180). Въ старину въ развитыхъ постройкахъ было по нѣсколько избъ: *столовая изба, спальняя изба;* само собою разумѣется, что онѣ были отопляемы. Тоже слѣдуетъ сказать и про избы, служившія присутственными мѣстами: *тіунская, приказная, земская изба.* Въ зависимости отъ топки изба можетъ быть *черной*, если печь безъ трубы, и *бѣлой*—если печь съ трубой; засимъ богатая, разукрашенная рѣзьбою изба мѣстами называется *красной;* двухэтажная изба, съ жильемъ въ обоихъ этажахъ (рис. 179) называется въ Олонецкой губ.—*двухжирной* (вѣрнѣе вѣроятно *двухжильная).* У старожильческаго населенія Сибири подъ избой обыкновенно подразумѣвается однокамерная постройка, но обязательно съ печью. Въ томъ же смыслѣ, въ смыслѣ дома въ одну комнату, слово изба употребляется и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владимірской губерніи, напримѣръ въ Меленковскомъ уѣздѣ. Если жилище крестьянина (особенно старо-

*) *Истопня* въ Воронежской губ.—кухня; *истопка, истопля, истопье*—въ Нижегородской и Пермской, *истопель*—въ Архангельской и Тамбовской, *истопокъ*—въ Рязанской и Владимірской губер. означаютъ охапку дровъ сколько идетъ заразъ въ печь, чтобы истопить ее.

жила въ Сибири) состоитъ изъ нѣсколькихъ помѣщеній, то оно зачастую называется не избой, а *домомъ*. Такъ называемая *холодная* или *лѣтняя изба*, въ которой живутъ лѣтомъ, напримѣръ въ Вологодской, Новгородской и др. губерніяхъ, должна быть вѣроятно отнесена къ помѣщеніямъ позднѣйшаго порядка, при распространительномъ пониманіи слова изба въ смыслѣ комнаты вообще, покоя. Это доказывается, между прочимъ, бо́льшею комфортабельностью ея по сравненію съ *теплой избой*, въ которой живутъ зимой. Кромѣ того, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтняя изба развилась изъ клѣти, занявъ ея первоначальное мѣсто при сѣняхъ. Поэтому она и является неотопляемой, тогда какъ, говоря вообще, изба у насъ противополагается неотопляемымъ помѣщеніямъ, какъ клѣть, или иногда горница. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, значеніе избы низвелось на роль кухни тѣмъ, что передъ ней поставлено другое помѣщеніе, которое и играетъ роль жилой комнаты, тогда какъ въ избѣ только готовятъ пищу или обѣдаютъ, а иногда и спятъ. Эта вторая комната называется то свѣтелка, напримѣръ въ Нижегородской и Курской губерніяхъ, то обыкновенно горница, напримѣръ во Владимірской, Вологодской, Рязанской, Нижегородской, Олонецкой и др. губерніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири *изба*—отдѣльно стоящая кухня. Въ Курской губерніи, въ Льговскомъ уѣздѣ, подъ *избой* понимаютъ отгороженную заднюю часть сѣней, служащую кухней, а отчасти и кладовой; такая изба называется и *призба*. Если изба, при развитіи жилого дома, утрачиваетъ первоначальный свой характеръ однокамернаго отопляемаго помѣщенія, то она теряетъ нерѣдко и свое наименованіе. Такъ, изба въ Вологодской губ., разгороженная накрестъ перегородками, называется *крестоватикъ*; изба въ Новгородской губ., раздѣленная продольной перегородкой на два помѣщенія, называется *пятистѣнокъ*. Наконецъ изба, какъ зданіе, утратившая обычный характеръ благодаря сложности сооруженія, зачастую называется уже не избой, а *домомъ*.

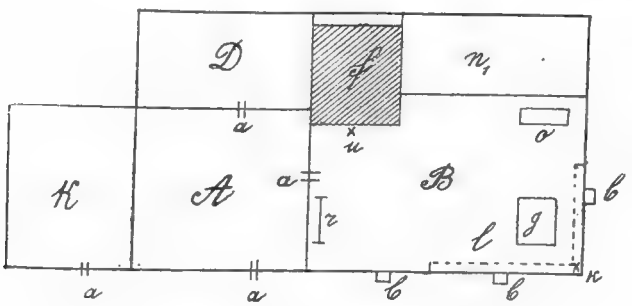
Переходя къ остальнымъ славянамъ, слѣдуетъ отмѣтить, что и у нихъ, почти безъ исключенія слово *изба* означаетъ помѣ-



Черт. 26. **Хата бобыля**

изъ Витебской губ., не имѣющая хозяйственныхъ построекъ.

A—сѣни; *B*—хата; *H*—хлѣвъ; *M*—*N*—дорога; V_1—огородикъ; *W*—дворъ; a_1 *a*—двери; a_2—калитка; *b*, *b*—окна; b_1, b_1—оконцы (волоковыя); *f*—печь; n_1—нары; *u*—топка печи.



Черт. 27. **Хата**

изъ подъ города Бобруйска Минской губ. Бобр. у.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—кладуха; *K*—свинушникъ; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*—лавка; n_1—нары; *o*—сундукъ; *r*—полка; *u*—топка печи.

щеніе отопляемое. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи, а равно въ нѣкоторыхъ земляхъ, заселенныхъ сербами, изба имѣетъ иное значеніе. Въ западной Болгаріи слово изба выражаетъ понятіе о деревянномъ домѣ, соотвѣтствующемъ нашей избѣ; въ восточной же Болгаріи изба есть погребъ, въ частности винный погребъ, землянка (синонимъ хижи), подвалъ, шалашъ, стойло въ землѣ или особое помѣщеніе для тканья полотна, ковровъ. На сербскомъ языкѣ *изба*—комната вообще, въ частности жилая комната, а равно домикъ; но въ Черногоріи, Босніи, Далмаціи и Герцеговинѣ подъ избой понимаютъ нижній этажъ дома (см. рис. 87), служащій въ качествѣ конюшни или кладовой; поэтому про домъ въ два этажа говорится: *на избу*. Въ Хорватіи подъ словомъ *izba* понимаютъ кладовую у кухни, но также и комнату вообще. У словинцевъ *izba* означаетъ комнату, жилое помѣщеніе и въ частности жилую комнату (синонимъ *hiša*) въ крестьянскомъ домѣ; *izbana*—зала. По польски *izba*—изба, комната, горница, зала, а также жилой домъ, т. е. изба. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Привислинскаго края слово *izba* употребляется: въ Люблинской губерніи какъ синонимъ *chalupa*, *chata*, въ смыслѣ жилой комнаты, а въ Сѣдлецкой губерніи какъ синонимъ слова *chalupa*, въ смыслѣ жилого дома (рис. 142, 143, 144). Кромѣ того, на польскомъ языкѣ *izba* употребляется какъ и въ древне-русскомъ, въ смыслѣ учрежденія, присутственнаго мѣста въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ; вмѣсто *izba*, говорится и *izdebka*, что означаетъ и покой вообще и клѣть. На чешскомъ языкѣ *jizba*—равносильна нашей избѣ, избушкѣ, какъ въ смыслѣ деревяннаго деревенскаго дома (рис. 146), такъ равно и въ смыслѣ жилой его комнаты; *jizdebnik*—сожитель; такъ же, какъ на чешскомъ, употребляется слово *izba* и въ словацкомъ языкѣ, на которомъ оно означаетъ и комнату вообще.

Такимъ образомъ, если не считать нѣкоторой части южныхъ, преимущественно балканскихъ славянъ, у которыхъ развитіе жилья шло во многихъ отношеніяхъ своеобразно, особенно въ Черногоріи, Герцеговинѣ, Босніи, слово изба имѣетъ одно лишь значеніе, зна-

ченіе отопляемаго жилого помѣщенія и деревенскаго жилища вообще. Что связь между избой и истопкой Сѣверо-Западнаго края сводится не только на одно имя, а имѣетъ и генетическое основаніе, повидимому, доказывается характеромъ и свойствами истопки въ Витебской губерніи. Здѣсь истопка, называемая также *призбой* и *прійзбой*, по словамъ Н. Я. Никифоровскаго (*), есть та же трубная хата (т. е. въ сущности та же изба) какъ и жилая, не по размѣрамъ только, но и по внутреннему устройству, и стоитъ съ нею и сѣнями подъ одной крышей. Когда семья велика и не вмѣщается въ жилой хатѣ или когда послѣдняя обветшала, истопка преобразуется въ хату, при чемъ оставленная хата получаетъ наименованіе истопки и начинаетъ нести обязанности кладовой. На построеніе истопки, по выраженію Н. Я. Никифоровскаго, приходится смотрѣть какъ бы на парное сооруженіе одной и той же одежды. Такое значеніе истопки и возможность смѣны ея жилой хатой, и на оборотъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Оно своеобразно и по нашему мнѣнію весьма опредѣленно характеризуетъ и хату и истопку, характеризуетъ именно въ томъ смыслѣ, что, въ сущности говоря, хата и истопка или изба синонимы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Хотя и слѣдуетъ допустить, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ свое время между хатою и избою (истопкою) существовало какое то различіе и что первоначально обитали истопку, которая впослѣдствіи, съ введеніемъ позднѣйшаго и, очевидно, въ чемъ либо болѣе подходящаго жилья какъ хата, была оставлена, получивъ назначеніе кладовой, но то и другое жилье могло развиваться самостоятельно и прогрессировать каждое въ свою очередь; вмѣстѣ съ тѣмъ оба жилья въ своемъ развитіи могли вліять другъ на друга и дать въ концѣ концовъ тождественныя помѣщенія, даже соединившіяся въ одно зданіе при помощи сѣней. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, нѣтъ основанія отрицать того, что въ истопкѣ Сѣверо-Западнаго края слѣдуетъ видѣть переживаніе родоначальницы избы, замѣненной хатой.

*) Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1895 г.

Въ пользу этого предположенія съ достаточною ясностью говоритъ само наименованіе *истопка*, наименованіе, являющееся, какъ показываетъ выше изложенное, синонимомъ *избы*. Подъ этой послѣдней мы должны понимать особое славянское жилище, характерной чертой котораго является отопляемость. Этотъ взглядъ былъ въ свое время высказанъ уже И. Забѣлинымъ и правильность его доказывается и этнографическими данными по развитію жилища въ Сѣверо-Западномъ краѣ и данными о жилищѣ другихъ славянскихъ мѣстностей. Важнымъ представляется отмѣтить, что у ряда славянскихъ народностей: у поляковъ, чеховъ, словаковъ и словинцевъ, у которыхъ построеніе дома совершенно аналогично построенію хаты въ Сѣверо-Западномъ краѣ и у малороссовъ и избы у великоруссовъ, отопляемая часть жилого дома наряду съ другими наименованіями (хата, халупа, хиша), носитъ наименованіе и избы. Изъ этого можно заключить, что при сложеніи современныхъ жилищъ принимали участіе постройки разныхъ наименованій, но что наличность печи, давшей отопляемость зданію, сохранила за нимъ и характерное наименованіе *изба*.

Происхожденіе слова изба отъ понятія объ отопляемости помѣщенія имѣетъ аналогію и въ другихъ подобныхъ избѣ жилыхъ помѣщеніяхъ. Такъ напримѣръ на Балканскомъ полуостровѣ и у славянъ и у другихъ народностей, печь *соба* передало это наименованіе всему отопляемому помѣщенію. Эта печь (соба) имѣетъ совершенно другой видъ, чѣмъ печь въ избѣ, не будучи приспособленной къ печенію хлѣба. Затѣмъ аналогичный примѣръ мы видимъ въ германской *Stube*. Связь этого слова съ понятіемъ объ отопленіи, о печи, равнымъ образомъ, совершенно ясна. Именно въ нѣмецкой *Stube* мы видимъ комнату, отопляемую печью, близкой къ такъ называемой русской печи (*Backofen*). Такое же помѣщеніе въ Скандинавіи называется *stofa;* на англійскомъ языкѣ *stove* означаетъ печь; *to stove*—согрѣвать *). Изъ этого, по нашему мнѣнію, совершенно не слѣдуетъ, чтобы

*) R. Meringer.—Das deutsche Bauernhaus. Mit. d. Anth. G. in Wien. B. XXII, 1892, № 3).

общеславянская *изба* произошла, какъ склонны думать нѣкоторые, отъ нѣмецкаго слова *Stube*. Въ томъ и другомъ помѣщеніи мы видимъ весьма близкую аналогію въ исторіи происхожденія и развитія жилища, шедшаго по паралельнымъ путямъ, но ничего больше.

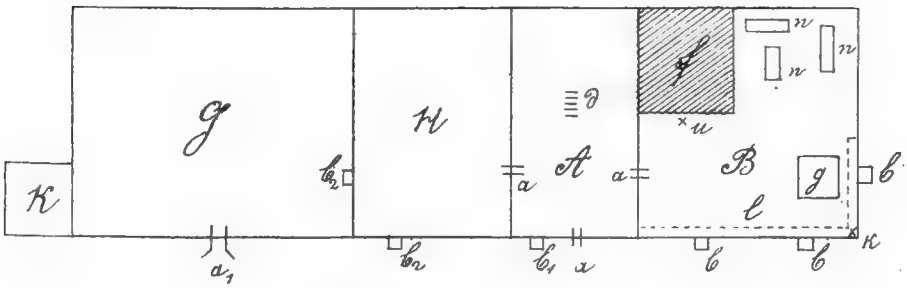
На избу повидимому, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ смотрѣть какъ на обще-славянское жилье. Если въ этомъ отношеніи и имѣются, какъ сказано, исключенія, то они незначительны и ограничиваются преимущественно Босніею, Герцеговиною, Далмаціею и Черногоріею, т. е. тѣми мѣстностями, въ которыхъ славянскій элементъ въ сравнительно небольшомъ числѣ насѣлъ на элементъ чуждый (иллирійскій). Такъ какъ въ избѣ слѣдуетъ видѣть отопляемое печью жилище, т. е. жилье усовершенствованное, то, очевидно, оно было у славянъ послѣднимъ. Въ нашемъ русскомъ быту это ясно. Не возбуждаютъ въ этомъ отношеніи сомнѣній и прочіе славяне. Дѣло въ томъ, что остальныя жилища, частью существовавшія, частью и по настоящее время существующія въ качествѣ самостоятельныхъ построекъ, показываютъ, что всѣ онѣ въ общемъ ходѣ развитія славянскихъ жилищъ должны быть поставлены ниже избы потому, что онѣ представляютъ либо шалашъ, либо землянку. Конечно и изба въ свое время могла быть землянкой и лишь впослѣдствіи развиться въ болѣе усовершенствованное зданіе, но на это какихъ либо осязательныхъ данныхъ почти не имѣется *). Напротивъ даже самая простѣйшая изба современнаго славянства представляетъ зданіе наземное, почти безъ исключенія (если населеніе не перешло къ каменному строительному матеріалу)—срубчатое. Современное русское крестьянство еще сохранило кое-гдѣ избу въ ея архаическихъ формахъ: небольшой срубъ **), покрытый соломой, безъ

*) Въ западной Болгаріи *изба* представляетъ изъ себя яму въ 2 метра глубины, 3 метра длины и 2 ширины, покрытую крышей и снабженную однимъ окномъ. Въ такой избѣ, быстро исчезающей, женщины ткутъ полотно, матеріи и ковры.

**) Н. Чечулинъ, на основаніи произведенныхъ имъ разслѣдованій, опредѣляетъ средній размѣръ русской избы XVI в. въ $2^1/_2$—3 саж. Только на самыхъ большихъ дворахъ—царевыхъ въ Коломнѣ, говоритъ авторъ, встрѣчались избы въ 6—7 саж. („Русскія деревянныя жилыя постройки въ XVI в.“ СПБ., 1893 г.).

потолка *), снабженный волоковыми, малой величины, окнами, снабженный печью, топящейся по чорному. Именно такую избу мы видимъ въ настоящее время въ истопкѣ Сѣверо-Западнаго края. Въ первобытныхъ своихъ формахъ изба могла быть сооружаема и меньшей величины, и съ меньшимъ искусствомъ и менѣе прочно (см. напримѣръ рис. 177), но основныя черты ея вѣроятно были однѣ и тѣ же, что и теперь у бѣдныхъ избъ или у истопки Сѣверо-Западнаго края. Изба, какъ ранѣе указывалось, смѣнила у насъ въ Россіи клѣть, помѣщеніе неотопляемое печью; клѣть въ свою очередь смѣнила вѣроятно хижу, которая была землянкой. Однако смѣна эта конечно шла не одновременно повсемѣстно. Напротивъ замѣна одного жилища другимъ шла очень медленно и при томъ въ разныхъ мѣстностяхъ съ разной быстротой. При этомъ, конечно, одновременно пользовались въ качествѣ жилья и избой съ клѣтью, да вѣроятно и хижей. Мѣстами изба заняла доминирующее положеніе и стала въ основу дальнѣйшаго развитія жилища, какъ напримѣръ въ мѣстностяхъ, заселенныхъ великоруссами. Въ другихъ мѣстностяхъ она сочеталась съ инымъ жильемъ, какъ напримѣръ у словинцевъ съ хижей (хишей). Наконецъ въ иныхъ мѣстностяхъ изба, повидимому, была замѣнена другимъ жилищемъ, какъ напримѣръ у малороссовъ, гдѣ преобладаніе получила хата, сочетавшаяся съ хижей. Что касается бѣлорусса, то и у него хата получила преобладаніе, при чемъ, однако, изба не утратила своего значенія и не утерялась. Она лишь получила второстепенное, вспомогательное въ жиломъ домѣ значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстная изба-истопка сохранилась въ качествѣ отдѣльнаго зданія, въ другихъ случаяхъ къ ней, при посредствѣ сѣней, присоединилась хата. Въ послѣднемъ случаѣ получилось то же сочетаніе, которое мы выше отмѣтили для великорусскихъ мѣстностей, гдѣ къ клѣти черезъ сѣни пристроилась изба. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случа-

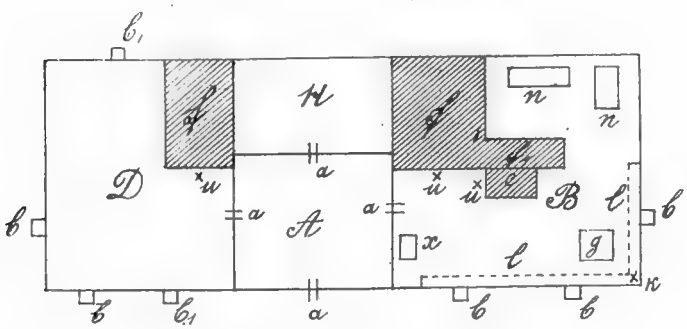
*) Что древняя изба была безъ потолка и покрывалась соломой, а быть можетъ и землей, видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи: „възлѣзше на истопку, *прокопаша* и верхъ и тако Ольбекъ Ратиборичь пріима лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя въ сердце“. Изъ рисунковъ житія св. Сергія видно, что въ XVI в. уже дѣлали тесовыя крыши.



Черт. 28. **Хата**

изъ Виленской губерніи и уѣзда.

A—сѣни; *B*—хата; *G*—гумно; *H*—коровники; *K*—хлѣвушокъ (свинушникъ); *a*, *a*—двери; a_1—ворота; *b*, *b*—окна; b_1—мал. окна; b_2, b_2—просвѣтцы; *d*—лѣстница въ погребъ; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—распятіе; *l*—скамья: *n*, *n*—кровати; *u*—топка печи.



Черт. 29. **Хата**

изъ Виленской губерніи и уѣзда.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—комора (кладовая); *H*—стайня (конюшня); *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1, b_1—мал. окна; *c*—плита; *f*, *f*—печи; f_1—отопляемая черезъ плиту стѣнка; *g*—столъ; *k*—распятіе; *l*, *l*—скамья; *n*, *n*—кровати; *u*, *u*—топки; *x*—шкафъ.

яхъ изба-истопка деградировалась до степени простой кладовой (иногда даже въ части сѣней), однако не утративъ первоначальнаго своего значенія—помѣщенія отопляемаго. Правда, отопленіе далеко не всегда производится непосредственно печью, а часто при помощи угольевъ, или духа изъ сосѣдней печи, тѣмъ не менѣе свойство согрѣваемости сохранилось.

Конечно не слѣдуетъ себѣ представлять праобразъ избы, древнюю истопку, какъ жилище, отопляемое, такъ называемой русской, этой весьма усовершенствованной печью. Важнымъ представляется не характеръ послѣдней, а принципъ наличности сооруженія, способнаго согрѣвать помѣщеніе болѣе устойчивымъ способомъ, чѣмъ очагъ. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить тѣ печи, которыя мы по настоящее время встрѣчаемъ въ истопкахъ Сѣверо-Западнаго края. Простѣйшая изъ нихъ каменка, изображенная на рис. 168. Данная каменка находится въ банѣ, но въ истопкахъ по настоящее время сооружаютъ такія же печи. Дальнѣйшими ступенями въ развитіи печи представляются глинобитныя печи безъ трубы, изображенныя на рис. 55 и 169, и лишь впослѣдствіи, вѣроятно въ сравнительно позднее время, изба пріобрѣла такую печь, какъ современная русская печь, изображенная на рис. 31. Вотъ какъ, напр., описываетъ русскую избу одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ XVI в. (Барберини, 1565 г.) „дома какъ въ этомъ городѣ (Москвѣ) такъ и въ другихъ, точно также и по деревнямъ малы, неудобны. Въ нихъ *одна комната*, гдѣ ѣдятъ, работаютъ и дѣлаютъ все; въ комнатѣ для тепла печь, гдѣ обыкновенно спитъ вся семья, и однако у нихъ нѣтъ настолько смысла, чтобы сдѣлать трубу, по которой выходилъ бы дымъ; они даютъ ему вылетать въ дверь и окна, такъ что быть тамъ не малая мука“ *). Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что однокамерныя и при томъ курныя избы въ XVI в. были обычны даже въ самой Москвѣ. Какъ извѣстно, курная изба далеко не вывелась у насъ и по сіе время, а въ

*) Приложеніе къ описанію „Посольства въ Москвѣ въ 1678 г. Таннера, пер. И. Ивакина. „Recueil de relat concernant la géogr. et l'hist. de la Russie avant 1700“.

60-хъ годахъ минувшаго столѣтія онѣ были часты. Въ соотвѣтственности съ первобытнымъ способомъ отопленія стояла очевидно въ связи и первобытность всей внѣшности избы особенно въ то время, когда она шла на смѣну неотопляемой клѣти. Эта послѣдняя, въ свою очередь, особенно въ первичныхъ своихъ формахъ представляла сооруженіе крайне несложное. Тѣмъ не менѣе, клѣть, какъ уже отмѣчалось выше, не была первоначальнымъ жилищемъ славянъ. Ему предшествовало другое, но опять таки не первоначальное.

Выше нами было указано, что въ общемъ ходѣ развитія славянскихъ жилищъ клѣти какъ жилью предшествовало *хижа*. Мы считаемъ необходимымъ остановиться здѣсь же на немъ. Простѣйшую хижу, какъ обычное жилище, мы въ настоящее время видимъ въ Болгаріи подъ названіемъ *„ижа* или *хижа“*. Въ западной Болгаріи—это землянка, отличающаяся отъ простѣйшей землянки *(бурделъ)* многокамерностью. На болѣе высокой ступени развитія ижа (хижа) стоитъ въ восточной Болгаріи, гдѣ она представляетъ обычное деревенское жилище, такъ сказать, избу крестьянина. Уже это даетъ основаніе съ полною опредѣленностью утверждать, что хижа въ первоначальныхъ своихъ формахъ была землянкой, постепенно развивавшейся въ наземную постройку. Будучи нѣкогда, повидимому, безъ сомнѣнія обитаемой всѣми славянами и вѣроятно именно какъ землянка, хижа въ большинствѣ случаевъ утратила свое значеніе, какъ постоянное жилье, превратившись частью во временное жилище, частью въ вспомогательную часть жилого дома, какъ напр. кладовая, чуланъ и т. п. Лишь у двухъ славянскихъ народностей: у словаковъ и особенно у словинцевъ хижа легла въ основу современнаго жилья, зачастую весьма развитого.

Русское слово *хижа*, *хижина*, *хижинка*, старинное *хиза* и церковно-славянское *хизина* и *хижица* означаетъ убогую избу, лачугу, избёнку. Въ хижинѣ напр. живетъ пастухъ, дровосѣкъ, сторожъ, но не крестьянинъ, владѣющій землей. Въ Донской области *хижка* означаетъ землянку или отдѣльно стоящую

кухонку; въ Курской губ. *хижа*—отдѣльно стоящій амбаръ или клѣть для зерна, одежды, утвари; эта хижа служитъ и спальней для новобрачныхъ. Въ Сибири *хижа*—это шалашъ въ лѣсу; въ Сѣверо-Западномъ краѣ *хижка*—это убогая хатка, а среди всего малорусскаго населенія *хижа* или *хижка*—холодная изба, клѣть, кладовая для хозяйственныхъ принадлежностей; обыкновенно такая кладовая плетеная, вымазанная глиной находится сбоку сѣней; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, напр. въ Екатеринославской губ., *хишка* или *чуланъ* занимаетъ заднюю часть сѣней, или становясь между этими послѣдними и включая въ себѣ печь, образуетъ кухню. Она отсутствуетъ лишь у бѣдныхъ крестьянъ. Сербъ понимаетъ подъ словомъ *хижа*—домикъ и шалашъ, а подъ словомъ *хижина*—коморку, кладовую, клѣть. На хорватскомъ языкѣ *hižica*—кладовка; *hiza* или *hiša*—домъ, изба въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хорваты соприкасаются съ словинцами, напримѣръ, въ Истріи. На словинскомъ языкѣ слово *hiśa* означаетъ и избу и домъ вообще, не исключая и каменнаго (см. рис. 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 150); деревенскій каменный домъ всегда называется *hiśa;* это же слово означаетъ жилой домъ вообще, жилое помѣщеніе, а въ переносномъ смыслѣ очагъ; *gornja hiša* чердачная или вообще верхняя комната (рис. 81). На польскомъ языкѣ *hyża, chyża*—означаетъ хижину и избу; въ томъ же смыслѣ употребляются чешскія слова *chyže, chýžina, chiša, chiška; zemni chyše* на чешскомъ языкѣ—землянка. На словацкомъ языкѣ *chiža*—хижина, комната; *hyža*—изба, домъ вообще. Такимъ образомъ, слово *хижа* въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ равносильно нашей избѣ, при чемъ у словинцевъ слово это получило значеніе вообще дома.

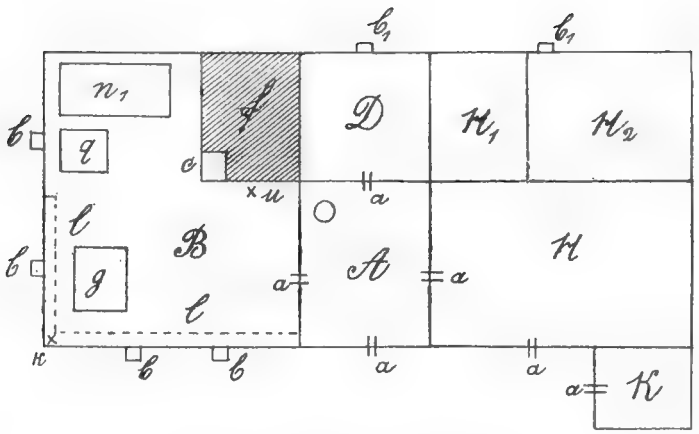
Изъ изложеннаго съ полною очевидностью явствуетъ, что хижа—есть особое славянское жилище. Его слѣдуетъ считать безспорно общеславянскимъ, такъ какъ оно встрѣчается въ языкахъ рѣшительно всѣхъ славянскихъ народовъ. Мы можемъ далѣе про хижу сказать съ достаточною опредѣленностью, что она землянка. Таково ея первоначальное свойство; таковой она со-

хранилась и по настоящее время въ Западной Болгаріи и у насъ на Дону. Дальнѣйшая судьба хижы у разныхъ славянскихъ народовъ была различна. Поднявшись изъ подъ земли и превратившись въ жилище наземное, она мѣстами получила плетневыя стѣны, мѣстами стѣны изъ сруба. Смѣнившись въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новымъ жильемъ, вѣроятно, какъ указывалось, клѣтью, а затѣмъ избой или въ другихъ мѣстностяхъ непосредственно избой, хижа пріобрѣла побочное значеніе, въ качествѣ жилища небогатыхъ людей, напр. у великоруссовъ, поляковъ, чеховъ и отчасти словаковъ. У другихъ славянъ хижа деградировалась до хозяйственной части жилища, получивъ значеніе кладовой, напримѣръ у малороссовъ, сербовъ и хорватовъ. За то у нѣкоторыхъ славянъ хижа продолжала развиваться и породила, сочитавшись съ другими жилищами, современный домъ, напр. у словаковъ и особенно у словинцевъ. Такимъ образомъ хижа принадлежитъ къ наиболѣе жизненнымъ жилищамъ славянъ: она присуща всѣмъ племенамъ, она сохранилась въ простѣйшихъ своихъ формахъ, сохранилась въ рядѣ послѣдовательныхъ стадій своего развитія и наконецъ существуетъ и въ качествѣ весьма развитого, при помощи сочетанія съ другими жилищами, дома.

7. Подвалъ и погребъ. Описаніе хозяйственныхъ построекъ Сѣверо-Западнаго края было бы не полно, если бы не упомянуть о томъ, весьма типичномъ, сооруженіи, которое служитъ для сохраненія пищевыхъ продуктовъ и требуетъ для своего устройства, по крайней мѣрѣ въ усовершенствованномъ видѣ, не мало труда. Подвалъ и погребъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, въ своихъ устройствахъ тѣмъ болѣе интересны, что на нихъ можно прослѣдить рядъ послѣдовательныхъ стадій развитія сооруженія.

Подъ подваломъ на русскомъ языкѣ подразумѣваютъ обыкновенно нижнее помѣщеніе жилья, подъ погребомъ же особое сооруженіе; ледникъ есть часть погреба, набитая за зиму льдомъ или снѣгомъ. Понятія о подвалѣ и погребѣ часто смѣшиваются: такъ, говорятъ, напримѣръ, о винныхъ подвалахъ и винныхъ по-

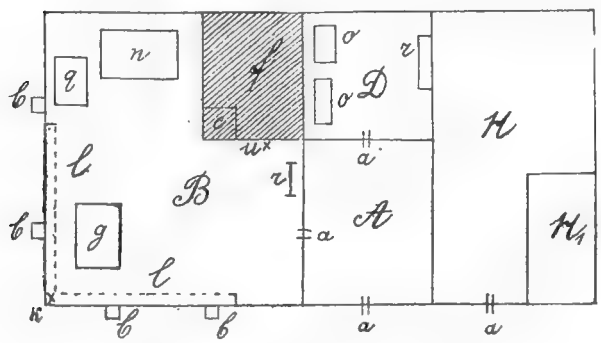
гребахъ въ одномъ и томъ же смыслѣ—въ смыслѣ помѣщенія, находящагося подъ домомъ и расположеннаго отчасти подъ землей. Поэтому какъ погребъ (или погреба), такъ и подвалъ могутъ, какъ извѣстно, служить и жилымъ помѣщеніемъ. Подъ подваломъ подразумѣваютъ иногда и верхнюю, надземную часть погреба, который нерѣдко замѣняетъ понятіе *ледникъ*. Какъ погребъ, такъ и подвалъ можетъ быть подъ сводомъ. Назначеніе того и другого сохранить низкую, по возможности ровную, во всѣ времена года температуру, съ тѣмъ, чтобы зимой послѣдняя не падала ниже нуля. Въ деревенской жизни главное назначеніе подвала и погреба заключается въ сохраненіи овощей. Происхожденіе указаннаго рода помѣщеній, очевидно, сводится на яму, спеціально предназначенную для сбереженія овощей. Это, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что и по настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами, погребъ называется *ямой*. Такъ, въ горахъ Верхней Крайны благоустроенные погреба, выложенные камнями и служащіе для сохраненія овощей, называются *ямницами (jamnica)*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи въ свою очередь погребъ или ледникъ называется ямой. Такое наименованіе станетъ вполнѣ понятнымъ если вспомнить, что весьма распространенный способъ сохраненія овощей на зиму заключается въ ихъ зарываніи въ землю. Поэтому первичный погребъ, какъ особое устройство, есть ничто иное, какъ яма, четырехугольная или круглая, въ которую складываются овощи. Такія ямы-погреба встрѣчаются нерѣдко въ Сѣверо-Западномъ краѣ при бѣдныхъ хатахъ. Очевидно, что подобнаго устройства погреба и не заслуживаютъ какого либо особаго наименованія, какъ помянутаго неопредѣленнаго, выражаемаго словомъ *яма*. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить *ямы*, устраиваемыя въ Курской губерніи, напримѣръ, въ Путивльскомъ уѣздѣ, для сохраненія зернового хлѣба и являющіяся скорѣе подземными амбарами, чѣмъ погребами. Твердый глинистый грунтъ позволяетъ дѣлать ихъ столь обширными, что въ нихъ вмѣщается 150—600 мѣръ зерна. Эти ямы устраиваются въ формѣ кувшина съ узкимъ *жерломъ*. Нѣкоторыя изъ нихъ обиваются бе-



Черт. 30. **Хата**

изъ дер. Оссово Минск. г. Бобр. у.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—кладовка; *H*, H_1, H_2—закута: *H*—для лошадей, H_1—для телятъ и овецъ, H_2—для коровъ; *K*—свинушникъ; *a*, *a*—двери; b_1 *b*—окна; *c*—коминъ; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; n_1—нара; *q*—ткацкій станокъ (кросна); *u*—топка.



Черт. 31. **Хата**

изъ дер. Оссово Мин. г. Бобр. у.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—кладуха; *H*, H_1—закута: Н—для овецъ, H_1—для свиней; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *c*—коминъ; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*—постель; *o*, *o*—сундуки; *q*—ткацкій станокъ; *r*, *r*—полки; *u*—топка печи.

резовой корой, нѣкоторыя же обжигаются соломой, сваливаемой въ количествѣ 10—15 кулей. По наполненіи ямы зерномъ она закрывается соломой и досками и засыпается землей. Въ Орловской губ., напр., въ Карачевскомъ уѣздѣ, подвалъ-яма представляетъ дубовый срубъ, вкопанный въ землю и, засыпанный ею; онъ замѣняетъ, какъ и яма въ Курской губ., амбаръ; кромѣ зерна въ подвалѣ-ямѣ Орловской губ. сохраняется пенька и разнаго другого рода добро. Подобныя описаннымъ *ямы* встрѣчаются и въ Болгаріи. Въ прежнее время, мало обезпечивавшее безопасность собственности, эти *ямы* были часты; теперь онѣ выводятся изъ употребленія. Онѣ вырываются во дворѣ, преимущественно въ твердомъ грунтѣ, глубиною въ два и шириною въ одинъ метръ, обжигаются соломой или листьями. Ссыпанное въ такую яму зерно покрывается золой, затѣмъ яма закапывается и искустно маскируется сѣномъ или соломой. Зерно въ такой ямѣ сохраняется безъ порчи десятками лѣтъ.

Слово яма употребляется въ Сѣверо-Западномъ краѣ и въ отношеніи подваловъ - погребовъ, устроенныхъ въ самой хатѣ. Такъ, *ямой* называютъ въ Витебской губерніи подвалъ-погребъ, помѣщающійся въ хатѣ подъ нарами, въ подпольѣ, которое отводится частью для сохраненія овощей на зиму, частью подъ помѣщеніе зимою же новорожденныхъ животныхъ. Такое употребленіе подполья, т. е. мѣста подъ поломъ-нарами, весьма обычно въ Россіи. Кромѣ хаты, подвалъ-погребъ устраивается въ Сѣверо-Западномъ краѣ и въ сѣняхъ и въ кладовой— безразлично, составляетъ ли она заднюю часть сѣней или помѣщается съ противоположной хатѣ стороны сѣней. Такой погребъ болѣе соотвѣтствуетъ понятію о подвалѣ или *подклѣти* или *подизбицѣ* отчасти и *подполью* другихъ мѣстъ Россіи*). Въ Могилевской губерніи погреба нерѣдко встрѣчаются подъ навѣсомъ,

*) Въ старину въ развитыхъ постройкахъ, а равно мѣстами и теперь въ Великоруссіи *подклѣть* (въ старину также *порубь*) развивается до степени цѣлаго этажа. При этомъ собственно жилье становится верхнимъ этажемъ, нижній же служитъ для хозяйственныхъ надобностей. Въ древней Руси *подклѣть* служила и жильемъ для княжескихъ слугъ, отроковъ и вообще двора.

стоящимъ на дворѣ, т. е. подъ повѣтью. Наконецъ, повсемѣстно въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ болѣе зажиточныхъ хозяйствахъ погреба устраиваются на дворѣ въ качествѣ отдѣльно стоящаго зданьица. Съ этой цѣлью вырывается яма, которую обкладываютъ деревомъ или въ которой располагаютъ срубъ. Яма эта запотолочивается досками и засыпается землей. Въ этомъ потолкѣ погреба продѣлывается отверстіе для спуска при помощи лѣстницы внизъ. Отверстіе это называется *жерло*. Надъ погребомъ устраивается двускатная крыша деревянная или соломенная (см. рис. 52); внутренній просторъ, образуемый этой крышей, называется *погребня*. Подобные погреба, а также подвалы въ хатѣ, выкладываются и кирпичами, иногда сводомъ. Въ Могилевской губерніи каменные погреба именуются *подвалами*. Хотя слово *погребъ* и употребляется въ Сѣверо-Западномъ краѣ, однако гораздо болѣе характернымъ для этого края словомъ (для выраженія понятія о погребѣ) является слово *склепъ*. Если такой погребъ помѣщается въ хатѣ съ фундаментомъ, то въ послѣднемъ продѣлывается оконце *(душникъ)* какъ для свѣта и вентиляціи, такъ и для ссыпки овощей. Какъ бы ни былъ устроенъ подвалъ-погребъ, назначеніе его одно и то же—сохранять овощи: картофель, капусту, бураки, морковь. Погребня служитъ для склада бочекъ, кадокъ, ушатовъ, ведеръ и т. п. посуды. Въ лютые морозы погребня согрѣвается или при помощи угольевъ въ горшкахъ или кострами.

Слово *склепъ* въ смыслѣ погреба, какъ извѣстно, на великорусскомъ нарѣчіи обыкновенно не употребляется. Подъ склепомъ подразумѣвается сводъ, мурованный подвалъ, мѣсто погребенья, независимо отъ того, находится ли такое помѣщеніе подъ церковью, подъ часовнею или просто въ землѣ на кладбищѣ. На югѣ *склепомъ* называютъ печной сводъ, именуемый въ Сѣверо-Западномъ краѣ *скляпенне*. На малороссійскомъ нарѣчіи *склепъ* или *склеплинья* или *засклепъ* означаетъ сводъ. То же значеніе имѣетъ слово *sklep* и на нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, напримѣръ: на словацкомъ (также *sklepenie*), польскомъ и чешскомъ. Впрочемъ, на послѣдне-означенномъ языкѣ *sklep* можетъ означать и погребъ. Понятіе о погребѣ у славянъ, говоря вообще, передается весьма разными словами.

Такъ, на словинскомъ языкѣ говорятъ и *kevder* и *ćevder*, говорятъ и *shramba*, что обыкновенно означаетъ кладовую. На болгарскомъ языкѣ погребъ называется *пивница;* онъ служитъ для сохраненія какъ пива и вина, такъ и съѣстныхъ припасовъ: капусты, сыра, муки, масла, бобовъ и т. п. Кромѣ того по болгарски погребъ называютъ: *зевникъ, земникъ, зимник, келаръ, кералъ, килари, киляри, килери, клети, поднища, понджа, поница, пошонъ, изба.* На сербскомъ языкѣ погребъ—*коноба, гат, подрум.* Въ Босніи говорятъ *чилер* и *килјер* (также кладовая), а въ Черногоріи *чилер* и *чирел.* Означенное выше слово *подрумъ* употребляется и у болгаръ *(подрумы)* въ смыслѣ погреба, подвала, подклѣти, а также у хорватовъ *(podrum)* и поляковъ *(podruna).* На сербскомъ языкѣ это слово можетъ означать и кладовую и нижній, приспособленный для хозяйственныхъ надобностей этажъ; въ частности въ Черногоріи *подрум* есть синонимъ избы, т. е. нижняго этажа дома, предназначеннаго для хозяйственныхъ надобностей или въ качествѣ хлѣва. На Хорватскомъ Приморьѣ *podrum*—это сѣни, прихожая въ нижнемъ этажѣ дома. На польскомъ и словацкомъ языкахъ погребъ называется *piwnica, pivnica.* Въ Малороссіи погребъ называется и *льохъ, земныкъ, холодныкъ, темныкъ, пывныця.* Слово *лёхъ* отъ нѣмецкаго *Loch* (яма) въ смыслѣ погреба, подвала, ледника употребляется у насъ на западѣ и югѣ не рѣдко. Собственно ледники въ Сѣверо-Западномъ краѣ обыкновенно не устраиваются и если они встрѣчаются, то не часто и только преимущественно въ очень благоустроенныхъ хозяйствахъ; называется ледникъ—*лядовня. Ледникъ* или, какъ говорятъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ мѣстностяхъ—*ледовня,* по-малорусски называется: *льодовня, ледивня, ледовецъ, ледовысько.* Подобныя же выраженія встрѣчаются и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напримѣръ, въ сербскомъ *ледник;* въ словинскомъ—*ledeniса;* въ чешскомъ—*lednice, lednik, ledovec;* въ польскомъ—*lodownia.*

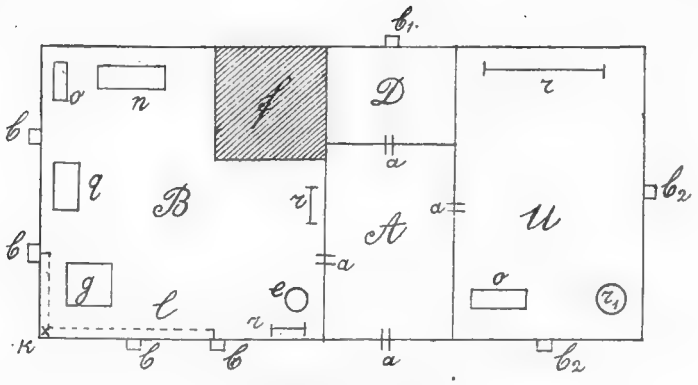
8. Баня. Всѣ описанныя постройки расположены такъ или иначе по близости отъ хаты, образуя вмѣстѣ съ нею усадьбу. Не переходя пока къ описанію послѣдней, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ сооруженіи, весьма характерномъ для Сѣверо-Западнаго края.

Мы говоримъ о банѣ. Она не является непремѣнной принадлежностью каждаго даннаго хозяйства, въ деревнѣ однако она обыкновенно (за исключеніемъ Гродненской губерніи, гдѣ бани рѣдки) не отсутствуетъ. Баню держатъ преимущественно зажиточ-

ные хозяева, предоставляя ею пользоваться болѣе бѣднымъ за извѣстное вознагражденіе. Баня не строится въ усадьбѣ, а выносится за деревню и ставится преимущественно у воды. Съ внѣшней стороны баня *(лазня)* представляетъ обычнаго типа срубчатое зданіе (см. рис. 103). Оно раздѣляется на двѣ части; первая изъ нихъ—это предбанникъ: *прилазникъ*, *примыльникъ*, называемый иногда *сѣнями*, а вторая—собственно баня-*лазня*. Окна обыкновенно отсутствуютъ или, если и имѣются, то весьма незначительной величины; иногда ихъ замѣняютъ просвѣтцы. Главный интересъ бани заключается въ ея печкѣ: въ лучшемъ случаѣ это черная печь, отапливаемая безъ трубы, обыкновенно же это каменка, т. е, печь, сложенная изъ булыжныхъ камней *(кымянокъ, кыминокъ)*. На верху такой печи лежитъ груда мелкихъ булыжниковъ (рис. 168); когда они отъ топки накалятся до красна, то часть ихъ бросаютъ въ корыто съ водой, для нагрѣванія послѣдней, а другая часть обливается водой, вслѣдствіе чего получается паръ. Для паренья устроенъ *полъ* или *полокъ*, на который взбираются по ступенькамъ. Лазнями пользуются не только въ качествѣ бань, но и для мытья и сушки льна.

Слово *баня* въ Сѣверо-Западномъ краѣ обыкновенно не употребляется; его замѣняетъ, какъ уже указано, слово *лазня*. Слово это у насъ употребляется только на западѣ и югѣ, между прочимъ и среди всего малорусскаго населенія. То же слово встрѣчается у западныхъ славянъ всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ: теплой купальни, бани: по-польски *łaźnia*, по-чешски *lazeň*, по-словацки *lazen*. Что касается слова баня, то оно встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ и исключеніе дѣлаютъ, повидимому, только словаки, у которыхъ названное слово не встрѣчается и замѣняется (кромѣ *lazen*) словомъ *kúpel*. Въ русскомъ языкѣ слово *баня* встрѣчается уже въ XI вѣкѣ; *банить*—мыть, чистить водою. Въ современномъ нашемъ языкѣ подъ словомъ баня подразумѣвается какъ цѣльное зданіе, такъ и часть его, въ которомъ моются, пользуясь паромъ. На болгарскомъ языкѣ подъ словомъ *баня* подразумѣвается какъ паровая баня, вообще мѣсто, гдѣ моются, такъ и натуральныя теплыя воды; *банямъ*—мыть въ банѣ, купать, мыться, купаться. На сербскомъ языкѣ *банья* имѣетъ значеніе бани и теплыхъ источниковъ; мѣстами употребляется и

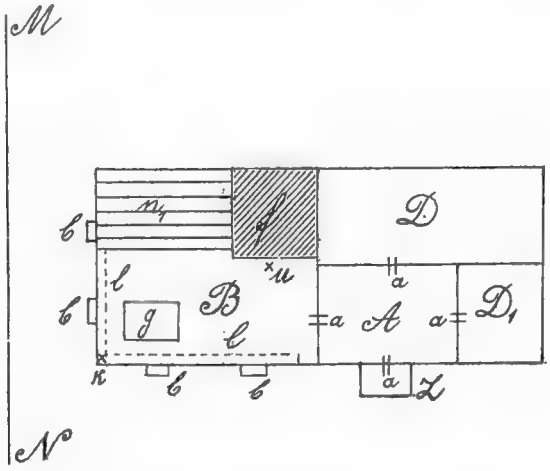
турецкое слово *илиџа; баница* въ Черногоріи — это комната въ мусульманскихъ домахъ, гдѣ совершается омовеніе (также: *амамджик);* похорватски *banja*—купальня, а по-словински *banja*—ванна, шайка; попольски *bania*—паровая баня и ванна; по-чешски —*baně, baňka*—баня.



Черт. 32. **Хата**

изъ дер. Кукловщина Виленск. г., Вилейскаго у.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—спижарня; *U*—варильня; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1—мал. икона; b_2, b_2—просвѣтцы; *e*—кадка съ водой; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*—скамья; *n*—кровать; *o*, *o*—сундуки (скрыни); *q*—ткацкій станокъ; *r*, *r*—полки; r_1—кадка съ мукой.



Черт. 33. **Хата**

изъ села Жгуни Гомельскаго у. Могилевской губ.

A—сѣни; *B*—хата; *D*, D_1—чуланы; *L*—крыльцо; *M*—*N*—улица; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*—нара; *u*—топка печи.

III. Деревня и усадьба.

Описанныя постройки группируются въ разнообразномъ порядкѣ и, примыкая въ большей или меньшей степени къ жилой хатѣ, составляютъ вмѣстѣ съ нею единое цѣлое, т. е. усадьбу, или, какъ ее называютъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, *сялиба*, *жиллё*, *жищце-быщце*, *будовля*. Такая усадьба можетъ стоять одиноко или же рядъ усадебъ группируется въ одно селенье. Надо отмѣтить, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ крестьянинъ весьма охотно устраивается *на одиноцы* въ противоположность малоруссу и особенно великоруссу, которые, какъ извѣстно, неудержимо стремятся къ единенію въ поселокъ. Причины стремленія къ одинокому жилью у бѣлорусса, конечно, весьма сложны, но стремленіе это несомнѣнно и притомъ оно не представляетъ новаго явленія, а относится къ весьма отдаленному прошлому. Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ землевладѣніе почти повсемѣстно подворное, а не общинное. Въ связи со всѣмъ этимъ мѣстная деревня въ громадномъ большинствѣ случаевъ не велика, состоя зачастую изъ 5—10 дворовъ; деревня дворовъ въ 40—50 принадлежитъ къ числу весьма обширныхъ и обращаетъ особенное вниманіе окрестныхъ жителей. Лишь въ Гродненской губерніи, особенно на югѣ ея, встрѣчаются болѣе населенныя деревни, не достигая, впрочемъ, тѣхъ обширныхъ размѣровъ, которые столь свойственны Великоруссіи и Малороссіи.

1. Деревня. Заселенное крестьянами мѣсто называется, какъ извѣстно, на великорусскомъ нарѣчіи либо *деревней*, либо *селомъ*. При этомъ, подъ первымъ наименованіемъ обыкновенно понимается поселеніе безъ церкви, а подъ вторымъ съ церковью. Размѣръ поселенія самъ по себѣ не имѣетъ вліянія на наимено-

ваніе, такъ какъ деревня можетъ быть очень большой, но безъ церкви, тогда какъ село, т. е. деревня съ церковью, можетъ быть и очень маленькимъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно можетъ называться *сельцо́мъ*, *се́льцемъ*.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, для опредѣленія крестьянскаго поселенія, употребляются слова: *село* и отчасти *дзярэ́ўня*. Первое изъ нихъ означаетъ обыкновенно и село и деревню, а второе, употребляемое преимущественно на востокѣ Сѣверо-Западнаго края, напримѣръ, въ Минской губерніи, означаетъ деревню, а не село. Въ другихъ мѣстностяхъ слово *деревня* или *дзярэўня* хотя и понимается, но не употребляется. Такъ, напримѣръ, въ Гродненской губерніи лицо, называющее поселеніе деревней, считается *не тутэйшимъ*, т. е. пришлымъ. Но есть еще слово, которое почти вывелось изъ употребленія въ литературномъ русскомъ языкѣ, но которое обычно употребляется для наименованія крестьянскаго поселенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ—это *весь* или *вёска* или *уёска*. Первое изъ нихъ встрѣчается преимущественно въ Гродненской губерніи, второе и послѣднее—въ Виленской, Минской, Гродненской и другихъ губерніяхъ; слова эти означаютъ одно и то же—деревню, деревушку.

Слово *село* принадлежитъ къ древнѣйшимъ, повидимому, словамъ славянскихъ языковъ. Въ настоящее время оно встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. На старомъ русскомъ языкѣ (XI в.) слово село означало обитель, селеніе, обиталище, село, имѣнье, помѣстье, поле, лугъ, землю, земельный участокъ; въ XIV в. названное слово употреблялось и въ смыслѣ жилища, жилья, а также шатра, шалаша. Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи, какъ сказано, оно въ большинствѣ случаевъ означаетъ деревню съ церковью. Въ Новгородской губерніи подъ *селомъ* подразумѣваютъ нѣсколько раскинутыхъ, но приписанныхъ къ одному приходу деревень. Въ такихъ случаяхъ и сама церковь, стоящая особнякомъ, называется селомъ (или *погостомъ*). Въ церковно-славянскомъ языкѣ подъ селомъ подразумѣвается и поле и пашня. Въ Воронежской губерніи *сельцо*, *селечко*, означаетъ

деревню, селенье вообще, особенно барское, гдѣ находится господскій домъ. На югѣ, какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, *село* означаетъ деревню съ церковью или безъ нея; на малороссійскомъ нарѣчіи *село* есть крестьянское поселеніе вообще; *сильце*—деревня. На болгарскомъ языкѣ: *село*—большая деревня, *селце*—маленькая деревня, а на сербскомъ языкѣ *село* означаетъ деревню и село безъ различія. На хорватскомъ языкѣ *selo* значитъ деревню, мѣстечко, а на словинскомъ *(selo)*—большая деревня, большое село, поселеніе, населенная мѣстность. Польское слово *siolo* и словацкое *selo*—означаютъ село; чешское же слово *selo*—деревню, поле, посѣвъ.

Разныя производныя отъ *село* слова имѣютъ на разныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ разнообразное, но близкое другъ къ другу значеніе. Напримѣръ, на великорусскомъ нарѣчіи *селеніе* означаетъ вообще заселенное мѣсто, иногда деревню; *селитьба*—селенье, поселенье, усадьба; *селива*—жилище, обиталище; *сéльбище*—поселенье, селенье, дворъ, домъ, усадьба; *сельбúще*—развалины селенья, городище. На церковнославянскомъ языкѣ *селеніе* означаетъ жилье, жилище, жительство. На бѣлорусскомъ нарѣчіи *селидба (сялидба)* есть строеніе, постройка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣверо-Западнаго края, напримѣръ, въ Витебской губерніи, слово *селиба (сялиба)* означаетъ и одинокій дворъ, выселокъ. На болгарскомъ языкѣ *селище* означаетъ мѣсто для селенія—деревни. Въ старочешскомъ языкѣ употреблялось слово *sedlo* въ смыслѣ села. Въ современномъ чешскомъ языкѣ слово *sedliště* означаетъ мѣсто жительства, очагъ, недвижимость.

Что касается слова *деревня*, то оно, повидимому, исключительно русское, въ частности—великорусское и лишь отчасти бѣлорусское *(дзярэўня)*. Въ русскомъ языкѣ названное слово въ формѣ *деревьня*, съ смыслѣ поселенія безъ церкви, встрѣчается уже въ XI вѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Архангельской и Вологодской, слово *деревня* означаетъ поле, полосу земли, пустошь, пашню. Иногда слово *деревня* употребляется въ значеніи деревяннаго дома въ противоположность слову *каменица*. На западѣ Россіи подъ словомъ деревня подразумѣваютъ и груду срубленныхъ деревъ.

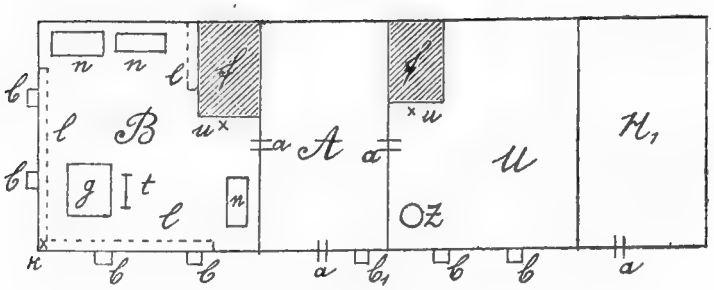
Слово *весь* въ смыслѣ крестьянскаго поселенія въ настоящее время, какъ сказано, почти забыто литературною русскою рѣчью. Теперь оно употребляется, кромѣ Сѣверо-Западнаго края, въ Новгородской губерніи въ смыслѣ села, селенія, деревни, (уменьшительное—*весца*). Означенное слово встрѣчается у насъ уже съ XI вѣка и употребляется какъ обычное (*весь, вьсь*) по крайней мѣрѣ до XIV вѣка. На старорусскомъ языкѣ употребляются слова *веснякъ, веснянка* въ смыслѣ крестьянъ, поселянъ, уроженцевъ деревни. На бѣлорусскомъ нарѣчіи (напримѣръ, въ Виленской, Гродненской и Минской губерніяхъ) до настоящаго времени деревенскій житель называется *веснякомъ*; *весняцкій, весьскій*—деревенскій. Слово *весь* сохранилось въ Сѣверо-Западномъ краѣ и какъ часть наименованія деревни, напримѣръ, Новая Весь, Гурная Весь и др.

Слово *весь* и ему подобныя слова употребляются во всѣхъ славянскихъ языкахъ, за исключеніемъ, кажется болгарскаго; по сербски: *вас*—означаетъ село; по-хорватски: *ves*—деревня; по-словински: *vas*—деревня; по-польски: *wieś*—деревня (*wioska, wioseczka*—деревушка); по чешски: *wes*—деревня, *vesnice*—село, сельце; по-словацки: *ves*—село, деревня. Слѣдовательно, слово *весь* и ему подобныя являются общеславянскими, сохранившимися въ обычной рѣчи до настоящаго времени такъ же, какъ и слово село. Болѣе или менѣе утрачено это слово, очевидно, лишь частью русскаго племени—именно великоруссами и малоруссами. У первыхъ оно замѣняется словомъ деревня, а у вторыхъ общимъ понятіемъ, выражаемымъ словомъ село.

Если деревня заселена не крестьянами, а шляхтой, то она въ Сѣверо-Западномъ краѣ называется *околицей*. Поселеніе же шляхтича хуторскаго характера именуется *застѣнкомъ*; иногда *фольваркомъ*. Одинокій дворъ крестьянина въ Витебской губерніи называется иногда *выселкомъ* (или, какъ уже сказано, *сялибой*).

Изъ этихъ словъ *околица* равнымъ образомъ является общеславянскимъ, тогда какъ слово *застѣнокъ*, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ поселенія, слѣдуетъ считать мѣстнымъ. Слово *фольварокъ*, какъ извѣстно, слово нѣмецкое. Въ древне-русскомъ языкѣ, напримѣръ, въ XIV вѣкѣ, слово *околица* означаетъ округъ;

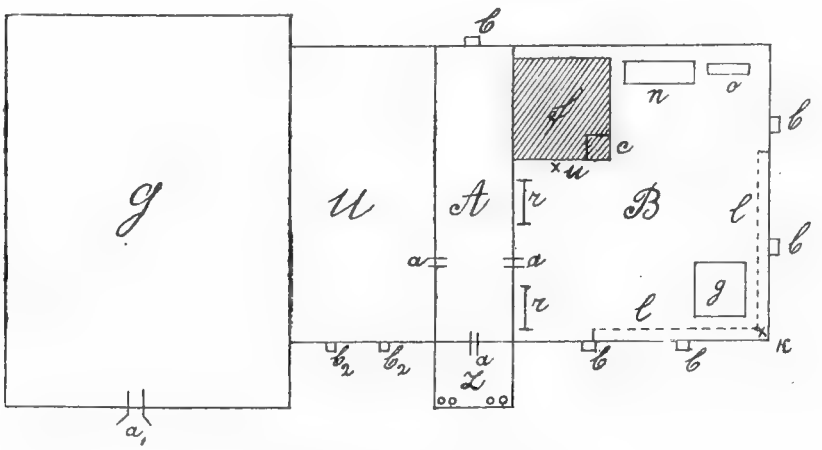
окольный—сосѣдній, окрестный; *окольникъ* (XV в.)—житель окрестности. Въ настоящее время подъ словомъ *околица* понимается округъ, окружная мѣстность, окружная дорога въ сторонѣ отъ жилья. Подъ тѣмъ же словомъ подразумѣвается и выгонъ, пастбище при селеніи, мѣстность вокругъ деревни до полей, а равно изгородь вокругъ селенія (напр., въ Московской губ.); заборъ, защищающій гумно или хлѣва отъ потравы скотомъ; *окольница*—окружная мѣстность; послѣднее слово въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гродненской губерніи, напримѣръ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, означаетъ плотную изгородь съ воротами (съ соломенной крышей), отгораживающую въ усадьбѣ хозяйственныя постройки отъ жилого дома. Въ Смоленской губерніи *околица*—улица; въ Малороссіи: *околыця*—окру́га, окрестная мѣстность. Кромѣ русскаго языка, слово *околица* и ему подобныя встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ языкахъ, болѣе или менѣе въ одномъ и томъ же значеніи, а именно: по-болгарски: *околия*, *окольность*—окружность, окрестность; по сербски: *околица*—окрестность, мѣстность; по хорватски: *okolica*—окрестность, мѣстность, напримѣръ, *okolica brdovita*—горная мѣстность; по-словински: *okolica* употребляется въ томъ-же значеніи, что и въ хорватскомъ и сербскомъ; по-польски: *okolica* — околотокъ, окрестность, *okolicze*—округъ, граница, предѣлъ страны; по-чешски: *okoli*—окрестность, *okolnice*—обводная стѣна, *okolek*—окружность, раіонъ; по-словацки: *okolie*—окрестность, область. Очевидно, что всѣ эти слова стоятъ въ прямой связи съ распространеннымъ въ славянскихъ языкахъ глаголомъ *околити*. Глаголъ этотъ въ старорусскомъ языкѣ (XI в.) означаетъ окружать, ограждать; въ другихъ языкахъ, напримѣръ, хорватскомъ и словинскомъ: *okoliti*—окружать кольями, или, напр., въ чешскомъ: *okoliti*—обносить заборомъ. Если вспомнить, что у насъ въ Россіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ околица означаетъ, окружающую деревню, изгородь, то едва-ли будетъ ошибочнымъ предположить, что шляхетское поселеніе получило наименованіе околицы именно потому, что она была нѣкогда окружена изгородью или частоколомъ или



Черт. 34. **Хата**

изъ дер. Раевщина, Вилейскаго у. Виленск. губ.

A—сѣни; *B*—хата; *H*1—конюшни; *U*—варивня; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *b*1—мал. окно; *f*, *f*—печи; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*, *n*—кровати; *t*—скамья; *u*, *u*—топки печей; *z*—ручная мельница.



Черт. 35. **Хата**

изъ дер. Слободки, Минской губ. Бобр. уѣзда.

A—сѣни; *B*—хата; *G*—гумнище; *L*—крыльцо; *U*—варильня; *a*, *a*—двери; *a*1—ворота; *b*, *b*—окна; *b*2, *b*2—просвѣтцы; *c*—каминокъ; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*—кровать; *o*—сундукъ; *r*, *r*—полки; *u*—топка печи.

была, быть можетъ, даже укрѣплена. Послѣднее допустимо потому, что въ лицѣ шляхты въ Сѣверо-Западномъ краѣ мы видимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, потомковъ насельниковъ-колонистовъ. По существу то же значеніе, что околица, имѣетъ, очевидно, и наименованіе *застьнокъ*, какъ поселеніе, окруженное защитой. Слово это, хотя и встрѣчается въ древне-русскомъ языкѣ, но въ совершенно иномъ, чѣмъ теперь въ Сѣверо-Западномъ краѣ, значеніи. Такъ, напримѣръ, въ XV вѣкѣ слово это означаетъ, повидимому, боковой придѣлъ церкви: „а въ застѣнки тоя церкви повелѣ церковь другую учинити“ (Собр. Ар. 1479 года). Застѣнкомъ именовалось и мѣсто пытки. Въ настоящее время подъ этимъ словомъ понимаютъ иногда заднюю комнату. Въ совершенно иномъ значеніи употреблялось слово *застьнокъ* въ старинномъ западно-русскомъ нарѣчіи, а именно: оно означало полосу или участокъ земли и лѣса. Въ этомъ смыслѣ названное слово сохранилось и понынѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ—въ смыслѣ односелья, хутора, заимки, одиодворка, наконецъ, одинокаго, лежащаго внѣ общей межи, поселка.

Деревня, какое бы наименованіе она не несла: деревня, село, веска или околица,—противополагается поселенію съ не крестьянскимъ населеніемъ, т. е. городу, посаду и т. д. Всѣ эти населенныя мѣста крестьянами Сѣверо-Западнаго края называются преимущественно: *мѣсто*, *мѣстэчко*, *мѣсцечко*, *мястэчко*; подъ послѣднимъ словомъ подразумѣвается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Минской губерніи, и большая деревня или большое село. Слово *городъ*, въ смыслѣ городского поселенія, знакомо крестьянину Сѣверо-Западнаго края, но на его языкѣ оно въ великорусскомъ значеніи этого слова обыкновенно не употребляется, означая на бѣлорусскомъ нарѣчіи огородъ.

Благодаря разному развитію славянскихъ населенныхъ мѣстъ, таковыя городского характера получили у разныхъ славянскихъ народовъ разное наименованіе. Наиболѣе распространенными въ славянскихъ языкахъ словами, такъ или иначе означающими заселенное, притомъ не крестьянское мѣсто—это *городъ* и ему по-

добныя слова. Слова эти, связанныя съ распространеннымъ глаголомъ *градити*, т. е. огораживать, получили значеніе преимущественно огороженнаго и, слѣдовательно, защищеннаго, укрѣпленнаго мѣста. Въ древне-русскомъ языкѣ, напримѣръ, въ XI вѣкѣ, слово *градъ* означало и огородъ и городъ; въ XIV вѣкѣ градъ употребляется въ смыслѣ сада; въ томъ же смыслѣ,—т. е. въ смыслѣ сада, употребляется и слово *градина;* слово *градарь*—садовникъ встрѣчается уже въ XII вѣкѣ. Въ XIV вѣкѣ слово *градъ* употребляется, между прочимъ, и въ смыслѣ стѣны, ограды. *Градежь* на древне-русскомъ языкѣ означаетъ заборъ, а *градище*—городище. Въ современномъ русскомъ языкѣ слово *городъ*, кромѣ обычнаго своего значенія *(urbs)*, означаетъ и крѣпость, укрѣпленное мѣсто, кремль, городьбу, ограду около жилья.

Городкомъ во Владимірской губерніи называютъ большое, богатое село. *Городецъ* на церковнославянскомъ языкѣ означаетъ городокъ, поселенье; *городьбой* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ именуютъ церковную ограду. Подъ *городищемъ*, (малороссійск. *–городыще*) въ настоящее время понимается мѣсто древняго поселенія. На болгарскомъ языкѣ *градъ* означаетъ и городъ и замокъ и крѣпость; *градище*—развалины города или замка, укрѣпленія, городище; *градина*—садъ; *градинка*—садикъ; *градежъ*—постройка; *градиво*—строительный матеріалъ; *гражъ*—хлѣвъ. На сербскомъ языкѣ *град*—имѣетъ значеніе замка, укрѣпленія, крѣпости, но не города; въ частности въ Черногоріи *град*—это дворъ, обнесенный высокой стѣной, напримѣръ, дворъ монастыря. *Подграће* по-сербски—предмѣстье; *градиште*—городище; въ частности, въ Босніи и Герцеговинѣ понятіе о городищѣ, о старинномъ поселеніи, передается словами: *градец, градина, стариград, градиско, храдек, храдиште, грод, городиште.* Понимая подъ этими словами мѣсто доисторическаго поселенія, сербъ Босніи и Герцоговины называетъ развалины средневѣковаго замка *град.* На хорватскомъ языкѣ *gradina* означаетъ и развалины замка и заборъ и садъ; *grad* по-хорватски и городъ и замокъ и крѣпость; этимъ словомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хорватіи, напримѣръ, въ Приморьѣ, именуютъ и развалины средневѣковой крѣпости и современное поселеніе, сложившееся вокругъ древняго замка. По-словински *grad,* означая замокъ, крѣпость, укрѣпленное мѣсто, никогда не примѣняется къ городу. На польскомъ языкѣ *hrad, hradek, hradec*—означаетъ замокъ, *hradba*—изгородь; *gradzisko*—городище. Чешское слово *hrad* означаетъ замокъ, дворецъ

укрѣпленіе, крѣпость; *hradiště*—городище; *ohrada*—ограда, заборикъ. На словацкомъ языкѣ подъ словомъ *hrad* понимаютъ и городъ и замокъ; *hrodba*—окопъ, укрѣпленіе; *hradza*—заборъ.

Изъ этого сопоставленія видно, что слово *градъ (городъ)* извѣстно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ и что оно означаетъ то или иное укрѣпленное мѣсто. Въ смыслѣ нашего города, слово *градъ* менѣе употребительно, или даже совсѣмъ не употребительно у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Въ смыслѣ городского поселенія въ славянскихъ языкахъ употребляются другія два слова: *торгъ* и *мѣсто*, первое болѣе или менѣе въ смыслѣ нашего посада, а второе въ смыслѣ собственно города. Оба слова извѣстны всѣмъ славянскимъ языкамъ, хотя и не въ одномъ и томъ же смыслѣ. Въ современномъ русскомъ языкѣ слово *торгъ (торги)* употребляется болѣе въ отвлеченномъ значеніи—въ смыслѣ схода въ урочное время купцовъ, подрядчиковъ и поставщиковъ, торгующихся на заявленные предметы. Въ старинномъ русскомъ языкѣ, какъ и въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи, *торгъ* означаетъ ярмарку. На малороссійскомъ нарѣчіи *торгъ* есть рынокъ, базаръ, торговая площадь. По-сербски: *торг*—рынокъ, товаръ, базаръ; по-хорватски: *trg*—рынокъ, открытая площадь, складочное мѣсто, ярмарка; по-словински *trg*—рынокъ, поселенье ниже города, но выше деревни, слѣдовательно, посадъ; по-польски: *targ* – рынокъ, базаръ, торгъ, продажа, площадь; по-чешски и словацки: *trh*—рынокъ, базаръ, площадь, ярмарка.

Что касается слова *мѣсто*, то подъ нимъ на русскомъ языкѣ лишь рѣдко понимается посадъ или селенье въ видѣ городка; чаще говорится *мѣстечко*. На бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ указано, слово *мѣсто* означаетъ городъ, но подъ нимъ подразумѣвается и рынокъ; то же касается и умалительнаго слова *мѣстечко (мястэчко, мѣсцечко, мѣстэчко)*. Малороссы понимаютъ подъ словомъ *мисто* и городъ и торговую площадь. *Передмистя*—на малорусскомъ нарѣчіи означаетъ посадъ, т. е. то же, что великорусское *предмѣстье*, которое означаетъ слободу, подгородье, подгородное селеніе, посадъ, пригородъ.

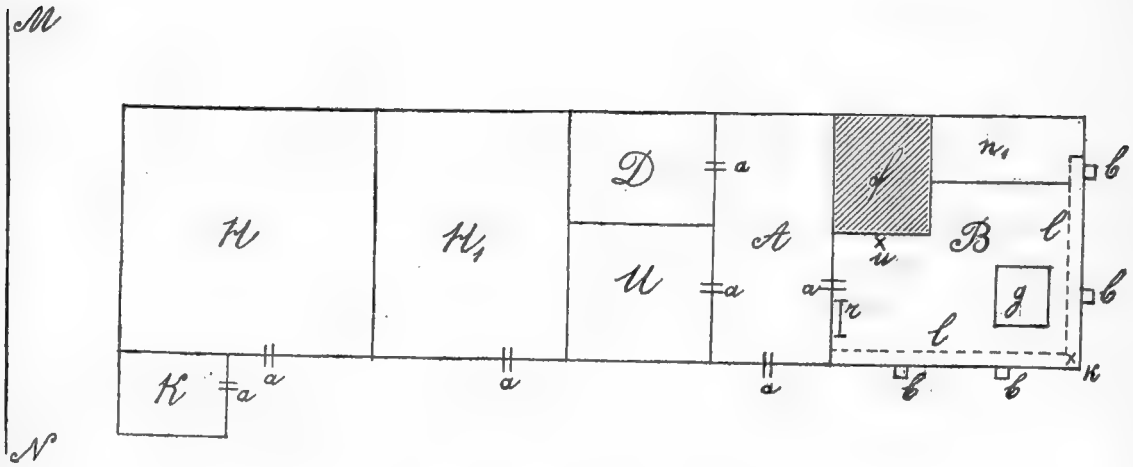
На болгарскомъ языкѣ слово *место* имѣетъ иное, чѣмъ указанное, значеніе, а именно: возвышенность, земля, край, страна, государство, угодье. У сербовъ: *место* означаетъ и площадь и городъ; у хорватовъ: *mjesto* значитъ мѣстность, площадь, мѣстечко. На словинскомъ языкѣ *mesto* означаетъ прежде всего городъ, далѣе мѣстность, пространство; *predmestje*—предмѣстье города. Въ томъ-же смыслѣ, т. е. въ смыслѣ города, употребляется польское: *miasto* и чешское и словацкое—*mesto*. Именно въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать названія частей города Варшавы: Старое и Новое мѣсто, т. е. Старый и Новый городъ. *Miasteczko* по-польски—городокъ; *przedmieście*—посадъ. Въ смыслѣ посада въ старочешскомъ языкѣ употреблялось соотвѣтственное слово: *předměsti*. Изъ русскаго слова *предмѣстье* можно теоретически заключить, что понятіе *мѣсто,* въ смыслѣ города, было когда-то свойственно и нашему языку. И дѣйствительно въ памятникахъ еще XII вѣка мы встрѣчаемъ противопоставленіе слова *село* слову *мѣсто,* причемъ подъ послѣднимъ слѣдуетъ понимать городское поселенье.

Что касается, наконецъ, слова *посадъ,* то оно, повидимому, исключительно великорусское. Означенное слово встрѣчается въ нашихъ письменныхъ памятникахъ еще XIII вѣка въ смыслѣ поселенья, предмѣстья, предгородья; оно сохранило отчасти и до настоящаго времени это значеніе. Въ центральной Россіи подъ посадомъ подразумѣвается поселенье выше большого села, но ниже города. Во Владимірской губерніи подъ *посадомъ* понимаютъ порядокъ избъ, рядъ домовъ, почему и говорится: „улица въ два посада“. Посадъ употребляется и какъ синонимъ слободы, вообще осѣдлаго поселенья внѣ города или крѣпости, или въ смыслѣ торговаго села, гдѣ жители не крестьяне, а мѣщане. На Сѣверѣ подъ *посадомъ* понимаютъ вообще городское поселенье, т. е. не село и не деревня.

Такимъ образомъ, на основаніи изложеннаго о населенныхъ мѣстахъ, мы можемъ придти къ заключенію, что славянскій міръ имѣетъ два преимущественныхъ понятія для поселеній крестьянскихъ и два для поселеній городского характера, а именно съ одной стороны: *весь (вьсь, vas)* и *село*, а съ другой—*мѣсто* и *градъ.* Остальныя наименованія, какъ торгъ, посадъ, околица, деревня и т. п., въ смыслѣ населенныхъ мѣстъ, имѣютъ лишь мѣстное значеніе, знакомое лишь той или иной славянской народности. Опредѣлить коренную разницу между весью и селомъ

представляется крайне труднымъ. Что касается различія между *градомъ* и *мѣстомъ*, то оно не вызываетъ никакого сомнѣнія, такъ какъ *градъ* въ первоначальномъ, дѣйствительномъ значеніи слова есть населенный пунктъ, защищенный укрѣпленіемъ, а *мѣсто*—есть поселеніе, хотя и городского, т. е. торговаго характера, но не имѣющее самостоятельнаго укрѣпленія. *Градъ* подразумѣваетъ воиновъ, а *мѣсто*—купцовъ, ремесленниковъ, *село* же и *весь*—лицъ, обрабатывающихъ землю.

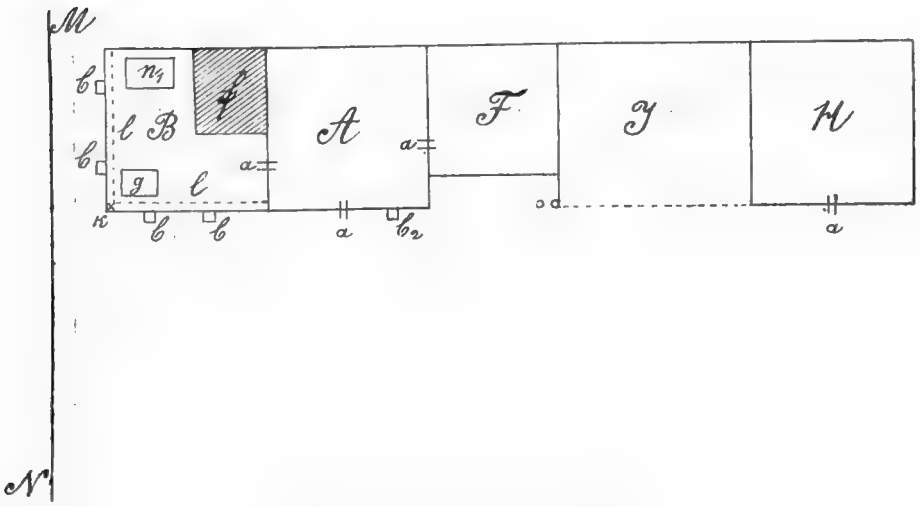
2. Дворъ. Село или деревня въ Сѣверо-Западномъ краѣ представляетъ изъ себя комплексъ жилыхъ зданій и ихъ усадебъ, расположенныхъ обыкновенно рядами, оставляющими между собою *улицы* или *вулицы* и *вулки*. Послѣднихъ можетъ быть нѣсколько. Если улица одна, то деревня представляется вытянутой, иногда, примѣрно, на версту. Хаты обычно расположены своей фронтонной частью къ улицѣ, вытягиваясь въ перпендикулярномъ отъ нея направленіи. Дома могутъ быть расположены по обѣ стороны улицы, но въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напримѣръ, въ Витебскомъ уѣздѣ и въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, дома находятся лишь по одну сторону улицы, тогда какъ по другую расположены хозяйственныя строенія соотвѣтствующихъ усадебъ. Послѣднія со всѣми надворными строеніями именуются обыкновенно *дворомъ*. Этимъ-же словомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ иногда, напримѣръ, въ Витебской губерніи, означаютъ и часть двора, предназначеннаго для скота, въ противоположность къ *улицѣ*—чистой части двора. То, что мы на литературномъ языкѣ назвали-бы дворомъ при домѣ, т. е. просторъ между всѣми строеніями одного хозяйства, въ Сѣверо-Западномъ краѣ обыкновенно дворомъ не называется. Въ этомъ смыслѣ слово *дворъ* употребляется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Вилейскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи. Этотъ просторъ, какъ сказано, можетъ называться *улицей*, напримѣръ, въ Витебской губерніи, *улочкой*—въ Пружанскомъ и Кобринскомъ уѣздахъ, Гродненской губерніи, или *подворкомъ*—въ Сокольскомъ и Волковыскомъ уѣздахъ, Гродненской губерніи,



Черт. 36. Хата

изъ дер. Нарцевичъ, Слонимскаго у. Гродн. губ.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—камора; *H*—хлѣвъ; H_1—конюшня; *K*—свинушникъ; *U*—стопка; a_1 *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—скамьи; n_1—нара; *r*—полка; *u*—топка печи.



Черт. 37. Хата

изъ дер. Старая Воля, Пружанск. у. Гродн. губ.

A—сѣни; *B*—хата; *F*— клѣть; *H*—хлѣвъ; *J*—навѣсъ (подповѣтка); *M*—*N*—улица; *a*, *a*—дворъ; *b*, *b*—окна; b_2—просвѣтецъ; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; n_1—нара—кровать.

или *надворомъ*—въ Пружанскомъ уѣздѣ той же губерніи или *денникомъ*—въ Могилевской губерніи, или *смытникомъ* или *майданомъ* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи.

Отдѣльныя части двора въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носятъ свои наименованія. Напримѣръ, въ Витебской губерніи часть двора, предназначенная для скота (съ задней стороны хаты), называется *обора*, *дянникъ;* тотъ же скотный дворъ въ Могилевской губерніи называется *денникъ*; *дянникъ* или *дзенникъ* въ Новоалександровскомъ уѣздѣ, Ковенской губ.—скотный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ хлѣвами. Передняя чистая часть двора, выходящая къ улицѣ, въ Виленской губерніи называется *понадворокъ*. Промежутокъ между хозяйственными постройками называется въ той же губерніи *заулокъ* (имъ пользуются въ качествѣ отхожаго мѣста). Задняя часть двора, примыкающая къ крытому гумну, называется: въ Виленской губерніи *гумнище*, въ Минской и Виленской *гумно*, а въ Гродненской—*пругмень*, *прагумень (огуменникъ* другихъ мѣстъ Россіи). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ часть двора, предоставленная для скота, и наконецъ часть двора, разбитая подъ садъ или продолженіе двора, выходящая въ видѣ сада передъ фронтономъ хаты, называется *дядинецъ*.

Слово *улица* встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ и обыкновенно въ одномъ и томъ же значеніи простора между двумя порядками домовъ, въ смыслѣ проѣзда между строеніями или въ смыслѣ дороги между ними. Въ этомъ именно смыслѣ употребляются обычно и соотвѣтствующія слова на великорусскомъ нарѣчіи, а именно: *улица, улокъ, (переулокъ, наулокъ, праулокъ), улочка,* а въ сѣверномъ и восточномъ говорѣ—*улка*. Однако, на ряду съ этимъ значеніемъ слова *улица* и *улка* имѣютъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Архангельской, Костромской, Пермской, а равно въ Сибири, и другое значеніе, то же, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а именно значеніе двора. На малороссійскомъ нарѣчіи улица произносится: *вулыця;* слово это сохраняетъ обычное значеніе улицы. На сербскомъ же языкѣ послѣднее слово *(улица)* означаетъ и дворъ и сѣни и улицу. Что касается остальныхъ славянскихъ языковъ, то *ulica* по-хорватски, словински, польски и словацки и *ulice*—по-чешски, повидимому, всегда означаетъ лишь одно: просторъ между двумя порядками домовъ.

Въ отношеніи слова *дворъ* и его производныхъ слѣдуетъ отмѣтить, что они широко распространены во всѣхъ славянскихъ языкахъ, сохраняя значеніе и простора между строеніями одного хозяйства и самаго хозяйства, и дома вообще, либо части его. Въ древне-русскомъ языкѣ слово *дворъ* уже въ раннюю эпоху употребляется въ разномъ смыслѣ. Уже въ X вѣкѣ подъ этимъ словомъ подразумѣвается и жилище и домъ и усадьба; въ XI—XIII вѣкахъ мы встрѣчаемъ слово *дворъ* въ смыслѣ современнаго двора и въ смыслѣ имущества и челяди (княжь дворъ); въ XIII вѣкѣ слово *дворъ* употребляется въ смыслѣ мѣста торговли (нѣмецкій дворъ). Въ этомъ-же значеніи пользуются и теперь означеннымъ словомъ (гостинный дворъ). Кромѣ того, теперь слово *дворъ* имѣетъ значеніе: единицы хозяйства,—напримѣръ, „столько-то дворовъ въ селѣ“; дома,—напримѣръ: „взять зятя во дворъ“; гостинницы (постоялый дворъ); склада (лѣсной, дровяной дворъ); отчасти учрежденія (монетный дворъ). Въ старину значеніе двора въ послѣднеозначенномъ смыслѣ было болѣе распространено, напримѣръ: колымажный, посольскій, земскій дворъ. Въ Сибири подъ словомъ *дворъ* подразумѣвается и ложбина, поросшая лѣсомъ на солнцепекѣ и скотный дворъ или загонъ и заимка, хуторъ, дача, усадьба особнякомъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ подъ *дворомъ* понимаются хозяйственныя строенія, мѣсто, связанное съ домомъ. Въ Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерніяхъ, *дворъ*—крытое помѣщеніе, примыкающее къ жилому дому и состоящее собственно изъ двора для скота и *повѣти* для сѣна и соломы; входъ въ этотъ дворъ изъ сѣней и снаружи по особому взъѣзду (*ввозъ;* см. рис. 180). Въ Нижегородской губерніи *дворецъ*—задній, скотный дворъ. Производныя слова отъ дворъ имѣютъ въ русскомъ языкѣ разное значеніе. Самое обычное изъ нихъ—*дворецъ* (малорусск. *дворецъ*) означаетъ обыкновенно жилой домъ владѣтельной особы или членовъ ея семьи. Однако *дворецъ* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Воронежской и Курской губерніяхъ, въ смыслѣ заѣзжаго, постоялаго двора, который тамъ называется и *дворкóмъ*. На бѣлорусскомъ нарѣчіи *дворекъ* или *дворочикъ* означаетъ домишко. Въ старорусской рѣчи понятіе о дворцѣ выражалось словомъ *дворище,* что означало и мѣсто, гдѣ ранѣе находился дворъ. Въ настоящее время *дворище* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Вологодской губ. означаетъ заднюю часть строенія въ два этажа, а въ Новгородской губ. *дворище*—усадебная земля; тоже значеніе, т. е. участка земли, отведеннаго подъ постройку, въ Вологодской губ. имѣетъ слово *дворина.* Задняя часть двора, отведенная для скота, на великорусскомъ нарѣ-

чіи называется обыкновенно *задворками* или *за́дворкомъ*, напримѣръ, въ Тверской и Новгородской губерніяхъ, или *задво́ркомъ*, напримѣръ, въ Орловской и Смоленской губерніяхъ, а равно въ Малороссіи. *Задворокъ* въ Мценскомъ у. Орловской губ. синонимъ *двора*, крытаго навѣсомъ, а въ Карачевскомъ у. той же губерніи—сарая для соломы, телѣгъ, саней и сохъ. Задній или скотный дворъ называется и *задворкой*—въ Ярославской и Тверской губерніяхъ, *задворенкой, задворицей, задвориней*—въ Архангельской губерніи, *задворьемъ*—въ Псковской, Владимірской и Пермской губерніяхъ, *задворами*—въ Псковской губерніи. Въ Архангельской губерніи *задворней* называется послѣдняя улица въ деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *задворокъ* и т. п., строго говоря, совсѣмъ не часть двора, а часть надворныхъ строеній для скота, какъ, напримѣръ, *задворье* въ Сибири, которое ни что иное, какъ навѣсъ для скота, расположенный въ задней части двора. На малорусскомъ нарѣчіи дворъ въ великорусскомъ значеніи слова называется *двиръ*.

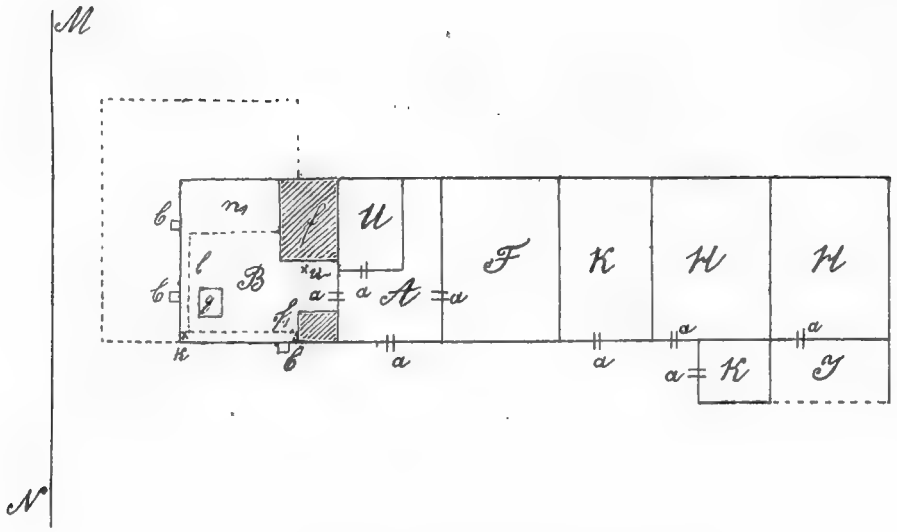
Переходя къ другимъ славянамъ, слѣдуетъ указать, что по-болгарски *дворъ* (съ XI в.), *двори, дворове, дворище*, а также *просторище* имѣетъ значеніе простора среди строеній одного хозяйства; *дворецъ* по-болгарски — маленькій дворъ, дворикъ; въ этомъ-же смыслѣ употребляется и слово *дворча*. По-сербски *двор* означаетъ дворецъ; въ томъ-же смыслѣ употребляется слово *дворац*. Дворъ въ смыслѣ простора у дома на сербскомъ языкѣ выражается словомъ *двориште*, что означаетъ и развалины зàмка. Въ частности въ Черногоріи словомъ *двори* выражаютъ понятіе о домѣ. На хорватскомъ языкѣ *dvor* можетъ означать и дворецъ и зàмокъ и домовый дворъ; для послѣдняго употребляется, какъ и въ сербскомъ языкѣ, и слово *dvorište*. Подъ этимъ послѣднимъ словомъ на хорватскомъ Приморьѣ понимаютъ и террасу у дома, если къ ней не ведетъ особый всходъ, т. е. если она не въ верхнемъ, а въ нижнемъ этажѣ. На хорватскомъ, а также словинскомъ языкахъ имѣется слово *dvorana*; оно означаетъ залу. По-словински какъ *dvor*, такъ и *dvorec* означаютъ и дворъ и домъ. На польскомъ языкѣ *dwor*, а на чешскомъ *dvůr* употребляются въ смыслѣ нашего двора; *dworek* по-польски—домикъ; *podworze* въ Сѣдлецкой губерніи—дворъ; *dvorec* по-чешски—дворецъ. На словацкомъ языкѣ *dvor* и *dvorina* употребляются въ смыслѣ простора у дома *dvorec*—дворикъ; *dvorana*, какъ и въ словинскомъ и хорватскомъ языкахъ, означаютъ залу, а также палату, напримѣръ, царскую; *dvoran*—придворный человѣкъ.

Наряду съ этими словами (дворъ и производныя его) на славянскихъ языкахъ употребляются и другія, иногда наносныя извнѣ для опредѣленія всего двора или части его. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи скотный дворъ, какъ уже сказано, называется *майданомъ*, а въ Босніи дворъ именуется *авліја*. *Майданъ*—слово не рѣдкое въ русскомъ языкѣ, но оно употребляется обыкновенно въ иномъ, чѣмъ дворъ, смыслѣ, а именно въ смыслѣ площади, открытаго, сборнаго мѣста, торга, базара. *Авліја* есть слово турецкое и переносъ его въ Боснію является естественнымъ. Упомянутое ранѣе слово *денникъ*, означающее въ Могилевской губерніи дворъ, употребительно и въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Курской губерніи, въ смыслѣ некрытой загороди при дворѣ для скота, въ Костромской и Пермской губерніяхъ—въ смыслѣ хлѣва, сарая, навѣса или просто загона, а въ Московской губерніи—въ смыслѣ просторнаго стойла въ конюшнѣ.

3. Изгородь. Подходя къ крестьянскому дому Сѣверо-Западнаго края съ улицы, или входя во дворъ дома, нельзя не замѣтить характерной особенности, а именно того, что домъ часто отдѣленъ отъ улицы изгородью и что изгородь раздѣляетъ усадьбу на нѣсколько частей. Изгородь передъ домомъ, если таковая имѣется (рис. 2, 4, 6, 7, 8, 13, 14, 17, 18, 23, 24, 29, 39, 53, 59, 66, 101, 102, 108, 109, 117, 119, 120, 121, 122, 125, 129, 136, 137, 141, 145), стоитъ либо близко передъ фронтономъ, либо отступаетъ къ улицѣ, оставляя большее или меньшее пространство. Наконецъ изгородь можетъ плотно примыкать къ дому, не загораживая его фронтона. Въ послѣднемъ случаѣ она представляетъ изъ себя плотный заборъ, соединяющій хату съ выходящей къ улицѣ же хозяйственной постройкой, напримѣръ, клѣтью (рис. 16, 99, 134, 154). Въ такомъ заборѣ продѣланы плотныя ворота и чѣмъ они плотнѣе и прочнѣе, тѣмъ большую гордость они составляютъ для хозяина. Такіе заборы являются обычными преимущественно въ Могилевской, Витебской и Минской губерніяхъ, отчасти въ Виленской; въ Гродненской губерніи они рѣдки и замѣняются жердяными воротами. Что касается частей усадьбы, раздѣленной изгородью, то онѣ и по величинѣ и по формѣ и по своему назначенію весьма разнообразны (см. напр. черт.

20 и 21 на стр. 98 и 104). Разнообразна и сама изгородь, а равно ея наименованія. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, изгородь иногда представляетъ изъ себя высокій, до полуторы сажени, заборъ изъ толстыхъ жердей, приставленныхъ другъ къ другу вплотную. Тамъ, гдѣ лѣсъ менѣе обиленъ или гдѣ мѣстность бѣдна лѣсомъ, изгородь состоитъ изъ тонкихъ двухъ жердей, приставленныхъ въ горизонтальномъ положеніи къ попарно вбитымъ въ землю кольямъ. Изгородь бываетъ и изъ болѣе или менѣе тонкихъ досокъ и изъ толстыхъ переплетенныхъ вѣтвей и т. д.

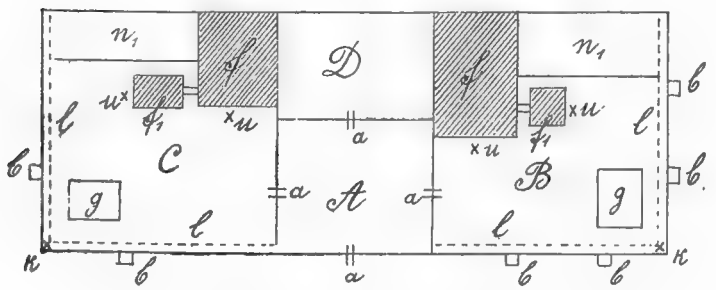
Самое распространенное въ Сѣверо-Западномъ краѣ наименованіе изгороди—это *плотъ*, *плётъ*. Обыкновенно этимъ словомъ опредѣляется изгородь весьма разнообразнаго рода: плетень изъ тонкихъ вертикальныхъ жердей, заборъ изъ длинныхъ высокихъ жердей, поставленныхъ вертикально, изгородь бревенчатая или дощатая, заборъ дощатый или жердяной, болѣе плотный или сквозной. Въ частности словомъ *плотъ* пользуются для наименованія изгороди, изображенной на рис. 2, 12, 14, 16, 21, 24, 26, 28, 53, 63. Собственно плетень: т. е. рядъ паръ поставленныхъ вертикально кольевъ, переплетенныхъ лозою или вѣтвями берёзы, называется также *аплетъ*, *плуйтъ*, *поплотъ*, а также *плетень*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, такъ, напримѣръ, на сѣверѣ Гродненской губерніи, плотомъ не называютъ обыкновенно изгородь изъ тонкихъ вертикальныхъ и короткихъ жердей, предпочитая такой заборъ именовать *балясой*, *баляской* или *балясникомъ* (*баляса*, *баляска*—точеный столбикъ у перилъ). *Баляской* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называютъ изгородь изъ густо переплетенныхъ хворостинъ, а *балясой*—изгородь изъ жердей или тонкихъ кольевъ, прибитыхъ къ горизонтальной жерди, опирающейся на столбы (рис. 14, 16, 20, 39). Заборъ изъ густо вплетенныхъ въ горизонтальную изгородь жердей часто называется *парканомъ*, *пырканомъ*, хотя и это слово примѣняется къ разнаго рода изгородямъ, напримѣръ къ высокому плетню. Затѣмъ употребляется слово *штакетъ*, *штахетъ* для изгороди, состоящей изъ планочекъ-дощечекъ (рис. 6, 7, 8, 13, 18 и др.). Для



Черт. 38. **Хата**

изъ дер. Огородники Гродненской г. Пружанск. у.

A—сѣни; *B*—хата; *F*—клѣть; *H*, *H*—хлѣвы; *J*—завѣсъ (шопка); *K*, *K*—свинушники; *M*—*N*—улица; *U*—стебка; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь русская; f_1 печь голландская; *g*—столъ; *k*—образъ; *l*, *l*—лавки; n_1—нара; *u*—топка печи. Пунктиръ передъ домомъ—изгородь, а передъ *J*—открытый входъ въ навѣсъ.



Черт. 39. **Хата**

изъ с. Теребежово, Пинскаго у. Минской губ.

A—сѣни; *B*—хата; *C*—вторая хата; *D*—кладовая; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*, *f*—русскія печи; f_1, f_1—грубки; *g*, *g*—столы; *k*, *k*—иконы; *l*, *l*—лавки; n_1, n_1—нары; *u*, *u*—топки печей.

опредѣленія ограды изъ дубовыхъ плахъ говорятъ *тынъ*, *тынь*, (*тынина*—тонкая плаха, бревешка). Подъ тыномъ понимаютъ и рядъ высокихъ вертикальныхъ столбовъ; для подобной же изгороди употребляется и слово *частоколъ* или *шастоколъ* или *колля* или *остроколъ* для опредѣленія изгороди изъ вбитыхъ въ землю кольевъ. Плотный заборъ называется *заметъ*; онъ состоитъ изъ досокъ, расположенныхъ вертикально или горизонтально (рис. 154); въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ быть и изъ бревенъ (рис. 178). Наконецъ изгородь, часто безъ опредѣленія ея характера, называется и *огорожа*, *азгорода*, *горожа*, *загорожа*, иногда *перелазъ* (на болгарскомъ *прелъзъ*, *прълазъ*—проходъ въ плетнѣ), а если она каменная—*бружъ*. Съ точностью опредѣлить, какое наименованіе относится къ какому именно забору, или къ какой именно изгороди въ каждой данной мѣстности, представляется совершенно невозможнымъ въ виду того разнообразія, которое въ этомъ отношеніи существуетъ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ виду, зачастую большой, сбивчивости въ употребленіи терминовъ. Во всякомъ случаѣ наиболѣе ходячимъ, обычнымъ, словомъ для наименованія изгороди всякаго рода является *плотъ*.

Слово *плотъ* собственно въ великорусскомъ языкѣ не употребляется. Его замѣняетъ слово *плетень*, встрѣчающееся уже въ XIII вѣкѣ для опредѣленія такъ или иначе плетеной изгороди. Плетень—есть обыкновенно заборчикъ, состоящій изъ ряда кольевъ, между которыми переплетены либо въ горизонтальномъ, либо въ вертикальномъ положеніи хворостины. Слово *плотъ* встрѣчается у насъ вообще лишь на западѣ и югѣ, замѣняясь на малорусскомъ нарѣчіи словомъ *плитъ*. Это слово встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ, а именно: въ болгарскомъ: *плотъ, плетъ, плотове, плетина, плетища, заплетъ,* въ смыслѣ нашего плетня. На сербскомъ языкѣ *плот*—заборъ, изгородь вообще; на хорватскомъ, словинскомъ, польскомъ, чешскомъ и словацкомъ *plot* означаетъ заборъ и въ частности плетеную изгородь.

Подъ словомъ *балясина* на русскомъ языкѣ понимаютъ обыкновенно точеный столбикъ для ограды, перилъ или и вообще перила. Это слово, повидимому, не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ за исключеніемъ польскаго: *balas*—въ смыслѣ балясины.

Что касается *паркана,* то это слово въ русскомъ языкѣ употребляется только въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ *(барканъ)* нарѣчіяхъ. Изъ остальныхъ славянскихъ языковъ слово это въ смыслѣ забора или ограды *(parkan)* употребляется въ польскомъ, чешскомъ и словацкомъ.

Тынъ, тынь, тынецъ, затинъ является болѣе или менѣе синонимомъ частокола. И тотъ и другой представляютъ изъ себя изгородь, заборъ сплошной изъ кольевъ. Какъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, такъ и вообще у насъ на западѣ и на югѣ тыномъ называютъ всякій сплошной заборъ, даже плетень, въ старину-же у насъ подъ словомъ *тынъ* или *столпье* подразумѣвалась городская стѣна частоколомъ. Въ Сибири по сіе время *тынина* означаетъ заборный колъ. Въ сербскомъ языкѣ *тин* означаетъ плотную изгородь; въ хорватскомъ: *tin* и въ словинскомъ: *tinj*—промежуточная стѣна; въ чешскомъ: *tyn*—изгородь изъ кольевъ. Слѣдовательно, во всѣхъ случаяхъ подъ тыномъ подразумѣвается плотное загражденіе, могущее служить для защиты владѣнія. Тотъ-же смыслъ имѣетъ и *частоколъ* на великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, *частокилъ*—на малорусскомъ нарѣчіи, *częstokol*—на польскомъ языкѣ и *količie*, т, е. кольникъ, на словацкомъ.

Слово *заборъ* въ Сѣверо-Западномъ краѣ не употребляется. Вообще, какъ кажется, это слово болѣе или менѣе новое, свойственное, повидимому, почти исключительно великорусскому нарѣчію. Въ XIV вѣкѣ у насъ употреблялось слово *забороло* или *заброло,* что означало деревянную городскую стѣну и деревянный заборъ на городской стѣнѣ. Въ настоящее время подъ заборомъ понимается деревянная ограда, которою обнесено (забрано) извѣстное мѣсто. Изъ славянскихъ языковъ можно встрѣтить слово заборъ только, кажется, въ одномъ словацкомъ: *zabor,* т. е. ограда. Нашъ заборъ можетъ быть самаго разнообразнаго вида подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы матеріалъ былъ деревянный. Поэтому *заборъ, огородъ и плотъ* являются болѣе или менѣе синонимами.

Помянутыя выше слова *огорожа, горожа,* употребляемыя въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ смыслѣ изгороди и стоящія, очевидно, въ связи съ глаголомъ *городить,* имѣютъ аналогичныя выраженія того же смысла во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Слова *огорожа* и *горожа* употребляются и въ малорусскомъ нарѣчіи; имъ соотвѣтствуютъ въ великорусскомъ говорѣ слова: *огородъ* и *ограда,* первое въ смыслѣ изгородки, а второе въ смыслѣ забора, стѣны, зачастую изъ

каменнаго матеріала. Въ болгарскомъ языкѣ имѣются слова *заграда, ограда,* соотвѣтствующія нашимъ словамъ *изгородь, загородка,* а также оградѣ, забору; *обграда* по болгарски дворъ. Сербъ называетъ ограду: *заграда, зграда, заград, ограда, ограћа.* Изъ этихъ словъ: *ограда*—означаетъ и дворъ, а *зграда* или *саграда,* или *грађевина* означаютъ также—зданіе, строеніе. На хорватскомъ языкѣ: *ograda*—заборъ, *gradina*—изгородь; на словинскомъ: *ograd* означаетъ и загородку и садъ; на польскомъ *hradba*—изгородь; на чешскомъ: *ohrada*—заборъ, а *ohrad*—садъ; на словацкомъ: *zahrada*—огородъ. (См. также сопоставленіе славянскихъ словъ: градъ и его производныхъ на стр. 148).

4. Ворота. Отмѣченныя выше изгороди отдѣляютъ усадьбу отъ улицы, нерѣдко отдѣляютъ отъ нея и самую хату, какъ то видно, напримѣръ, на рис. 2, 4, 6, 7, 8, 13, 14, 17, 18, 19, 21, 23, 101, 108, 109, 117, 119, 120 и др. Входъ съ улицы въ усадьбу ведетъ черезъ ворота. Въ болѣе богатыхъ хозяйствахъ, преимущественно въ Могилевской, Витебской, Минской и отчасти въ Виленской губерніяхъ, эти ворота представляютъ прочное сооруженіе изъ балокъ и досокъ (рис. 16, 99, 134, 154, 174), въ болѣе же бѣдныхъ хозяйствахъ и особенно въ Гродненской и Виленской губерніяхъ ворота устроены по типу изгороди изъ жердей (см. напримѣръ рис. 11, 12, 13, 14, 39). Въ рѣдкихъ случаяхъ при устройствѣ воротъ прикладываютъ значительное искусство, стараясь придать имъ художественныя формы (рис. 17). Ворота изъ жердей соединяютъ и отдѣльныя части усадьбы, если она разгорожена. Такія ворота въ Сѣверо-Западномъ краѣ называются *вороты*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Виленской, Минской и Гродненской губерніяхъ—*весники.* Ворота въ великорусскомъ значеніи слова, т. е. высокія, дощатыя съ особою плотною калиткой (*форткой*, *хфорткой*), въ Сѣверо-Западномъ краѣ, говоря вообще, устраиваютъ преимущественно на востокѣ его. Слово *вороты* употребляется въ Сѣверо-Западномъ краѣ обыкновенно въ менѣе распространенномъ значеніи, чѣмъ среди великорусскаго населенія, а именно—ворота въ сарай, клуню и т. п. постройки называются не воротами, а *двери, дзвери.*

Слово *фортка* или *хфортка* въ смыслѣ калитки употребляется у насъ, кромѣ бѣлорусскаго нарѣчія, и въ малорусской рѣчи; оно встрѣчается и въ Курской губерніи. И на польскомъ языкѣ калитка —*furtka*. Въ литературной русской рѣчи *фортка, форточка,* какъ извѣстно, употребляется въ смыслѣ открывающейся части окна ради пропуска воздуха въ комнату, преимущественно зимою или вообще въ холодное время.

Слова *ворота* или собственно *врата* и *двери* извѣстны всѣмъ славянскимъ языкамъ. Они обозначаютъ проемъ въ стѣнѣ или изгороди для сообщенія двухъ противоположныхъ просторовъ. Во всѣхъ славянскихъ языкахъ употребляется форма *врата* и лишь въ русскихъ нарѣчіяхъ пользуются полногласной формой *ворота*. При этомъ обыкновенно на сѣверѣ и востокѣ говорится *ворóта,* а на югѣ и западѣ *воротá* или *вороты*. Полногласная форма встрѣчается уже въ словѣ о полку Игоревомъ въ смыслѣ входа; та же форма употребляется въ современномъ смыслѣ въ X вѣкѣ. На ряду съ этимъ въ памятникахъ XI вѣка встрѣчается слово *вратá,* сохраненное до настоящаго времени въ церковномъ языкѣ и въ возвышенномъ слогѣ. Въ болгарскомъ языкѣ подъ словомъ *врата* подразумѣвается дверь, ворота и калитка; кромѣ того въ болгарскомъ языкѣ имѣются слова: *вратня, вратникъ*—ворота, *врати, врака*—двери, *вратица, вратничка, вратниче, вратица, вертнико*—калитка. Въ сербскомъ *врата* означаютъ ворота и двери, а *вратло*—дверь. Хорватское слово *vrata* употребляется одинаково и въ смыслѣ дверей и въ смыслѣ воротъ, а равно калитки. Словинцы понимаютъ подъ словомъ *vrata* ворота и входъ вообще, въ смыслѣ же двери слово употребляется лишь въ отношеніе входной двери въ домъ, но отнюдь не въ отношеніе дверей, соединяющихъ отдѣльныя комнаты; *vratica* по-словински—калитка, а *vratnica*—дверная половина. Слово ворота передается на польскомъ языкѣ словомъ *wrota,* а на чешскомъ и словацкомъ: *vrata*.

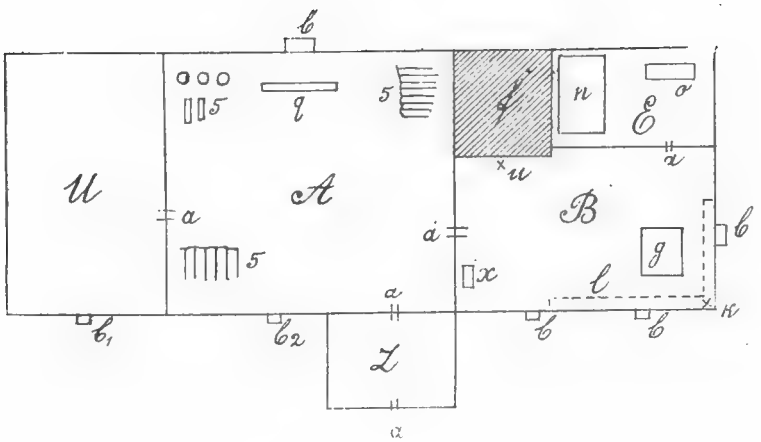
Слова ворота, врата происходятъ отъ глагола воротить, (вратить), ворочать, а на старорусскомъ и славянскихъ языкахъ—вратити. Интересно отмѣтить, что въ Черногоріи сохранились вращающіяся двери, т. е. та, быть можетъ, первобытная форма затвора стѣнного проема, которая впослѣдствіи дала современныя, болѣе усовершенствованныя двери. Вращающіяся ворота сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и у насъ, напр. въ Нижегородской губ., въ изгородяхъ при въѣздѣ въ деревню. Въ связи съ сохранившеюся вращающеюся формою дверей въ Черногоріи боковыя бревна дверей, образующія

ихъ раму, называются *вратница;* то же наименованіе сохраняютъ и боковые камни, замѣняющіе бревна. На русскомъ языкѣ еще XV вѣка *вратило* означало шестъ; слово это сохранилось въ церковнославянскомъ языкѣ, на которомъ оно означаетъ валъ, навой ткацкаго станка.

Что касается слова *дверь* или *двери,* то оно употреблялось у насъ въ современномъ значеніи уже съ XI вѣка; употреблялась первоначально форма *двьрь*, которая, повидимому, означала и ворота; *двьрьникъ*—привратникъ; уменьшительное слово *двьрьца* употреблялось въ XI—XIV вѣкахъ въ смыслѣ окна. Въ современномъ русскомъ языкѣ болѣе употребительна форма множественнаго числа въ смыслѣ всякаго рода входа въ зданіе. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ говорятъ и *дверь* и *двери;* послѣднее слово обыкновенно въ смыслѣ воротъ въ сарай или т. п. зданіе. На малороссійскомъ нарѣчіи говорятъ *дверы;* на сербскомъ—*двера,* что означаетъ и двери и ворота; на хорватскомъ *dveri*—означаетъ ворота и калитку; на словинскомъ *dveri*—имѣетъ лишь смыслъ нашихъ дверей; *dverniса* по-словински—дверная половина. Двери по-польски—*drzwi,* по-чешски—*dveře*, по-словацки—*dvere.*

Кромѣ этихъ двухъ словъ (врата и двери) на славянскихъ языкахъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, употребляются и другія слова. Напримѣръ, на сербскомъ и болгарскомъ пользуются и турецкимъ словомъ *капіја, капия* въ смыслѣ воротъ, дверей, калитки; на болгарскомъ говорятъ и *порта, порти, портьі*—ворота и *протка*—калитка; на словинскомъ употребляютъ слово *duri* (очевидно, съ нѣмецкаго *Thür*) въ смыслѣ двери (но не входной—наружней), а равно калитки. Наконецъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ Малороссіи и въ Смоленской губерніи, ворота называются и *брама*; въ старинной русской западной рѣчи *брана.* То же слово встрѣчается въ чешскомъ и словацкомъ языкахъ *(brana),* а равно въ польскомъ *(brama),* причемъ въ старопольскомъ языкѣ употреблялись формы: *brona, broma.* Слѣдуетъ отмѣтить, что на русскомъ языкѣ и въ частности въ Сѣверо-Западномъ краѣ *брама* означаетъ ворота не всякаго рода, а крѣпостныя, городскія, тріумфальныя, замковыя, церковныя, въ каменной оградѣ, въ господскомъ домѣ, т. е. ворота, предполагающія извѣстную мощность, крѣпость, богатство, архитектурное изящество и т. п. качества.

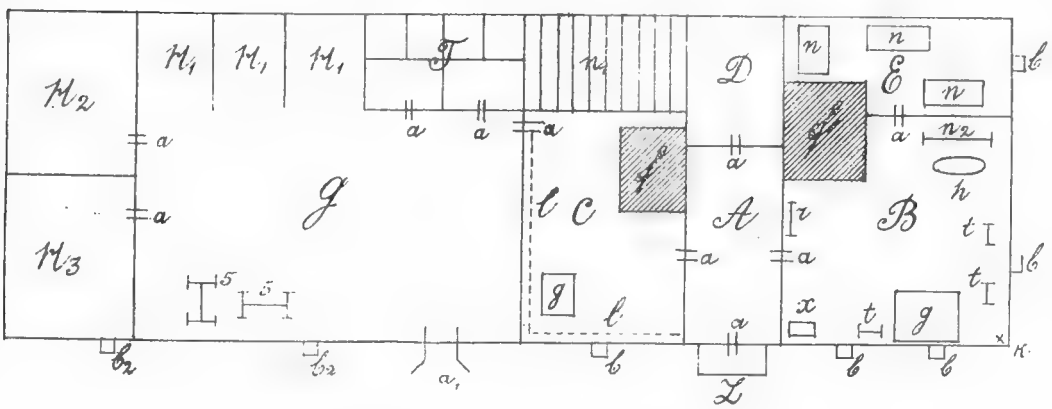
5. Усадьба. Разсмотрѣвъ жилой домъ и отдѣльныя хозяйственныя постройки, необходимо остановиться на томъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи всѣ эти зданія стоятъ, т. е. въ какомъ по-



Черт. 41. **Хата**

изъ мѣст. Банцевичи, Минской губ. Бобр. у.

A—сѣни и мастерская; *B*—хата; *E*—отдѣленіе хаты, служащее въ качествѣ спальни; *L*—крыльцо; *U*—варевня; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1—мал. окно; b_2—просвѣтецъ; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*—кровать; *o*—сундукъ; *q*—станокъ; *s*, *s*—матеріалы; *u*—топка печи; *x*—шкафъ.



Черт. 42. **Домъ шляхтича**

Виленской губерніи, Ошмянскаго уѣзда.

A—сѣни; *B*—покой, *C*—офицыня; *D*—спижарня; *E*—спальня; *G*—одрыня; H_1, H_1—стойла; H_2—овчарня; H_3—коровникъ; *T*—амбарчикъ; *a*, *a*—двери; a_1—ворота; *b*, *b*—окна; b_2, b_2—просвѣтцы; *f*, *f*—печи; *g*, *g*—обѣденные столы; *h*—столъ; *k*—божница, *l*—скамьи; *n*, *n*—кровати; n_1—нара; n_2—диванъ; *r*—полка; *s*, *s*—телѣги; *t*, *t*—табуреты; *x*—шкафъ.

рядкѣ расположены постройки и какую онѣ образуютъ усадьбу. Въ этомъ отношеніи прежде всего надлежитъ отмѣтить, что и величина усадьбы и количество расположенныхъ на ней построекъ стоитъ въ прямой связи съ благоустройствомъ и зажиточностью даннаго хозяйства. У мелкаго арендатора, напримѣръ, очевидно, нѣтъ основанія ожидать сложныхъ сооруженій, такъ какъ все его хозяйство сводится на обработку небольшого участка, едва достаточнаго для пропитанія даже немногочисленной семьи. Такой арендаторъ или даже и собственникъ маломѣрнаго участка зачастую совершенно не имѣетъ хозяйственныхъ построекъ (черт. 24 и 25, стр. 116) и хата его окружена изгородью, ограничивающею его усадьбу, на которой стоитъ одинъ лишь жилой домъ. Если бѣдный крестьянинъ имѣетъ хозяйственныя постройки, то онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы по возможности все, что относится къ его хозяйству, группировалось около его жилого дома. Съ этою цѣлью хлѣвъ—эта непремѣнная принадлежность хозяйства, ставится по близости отъ жилья или даже входитъ въ составъ его. Стоя часто въ видѣ особаго зданія подъ угломъ къ хатѣ, хлѣвъ своимъ расположеніемъ обозначаетъ часть границы усадьбы, причемъ остальная фиксируется изгородью. Примѣромъ такого несложнаго хозяйства можетъ служить *усадьба*, изображенная на черт. 1, стр. 32, принадлежащая мелкому арендатору въ Виленской губ. и уѣздѣ. Хлѣвъ не соединенъ съ хатой и расположенъ, къ ней на нѣкоторомъ разстояніи, подъ угломъ. Съ узкой стороны хлѣва пристроенъ свинушникъ, а съ длинной придѣланъ небольшой загончикъ для овецъ. Отъ одного изъ угловъ дома идетъ низкая изгородь, на нѣкоторомъ разстояніи приламывающаяся и продолжающаяся въ другомъ направленіи. Хата, хлѣвъ со свинушникомъ и изгородь образуютъ не замыкающійся вполнѣ просторъ, представляющій усадьбу неправильной многоугольной формы. Эта усадьба стоитъ особнякомъ и неправильность внѣшнихъ ея очертаній естественна. Та же неправильность нерѣдко характеризуетъ вообще свободныя усадьбы даже у зажиточныхъ крестьянъ.

Обитатели деревень, гдѣ отдѣльныя хозяйства расположены въ соотвѣтствіи съ искони установившимся порядкомъ болѣе или менѣе правильно, имѣютъ усадьбы, обыкновенно не нарушающія, по крайней мѣрѣ значительно, геометрически правильнаго четырехугольника. Хотя такая форма и не является повсемѣстной, но во всякомъ случаѣ она обычна. Весьма часто четырехугольная форма усадьбы представляетъ вытянутую, иногда же болѣе или менѣе квадратную, фигуру.

Хозяйственныя постройки могутъ вытягиваться по одной линіи съ хатой, представляя какъ бы ея продолженіе, однако могутъ быть расположены и по другую сторону усадьбы, или, наконецъ, могутъ быть разбросаны въ большей или меньшей степени неправильно. Сама усадьба обыкновенно раздѣляется изгородью на нѣсколько частей въ соотвѣтствіи съ тѣмъ или инымъ назначеніемъ данной части, въ связи или безъ связи съ данной хозяйственной постройкой.

Обратимся къ слѣдующимъ примѣрамъ. На черт. 2, стр. 32, изображающемъ планъ усадьбы изъ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи, мы видимъ, что хата стоитъ перпендикулярно къ улицѣ; за нею слѣдуетъ навѣсъ, за навѣсомъ хлѣвъ. Эти три постройки такъ тѣсно примыкаютъ другъ къ другу, что даютъ впечатлѣніе одного зданія, которое ограничиваетъ усадьбу слѣва. Справа идетъ изгородь, соединяющаяся съ изгородью же, тянущейся со стороны улицы и съ противоположной стороны. При входѣ въ усадьбу со стороны улицы противъ дома помѣщается погребъ, за нимъ идетъ просторъ двора, въ концѣ котораго находятся рядомъ два хлѣва. Усадьба сквозная, при чемъ заднія ворота ведутъ въ ея продолженіе—въ гумнище. На слѣдующемъ чертежѣ (черт. 3, стр. 38), изображающемъ усадьбу изъ того же Гомельскаго уѣзда, мы видимъ въ общихъ чертахъ тотъ же типъ. Но есть и существенное различіе: прежде всего къ хатѣ не примыкаетъ никакихъ хозяйственныхъ построекъ и она стоитъ особнякомъ; погребъ помѣщается сзади хаты на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, а противъ хаты, у входа въ усадьбу съ улицы,

расположена клѣть. Къ тому же типу можно отнести слѣдующія три усадьбы. Первая изъ нихъ (черт. 4, стр. 38) изъ дер. Гайдучели, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи, не имѣетъ сквозного хода къ гумну, а включаетъ это послѣднее зданіе въ общій предѣлъ усадьбы. При входѣ въ нее съ улицы слѣва расположена хата; непосредственно за ней тянется огородъ, въ концѣ котораго расположенъ погребъ. Другой погребъ лежитъ при входѣ въ усадьбу противъ хаты. Вся правая сторона усадьбы занята вторымъ огородомъ, въ который вдаются свинушникъ и хлѣвъ. Усадьба замыкается въ конечной своей части перпендикулярно поставленнымъ гумномъ, къ которому прилегаетъ навѣсъ. Слѣдующая усадьба изъ дер. Раевщины, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи (черт. 5, стр. 44,) того же основного типа разбита на двѣ части, отдѣленныя другъ отъ друга изгородью. Въ передней, обращенной къ улицѣ, части находятся съ одной стороны хата и за нею огородъ, а съ другой—рядъ хозяйственныхъ построекъ: хлѣва, клѣть (свиронъ) и навѣсъ. Задняя часть усадьбы занята гумнищемъ, на которомъ расположены два гумна, два навѣса и сѣнникъ (пуня). Въ задней изгороди имѣется выходъ, ведущій въ открытое поле, на которомъ лежитъ баня. Интересъ представляетъ и слѣдующая усадьба (черт. 6, стр. 44) тѣмъ, что большинство построекъ, примыкая другъ къ другу, вытягиваются въ длинный рядъ. Усадьба эта находится въ дер. Старая Воля, Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ. Она расположена слѣва отъ улицы и перпендикулярно къ ней. При входѣ черезъ ворота въ усадьбу—справа погребъ, расположенный передъ фронтономъ хаты. За хатой въ одну узкую линію расположены маленькій огородъ, затѣмъ хлѣвъ съ двумя входами. Къ нему примыкаетъ навѣсъ (шупка) для телѣгъ и клѣть (свиронокъ), входъ въ который изъ навѣса. За клѣтью слѣдуетъ небольшой праулокъ, а затѣмъ стоитъ большой хлѣвъ съ четырьмя входами для разнаго рода скота. Къ хлѣву примыкаетъ другой навѣсъ (повѣточка), предназначенный для дровъ. По другую длинную сторону усадьбы расположены: вторая клѣть и свинушникъ; они примыкаютъ къ усадьбѣ сосѣда;

по серединѣ усадьбы стоитъ сельничекъ для склада соломы, а на заднемъ планѣ размѣщается клуня. Бо́льшая часть усадьбы называется дворомъ, а меньшая, у клуни, гумномъ. Противъ входа съ улицы находятся ворота, представляющія выходъ въ поле.

Если хата, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, лежитъ перпендикулярно къ улицѣ, то въ этомъ случаѣ она далеко не всегда примыкаетъ къ послѣдней. Напротивъ того, въ нерѣдкихъ случаяхъ, особенно въ Виленской и Гродненской губерніяхъ, между фронтономъ хаты и улицей оставляется просторъ, занятый обыкновенно садикомъ. Примѣромъ такого расположенія хаты можетъ служить усадьба изъ дер. Адамовичи, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи, изображенная на чертежѣ 7, стр. 50. Противъ хаты здѣсь лежатъ послѣдовательно два хлѣва, навѣсъ и клѣть. Этими постройками ограничивается передняя часть усадьбы; задняя, отгороженная отъ передней плотомъ, какъ и въ предыдущихъ примѣрахъ, заключаетъ гумно и пуню.

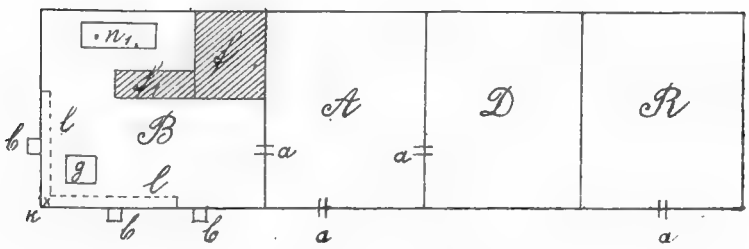
Небезъинтересно отмѣтить слѣдующую усадьбу полѣшука изъ дер. Улица, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи, изображенную на черт. 8, стр. 50. Здѣсь хата не выходитъ къ улицѣ, а лежитъ на противоположномъ концѣ между огородомъ и садомъ; тутъ же расположены двѣ клѣти. Эта часть усадьбы отдѣлена отъ остальной, тянущейся по направленію къ улицѣ, изгородью и воротцами. Въ другой части усадьбы находятся по одну сторону огородъ, отдѣленный изгородью же, а по другую длинный рядъ хозяйственныхъ построекъ: свинушникъ, конюшня, дровяной сарай, два хлѣва. На этомъ оканчивается вторая часть усадьбы, имѣющая значеніе огорода и скотнаго двора. Третья, ближайшая къ улицѣ часть заключаетъ клуню, сѣновалъ и мякинникъ. Такимъ образомъ вся усадьба раздѣлена на жилую часть съ клѣтями, хранящими имущество и, въ частности, зерно, на часть, предназначенную для скота и наконецъ на часть, отведенную подъ молотильный и сѣнной сараи: сѣновалъ и клуню.

Наряду съ отмѣченной правильностью въ расположеніи построекъ въ усадьбѣ и, въ частности, указанной вытянутостью

строеній въ одну линію въ Гродненской губерніи, въ той же губерніи встрѣчаются усадьбы съ совершенно инымъ, неправильнымъ, расположеніемъ какъ хаты, такъ и хозяйственныхъ зданій. Эта неправильность особенно свойственна тѣмъ усадьбамъ, въ которыхъ хата лежитъ не перпендикулярно къ улицѣ. Примѣромъ можетъ служить изображенная на черт. 9 (стр. 56) усадьба изъ дер. Клюковичи, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Домъ, какъ видно на чертежѣ, выходитъ длинной стороной къ улицѣ, имѣя передъ собою садъ . Хата совершенно ограждена отъ хозяйственныхъ зданій. Послѣднія группируются у прагуменя, на которомъ лежитъ и клѣть; собственно дворъ находится въ сторонѣ, отгороженный отъ прагуменя, но соединенный съ нимъ въ двухъ мѣстахъ при посредствѣ воротъ. Изъ прагуменя, выходъ въ поле. По другую сторону улицы лежитъ обширный огородъ, не изображенный на чертежѣ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи, хозяйственныя строенія лишь отчасти вытянуты въ длину, загибаясь въ концѣ усадьбы подъ прямымъ угломъ и продолжаясь въ обратномъ направленіи по другую сторону усадьбы. Въ этомъ случаѣ обычнымъ является соединеніе хозяйственныхъ строеній двухъ сторонъ сквознымъ навѣсомъ, (повѣть), служащимъ для сохраненія повозокъ. Примѣромъ такого рода усадьбы можетъ служить усадьба изъ дер. Плебанцы, изображенная на черт. 10 (стр. 56 и рис. 57). Здѣсь хата стоитъ перпендикулярно къ улицѣ, выходя на нее фронтономъ. Вдоль дома, по другую сторону усадьбы, тянется огородъ. Между хатой и огородомъ (на которомъ расположенъ колодецъ) лежитъ чистый дворъ. Немного отступя отъ дома, стоитъ клѣть (комора); къ ней примыкаютъ непосредственно одинъ за другимъ три хлѣва. Къ послѣднему изъ нихъ перпендикулярно поставленъ упомянутый выше сквозной навѣсъ, перпендикулярно къ которому стоятъ по другую сторону усадьбы опять два хлѣва.

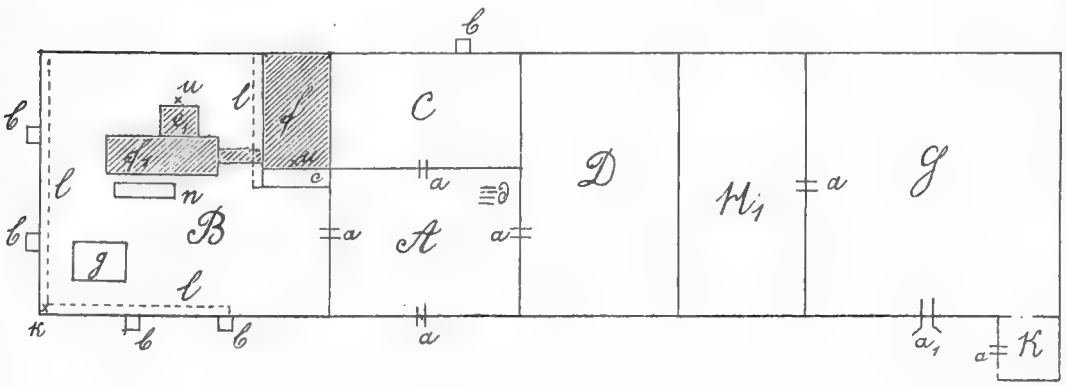
Схожій съ предыдущимъ типомъ усадьбы типъ представляетъ усадьба, изображенная на черт. 11 (стр. 62) изъ с. Микуличи Рѣ-



Черт. 43. **Хата**

изъ дер. Малорыта Гроднен. г. Брестскаго у.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—камора; *R*—колэшня (дровян. сарай); *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь; f_1—печь-стѣна (грубка); *g*—столъ; *k*—икона; *l*—лавка; u_1—нара.



Черт. 44. **Домъ**

изъ дер. Стоцкъ, Гродненской губерніи, Сокольскаго уѣзда.

A—сѣни; *B*—хата; *C*—свѣтелка; *D*—коморка (кладовая-клѣть); *G*—гумно; H_1—конюшня; *K*—хлѣвчикъ (свинушникъ); *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *c*—припечекъ; c_1—плита; *d*—приставная лѣстница на чердакъ; *f*—печь; f_1—печь-стѣна, соединенная съ печью трубой; *g*—столъ; *k*—распятіе и иконы; *l*, *l*—скамьи; *n*—кровать; *u*, *u*—топки.

чицкаго уѣзда, Минской губерніи. Вся усадьба представляетъ, благодаря загибу подъ прямымъ угломъ длиннаго навѣса, форму почти правильнаго квадрата. Съ одной ея стороны лежитъ огородъ, съ другой хата съ примыкающими къ ней клѣтью и хлѣвомъ; третья сторона занята сѣноваломъ съ навѣсомъ, а четвертая, выходящая къ улицѣ, фронтономъ хаты съ изгородью. Гумно находится внѣ усадьбы, стоя поодаль отъ нея. Указанный способъ загиба хозяйственныхъ зданій съ тѣмъ, что они образуютъ какъ бы замкнутый четырехугольникъ, весьма распространенъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, особенно на востокѣ его. Въ Гродненской губерніи, въ которой, какъ отмѣчено выше, распространены вытянутыя усадьбы, усадьбы же, группирующія строенія въ квадратоподобную форму, встрѣчаются, но преимущественно на западѣ губерніи. Такъ, напр., на черт. 12 (стр. 62) видна усадьба изъ дер. Малорыта Брестскаго уѣзда. Здѣсь хата лежитъ перпендикулярно къ улицѣ и ни въ какой связи съ хозяйственными зданіями не стоитъ. Они лежатъ особнякомъ, образуя правильный квадратоподобный четырехугольникъ: справа хлѣвъ, слѣва сѣновалъ и гумно, въ задней части навѣсъ и еще одинъ хлѣвъ; передняя часть остается открытой.

Изображенная на черт. 13 (стр. 68) усадьба изъ дер. Даниково Люцинскаго уѣзда, Витебской губ., представляетъ тотъ же типъ съ тою лишь разницею, что въ комплексъ хозяйственныхъ зданій какъ бы вдвинута хата, вслѣдствіе чего плотный четырехугольникъ построекъ включаетъ и жилье. Схожее расположеніе представляетъ и усадьба изъ дер. Теребежево Пинскаго уѣзда, Минской губ., изображенная на черт. 14 (стр. 68), съ тѣмъ, главнымъ образомъ, различіемъ, что клѣти лежатъ не за домомъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, а рядомъ съ нимъ. Къ тому же типу слѣдуетъ отнести и усадьбу, изображенную на черт. 15 (стр. 74), изъ с. Пинковичи того же уѣзда, а равно спорадически встрѣчающійся въ Витебской губерніи типъ усадьбы, изображенный на чертежѣ 16 (стр. 74). Еще болѣе характерными усадьбами являются тѣ встрѣчающіяся въ Витебской же губ., въ которыхъ жилая хата

поставлена какъ бы подъ защиту хозяйственныхъ строеній. Примѣрами такихъ усадебъ могутъ служить слѣдующія двѣ: изображенная на черт. 17 (стр. 80), представляющая типъ наиболѣе распространенный, и изображенная на черт. 18 (стр. 86), принадлежащая къ типу хозяйства средней руки и выше.

Всѣ описаннаго типа усадьбы едва ли не будетъ наиболѣе правильнымъ свести на три: на типъ вытянутыхъ усадебъ, на типъ сконцентрированныхъ вокругъ жилья и на типъ разбросанный. Если мы перейдемъ отъ болѣе простыхъ усадебъ, которыя описаны, къ болѣе сложнымъ, то характерными примѣрами могли бы служить слѣдующія три усадьбы. Первая, изображенная на черт. 19 А и В (стр. 92), взята изъ дер. Горки Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Она принадлежитъ большой, не раздѣлившейся, семьѣ. По входѣ съ улицы въ усадьбу попадаешь въ узкій дворъ, расширяющійся уже за хатой. Она лежитъ слѣва; къ ней примыкаетъ хлѣвъ, а къ этому послѣднему свинушникъ. Противъ этихъ строеній расположенъ огородъ, у передняго угла котораго лежитъ колодецъ. Другой огородъ находится за широкою частью двора; здѣсь же клѣть (свиронъ), въ которой лѣтомъ спятъ. За вторымъ огородомъ помѣщается такъ называемое загуменье; на немъ расположенъ второй хлѣвъ и большой сѣнной сарай (сельникъ) съ двумя воротами. Вся эта часть усадьбы отгорожена изгородью (съ воротами); за нею второй сельникъ опять таки съ двумя воротами. На этомъ, собственно говоря, оканчивается усадьба, за которою тянется дорога, отдѣляющая деревню отъ луга и лѣса. Однако у даннаго хозяйства имѣется какъ бы дополнительная часть усадьбы за дорогой. Она состоитъ изъ двухъ четырехугольникомъ отграниченныхъ участковъ: одного бо́льшаго и другого меньшаго. Оба эти участка состоятъ изъ загуменья, на которомъ расположены клуни; на бо́льшемъ участкѣ къ клунѣ подъ прямымъ угломъ примыкаетъ сельникъ. Надо отмѣтить, что собственно усадьба непосредственно упирается въ дорогу, а дополнительная ея часть съ двумя загуменьями лежитъ отъ дороги шаговъ на 50-60.

Весьма интересна слѣдующая усадьба, представляющая въ отношеніи только что описанной, вытянутой въ длину, полную противоположность по группировкѣ хозяйственныхъ зданій вокругъ хаты. Усадьба эта взята изъ мѣстечка Яловки Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи (см. черт. 20, стр. 98). Здѣсь хата хотя и выходитъ фронтономъ къ улицѣ, но расположена къ ней не перпендикулярно, а подъ угломъ. Передъ домомъ тянется изгородь. Такая же изгородь раздѣляетъ усадьбу на нѣсколько частей. Одна изъ нихъ представляетъ удлиненной формы огородъ, въ который вдвинуты два свинушника. Между хатой и огородомъ чистый дворъ (подворокъ). Съ другой стороны хаты одинъ изъ трехъ пругменей. Изъ нихъ наибольшій, лежащій справа отъ хаты, ограниченъ и со стороны улицы и со стороны сосѣда цѣлымъ рядомъ хлѣвовъ, служащихъ убѣжищемъ разнородному скоту. У перваго хлѣва ближе къ хатѣ находится дровяной сарай (дровнякъ) или вѣрнѣе навѣсъ для дровъ. Второй пругумень сосредоточиваетъ у себя гумно, навѣсъ и сѣновалъ, третій же свободенъ отъ построекъ. Занимая часть чистаго двора, онъ оставляетъ узкій проходъ, ведущій къ двойному амбару.

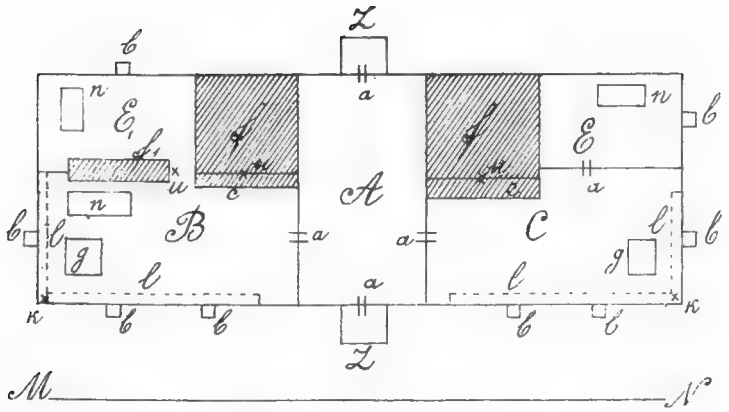
Далѣе интересный примѣръ усадьбы разбросаннаго типа представляетъ слѣдующая (черт. 21, стр. 104), принадлежащая весьма зажиточному и сложному хозяйству. Она лежитъ въ глуши Бѣловѣжской пущи, въ густомъ лѣсу, въ серединѣ небольшой деревеньки Буды. Хата выходитъ на улицу длинной своей стороной. Здѣсь находится входъ съ крыльца въ сѣни, имѣющія выходъ черезъ крыльцо же въ усадьбу. Послѣдняя раздѣлена на шесть частей, соединенныхъ между собою большею частью воротцами. Изъ задняго крыльца входишь въ небольшую часть усадьбы, не имѣющую опредѣленнаго назначенія. Съ того же крыльца можно сойти въ пчельникъ (садъ) съ дюжиною разбросанныхъ колодъ. Здѣсь же подъ прямымъ угломъ къ дому поставлены: навѣсъ и теплая кладовая (пристѣнокъ). Засимъ съ улицы черезъ ворота попадаешь въ обширный дворъ. Съ лѣвой стороны его три хлѣва, въ концѣ его свинушникъ и колодецъ. Въ этотъ дворъ

отъ хаты выдвигаются двѣ постройки: навѣсъ и кладовая (спихлеръ). Они отгорожены отъ двора изгородью, образующею небольшой просторъ, на который выходитъ свинушникъ. Къ задней части двора примыкаетъ второй пчельникъ. Наконецъ усадьба завершается большимъ гумнищемъ. На немъ расположены: навѣсъ для повозокъ (вазовня), громадная съ двумя воротами клуня, большой хлѣвъ и обширный мякинникъ (половникъ). Въ этомъ хозяйствѣ, отличающемся зажиточностью и порядкомъ и развитымъ, комфортабельнымъ домомъ—хатой, сосредоточены постройки почти всѣхъ родовъ въ соотвѣтствіи съ разнообразнымъ хозяйствомъ.

IV. Развитіе жилья.

А. Составныя части жилого дома.

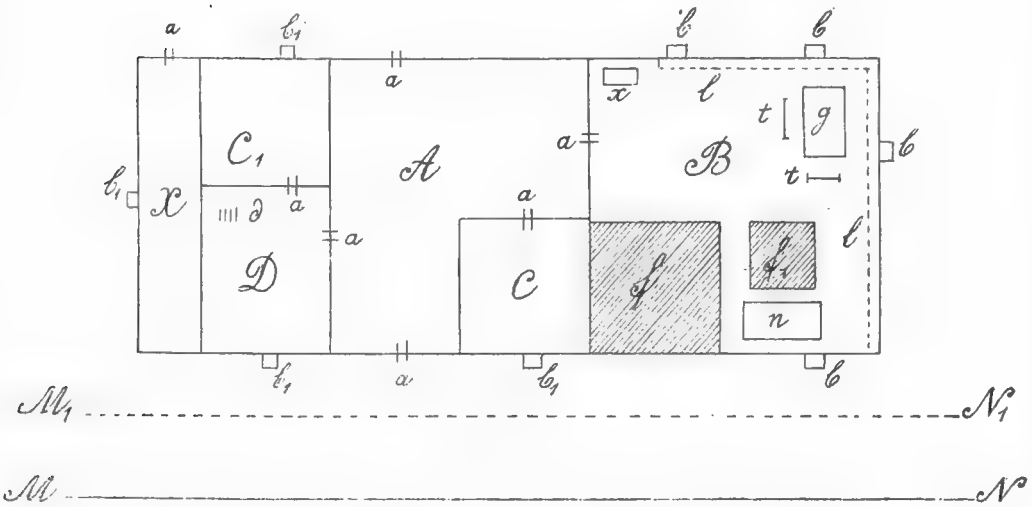
1. Хата—жилой покой. Главной составной частью жилого дома является то помѣщеніе, которое одновременно служитъ для работы, сна и обѣда, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и въ качествѣ кухни. Помѣщеніе это, давшее наименованіе всему жилому дому, называется *хатой* (черт. 22—60, буква В). Она представляетъ изъ себя невысокую, квадратную или почти квадратную комнату либо съ голыми деревянными стѣнами, либо со стѣнами, обмазанными глиной, иногда побѣленными мѣломъ, въ рѣдкихъ случаяхъ штукатуренными. Обычные размѣры хаты колеблятся отъ 6 до 9 аршинъ въ длину и ширину. Если хата не квадратная, то отношенія длины и ширины слѣдующія: 7×6; 8×7; 9×7; 9×8. При бо́льшихъ размѣрахъ хаты, она почти никогда не бываетъ квадратной, развиваясь болѣе въ длину, чѣмъ въ ширину. Максимальными размѣрами ея можно считать 10 и 12 аршинъ длины, при 8, 9 и 10 арш. ширины. Что касается высоты хаты, то она подвержена меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ длина и ширина, а именно: высота не ниже $2^1/_2$ и не выше $3^1/_4$ арш. Иные размѣры и комбинаціи, чѣмъ приведенные, должны быть разсматриваемы какъ исключеніе. Означенное помѣщеніе слѣдуетъ считать основною частью жилья, такъ какъ оно можетъ существовать совершенно самостоятельно и независимо отъ другихъ помѣщеній, такъ часто слогающихъ въ настоящее время вмѣстѣ съ хатой весь жилой домъ. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы основная жилая ячея—хата вмѣстѣ съ тѣмъ была бы и первичнымъ жилищемъ. Напротивъ того, на хату, какъ впрочемъ указывалось уже раньше, надо смотрѣть какъ на продуктъ длительной эволюціи. Хатѣ, какъ то наиболѣе правильно предположить, предшествовала, какъ и избѣ, клѣть, а этой послѣдней землянка—хижа. Хата, какъ жилой покой, совершенно соотвѣтствуетъ избѣ, отопляясь какъ и эта послѣдняя печью.



Черт. 45. **Хата**

изъ дер. Буди въ Бѣловѣж. пущѣ Пружан. у. Гродн. г.

A—сѣни; *B*—хата; *C*—вторая хата; *E* и E_1—анкиры (спальни); *L*, *L*—ганекъ (крыльцо); *M*—*N*—улица; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *c*, *c*—припечекъ; *f*, *f*—печи; f_1—печь-стѣновка; *g*, *g*—столы; *k*, *k*—иконы; *l*, *l*—скамьи; *n*, *n*—кровати; *u*, *u*—топки печей.



Черт. 46. **Хата**

изъ дер. Улица, Гродненской губ. Кобринскаго у.

A—сѣни; *B*—хата; *C*—спальня (хатка); C_1—спальня (комора); *D*—кладовая (комора); *M*—*N*—улица; M_1—N_1 заборъ; *X*—мякинникъ; *a*, *a*—двери; *b*, *b*– окна; b_1, b_1—мал. окна; *d*—лѣстница въ подвалъ; *f*—русс. печь; f_1—групка; *g*—столъ; *l*, *l*—лавки; *n*—кровать; *t*, *t*—скамьи; *x*—шкафъ.

Важнѣйшею особенностью хаты является именно печь (см. чертежи 22—60, буква f). Она въ громадномъ большинствѣ случаевъ служитъ и для изготовленія пищи и для отопленія помѣщенія. Печь можетъ быть болѣе, можетъ быть менѣе усовершенствованной, но она никогда не отсутствуетъ. Безъ печи нѣтъ хаты; хата не можетъ быть помѣщеніемъ не отопляемымъ. Въ движеніи развитія жилища изъ хаты можетъ быть выдѣлено особое помѣщеніе для изготовленія пищи, т.-е. кухня, можетъ быть выдѣлено затѣмъ особое помѣщеніе для сна, т.-е. спальня, но печь хата утратить не можетъ. Въ противномъ случаѣ она теряетъ ей присущее свойство и перестаетъ быть хатой, не заслуживая болѣе этого наименованія.

Поэтому прежде всего обратимся къ разсмотрѣнію печи. Надо отмѣтить, что въ настоящее время курная (или, какъ ее называютъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр. въ Олонецкой—*рудная*), т.-е. лишенная трубы, печь представляетъ сравнительно большую рѣдкость. Правда, мѣстами, въ нѣкоторыхъ деревняхъ хаты съ печами, топящимися по черному, составляютъ до 10%, но зато въ другихъ мѣстностяхъ есть деревни, въ которыхъ курная хата найдется не безъ труда. Замѣна трубною печью курной произошла, по общему свидѣтельству, главнымъ образомъ за послѣдніе 30-40 лѣтъ. Развитіе трубной печи шло повидимому, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, паралельно съ развитіемъ хаты, такъ какъ современныя курныя хаты и меньшихъ обыкновенно размѣровъ, чѣмъ хаты съ бѣлою топкой, и окна ихъ меньше и архаичнѣе и полъ преимущественно земляной, а не деревянный. Однако наличность трубной печи не вліяла на общій типъ хаты, который въ существенныхъ своихъ чертахъ остался тотъ-же, что и при топкѣ по черному.

Курная-ли печь или трубная—она (безразлично) стоитъ на опредѣленномъ въ хатѣ мѣстѣ. А именно она занимаетъ непосредственно при входѣ въ хату правый, либо лѣвый уголъ ея (см. черт. 22—60), въ зависимости отъ того, расположена ли сама хата налѣво или направо отъ сѣней (черт. 39). Въ пер-

вомъ случаѣ печь будетъ лежать съ лѣвой стороны входа, а во второмъ—съ правой.

Печка, о которой идетъ рѣчь, какъ и вообще печка всякаго рода, въ Сѣверо-Западномъ краѣ называется *печь*, (на югѣ Гродненской губерніи *пичъ*), въ частности, если кромѣ данной печи въ хатѣ имѣется другая, служащая исключительно для согрѣванія (о чемъ рѣчь будетъ ниже)—*печь варевная*, *крыжовая* или *хлѣбовка*.

Выше указано, что печь является неотъемлемой принадлежностью хаты. Можно однако поставить вопросы: всегда-ли было такое тѣсное соотношеніе между хатою и печью, т.-е. что собственно старше хата или печь, была-ли первоначальная хата безъ печи или она развилась одновременно съ послѣдней или печь получила независимое отъ хаты развитіе и лишь впослѣдствіи пріобщилась къ ней, и была-ли наконецъ печь современнаго вида присуща хатѣ въ моментъ перваго ея появленія. Отвѣтить на всѣ эти вопросы съ опредѣленностью въ настоящее время едвали возможно. Однако представляется правильнымъ предположить, что хата, какъ жилое помѣщеніе, есть синонимъ избы и что печь ей искони присуща. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы печь возникла одновременно съ хатою. Напротивъ, есть полное основаніе думать, что печь въ своихъ первоначальныхъ формахъ существовала внѣ жилья и что она лишь впослѣдствіи была использована для надобностей жилого помѣщенія, которое (напр. клѣть) сначала отоплялось очагомъ. Далѣе возможно съ увѣренностью высказать, что современной, весьма, кстати сказать, усовершенствованной печи, предшествовали въ хатѣ болѣе низкія стадіи ея развитія и что, до появленія печи въ жильѣ, послѣднему былъ свойственъ очагъ, который и удовлетворялъ всѣмъ несложнымъ потребностямъ хозяина даннаго жилья. Это жилище конечно стояло на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ современная, даже простѣйшихъ формъ хата. Такое жилище могло быть и надземнымъ, какъ напр. клѣть, или подземнымъ, или полуподземнымъ, какъ хижа. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что

хата, ни въ Сѣверо-Западномъ, ни въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ нынѣ безъ печи не существуетъ, такъ же какъ и изба великорусса, поляка, словака, словинца и чеха непремѣнно снабжена печью. Эта же послѣдняя встрѣчается и внѣ жилья. Примѣромъ могутъ служить любая простѣйшаго устройства печь, которою пользуются работники или переселенцы, а также изображенная на рис. 155 глинобитная печь изъ Екатеринославской губерніи.

Переходъ отъ очага къ печи конечно знаменуетъ культурный прогресъ, такъ какъ печь въ состояніи удовлетворять несравненно болѣе сложнымъ потребностямъ, однако прогресъ этотъ могъ и не идти паралельно съ прогресомъ въ остальныхъ проявленіяхъ быта вообще и въ частности съ усовершенствованіемъ жилища. Степень высоты культурной ступени, очевидно, должна измѣряться суммою бытовыхъ проявленій, а не той или другой отраслью ихъ въ отдѣльности. Суровость климата, вызывавшая усиленную заботливость о согрѣваніи жилого помѣщенія и изготовленіи сложной, соотвѣтствующей климату пищи, не могла не содѣйствовать развитію печи и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ она, какъ уже сказано, должна быть признана весьма усовершенствованной. Теплый климатъ, въ которомъ живутъ наприм. южные славяне, остановилъ развитіе печи и далъ имъ возможность удовлетворяться очагомъ. Хотя печь и среди южныхъ славянъ извѣстна, но она далеко не повсемѣстно распространена и во всякомъ случаѣ несравненно ниже, по степени своего развитія, чѣмъ такъ называемая русская печь, свойственная и каждой хатѣ Сѣверо-Западнаго края. Правда, нѣкоторые изъ южныхъ славянъ не могутъ считаться вообще на высокой степени бытового развитія и господство очага, напримѣръ въ Черногоріи или Герцеговинѣ или въ Далмаціи, представляется не удивительнымъ; однако, напримѣръ и въ Хорватскомъ Приморьѣ, въ которомъ жилище значительно развитѣе и выше жилища Сѣверо-Западнаго края—очагъ преобладаетъ надъ печью повсемѣстно. Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить, что среди словин-

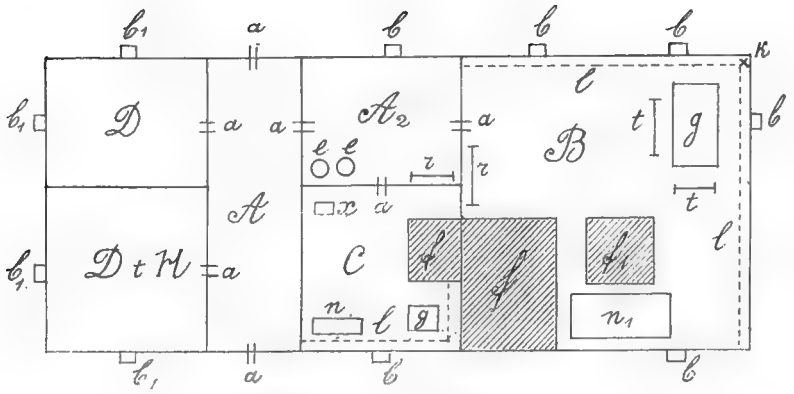
цевъ, крестьянство которыхъ высоко-культурно, очагъ не вытѣсненъ печью и играетъ въ дѣлѣ хозяйства первенствующую роль. Печь у словинцевъ служитъ для согрѣванія жилья и для печенья хлѣба, но не для изготовленія пищи вообще. Печь у названной народности не достигла въ своемъ развитіи степени русской печи. Кстати сказать печи словинцевъ топятся исключительно по черному: находясь въ жиломъ помѣщеніи, совершенно соотвѣтствующемъ нашимъ хатѣ и избѣ, печь устьемъ своимъ выходитъ въ сѣни на очагъ, съ котораго она и отапливается; дымъ изъ печи и съ очага подымается подъ потолокъ сѣней, обыкновенно сведенный коробковымъ сводомъ, и выходитъ черезъ трубу, лежащую подъ частью означеннаго свода, наружу (см. рис. 157). Но если печь словинцевъ служитъ не только для хлѣбопеченія, но и для согрѣванія жилья, то имѣются высококультурныя мѣстности, гдѣ печь исполняетъ лишь первую изъ указанныхъ функцій. Такъ, напримѣръ, въ Тюрингіи печь-хлѣбовка (Backofen) часто лишь примыкаетъ къ зданію, но не включается въ него (см. рис. 88). Поэтому, отмѣчая ту цѣлесообразность, которая свойственна русской печи, особенно тому ея типу, который отапливается не по черпому, мы не можемъ не указать, что эта цѣлесообразность знаменуетъ прогресъ лишь одной изъ сторонъ быта. Прогресъ этотъ, какъ сказано, вызванъ климатическими условіями, въ связи съ которыми стоитъ и характеръ пищи. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сѣется кукуруза и гдѣ она является главнымъ продуктомъ питанія, человѣкъ не нуждается въ печи или нуждается въ ней мало. Такъ напр. въ Бессарабіи кукурузная мамалыга (итальянская polenta) не печется, а варится, почему при ея изготовленіи печью совершенно не пользуются. Въ соотвѣтствіи съ этимъ печь въ Бессарабіи представляетъ явленіе сравнительно новое.

Тамъ, гдѣ человѣкъ мало нуждался въ печи, получилъ особое значеніе очагъ, который развился съ одной стороны въ ка-

минъ—для согрѣванія помѣщенія, а съ другой стороны въ плиту—для изготовленія пищи.

Та ступень, на которой стоитъ современная печь Сѣверо-Западнаго края, достигнута не малыми усиліями и въ продолженіи весьма долгаго времени. За это время мѣстнымъ населеніемъ очагъ почти забытъ. Онъ встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ кладовыхъ, подъ наименованіемъ *расадникъ*, *куминокъ*, или на плотахъ среди лѣсосплавовъ, гдѣ онъ (подъ названіемъ *куминъ*) представляетъ установленную на камни и обдѣланную въ дерево глиняную площадку (см. рис. 33), иногда защищенную отъ вѣтра плетеной загородкой. Отмѣтить наличность очага (расадника) въ кладовой представляется особенно важнымъ. Дѣло въ томъ, что общій ходъ развитія современнаго жилища даетъ полное основаніе предполагать, что кладовая, не смотря на разнообразныя свои наименованія и независимо отъ того, примыкаетъ ли она къ сѣнямъ или составляетъ особую постройку—произошла изъ клѣти, т. е. что клѣть, это бывшее жилище, со временемъ заброшенное, стало утилизироваться какъ хозяйственное помѣщеніе (кладовая). Между тѣмъ, клѣть, какъ нами сказано на стр. 109, по предположенію, не отоплялась печью, а согрѣвалась очагомъ. Поэтому въ кладовой Сѣверо-Западнаго края, содержащей расадники, слѣдуетъ видѣть переживаніе древняго жилища, заброшеннаго такъ же, какъ и очагъ. Старое жилище замѣнено новымъ, а очагъ замѣщенъ печью. Однако очагъ и въ современномъ жильѣ (хатѣ) Сѣверо-Западнаго края, отопляемомъ печью, не совершенно отмеръ; онъ дѣйствуетъ и по настоящее время, хотя и въ значительно замаскированномъ видѣ. Для отысканія его, а равно для уясненія того, какъ очагъ могъ, по предположенію, переродиться въ печь, слѣдуетъ остановиться на ходѣ развитія послѣдней.

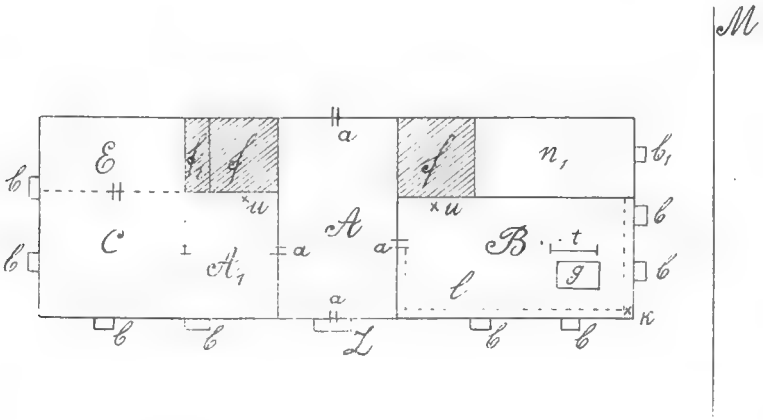
Нами сказано выше, что современной печи предшествовали болѣе низкія стадіи ея развитія. Онѣ сохранились по настоящее время въ Сѣверо-Западномъ краѣ отчасти въ видѣ, такъ называемой, курной печи въ хатахъ, отчасти въ видѣ, такъ



Черт. 47. **Хата**

изъ дер. Улицы, Кобринскаго уѣзда, Гроднен. губ.

A—сѣни; *A*₂—сѣнцы; *B*—хата; *C*—хатка; *D*—кладовая (комора); *D*+*H*—кладовая, а зимой конюшня; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *b*₁, *b*₁—мал. окна; *e*, *e*—кадки съ водой; *f*, *f*—печи; *f*₁—групка; *g*, *g*—столы; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*—кровать; *n*₁—нара; *r*, *r*—полки; *t*, *t*—скамьи; *x*—шкафъ.



Черт. 48. **Типъ хаты средней руки и ниже**

въ Витебской губерніи.

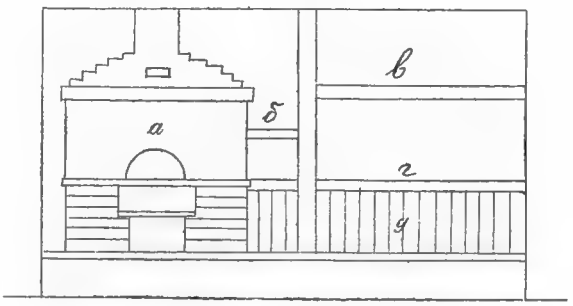
A—сѣни; *B*—черная хата; *C*—чистая хата; *A*₁—отдѣленіе послѣдней передъ печью (кухня); *E*—коморка; *L*—крыльцо; *M*—*N*—дорога; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *b*₁—мал. окна; *f*. *f*—печи; *f*₁—лежанка; *g* столъ; *k*—икона; *l*—лавка; *n*₁—нара; *t*—скамья; *u*—топка печи.

называемыхъ, каменокъ въ баняхъ и истопкахъ. Простѣйшая каменка, какъ она кое гдѣ еще встрѣчается, напримѣръ въ Виленской и Витебской губерніяхъ, несетъ слѣды глубокой старины. Она представляетъ изъ себя груду большихъ камней, сложенныхъ безъ какого либо связующаго цемента въ видѣ свода (рис. 168). Такая каменка, не смотря на первобытное устройство, несетъ наименованіе *печь*. Сверху на большіе камни накладываются въ значительномъ количествѣ мелкіе булыжники; накаленные, они бросаются въ ушатъ съ водой, которая вслѣдствіе этого согрѣвается. Другого рода каменка, представляющая соединеніе печи и очага, встрѣчается напримѣръ въ Полоцкомъ уѣздѣ, Витебской губерніи: печь сложена либо изъ большихъ булыжниковъ, либо изъ кирпича, приставленнаго наискось, одинъ къ другому, для образованія свода. Передъ устьемъ печи устроенъ изъ камней уступъ, на которомъ разводится костеръ; на уступъ помѣщается котелъ, такъ что одновременно согрѣвается и вода и печь. Мелкіе булыжники, лежащіе на такой каменкѣ, уже не употребляются для согрѣванія воды; они служатъ для другой цѣли: ихъ обливаютъ водой для полученія пара въ банѣ.

Такое сочетаніе печи и очага сохраняется, какъ мы увидимъ, и въ печахъ высшаго развитія.

Если мы взглянемъ на построеніе современной печи въ хатѣ, то увидимъ, что въ основу ея легъ именно очагъ. Тамъ, гдѣ имѣетъ стать печь, вырывается ровикъ, засыпаемый сначала мелкими, затѣмъ крупными камнями. На этотъ фундаментъ ставится срубъ или на немъ выводится каменная стѣнка. Такое основаніе покрывается досками; сверхъ нихъ выводятся небольшія стѣнки, промежутокъ между которыми заполняется камнями, пескомъ, битымъ стекломъ и глиной; поверхъ этого укладывается ровный рядъ кирпичей. Мы не входимъ въ детали сложенія печи. Мы отмѣчаемъ только, что описанное основаніе печи состоитъ изъ трехъ частей: фундаментъ, служащій опорою срубу, самый срубъ (рис. 55) или замѣняющая его кирпичная четырехстѣнняя кладка (рис. 31), и верхняя сглаженная часть. Соору-

женіе это, если на немъ не покоится печь (какъ напр. въ кладовой) и называется *рысадникъ*, *расадникъ*; онъ ни что иное, какъ благоустроенный очагъ, соотвѣтствующій тѣмъ очагамъ, которые устраиваются южными славянами, напримѣръ словинцами и хорватами, и которые состоятъ равнымъ образомъ изъ фундамента, кладки и верхней сглаженной части. Здѣсь-же слѣдуетъ отмѣтить, что фундаментъ расадника называется *опечье*, срубъ или замѣняющій его кирпичный кубъ, т. е. основаніе—*подпечка, подпечье, подпечча*, а верхняя кладка—*чарень* или *подъ*. Въ подпечкѣ имѣется отверстіе, дѣлающее его внутренній просторъ доступнымъ извнѣ; отверстіе это—*дзюрка*, (рис. 31 и 55), служитъ для входа и выхода куръ и поросятъ, помѣщающихся въ подпечкѣ. На прилагаемомъ здѣсь чертежѣ *) видно, что вся печь (трубная) состоитъ изъ трехъ частей: нижней, т. е. *расадника* средней, или собственно печи и верхней трубной кладки. На чертежѣ не видно *опечья*, которое находится подъ поломъ, но совершенно ясны *подпечекъ* и налегающій на него узкой полосой *чарень* или *подъ*. Затѣмъ на чертежѣ видны четыре проема въ печи: верхній, въ трубной части—*юшка*, второй, собственно въ печи—устье ея, третій—*подприпечекъ* и наконецъ нижній—*дзюрка*, входъ въ *подпечекъ*.



Схематическій чертежъ части хаты (рис. *А. Корчигинъ*): *а*—печь; *б*—лежанка; *в*—палаты; *г*—полъ; *д*—подполье.

*) Чертежъ этотъ надо понимать такъ: мы вошли напр. по чертежу 27 на стр. 122 въ сѣни *(А)*, затѣмъ черезъ дверь *(а)* направо въ хату *(В)*; непосредственно за дверью съ лѣвой стороны у насъ оказалась печь *(f)*; мы прошли въ хату до ея середины и повернулись лицомъ къ лѣвой стѣнѣ; тогда намъ представится картина, изображенная на приложенномъ здѣсь чертежѣ, а именно: слѣва печь, а справа, слѣдовательно къ фронтоннымъ окнамъ (см. черт. 27 на стр. 122) нара—*полъ* съ *подпольемъ* (г, д), надъ ними *палаты* (в); послѣднія упираются въ столбъ (*конь*), между которымъ и печью находится *лежанка* (б).

Расадникъ служитъ основаніемъ для укладки печи. Но онъ можетъ, какъ указано выше, сохранять и самостоятельное существованіе. Такимъ мы видимъ расадникъ напр. въ Витебской губ. въ истопкѣ-кладовой, примыкающей съ противоположной хатѣ стороны сѣней, или напр. въ кладовой-пристѣнкѣ въ Гродненской губ. (см. черт. 21, стр. 104 буквы U, c). Здѣсь расадникъ слѣдовательно сохраняетъ свою первоначальную натуру очага, на которомъ разводится огонь. Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Виленской губерніи, расадникъ и въ истопкѣ или замѣняющей ее варевнѣ, не остается безъ печи. На него накладывается курная печь, а именно на расадникъ наваливается кучка плахъ такой длины и высоты, которая соотвѣтствовала бы предполагаемымъ размѣрамъ полости печи; плахи обкладываются глиной, которой придаютъ ровное расположеніе досками; дней черезъ 5—6 плахи поджигаются, благодаря чему получается сводчатая полость въ глинѣ. Такая курная печь (см. рис. 55 и 169) можетъ находиться не только въ истопкѣ или варевнѣ, но и въ самой хатѣ. Особенность ея заключается въ томъ, что она не имѣетъ трубы и дымъ благодаря этому выходитъ въ помѣщеніе непосредственно изъ устья, наполняя истопку или варевню, или хату. Простѣйшимъ способомъ вывода дыма изъ помѣщенія служитъ открываніе, на время топки печи дверей въ сѣни, не смотря даже на лютый морозъ. Однако происходящія отъ этого понятныя неудобства часто отвращаются отводомъ дыма черезъ особое отверстіе *(верхникъ, верхъ, дыра)* либо черезъ сѣни, либо черезъ стѣну непосредственно наружу, либо черезъ потолокъ на чердакъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ дѣлается отверстіе въ крышѣ, нерѣдко снабженное деревянной четырехугольной трубой (рис. 59).

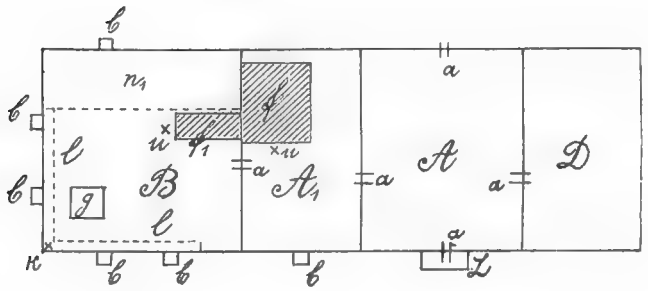
Вернемся къ сложенію печи. Устанавливаемая на расадникѣ печь, будь она курная или съ трубой, никогда не занимаетъ всей площади чареня. Напротивъ того, съ передней стороны его т. е. съ той, на которой выходитъ устье печи, (см. на черт. крестикъ и букву u), оставляется значительный уступъ. Этотъ

уступъ (рис. 55 и черт. 22, 44, 45 на стр. 110, 170, 176, буква *c*) слѣдуетъ разсматривать какъ рудиментъ очага; именно это послѣднее названіе (т. е. *очагъ*, а также *шестокъ очолокъ*) отмѣченный уступъ несетъ въ великорусскихъ губерніяхъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ онъ называется *предпечье*, *предпечекъ*, *припечка*, *припечекъ*, *припечь*, *припикъ*, а также *печурка*, *куминокъ*, *коменокъ*, *комина*, *куминъ*. Ближайшее назначеніе припечка—ставить посуду либо до введенія ея въ печь, либо послѣ вынутія ея изъ печи. Однако у припечка есть и другое назначеніе, совершенно опредѣленно напоминающее его дѣйствительное, первоначальное свойство—служить очагомъ, а именно: на припечекъ сгрѣбается жаръ печи, на которомъ вечеромъ разогрѣвается пища, или наскоро готовится кушанье. Жаръ печи сгрѣбается не непосредственно передъ устьемъ печи (эта часть припечка называется *загнетъ*, *загнетокъ*), а вправо или влѣво припечка; здѣсь для этой цѣли часто помѣщаются одно или два углубленія; эти части припечка даже въ томъ случаѣ, если на нихъ нѣтъ углубленій, называются *ямки*, или *ушки*, или *копки*, или, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, *печурки*, *кубки*.

Припечекъ можетъ быть совершенно открытымъ, представляя какъ бы уступъ, полку печи. Это обыкновенно имѣетъ мѣсто у курной печи (рис. 55 и 169), но свойственно также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Гродненской губерніи, и печи съ трубой. Въ послѣднемъ случаѣ надъ припечкомъ простирается зонтикообразно навѣсъ для улавливанія и провода дыма въ трубу. Такой навѣсъ называется обыкновенно *куминъ* или, какъ напримѣръ въ Сокольскомъ уѣздѣ, Гродненской губ. *шапка*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Виленской и особенно въ Гродненской губерніяхъ, припечекъ развился въ обширную плиту, имѣющую особую отъ печи топку. Такая плита обыкновенно именуется *куминъ* или *плита*, а иногда *ангельки*, *машинка* (см. черт. 50 на стр. 188 буква *c*).

Нѣсколько ниже припечка, въ серединѣ расадника, обыкновенно бываетъ продолговатое углубленіе *(подприпечекъ)* для

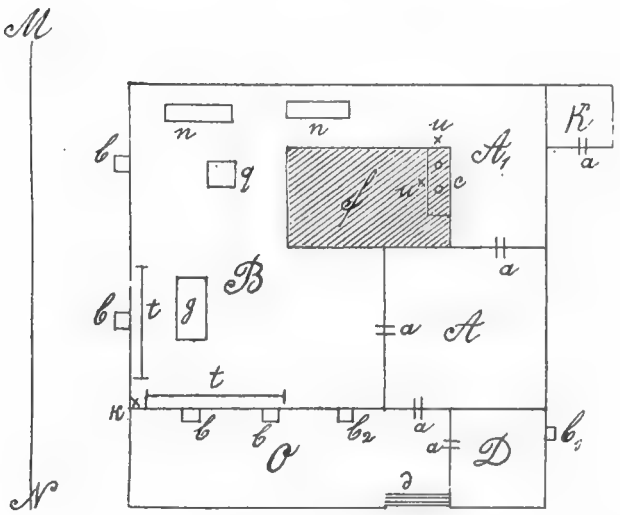
поставки посуды, которая должна быть подъ рукой при изготовленіи пищи (рис. 31). Надъ припечкомъ въ краю (ребрѣ) печи, обращенномъ къ кутному углу хаты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ Гродненской губерніи, помѣщается ниша, какъ бы вырѣзанная (см. на черт. 30, 31, 35, стр. 134, 146 букву *с*); она служитъ или вѣрнѣе служила для зажиганія лучины и называется *коминъ;* въ настоящее время въ эту нишу иногда ставятъ керосиновую лампочку. Засимъ на значительномъ разстояніи отъ припечка въ передней стѣнѣ печи съ одной или съ обѣихъ сторонъ устья устраиваются обыкновенно углубленія—ниши; онѣ называются *печурки* или *пячурки* и служатъ преимущественно для сохраненія спичекъ (рис. 31 и 54). Всѣ эти особенности, всѣ эти приспособленія печи встрѣчаются безотносительно къ тому, открытый ли или закрытый припечекъ. Закрытіе его достигается тѣмъ, что паралельно передней стѣнѣ (отъ которой слѣдовательно отходитъ припечекъ) складывается вторая стѣнка, которая такимъ образомъ становится передней (см. рис. 31 и 54), а первая задней. Эта послѣдняя называется *пелюсть*, а отверстіе въ ней—*чало*, *чалесникъ*, *чалесьникъ*, *челестникъ*. Такимъ образомъ, въ указанной печи припечекъ находится между двумя стѣнками, какъ это совершенно ясно видно на рис. 31. На томъ же рисункѣ видно устье и чало печи, ведущіе собственно въ печь, представляющую сводъ: *склипення*, *скляпенне*, или *небо*. На означенномъ рисункѣ видны далѣе *подпечекъ* съ *дзюркой*, *подприпечекъ*, на *припечкѣ ямка* съ кострюлькой на желѣзной пластинкѣ и наконецъ справа на передней стѣнѣ *печурка*. Разсматривая далѣе рисунокъ, можно усмотрѣть, что лѣвая (боковая) стѣна печи образуетъ внизу выступъ, покрытый досками—это *лежанка*, иногда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Витебской губерніи называемая и *припечекъ*, а въ Гродненской губерніи—*прыпыкъ*, въ Минской—*полугрубка*. Надъ припечкомъ подымается, лѣстницеобразно суживаясь, труба, на передней сторонѣ которой находится отдушина съ *юшкой* или *люшкой*. Труба, подымаясь перпендикулярно, просѣкаетъ потолокъ; на чердакѣ она заламыва-



Черт. 49. **Хата крестьянина**

изъ дер. Дружиловичи, Кобринскаго у. Гродненской губ. (на границѣ Пинскаго у. Минской губ.).

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата; *D*—комора; *L*—крыльцо; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь-хлѣбовка; f_1—согрѣвательная печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; n_1—нара; *u*—топка печи.



Черт. 50. **Хата**

изъ дер. Сточекъ или Сточковляны, Пружанскаго у. Гродненской губ.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата; *D*—кладовочка; *K*—свинушникъ; *M*—*N*—улица; *O*—галлерейка; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1—мал. окна; b_2—просвѣтъ со стекломъ; *c*—плита; *d*—ступени; *f*—печь; *g*—столъ; *k*—божница; *n*, *n*—кровати; *q*—спускъ въ подвалъ; *t*, *t*—скамьи; *u*, *u*—топки.

ется, образуя такъ называемый *лежакъ*, задача котораго предотвращать выкидываніе огня на крышу; затѣмъ труба получаетъ снова вертикальное направленіе, въ каковомъ и выходитъ черезъ крышу наружу. Труба во всемъ своемъ протяженіи называется въ Сѣверо-Западномъ краѣ либо *дымникъ*, либо *коминъ*.

Чтобы закончить описаніе печи, надлежитъ отмѣтить, что она къ стѣнѣ не примыкаетъ (рис. 31, 54), а оставляетъ свободное, хотя и узкое пространство, называемое *запечча*, *запечче*, *запечка* (черт. 35 на стр. 146). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи *запечь*, *запечье* означаетъ просторъ хаты отъ печи къ фронтонной стѣнѣ, гдѣ помѣщается нара-кровать, а также и сама нара несетъ иногда тоже наименованіе.

Изъ изложеннаго видно до какой степени цѣлесообразности и совершенства доведена такъ называемая русская печь въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Конечно не во всѣхъ хозяйствахъ имѣется печь одинаковаго благоустройства, тѣмъ не менѣе перечисленныя ея особенности встрѣчаются болѣе или менѣе повсемѣстно. Однако крестьянинъ въ заботахъ о теплотѣ не остановился на печи—хлѣбовкѣ, которая оказывается все же недостаточной по мѣстнымъ условіямъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается въ хатѣ еще другая печь, по своему устройству иного вида и по своему назначенію иного характера. Эта печь такъ называемая (въ отличіе отъ русской) *голландская* (см. на черт. 24, 29, 38, 39, стр. 116, 128, 158 букву *f*1).

Задача этой печи исключительно согрѣвать хату, а не изготовлять пищу. Хотя при ней мѣстами и встрѣчается приспособленная плита, (черт. 24, 29, 44, стр. 116, 128, 170 буква c), но приспособленіе это рѣдко. Голландская печь либо примыкаетъ къ русской, составляя какъ бы ея продолженіе (черт. 29, 43, стр. 128, 170), тянущееся въ видѣ узкаго выступа отъ бока русской печи къ фронтонной стѣнѣ, либо стоитъ отдѣльно въ томъ же направленіи, оставляя свободное между собою и хлѣбовой печью пространство (черт. 38 и 39, стр. 158). Такая печь встрѣчается въ Сѣверо-

Западномъ краѣ болѣе или менѣе повсемѣстно, но обычное явленіе она представляетъ въ Гродненской губерніи. Въ Витебской и Минской губерніяхъ она называется *груба*, *грубка*, въ Ковенской *щитокъ*, а въ Гродненской: *духовая*, *физычна*, *физычная*, *групка*, *грубка*, *стьна*, *стьновка*. Послѣднія наименованія совершенно соотвѣтствуютъ внѣшнему виду печи, которая дѣйствительно зачастую представляетъ отдѣльно стоящую стѣну, (см. напр. черт. 24, 29, 39, стр. 116, 128, 158), отгораживающую ту часть хаты, въ которой находится нара-кровать отъ остального простора. Этой печью пользуются преимущественно зимой, причемъ хлѣбовая печь топится утромъ, а стѣновка вечеромъ. Въ Витебской губерніи грубка встрѣчается обыкновенно въ чистой хатѣ, а въ Гродненской губерніи она имѣется на лицо и тогда, когда хата одна; одна изъ особенностей грубки по сравненію съ хлѣбовой печью заключается въ томъ, что первая не имѣетъ свода, а складывается угловато.

Печь, встрѣчающаяся рѣшительно у всѣхъ славянскихъ народовъ, несетъ у нихъ почти тожественное съ русскимъ словомъ наименованіе. Однако не всѣ славяне пользуются жилымъ помѣщеніемъ, отопляемымъ печью. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. у части хорватовъ, сербовъ и болгаръ, жилье иногда совсѣмъ не отапливается, либо согрѣвается очагомъ, а печь, тамъ гдѣ она имѣется, служитъ только для хлѣбопеченія. Наименованіе печи очевидно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ понятіемъ о пещерѣ, что станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнить вышеописанную печь—каменку, которая представляетъ ничто иное, какъ искусственную, сдѣланную изъ камней пещерку. Да вообще печь, особенно благодаря своему сводчатому строенію, представляетъ сооруженіе пещероподобное. Такой характеръ печи обыченъ для всѣхъ мѣстностей, заселенныхъ славянами. Но существуютъ и другого рода печи для печенія хлѣба. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья печь представляетъ вымазанную глиной цилиндрическую яму въ землѣ. На днѣ ея разводится огонь; когда накалятся стѣны, на нихъ набрасывается тѣсто, которое выпекается въ хлѣбъ (въ видѣ большого блина—*лаваша*). Въ русскомъ языкѣ XI вѣка два слова *пещь* и *пещера* одинаково означали печку и пещеру; послѣдняя называлась и *печера, пещь* же означала и очагъ. *Печера* въ смыслѣ пещеры употребляется въ настоящее время въ ма-

лороссійскомъ нарѣчіи (отсюда Печерская Лавра). Въ томъ же XI вѣкѣ въ смыслѣ печи употреблялось и слово *пещьница,* что означало и пекарню. Въ современномъ русскомъ языкѣ говорятъ *печь, печка,* а въ Владимірской губерніи *петъ*; на малороссійскомъ нарѣчіи *пичъ,* на церковно-славянскомъ—*пещь*. На остальныхъ славянскихъ языкахъ понятія: пещера и печка равнымъ образомъ передаются почти тождественными словами, а именно: по болгарски—*пещера* и *пещъ* (представляетъ изъ себя ямку въ стѣнѣ; въ ней пекутъ хлѣбъ; *пешникъ*—навѣсъ на четырехъ столбахъ съ печью, въ которой хлѣбъ пекутъ лѣтомъ); по сербски—*пећина* и *пећка;* по хорватски—*pećina* и *peć;* по словински—*pečina* и *peč (pečnica*—изразецъ печи); по польски—*pieczura* и *piec;* по чешски—*pecera* и *pec;* по словацки печка—*pec* и *piecza*.

Слово *груба, грубка,* какъ понятіе о печи не хлѣбной, распространено главнымъ образомъ среди малороссійскаго населенія; подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ комнатную, согрѣвательную печь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Харьковской губерніи, грубка представляетъ выступъ сбоку печи по всей ея ширинѣ, какъ бы въ видѣ лежанки; въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая лежанка-грубка снабжена плитой. Грубка встрѣчается также и въ Курской, Орловской и Воронежской губерніяхъ, а равно въ области войска Донского *(врубка).*

Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ, преимущественно южныхъ, употребляются и другія (иностранныя) слова для обозначенія печи. Одно изъ нихъ это *соба* (какъ кажется слово албанское, или же турецкое) встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (у васоевичей) въ Черногоріи. Слово *soba* встрѣчается и въ словинскомъ языкѣ въ смыслѣ отопляемой комнаты; *sobana*—зала; *соба* и на сербскомъ языкѣ означаетъ отопляемое помѣщеніе, или комнату вообще; отсюда *собаћик*—дѣтская. Наконецъ *соба* въ смыслѣ печи и комнаты употребляется молдаванами и гагаузами въ Бассарабской губерніи. На сербскомъ языкѣ, особенно въ Босніи, употребляется и другое слово въ смыслѣ печи: *фуруна, вуруна;* то же слово встрѣчается у хорватовъ *(furuna)* и въ Болгаріи: *воруна, форуна, вурнія, фурна.* Слово это считается романскаго происхожденія (латинское *fornax, furnus),* перешедшее въ славянскіе языки или самостоятельно или при посредствѣ турецкаго языка: *фурунъ;* гагаузы говорятъ *фърънъ.* Наконецъ болгары называютъ печь и *грънци,* что собственно означаетъ горшки, далѣе *кюмбе* (съ турецкаго *кумбедъ, гумбедъ),* а сербы: *циглана, бабура.* Малороссійское населеніе называетъ печь, устраиваемую въ сѣняхъ, имѣющую впрочемъ характеръ скорѣе очага съ трубой—*кабыця* или

кабица. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что приведенные выше термины частей русской печи свойственны не только Сѣверо-Западному краю, но болѣе или менѣе всей Россіи. Особо оттѣнить необходимо *чаренъ.* Подобное слово въ смыслѣ нижней площади печи (пода) встрѣчается среди малороссійскаго населенія: *черинь.* То же слово встрѣчается, хотя и въ иномъ значеніи въ сербскомъ языкѣ *черјен;* оно означаетъ или рѣшетчатый деревянный четырехугольникъ или плоскую корзину, подвѣшиваемые надъ очагомъ; въ Черногоріи на черенѣ просушиваютъ мясо.

Выше было указано, что очага, какъ такового, въ Сѣверо-Западномъ краѣ почти не имѣется. Съ видимымъ исчезновеніемъ очага утрачено и это слово. Оно замѣнено словомъ *коминъ* какъ въ смыслѣ очага передъ печью (припечекъ), такъ и въ смыслѣ очага для лучины. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что слово *очагъ* не русское; оно турецкаго происхожденія *(odžak)* и поэтому могло и не существовать въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Слово это многимъ славянамъ неизвѣстно; оно употребляется великорусскимъ племенемъ въ смыслѣ приспособленія для изготовленія пищи непосредственно на огнѣ—кострѣ, далѣе въ смыслѣ шестка, т. е. площадки передъ челомъ печи, затѣмъ въ смыслѣ кузнечнаго горна; очагъ означаетъ и дымъ, курень, избу, семью, тягло; домашній очагъ—своя семья, своя изба. Южные славяне употребляютъ названное слово иногда въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ мы. Такъ на болгарскомъ языкѣ *оджак*—каминъ, печка, впрочемъ и очагъ, *ожягъ*—кочерга; въ Сербіи *оджак*—это дымникъ надъ очагомъ, каминомъ; въ Босніи—каминъ и очагъ; Въ Босніи употребляются слова: *оджаклија* въ смыслѣ камина или комнаты съ каминомъ и *демир-оджак*—въ смыслѣ желѣзной подставки для дровъ у очага *(демир*—слово турецкое и означаетъ желѣзо). У южныхъ славянъ есть и другія слова для выраженія понятія объ очагѣ: такъ у болгаръ *кътъ;* племя кучи въ Черногоріи употребляетъ слово *упрет,* а въ нѣкоторыхъ другихъ сербскихъ мѣстностяхъ очагъ называется *ватриште;* слово это либо турецкое, либо албанское: *вотеръ* это очагъ въ Албаніи, *ватра* у нашихъ гагаузовъ Бессарабской губерніи. Всѣ эти слова замѣнили общее всѣмъ славянамъ понятіе объ очагѣ: *огнище.* При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ у насъ въ Россіи, замѣна произошла почти полная. Слово *огнище* въ смыслѣ очага употреблялось въ нашемъ языкѣ, повидимому, еще въ XIII—XV в. в.; въ XIV вѣкѣ слово это встрѣчается въ нашихъ памятникахъ въ смыслѣ жертвенника; въ томъ же столѣтіи названное слово имѣло

то же значеніе, что и теперь, т. е. потухшаго костра. Въ настоящее время огнище рѣдко употребляется на русскомъ языкѣ въ смыслѣ очага; оно понимается въ смыслѣ разведеннаго въ полѣ или лѣсѣ костра; затѣмъ то же слово означаетъ мѣсто, гдѣ былъ разведенъ огонь; въ томъ же смыслѣ употребляется бѣлорусское слово *вогнище*. На церковно-славянскомъ языкѣ *огнище* означаетъ угольную жаровню, т. е. оно сохранило болѣе или менѣе первоначальное свое значеніе. Это значеніе, т. е. смыслъ очага, сохранили слѣдующія славянскія слова: малороссійское—*огнище*, болгарское—*огнище* (означаетъ также каминъ), сербское—*огњиште*, хорватское—*ognjište*, словинское,—*ognjišče*, польское—*ognisko*, чешское и словацкое—*ohniště*. У южныхъ славянъ, какъ уже указывалось, очагъ (огнище) представляетъ обычное явленіе и замѣняетъ иногда почти всецѣло печь. У названныхъ славянъ можно прослѣдить исторію развитія очага отъ низшихъ ступеней (отъ простого костра) до высшихъ, наиболѣе усовершенствованныхъ (включая сюда и плиту). Въ Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ и Далмаціи очагъ, обыкновенно очень низкій, часто едва подымающійся отъ пола, занимаетъ обыкновенно центральное положеніе въ жилищѣ. Послѣднее либо однокаменное, либо двукаменное. Въ послѣднемъ случаѣ въ дополнительномъ помѣщеніи нерѣдко находится печь (соба). У словинцевъ, а также приморскихъ хорватовъ очагъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ расположенъ сбоку, примыкая къ той стѣнѣ, которая раздѣляетъ основное помѣщеніе (съ очагомъ) отъ дополнительнаго жилья (съ печью). У словинцевъ очагъ представляетъ каменную кладку не менѣе аршина высоты, 1½ ар. ширины и 1½—2 аршина длины. Очагъ у словинцевъ часто занимаетъ уголъ, прислоняясь къ двумъ стѣнамъ (рис. 157). Если жилище не однокаменное (а однокаменныя очень рѣдки), то на очагъ обязательно выходитъ устье печи, находящейся за стѣной въ дополнительномъ помѣщеніи.

Изъ изложеннаго выше текста можно было усмотрѣть, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ слово *комин* (*камин*) употребляется въ разномъ значеніи: оно понимается и какъ очагъ—припечекъ и какъ печная труба (у старообрядцевъ *комэнъ*) и какъ очажокъ для разжиганія лучины (*каминокъ*) и какъ навѣсъ надъ припечкомъ для улавливанія и провода дыма. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гродненской губерніи говорятъ и *комень*. Слово это (*комин*), не смотря на разное его употребленіе, завоевало себѣ значеніе собственно очага. Какъ это послѣднее вытѣснило въ великорусской рѣчи слово огнище, такъ и *комин* въ Сѣверо-Западномъ краѣ, да повидимому и въ Юго-Запад-

номъ, замѣнилъ слово огнище, получивъ его значеніе, т. е. значеніе очага. Такъ въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, въ кладовой разводится огонь на сооруженіи, представляющемъ ничто иное, какъ очагъ; это приспособленіе называется *коминокъ* (черт. 21, стр. 104 буквы U, c). Затѣмъ *комином*ъ называютъ, какъ указано уже, очагъ, устраиваемый сплавщиками лѣса на плотахъ (рис. 33). Слово *каминъ, коминъ коменъ* извѣстно у насъ въ простомъ народѣ, кромѣ запада, преимущественно на югѣ и юго-западѣ, а также въ Курской губ. (шестокъ). Въ литературной рѣчи *каминъ*—есть усовершенствованный, снабженный трубою, обыкновенно соединенный съ особаго рода печью, очагъ. На малороссійскомъ нарѣчіи *коменъ*—навѣсъ передъ устьемъ печи, *коминъ*—труба. Это и ему подобныя слова, не смотря на свое иностранное происхожденіе, (латинское *caminus*—очагъ, печь для сплава, каминъ, греческаго происхожденія) распространены во всѣхъ славянскихъ языкахъ: на болгарскомъ *коминъ, куминъ*—дымовая труба, дымовое отверстіе, дымникъ, а также каминъ; на сербскомъ *комин*—труба, каминъ, кухня; на хорватскомъ *komin*—какъ труба, такъ и кухня; на словинскомъ *котеп*—очагъ, каминъ; на польскомъ *komin* какъ печная труба, такъ и каминъ *(kominek*—каминъ); на чешскомъ *kamin, komin*—каминъ и труба; на словацкомъ *komin*— труба. Такимъ образомъ мы видимъ, что названное слово въ славянскихъ языкахъ получило троякое значеніе: колпака надъ устьемъ печи (въ бѣлорусской и малорусской рѣчи), трубы дымовой—у насъ на западѣ и югѣ, на сербскомъ, хорватскомъ, польскомъ, чешскомъ и словацкомъ, т. е. частью у южныхъ славянъ и у всѣхъ славянъ западныхъ. Третье значеніе комина—очагъ, безъ различія простого ли онъ устройства или усовершенствовавшійся до степени камина въ нашемъ смыслѣ слова. Вытѣснивъ отчасти славянское слово огнище, коминъ не вытѣснилъ слова *дымникъ* въ смыслѣ трубы. На современномъ великорусскомъ нарѣчіи *дымникъ, дымница, дымарь,* употребляются по преимуществу въ смыслѣ печной деревянной трубы при курной печи; если дымникъ каменный, то онъ обыкновенно называется *трубой.* Въ этомъ смыслѣ употребляется и въ Сѣверо-Западномъ краѣ слово *дымникъ;* въ малорусской рѣчи *дымарь*—это труба вообще, въ частности, напримѣръ въ Екатеринославской губерніи *(дымарь)*—полуоткрытая труба надъ очагомъ *(кабицей)* въ сѣняхъ. Соотвѣтствующія слова на прочихъ славянскихъ языкахъ слѣдующія: болгарское—*дымникъ, дымнякъ* (также *клюнкъ, кюнецъ, тюнаци);* сербское—*димник, диминьак;* хорватское—*dimnik, dimnjak;* словинское—*dimnik;* польское—*dymnik;* чешское—*dymnik (dymnice*—курная изба). Слово *труба,* кромѣ великорусскаго нарѣчія, упо-

требляется въ смыслѣ дымоотвода лишь въ малорусской рѣчи (также *лежанка);* въ послѣдней лишь въ отношеніи дымоотвода у грубки. Въ остальныхъ славянскихъ языкахъ слова: *труба* (сербск.), *truba* (хорв.), *troba* (слов.), *trąba* (польск.), *trauba* (чешск.) и *truba* (словацк.) употребляются въ смыслѣ музыкальнаго инструмента.

И такъ печь является неотъемлемой принадлежностью жилой хаты. Но есть и другія въ ней особенности, которыя ее характеризуютъ и выдѣляютъ передъ остальными помѣщеніями жилого дома. Эти особенности сводятся главнымъ образомъ на слѣдующее. Жилой хатѣ прежде всего свойственъ такъ или иначе устроенный полъ, далѣе потолокъ, котораго хата, можно сказать, никогда не лишена.

Полъ можетъ быть троякаго рода. Либо онъ земляной, либо глиняный, либо наконецъ деревянный. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земляной полъ называется *подлога;* въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Виленской губерніи, въ Вилейскомъ уѣздѣ и въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, этимъ словомъ называютъ деревянный полъ, земляной же именуется *безъ подлоги.* Глиняный полъ, тамъ гдѣ онъ встрѣчается, называется *токъ*, а деревянный *подлогъ, подлога*, или *мостъ, помостъ.* Если полъ земляной или глиняный, то онъ ничѣмъ не отличается отъ такового въ сѣняхъ. Большею частью жилая хата деревяннаго пола не имѣетъ. Впрочемъ устройство послѣдняго стоитъ обыкновенно въ прямой связи съ благосостояніемъ хозяина, причемъ бѣдныя хаты чаще имѣютъ земляной или глиняный, а богатыя деревянный полъ. Послѣдній настилается иногда непосредственно на землю, но обыкновенно онъ кладется на бревна, нерѣдко дубовыя *(подмостки)*, которыя въ свою очередь покоятся на вкопанныхъ въ землю бревешкахъ—*стулахъ.*

Такимъ образомъ хата Сѣверо-Западнаго края въ отношеніи пола не можетъ, говоря вообще, считаться стоящей на высокой ступени развитія. Правда, какъ глиняный полъ, такъ особенно полъ деревянный показываютъ, что мѣстное населеніе уже подвинулось въ ходѣ развитія своего жилища впередъ, однако наличность неустроеннаго, такъ сказать природнаго (земляного)

пола, какъ обычнаго явленія, указываетъ, что развитіе это лишь частичное, далеко не захватившее всего населенія. Между тѣмъ климатическія условія, казалось бы, сами по себѣ вынуждали мѣстнаго жителя серьезно подумать надъ обезпеченіемъ хаты прочнымъ, содѣйствующимъ теплотѣ поломъ. Въ этомъ сознаніи крестьянинъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Витебской губерніи, устилаетъ полъ, особенно въ зимнее время, соломой.

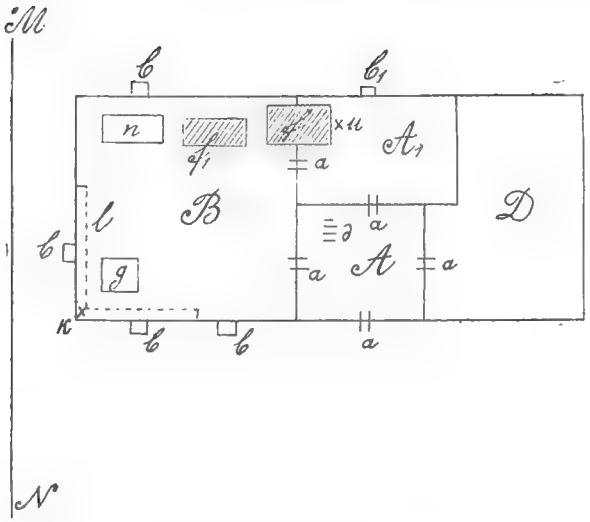
Въ отношеніи теплоты болѣе важнымъ впрочемъ представляется устройство потолка, непосредственное назначеніе котораго заключается въ томъ, чтобы оберечь хату отъ вліянія не только холода, но и осадковъ, нерѣдко пропускаемыхъ крышею. Поэтому потолокъ представляется обыкновенно тщательнаго устройства: онъ состоитъ изъ балокъ *(матица)*, поддерживаемыхъ поперечной длинной балкой *(брусъ, балька, трамъ)* *); сверху, со стороны чердака, такой потолокъ прикрытъ мхомъ или соломой, забрасываемыхъ глиною. Обычнымъ наименованіемъ для потолка въ Сѣверо-Западномъ краѣ служитъ слово *столъ*, а также *стропъ*. На ряду съ этими словами въ Гродненской губерніи употребляются и другія: такъ напримѣръ въ Пружанскомъ уѣздѣ потолокъ называютъ *покотъ*, въ Бѣльскомъ и Бѣлостокскомъ уѣздахъ—*полапъ*, а въ Ковенской говорятъ и—*дахъ*.

Указанныя выше наименованія пола, употребляемыя въ Сѣверо-Западномъ краѣ, болѣе или менѣе распространены во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Что касается собственно слова *полъ*, столь обычнаго на нашемъ современномъ языкѣ, то оно извѣстно и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но въ иномъ значеніи, а именно: слово это обозначаетъ нару—кровать для спанья. Мы вернемся еще къ этому слову. Въ отношеніи слова *подлогъ, подлога,* слѣдуетъ отмѣтить, что оно на современномъ русскомъ языкѣ (на малороссійскомъ нарѣчіи *подлога*—полъ) означаетъ всякаго рода подкладку подъ что нибудь (но не подъ одежду), напримѣръ сухой мусоръ, камень, щебень и т. п. подкладываемые подъ зданіе для уравненія почвы. Въ томъ же

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именно эта балка называется *матицей*, какъ опора всего потолка.

приблизительно смыслѣ (стелька) употребляется слово *подлога* и на болгарскомъ языкѣ, а равно на сербскомъ, на которомъ оно означаетъ и скамейку подъ ноги. На хорватскомъ языкѣ *podlog*—подошва, подстилка, а *podloga*—основаніе. По польски *podłoga* и по чешски и словацки *podlaha*—означаетъ полъ; на послѣднемъ языкѣ въ томъ же смыслѣ употребляется и слово *dlažka*. Слѣдовательно въ смыслѣ пола слово *подлогъ, подлога* употребляется собственно, кромѣ Сѣверо-Западнаго края, въ группѣ западныхъ славянъ. Поэтому можно думать, что оно и въ означенный край пришло подъ вліяніемъ польской рѣчи.

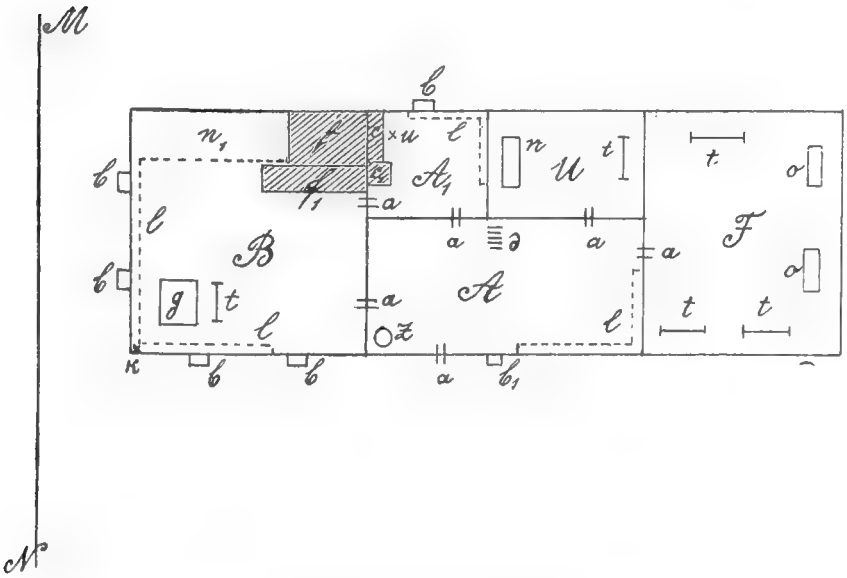
Болѣе употребительнымъ на славянскихъ языкахъ словомъ для означенія понятія о полѣ является слово *подъ*. Мы его встрѣчаемъ въ нашихъ письменныхъ памятникахъ уже въ XI вѣкѣ въ смыслѣ низа, подставки, поддержки, а въ XII вѣкѣ—въ смыслѣ подошвы горы; въ XVI вѣкѣ *подъ* встрѣчается и въ смыслѣ выстилки печи, на которую кладутъ дрова. Въ современномъ русскомъ языкѣ *подъ* означаетъ полъ, низъ, земь, настилку всякаго рода, дно. *Подъ* можетъ означать и помостъ, служащій кроватью. На югѣ названное слово употребляется въ смыслѣ очищеннаго мѣста; въ частности на малороссійскомъ нарѣчіи *подъ* означаетъ (кромѣ пола) вообще основаніе, а равно подстилку подъ стогомъ отъ сырости. Въ Гродненской губерніи помостъ для стога (скирды) хлѣба, устраиваемый на бревешкахъ изъ дерева, представляющій какъ бы полъ, называется *подокъ*. Въ печи *подъ* (въ Виленской губерніи, а равно въ Казанской говорятъ и *потъ*) есть ея основаніе, гдѣ кладутся дрова, безъ различія кирпичное это основаніе или глиняное. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорится и *подина*, что означаетъ, напримѣръ во Владимірской губерніи, скирдной бревенчатый или жердяной полъ, а въ Архангельской губерніи—подпочвенный ледъ, мерзлую землю со льдомъ на значительной глубинѣ. На болгарскомъ языкѣ *подъ* означаетъ какъ полъ, такъ и потолокъ, а равно ларь. У сербовъ слово *под* употребляется и въ смыслѣ пола и въ смыслѣ этажа; отсюда употребительное въ Герцеговинѣ и Черногоріи выраженіе *на под*, что означаетъ домъ въ два этажа, т. е. что жилое помѣщеніе стоитъ не непосредственно на землѣ, а на нижнемъ помѣщеніи, служащемъ конюшней, хлѣвомъ или кладовой. Въ томъ же значеніи слово *pod* употребляется и на хорватскомъ языкѣ, на которомъ оно означаетъ и полъ, почву, вообще основаніе, базисъ. На томъ же языкѣ въ смыслѣ пола употребляется слово *podnica*. Понятіе слова *pod*, помимо прямого значенія (полъ) и въ смыслѣ этажа, свойственно и



Черт. 51. **Хата**

изъ деревни Малорыта Гродн. губ., Брест. у.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата; *D*—комора; *M*—*N*—улица; *a*, *a*,—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь; f_1—печь-стѣна (грубка); *g*—столъ; *k*—икона; *l*—скамья; *n*—кровать; *u*—топка печи.



Черт. 52. **Хата**

изъ села Мокрое, Пружанскаго уѣзда, Гродн. губ.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата; *F*—клѣть; *M*—*N*—улица; *U*—стебка; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1—мал. окно; *c*—припечекъ; c_1—плита; *d*—лѣстница на чердакъ; *f*—русская печь; f_1—согрѣвательная печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*—кровать; n_1—нара (запечокъ); *o*, *o*—скриньи; *t*, *t*—скамьи; *u*—топка печи; *z*—жорна.

болгарскому языку (въ связи съ этимъ стоитъ очевидно слово *подникъ*—конюшня), а также и словинскому языку. А именно на этомъ послѣднемъ языкѣ названное слово, между прочимъ, означаетъ сѣновалъ, токъ для молоченія, которые устраиваются на хлѣвѣ и конюшнѣ. Въ чешскомъ языкѣ есть аналогичное выраженіе: *půda na seno*—сѣновалъ. На словацкомъ языкѣ *pôda*—почва, основаніе.

Слово *мостъ* въ смыслѣ пола въ жиломъ помѣщеніи обыкновенно на современномъ русскомъ языкѣ не употребляется. Оно означаетъ какъ и въ древне-русскомъ языкѣ, стланъ, настилку, накатъ всякаго рода: изъ досокъ, бревенъ, брусьевъ; мостъ служитъ для переправы черезъ рѣку, оврагъ, болото или т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ вмѣсто мостъ—*мосты;* отсюда *мостовая, помостъ.* На сѣверѣ и востокѣ Россіи, а равно въ губерніяхъ Орловской, Владимірской, Тамбовской, Вологодской, Рязанской, Смоленской, Тверской и Московской, *мостъ (мостки)* означаетъ крыльцо, большія сѣни. Мостъ, въ малорусскомъ произношеніи *мистъ,* употребляется и въ смыслѣ пола; въ томъ же значеніи пользуются словомъ *помистъ.* На остальныхъ славянскихъ языкахъ слово *мостъ, most* употребляется обыкновенно въ одномъ смыслѣ, въ смыслѣ сооруженія для переправы, перехода, переѣзда. Въ сербскомъ языкѣ есть слово *мостина*—перекладина, поперечная балка на сваяхъ. Въ словинскомъ языкѣ *most* означаетъ и взъѣздъ на второй этажъ сарая, дѣлаемый изъ каменной кладки со сводами.

Что касается слова *токъ,* означающаго, какъ указано, глиняный или земляной полъ хаты (то же значеніе имѣетъ слово *tok* въ Привислянскомъ краѣ), то оно употребляется болѣе въ смыслѣ сглаженной поверхности для молотьбы, независимо отъ того, находится ли оно въ крытомъ гумнѣ или подъ открытымъ небомъ. Это значеніе слова *токъ* не утрачено (какъ видно было при изложеніи характера гумна) и въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

На славянскихъ языкахъ есть еще одно распространенное слово для обозначенія пола—это *тло.* Слово это, означающее у насъ дно, исподъ, основаніе и т. п., почти совершенно вывелось изъ употребленія; однако оно обычно въ слѣдующемъ выраженіи: *домъ сгорѣлъ до тла.* Въ смыслѣ пола названное слово употребляется: въ сербскомъ—*тле,* что означаетъ и почву, землю *(тло*—основаніе); въ хорватскомъ *tlo*—полъ, основаніе, почва; въ словинскомъ *tla*—полъ и почва; въ старо-польскомъ *tło*—полъ, помостъ; въ современномъ польскомъ языкѣ—основаніе, основа, дно, грунтъ, фонъ.

Кромѣ перечисленныхъ, въ славянскихъ языкахъ встрѣчаются и другія слова, употребляемыя въ смыслѣ пола, напримѣръ малороссійское *ридъ*, болгарскіе—*земя, одъръ, таванъ*, сербское *подбој* и т. п., но они не являются столь характерными, какъ указанныя выше.

Для передачи понятія о потолкѣ въ славянскихъ языкахъ не имѣется столь опредѣленныхъ и столь распространенныхъ выраженій, какъ для понятія о полѣ. Вышеуказанное слово *столъ* въ смыслѣ потолка употребляется и восточнѣе Сѣверо-Западнаго края, напримѣръ въ Смоленской губерніи. Болѣе распространено однако слово *стель*, которое употребляется у насъ какъ на западѣ, такъ и на югѣ и мѣстами замѣняется малороссійскимъ *стеля*. Слово *полапъ*, повидимому, употребительно, кромѣ Сѣверо-Западнаго края, еще лишь въ польскомъ языкѣ *(polap, pulap)*, на которомъ потолокъ называется и *sufit*. Болгаринъ называетъ потолокъ *таванъ*, а сербъ *подкупље*, въ частности черногорецъ—*петер;* послѣдній состоитъ не изъ досокъ, а изъ плетеныхъ хворостинъ; подъ словомъ *петер* черногорцы, какъ и словинцы *(peter)*, понимаютъ чердакъ. Словакъ передаетъ понятіе о потолкѣ, какъ и чердакѣ, словомъ *povala, poval*; это слово *(повалъ)* встрѣчается и въ великорусскомъ нарѣчіи; оно означаетъ въ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ. выступающія съ фронтона верхнія балки сруба; на этихъ балкахъ въ Вологодской губ. Кадниковскомъ уѣздѣ устанавливается балконъ; очевидно, что отъ этихъ бревенъ (повалы) въ русскомъ языкѣ и чердакъ получилъ наименованіе *повалока*. Послѣднеозначенное слово въ смыслѣ потолка *(повалъ)* употребляется у насъ въ Волынской губерніи. Наконецъ на хорватскомъ, словинскомъ, польскомъ, чешскомъ и словацкомъ языкахъ потолокъ называется (какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ) *strop*. Это слово встрѣчается у насъ въ церковно-славянскомъ языкѣ въ смыслѣ крыши, кровли, хоръ; на западѣ въ томъ числѣ и въ Псковской губерніи названное слово означаетъ потолокъ и чердакъ; *стропилина, стропило*—бревно, служащее основой крыши; *стропильникъ*—полъ; *стропочка*—въ Саратовской губ. матица, потолочная балка. Изъ остальныхъ славянскихъ языковъ: на хорватскомъ *strop* означаетъ потолокъ, чердакъ, чердачное помѣщеніе; на словинскомъ *strop*—потолокъ, *stropilo*—стропило, *stropje*—потолокъ, *stropnica* (также *stropnik, prečnik, prečnica*)—матица; по польски *strop*—потолокъ, по чешски *strop*—балка, потолокъ, этажъ, *stropnice* или *stropovnice*—потолочная балка; по словацки *strop*—стропило, потолокъ.

Помянутое выше слово *трамъ* (матица) нѣмецкаго происхожденія; оно встрѣчается, кромѣ Сѣверо-Западнаго края, среди славянъ

еще въ польскомъ и чешскомъ *(tram)* въ смыслѣ бревна, балки, перекладины, стропила, а равно у словинцевъ—въ смыслѣ матицы. У нѣмцевъ и словинцевъ есть обычай вырѣзать на трамѣ-матицѣ годъ постройки дома, почему они являются обыкновенно датированными.

Слово *балка* нѣмецкаго происхожденія и встрѣчается въ нашемъ языкѣ, кажется, не раньше XV в. *(балька)* въ смыслѣ бревна вообще; кромѣ великорусскаго слово это употребляется въ малорусскомъ нарѣчіи *(балька)*, а равно въ польскомъ языкѣ: *balka*—бревно, перекладина.

Если жилая хата расположена съ лѣвой стороны сѣней, то она въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляетъ слѣдующее устройство (см. напр. черт. 34, 38, 39, 43 на стр. 146, 158, 170; въ хатѣ, расположенной справа отъ сѣней, все въ обратномъ порядкѣ, напр. черт. 36 и 39 на стр. 152 и 158). Направо отъ дверей, какъ уже описано, находится печь съ устьемъ къ лѣвой боковой стѣнѣ; наискось отъ печи въ углу обѣденный столъ *(столъ*; см. черт. букву *g)*; вдоль лѣвой же стѣны, а равно вдоль стѣны фронтонной тянутся широкія лавки (буква *l* на чер.), которыя сходятся въ углу за обѣреннымъ столомъ; въ томъ же углу выше стола, а равно вдоль стѣнъ на право и на лѣво отъ угла, помѣщаются иконы, *(k)* обыкновенно бумажныя. Образа эти въ Сѣверо-Западномъ краѣ называются обыкновенно *образы*, *вобразы*, и въ большинствѣ случаевъ помѣщаются въ углу безъ кіота. Если таковой имѣется, онъ обычно называется *божницей*. Уголъ съ образами, какъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи, считается главнымъ, почетнымъ (краснымъ). Обычное его наименованіе: въ Витебской губ.—*большой уголъ*, въ Гродненской *передній уголъ*, въ Витебской, Виленской, Могилевской и Минской губерніяхъ—*кутъ;* въ Мстиславскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, говорятъ и *кутъ;* въ Минскомъ уѣздѣ—*куцъ;* въ Слонимскомъ и Бѣлостокскомъ уѣздахъ, Гродненской губерніи—*покутъ;* въ тѣхъ же уѣздахъ, а равно въ уѣздахъ Сокольскомъ и Волковыскомъ—*покуць;* въ Волковыскомъ, Кобринскомъ и Брестскомъ уѣздахъ, Гродненской губерніи, и въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, Минской губерніи—*покутъ;* въ Ко-

бринскомъ уѣздѣ—*покутье;* наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Витебской губерніи указанный уголъ называютъ и *кутнымъ угломъ*.

Что касается помянутыхъ лавокъ вдоль стѣнъ, то онѣ обыкновенно дѣлаются изъ хорошаго матеріала (иногда изъ липы) и чѣмъ шире и толще лавка, тѣмъ она считается лучшимъ украшеніемъ хаты и бо́льшею гордостью ея хозяина. Лавки эти, размѣръ которыхъ колеблется въ ширину отъ 6 до 12 вершковъ, переживаютъ нерѣдко хату и передаются изъ рода въ родъ; иногда онѣ такъ тяжелы, что съ трудомъ подымаются, и хотя онѣ и не прикрѣплены къ стѣнѣ, но, благодаря своему вѣсу, имѣютъ большую устойчивость и являются какъ бы неотъемлемой принадлежностью стѣнъ. Обычно такая лавка называется *лава*, *лаука* (см. черт. букву *l*). Она служитъ не только для сидѣнья, но и для сна тѣхъ членовъ семьи, которые почему либо не спятъ на нарѣ или на печи.

Отмѣченный выше столъ, хотя и употребляется для работы, но для работы лишь чистой. Вообще онъ пользуется нѣкоторымъ почетомъ и главнѣйшее его назначеніе заключается въ служеніи обѣденнымъ столомъ. Въ внѣобѣденное время на этомъ столѣ обыкновенно лежитъ хлѣбъ, завернутый въ скатерть, полотенце или холстъ; столъ содержится чисто.

Отъ печи къ фронтонной стѣнѣ помѣщается устройство, служащее для сна (см. черт. буквы *n*, n_1). Устройство это, вообще говоря, довольно разнообразно: либо это плотная дощатая нара, равная по длинѣ разстоянію печи до фронтонной стѣны, а по ширинѣ—ширинѣ печи, либо это помостъ на ножкахъ, либо, наконецъ, кровать. Послѣдняя встрѣчается, впрочемъ, рѣдко обычнымъ же устройствомъ представляются нары и помостъ въ видѣ кровати, однако довольно примитивной. Обычнымъ наименованіемъ нары является слово *полъ;* кровать же называется *ложка*, *лошка*, *ложикъ* или *посцеля*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи, напримѣръ въ Сокольскомъ уѣздѣ, по-

мостъ-кровать называется *запечь*, а въ Брестскомъ уѣздѣ той же губерніи *запыкъ*. Наименованіе это стоитъ очевидно въ связи съ тѣмъ, что такая нара-помостъ дѣйствительно находится за печью. Мы увидимъ ниже, что при развитіи спальни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта комната носитъ то же названіе. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, нара-кровать называется и *покутъ*, получивъ это наименованіе очевидно отъ угла, къ которому она примыкаетъ, называемаго въ данномъ случаѣ тѣмъ же терминомъ, какъ и красный уголъ.

Съ точки зрѣнія развитія спальняго устройства какъ на низшую ступень слѣдуетъ смотрѣть очевидно на нару. До ея устройства люди, отыскивая мѣсто сна въ тѣхъ случаяхъ, когда они не пользовались верхомъ печи, должны были спать на полу именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщаются въ настоящее время нары, или помостъ, или кровать. Эта часть хаты, примыкающая къ печи и наиболѣе отдаленная отъ входной двери, самая теплая. Поэтому, озабочиваясь устройствомъ ложа, ради избѣжанія сырости и холода отъ пола, люди приспособляли себѣ возвышенное помѣщеніе, т. е. нару, поднятую въ настоящее время на высоту отъ 1 до $1^1/_2$ арш. отъ пола. Въ дальнѣйшемъ поискѣ за тепломъ во время сна крестьянинъ остановился на мысли устроить надъ нарою широкую, годную для лежанія полку—это полати или, какъ ихъ называютъ въ Могилевской губерніи,—*палати*, *палаци*, въ Витебской—*пылаци*, а въ Гродненской, гдѣ онѣ впрочемъ рѣдки—*полатки* или *полы* (см. чертежъ на ст. 184, букву *в*). Служа мѣстомъ отдыха преимущественно старыхъ или по крайней мѣрѣ взрослыхъ лицъ, полати не сутъ свою службу преимущественно въ холодное, зимнее время, лѣтомъ же на нихъ складываютъ лишнюю одежду и вообще пользуются ими какъ мѣстомъ склада. Впрочемъ крестьяне лѣтомъ вообще охотнѣе спять внѣ хаты, въ которой слишкомъ жарко, ища мѣсто сна и въ клѣти, амбарѣ, кладовой, сѣняхъ, въ гумнѣ и сѣновалѣ.

Помостъ-кровать или собственно кровать въ нашемъ значеніи этого слова слѣдуетъ на томъ основаніи считать продуктомъ болѣе развитого быта, что приспособленія эти предназначены служить не группѣ лицъ, какъ нары, а для одного лица, для котораго такимъ образомъ предоставляется сравнительно значительный комфортъ.

Однако отмѣтить слѣдуетъ, что въ рѣдкихъ хозяйствахъ имѣется нѣсколько кроватей—да онѣ заняли бы и слишкомъ много мѣста въ хатѣ—и часть членовъ семьи и при наличности ихъ продолжаетъ пользоваться и печью для сна, и лавками, расположенными вдоль стѣнъ.

Описаніе хаты было бы не полно, если бы не упомянуть о столбѣ, хотя и не обязательномъ во всѣхъ хатахъ, но весьма и весьма распространенномъ и стоящимъ почти въ серединѣ ея при ребрѣ печи. Столбъ этотъ служитъ опорою для пола, полати и лежанки, гдѣ таковыя имѣются (особенно въ Витебской губ.). Названіе его *конь* или *коневый стовбъ*. Сочетаніе этихъ частей видно на чертежѣ, помѣщенномъ на стр. 184.

Наконецъ отмѣтить слѣдуетъ, что въ качествѣ обычнаго инвентаря хаты встрѣчаются скамьи, служащія для сидѣнья, а равно для постановки нѣкоторой утвари, напримѣръ лоханки, ведра съ водой и т. п., полки на стѣнахъ и сундуки съ цѣннымъ имуществомъ. Переносныя съ мѣста на мѣсто скамьи (рис. 31) называются: *столка*, *слонъ*, также *аслонъ*, *слончикъ*, *услонъ*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Кобринскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи *топчанъ*, *тапачанъ*, или напримѣръ въ Минской губерніи *топцанъ*, *топцяникъ*, *зэдэль*, *зэдликъ*, *зодля*, а въ Витебской губерніи—*пирадокъ*. Табуреты, гдѣ таковые имѣются, называются: *столокъ*. Что касается полокъ, то онѣ называются: *полица* или *палица*, *паличка*. Ихъ обыкновенно нѣсколько въ хатѣ; особое изъ нихъ вниманіе заслуживаетъ подпотолочная, представляющая доску, шириною вершковъ 8, тянущаяся поперекъ хаты и служащая для склада самыхъ разно-

образныхъ предметовъ, начиная отъ горшковъ и кончая верхней одеждой. Если полка предназначена исключительно для тарелокъ и ложекъ, то она можетъ называться и *градка*, а если только для ложекъ, то *лажетникъ* или *заложешникъ*. Сундукъ для храненія имущества (платья и т. п.) обыкновенно называется *скрыня* или *скриня* или *скрина*, но говорятъ и *куфра*, *куфръ*, *куфферъ*, *куферокъ*, *кухоръ*.

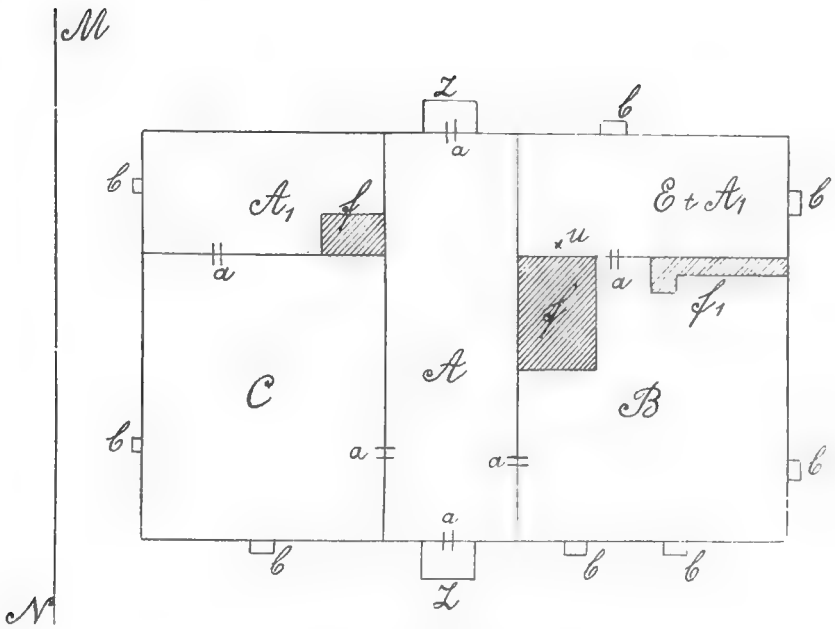
Аналогичныя или даже тождественныя слова для опредѣленія стола и сидѣнья употребляются не въ одномъ Сѣверо-Западномъ краѣ. Такъ напримѣръ въ старорусскомъ языкѣ *стулъ* означалъ и столъ и престолъ и столицу; *столецъ* въ церковно-славянскомъ и старорусскомъ языкахъ означаетъ сидѣнье, стулъ, скамью, табуретъ; *столица*, какъ извѣстно, мѣсто пребыванія главы государства; слово *столъ* лишь впослѣдствіи, такъ сказать, спеціализировалось на русскомъ языкѣ, выражая понятіе о домашней утвари для постановки или поклажи чего либо. На болгарскомъ языкѣ *столъ* означаетъ столъ и стулъ; *стулъ*—скамья, *престолъ*—столъ; по сербски *столац*—стулъ, сидѣнье вообще; *столица*—каѳедра, стулъ, столъ; *сто, стула, астал*—столъ. Отъ перваго изъ названныхъ сербскихъ словъ получилъ свое наименованіе герцеговинскій городъ *Столацъ*, бывшій столицею Захулмія, давшаго начало Герцеговинѣ. На хорватскомъ языкѣ *stol* и *stolica*—столъ, стулъ, сидѣнье; *stolac*—стулъ или вообще сидѣнье; по словински *stol*—передвижная скамья, стулъ или вообще сидѣнье; по польски *stol*—столъ, а *stolek*—стулъ, табуретъ; *stolik*—столъ; по чешски *stůl*—столъ, *stolek*, *stolik*—столикъ, *stolice*—стулъ, каѳедра, скамья, *stolec*—тронъ, престолъ; по словацки *stól*– столъ, *stolica*—стулъ, скамейка для ногъ; *stolček*—скамейка для ногъ, *stolica* – стулъ, палата (въ смыслѣ учрежденья). Кромѣ означенныхъ словъ, въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ употребляются для обозначенія стола и другія, воспринятыя отъ сосѣдей, слова. Такъ на болгарскомъ языкѣ, на которомъ *столъ*, какъ упомянуто, означаетъ и стулъ, для стола употребляются слова: греческое—*трапеза*, романское– *маса* и турецкое или вѣрнѣе арабское—*софра, совра, сохра*; далѣе на болгарскомъ столъ называютъ и *пръля*. Слово *трапеза* въ смыслѣ стола употребляется и въ сербскомъ (особенно въ Черногоріи) и въ хорватскомъ языкахъ; въ нашемъ языкѣ *трапеза*, какъ извѣстно, означаетъ собственно обѣдъ, а въ смыслѣ стола слово это употребляется болѣе въ отвлеченномъ значеніи. Слово *софра* или *совра* въ смыслѣ

обѣденнаго стола употребляется и въ нѣкоторыхъ сербскихъ земляхъ, напримѣръ въ Босніи.

Слово *божница* въ русскомъ языкѣ очень распространено и означаетъ поставецъ, шкафъ, кіотъ, а иногда и просто полку (напр. во Владимірской и Вологодской губ.) для иконъ, образовъ; въ первой изъ этихъ губерній говорятъ и *боговница*. Слово *божьница* или *бозьница* встрѣчается въ нашемъ языкѣ уже въ XII в. и означаетъ церковь. Въ настоящее время это слово, а равно *божничка, божо́нка, божо́нка* означаютъ часовню, молельню, образную.

Тянущаяся вдоль стѣны главнаго жилого помѣщенія неперенос-ная лавка очень распространена въ жилищахъ славянъ: можно сказать, что она у большинства ихъ является, какъ и въ Россіи, неотъемлемой принадлежностью жилья; у нѣкоторыхъ изъ славянъ она несетъ именно указанное наименованіе, у другихъ понятіе о ней передается инымъ словомъ. На русскомъ языкѣ подъ *лавой* или *лавкой* обыкновенно подразумѣвается скамья неподвижная, вообще доска для сидѣнья, которую перенести нельзя или по крайней мѣрѣ трудно; на югѣ, а равно въ Новгородской и Ярославской губерніяхъ, подъ названнымъ словомъ понимаютъ и пѣшеходный мостъ. По болгарски *лавица*—и лавка и скамья, а равно полка; по польски *ława, ławka*—скамья; по чешски *ława lavice, ławka*—скамья, скамейка; по словацки *lavka*—лавка, *loviса*—скамья. Слово *слонъ* въ смыслѣ сидѣнья употребляется, кромѣ Сѣверо-Западнаго края, еще только въ Малороссіи, гдѣ *ослонъ* означаетъ подвижную скамью. У южныхъ славянъ неподвижная лавка и скамья называются *клопой, клупой,* а именно, по сербски *клупа,* по хорватски *klupa*—скамья; по словински *klop, klopica*—прикрѣпленная лавка; послѣднее слово означаетъ и скамейку. На сербскомъ языкѣ для обозначенія лавки, скамьи и скамейки употребляются также слова *подлог, подлога, подлогај*, т. е. слова, обозначающія въ Сѣверо-Западномъ краѣ полъ; въ Босніи кромѣ того говорятъ и *софа* (въ смыслѣ скамьи); въ Черногоріи лавка вдоль стѣны называется *пижуль*, а въ Болгаріи такая же лавка *миндере*.

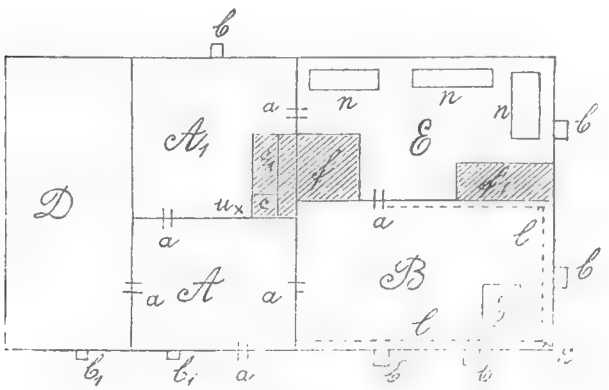
Слово *полица* въ смыслѣ прикрѣпленной къ стѣнѣ или къ чему либо другому доски для поставки чего либо встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Въ современномъ русскомъ языкѣ употребляются и слова: *палица, полка, полочка, поличка*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Саратовской губерніи *политка*. Слово *полица* употребляется нерѣдко и въ переносномъ смыслѣ, напримѣръ,



Черт. 53. **Хата**

изъ дер. Слизишки, Россіенскаго уѣз., Ковенской губ.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—чистая комната; *C*—комната для зятя; *E*+A_1 спальня и кухня; *L*, *L*—крыльцо; *M*. *N*—улица; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*—печь; f_1—печь-стѣна; *u*—топка печи.



Черт. 54. **Хата**

изъ дер. Клюковичи, Брестскаго уѣз., Гродн. губ.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата; *D*—комора; *E*—спальня; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1. b_1—мал. окна; *c*—печурка; c_1—лежанка; *f*—русская печь; f_1—согрѣв. печь; *g*—столъ; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *n*, *n*—кровати; *u*—топка печи.

въ зодчествѣ оно означаетъ скатъ у крыши; въ старину *полица* означала отворотъ, околышъ у шапки. На малороссійскомъ нарѣчіи полка—*полыця*; по болгарски и сербски—*полица*; на хорватскомъ и словинскомъ—*polica*; на послѣднеозначенномъ языкѣ *polica* означаетъ и выступъ вообще, подносъ, подоконникъ; по польски и словацки—*polica*; кромѣ того на польскомъ языкѣ говорится *półka*, *pułka*; по чешски—*police*.

Слово *скрыня* въ смыслѣ сундука, ларя равнымъ образомъ весьма распространено въ славянскихъ языкахъ. На русскомъ говорятъ и *скринъ*, *скринка*, *скрыня*, *скрынья*, *скрынка*; послѣднеозначенное слово употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Тамбовской губерніи, и въ смыслѣ кружки, жбана, а въ Костромской—въ смыслѣ горшка; *скринка*, *скрыница* въ Тверской губерніи означаетъ жестяную стопу, а *крынка* въ Московской губерніи глиняный горшекъ—кувшинъ обыкновенно для молока. По сербски *скриња*—шкафъ, ларь, ящикъ, сундукъ; по хорватски и словински *skrinja*—ящикъ, сундукъ; по словински это слово можетъ означать и шкафъ, ларь для одежды; по польски *skrzynia*, *skrzynka*—сундукъ; по чешски *skříně*—шкафъ, ящикъ. Вышеупомянутое слово *куферъ*, употребляемое въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ смыслѣ сундука, встрѣчается изъ славянскихъ языковъ, повидимому, лишь въ польскомъ: *kufer* и словацкомъ: *kufor*; на польскомъ говорятъ и *kuferek*. Очевидно, что слова эти перешли въ польскій языкъ изъ нѣмецкаго *(Koffer)* и при посредствѣ польской рѣчи внѣдрились и въ языкъ русскихъ Сѣверо-Западнаго края. Слово *сундукъ* изъ славянскихъ языковъ употребляется, кромѣ русскаго, повидимому еще только въ сербскомъ: *сандук*. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ слово сундукъ почти не употребляется; оно встрѣчается, какъ кажется, лишь на востокѣ, какъ напримѣръ въ Гомельскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, гдѣ оно означаетъ обычный большой ларь, ставящійся въ сѣняхъ для сохраненія молока. Въ Черногоріи и въ Сербіи сундукъ для храненія одежды называютъ *ковчек*. У насъ *ковчегъ*, какъ извѣстно, имѣетъ спеціальное значеніе: рака, гробъ, Ноевъ ковчегъ; въ XI вѣкѣ названное слово *(ковъчегъ, ковьчегъ, ковчегъ)* означало вообще хранилище, сокровищницу, а въ XV вѣкѣ ящикъ. Слово *ковчегъ* встрѣчается и въ болгарскомъ языкѣ въ смыслѣ ящика, ларя, сундука; въ томъ же смыслѣ употребляется слово *kovčeg* и въ хорватскомъ и словинскомъ языкахъ.

Изъ сказаннаго видно, что наиболѣе характерные предметы, свойственные хатѣ, какъ обѣденный столъ, лавка для сидѣнья, полка

для ближайшихъ хозяйственныхъ надобностей и сундукъ для храненія цѣннаго имущества, такъ же какъ и ранѣе отмѣченная печь, тѣсно сближаютъ населеніе Сѣверо-Западнаго края съ остальнымъ славянскимъ міромъ. Правда, въ языкъ мѣстнаго населенія вошли постороннія, несвойственныя славянскимъ языкамъ слова, но въ отношеніи ихъ слѣдуетъ отмѣтить во первыхъ то, что ихъ не много, а во вторыхъ, что они не вытѣснили коренныхъ словъ. Иностранныя слова вошли въ Сѣверо-Западный край съ запада при посредствѣ очевидно польскаго языка, воспринимавшаго и передававшаго нѣмецкія слова, напримѣръ куфръ (нѣмецк. *Koffer),* зэдэль (нѣмецк. *Sessel).*

Переходя къ нарѣ-кровати слѣдуетъ отмѣтить, что слово, употребляемое въ этомъ смыслѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, (*полъ*) означаетъ и въ древне-русскомъ и въ современномъ нашемъ языкѣ: низъ, основаніе, долъ, земь, исподній накатъ, настилку, рѣже помостъ. На западѣ и на югѣ, а равно въ Орловской и Курской губ., *полъ* означаетъ нару, помостъ, служащіе для сна въ качествѣ кровати. Однако болѣе распространеннымъ въ смыслѣ помоста для сна является у насъ слово *полати, палати*—болѣе или менѣе высоко, иногда непосредственно подъ потолкомъ расположенныя доски, на которыхъ спятъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ такое и подобное приспособленіе для сна, какъ указано, тоже существуетъ, держась преимущественно впрочемъ на востокѣ края. Въ Малороссіи рядъ толстыхъ досокъ, приспособленныхъ въ качествѣ кровати, называютъ *пилъ*. Повидимому, въ связи со словомъ полъ стоитъ и слово *полокъ*—помостъ въ банѣ и *пологъ,* употребляемый мѣстами и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, напримѣръ въ Витебской губерніи. Это растянутый зонтикомъ холстъ надъ кроватью. *Пологъ* выражаетъ иногда на русскомъ языкѣ не только покрывало надъ постелью противъ мухъ и комаровъ, но и завѣсу у окна или дверей. Въ Воронежской губ. *полъ* означаетъ деревянную приподнятую на $^3/_4$ арш. настилку, помѣщающуюся у печи; здѣсь полъ употребляется въ отличіе отъ *земъ*—пола въ остальной части избы. Въ связи съ понятіемъ, связаннымъ со словомъ полъ, стоитъ и понятіе о *подполъѣ. Подполье* или какъ говорятъ напр. въ Пензенской губ. *подполъ* или въ Могилевской губ. *подпольле*—это низъ избы-хаты или части ея. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ подполье занимаетъ низъ подъ нарой-поломъ и служитъ съ одной стороны для храненія овощей и хлама, а съ другой—для помѣщенія ягнятъ или вообще мелкаго скота, а также птицы. Входъ въ подполье обыкновенно изъ избы или хаты. Въ великорусскихъ губерніяхъ входъ въ подполье ведетъ либо черезъ *голбецъ*—шкафчика у печи, либо сна-

ружи. Подполье въ великорусскихъ губерніяхъ нерѣдко такъ велико, что оно мѣняетъ всю структуру избы, превращая ее въ приподнятое зданіе съ жильемъ на верху, какъ бы въ верхнемъ этажѣ (см. рис. 180). Такія подполья особенно характерны для сѣвера. Болѣе подходящимъ въ такихъ случаяхъ наименованіемъ для подполья является употребляемое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ напр. въ Ярославской губ., слово *подъизбица.* Подполье клѣти нерѣдко называется, какъ и въ старину, *подклѣть* (стар. *подъклѣть, подъклѣть).*

Славяне употребляютъ для передачи понятія о мѣстѣ или сооруженіи для сна преимущественно четыре выраженія: *одръ, ложе, кроватъ* и *постель.* Первое изъ перечисленныхъ словъ, т.-е. одръ, какъ извѣстно, въ современномъ русскомъ языкѣ почти не употребляется; обыкновенно этимъ словомъ пользуются въ выраженіяхъ *„на смертномъ одрѣ“* и *„на одрѣ болѣзни“.* Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ *одръ* встрѣчается уже въ XI вѣкѣ въ значеніи кровати и постели; въ XII вѣкѣ, судя по памятникамъ, одръ означаетъ лавку, скамью; въ XIII вѣкѣ—спальню; *одрьць*—скамейка (XV в.). Въ древней Руси спальня называлась и *одрина;* она иногда устраивалась отдѣльнымъ строеніемъ на дворѣ и имѣла свое крыльцо и сѣни. На современномъ болгарскомъ языкѣ слово *одьрь, одръ* означаетъ широкую лавку для спанья (или для сидѣнья); *одъръ* по болгарски полъ, скамья, ложе; слово это встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ съ XI в.; въ настоящее время *одъръ* означаетъ и кровать, которая называется и *патъ, патецъ, ракла.* Сербъ говоритъ *одар,* употребляя это слово въ смыслѣ кровати и постели; хорватское *odar* имѣетъ тоже значеніе, а равно означаетъ помостъ вообще. На словинскомъ языкѣ употребляется въ смыслѣ кровати лишь уменьшительное слово *oderc,* что означаетъ дѣтскую кровать; *oder* значитъ помостъ, катафалкъ, эшафотъ. Такимъ образомъ, слово это, обще-славянское, сохранилось преимущественно въ языкахъ южныхъ славянъ. Группа западныхъ славянъ, какъ кажется, совершенно не употребляетъ слова одръ (или ему подобныя) въ смыслѣ мѣста для сна. Эти славяне пользуются другимъ словомъ, а именно словомъ *ложе.* У насъ это слово встрѣчается въ смыслѣ постели въ памятникахъ XI вѣка. Въ современномъ языкѣ названное слово употребляется болѣе въ возвышенномъ слогѣ или въ отвлеченномъ значеніи; говорятъ напримѣръ *брачное ложе, наложница;* во всякомъ случаѣ подъ *ложе* болѣе понимаютъ кровать съ постелью, чѣмъ то или другое въ отдѣльности. *Ложко* употребляется (въ томъ же значеніи) преимущественно на югѣ и западѣ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ говорятъ и

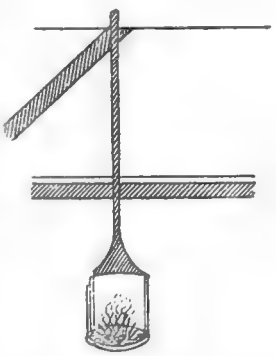
ложка, напримѣръ въ Гродненской и Минской губерніяхъ, и *лужка*, напримѣръ въ Виленской губерніи; въ Гродненской губерніи слово это произносится также: *лошка*, *лашко*. Въ малороссійскомъ говорѣ говорится *лижко* въ смыслѣ какъ кровати, такъ и постели. Болгары говорятъ *легло* и *легало* болѣе въ смыслѣ постели, а сербы въ томъ же смыслѣ употребляютъ слова *лежница* и *ложиште*; *ложа*—означаетъ логовище, а *ложница*—спальню. На хорватскомъ языкѣ *lož*—означаетъ мѣсто сна, въ частности логовище; *lože*—кровать, постель; *ložje*—кровать; *ložnica*—спальня. Словинцы пользуются словомп *loź*—для выраженія мѣста сна, вообще, логовища, гнѣзда, На польскомъ языкѣ *łóżko*—кровать; на чешскомъ *lože*—кровать, постель, а на словацкомъ *loža*—постель, *ložnica*—спальня.

Что касается слова *кроватъ*, то оно, кромѣ нашего языка, свойственно еще языкамъ южныхъ славянъ. У насъ это слово встрѣчается еще въ Словѣ о полку Игоревомъ; въ настоящее время подъ кроватью, или какъ говорятъ на западѣ и югѣ *коровать* или на западѣ *кравать*, подразумѣвается помостъ на ножкахъ, на которомъ кладется болѣе или менѣе мягкая постилка, т. е. постель. Въ Воронежской губерніи кроватью называютъ и клѣть, въ которой спятъ лѣтомъ. На болгарскомъ языкѣ кровать называется *кревет*ъ, на сербскомъ *кревет*. Въ частности въ Черногоріи *кревет* есть лежанка, нагрѣваемая снизу. Въ хорватскомъ языкѣ въ нашемъ смыслѣ употребляется слово *krevet*. Группѣ западно-славянскихъ языковъ слово кровать повидимому совсѣмъ неизвѣстно, не употребляется оно и въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Напротивъ того, слово *постель* употребляется всѣми славянами и всегда въ одномъ преимущественно смыслѣ, въ смыслѣ постилки на кровать. Понятіе, связанное со словомъ постель, нерѣдко переносится и на весь помостъ для сна т. е. на кровать; въ этомъ смыслѣ постель употребляется въ современномъ русскомъ языкѣ, а также въ хорватскомъ, чешскомъ, словацкомъ. Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ слово *постель* встрѣчается съ XI вѣка; въ настоящее время названное слово выражаетъ вообще постилку для спанья, напримѣръ войлокъ, тюфякъ, мѣшокъ и т. п.; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ нерѣдко вмѣсто постель—*постеля*, а въ Вятской губерніи—*постланъ*; на малороссійскомъ нарѣчіи говорятъ и *постеля* и *постиль*. Указанное понятіе передается другими славянскими языками такъ: по болгарски—*постеліа, постеля, постелка, постелътя;* по сербски—*постелья;* по хорватски—*poctelj, postelja*; по словински—*postelj,*

postelja и *posteljiśće*; по польски—*posciel*; по чешски *postel* и по словацки—*postel*.

Таково типичное устройство жилой хаты. Къ перечисленному инвентарю можетъ, какъ то бываетъ у болѣе зажиточныхъ, присоединяться другой, знаменующій большій комфортъ, но перечисленный представляется характернымъ именно въ указанномъ расположеніи какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ хозяевъ. Это, можно сказать, минимальный инвентарь, который придаетъ типичность внутреннему устройству хаты. Изъ остального инвентаря имѣется нерѣдко на лицо и кадка съ водой, (если она не стоитъ въ сѣняхъ), нѣсколько стульевъ, шкафъ, ткацкій станокъ, въ рѣдкихъ случаяхъ (у шляхтичей) диванъ, дополнительный столъ, мѣшки съ мукой (если нѣтъ кладовой), комодъ и т. д. Однако всѣ эти предметы не являются столь типичными, какъ ранѣе перечисленные. Есть однако еще предметъ или приспособленіе, встрѣчающееся въ настоящее время рѣдко, но нѣкогда составлявшее непремѣнную принадлежность хаты,—это приспособленіе для освѣщенія. Въ настоящее время хата освѣщается обыкновенно керосиновой лампой, однако и лучина еще не вполнѣ утратила своего значенія. Но даже тамъ, гдѣ она болѣе не употребляется, сохранилось устроенное для нея приспособленіе. Оно называется *комином*ъ и представляетъ либо описанную уже выше нишу съ края печи, либо очажокъ (*комин*ъ, *комынок*ъ) отдѣльно (часто въ углу) стоящій, на которомъ зажигалась лучина. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя и весьма рѣдко, употребляется такъ называемый *каганец*ъ (см. прилагаемый чертежъ). Это сковородка, подвѣшанная къ воронкѣ, обращенной узкой шейкой къ верху; шейка эта удлиняется въ трубку, выводящую копоть и проходящую черезъ потолокъ, чердакъ и крышу. *) Въ нѣкоторыхъ, весьма глухихъ мѣст-

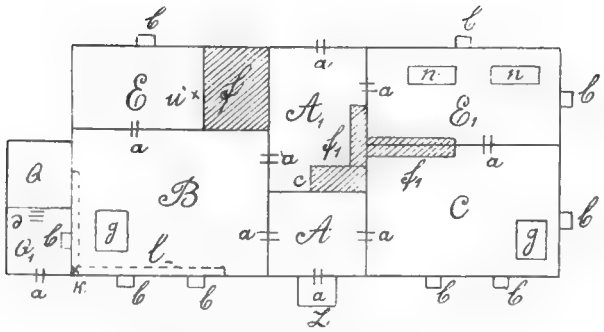


Каганецъ.
(Съ рис. *Н. Г. Невѣровича*)

*) Въ Малороссіи *каганецъ*—родъ подсвѣчника для лучины, сдѣланный изъ глины, въ верхней своей части расширяющійся въ видѣ плошки; и здѣсь каганецъ почти совершенно вывелся изъ употребленія.

ностяхъ, какъ напримѣръ кое гдѣ въ Бѣловѣжской пущѣ, можно встрѣтить другое интересное приспособленіе для лучины, несущее равнымъ образомъ названіе *коминъ*. Это очажокъ у внутренней, отдѣляющей хату отъ сѣней, стѣны со стороны противоположной печи. Такой очажокъ представляетъ каменную вдѣланную въ стѣну полочку, надъ которой помѣщается крутой навѣсъ, такъ что все устройство представляетъ какъ бы нишу въ стѣнѣ съ навѣсомъ. Такой коминъ имѣетъ подъ навѣсомъ отверстіе въ стѣнѣ, выводящее дымъ отъ лучины въ сѣни. Это приспособленіе, весьма архаическое на видъ и интересное само по себѣ, заслуживаетъ особаго вниманія и потому еще, что совершенно ему подобное устройство для лучины же и притомъ на томъ же мѣстѣ, какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, встрѣчается въ горнихъ деревняхъ Верхней Крайны среди словинцевъ. Послѣдніе въ настоящее время тоже не употребляютъ болѣе лучины, тѣмъ не менѣе очажокъ, хотя и не служащій болѣе для прямыхъ своихъ цѣлей, встрѣчается довольно обычно. Однако названіе его въ Крайнѣ не коминъ, а *leva*, что на словинскомъ языкѣ означаетъ и каминъ и нишу. Словинская лева, за ненадобностью, быстро исчезаетъ въ деревняхъ, передѣлываясь нерѣдко въ стѣнной шкафчикъ, но въ глухихъ углахъ она все еще встрѣчается и дымникъ ея, проходящій черезъ стѣну, мѣстами еще торчитъ въ сѣняхъ, какъ совершенно ненужный, по нынѣшнимъ условіямъ жизни, придатокъ.*) Въ такомъ же приблизительно положеніи и коминъ Сѣверо-Западнаго края, съ тѣмъ лишь различіемъ, что керосиновая лампа здѣсь еще не вытѣснила окончательно лучину и эта послѣдняя все еще тутъ и тамъ продолжаетъ служить источникомъ свѣта. Интересно здѣсь же отмѣтить, что мѣстами въ Сѣверо-Западномъ краѣ очажкомъ—коминомъ, будь онъ при печкѣ или стоящимъ отдѣльно, пользу-

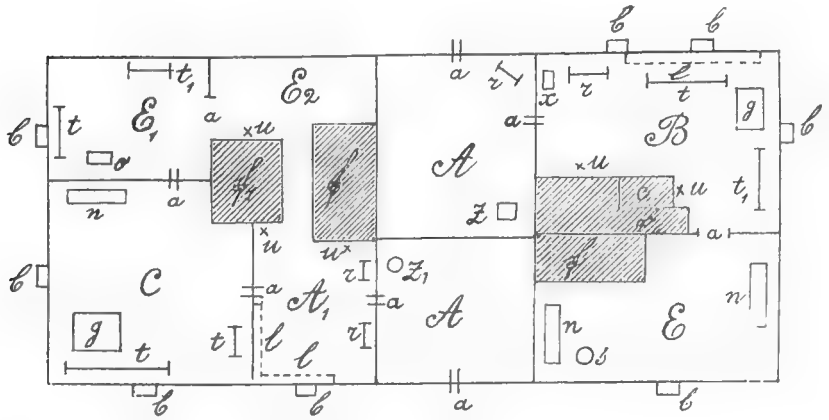
*) Мы думаемъ, что тождественность словинской левы съ описаннымъ коминомъ въ Бѣловѣжской пущѣ объясняется общностью происхожденія этого приспособленія отъ нѣмецкихъ сосѣдей: нѣкоторое германское вліяніе на словинское жилище не подлежитъ сомнѣнію, что касается Бѣловѣжской пущи, то въ ней при польскихъ корояхъ были и нѣмецкія поселенія.



Черт. 55. **Хата**

изъ м. Яловки, Волковыс. у., Гродн. губ.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата; *C*—станція (чистая хата); *E*—коморка (рабочая комн.); E_1—коморка (спальня); *L*—крыльцо; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *c*—плита; *d*—лѣстница въ погребъ; *f*—рус. печь; f_1, f_1—печи-стѣновки; *g*, *g*—столы; *k*, *k*—иконы; *l*—лавка; *n*, *n*—кровати; *u*—топка печи; *Q*—погребъ; Q_1—сѣни передъ погребомъ.



Черт. 56. **Хата**

изъ дер. Загорье, Волковыскаго у., Гродн. г. (принадлежитъ двумъ братьямъ).

A, *A*—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата одного брата; *C*—хата другого брата; *E*—отдѣленіе первой хаты, имѣющее значеніе спальни; E_1—отдѣленіе внутри хаты (спальня); E_2—часть этого отдѣленія; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *c*—плита; *ff*—р. печи; *ff*,—согрѣв. печи; *g*, *g*—столы; *l*—лавка; *n*, *n*—кровати; *o*—сундукъ; *r*, *r*—полки; *s*—ушатъ; *t*, *t*—скамьи; t_1, t_1—стулья; *u*, *u*—топки печей; *x*—шкафъ; *z*—ручн. мельница; z_1—ступа.

ются и для установки керосиновой лампы. Такимъ образомъ, крестьянинъ, перемѣнивъ источникъ свѣта, еще не отказался отъ первоначальнаго приспособленія для него.

Описанное выше жилье—*хата* содержитъ все необходимое для простѣйшаго хозяйства. Это—основная ячея, около которой впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія быта и потребностей, группировались и къ которой примыкали другія помѣщенія, знаменующія первые шаги въ поискахъ за бо́льшими удобствами, чѣмъ тѣ, которыя представляются хатой какъ таковой. Хата, какъ основное жилище, способна существовать самостоятельно. Она представляетъ сама по себѣ нѣчто цѣльное, законченное. Таковой по крайней мѣрѣ слѣдуетъ ее себѣ представить въ первой стадіи ея развитія. Таковой мы ее встрѣчаемъ иногда, хотя и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, въ настоящее время у наиболѣе бѣдныхъ крестьянъ, какъ то можно напримѣръ видѣть на рис. 9, изображающемъ хату изъ Бѣловѣжской пущи, Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Однако въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ хатѣ примыкаетъ другое помѣщеніе, безъ котораго современная хата въ Сѣверо-Западномъ краѣ обыкновенно не строится; это—сѣни.

2. Сѣни—помѣщеніе располагающееся по всей ширинѣ хаты со стороны ея входной двери. Входная дверь въ сѣни никогда не находится противъ таковой, ведущей въ хату, а подъ прямымъ къ ней угломъ. Образуя переднюю, прихожую къ хатѣ, сѣни вмѣстѣ съ тѣмъ удлиняютъ послѣднюю. (см. чер. 25—60, буква А). Обычное наименованіе этого добавочнаго помѣщенія—*сьни*. Но на ряду съ этимъ въ Минской, Витебской, Могилевской, Виленской и отчасти въ Гродненской губерніяхъ говорятъ и *сьнцы*; въ Витебской губерніи употребляютъ слово *сьнки*; въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи говорятъ *сины*, а въ Кобринскомъ уѣздѣ той же губерніи—*синэ* (также *сьнцы*).

Сѣни Сѣверо-Западнаго края въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ потолка; поэтому пространство ихъ свободно соединяется

съ просторомъ, образуемымъ скатами крыши. Если потолокъ и дѣлается, то такъ называемый холодный, т. е. безъ верхней настилки изъ мха, соломы и глины. Полъ обыкновенно земляной, рѣже глиняный, но можетъ быть и выложенный камнями, а въ рѣдкихъ случаяхъ и досками. Хата расположена въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ, что входная дверь въ сѣни и слѣдовательно и въ домъ вообще ведетъ со двора. Противъ этой двери можетъ находиться другая, выводящая на противоположную сторону, такъ что сѣни представляются сквозными, какъ то обычно имѣетъ мѣсто напримѣръ въ Витебской губерніи, гдѣ съ противоположной двору стороны хаты находятся хлѣва. Сквозныя сѣни спорадически встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края (см. черт. 45, 46, 47, 48, 53 стр. 176, 182, 206). Однако обыкновенно въ остальныхъ губерніяхъ задняя часть сѣней задѣлана стѣной. Весьма часто задняя половина сѣней отгорожена подъ хозяйственное помѣщеніе, играющее роль кладовой (черт. 27, 30, 31, 32, стр. 122, 135, 140). Въ правой или лѣвой стѣнѣ находится дверь въ жилую комнату—хату. Стѣна, противоположная стѣнѣ со входомъ въ послѣднюю, можетъ быть глухой, если ею оканчивается весь домъ или къ нему тѣсно примыкаетъ хлѣвъ или сарай (черт. 25, 31, стр. 116, 134). Однако въ этой, противоположной хатѣ, стѣнѣ въ свою очередь можетъ находиться дверь. Послѣдняя ведетъ либо во вторую жилую комнату—хату, либо, что болѣе обычно, въ помѣщеніе для хозяйственныхъ надобностей (черт. 32, 34, 35, 39, стр. 140, 146, 158).

Сѣни жильемъ не служатъ. Нѣтъ поэтому въ нихъ и какой либо утвари, типичной именно для сѣней, за исключеніемъ ручныхъ жернововъ (*жорна*, *жерны*, *жораў*) для умолота зерна или большой деревянной ступы. Однако и это предметы, вообще выводящіеся, часто отсутствуютъ. Служа мѣстомъ склада тѣхъ предметовъ, которые по характеру работы и жизни крестьянина должны быть подъ рукой, сѣни несутъ явный характеръ промежуточнаго помѣщенія, главная цѣль котораго защищать жилое помѣщеніе отъ

холода, а также соединять его съ тѣми помѣщеніями, которыя составляютъ дополнительныя части дома. Нерѣдко сѣни представляются почти ничѣмъ не занятыми. Изъ обычныхъ, но совершенно не обязательныхъ предметовъ, которые можно встрѣтить въ сѣняхъ, это: корыто для кормки свиней, ушаты, бочки, кадки съ водой. Въ рѣдкихъ случаяхъ, у бѣдныхъ семействъ въ сѣняхъ можно встрѣтить то, что у болѣе зажиточныхъ хранится въ особыхъ помѣщеніяхъ, напримѣръ: сундукъ съ цѣнными вещами и деньгами, кадки или корзины съ хлѣбомъ и мукой. Зимою сѣнями пользуются для кормленія свиней, куръ и гусей, а лѣтомъ въ нихъ нерѣдко обѣдаютъ и спятъ.

Служа переходнымъ просторомъ изъ одного помѣщенія въ другое, будь то двѣ хаты, расположенныя по обѣ стороны сѣней, или будь то другія помѣщенія, сѣни служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ сообщенія съ чердакомъ при посредствѣ приставной лѣстницы, (*драбина*), которая либо несмѣнно стоитъ на своемъ мѣстѣ, (см. рис. 169) прислоняясь къ краю чердака, либо приставляется въ случаѣ надобности. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Гродненской губерніи, въ сѣняхъ иногда устраивается подвалъ или погребъ.

И такъ мы повторяемъ, что значеніе сѣней—это промежуточное, соединяющее другія, помѣщеніе.

Можетъ однако подняться вопросъ, было ли такое значеніе сѣней искони и не представляютъ ли сѣни ту основную ячею, изъ которой, путемъ постепенной эволюціи, развился весь домъ въ современномъ его видѣ. На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно и на основаніи современнаго характера, присущаго сѣнямъ, и на основаніи ихъ развитія, а равно самого ихъ наименованія.

Въ отношеніи современнаго характера сѣней слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ нихъ нѣтъ ничего, чтобы могло указывать на существованіе въ нихъ пережитковъ первобытнаго жилья. Здѣсь нѣтъ ни очага, ни печи, ни святыни, ни обѣденнаго стола, ни

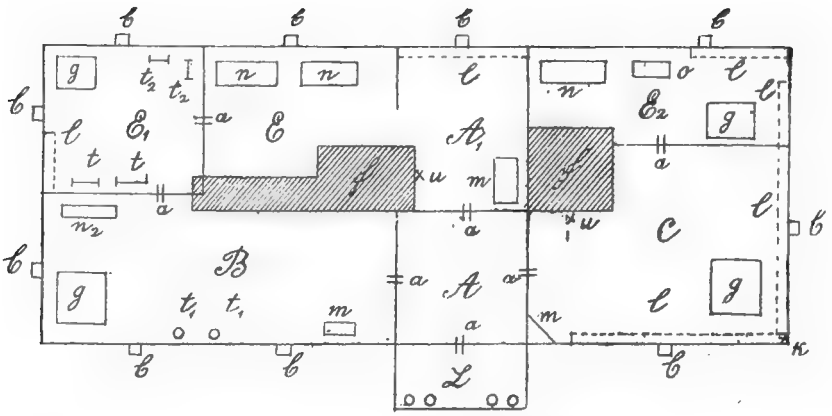
ложа, ничего, однимъ словомъ, что представляетъ видимую основу существованія. Что касается развитія сѣней, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего повторить, что сѣни совсѣмъ не являются безусловно обязательной принадлежностью дома крестьянина. Правда, въ современномъ быту можно лишь рѣдко встрѣтить хаты, которыя лишены сѣней, тѣмъ не менѣе такія хаты, какъ указано, встрѣчаются (черт. 23, стр. 110). Знаменуя бѣдность владѣльца, такія хаты въ большинствѣ случаевъ находятся въ глухихъ углахъ и несутъ слѣды старой постройки. Однако есть и новыя хаты, лишенныя сѣней. Это тѣ, которыя не окончены постройкой, такъ какъ сооруженіе дома идетъ не отъ сѣней къ хатѣ, а обратно, т. е. ставится хата, а къ ней пристраиваются, если имѣются средства, сѣни. Послѣднія могутъ быть пристроены и черезъ годъ, два, въ теченіе какового времени хата стоитъ безъ сѣней, причемъ наружный входъ въ домъ является уже не съ длинной стороны, а со стороны фронтона. Примѣромъ такой хаты можетъ служить изображенная на рис. 156. Хата эта, хотя и не изъ Сѣверо-Западнаго края, а изъ Харьковской губерніи, по обстоятельство это существа дѣла не измѣняетъ, такъ какъ значеніе сѣней должно быть признано одинаковымъ повсемѣстно въ Россіи. Наконецъ сѣни въ Сѣверо-Западномъ краѣ не всегда даже имѣютъ значеніе прихожей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сѣни ни что иное какъ пристройка, служащая помѣщеніемъ для скота (черт. 24, стр. 116). Все это въ достаточной мѣрѣ показываетъ, что сѣни не основа, а придатокъ дома. Придаточность сѣней можно усмотрѣть и изъ слѣдующаго. Въ Витебской губерніи убогій бобыль, непмѣющій средствъ при построеніи своей хаты оборудовать и сѣни, пристраиваетъ на ихъ мѣстѣ жердяную или частокольную изгородь, защищая промежутки ея соломой, тросникомъ нли камышомъ. Такія первобытныя сѣни могутъ получить соломенную крышу. Иногда они, съ ростомъ благосостоянія бобыля, замѣняются настоящими сѣнями.

Придаточный характеръ сѣней вполнѣ подтверждается и самимъ наименованіемъ ихъ. Слово это происходитъ отъ древне-

славянскаго *стьнь*, изъ котораго образовались слова: *сѣнь* и *тѣнь*, что означаетъ тѣнь.

Сѣнь или *сѣнница* на старорусскомъ языкѣ обозначало навѣсъ у дома, крытое крыльцо, галлерею, балконъ, наконецъ навѣсъ для лѣтней прохлады, т. е. все то, что не прочно и не составляетъ, да и не можетъ составлять, органическую часть дома. Лишь впослѣдствіи сѣни, по мѣрѣ своего развитія, получили значеніе прочной части жилья, а равно значеніе обобщающее. Отмѣтить слѣдуетъ, что и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Пензенскомъ уѣздѣ, деревянныя сѣни считаются роскошью. Здѣсь, а равно въ другихъ уѣздахъ той же губ., напр. въ Краснослободскомъ и Чембарскомъ, сѣни сооружаются изъ хвороста, представляя плетеное и слѣдовательно непрочное помѣщеніе.

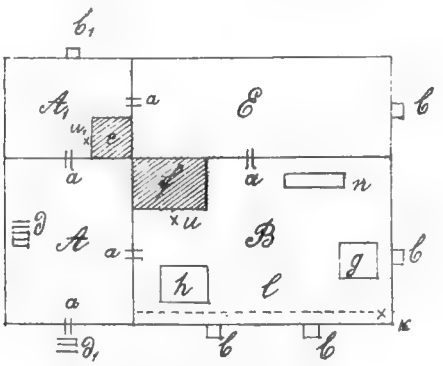
Слово *сѣни* въ смыслѣ помѣщенія, употребляется, кромѣ русскихъ, лишь у группы западныхъ славянъ: поляковъ, чеховъ и словаковъ. Въ другихъ славянскихъ языкахъ *сѣни, сѣнь,* и т. п. слова сохранили свое первоначальное значеніе тѣни и не употребляются въ переносѣ на жилье или часть его. Въ русскомъ языкѣ слово *сѣни* какъ извѣстно, очень распространено и употребляется повсемѣстно. На церковно-славянскомъ языкѣ *сѣнь* означаетъ навѣсъ, балдахинъ, кущу, наметъ, палату, шатеръ, шалашъ; напримѣръ „надпрестольная сѣнь“ или „сотворимъ здѣсь три сѣни“ (Матѳ. 17, 4). Въ старинномъ русскомъ языкѣ *сѣни* употреблялись между прочимъ и въ смыслѣ дома вообще, (котор. назывался и *сѣнницею*) а также въ смыслѣ судебнаго мѣста, архіерейскаго подворья, княжескаго дворца. Такое понятіе въ отношеніи слова сѣни вѣроятно стояло въ связи съ тѣмъ, что въ сложныхъ старинныхъ постройкахъ сѣни играли важную роль переходовъ, связывавшихъ отдѣльныя части дома, хоромы. По этому поводу И. Забѣлинъ говоритъ, что княжескій дворецъ не составлялъ цѣльнаго зданія, собственно дома, а дробился на множество клѣтей, хоромъ, избъ, которыя по необходимости связывались переходами—*сѣнями,* которые представляли важное и неизбѣжное условіе расположенія отдѣльныхъ хоромъ. Въ древней Руси *сѣнникомъ* называли холодный покой безъ печи, а *сѣнями* и *сѣнницею*—площадку крыльца на столбахъ, покрытую навѣсомъ. Слово *сѣнь* употребляется въ настоящее время отчасти въ отвлеченномъ значеніи слова, въ смыслѣ защиты, покрова, убѣжища. Слово же *сѣни* понимается въ смыслѣ



Черт. 57. **Домъ шляхтича**

Минск. г., Бобр. у., у мѣстечка Свислочи.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—салона; *C*—жилое помѣщеніе половинщика; *E*—спальня; E_1—столовая; E_2—боковая комната у половинщика; *L*—крыльцо; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; *f*, *f*—печи; *g g*—столы; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; *m*, *m*—шкафы; *n*, *n*—кровати; n_2—диванъ; *o*—сундукъ (скринъ); *t*, *t*—скамьи; t_1, t_1—стулья; t_2, t_2—табуреты; *u*, *u*—топки печей.



Черт. 58. **Х а т а**

изъ дер. Огородники, Бѣлостокск. у., Гродн. г.

A—сѣни; A_1—кухня; *B*—хата; *E*—комора; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1—мал. окно; *c*—коминъ; *d*—лѣстница на чердакъ; d_1—три ступени; *f*—печь; *g*—столъ; *h*—верстакъ; *k*—икона; *l*—скамья; *n*—кровать; *u*—топка печи; u_1—топка комина.

наружной холодной части дома. Сѣни слѣдуютъ непосредственно за крыльцомъ дома; за сѣнями предполагается передняя, которая теплая, тогда какъ сѣни холодное, ни для чего опредѣленнаго (кромѣ огражденія внутренняго помѣщенія отъ холода) не назначенное помѣщеніе. Если сѣни парадныя или если онѣ составляютъ часть общественнаго зданія, то онѣ въ настоящее время называются обыкновенно *вестибюлемъ*. Примѣненіе этого латинскаго слова *(vestibulum)* къ нашимъ сѣнямъ нельзя не признать въ томъ отношеніи правильнымъ, что оба понятія совершенно тождественны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣсто сѣни говорятъ *сѣнницы*, напримѣръ въ Воронежской губерніи; употребляется мѣстами и слово *сѣнница*, а въ Вологодской губ. *сини;* говорятъ и *сѣнникъ*, но въ нѣсколько иномъ, чѣмъ сѣни, смыслѣ. А именно, во Владимірской, Ярославской и Вологодской губерніяхъ сѣнникомъ называютъ клѣть, чуланъ, холодную горницу противъ избы черезъ сѣни. На малорусскомъ нарѣчіи сѣни произносятъ *сиӊы;* въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ говорятъ и *синцы* и *сѣнцы* и *сиӊы* и *сѣни*. Прихожая на малорусскомъ нарѣчіи: *прысинокъ*. Что касается остальныхъ славянскихъ народовъ, то сѣни по польски—*sień*, по чешски—*síň, síňka, předsíň, předsíni*, по словацки *predsien*. На послѣднеозначенномъ языкѣ *sień* означаетъ комнату. По болгарски слово *сѣнѣтя* означаетъ навѣсъ; по сербски—*сен, сена, осин, засинак*, по хорватски—*sjen, sjena, osjen, zasienak*, по словински—*senca*, по польски—*cień* по чешски—*stín*, по словацки—*tieň* и по малороссійски—*тинь* означаютъ тѣнь.

На ряду со словомъ сѣни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края, напримѣръ въ Гродненской губерніи, употребляются и другія слова какъ: *примы*, *пріймы*—въ Сокольскомъ уѣздѣ; *примень* и *привень*—въ Слонимскомъ уѣздѣ и *промень*—въ Гродненскомъ уѣздѣ; говорятъ и *тристынъ*, если къ сѣнямъ примыкаетъ жилье лишь съ одной стороны, тогда какъ съ другой домъ оканчивается сѣнями, которыя, такимъ образомъ, образуются тремя стѣнами. Всѣ эти наименованія, такъ же какъ и сѣни, свойственны одному и тому же помѣщенію, имѣющему, какъ указано, дополнительный, а не основной характеръ.

Придаточное значеніе сѣней важно отмѣтить для уясненія вопроса о ходѣ развитія жилья, такъ какъ это развитіе шло далеко не

одинаковымъ путемъ у всѣхъ славянскихъ народностей. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ основу жилья стало именно то помѣщеніе, которое съ перваго взгляда совершенно соотвѣтствуетъ русскимъ сѣнямъ. Наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ можно привести изъ исторіи развитія словинскаго жилья. Въ его основу легло то помѣщеніе, которое по всему, казалось бы, тождественно съ сѣнями, но которое содержитъ очагъ и топку лежащей въ жиломъ помѣщеніи печи и называется не сѣнями, а *вѣжею*. Это, когда то очевидно самостоятельное, первобытное жилье, не приняло участія въ созиданіи дома ни вообще въ Россіи, ни въ частности въ ея Сѣверо-Западномъ краѣ. Означенное слово почти утрачено въ русскомъ языкѣ и во всякомъ случаѣ имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ у словинцевъ и вообще у южныхъ славянъ. Знаменитая „Бѣлая Вѣжа“, находящаяся въ Каменцѣ-Литовскомъ, Гродненской губерніи, и выстроенная Владиміромъ Васильковичемъ Волынскимъ въ концѣ XIII вѣка— высокая башня (съ готическими окнами), ничего общаго съ первобытнымъ жильемъ не имѣетъ.

Изъ сказаннаго видно, что слово вѣжа уже въ XIII вѣкѣ имѣло на русскомъ языкѣ значеніе башни, какъ это между прочимъ слѣдуетъ изъ словъ Ипатьевской лѣтописи подъ 1259 годомъ: „вѣжаже средѣ города высока, якоже бити с нея окрестъ града“. *Вѣжа (вежа)* имѣла значеніе не только башни, но и прочнаго строенія вообще, такъ напримѣръ: „въ новомъ-же въ каменномъ городѣ на большомъ посадѣ у вежи для береженья“ (Карамзинъ). Въ строительномъ искусствѣ допетровской Руси вѣжа означала вышку на домѣ, повидимому, круглой формы; эта надстройка составляла третій этажъ дома. Въ смыслѣ башни, а также колокольни и тюрьмы, слово вѣжа употребляется въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ. Отъ башни и тому подобнаго сооруженія, очевидно, получили свои наименованія и города Бѣлая Вѣжа. Одинъ изъ нихъ находился въ Переяславскомъ княжествѣ, на рѣкѣ Сулѣ къ востоку отъ Прилукъ, а другой въ Черниговскомъ княжествѣ, близь верховьевъ рѣки

Остры, на мѣстѣ современной нѣмецкой колоніи Бѣлая Вѣжь или Бѣлемешь, въ Борзненскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи. Послѣдній городъ извѣстенъ уже въ XII вѣкѣ. Кромѣ того Бѣлою Вѣжею, какъ извѣстно, назывался городъ (или крѣпость) хазаровъ Саркелъ, лежавшій, вѣроятно, приблизительно въ мѣстности современнаго Калача на Дону. Про Саркелъ въ лѣтописи подъ 965 годомъ говорится: „одолѣ Святославъ казаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю взя“ (Пов. вр. л. 6473). *).

Слово вѣжа въ смыслѣ башни и т. п. употребляется и въ польскомъ языкѣ: *wieża*—башня, каланча, колокольня, тюрьма; въ чешскомъ: *wež*, *wěže*—башня, *wižka*—башенька, *weženi*—тюрьма; въ словацкомъ: *veža*—башня. Засимъ, на сербскомъ языкѣ *вежа* означаетъ ворота, на хорвацкомъ: *veža*—проѣздъ черезъ ворота, въѣздъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Хорватіи и комплексъ хозяйственныхъ строеній у жилого дома. У словинцевъ же, а также тѣхъ хорватовъ, которые съ ними соприкасаются, *veža* означаетъ то помѣщеніе, которое по своему мѣстоположенію соотвѣтствуетъ сѣнямъ хаты или избы, но отличается отъ сѣней наличностью очага. Кромѣ того на словинскомъ языкѣ *veža* означаетъ переднюю, прихожую, а выраженіе *veža božja* храмъ, божій домъ. На болгарскомъ языкѣ слово вѣжа, повидимому, совершенно не существуетъ. Зато у остатковъ полабскихъ славянъ названное слово имѣетъ весьма характерное значеніе, значеніе жилого дома, а именно въ нижнелужицкомъ нарѣчіи—*wjaža*, а у люнебургскихъ полабовъ—*visa*.

На ряду съ указаннымъ значеніемъ слова вѣжи оно употреблялось въ старорусскомъ, а отчасти употребляется и до настоящаго времени въ смыслѣ непрочнаго, легкаго и первобытнаго жилья. Въ смыслѣ шатра, кибитки слово вѣжа (вежа)

*) Слово „бѣлая“ въ соединеніи съ вѣжей слѣдуетъ понимать въ переносномъ смыслѣ, какъ и въ такихъ выраженіяхъ какъ: бѣлая грамота, бѣлая земля, бѣлая изба, бѣлая палата, бѣлая Русь и т. п. Что это дѣйствительно такъ, убѣждаетъ помянутая выше башня Бѣлая Вѣжа въ Каменцѣ-Литовскѣ, которая выстроена изъ краснаго (а не бѣлаго) кирпича.

употребляется въ примѣненіи къ разнаго рода кочевникамъ: угрямъ—IX вѣка, печенѣгамъ, торкамъ, чернымъ клобукамъ и берендеямъ—XII вѣка, татарамъ—XIV вѣка: „великыи же князь Дмитреи Ивановичь на заутріе поиде за ними (татарами Мамая) слѣдомъ ихъ и обрѣте въ поле повержены дворы ихъ и вежи". Въ Архангельской губерніи по настоящее время шалаши лопарей изъ жердей, покрытые хворостомъ и мхомъ, называются *вѣжами*. На Черноморьѣ *вѣжа* означаетъ тонь, ватагу съ шалашами на берегу; а равно шалашъ надъ прорубомъ для ловли рыбы; въ Курской-же губерніи *вѣжкой* именуется полевой шалашъ, сторожка, балаганъ.

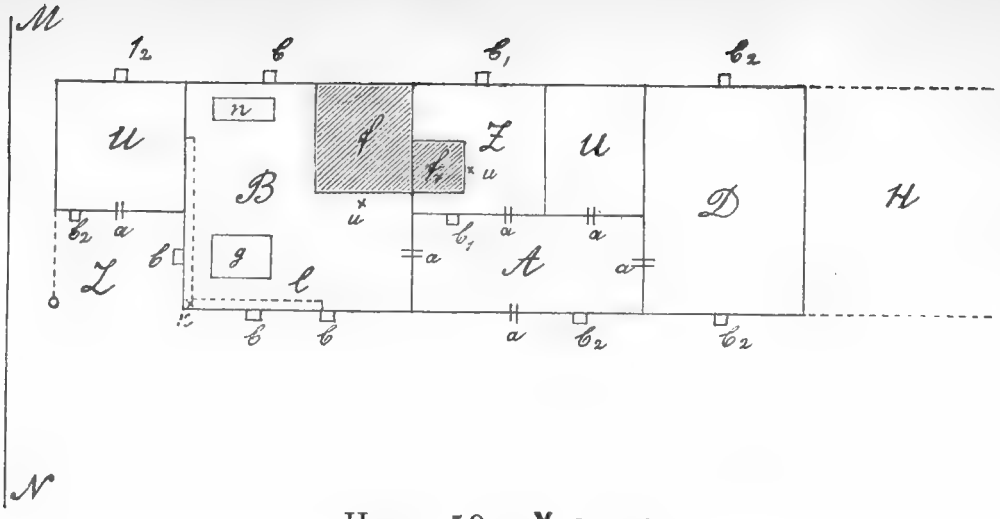
Все сказанное не позволяетъ сомнѣваться, что вѣжа играла въ дѣлѣ развитія славянскихъ жилищъ болѣе важную роль, чѣмъ то можетъ показаться изъ соображенія этого слова въ смыслѣ, принятомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, т. е. въ смыслѣ башни. Роль вѣжи въ развитіи жилья словинцевъ опредѣленная. А именно, она, какъ помѣщеніе съ очагомъ и поэтому первичная ячея жилья, легла въ основу ихъ жилища, сохранивъ и по сіе время основной характеръ благодаря тому, что не утратила искони присущаго ей очага (см. рис. 157). Остальныя помѣщенія, созидавшія сложный словинскій домъ, лишь примыкали къ основному—вѣжѣ. Вѣроятно подобную же роль съиграла послѣдняя и въ развитіи дома лужичанъ и полабовъ—остатковъ полабскихъ славянъ (см. рис. 188 и 195) *).

*) Жилище полабскихъ славянъ недостаточно еще изучено. Тѣ матеріалы, которыми мы располагаемъ (см. F. Tetzner.—Die Slawen in Deutchland, Braunschweig, 1902 и Pfuhl.—Lausitzisch—wendisches Wörterbuch, Budissin, 1866) показываютъ, что какъ у лужичанъ, такъ и у полабовъ въ основу дома легло помѣщеніе съ очагомъ. Однако какое оно несетъ наименованіе у той и другой народности, авторъ, описывающій ихъ жилище, къ сожалѣнію не обозначаетъ. Во всякомъ случаѣ отмѣтить слѣдуетъ, что жилища лужичанъ сохранили еще совершенно славянскій типъ постройки (рис. 188), тогда какъ у полабовъ домъ совершенно саксонскаго типа (рис. 195). Послѣднее не удивительно, такъ какъ полабы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, живутъ на лѣвомъ берегу р. Эльбы (Лабы) и тѣсно соприкасались съ саксами уже съ X в. Въ настоящее время они вполнѣ германизировались: богослуженіе на ихъ языкѣ прекратилось въ серединѣ XVIII в., но уже въ XVII ихъ «Отче нашъ» несло слѣды германизаціи.

Вслѣдствіе разности происхожденія того помѣщенія, которое русскія племена и западные славяне называютъ *сѣнями* и аналогичнаго имъ помѣщенія, которое словинцы именуютъ *вѣжей*, мы должны разсматривать и всю исторію развитія современнаго жилища этихъ народностей съ разныхъ точекъ зрѣнія. А именно это развитіе шло не у всѣхъ славянъ одинаковымъ порядкомъ: у однихъ отъ изба—хата, т. е. отъ отопляемаго печью помѣщенія, а у другихъ отъ того помѣщенія, которое, по своему мѣсту положенія, соотвѣтствуетъ сѣнямъ, но содержитъ очагъ. Къ послѣдняго рода жилищамъ мы должны отнести жилыя постройки всѣхъ вообще южныхъ славянъ, у которыхъ (за исключеніемъ словинцевъ) развитіе жилья стоитъ часто (напр. на Балканскомъ полуостровѣ) на значительно низшей степени развитія, чѣмъ у русскихъ и западныхъ славянъ.

Если мы двинемся отъ словинцевъ къ югу и юго-востоку, то мы не встрѣтимъ вѣжи ни въ качествѣ самостоятельнаго помѣщенія, ни въ смыслѣ придаточнаго, но найдемъ помѣщеніе ему соотвѣтствующее и по положенію и по наличности очага, однако съ другимъ наименованіемъ, не менѣе впрочемъ характернымъ, чѣмъ вѣжа, наименованіемъ, не только не чуждымъ словинцамъ, но такъ или иначе извѣстнымъ всему славянскому міру. Наименованіе это—*кѫща*, или *кышта*, или *коча*, или *куча*, или *кутья*. Въ развившихся домахъ слова эти означаютъ помѣщеніе, соотвѣтствующее сѣнямъ русскихъ и западно-славянскихъ избъ—хатъ, но снабженное обязательно очагомъ, т. е. помѣщеніе, совершенно соотвѣтствующее словинской вѣжѣ. Тѣ же слова могутъ означать и кухню, но все же съ очагомъ. Однако болѣе характерное, болѣе существенное значеніе названныхъ словъ, это—жилой домъ.

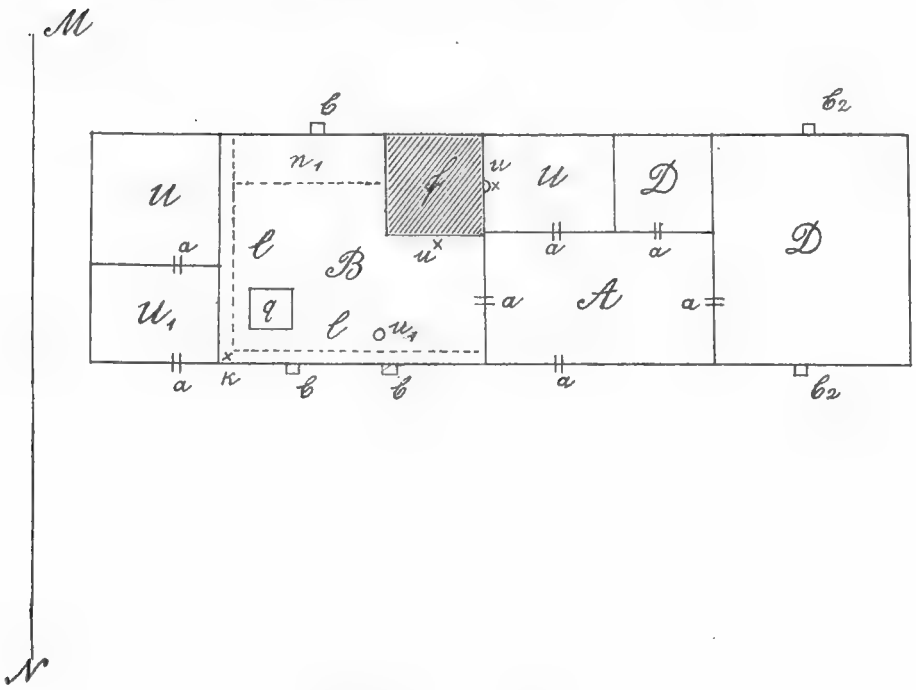
У болгаръ слово, обозначающее домъ вообще—это *кѫща*, *кѫшта*, *кышта*, *кашта кукя*, *куһа*; слова эти означаютъ въ частности избу, землянку и т. п. жилище; *кѫща уземъ*—землянка, синонимъ *ижи* или *хижи*, а *кѫща наземъ*—наземный



Черт. 59. **Хата**

изъ слободки Хватка, Пружанск. у., Гродн. г.

A—сѣни; *B*—хата; *D*—комора; *H*—мѣсто примыканія ряда хлѣвовъ; *L*—крылечки подъ навѣсомъ, поддерживаемымъ столбомъ; *M*—*N*—дорога—улица; *U*, *U*—стебка; *Z*—помѣщеніе для обжиганія горшковъ, *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_1—мал. окна; b_2, b_2—просвѣтцы; *f*—печь: f_1—печь для обжиганія горшковъ; *g*—столъ; *k*—икона; *l*—лавка; *n*—кровать; *u*, *u*—топки.



Черт. 60. **Хата**

изъ дер. Плебанцы, Пружан. у., Гродн. г.

A—сѣни; *B*—хата; *D*, *D*—коморы; *M*—*N*—дорога—улица; *U*, *U*—стебки; U_1—передняя часть стебки *(подстебка)*; *a*, *a*—двери; *b*, *b*—окна; b_2 b_2—просвѣтцы; *f*—печь съ черною топкой; *k*—икона; *l*, *l*—лавки; n_1—широкая лавка для спанья; *g*—ткацкій станокъ; *u*—топка; u_1—мѣсто отверстія въ потолкѣ и крышѣ для выхода дыма; *u* (справа отъ печи)—мѣсто отверстій въ стѣнѣ для прохода тепла въ стебку.

домъ, т. е. изба (рис. 193, 194 и 197). Болгарскія слова *кѫшта* и *кѫща* встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ съ XI в. Въ это время они употребляются въ смыслѣ палатки, шалаша; съ XIII в. значеніе ихъ мѣняется и они употребляются въ смыслѣ хижины, дома. Тутъ же умѣстнымъ представляется отмѣтить, что на болгарскомъ языкѣ *кѫтъ* означаетъ очагъ и промежутокъ между печью и стѣною и что на этомъ языкѣ имѣется нѣсколько уменьшительныхъ словъ въ смыслѣ домика: *кѫщя*, *кѫщенце*, *кѫщица*, *кукица*; *кѫщовникъ*—хорошій хозяинъ. *) На сербскомъ языкѣ *куча*—домъ вообще (рис. 82, 83, 84, 85, 87, 123, 140, 165, 166, 167); въ частности—домъ со всѣмъ имуществомъ, столовая, комната для супруговъ, всякое помѣщеніе съ очагомъ, служащее жильемъ; *велика куча* въ Босніи означаетъ задругу; *кутя* въ Черногоріи есть основная комната въ двукамерной постройкѣ, гдѣ находится очагъ, т. е. основа жилья; *кучара*—по сербски клѣть, *кучер*, *кучерица*, *кучарица*—шалашъ, *кушта*—палатка, шатеръ; въ частности въ Черногоріи: *кутјера* или *кутјара* означаетъ временное лѣтнее жилище. У хорватовъ домъ, жилище, жилье, зданіе, а равно земельное имущество и очагъ называются *кућа*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Приморьѣ—*kutja*, *kutija* (рис. 93, 147, 148, 151); тѣми же словами, въ частности, называется крестьянскій домъ, т. е. изба; *кућица* или *kutjica*—домикъ, напримѣръ: *ribarska kućica*—рыбачья хата (рис. 148). Словинецъ въ смыслѣ дома употребляетъ (кромѣ слова *hiša*) и слово *кућа*; онъ говоритъ и *коча* и *кочне*; послѣднее слово болѣе въ смыслѣ хижины или убогаго зданія, (напримѣръ рис. 149); *коти кочо dati*—пріютить; кромѣ того словинецъ Верхней Крайны подразумѣваетъ подъ словомъ *коча* всякій деревянный крестьянскій домъ, даже, если онъ богато обстроенъ (напримѣръ изображенные на рис. 75 и 78) въ отличіе отъ каменнаго, который въ указанной мѣстности называется не иначе какъ *hiša* (напримѣръ рис. 79 и 80). Отъ *коча* и *кућа*

*) Въ смыслѣ дома на болгарскомъ употребляются также слова: *ижа* или *хижа* (собственно землянка), *сарай*, *сарае*, а также *керхана*; послѣднее слово въ смыслѣ громаднаго дома.

на словинскомъ языкѣ имѣются производныя слова: *kočne*—сѣнной горный сарайчикъ, *kočiса*—хатка, *kočar*—обитатель избушки, хатки; отъ слова же *kiča* произошли слова: *kičan*—сожитель, *kičnik*—содержатель дома, *kičarica*—хижина.

Такимъ образомъ въ *кучь-кочь-кышть* мы несомнѣнно имѣемъ первобытное жилище, характеризующееся наличностью очага. Это жилище съ развитіемъ превратилось, присоединивъ къ себѣ дополнительныя помѣщенія, въ помѣщеніе соотвѣтствующее нашимъ сѣнямъ, не утративъ, однако, очага. Кромѣ того, именно въ виду присутствія послѣдняго *куча-коча-кышта* пріобрѣла характеръ кухни. Поэтому она вполнѣ соотвѣтствуетъ словинской *вьжь*, которая равнымъ образомъ благодаря очагу повсемѣстно имѣетъ значеніе и кухни. Осложнившись и модифицировавшись, *куча-коча-кышта* не утратила своего основного значенія, значенія жилого дома, жилища вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ это жилище сохранило значеніе простѣйшаго дома тамъ, гдѣ послѣдній достигъ значительныхъ степеней своего развитія. Такъ у словинцевъ, у которыхъ обычный деревенскій домъ именуется *хишей*, домъ однокамерный и въ частности жилище горнаго пастуха называется *коча, кочне.*

Эти наименованія жилого дома, сколь они ни кажутся чуждыми русскому языку, въ дѣйствительности стоятъ въ тѣсной связи съ подобными словами и въ нашемъ языкѣ, передавая въ концѣ концовъ то же понятіе о домѣ, жильѣ, въ частности жилищѣ простѣйшемъ. Въ древне-русскомъ языкѣ, а именно въ XV-XVI в. в., встрѣчается слово *куча* въ смыслѣ хижины и шалаша; (у гуцуловъ *куча* означаетъ свинушникъ); въ томъ же смыслѣ и въ тѣ же столѣтія мы встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ слово *куща.* Но гораздо ранѣе указаннаго времени употребляется слово *куща* (*кѫшта*), а именно въ XI вѣкѣ, слово это означаетъ палатку, шалашъ, хижину; отсюда: *кущьникъ* въ смыслѣ отшельника, келейника, напримѣръ, Св. Іоаннъ Кущьникъ (XII вѣка); въ XV в. встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ и уменьшительное слово отъ *куща*—

кущица. Слово *куща* употребляется и по настоящее время въ смыслѣ шатра, шалаша, намета, палатки, балагана, навѣса, бесѣдки, хижины, или временной лачуги въ лѣсу. Такимъ образомъ, это слово на русскомъ языкѣ обозначало и обозначаетъ временное или постоянное, но легкое, переносное, шалашеподобное жилье. Въ Архангельской губерніи употребляютъ слово *кушица* (*кущица*), означающее землянку, временно жилую пещеру, крытую яму; *кущникъ* въ названной губерніи—житель хижины, старикъ, поселяемый для пріема проѣзжихъ по безлюднымъ дорогамъ.

Указанныя слова считаются происходящими отъ основного слова *кутъ*—уголъ, извѣстнаго какъ въ старинномъ, такъ и въ современномъ русскомъ языкѣ. На послѣднемъ говорѣ и *кутъ* и *кутъ*. Слова эти обозначаютъ, съ одной стороны, уголъ вообще, закоулокъ, тупикъ, конецъ залива, заводи, мыса и проч., а съ другой—тотъ или другой уголъ избы. Это значеніе означенныхъ словъ представляется для исторіи развитія жилища особенно важнымъ. *Кутомъ, кутью,* а также *кутникомъ* въ губерніяхъ Владимірской, Вятской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Тверской, Тульской и Ярославской называютъ придверный уголъ, находящійся противъ печи; въ другихъ мѣстностяхъ этотъ уголъ называется *коникомъ*; здѣсь помѣщается шкафчикъ для разнаго рода предметовъ. Въ Пензенской губ. *кутомъ* называютъ и мѣсто для сна: отъ печи къ фронтонной стѣнѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ Архангельской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Курской, Пермской, Симбирской, Саратовской губерніяхъ, а также въ Сибири, *кутомъ, кутью* или *кутникомъ* называется бабій уголъ, т. е. *стряпня* (кухня) за перегородкой или за занавѣской противъ печного устья; въ Сибири *кутомъ* вообще называютъ кухню или заднюю избу, за которой слѣдуетъ передняя, чистая изба; въ Вологодской губерніи *кутъ* равнымъ образомъ можно считать за кухню: а именно изба раздѣляется перегородкой, идущей отъ края печи на двѣ части—на избу въ собственномъ значеніи этого слова и *кутъ*, заключающую печное устье и примыкающую къ двери, такъ что изъ сѣней попадаешь сначала въ *кутъ*, а затѣмъ въ избу; въ *кутъ* сидятъ бабы, а въ избѣ мужики. Въ иныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Новгородской, Курской, Псковской и Смоленской губерніяхъ, *кутъ* означаетъ красный уголъ, т. е. мѣсто подъ образами; то же значеніе имѣетъ *кутъ* на всемъ западѣ и югѣ; отсюда *кутяне*—

почетные гости. Въ частности, въ Сѣверо-Западномъ краѣ *кутъ, куць, кутъ*—есть уголъ подъ образами, называемый также *закуцце;* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Гродненской губерніи, этотъ уголъ называется и *покутъ, покутъ, покуць, покутье.* Въ мѣстностяхъ, населенныхъ малоруссами, красный уголъ называется (кромѣ *кутъ*), *кутокъ, закутъ, покутъ, покутье.* Послѣднее слово въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи означаетъ потолокъ. Наконецъ *кутъ, кутъ* или *кутный уголъ* можетъ означать и мѣсто, гдѣ спитъ хозяинъ; поэтому *кутникъ*—нара, постель хозяина; *кутное* окно—волоковое окошко надъ нарою.

Такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ слово кутъ означаетъ собственно не уголъ вообще въ домѣ, а опредѣленное, спеціальное мѣсто, имѣющее то или иное важное въ домѣ значеніе. Поэтому куту возможно придать значеніе основы дома.

Не лишнимъ представляется отмѣтить, что въ большинствѣ нашихъ губерній *кутъ, кутъ*—это уголъ избы или хаты или вообще мѣсто въ избѣ, связанное такъ или иначе съ печью, т. е. тѣмъ источникомъ тепла, который замѣнилъ собою очагъ. Поэтому быть можетъ не слишкомъ смѣло будетъ предположеніе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ первоначальное жилище съ очагомъ *(кутъ* или т. п.) было заброшено, его наименованіе перенесено на ту часть новаго жилья, которая въ большей степени, чѣмъ остальныя части напоминаетъ первобытное, отоплявшееся очагомъ жилище. Смыслъ кута, какъ жилья, станетъ яснѣе, если принять другое его значеніе, которое сохранило силу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. А именно *кутъ* среди бѣлорусскаго населенія означаетъ хату бобыля на чужой землѣ и небольшую усадьбочку, арендуемый участокъ земли съ хозяйственнымъ жильемъ и обзаведеніемъ, хуторокъ, пріютъ; *кутокъ*—укромное мѣсто, домикъ; *кутникъ*—однодворецъ, бобыль, живущій съ семействомъ въ чужомъ домѣ, арендаторъ участка, безземельный крестьянинъ. Значеніе *кута,* какъ жилища, повидимому косвенно подтверждается и слѣдующими словами бѣлорусскаго и великорусскаго нарѣчій: *закутка*—уединенное, т. е. за домами лежащее мѣсто, въ частности хлѣвъ; въ Смоленской губерніи *закута*—пристройка при домѣ, въ которомъ ягнятся овцы, а въ Нижегородской—нижняя или задняя часть избы, приспособленная для скота. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края встрѣчается слово *закутокъ* въ смыслѣ отдаленнаго отъ главной улицы мѣста; *закутье* означаетъ

въ Рязанской губерніи задъ дворовъ, чуланъ, кладовую; въ Псковской губерніи *закутки*—ворота, особенно гуменника *).

Кромѣ общности у всѣхъ славянъ понятіе *кущи-кочи-кучи-кышта* какъ о жильѣ и поэтому древности этого жилья, кромѣ первобытности его въ виду наличности очага, мы должны еще отмѣтить первобытность формъ *кущи-кочи-кучи-кышта*, которая, какъ указывалось, весьма не рѣдко обозначаетъ менѣе жилой домъ, чѣмъ временный пріютъ-шалашъ, шатеръ или вообще жилище убогое, неразвитое. Въ этомъ отношеніи особенно важнымъ представляется отмѣтить, что въ Босніи, гдѣ домъ, какъ и въ остальныхъ сербскихъ земляхъ, называется *куча*, жилище представляютъ рядъ переходовъ отъ низшихъ типовъ къ высшимъ, причемъ всѣ эти типы сохранили явный характеръ шатра-шалаша. Въ качествѣ примѣра прежде всего могутъ служить два дома, изображенные на рис. 82 и 83. Первый изъ нихъ представляетъ изъ себя сплошной, плетеный и однокамерный шалашъ съ четырехскатной крышей. Второй, обмазанный глиной, двукамерный, покрытъ гонтомъ. Эти шалаши—кочи такъ малы, что въ нихъ едва можно повернуться, и тѣмъ не менѣе они представляютъ полное жилище, служащее для надобностей цѣлой семьи. На рис. 84 изображенъ значительно болѣе развитой (впрочемъ тоже двукамерный) домъ изъ сруба. Онъ принадлежитъ сербу изъ племени васкевичей въ Черногоріи и не оставляетъ сомнѣнія въ тѣсной генетической связи своей съ предыдущими двумя домами изъ Босніи. Къ нимъ же въ свою очередь примыкаетъ боснійскій домъ, изображенный на рис. 165, а равно болѣе развитые два дома, изображенные на рис. 85 и 166. Всѣ эти шесть домовъ составляютъ единую группу по особому своему

*) Нашъ кутъ, уголъ по болгарски: *кѫтъ, кѫтища кѫтове*. Что касается сербскаго языка, то уголъ на этомъ языкѣ *кут* или *закутак*. Въ хорватскомъ уголъ называется *kut*; по словински *kut*, означающій въ частности красный уголъ. Въ группѣ западныхъ славянъ понятіе о кутѣ, какъ о жилищѣ, выражено такъ же рельефно, какъ и среди велико-мало-и бѣлоруссовъ, а именно: по польски уголъ—*kat*, *zakat*; *kutnik*—бездомный человѣкъ; на чешскомъ языкѣ *kout*—уголъ; *kaut*—уголъ и колыбель (дѣтская кровать); по словацки: *kut*—уголъ, *kutera*, *kutica*—избушка, лачуга, людская.

тину, происшедшему отъ шалаша, прототипъ котораго былъ вѣроятно не плетенье даже, а жерди, покрытыя хворостомъ и вѣтвями, камышомъ или тому подобнымъ матеріаломъ. Важнымъ представляется отмѣтить, что въ Босніи основная ячея—куча иногда дѣлится поперечной перегородкой на два помѣщенія: переднее безъ очага, получающее значеніе сѣней, и заднее съ очагомъ, пріобрѣтающее характеръ кухни. При такомъ дѣленіи кучи это наименованіе сохраняется за той частью помѣщенія, въ которой остается очагъ, тогда какъ переднее помѣщеніе, т. е. сѣни, именуются *аралукъ*.

Если мы теперь бросимъ взглядъ на все сказанное въ отношеніи *кута*, *кочи*, *кущи* и т. п., то мы не можемъ не отмѣтить, съ одной стороны, что съ этими словами въ славянскихъ языкахъ связаны самыя существенныя понятія, касающіяся жилья, а именно уголъ его и, въ частности, уголъ, имѣющій первенствующее или во всякомъ случаѣ важное значеніе; далѣе помѣщеніе съ очагомъ, а иногда и печью, затѣмъ задруга; съ другой стороны—съ этими словами соединяется понятіе о самомъ жильѣ, какъ таковомъ, о домѣ, имуществѣ, участкѣ земли; наконецъ, тѣ же слова указываютъ намъ на первобытныя формы жилья—на шалашъ, шатеръ и т. п. Все это позволяетъ думать, что первичнымъ, искусственно сдѣланнымъ жилищемъ всѣхъ славянъ былъ шатеръ-шалашъ, носившій названіе *кутъ*, *kut* или т. п. Такой шатеръ—шалашъ развился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Босніи, отчасти въ Черногоріи до степени жилого дома иногда довольно сложнаго, въ другихъ мѣстностяхъ онъ остался на весьма низкихъ ступеняхъ. Такъ, одинъ изъ нашихъ путешественниковъ *) по Македоніи слѣдующими словами описываетъ жилище мѣстнаго славянина: „хижина, говоритъ онъ, безъ окопъ, безъ всякаго выхода для дыма, безъ половъ на битой землѣ; огонь разводится тутъ же на землѣ, а дымъ закапчиваетъ потолокъ, состоящій не столько изъ брусьевъ, сколько изъ дровъ и вѣтвей; комнатъ нѣтъ, но тутъ, возлѣ очага, сбоку есть нѣсколько

*) Вѣщій Олегъ—Болгарія и Македонія. С. П. Б. 1903 г.

болѣе возвышенный земляной полъ". Засимъ, мѣстами первобытное жилище замѣнилось жильемъ другимъ или слилось съ новыми формами, изобрѣтенными или занесенными. Такъ, у словинцевъ шатеръ-коча очевидно сочетался съ хижей, которая, какъ сказано выше, въ своей основѣ имѣла землянку, а затѣмъ, по мѣрѣ ея развитія, и срубъ, во всякомъ случаѣ жилище болѣе прочное, конечно, не передвижное, какимъ былъ первоначальный шалашъ-шатеръ. Наконецъ, у западныхъ славянъ и у русскихъ первичное, какъ мы предполагаемъ, жилье или заброшенное или перерожденное новыми формами сохранилось какъ понятіе объ основѣ современнаго жилища.

Если куща-куча-коча была первичнымъ славянскимъ жилищемъ, то она очевидно совпадала съ кочевымъ образомъ жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кочевой славянинъ осѣлъ, не покидая первоначальнаго жилища-кочи, какъ мы въ томъ можемъ убѣдиться въ Босніи и отчасти въ Черногоріи, гдѣ оно развилось до степени сравнительно сложнаго дома. Въ другихъ случаяхъ и вѣроятно болѣе или менѣе повсемѣстно на смѣну *кочи-кучи-кущи* пришла *ижа-хижа-хиша*, представлявшая первоначально землянку. Переходя, съ развитіемъ въ срубы, хижа, говоря вообще, замѣнилась вѣроятно клѣтью, а затѣмъ избой, а мѣстами тождественной съ нею хатой. Таковъ могъ быть общій процессъ развитія славянскаго жилья, получившаго выраженіе и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Однако, процессъ этотъ не шелъ, да и не могъ идти повсемѣстно вполнѣ однородно: въ иныхъ мѣстахъ были и другія первобытныя жилища-шалаши, при чемъ пускало болѣе глубокіе корни одно жилье и развивалось далѣе; въ другихъ мѣстахъ укоренялось иное жилище, получая преимущественное преобладаніе. Въ теченіе исторіи развитія славянскаго дома сказывались разныя вліянія и притомъ разновременно и въ разныхъ мѣстностяхъ различныя. Эти вліянія проявлялись, быть можетъ, уже на зарѣ культурной жизни славянскихъ народовъ и *куча-коча-куща*, будучи, какъ мы предполагаемъ, первичнымъ жильемъ, не оставалось, въ дальнѣйшемъ развитіи

славянства, единственнымъ первобытнымъ жилищемъ. Такъ, въ словинскомъ домѣ, наряду съ кочей, можно услѣдить *вьжу*, которая, какъ первобытное жилище, относясь къ глубокой древности, очевидно, принимала дѣятельное участіе въ созиданіи дома лужичанъ и полабовъ. И *куща-коча* и *вьжа* становились въ основу развивавшагося жилища. Южно-славянскій домъ, въ противоположность дому русскому и западныхъ славянъ, можно себѣ представить безъ теплой, снабженной печью комнаты-избы (такіе дома въ дѣйствительности встрѣчаются) *), но нѣтъ возможности найти у южныхъ славянъ дома, у котораго отсутствовало бы помѣщеніе съ очагомъ, носящее наименованіе—*куща-коча-куча*, а у словинцевъ и *вьжа*. Именно это помѣщеніе и представляетъ основную ячею въ жилищѣ сербовъ, въ частности, босняковъ, герцеговинцевъ, черногорцевъ, далѣе хорватовъ, словинцевъ и болгаръ **), у которыхъ отопляемое печью помѣщеніе, если оно

*) См. нашу работу: „Жилище словинца Верхней Крайны. С. П. Б., 1903 г. и въ „Живой Старинѣ", в. III—IV, 1902 г.

**) У болгаръ Измаильскаго, Аккерманскаго и Бендерскаго у., Бессарабской губ. помѣщеніе, соотвѣтствующее сѣнямъ, называется *хаятъ*. Слово это вѣроятно заимствовано у гагаузовъ, съ которыми болгары часто живутъ совмѣстно и у которыхъ *хаятъ* или *хаята* равнымъ образомъ означаетъ подобное сѣнямъ помѣщеніе. Болгарская хаятъ характеризуется наличностью очага—*баджакъ*. Онъ прислоняется къ стѣнѣ жилого покоя и представляетъ низкій, вершковъ въ 5 уступъ, надъ которымъ сведенъ высокій сводъ, придающій очагу видъ, весьма схожій съ обычнымъ нашимъ каминомъ. Этотъ очагъ со сводомъ такъ великъ, что въ баджакѣ могутъ смѣло помѣщаться дѣти средняго возраста. На баджакъ выходитъ устье печи, лежащей въ жиломъ помѣщеніи. У гагаузовъ Бессарабской губ., которые, какъ только что сказано, часто живутъ совмѣстно съ болгарами, дома одинаковаго съ болгарскими устройства, но наименованіе дома и нѣкоторыхъ его частей иное. Такъ, домъ гагаузовъ называется *евь;* тѣмъ же словомъ именуютъ и жилой покой. Очагъ въ сѣняхъ (*хаята*) называется *атешликъ*, труба же надъ очагомъ именуется *баджя*. Въ отношеніе домовъ гагаузовъ и тождественныхъ съ ними домовъ болгаръ Бессарабской губ., интересно отмѣтить, что евь и кышта, подобныя изображенной на рис. 197, или даже болѣе развитыя, служатъ для пріема гостей, а не для жилья. Въ качествѣ же жилища служитъ другое зданіе, либо схожее по постройкѣ съ домомъ, но меньшихъ размѣровъ, либо иного характера (см. рис. 199, 200). Это жилье, при наличности развитого дома, у болгаръ называется не иначе, какъ *кухня*, а у гагаузовъ *хашкана*. Она, какъ видно на рисункахъ, имѣетъ входъ съ фронтона, полуплоскую крышу, не оставляющую мѣста для чердака и покрытую либо соломой и камышомъ, либо (что болѣе обыкновенно) глиной—землей. Внутренній просторъ описанной

имѣется, есть помѣщеніе позднѣйшее, дополнительное. Первичная ячея можетъ существовать совершенно самостоятельно, представляя однокамерный домъ, снабженный очагомъ; такіе дома не рѣдки, особенно на Балканскомъ полуостровѣ. Дальнѣйшее развитіе ихъ заключалось въ томъ, что къ основной ячеѣ присоединялось новое жилое помѣщеніе, часто отопляемое печью; печь эта обыкновенно не наша хлѣбовка, а иного устройства и часто съ инымъ наименованіемъ—*соба*, отчего и само согрѣваемое помѣщеніе на Балканскомъ полуостровѣ носитъ часто именно это наименованіе. У хорватовъ и особенно словинцевъ къ основной ячеѣ *кучь* или *вьжь* присоединилась *хиша* и *изба* съ печью для хлѣбопеченья, выходящею своимъ устьемъ на очагъ, лежащій, какъ неоднократно указывалось, въ основномъ помѣщеніи.

Въ связи съ изложеннымъ мы должны въ исторіи развитія жилища славянъ строго различать жилье южныхъ славянъ отъ жилья русскихъ племенъ. Къ послѣднимъ тѣсно примыкаютъ поляки, чехи и словаки, у которыхъ, какъ и у велико-мало-и бѣлоруссовъ, сѣни составляютъ придаточное помѣщеніе, а не основное; основнымъ же у нихъ является помѣщеніе, отопляемое печью, тогда какъ когда то существовавшее жилье съ очагомъ заброшено и забыто.

Раздѣляя славянскій міръ въ отношеніи развитія жилья на двѣ части: на ту, въ основу жилья которыхъ легло помѣщеніе съ очагомъ (славяне отъ Савы и Дуная къ югу) и на ту, жилище которыхъ сгруппировалось около отопляемаго печью помѣщенія (русскіе и западные славяне), мы должны оговориться, что въ данномъ случаѣ мы исключаемъ изъ славянскаго міра тѣ остатки славянскихъ племенъ, которые въ настоящее время обитаютъ Германію. Мы исключаемъ ихъ потому во первыхъ, что жилище ихъ недостаточно изучено, а во вторыхъ оттого, что съ наличнымъ матеріаломъ трудно оріентироваться въ томъ, что́ въ

«кухни» или хашканы расположенъ частью ниже уровня почвы. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что мы въ означенной «кухнѣ» имѣемъ развившуюся землянку, т. е. *бурдей*, о которой мы уже писали на стр. 68—69 и которая болѣе или менѣе тождественна съ болгарской ижей или хижей.

жилищѣ ихъ можетъ быть признано славянскимъ и что́ (въ виду значительной, а иногда и полной германизаціи) германскимъ. Одинъ изъ весьма серьезныхъ этнографовъ *), описавшій бытъ означенныхъ славянъ, игнорируя номенклатуру отдѣльныхъ частей жилища ихъ и не придавая, повидимому, достаточнаго значенія очагу въ дѣлѣ исторіи развитія жилища, не смотря на всѣ высокія достоинства своего труда о славянахъ въ Германіи, затемняетъ, съ нашей точки зрѣнія, интересующій насъ вопросъ. Тѣмъ не менѣе, повидимому, съ достаточною опредѣленностью можно констатировать, что очагъ въ томъ помѣщеніи, которое соотвѣтствуетъ сѣнямъ, присущъ жилищамъ мазуровъ, полабовъ, сорбовъ. **) Зато очагъ отсутствуетъ у леба-кашубовъ („словинцевъ“) и кашубовъ, ***) такъ же, какъ и у поляковъ Познани, За-

*) F. Tetzner—Die Slawen in Deutschland. Braunschweig. 1902.

**) *Мазуры* живутъ на югѣ Восточной Пруссіи въ части, граничащей съ нашими Сувалкской, Ломжинской и Плоцкой губерніями, и считаются отраслью польскаго племени. *Полабы* живутъ на западной сторонѣ нижняго теченія Лабы (Эльбы), между этой рѣкой и ея небольшимъ притокомъ Этцель въ Люховскомъ у. Гановерской провинціи Пруссіи. Составляя, быть можетъ, остатки бодричей Нестора, полабы въ настоящее время, какъ уже указывалось, вполнѣ германизировались. Весьма интересные во многихъ отношеніяхъ *сорбы* или *лужицкіе сербы*, или *венды*, или *лужичане* (въ X в. лужичане или лужане и мильцы или мильчане) представляютъ въ настоящее время, какъ и полабы, остатки когда то обширнаго племени полабскихъ славянъ, насчитывающіе теперь отъ 120 до 150000 душъ, живущихъ частью въ Саксоніи, частью въ Пруссіи. Еще въ X в. все пространство между рѣкой Одрой (Oder) и р. Лабой [Elbe] было занято полабскими славянскими племенами, которые граничили: на востокѣ съ поляками, на западѣ съ саксами и на югѣ съ чехами. Собственно лужичане жили на верхнемъ теченіи р. Спревы [Spree]. Ведя борьбу съ норманами, датчанами и другими германскими племенами, полабскіе славяне въ IX-X в. в. подчиняются Карлу Великому и Генриху I; въ XI в. земли ихъ отходятъ къ Польшѣ, а въ XIV в. соединяются съ Чешскимъ государствомъ. Въ 1635 г. лужичане становятся саксонскими подданными. Въ дальнѣйшей своей исторіи Лузація раздѣляется на Верхнюю и Нижнюю, изъ которыхъ вторая принадлежитъ Пруссіи съ 1815 г. Въ настоящее время лужичане сильно германизированы (Котебузъ-Hottbus, Любинъ-Lübben); часть ихъ говоритъ лучше на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ на родномъ. Послѣдній представляетъ переходъ отъ чешскаго къ польскому съ своеобразными особенностями.

***) *Леба-кашубы*, которыхъ можно считать за остатки древнихъ поморянъ, живутъ въ незначительномъ числѣ въ сѣверо-восточной части Померанія между рѣкой Леба и р. Люповъ. *Кашубы*, причисляемые къ польскому племени, представляютъ небольшой народецъ, живущій южнѣе леба-кашубовъ въ Западной Пруссіи.

падной Пруссіи и Верхней Силезіи. Данныя эти, которыя, впрочемъ, требуютъ еще тщательной провѣрки, строго говоря, не могутъ имѣть отношенія къ вопросу о *сѣняхъ*, такъ какъ, на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ, опредѣлить исторію развитія жилищъ названныхъ остатковъ племенъ невозможно, какъ невозможно опредѣлить, какое наименованіе носитъ въ ихъ домахъ то помѣщеніе, которое соотвѣтствуетъ сѣнямъ. Въ общемъ можно лишь отмѣтить, что жилище означенныхъ остаточныхъ племенъ (за исключеніемъ полабовъ, домъ которыхъ саксонскаго типа), представляя разныя стадіи развитія, совершенно соотвѣтствуетъ жилищамъ русскихъ, западныхъ и южныхъ славянъ до Балканскаго полуострова, въ тѣхъ же стадіяхъ ихъ развитія. Сколь аналогичны планы жилищъ выше переименованныхъ славянъ съ планами жилищъ остальныхъ славянъ до Балканскаго полуострова, столь же аналогична и внѣшняя структура ихъ домовъ, за исключеніемъ домовъ полабовъ (рис. 195).

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что хотя у малороссовъ, также у поляковъ, мы и встрѣчаемъ въ сѣняхъ очажокъ, но придавать ему особое значеніе, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые авторы, *) намъ представляется неправильнымъ—во первыхъ потому, что онъ не встрѣчается повсемѣстно, а во вторыхъ оттого, что значеніе его совершенно второстепенное. Такой очажокъ мы должны поэтому причислить къ явленіямъ позднѣйшаго порядка. Кстати надлежитъ отмѣтить, что указанный очажокъ несетъ несвойственное славянскому очагу наименованіе: *кабыця*, *кабичь*, *кабичка*, тогда какъ очагъ въ основномъ помѣщеніи южныхъ славянъ называется *огнище*. Кромѣ того кабыця и по внѣшней своей формѣ не имѣетъ ничего общаго съ очагомъ южнаго славянства, у котораго онъ, занимая центральное или боковое положеніе, всегда доминируетъ въ помѣщеніи, въ которомъ онъ расположенъ.

*) В. Харузина.—Замѣтки о крестьянскомъ жилищѣ въ Верхнеднѣпровскомъ у., Екатеринославской губ. (Этнограф. Обозрѣн. кн. LXV—LXVI, 1905 г. № 2 и 3, М., 1906 г.).

Выше нами было уже сказано, что всѣ сѣни, будь они принадлежностью великорусскаго или малорусскаго или иного дома, имѣютъ одинаковое происхожденіе. Въ отношеніе послѣдняго весьма интересно обратить вниманіе на сѣни хатъ русинъ Буковины, напр. въ Хотинскомъ у., Бессарабской губ. Сѣни здѣсь интересны тѣмъ, что представляютъ рядъ переходныхъ стадій развитія въ отношеніе характера отопленія печи. Она помѣщается въ хатѣ и топится обыкновенно по черному. Печной дымъ выводится изъ хаты въ сѣни черезъ круглое отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ, отдѣляющей хату отъ сѣней. Въ послѣднихъ (они называются обыкновенно *хоромы*, *хороми*; это наименованіе господствуетъ въ нашей и австрійской Буковинѣ, не исключая и гуцульскаго населенія *) Карпатъ) нѣтъ никакихъ слѣдовъ, напоминающихъ очагъ. Дымъ свободно подымается подъ крышу (потолокъ отсутствуетъ) и выходитъ обыкновенно черезъ дыру въ крышѣ дома, которая ясно видна на рис. 198. Дымомъ въ сѣняхъ пользуются для копченія окороковъ, которые подвѣшиваются подъ крышу. Съ тою же цѣлью, къ слову будь сказано, пользуются и дымникомъ надъ помянутой выше кабичкой. Въ дальнѣйшемъ развитіи сѣней русиновъ, они получаютъ особое приспособленіе для вывода дыма. А именно въ серединѣ сѣней въ крышу вдѣлывается пирамидальной формы дымоловъ—*комин*ъ. Онъ состоитъ изъ жердяного плетенья, обмазываемаго глиною и, нависая нижнимъ раструбомъ надъ просторомъ сѣней, увеличиваетъ тягу и способствуетъ тѣмъ самымъ скорѣйшему выводу дыма изъ сѣней. Подобное устройство, встрѣчающееся не рѣдко и въ молдавскихъ домахъ Бессарабіи (остовъ такого дымоотвода можно видѣть на рис. 189, слѣва крыши), показываетъ въ свою очередь, что сѣни могутъ получать разныя приспособленія, связанныя съ отопленіемъ жилища, но не имѣющія ничего общаго съ очагомъ и не мѣняющія существо характера сѣней, какъ дополнительнаго (а не основного) помѣщенія.

*) R. Kaindl.—Die Huzulen. Wien, 1894.

Умѣстнымъ представляется здѣсь же отмѣтить указаніе одного изъ авторовъ, *) согласно которому у ганаковъ **) Моравіи будто еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ сѣняхъ помѣщался очагъ, на который выходило и устье печи. Мы думаемъ, однако, что если авторъ не ошибается въ отношеніе наличности очага въ сѣняхъ, то онъ имѣлъ передъ собою совсѣмъ не славянскій типъ дома, а типъ дома германскаго, занесеннаго въ Моравію. Дома германскаго типа спорадически встрѣчаются и восточнѣе и южнѣе Моравіи; въ Привислянскомъ краѣ, въ Гродненской губ., въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ. Исторія ихъ развитія иная; для нихъ типичнымъ является, между прочимъ, то, что въ основу ихъ легло помѣщеніе, соотвѣтствующее по расположенію нашимъ сѣнямъ, но снабженное очагомъ, т. е. тождественное съ *кущей-кочей* и *вп-жей*. Этому характеру германскихъ сѣней соотвѣтствуетъ и ихъ наименованіе: *Haus* (мѣстами *Flur*) т. е. домъ. Въ Норвегіи, напримѣръ, и по настоящее время находятся остатки древняго жилья, которые показываютъ, что это жилище, первоначально шалашъ, согрѣвалось нѣкогда ничѣмъ инымъ какъ очагомъ. Есть основаніе полагать, что въ Норвегіи на ряду съ очагомъ печь появилась не ранѣе XI в., вѣроятно вмѣстѣ съ появленіемъ новаго помѣщенія, ставшаго рядомъ съ первоначальнымъ. Это послѣднее, не утративъ очага, пріобрѣло у германскихъ племенъ въ большинствѣ случаевъ значеніе кухни. Интересно отмѣтить, что по сіе время въ германскомъ домѣ такъ называемаго саксонскаго типа (южнѣе Мекленбурга и сѣвернѣе Харца къ восточному теченію Рейна) въ помѣщеніи съ очагомъ находятся кровати хозяина и хозяйки, т. е. главъ семьи, что особенно оттѣняетъ основной характеръ этого помѣщенія. Наличность очага

*) V. Houdek.—Der hannakische Bauerngrund. „Cesky lid“, II. У. 1892—93 г., см. Mit d. Anth. Gesell. in Wien, 1893 B. XXIII.

**) *Ганаки* составляютъ одно изъ племенъ Моравіи, почти не отличающееся отъ чешскаго племени. Изъ остальныхъ племенъ Моравіи: *гораки* еще ближе къ чехамъ, *словаки* составляютъ переходное племя между чехо-моравами и словаками Венгріи и *валахи*—между словаками и поляками.

въ томъ помѣщеніи германскаго дома, которое соотвѣтствуетъ сѣнямъ такъ опредѣленно характерна, что эта особенность проходитъ красной чертой черезъ всѣ типы германскаго жилища, не исключая и домовъ нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Классификація этихъ типовъ у разныхъ авторовъ различная: нѣкоторые признаютъ бо́льшее единство, иные меньшее, а имѣющіеся многочисленные литературные матеріалы позволяютъ дать этой классификаціи и иное, чѣмъ то дѣлаютъ нѣмецкіе авторы, направленіе. Однако, придерживаясь довольно обычнаго дѣленія германскаго дома на франкскій типъ (съ разновидностями бургундскимъ и аллеманскимъ), на саксонскій и на восточно-германскій, *) мы не можемъ не отмѣтить, что всѣ эти типы характеризуются непремѣннымъ присутствіемъ очага въ основномъ помѣщеніи, очага, не исключающаго наличности печи въ помѣщеніи дополнительномъ. Въ виду такого существеннаго различія въ исторіи происхожденія славянскихъ сѣней и соотвѣтствующаго имъ только по мѣсту своего расположенія нѣмецкаго **) флюръ (а равно славянскихъ *кущи-кочи* и *вѣжи*) намъ представляется совершенно неосновательнымъ сравненіе нѣмецкими авторами славянскихъ сѣней съ римскимъ *atrium*, которое, какъ извѣстно, содержало очагъ и представляло основаніе всего дома. Что сѣни не основа, а придатокъ, съ полною опредѣленностью доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что изба и хата могутъ существовать и безъ сѣней. Такія избы были совершенно обычны еще въ XVI в., да не рѣдки и теперь, особенно въ глухихъ углахъ и у бѣдныхъ крестьянъ. Поэтому сѣни слѣдуетъ приравнять не къ *atrium*, а къ *vestibulum* римскаго жилья. Что сѣни ничто иное какъ придатокъ, а совершенно не основа дома, усматри-

*) Типъ этотъ наиболѣе близокъ къ славянскому типу дома. Это является совершенно естественнымъ, если принять во вниманіе, что восточно-германскій типъ жилища занимаетъ территорію отъ рѣки Эльбы (Лабы) къ востоку до нашей границы, т. е. ту территорію, которая нѣкогда была заселена славянами всецѣло.

**) R. Meringer.—Das deutsche Bauerhaus и F. Meldahl.—Ueber die histor. Formen d. Holzbaukunst. (Mit. d. Anthrop. Gesell. in Wien, B. XXII, 1892, H. 3, 4).

вается, между прочимъ, изъ того, что онѣ нигдѣ не встрѣчаются самостоятельно, какъ напримѣръ *коча-куча.* Характерно для сѣней и то, что онѣ встрѣчаются у тѣхъ славянскихъ народностей, которыя живутъ въ болѣе суровыхъ климатическихъ уловіяхъ, т. е. тамъ, гдѣ было особенно важно отказаться отъ сравнительно мало согрѣваемаго помѣщенія съ очагомъ и перейти къ помѣщенію прочно отопляемому печью, оградивъ его впослѣдствіи отъ воздѣйствія внѣшняго міра дополнительнымъ помѣщеніемъ, т. е. сѣнями. Если въ старину обширные дома *(дворцы)* и назывались, между прочимъ, *сѣнями*, то это происходило очевидно оттого, что для нихъ сѣни, служившія связующими звеньями отдѣльныхъ помѣщеній, были характернымъ отличіемъ отъ избъ—помѣщеній однокамерныхъ, при чемъ слово сѣни употреблялось какъ *pars pro toto.*

Мы выше уже отмѣтили, что въ славянскомъ мірѣ существовали, кромѣ первичнаго жилища *кущи-кочи*, и другія первобытныя жилыя помѣщенія. Изъ нихъ, кромѣ указанной уже *вѣжи* *), прежде всего надлежитъ остановиться на *станѣ.* Подъ этимъ словомъ у насъ, говоря вообще, почти вовсе не подразумѣвается зданіе, а преимущественно мѣсто остановки путника. Подъ тѣмъ же словомъ понимаютъ и мѣсто стоянки войска, особенно въ старинномъ языкѣ: войсковой станъ, т. е. то, что мы передаемъ теперь словомъ лагерь. На нашемъ языкѣ, далѣе, говорятъ о станѣ, какъ о мѣстѣ ночлега; говорятъ затѣмъ: станъ рабочихъ, станъ лѣсниковъ, станъ или *становище* кочующихъ

*) Кромѣ вѣжи, мы не можемъ не отмѣтить здѣсь описанную нами выше на стр. 72—*буду*, современное значеніе которой позволяетъ допустить, хотя опредѣленно утверждать того не возможно), что и она когда то представляла первобытное жилище славянъ или по крайней мѣрѣ большей ихъ части. Въ пользу этого говоритъ и древность и распространенность этого слова, а равно разнообразное его значеніе, начиная отъ шалаша, лачуги, и кончая жилого дома. Однако, въ отношеніи буды слѣдуетъ отмѣтить во первыхъ, что слово это является далеко не всеславянскимъ (оно отсутствуетъ у болгаръ, хорватовъ и словинцевъ), а во вторыхъ, что сооруженіе съ указаннымъ наименованіемъ могло имѣть значеніе и исключительно побочнаго, временнаго, вспомогательнаго жилища, какимъ мы, въ сущности говоря, видимъ буду и въ настоящее время.

цыганъ. Какъ станъ, такъ и становище на старинномъ русскомъ языкѣ означали станцію, т. е. мѣсто остановки при переѣздахъ. Въ Сибири мѣсто остановки для смѣны лошадей называется *станокъ*. На Волгѣ подъ *станомъ* понимаютъ мѣста, занимаемыя ловцами рыбы. Собственно въ смыслѣ зданія станъ употребляется, какъ кажется, только у лѣсниковъ, которые этимъ словомъ называютъ шалашъ и землянку. Очевидно, въ тѣсной связи со словомъ станъ стоятъ слова: *станица*, т. е. казачья деревня, село и *ставка*, т. е. мѣсто болѣе или менѣе долгаго пребыванія кочевниковъ. Отсюда пошло названіе Ханская Ставка—нынѣ поселокъ и административный центръ Букеевской степи, а прежде мѣсто пребыванія Джангира, хана Киргизской Букеевской орды. На бѣлорусскомъ нарѣчіи *станъ* означаетъ, какъ и на великорусскомъ нарѣчіи, мѣсто стоянки, а не зданіе. Въ томъ же смыслѣ слово *станъ* употребляется и въ малорусскомъ нарѣчіи, являясь болѣе или менѣе синонимомъ такихъ словъ, какъ *зристъ*, *табиръ*, *обозъ*, *кишъ*. Совершенно въ иномъ смыслѣ, а именно въ смыслѣ реальнаго зданія, употребляется слово *стан* въ сербскомъ языкѣ. Прежде всего по сербски *стан* (или также *настанак)* означаетъ домъ вообще, жилище т. е. тоже, что *куча* или дома, изображенные на указанныхъ уже рисункахъ: 82, 83, 84, 85, 87, 123, 140, 165, 166 и 167. Въ этомъ смыслѣ это слово употребляется среди всего сербскаго народа. Кромѣ того, въ частности *стан* означаетъ въ Босніи хижину пастуха, а въ Черногоріи—плетеное помѣщеніе на полозьяхъ для молочныхъ скоповъ, а также крытое помѣщеніе разной формы для скота. Въ связи съ той или иной формой, въ Черногоріи станъ можетъ называться: *кутѣра* или *кýтѣара, плужина, превјача, котара.* У хорватовъ подъ словомъ *stan* подразумѣвается лѣтнее жилье крестьянина въ горахъ при пастьбѣ скота. У словинцевъ *stan* означаетъ пріютъ, ночлегъ, а также хижину пастуха, палатку, наконецъ: домъ, жилище вообще; *staniса*—жилая комната. На польскомъ, чешскомъ и словацкомъ языкахъ слово *stan* означаетъ палатку, шатеръ, шалашъ; въ чешскомъ можетъ означать жилище.

Изъ этого мы видимъ, что слово станъ отъ неопредѣленнаго понятія мѣста остановки у однихъ славянскихъ народовъ восходитъ у другихъ до понятія о реальномъ для тѣхъ или иныхъ надобностей зданій и, наконецъ, до понятія о жиломъ домѣ вообще. Такимъ образомъ станъ можно отнести къ древнѣйшимъ словамъ славянскаго языка, имѣющимъ прямое отношеніе къ жилью и, въ частности, къ жилью первобытнаго свойства, связаннаго съ передвиженіемъ, т. е. съ кочевымъ бытомъ. Тотъ разрядъ людей, который въ современномъ быту сохранилъ кочевой образъ жизни, а именно пастухи, мѣстами сохранили и станъ въ качествѣ своего жилья. Можно поэтому утверждать, что станъ, какъ напримѣръ и вѣжа, былъ нѣкогда дѣйствительно жилищемъ, быть можетъ, всѣхъ славянъ, быть можетъ, и у извѣстной части ихъ. Впослѣдствіи это жилье у большинства славянскихъ народовъ было отброшено, у нѣкоторыхъ приспособлено для спеціальныхъ функцій и наконецъ, у иныхъ, напримѣръ, у сербовъ станъ получилъ дальнѣйшее развитіе самостоятельно или въ сочетаніи съ иными сооруженіями, достигнувъ степени современнаго жилого дома. Во всякомъ случаѣ необходимо представляется признать, что и станъ, какъ и вѣжа и куща-коча, былъ шалашомъ, передвижнымъ шатромъ, лишь со временемъ пріобрѣвшимъ иныя, позднѣйшаго характера, формы, какъ напримѣръ у словинцевъ, у которыхъ станъ горныхъ пастуховъ, по своему строенію, стоитъ близко къ обыкновеннымъ деревенскимъ избамъ (*хиша*, *коча*).

Кромѣ вышеуказанныхъ шатровидныхъ и поэтому первобытныхъ славянскихъ построекъ, необходимо еще указать на нѣкогда весьма распространенное жилище того же типа, именно на *колибу*, не принявшую, однако, участія въ развитіи современнаго жилища и оставшуюся, говоря вообще, на первоначальныхъ низкихъ ступеняхъ. Слово это въ настоящее время означаетъ въ большинствѣ случаевъ убогое жилище, лачугу, но не рѣдко и шалашъ-шатеръ. Такъ на болгарскомъ языкѣ *колиба*, *колыба*, *колыбица*, *колыбка* означаетъ хижину, шалашъ или

вообще лачугу; *колибари*—жители поселка. По сербски *колиба* и *колибица* означаетъ хижину, баракъ, землянку, а въ Черногоріи *колиба* то же, что *станъ*, т. е. плетенка для молочныхъ скоповъ. То же слово (*koliba*) употребляется въ томъ же смыслѣ и въ хорватскомъ языкѣ; въ этомъ языкѣ, въ смыслѣ избы, употребляется, слово *koljeba*, *kolibica*. Слово *koliba* встрѣчается и въ словинскомъ языкѣ въ смыслѣ хижины; за симъ то же слово встрѣчается въ группѣ западно-славянскихъ языковъ: въ чешскомъ *koliba*—шалашъ, въ польскомъ *kalyba*—шалашъ, шатеръ, и въ словацкомъ *koliba*—жилье пастуха, жилье въ лѣсу, деревянный загородный домъ. Что касается наконецъ русскаго языка, то слово *колиба* въ живой великорусской рѣчи совсѣмъ не употребляется, но встрѣчается на всѣхъ малороссійскихъ говорахъ, въ смыслѣ шалаша. Изъ сказаннаго, повидимому, можно съ достаточною правдоподобностью утверждать, что нѣкогда колиба представляла изъ себя одно изъ первобытныхъ, при томъ вѣроятно всеславянскихъ, жилищъ шалашевиднаго характера. Оно со временемъ заглохло, а наименованіе его получило мѣстами неопредѣленное значеніе временнаго или вообще убогаго жилья.

Въ литературѣ о жилищахъ существуютъ, между прочимъ, мнѣнія о томъ, что колиба—слово греческое и что отъ него происходитъ слово *халупа*—наименованіе избы у западно-славянскихъ народовъ. Греческое происхожденіе слово колиба, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, не мѣняетъ всеславянскаго характера жилища указаннаго наименованія. Признаніе же происхожденія слова халупа отъ слова колиба несомнѣнно заставляетъ признать, что послѣдняя приняла то или другое участіе въ созиданіи жилища нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ.

Какъ бы то ни было, современная колиба представляетъ жилище разнообразной формы, но преимущественно формы шалашевидной. Въ этомъ отношеніи весьма интересно остановиться на шалашѣ въ Бессарабской губерніи, именуемой именно ука-

заннымъ словомъ (*колиба*), какъ среди русскаго, такъ и среди молдавскаго населенія. Бессарабская колиба служитъ въ качествѣ *зимняго жилища* мѣстнымъ пастухамъ и теперь, съ упадкомъ скотоводства, быстро исчезаетъ. Колиба въ указанной мѣстности представляетъ обычно конусообразный шалашъ, *) поставленный надъ вырытой на 1—1 1/2 аршина глубины круглой ямой. Шалашъ этотъ сложенъ изъ жердей, покрытыхъ камышомъ, который въ свою очередь покрытъ толстымъ слоемъ соломы. Послѣдняя, нерѣдко мятая, покрываетъ колибу настолько безпорядочно, что на нѣкоторомъ разстояніи колибу трудно признать за жилище, такъ какъ она имѣетъ видъ простой соломенной кучи. Жерди, составляющія основу колибы торчатъ на верху конуса шалаша, оставляя отверстіе для прохода дыма. Въ серединѣ колибы, въ которую надо спускаться, такъ какъ она, какъ указано, ставится надъ ямой—располагается мѣсто очага, разводимаго непосредственно на землѣ. Иногда въ такой колибѣ, именно въ земляной ея стѣнкѣ, устраивается весьма первобытныя печь. Обычный внутренній размѣръ Бессарабской колибы—сажени 1 1/2 въ діаметрѣ; она настолько тепла, что удовлетворяетъ пастуховъ, привычныхъ, впрочемъ, вообще къ лишеніямъ и къ перемѣнамъ температуры. Весьма интересно отмѣтить, что колиба, это первобытное жилье, служитъ жилищемъ (мы повторяемъ *зимнимъ*) тѣхъ людей, которые ведутъ первобытно-подобный образъ жизни. Въ настоящее время колибы въ Бессарабіи получаютъ нѣкоторое усовершенствованіе, а именно въ нихъ иногда продѣлываются окна, устраивается особый удлиненный входъ съ дверью (см. рис. 191).

Довольно обычнымъ жилищемъ *колиба* или *колыба* является у Буковинскихъ гуцуловъ. **) Но у этого племени колиба получила

*) Колибой въ Бессарабской губ. называютъ и шалашъ всякаго рода, напримѣръ соломенную или камышовую сторожку въ саду, на огородѣ.

**) Русское населеніе Буковины, (русины, руснаки) раздѣляются на двѣ вѣтви: полянъ или подолянъ, и горянъ или гуцуловъ, обитающихъ Карпаты и занимающихся преимущественно скотоводствомъ.

значительное усовершенствованіе. А именно гуцульская колиба (обыкновенно расположенная высоко въ горахъ)—не камышевый и соломенный шалашъ съ жердянымъ остовомъ, а многогранный, хотя и низкій срубъ, покрытый тесомъ конусообразно (рис. 187). Въ такой колибѣ мы имѣемъ новый примѣръ того, какъ жилище на пути своего развитія можетъ перерождать свой первичный матеріалъ въ болѣе усовершенствованный и въ частности въ срубъ.

Въ славянскихъ языкахъ есть еще два весьма распространеныхъ слова, означающихъ легкое, отчасти передвижное и поэтому первобытно-подобное жилье, занесенное въ славянскій міръ извнѣ и оставшееся въ своихъ простѣйшихъ формахъ: это—*шатеръ* и *шалашъ*. Первое изъ этихъ словъ считается татарскаго (турецкаго—*čador)* происхожденія и примѣняется на русскомъ языкѣ обыкновенно въ смыслѣ холщевой палатки, разбираемой и устанавливаемой по желанію. Можно сказать, что на нашемъ языкѣ шатеръ и палатка почти синонимы. Шатромъ называется, напримѣръ, холщевая палатка цыганъ, холщевой балаганъ на ярмаркахъ. Шатеръ есть сооруженіе преимущественно пирамидовидное или конусоподобное. Съ пирамидальностью связано и понятіе о шатровой крышѣ, о шатровомъ сводѣ, сводѣ съ прямыми, не выгнутыми парусами. Подъ шатромъ иногда понимаютъ и четырехскатную или двускатную крышу, напримѣръ, навѣсъ надъ кирпичами на кирпичномъ заводѣ. Шатеръ въ нашей отечественной архитектурѣ можетъ быть многогранной пирамидой, какъ то встрѣчается въ зодчествѣ XVI—XVII в. в. Подъ шатровой церковью понимается такой храмъ, который покрытъ не куполомъ, а въ которомъ крыша сведена пирамидой. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ подъ словомъ *шатеръ*, между прочимъ, подразумѣваютъ пирамидальную крышу, передвигающуюся на четырехъ вертикальныхъ жердяхъ или столбахъ. Такой шатеръ служитъ покрышкой для стога сѣна и мѣстами называется также *оборохъ*. На малорусскомъ нарѣчіи *шатро* означаетъ палатку. На другихъ славянскихъ языкахъ понятіе о палаткѣ, шалашѣ, балаганѣ и т.п. передаются тѣми же словами, а именно: по болгарски—

чадаръ или *чадоръ;* по сербски—*шатор* или *чадор*; по хорватски—*šator* или *šatr;* по словински—*šator* или *šotor;* по польски *szatr* или *szatra;* по чешски—*šator* и по словацки—*śiator*.

Что касается слова *шалашъ*, то въ русскомъ языкѣ оно передаетъ менѣе опредѣленное понятіе, чѣмъ шатеръ. Вообще говоря, подъ шалашомъ у насъ понимаютъ легкое, временное, но не передвижное сооруженіе, служащее для пристанища. Шалашъ обыкновенно не холщевой; онъ можетъ быть лубянымъ, берестовымъ или крытымъ соломой, рогожей и т. п. Шалашъ бываетъ въ нашемъ понятіи и конусообразный, и пирамидальный, и полукруглый, и двускатный. Вообще шалашъ не есть готовое, какъ палатка или шатеръ, сооруженіе, а наскоро или спѣшно сдѣланное, безъ различія, гдѣ именно: въ лѣсу-ли, въ полѣ-ли. Для шалаша берется тотъ матеріалъ, который подъ рукой: если есть хворостъ или вѣтви, то шалашъ можетъ быть плетенымъ; если имѣются жерди, то и онѣ служатъ для сложенія остова, при чемъ послѣдній покрывается, какъ сказано, соломой, берестой, рогожей и т. п. Шалашъ можетъ служить помѣщеніемъ для сторожа (рис. 32, 33), можетъ служить и для укрытія отъ дождя путника, въ частности, богомольца, переселенца. Шалашъ на нашемъ языкѣ выражаетъ, вообще говоря, сооруженіе случайнаго характера или для спеціальной надобности. Наконецъ, подъ шалашомъ понимаютъ всякое первобытное конусовидное или пирамидальное или полукруглое легкое жилище; называютъ это жилище, смотря по мѣстности и народности, которому оно принадлежитъ, спеціальными наименованіями: напримѣръ *вьжа*—у лопарей; *чумъ*—у самоѣдовъ, остяковъ; *юрта*—у калмыковъ; *кибитка*—у киргизовъ и т. д.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ *шалашъ* есть навѣсъ разнаго рода. На малорусскомъ нарѣчіи говорятъ и *шалашъ* и *салашъ*, оба слова—въ великорусскомъ значеніи слова шалашъ. У гуцуловъ *шалашъ*—синонимъ хаты. На сербскомъ языкѣ *салаш* означаетъ сооруженія разныя; такъ, подъ этимъ словомъ понимаютъ, напримѣръ, дачу, т. е. лѣтнее жилье, а также

ферму, сарайчикъ для плодовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черногоріи—плетеное помѣщеніе для кукурузы. На хорватскомъ языкѣ слово *salas* означаетъ молочную ферму, а среди словинцевъ Истріи слово *salaj* означаетъ хижину горнаго пастуха. На польскомъ языкѣ *szalas* или *szalasz* есть наметъ, шалашъ, юрта и т. п. Чехи подъ словомъ *salas* понимаютъ какъ нашъ шалашъ вообще, такъ въ частности хижину пастуха; въ томъ же смыслѣ, въ смыслѣ жилища горнаго пастуха, словаки употребляютъ слово *salas* или *szallas*.

Изъ сказаннаго видно, что шалашъ и шатеръ въ понятіи славянскихъ народовъ являются отчасти синонимами. Шалашъ равнымъ образомъ, какъ и шатеръ, не славянскаго происхожденія (срав. напримѣръ мадьярское слово *szallas*—квартира); тѣмъ не менѣе и оно глубоко вкоренилось въ славянскіе языки, передавая, какъ и шатеръ, а равно и станъ, понятіе о легкомъ первобытномъ пристанищѣ или жильѣ. Если слово станъ упрочилось, напримѣръ, въ сербскомъ языкѣ въ смыслѣ дома, жилья вообще, то шалашъ и шатеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда они передаютъ понятіе объ опредѣленномъ зданіи,—выражаютъ жилье тѣхъ, которые, какъ пастухи или сторожа, или дровосѣки или угольщики, ведутъ болѣе или менѣе первобытно-подобный, часто передвижной, такъ сказать, кочевой образъ жизни. *)

*) Кромѣ указанныхъ въ славянскихъ языкахъ можно отмѣтить еще слѣдующія слова, имѣющія значеніе шалашевидной постройки: на болгарскомъ языкѣ, *одаа, одая*—шалашъ, овчаря, считающееся турецкаго происхожденія (*ода*); на словинскомъ *tamor*, служащій жильемъ горнаго пастухомъ; въ сербскомъ языкѣ *болта*, что означаетъ шалашъ; въ польскомъ: *przybytek*—куща, сѣнь; въ Черногоріи конусообразный шалашъ изъ жердей, покрытый соломой и служащій для временнаго жилья, называется *савардак* или *бирог*. Далѣе сербское *глада* означаетъ хижину пастуха, а въ Черногоріи это слово синонимъ колибы и стана; въ томъ же смыслѣ на сербскомъ языкѣ употребляется слова *плужина, кућер, кућерица, кућарица*—слова, означающія и шалашъ. На малороссійскомъ нарѣчіи юрту, т. е. шатеръ, шалашъ, называютъ и *котара*. Въ смыслѣ шалаша малороссы употребляютъ и слово *куринь*. У запорожцевъ это слово означало избы или хаты, лежащія въ кучкѣ; въ Нижегородской губерніи и до настоящаго времени *куренемъ* называютъ группу избъ. На великорусскомъ нарѣчіи *курень* означаетъ пріютъ въ лѣсу, въ полѣ, шалашъ, балаганъ, землянку, шатеръ, лачугу, хижину или избу для рабочихъ; на Дону *курень* является синонимомъ нашей избы.

3. Кладовая. Жилой домъ крестьянина Сѣверо-Западнаго края рѣдко состоитъ только изъ хаты и сѣней. Къ этимъ двумъ помѣщеніямъ приспособляется обыкновенно третье, представляющееся въ болѣе сложныхъ домахъ неизбѣжнымъ. Это кладовая. Обычное мѣсто, которое она занимаетъ: либо задняя часть сѣней (см. черт. 27, 30, 31, 32, 33, 36, 39, 42, 52 на стр. 122, 134, 140, 152, 158, 164, 198; буквы D, U), отгороженная отъ нихъ стѣной, такъ что входная дверь въ кладовую лежитъ противъ входной двери въ домъ, либо дополнительная пристройка къ сѣнямъ съ противоположной хатѣ стороны (см. черт. 29, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 41, 43, 46, 47, 49, 51, 52, 54 на стр. 128, 140, 146, 152, 158, 164, 170, 176, 182, 188, 198, 206; буквы D, F, U), такъ что входная дверь въ кладовую помѣщается противъ входной двери въ хату. Весьма нерѣдкимъ представляется, что на лицо имѣются одновременно обѣ эти кладовыя (наприм. черт. 44 и 52 на стр. 170 и 198). Въ тѣхъ хатахъ, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ кладовой, таковой служатъ сѣни. Обычнымъ наименованіемъ кладовой всякаго рода служитъ слово *комора*. Затѣмъ кладовая, преимущественно сбоку сѣней, часто называется *варевня*, а также *истопка* и *клѣть*. Указать на опредѣленное различіе кладовыхъ въ связи съ тѣми или иными изъ приведенныхъ и нижеслѣдующихъ наименованій не представляется возможнымъ. Въ кладовыхъ хранятся и съѣстные припасы, въ частности, зерно, овощи, мука, и т. п., въ нихъ же сберегаются и цѣнныя вещи: одежда, холстъ, ткани и т. п. То, что выдѣляетъ изъ общаго ряда варевню и истопку, нами уже указано (стр. 117, 118). Но здѣсь умѣстнымъ представляется отмѣтить, что названія эти зачастую смѣшиваются съ названіемъ *коморы*, которое, какъ указано, наиболѣе обычно и распространено повсемѣстно въ Сѣверо-Западномъ краѣ, для опредѣленія понятія о кладовой вообще. Въ томъ же смыслѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Могилевской губерніи употребляется слово *чуланъ*. Изрѣдка мѣстами говорятъ и *кладовка*, *кладовочка;* пользуются этими словами преимущественно въ Гродненской губерніи. Нельзя

также съ опредѣленностью указать, чтобы кладовая съ тѣмъ или инымъ наименованіемъ опредѣленно занимала то или иное мѣсто въ каждомъ домѣ. Какъ комора можетъ находиться и сбоку сѣней и въ задней части ихъ, такъ и варевня, и истопка, и чуланъ, и кладовка могутъ занимать эти мѣста. На югѣ Гродненской губерніи истопка иногда помѣщается со стороны фронтона хаты, имѣя отдѣльный входъ снаружи и не соединяясь внутреннимъ ходомъ съ жилой хатой (рис. 30, 56, 116, 159 и черт. 59, 60 на стр. 224). Такая кладовая почти иначе никогда не называется, какъ именно *истопка*, *стебка* и т. п., уже ранѣе нами приведенными словами. Кладовая сбоку сѣней, но не въ задней части ихъ, мѣстами (особенно въ Могилевской губерніи) называется и *клѣтью*. Какъ эта послѣдняя, а равно варевня и истопка (какъ описано выше) могутъ образовывать особое зданіе, такъ и комора можетъ стоять особнякомъ, являясь въ такомъ случаѣ, напримѣръ въ Минской губерніи, синонимомъ клѣти.

Кромѣ указанныхъ выше понятій о кладовой, въ Сѣверо-Западномъ краѣ употребляются мѣстами и другія слова, такъ, напримѣръ, *спихлеръ;* слово это употребляется и для выраженія понятія отдѣльно стоящей, холодной кладовой въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи. Далѣе кладовая называется *свиронъ* или *свиронокъ* или *свирень*. Какъ указывалось ранѣе, слово это является синонимомъ клѣти, но означаетъ и кладовую въ домѣ, чуланъ. Засимъ кладовая преимущественно для зерна, муки, сала, крупы и лука иногда въ Гродненской губерніи (въ Слонимскомъ уѣздѣ) называется *магазинокъ*; *складъ* тоже означаетъ кладовую для рухляди и припасовъ; мѣстами употребляютъ и слово *спижарня*—кладовая съ кухонной посудой, мукой, крупой, саломъ и друг. припасами; говорятъ и *спижаренка;* слово это встрѣчается въ Виленской губерніи и въ Гродненской, преимущественно у шляхты, но и у крестьянъ-бѣлоруссовъ. Спижарня равнымъ образомъ можетъ представлять иногда, напр. въ Витебской губерніи, отдѣльно стоящее зданіе. Въ Гродненской губерніи кладовую называютъ и *прощвокъ*. Отдѣльно стоящую

кладовую называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, и *пристынокъ*. Разъ кладовая устроена подъ крышей погреба, то она мѣстами называется *погребня;* это слово употребляется преимущественно въ Могилевской губерніи.

Изъ сказанаго видно, что кладовая, будучи устойчивой въ смыслѣ своего расположенія: либо въ задней части сѣней, либо сбоку ихъ, неустойчива въ наименованіи. Она часто смѣшивается съ понятіемъ объ амбарѣ, клѣти. Вообще говоря, хотя кладовая и выдѣляется въ порядкѣ дифференціаціи помѣщеній въ отдѣльное зданіе, но преимущественное ея положеніе не внѣ жилого дома, а внутри его. Если кладовая занимаетъ заднюю часть сѣней, то наличность ея ни въ чемъ не измѣняетъ внѣшней структуры дома. Кладовая же сбоку сѣней удлиняетъ хату. Присутствіе такой кладовой сразу замѣтно даже при бѣгломъ взглядѣ на домъ (рис. 25, 26, 62). Кладовая, находящаяся въ задней части сѣней, обыкновенно совсѣмъ не освѣщена; изрѣдка она имѣетъ съ задней стороны хаты одно, еще рѣже два оконца (черт. 30, 32 на стр. 134, 138). Кладовая сбоку сѣней обыкновенно не лишена оконъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и не большихъ (черт. 29, 32, 34, 35, 41 на стр. 128, 138, 146, 164).

Многія изъ перечисленныхъ словъ, употребляемыхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, заимствованы, повидимому, изъ польскаго языка. Къ нимъ, вѣроятно, относится, между прочимъ, и слово *спихлеръ,* которое на польскомъ языкѣ *(śpichlerz)* означаетъ равнымъ образомъ кладовую, а также клѣть, амбаръ, нерѣдко отдѣльно стоящіе, напр., въ Привислянскомъ краѣ (Сѣдлецкая губ.). Слово *свиронъ* считается литовскаго происхожденія и болѣе примѣняется къ понятію о клѣти. Что касается *магазинка,* то отмѣтить слѣдуетъ, что по польски кладовая также называется *magazin.* Слово это считается арабскаго происхожденія; оно встрѣчается и въ турецкомъ языкѣ *(махзанъ).* Изъ славянскихъ языковъ оно, кромѣ польскаго, встрѣчается въ сербскомъ—*магаза,* въ болгарскомъ—*магазия,* въ смыслѣ помѣщенія для храненія чего нибудь. На русскомъ языкѣ *магазинъ,* между прочимъ,

означаетъ зданіе или помѣщеніе для склада или храненія разнаго рода запасовъ, напримѣръ, зерна; въ народномъ говорѣ употребляются, вмѣсто житницы и амбара, и слова *магазей, магазея, гамазея.* Слово *складъ,* въ смыслѣ кладовой, употребляется и въ польскомъ языкѣ: *skład,* а равно въ словацкомъ *sklad.* Слово *спижарня,* хотя и заимствовано вѣроятно съ польскаго, но начало свое ведетъ, повидимому, изъ нѣмецкаго языка. По-польски *spiżarnia, spiżarka* означаетъ чуланъ для провизіи, буфетъ; *spiża* по-польски—провизія, съѣстные припасы (съ нѣмец. *Speise).* Подобное же слово встрѣчается и въ чешскомъ языкѣ: *špižirna*—клѣть, кладовая, амбаръ; *špiže*—провизія. Слово *погребня* извѣстно и въ малороссійской рѣчи, а именно оно означаетъ наружную часть погреба: квадратную плетеную постройку съ шатровой соломенной крышей.

Слово *чуланъ,* столь употребительное въ великорусской рѣчи, въ Сѣверо-Западномъ краѣ рѣдко; имъ пользуются, кажется, только въ Могилевской губерніи. Подъ *чуланомъ (чуланецъ, чуланчикъ, чуланникъ)* въ великорусскихъ губерніяхъ обыкновенно подразумѣваютъ кладовую, совершенно по своему расположенію соотвѣтствующую обычной, помѣщающейся въ сѣняхъ, коморѣ Сѣверо-Западнаго края; чуланъ служитъ преимущественно для сохраненія съѣстныхъ припасовъ. Въ Новгородской, Тверской, Владимірской, Симбирской и Пензенской губерніяхъ подъ *чуланомъ* понимаютъ лежащую за перегородкой въ избѣ стряпню, т. е. кухню; это женская половина избы; въ Новгородской губ. чуланомъ называютъ и отдѣленіе въ холодной, лѣтней избѣ, служащее для храненія платья, а равно въ качествѣ спальни; въ Вологодской губ. говорятъ *цюланъ,* понимая подъ этимъ словомъ кладовую для кухонныхъ и иныхъ припасовъ; на Дону *чуланъ*—сѣни, въ Вятской губ.—кладовая въ сѣняхъ. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ названное слово есть синонимъ коморы и *хишки*—кладовой въ сѣняхъ. Среди остальныхъ, весьма многочисленныхъ, выраженій въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ для опредѣленія понятія о кладовой, слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія: *сельникъ*—холодный чуланъ или кладовая черезъ сѣни въ Тверской, Псковской и Ярославской губерніяхъ; *мшаникъ* въ великорусскихъ губерніяхъ, обыкновенно подъ клѣтью, *хижка*—въ Малороссіи; *будка*—въ Екатеринославской губ.; *задникъ, заднича*—въ Болгаріи, *тывница*—у болгаръ Бессарабіи; *shramba* у словинцевъ—кладовая для имущества и припасовъ, а равно погребъ, также ларь *(shramba za jedi*—столовая); *izba*—кладовая около кухни въ Хорватіи и подъ жильемъ—въ Герцеговинѣ и Черногоріи,

отчасти Болгаріи; *вајат*—у сербовъ; *долафъ, килјер* или *чилеръ*—въ Босніи; *коноба (копоба)* кладовая въ одномъ уровнѣ съ остальнымъ домомъ или подъ нимъ у сербовъ, хорватовъ и словинцевъ. Въ отношеніи слова *коноба* слѣдуетъ отмѣтить, что уже въ старорусскомъ языкѣ (въ XI в.) употреблялось слово *конобъ, конобь,* означавшее лохань. Въ современномъ русскомъ языкѣ слово это означаетъ въ Тамбовской губерніи кувшинъ и умывальникъ; въ Тверской, Владимірской и Воронежской губерніяхъ говорятъ *коновка,* что означаетъ высокую деревянную кружку съ крышкой, жбанъ. Весьма обычнымъ выраженіемъ для передачи понятія о кладовой въ великорусскихъ губерніяхъ, хотя и кладовой особаго рода, является слово *голбецъ.* Собственно *голбецъ* есть возвышенный, въ видѣ шкафчика, ходъ въ подполье у печки. Слово это встрѣчается у насъ уже въ XIV в. и означало тогда повидимому отгородку. Тоже значеніе голбецъ имѣетъ строго говоря и въ настоящее время. Однако, отгородка эта приспосабливается въ качествѣ кладовой—чулана. Иногда голбецъ называется *верхнимъ голбцомъ,* а подполье, въ которое черезъ него проникаютъ, *нижнимъ голбцомъ.* Первымъ пользуются иногда и для помѣщенія телятъ, овецъ, обыкновенно же въ него складываютъ лукошки, горшки, и иную посуду, а также снѣдь. Въ нѣкоторыхъ губер. (напр. въ Вологодской,) говорятъ и *говбецъ, голубецъ;* (Вятская губ.—кладовая подъ избой, хлѣвъ подъ сѣнями); мѣстами *голбчикъ,* въ Сибири—*гобецъ,* въ Владимірской губ.—*голубецъ.*

Наиболѣе распространеннымъ словомъ для передачи понятія о кладовой у славянъ является слово *камера* и т. п. Оно встрѣчается, не смотря на свое иностранное происхожденіе, рѣшительно во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Слово это греческаго происхожденія, (сводъ, вообще все, имѣющее сводообразную крышу), перешедшее въ латинскій языкъ *(camara)* въ смыслѣ помѣщенія со сводомъ. Отсюда значеніе этого слова, воспринятое Западной Европой, въ смыслѣ казнохранилища, учрежденія. Въ смыслѣ учрежденія это слово употребляется и въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ. Первоначальное значеніе камеры, передающее понятіе о сводѣ, сохранилось въ болгарскомъ языкѣ, на которомъ *камара,* между прочимъ, означаетъ сводъ; отсюда вѣроятно значеніе этого слова на болгарскомъ языкѣ въ смыслѣ скирда, груды, кучи; въ сербскомъ языкѣ *камара* равнымъ образомъ можетъ означать кучу сѣна или хлѣба, стогъ, скирдъ. Затѣмъ названное слово въ славянскихъ языкахъ означаетъ кладовую, чуланъ самаго разнообразнаго рода, отдѣльно стоящіе или примыкающіе къ остальнымъ постройкамъ, слу-

жащіе для храненія домашняго имущества или съѣстныхъ припасовъ. Наконецъ, камера означаетъ на славянскихъ языкахъ и жилое помѣщеніе, всегда, впрочемъ, второстепеннаго значенія. Въ русскомъ языкѣ слово *комара* извѣстно уже съ XII вѣка, когда оно употреблялось, какъ и современное болгарское слово (камара), въ смыслѣ свода. Въ XIII вѣкѣ извѣстно слово *комора* въ смыслѣ дополнительнаго, побочнаго помѣщенія; въ XV—XVI вѣкахъ употреблялись формы *камора* и *камара* въ смыслѣ свода, *каморка* (или *чуланъ*)—кладовая въ сѣняхъ. Въ современномъ русскомъ языкѣ говорятъ *камера* въ смыслѣ комнаты, покоя, присутственнаго мѣста вообще, въ частности, въ смыслѣ суда, засѣданія и т. п. До-Петровская Русь названное слово, въ смыслѣ учрежденія, не знаетъ; оно замѣнялось словомъ палата. Въ современномъ языкѣ весьма употребительно уменьшительное слово *каморка,* въ смыслѣ комнатки, чулана, кладовой. Среди бѣлорусскаго населенія *камора,* кромѣ кладовой, означаетъ и отдѣленную перегородкой комнатку въ избѣ, служащую спальней. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Гродненской губерніи, *комора* означаетъ и отдѣльное помѣщеніе въ хлѣбномъ сараѣ для ссыпки зерна; въ другихъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи, *каморка*—есть отдѣльная, находящаяся въ общемъ комплексѣ, хозяйственная постройка для храненія молока, картофеля и другихъ съѣстныхъ припасовъ; въ этомъ случаѣ каморка—синонимъ *истопки.* Среди малороссійскаго населенія *комора* означаетъ и кладовую, и амбаръ. Въ Малороссіи *комора* является часто синонимомъ хижи, т. е. клѣти съ противоположной хатѣ стороны сѣней; она служитъ для сохраненія одежды, орудій, инструментовъ и всякаго хозяйственнаго скарба и хлама. Въ Харьковской губерніи *комора* есть отдѣльно стоящій амбаръ, синонимъ хижи—клѣть; то же значеніе названное слово имѣетъ и въ Екатеринославской губерніи, гдѣ оно является синонимомъ буды. На малороссійскомъ нарѣчіи въ смыслѣ чулана употребляются и слова: *комирка, комирчыня.* На болгарскомъ языкѣ *камара,* кромѣ свода и скирда, означаетъ и альковъ, комнату вообще; употребляются и уменьшительныя слова: *камарица, камарчика, камарка, камарца, камарчя.* Въ сербскомъ языкѣ *камара* означаетъ и комнату и клѣть (уменьшит. *камарица); комора*—клѣть, кладовая, государственная казна, фискъ; *коморица*—чуланъ. Въ Черногоріи *камара* есть жилая комната въ простѣйшихъ двураздѣльныхъ постройкахъ, состоящихъ лишь изъ двухъ помѣщеній: основного съ очагомъ (кутя) и *камары.* Хорваты употребляютъ слово *katora* въ смыслѣ жилой комнаты, синонима *soba,* а слово *kotora* въ смыслѣ чулана,

кладовой, казеннаго учрежденія, фиска; *komorica*—кладовка. На словинскомъ языкѣ *kamra* означаетъ въ деревенскомъ домѣ опредѣленную комнату, служащую въ качествѣ спальни и выходящую однимъ окномъ къ фронтону зданія; *kamerca, kamrica* жилая комната вообще, но не отопляемая—безъ различія мѣста ея расположенія: съ противоположной ли избѣ *(hiša)* стороны сѣней *(veža)*, въ глубинѣ-ли сѣней, на чердакѣ-ли; наконецъ *kamerca* есть всякое дополнительное помѣщеніе, но не кладовая. На польскомъ языкѣ *komora*—есть клѣть, *komorka*—чуланъ, кладовка; *komora* по-польски означаетъ и свѣтелку, чуланъ для провизіи. На чешскомъ языкѣ *komora* означаетъ и клѣть, и чуланъ, и палату въ смыслѣ учрежденія. Въ Моравіи *kamora* есть помѣщеніе съ противоположной избѣ стороны сѣней. На словацкомъ языкѣ *komora* означаетъ кладовую, клѣть, а равно жилое помѣщеніе, соотвѣтствующее словинской *kamra*. Кромѣ того, на словацкомъ языкѣ *komora* означаетъ палату въ смыслѣ учрежденія; *komorka*—чуланчикъ, келья, ячея.

Обращаясь къ исторіи происхожденія кладовой, мы прежде всего должны отмѣтить, что мы имѣемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ (какъ, впрочемъ, повсемѣстно въ Россіи, а равно въ другихъ славянскихъ земляхъ до Балканскаго полуострова) кладовую троякаго типа. Она можетъ либо составлять заднюю часть сѣней, либо примыкать къ сѣнямъ сбоку, либо стоять въ видѣ отдѣльнаго зданьица. Въ первомъ случаѣ происхожденіе ея совершенно ясно: въ поискахъ за удобствами, хозяинъ, пользующійся въ качествѣ кладовой сѣнями, отводитъ часть ихъ для спеціальныхъ цѣлей, разгораживая сѣни поперечной стѣнкой (см. напр. чертежъ 27 на стр. 122). Что касается кладовой сбоку сѣней, то происхожденіе ея, по нашему мнѣнію, сводится не на простую пристройку. Напротивъ, ей предшествовало другое помѣщеніе, лишь впослѣдствіи приспособленное для склада жизненныхъ продуктовъ или для храненія иного имущества. Такое помѣщеніе было, какъ можно думать, клѣтью, т. е. зданіе, служившее нѣкогда жилищемъ, отопляемымъ печью. Забрасывая клѣть какъ жилище и переходя въ новое жилье, отопляемое печью, крестьянинъ продолжалъ пользоваться клѣтью, но уже для спеціальныхъ надобностей, т. е. въ качествѣ кладовой, и

употребляя клѣть лишь временно, въ качествѣ жилища, собственно только для сна. Новое жилище: хата или изба (что собственно синонимы), сооружалась рядомъ со старымъ (клѣтью) и получало съ нимъ связь при посредствѣ сѣней. Этой связи, однако, могло и не быть и въ этомъ случаѣ кладовая-клѣть оставалась самостоятельной постройкой. Что боковая кладовая произошла именно изъ клѣти, по нашему мнѣнію, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что она нерѣдко, наряду съ другими наименованіями, несетъ названіе и клѣти, а равно и тѣмъ, что кладовая, хотя и рѣдко, согрѣвается очагомъ (коминомъ), который, какъ мы высказывались раньше, служилъ, по предположенію, характерной собственностью древняго жилища-клѣти. Впослѣдствіи кладовая-клѣть утратила свое первоначальное наименованіе и пріобрѣла наименованія самыя разнообразныя. Эта утрата тѣмъ болѣе понятна, что клѣть во многихъ случаяхъ, не вступивъ въ связь съ жильемъ осталась особымъ зданіемъ, получившимъ характеръ особой кладовой, именуемый то варевней, то клѣтью, то амбаромъ, а въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ съ малорусскимъ населеніемъ, хижей, будой, коморой.

4. Комната и свѣтелка. Описанныя выше кладовыя: въ глубинѣ сѣней и сбоку ихъ, стойкія по своему расположенію, какъ помѣщенія, могутъ утрачивать свою натуру кладовыхъ и превращаться, въ развитомъ быту, въ дополнительныя жилыя помѣщенія. Превращеніе хозяйственнаго помѣщенія въ жилое особенно часто имѣетъ мѣсто въ отношеніи той кладовой, которая расположена сбоку сѣней, т. е. помѣщеніе, которое образовалось изъ клѣти. (см. черт. 39, 45, 48, 53 на стр. 158, 176, 182, 206; буквы *C*, *C*$_1$). Такое превращеніе производится обыкновенно тогда, когда семья разростается и часть ея выдѣляется въ болѣе или менѣе самостоятельную единицу. Дѣлаясь жильемъ въ полной мѣрѣ или служа дополнительнымъ жилымъ помѣщеніемъ, знаменующимъ извѣстный комфортъ, и теряя характеръ кладовой, указанное помѣщеніе носитъ разное наименованіе. Весьма часто оно носитъ названіе *хата*, т. е. названіе своей парной сестры, лежащей на проти-

воположной сторонѣ сѣней. Это наименованіе совершенно логично, такъ какъ обѣ эти хаты въ громадномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, представляя совершенно аналогичное устройство, съ тою лишь разницею, что въ одной изъ нихъ всѣ предметы расположены въ обратномъ, чѣмъ въ другой, порядкѣ. Придавая своею наличностью парную симетричность внутреннему устроїству (плану) хаты, дополнительное помѣщеніе придаетъ эту же парность и внѣшнему облику дома, особенно если къ нему не премыкаетъ какое либо хозяйственное зданіе (рис. 15, 17, 19, 20, 27, 63).

Говоря объ указанномъ превращеніи кладовой въ жилье, мы имѣемъ въ виду и буквальное и переносное, т. е. отвлеченное значеніе даннаго понятія. Въ буквальномъ смыслѣ кладовая превращается въ жилье тѣмъ путемъ, что въ кладовой устраивается отсутствовавшая въ ней ранѣе печь, перерубаются просвѣты въ окна, переносится соотвѣтствующій хатѣ инвентарь. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ жилые дома, имѣющіе двойную хату, образовались указаннымъ путемъ. Напротивъ, весьма нерѣдко можно встрѣтить жилые дома съ двумя хатами, которыя съ основанія дома имѣли уже двойное жилье. Въ этомъ случаѣ мы должны смотрѣть на вторую хату все же какъ на преемницу кладовой и, слѣдовательно, клѣти съ точки зрѣнія общаго хода развитія постройки. Кромѣ имени хаты или *хатки празъ сьни* или *чистой хаты*, когда она только для гостей, второе жилое помѣщеніе носитъ и другія наименованія. Такъ, въ Витебской губерніи она называется *исцепкой*, т. е. истопкой, на которую въ этой губерніи, по мѣткому выраженію Н. Я. Никифоровскаго, надо смотрѣть какъ на запасную избу, либо прекратившую свое существованіе за ветхостью или готовую замѣнить собою обветшавшую хату. Вторая *(чистая)* хата обыкновенно не отапливается и часто продолжаетъ служить и кладовой; если она, какъ это часто бываетъ, предназначается для гостей, то она свѣтлѣе, чище жилой хаты и отапливается такъ называемой го-

ландской печью *(стьновкой, стьной, щиткомъ)*. Въ шляхетскихъ хозяйствахъ нерѣдко помѣщаютъ во вторую хату работниковъ и она носитъ тогда названіе *офицыни (oficyna* черт. 42 на стр. 164); если она служитъ въ качествѣ чистой половины, то она у шляхты называется *станція*. Но употребляется еще одно наименованіе для второй хаты, особенно въ Гродненской губерніи, наименованіе весьма характерное во многихъ отношеніяхъ—это *комната*. Это наименованіе замѣняется иногда словомъ *коморка*, напоминающимъ объ исторіи возникновенія помѣщенія. Слово *комната* весьма распространено въ славянскихъ языкахъ; при этомъ нѣкоторыми славянами слово это употребляется именно въ смыслѣ помѣщенія, тождественнаго по своему расположенію съ комнатой, исцепкой, второй хатой Сѣверо-Западнаго края. Можно думать, что первоначальное значеніе комнаты заключалось именно въ значеніи помѣщенія жилого, замѣнявшаго кладовую сбоку сѣней. Впослѣдствіи слово *комната* получило распространительное употребленіе. Во всякомъ случаѣ надо отмѣтить, что жилой домъ, состоящій изъ двухъ жилыхъ половинъ, расположенныхъ по обѣ стороны сѣней, весьма распространенъ въ славянскомъ мірѣ; мы его встрѣчаемъ среди всего русскаго племени: у велико-, мало-, и бѣлоруссовъ, встрѣчаемъ его и въ русской части Галиціи *(велека* и *мала хата)*; тотъ же типъ встрѣчается у западныхъ и частью у южныхъ славянъ. Исторія происхожденія второго жилого помѣщенія (съ противоположной перваго стороны сѣней) у всѣхъ славянъ, какъ мы полагаемъ, одна и та же, а именно оно возникло изъ перерожденной кладовой, первоначально клѣти. На это существуютъ рядъ показателей, уже указанныхъ. Интересно отмѣтить, что въ тѣхъ великорусскихъ губерніяхъ, напр. Новгородской, Вологодской и Иркутской, въ которыхъ встрѣчаются двухэтажныя избы, нижнее помѣщеніе, находящееся подъ *холодной, лѣтней избой* или *горницей* и служащее для куръ и гусей, называется *подклѣтью*. Это ясно указываетъ, что въ народной памяти лѣтняя изба (горница) еще отождествляется съ клѣтью. Подобныя же указанному нижнія помѣщенія, находящіяся подъ

теплой избой (основной) и *сѣнями*, именуются: *подызбица* (въ Вятской губ. синонимъ подклѣти) и *подсѣнье.* *).

Что касается другой кладовой, т. е. той, которая лежитъ въ глубинѣ сѣней, то она, какъ сказано, гораздо рѣже замѣняется жилымъ помѣщеніемъ (см. черт. 44, стр. 170; буква: С). Если оно существуетъ, то нерѣдко соединяется боковымъ ходомъ съ хатой или съ помѣщеніемъ, лежащимъ рядомъ съ нимъ. Такая комната иногда даже не вполнѣ теряетъ значеніе кладовой, служа въ качествѣ таковой въ одну половину года, а жильемъ въ теченіе другой половины его. Наконецъ, такое помѣщеніе можетъ совсѣмъ даже не употребляться для жилья, а устраивается въ качествѣ молельни, какъ это кое-гдѣ встрѣчается среди католическаго населенія Гродненской губерніи. Помѣщеніе это, всегда небольшихъ размѣровъ, носитъ названіе *свѣтелки* или *свѣтлицы*, оправдывая вполнѣ, благодаря окнамъ, обильно пропускающимъ свѣтъ, свое наименованіе. Вообще говоря, это помѣщеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ рѣдко; оно встрѣчается преимущественно на западѣ края.

Слово *комната* извѣстно и древнерусскому языку, но уже въ XV вѣкѣ оно употреблялось, повидимому, въ смыслѣ дополнительнаго жилого помѣщенія безъ опредѣленнаго обозначенія его свойства и характера. Такъ, въ Новгородской лѣтописи подъ 1440 г. напр. говорится „того же лѣта постави владыка комнату камену меньшую“ или „горница съ двѣма комнаты на подклѣтѣхъ“ (Купчая Кирилловскаго монастыря 1568 г.) Въ современномъ великорусскомъ говорѣ слово комната, какъ извѣстно, употребляется въ совершенно неопредѣленномъ значеніи: жилого помѣщенія, вообще покоя. Въ среднемъ быту *комната* или *комнатка* обозначаетъ боковой покойчикъ, въ частности спальню, иногда и кладовую; послѣднее отмѣтить весьма не безинтересно. У старообрядцевъ Сѣверо-Западнаго края *комнатой* называется изба, т. е. жилое помѣщеніе дома. Въ малорусскомъ нарѣчіи

*) Подклѣть иногда называется и *подполье;* помѣщеніе, находящееся подъ *сѣнникомъ,* служащимъ продолженіемъ жилой части, называется *подсѣнникъ.*

говорится *кимната;* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ малороссійскимъ населеніемъ (напр. въ Харьковской губерніи) подъ кимнатой (или *хатыной*) подразумѣвается покой, лежащій рядомъ съ жилой хатой и выходящій къ фронтону, а равно помѣщеніе съ противоположной хатѣ стороны сѣней; покой перваго рода служитъ спальней, а второго—жильемъ. Въ постройкахъ новаго типа въ Херсонской губ. *комната* выходитъ непосредственно на фронтонъ, оставляя за собою хату, и служитъ чистой половиной жилья. Въ такую комнату проходятъ не иначе какъ черезъ хату, которая служитъ кухней. У словинцевъ *čumnata* обозначаетъ покой вообще, въ частности кабинетъ, но въ крестьянскомъ быту словинская чумната по мѣсту своего положенія совершенно соотвѣтствуетъ комнатѣ Сѣверо-Западнаго края; и у словинцевъ чумпата называется иногда камрой, камерцей. То же слово—*комната* встрѣчается у западныхъ славянъ: поляковъ (на старопольскомъ языкѣ *kownata),* чеховъ, словаковъ въ общемъ значеніи комнаты, покоя или, какъ у чеховъ, кабинета. У великорусскаго населенія помѣщеніе, соотвѣтствующее второй хатѣ или комнатѣ Сѣверо-Западнаго края, обыкновенно называется *холодной*, *лѣтней*, *чистой избой* или *горницей*. Первоначальное значеніе горницы было нѣсколько иное. Какъ видно изъ ея названія—это была комната верхняго этажа: горняя комната. Въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ слово *горьница*, *гръница* въ XI вѣкѣ; но уже въ это время слово горница начинаетъ пріобрѣтать современное значеніе комнаты вообще. Еще въ XVI—XVII в. горница часто встрѣчается какъ верхнее помѣщеніе, поставленное на подклѣтѣ. Это помѣщеніе (т. е. горница) было обыкновенно чистымъ, свѣтлымъ покоемъ, украшеннымъ красными окнами и снабженнымъ изразцовою печью. Горница эта служила для пріема гостей; нерѣдко она раздѣлялась перегородками на *комнаты.* Вообще горницы находились преимущественно въ домахъ богатыхъ людей; въ крестьянскомъ быту XVI в. горницы были рѣдки. Значеніе верхняго жилого помѣщенія горница сохранила въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр. въ Московской,

Ярославской, Костромской и Вологодской. Въ Можайскомъ у. Московской губ. подъ *горенкой* понимается двухэтажная пристройка у сѣней (по другую сторону ихъ, противъ избы), причемъ верхній этажъ составляетъ собственно горенку для храненія одежды и сундуковъ: здѣсь иногда принимаютъ интимныхъ гостей; нижній этажъ такой горенки вмѣщаетъ *мщенникъ* для молока и съѣстныхъ припасовъ. Въ Ярославской, Костромской и Вологодской губ. *горница* или *горенка*—обыкновенно не отопляемое помѣщеніе и находится въ верхнемъ этажѣ крытаго двора: на повѣти. Въ настоящее время въ крестьянскомъ быту, при развитіи жилья, слово *горница* нерѣдко переносится на помѣщеніе, замѣнившее по своему положенію избу. Такъ напримѣръ, въ Рязанской, Тамбовской, Олонецкой, Вологодской (*горнича*) и во Владимірской губерніяхъ (Муромскій уѣздъ, избы новаго типа) на фронтонъ жилого дома выходитъ чистая комната, называемая горницей; она безъ русской печи, тогда какъ послѣдняя помѣщается въ избѣ, получившей значеніе кухни и находящейся между сѣнями и горницей. Въ той же Владимірской губерніи, въ Муромскомъ уѣздѣ, а именно въ избахъ стараго типа, а равно въ Нижегородской губ., горница лежитъ съ противоположной избѣ стороны сѣней и иногда является синонимомъ клѣти. Въ этомъ же смыслѣ, т. е. въ смыслѣ слова клѣть, иногда пользуются словомъ горница и въ Олонецкой губерніи. Въ Вятской губ. *горница* или *пристынъ* пристраивается сбоку избы, выступая передъ сѣнями, поможетъ становиться и на мѣсто клѣти по другую сторону сѣней противъ *стрянущей избы*. Въ Кадниковскомъ у. Вологодской губ. горница часто называется и клѣтью (а также *боковушкой*). Замѣна слова клѣть словомъ горница несомнѣнно имѣетъ основаніе, разъ послѣдняя становится на мѣсто первой. Становясь на мѣсто клѣти, горница сохраняетъ и ея свойства всецѣло или отчасти. Такую горницу мы встрѣчаемъ напр. въ Орловской, Пензенской, Тульской, Калужской, Рязанской, Тамбовской и Владимірской губ. Въ Орловской губ. такая горница дѣлается у бѣдныхъ людей изъ хвороста, обмазаннаго глиной. Въ ней спятъ лѣтомъ, хра-

нять праздничную одежду, помѣщаютъ дѣвушекъ. Иногда изба за ветхостью превращается въ горницу и къ ней пристраивается новая изба. Въ Пензенской губ. въ горницу складываютъ сбрую и хозяйственныя орудія, въ нее загоняютъ и скотъ, мѣстами же ею пользуются для пріема гостей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Льговскомъ уѣздѣ Курской губерніи, *горница* употребляется какъ синонимъ хаты, т. е. жилой комнаты въ домѣ. Холодная изба, лѣтняя изба и та горница, которая стоитъ на ихъ мѣстѣ, если она не служитъ складочнымъ мѣстомъ, могутъ считаться синонимами, благодаря слѣдующимъ общимъ признакамъ: помѣщенія эти обыкновенно не отапливаются, чище избы, ими пользуются преимущественно лѣтомъ, въ нихъ помѣщаютъ дѣвушекъ, въ нихъ же принимаютъ гостей. Всѣ эти свойства горницы, какъ и ея положеніе, сближаютъ ее съ клѣтью, какъ она понималась у насъ уже издавна. Горница нерѣдко освѣщается бо́льшимъ числомъ оконъ, чѣмъ изба. Поэтому она иногда, какъ напр. въ Олонецкой губерніи, называется и *свѣтелкой*: тѣмъ же именемъ въ названной губерніи (Пудожскій у.) именуютъ комнату подъ крышей.

Что касается *свѣтелки*, то слово это, а равно *свѣтлица*, употребляется весьма часто въ русскомъ языкѣ и всегда въ одномъ смыслѣ, въ смыслѣ свѣтлой, чистой, иногда парадной комнаты. Тѣмъ же именемъ иногда называютъ и лѣтнюю избу т. е. помѣщеніе, соотвѣтствующее помянутой выше второй хатѣ или комнатѣ. Въ древней Руси *свѣтелой* называли и горницу, но болѣе свѣтлую съ красными окнами на три или даже на четыре стороны; она часто находилась только на женской половинѣ и служила помѣщеніемъ для рукодѣлья. Въ Тверской губерніи подъ свѣтелкой понимаютъ и вышку, въ Тульской—особнякомъ поставленный покой, въ Рязанской—мезонинчикъ на домѣ, въ Воронежской губ.—комнату въ задней части сѣней, иногда раздѣленная на двѣ части: жилую и кладовую. Въ Орловской губ., какъ указывалось, *свѣтлица* или *свѣтелка*, помѣщаясь съ противоположной избѣ стороны сѣней является синонимомъ

горницы: она служитъ для пріема гостей лѣтомъ, въ праздники въ ней устраиваются обѣдъ и ужинъ, при свадьбахъ она служитъ помѣщеніемъ для молодыхъ. Въ Карачевскомъ у. названной губ. свѣтлица иногда разгораживается на двѣ или три части, образуя *пуньки*, служащіе помѣщеніемъ для молодицъ или свекрови и невѣстки. Въ Рязанской губ. *свѣтлица*, находящаяся также съ противоположной избѣ стороны сѣней, лежитъ выше избы, почему входъ въ нее идетъ по нѣсколькимъ ступенямъ; вслѣдствіе этого свѣтелка эта называется и *вышкой*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Курской губерніи, напримѣръ, въ Путивльскомъ уѣздѣ, *свѣтлица* замѣняетъ по своему положенію хату точно такъ, какъ, напримѣръ, въ Тамбовской, Олонецкой и Владимірской губерніяхъ горница замѣняетъ избу, тогда какъ хата, какъ въ послѣднемъ случаѣ и изба, превращаются въ кухню. Въ малорусской рѣчи говорится *свитлыця*, *свитлонька*. Изъ другихъ славянскихъ языковъ слово это встрѣчается, какъ кажется, только у чеховъ: *světnice* въ смыслѣ жилой избы, комнаты, горницы, а также клѣти.

Изъ другихъ словъ, употребляемыхъ славянами для обозначенія комнаты вообще, прежде всего надо отмѣтить слово, употребляемое южными славянами: *соба*. Первоначальное его значеніе, какъ кажется, печь и пришло къ южнымъ славянамъ, быть можетъ, черезъ Албанію, гдѣ *соба* означаетъ печь (мадьяр. *szoba*—комната); у славянъ этимъ именемъ называютъ преимущественно отопляемую комнату. Это значеніе имѣетъ слово *соба* у болгаръ и у сербовъ; *собаджик* или *соба за дјецу*—дѣтская; у хорватовъ и словинцевъ *soba* означаетъ комнату вообще; *sobana*—зала; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обитаемыхъ словинцами, собой называютъ комнату, расположенную въ задней части сѣней, т. е. тамъ, гдѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ помѣщается свѣтелка. У сербовъ вмѣсто *соба* употребляется и слово *одаја;* затѣмъ *нахирје* въ смыслѣ горницы вообще или свѣтелки, т. е. свѣтлой, чистой комнаты. По болгарски комната называется и *одаа, одая,* (турец. *ода*), *полати, пулати, прусть*.

5. Спальня. Весьма существеннымъ съ точки зрѣнія степени развитія жилья является вопросъ о томъ, имѣется ли въ данномъ жилищѣ особое помѣщеніе для сна. Хата въ ея первоначальномъ и современномъ обычномъ видѣ представляетъ

изъ себя помѣщеніе, имѣющее самое разнообразное назначеніе и, между прочимъ, служитъ въ качествѣ спальни. Она часто бываетъ по своимъ размѣрамъ и по численности семьи не достаточной для этой роли. Поэтому крестьяне въ Сѣверо-Западномъ краѣ ищутъ себѣ убѣжище на ночь, особенно лѣтомъ, въ самыхъ разнообразныхъ помѣщеніяхъ: и въ сѣняхъ, и въ кладовой, и въ отдѣльно стоящей клѣти, и на чердакѣ, и на сѣновалѣ. Но есть хаты, въ которыхъ имѣется на лицо особое помѣщеніе для сна—спальня. Правда, она часто не исключаетъ наличность спанья и въ самой хатѣ; однако, роль ея совершенно опредѣленная, рѣзко ее отличающая отъ другихъ помѣщеній въ хатѣ. Мы выше отмѣтили, что мѣстомъ сна въ хатѣ является пространство вдоль глухой стѣны отъ печи къ фронтону зданія, гдѣ помѣщается нара или кровать или вообще какое либо ложе; естественнымъ представляется теоретически предположить, что при образованіи особой спальни, таковая должна появиться именно въ этомъ мѣстѣ, ставъ рядомъ съ жилой хатой отъ сѣней къ фронтону. Это теоретическое предположеніе совершенно подтверждается дѣйствительностью. Спальня въ Сѣверо-Западномъ краѣ, тамъ, гдѣ она встрѣчается, стоитъ именно на этомъ мѣстѣ (см. черт. 41, 42, 45, 53, 54 на стр. 164, 176, 206; буквы Е, $Е_1$). Интересно отмѣтить, что въ этомъ отношеніи Сѣверо-Западный край не дѣлаетъ исключенія и что спальня и у многихъ другихъ славянъ, въ частности въ Великороссіи и Малороссіи, находится на томъ же мѣстѣ. Такая спальня въ Сѣверо-Западномъ краѣ переживаетъ разныя стадіи своего развитія. Весьма часто она еще не дифференцировалась вполнѣ въ особую комнату и отдѣляется отъ жилой хаты лишь выступающей особой печью: грубкой, стѣновкой (черт. 43, стр. 170). Въ этомъ случаѣ она не носитъ и особаго наименованія, такъ какъ ее крестьянинъ справедливо разсматриваетъ, какъ часть хаты, а не какъ особое помѣщеніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда спальня отграничена отъ хаты стѣной, она называется обыкновенно либо *покоемъ*, либо *запечьемъ* (также *запычне*). И то и другое на-

именованіе весьма характерно. Первое указываетъ на тотъ покой, который получаетъ спящій въ спальнѣ, а второе есть не что иное, какъ наименованіе нары, на которой спятъ, получившее мѣстами это названіе, очевидно, благодаря своему расположенію за печью. Кромѣ того спальня въ Сѣверо-Западномъ краѣ, впрочемъ, преимущественно у шляхты, называется и *анкиръ* и *alkierz* (*alkieryk*); изрѣдка, повидимому, подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, спальня называется и *комора* (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи). Въ Кобринскомъ уѣздѣ той же губерніи, гдѣ иногда спальня устраивается въ сѣняхъ, она называется *хатка* (черт. 46 и 47, на стр. 176 и 182; буква С).

Слово *покой* извѣстно всѣмъ славянскимъ языкамъ обыкновенно въ смыслѣ тишины, успокоенія, но не въ смыслѣ комнаты. У насъ въ старинномъ языкѣ слово *покой* употреблялось и въ смыслѣ успокоенія, спокойствія и въ смыслѣ отдыха; однако, уже въ XI в. оно встрѣчается въ нашихъ памятникахъ въ смыслѣ обители или помѣщенія для жилья. Въ современномъ русскомъ языкѣ слово *покой* означаетъ, между прочимъ, комнату вообще, нерѣдко парадную комнату, залу, часть дворца. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *покой* употребляется и въ смыслѣ комнаты вообще, иногда замѣняя слово хата; въ малорусскомъ говорѣ *покой*—горница, комната. На болгарскомъ, сербскомъ, хорватскомъ и словинскомъ языкахъ *покой, pokoj* не употребляется въ смыслѣ комнаты, а означаетъ лишь: миръ, тишину, спокойствіе, отдыхъ, успокоеніе. На польскомъ же языкѣ и на языкѣ чешскомъ *pokoj* означаетъ и горницу, и комнату, и клѣть; *pokoik*—по польски каморка, комнатка; *pokojik*—по чешски комнатка. Въ старорусской рѣчи пользовались двумя словами для опредѣленія понятія о спальнѣ, вышедшими теперь изъ употребленія: *ложница* и *одрина*; послѣдняя иногда ставилась отдѣльнымъ строеніемъ на дворѣ и имѣла особыя крыльцо и сѣни.

6. Кухня. Весьма важнымъ въ дѣлѣ развитія жилья является и вопросъ о томъ, имѣется ли въ немъ кухня. Вопросъ этотъ важенъ потому, что наличность или отсутствіе кухни характеризуетъ степень развитія жилья. Въ процессѣ этого развитія нельзя не отмѣтить стремленія обитателя даннаго жилища достичь большаго по возможности удобства, наибольшаго комфорта. По-

слѣдній, очевидно, стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, насколько жилье, первоначально однокамерное, распалось на помѣщенія, несущія спеціальныя обязанности. Мы видѣли выше, что жилая хата въ обычномъ ея видѣ служитъ жильемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ потребностямъ ея обитателя: въ ней изготовляютъ пищу, обѣдаютъ, работаютъ, спятъ и принимаютъ гостей. Неудобства, связанныя съ такимъ совмѣщеніемъ разнообразныхъ функцій, очевидны. Поэтому естественно, казалось бы, стремленіе очистить хату выдѣленіемъ въ особыя помѣщенія съ одной стороны спальни, а съ другой кухни. При такомъ выдѣленіи хата получаетъ совершенно другой характеръ, характеръ чистаго помѣщенія, годнаго для трапезы и пріема гостей. Нами уже отмѣчено, что особыя помѣщенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ встрѣчаются, но что онѣ, говоря вообще, рѣдки. Рѣдкимъ явленіемъ представляется и выдѣленіе кухни. Тѣмъ не менѣе, наличность ея слѣдуетъ отмѣтить, какъ выражающую одну изъ стадій процесса развитія жилья, хотя стадію, на которую стали сравнительно немногочисленныя жилища. Трудно отвѣтить на невольно возникающій вопросъ: почему въ Сѣв.-Запад. краѣ развитіе кухни не проникло въ глубь населенія и почему въ этомъ отношеніи мѣстная хата стоитъ на низкой степени развитія. Одною изъ причинъ даннаго явленія могло быть и то, что мѣстный крестьянинъ, по условіямъ климата, вынужденный дорожить печью въ хатѣ, какъ источникомъ тепла, не былъ склоненъ выдѣлять ее въ особое помѣщеніе. Къ этой мысли приводитъ, между прочимъ, наблюденіе надъ исторіею развитія жилища у южныхъ славянъ. У нихъ зачастую, несмотря на слабое развитіе жилья, кухня встрѣчается въ качествѣ совершенно обособленнаго помѣщенія, иногда выдвинутаго за предѣлы собственнаго дома рис. 93. Живя въ тепломъ климатѣ, южный славянинъ не нуждается въ соотвѣтственномъ согрѣваніи своего жилища; онъ даже не устраиваетъ печи, а ограничивается очагомъ. Естественно поэтому, что процессъ очищенія жилого помѣщенія отъ несущей чадъ и копоть кухни долженъ былъ идти у него

болѣе интенсивно, чѣмъ у сѣверянина, какимъ является бѣлоруссъ. Къ этому необходимо прибавить и то, что благоустроенная печь въ хатѣ Сѣверо-Западнаго края, конечно, въ меньшей степени чадитъ, чѣмъ очагъ такихъ южныхъ славянъ, какъ приморскіе хорваты или сербы Герцеговины, Черногоріи и Далмаціи. Мы говоримъ здѣсь, конечно, о печи, снабженной трубой, а не топящейся по черному. Мы хотимъ сказать, что мѣстный крестьянинъ, перейдя отъ черной къ бѣлой топкѣ и закрывъ очагъ (припечекъ) передней стѣнкой, почти совершенно предотвратилъ появленіе чада и копоти въ хатѣ и тѣмъ самымъ въ значительной степени парализовалъ отрицательное дѣйствіе печи въ жиломъ помѣщеніи. Поэтому, по нашему мнѣнію, мѣстный крестьянинъ не имѣлъ основанія особенно стремиться къ устройству кухни, требующему переноса печи или переустройства ея въ хатѣ. Въ связи со сказаннымъ мы затруднялись бы признать жилище Сѣверо-Западнаго края стоящимъ на особо низкой ступени лишь потому, что въ немъ не имѣется кухни. Мысль наша, повидимому, подтверждается тѣмъ, что въ процессѣ развитія мѣстнаго жилья мы видимъ значительное движеніе впередъ, выразившееся въ устройствѣ описанныхъ выше: комнаты, свѣтелки и спальни. Въ смыслѣ этого развитія въ Сѣверо-Западномъ краѣ достигнуты, говоря вообще, тѣ же ступени, что у всего русскаго племени, а равно у западныхъ славянъ, и ступени высшія, чѣмъ тѣ, которыя мы видимъ во многихъ мѣстностяхъ, населенныхъ славянами южными. И если, тѣмъ не менѣе, бѣлорусское жилье должно быть признано не на высокой ступени развитія, то низкость уровня развитія выражается въ томъ, что развитыя жилища рѣдки и что *обычная* хата развита слабо.

Возвратимся въ кухнѣ, т. е. помѣщенію для приготовленія пищи. Она вообще въ Сѣверо-Западномъ краѣ встрѣчается рѣдко. Ее можно видѣть преимущественно у зажиточныхъ шляхтичей, а равно у богатыхъ крестьянъ. Лишь на югѣ Гродненской губерніи, выдѣляющійся, какъ указывалось неоднократно выше, во многихъ отношеніяхъ отъ другихъ мѣстъ, кухня представляетъ

довольно обычное явленіе. Наличность кухни достигается двоякимъ путемъ. Одинъ изъ нихъ слѣдующій: печь совершенно не мѣняетъ своего положенія, но она, какъ и просторъ передъ ней, отдѣлена отъ хаты стѣной, такъ что изъ сѣней черезъ боковую, ведущую обычно въ хату, дверь попадаешь сначала въ кухню, а затѣмъ уже въ хату (черт. 49 на стр. 188; буква A_1). Послѣдняя отопляется въ этомъ случаѣ не русскою печью, а голландской (грубкой, стѣновкой). Другой способъ выдѣленія кухни заключается въ томъ, что печь, оставаясь въ хатѣ, поворачивается своимъ устьемъ изъ хаты въ сѣни, а именно въ заднюю часть ихъ, которая отдѣлена отъ передней стѣной (черт. 50, 51, 52, 54 на стр. 188, 198, 206; буква A_1). Кромѣ этихъ двухъ способовъ есть еще третій, когда кухня достигается, такъ сказать, косвеннымъ путемъ, а именно, когда русская печь остается въ хатѣ, въ которой и изготовляется пища и когда, кромѣ этой хаты, по другую сторону сѣней имѣется другая хата, но служащая не въ качествѣ обычнаго жилья для части семьи, а въ качествѣ чистаго помѣщенія, какъ бы гостинной. Послѣдній способъ очищенія части жилья, какъ раньше указывалось, весьма обыченъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Въ нихъ же не рѣдко встрѣчается первый способъ устройства кухни, причемъ стѣна нерѣдко замѣняется занавѣской. Тотъ же способъ встрѣчается въ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, у котораго описанная кухня въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называется, напр. въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, *хатина*. Что касается второго изъ описанныхъ способовъ образованія кухни: образованія ея въ задней части сѣней (способа нерѣдкаго и въ великорусскихъ губ.), то въ отношеніи его необходимо отмѣтить, что онъ безусловно представляетъ новшество для Сѣверо-Западнаго края. При этомъ есть основаніе предполагать, что новшество это возникло не на мѣстѣ, а занесено извнѣ. Вліяніе въ этомъ отношеніи на Сѣверо-Западный край шло, повидимому, съ запада. Къ этимъ заключеніямъ насъ приводитъ то, что описываемый способъ выдѣленія кухни встрѣчается рѣдко, только

въ Гродненской губ., преимущественно въ ея западной и юго-западной частяхъ, и что построенный съ кухнею въ сѣняхъ домъ весьма напоминаетъ дома западно-европейскихъ типовъ, дома, сложившіеся отъ основной ячеи съ очагомъ, давшей помѣщеніе аналогичное, но не тождественное съ сѣнями. Способъ образованія кухни въ Великороссіи и Малороссіи, не встрѣчающійся въ Сѣверо-Западномъ краѣ, сводится, между прочимъ, и на то, что передъ хатой или избой къ фронтону достраивается чистое помѣщеніе, при чемъ хата и изба превращаются въ кухню.

Вообще, въ отношеніи исторіи развитія кухни слѣдуетъ имѣть въ виду, что она нигдѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ и вообще въ Россіи, а равно во всемъ остальномъ славянскомъ мірѣ, не представляетъ особаго, новаго помѣщенія, а либо составляетъ часть уже ранѣе образовавшагося (какъ сѣни, изба, хата), либо занимаетъ одну изъ коренныхъ ячей дома, отведенную подъ спеціальную надобность (куча, вѣжа, изба, хата). Въ соотвѣтствіе съ этимъ кухня въ славянскомъ мірѣ либо несетъ наименованіе, заимствованное изъ чуждыхъ языковъ, либо называется именемъ, непосредственно вытекающимъ изъ функцій кухни, при этомъ въ обоихъ случаяхъ безъ отношенія къ способу своего возникновенія, а равно мѣстоположенія и соотношенія съ другими частями жилья.

Тамъ, гдѣ кухня существуетъ, она въ Сѣверо-Западномъ краѣ несетъ общее всему русскому языку наименованіе: *кухня*, *куxенка*.

Слово *кухня* не русскаго и вообще не славянскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе, оно и ему подобныя слова употребляются въ настоящее время всѣми славянами. Въ древне-русскомъ языкѣ слово *кухня* не встрѣчается (въ XIV в. извѣстно слово *кухмистръ*); оно замѣнялось словами: *поварьници,* (XI в.) *поварьня* (XV в.) а также тѣми русскими словами, которыя существуютъ и въ настоящее время: *стряпня, стряпная, пекарня, теплушка.* Послѣднее слово употребляется теперь въ разныхъ губ., напр. въ Московской, Орловской; въ Воронежской говорятъ *таплушка,* а въ Тамбовской—*топлюшка.* Такая

кухня можетъ помѣщаться въ части сѣней, перегороженныхъ поперечно, можетъ находиться и между сѣнями и избой, нерѣдко помѣщая лишь часть печи, тогда какъ другая остается въ избѣ; *топлюшка* Тамбовской губ. представляетъ отдѣльное зданьице, которымъ пользуются лишь лѣтомъ. Въ крестьянскомъ быту кухня иногда совсѣмъ не носитъ особаго наименованія, или же называется *избой*. Это происходитъ отъ того, что изба при развитіи жилья утрачиваетъ первоначальное свое значеніе жилого помѣщенія. Она уступаетъ свое мѣсто у фронтона зданія новому помѣщенію—горницѣ, а сама остается между нею и сѣнями.

На другихъ славянскихъ языкахъ употребляются слѣдующія слова: по-болгарски—*кухна*, по-сербски—*кухиньа, кухарница, кужина, кушна;* по-хорватски—*kuhnja и kuhinja;* по-словински—*kuha, kuhnja*, и *kuhinja;* по-польски—*kuchnia* и *kuchenka;* по-чешски—*kuchyn, kuchyna, kuchyně и kuchynka;* по-словацки—*kuchyna*. На ряду съ этими словами употребляются мѣстами и другія, напримѣръ, у болгаръ *готварница,* у хорватовъ—*varionica;* въ Болгаріи и Босніи употребляется и турецкое слово, перешедшее, повидимому, изъ арабскаго: *мутвакъ*. Наконецъ, у нѣкоторыхъ южныхъ славянъ кухня, т. е. помѣщеніе съ очагомъ, называется именемъ дома, напр. въ Босніи—*куча*, а въ хорватскомъ Приморьѣ—*kutja*.

7. Чердакъ. Чтобы закончить описаніе помѣщеній жилого дома въ Сѣверо-Западномъ краѣ, необходимо остановиться и на чердакѣ. Это помѣщеніе представляется въ томъ отношеніи важнымъ, что изъ него при значительномъ развитіи жилища можетъ выдѣляться второй верхній этажъ *).

Чердакъ, т. е. тотъ просторъ, который отдѣляетъ потолокъ отъ крыши, можетъ служить характернымъ показателемъ степе-

*) Развитіе второго этажа можетъ происходить и не изъ чердака, а изъ подполья. Это явленіе весьма обычно во многихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами. Такъ, въ горныхъ странахъ, какъ Крайна, Боснія, Герцеговина, Далмація, Черногорія, мы часто встрѣчаемъ подъ жилымъ помѣщеніемъ въ разныхъ степеняхъ развитія нижній, предназначенный для хозяйственныхъ надобностей этажъ (рис. 87, 146, 150, 152, 166). Весьма обычнымъ является развитіе второго этажа изъ подполья у насъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, при чемъ и здѣсь собственно жилое помѣщеніе подымается, тогда какъ помѣщеніе нижнее служитъ преимущественно для хозяйственныхъ надобностей (рис. 179, 180, 191, 192). Примѣрами развитія второго этажа изъ чердака у разныхъ славянскихъ племенъ могутъ служить дома, изображенные на рис. 76, 79, 81, 106, 165.

ни развитія данной постройки. Очевидно, что на низшей степени развитія стоитъ то жилье, которое совершенно не имѣетъ потолка и лишено поэтому и чердака въ настоящемъ значеніи этого слова. Первичная роль потолка заключается въ удержаніи тепла въ жиломъ помѣщеніи: потолокъ ограждаетъ жилье отъ проникновенія холодныхъ потоковъ воздуха. Однако, потолокъ предполагаетъ уже въ значительной мѣрѣ развитое жилище, тогда какъ въ постройкахъ простѣйшихъ просторъ, образующій собственно жилое помѣщеніе, свободно сообщается съ просторомъ непосредственно подъ скатами крыши. Жилыя постройки, сильно двинувшіяся по пути своего развитія, имѣютъ мѣстами въ чердачномъ помѣщеніи дополнительное жилье, переходящее въ дальнѣйшемъ въ покои, образующіе верхній въ большей или меньшей степени развитой этажъ. Поэтому въ исторіи развитія жилья мы можемъ отмѣтить слѣдующія стадіи: отсутствіе потолка и поэтому отсутствіе и чердака; наличность послѣдняго, причемъ чердакъ не имѣетъ иного назначенія, какъ содѣйствовать теплу жилого помѣщенія; наличность чердака въ качествѣ складочнаго мѣста для домашней утвари; наличность чердака, при пользованіи имъ въ качествѣ дополнительнаго жилого помѣщенія, а именно въ роли спальни съ одной или нѣсколькими кроватями; наличность выдѣленной части чердака въ качествѣ покоя, но безъ особаго потолка, и наконецъ, наличность на чердакѣ одного или нѣсколькихъ жилыхъ помѣщеній, снабженныхъ потолкомъ, причемъ не занятая этими помѣщеніями половина, или же середина чердака продолжаютъ сохранять характеръ подкрышнаго простора. При полномъ занятіи жильемъ чердачнаго помѣщенія, таковое превращается уже сплошь во второй этажъ, причемъ чердакъ высится надъ этимъ вторымъ этажемъ.

Обращаясь къ постройкамъ Сѣверо-Западнаго края, слѣдуетъ отмѣтить, что въ нихъ чердачное помѣщеніе слѣдуетъ считать весьма мало развитымъ. О выдѣленіи его въ дополнительное жилье не можетъ быть и рѣчи. Мало того, чердакъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже не служитъ мѣстомъ склада;

имъ пользуются обыкновенно для сваливанія рухляди, или же его оставляютъ безъ всякаго пользованія. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что весьма обычнымъ представляется наличность чердака только надъ жильемъ, тогда какъ подкрышный просторъ надъ сѣнями не отграниченъ отъ простора сѣней потолкомъ. Въ связи съ такимъ положеніемъ чердака часто отсутствуетъ и всходъ на него. Тамъ, гдѣ таковой имѣется, онъ состоитъ изъ приставной лѣстницы, употребляемой въ случаѣ надобности. Съ точки зрѣнія развитія жилья чердакъ Сѣверо-Западнаго края долженъ почитаться стоящимъ на весьма низкой ступени. И такъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ надъ сѣнями чердака обыкновенно не имѣется и въ этой части хаты просторъ, образуемый скатомъ крыши, свободно зіяетъ. Собственно чердакъ, помѣщается какъ сказано, надъ жилой частью хаты а также надъ кладовой или второй хатой, такъ что имѣются одновременно два чердака. Входъ на чердакъ почти во всѣхъ случаяхъ изъ сѣней (иногда изъ кладовой) по передвижной лѣстницѣ *(льсвица, стромина, дробина, драбина*—рис. 169). Если сѣни запотолочены, то въ потолкѣ ихъ имѣется отдушина *(жерло)*, къ которой приставлена лѣстница для прохода на чердакъ. Если хата съ двускатной крышей, то со стороны фронтона чердакъ покрытъ *шелевой*, т. е. досками, въ которыхъ находится одно или нѣсколько отверстій *(продуха)* для освѣщенія чердака (рис. 5, 6, 11, 12, 20, 23, 117, 137, 154).

Роль чердака довольно разнообразна. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ курныхъ избахъ чердакомъ совсѣмъ не пользуются, такъ какъ онъ прокопченъ. Въ хатахъ съ трубою послѣдняя проходитъ черезъ чердакъ и онъ служитъ для починки трубы. Кромѣ того, чердакъ употребляется какъ мѣсто склада припасовъ, въ которыхъ нѣтъ постоянной надобности и переноска которыхъ на верхъ не составляетъ затрудненій. Такъ, на чердакѣ складывается ленъ, конопля, капустные листья, подкладываемые подъ хлѣбъ при его печеніи, пряжа, вѣники, овечья шерсть, грабли, вилы, лопаты, липовая кора для лаптей, корзины для

поклажи, рыболовныя снасти. Иногда на чердакъ складываютъ и овощи, гдѣ онѣ сохраняются до зимы; вмѣстѣ съ тѣмъ чердакъ служитъ и мѣстомъ развѣшиванія бѣлья, для просушки какъ зимою, такѣ и въ дождливую погоду лѣтомъ; тамъ же развѣшиваютъ полезныя и цѣлебныя травы, кисти рябины, пучки калины; иногда на чердакѣ устраиваютъ куръ для ночлега; онъ же служитъ для склада всякой рухляди, ненужной по времени года одежды. Въ рѣдкихъ случаяхъ на чердакѣ помѣщается цѣнное бѣлье и платье. Такимъ образомъ чердакъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ служитъ неопредѣленнымъ мѣстомъ склада самыхъ разнообразныхъ предметовъ. О развитіи чердака во второй этажъ или даже развитіи части его въ небольшое дополнительное жилое помѣщеніе нѣтъ и намека.

Общимъ для всего Сѣверо-Западнаго края названіемъ для чердака служитъ слово *гора*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Гомельскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, говорятъ и *на хатѣ*, а въ Пружанскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, и *покотъ*.

Слово *гора* въ смыслѣ чердака употребляется и въ Малороссіи (также *горыще*, *горище*) и у поляковъ *gora*, *gura*. Слово *чердакъ* употребляется въ вышеуказанномъ смыслѣ только великоруссами, да и то не повсемѣстно. Въ древней Руси *чердакъ* представлялъ верхній этажъ хоромъ и былъ синонимомъ *терема, вышки*—свѣтлый, находившійся подъ самой кровлей покой, съ красными, иногда прорубленными на четыре стороны окнами. Другія слова, которыми пользуются въ великорусскихъ губерніяхъ—*повалока;* въ Тверской, Новгородской, а равно среди старообрядческаго населенія Ковенской губ.,—*вышка*. Слово это примѣняется къ чердаку въ Тверской губ., когда онъ приспособленъ для жилья; въ противномъ случаѣ говорятъ про чердачное помѣщеніе *на истопкѣ*. Хотя слово *чердакъ* и употребляется, кромѣ великоруссовъ, и нѣкоторыми другими славянскими народами, но обыкновенно въ иномъ, чѣмъ у насъ, смыслѣ, а именно: у болгаръ *чардакъ*, *чардац* и менѣе чердакъ, чѣмъ второй этажъ, галлерея, *(кукя чардакліа*—двухэтажный домъ); у сербовъ *(чардак)*—сторожка, балконъ, сторожевая башня (то же что *кула),* помѣщеніе для сохраненія кукурузы. Слово чердакъ считается словомъ персидскимъ, перешедшимъ къ намъ и на Балканы при

помощи турецкихъ нарѣчій (турец. *čardak*). То же слово внѣдрилось и сѣвернѣе р. Савы. Такъ, въ Славоніи слово *чардак* употребляется въ смыслѣ сарая для кукурузы; у хорватовъ и словинцевъ *čardak* означаетъ сторожку; у чеховъ *čardak*—употребляется въ нашемъ великорусскомъ значеніи слова. Въ Бессарабіи у молдавскаго населенія *чердакъ*—сооруженіе (рис. 183) при хатѣ, тождественное съ малороссійской призбой (рис. 138, 156). Такое же сооруженіе у бессарабскихъ болгаръ называется *прыспикъ, камина* (рис. 197). Подобное же сооруженіе въ Болгаріи называется *пезулъ, пазулъ, пезулче*—(рис. 193) (слова ново-греческія), а въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи—*диванхана* (рис. 84, 85). У нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ понятіе о чердакѣ связывается съ понятіемъ о крышѣ. Такъ, у малоруссовъ и поляковъ, у которыхъ крыша, между прочимъ, называется и *дахъ*, чердакъ именуется: у первыхъ—*пиддаша*, а у вторыхъ *poddasze* и *strych;* (у гуцуловъ Буковины тоже *стрихъ*); словинцы говорятъ *podstrišje, podstrešina;* чехи—*podstřeší.* Кромѣ того, понятіе о чердакѣ иногда связывается съ понятіемъ о потолкѣ. Такъ, въ Черногоріи и вообще у сербовъ говорятъ *петер* (также *нахирје*), у словинцевъ *peter;* то же слово означаетъ на ихъ языкѣ потолокъ; у бессарабскихъ болгаръ *таванъ*—чердакъ и потолокъ; у словаковъ—*poval, povala,* что означаетъ и чердакъ и потолокъ.

В. Типы жилого дома.

Выше описаны отдѣльныя помѣщенія хаты Сѣверо-Западнаго края. Теперь предстоитъ намъ разсмотрѣть эти помѣщенія въ ихъ взаимномъ другъ къ другу отношеніи. Оно поможетъ разобраться въ дѣлѣ хода развитія мѣстнаго жилья, а равно въ установленіи, согласно этому развитію, типовъ жилого дома.

1. Однокамерный домъ (хата—рис. 9; черт. 22 на стр. 110). Простѣйшій изъ типовъ, встрѣчающійся въ настоящее время, хотя и весьма рѣдко—это однокамерная хата. По внѣшности своей, какъ уже указывалось ранѣе, она ни въ чемъ существенномъ не отличается отъ остальныхъ хатъ, тѣсно примыкая къ общему типу мѣстныхъ построекъ. Особенность однокамерной хаты заключается въ томъ, что она, не имѣя сѣней, состоитъ лишь изъ одного помѣщенія—хаты. Такой домъ имѣетъ входную дверь съ задней фронтонной стороны и по внутреннему своему устройству несетъ типичныя

черты всѣхъ хатъ, а именно: по входѣ въ такое жилье (черт. 22) у дверной стѣны помѣщается печь; наискось отъ нея большой уголъ съ лавками и столомъ передъ ними; отъ печи по стѣнѣ нары или кровати. Изображенный на указанномъ чертежѣ домъ имѣетъ четыре окна, изъ которыхъ два прорублены бо́льшихъ размѣровъ, тогда какъ ихъ величина первоначально была малая. Эта и подобныя хаты принадлежатъ, конечно, бѣднымъ хозяевамъ, зачастую совершенно не имѣющимъ земли и скота и являющимся батраками. Къ изображенному на черт. 22 дому примыкаетъ хлѣвочекъ, положеніе котораго въ отношеніи дома мы тутъ же отмѣчаемъ особо, какъ весьма характерное и, говоря вообще, не мѣняющееся при развитіи дома. Такая хата легла въ основаніе образованія всѣхъ жилищъ Сѣверо-Западнаго края, причемъ развитіе ея шло главнымъ образомъ по длинѣ и лишь отчасти по ширинѣ.

2. Двураздѣльный домъ (хата и сѣни—рис. 10, 14, 22, 23, 29, 65, 66, 102, 109, 118, 119, 121, 126, 129, 141; черт. 24, 25, 26, 27 на стр. 116 и 122). Двураздѣльной постройкой мы называли ту, въ которой имѣются два опредѣленныхъ, не мѣняющихся и служащихъ опредѣленнымъ цѣлямъ, помѣщенія. Двураздѣльность хаты получается не путемъ раздѣленія первоначальной однокамерной постройки на два помѣщенія, а путемъ пристройки къ первоначальному помѣщенію второго, дополнительнаго. Это дополнительное помѣщеніе—сѣни, столь характерно для построекъ Сѣверо-Западнаго края, что можно, говоря вообще, по всей справедливости выразиться, что хата безъ сѣней почти не существуетъ. Хотя, какъ только что указано, въ краѣ и встрѣчаются однокамерныя хаты, но онѣ очень рѣдки, совершенно отходятъ въ область преданій и представляются исключеніями. Появленіе сѣней при хатѣ, конечно, имѣло свою исторію развитія. Намекомъ на эту исторію могутъ служить тѣ дома бобылей, у которыхъ (см. черт. 23, стр. 110) пространство сѣней намѣнено изгородью, покрываемой иногда соломой. Такая хата сохраняетъ, строго говоря, свой первоначальный однокамерный

характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что начало дополнительному, второму помѣщенію, т. е. сѣнямъ, уже положено. Поэтому такую хату нельзя не разсматривать какъ домъ промежуточнаго типа между однокамерной постройкой и двураздѣльнымъ домомъ.

На основаніи имѣющихся налицо въ Сѣверо-Западномъ краѣ построекъ можно предполагать, что дополнительное при хатѣ помѣщеніе, т. е. сѣни, не сразу получило нынѣ свойственный ему характеръ помѣщенія промежуточнаго, безъ опредѣленнаго назначенія, исключая назначеніе—служить для увеличенія тепла въ хатѣ, т. е. назначеніе передней. Можно думать, что первоначальная роль, исполнявшаяся сѣнями, сводилась на роль помѣщенія для скота, т. е. хлѣва. Въ этомъ убѣждаютъ тѣ постройки, которыя имѣютъ сѣни, служащія одновремѣнно помѣщеніями для скота. Хата съ такого рода сѣнями изображена на черт. 24, стр. 116, (см. рис. 65). Сѣни ея очень обширны и по своимъ размѣрамъ совершенно соотвѣтствуютъ своему назначенію, заключающемуся въ предоставленіи помѣщенія скоту. Такая роль первоначальныхъ сѣней, какъ можно думать, была всеобщая. Въ этомъ убѣждаютъ не только наличные примѣры въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но и рядъ аналогичныхъ фактовъ во всемъ славянскомъ мірѣ. Какая бы ни была первоначальная роль сѣней, необходимо отмѣтить, что ближайшая ступень въ ходѣ развитія хаты, ступень, остающаяся совершенно неизмѣнной и въ дальнѣйшемъ движеніи прогресса, отмѣчаетъ это развитіе по длинной оси первоначальной ячеи—съ тѣмъ, что хата, значительно удлиняясь благодаря новому помѣщенію, нисколько не мѣняется по ширинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получается весьма существенная новая особенность: входъ въ хату-домъ ведетъ не съ узкой, фронтонной, стороны, а съ длинной, боковой. Черт. 25 на стр. 116 изображаетъ указаннаго рода хату. На этомъ чертежѣ видно, что сѣни значительно, по сравненію съ предыдущимъ примѣромъ, уже, такъ какъ роль ихъ упростилась. При входѣ въ сѣни видишь кадку съ водой; тутъ же складъ необходимаго количества дровъ;

отсюда же ведетъ приставная лѣстница на чердакъ. Сѣни освѣщаются оконцемъ. Въ стѣнѣ направо имѣется дверь, ведущая собственно въ хату, въ которой прежде всего бросается въ глаза большая печь, съ устьемъ, обращеннымъ къ двери; за печью помѣщается кровать; вдоль стѣнъ размѣщаются лавки. Подобныя описанной хаты въ настоящее время представляются сравнительно рѣдкими, знаменуя, какъ и однокамерная хата, бѣдность хозяина и зачастую низкое свое развитіе и по количеству оконъ (обыкновенно съ фронтона лишь одно), и черной топкой печи и глинянымъ или земляпымъ поломъ.

Очищеніе сѣней отъ скота, т. е. освобожденіе сѣней отъ первоначально лежавшихъ на нихъ функцій, произошло, какъ можно полагать, не сразу. Къ этому мнѣнію приводятъ хаты, служащія какъ бы переходной ступенью между хатами съ сѣнями-хлѣвами и хатами съ чистыми сѣнями. Примѣромъ такого рода хаты можетъ служить изображенная на черт. 26 на стр. 122. Здѣсь мы видимъ, что сѣни разгорожены поперечной перегородкой на двѣ части: переднюю, собственно сѣни, и заднюю—хлѣвъ. Это выдѣленіе части сѣней, такъ сказать, подъ хозяйственныя нужды весьма характерно и заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ потому, что оно сохраняется и при дальнѣйшемъ развитіи дома съ тою лишь разницею, что совершенно удаленный изъ сѣней хлѣвъ замѣняется кладовой, какъ то видно напр. на черт. 27 (стр. 122). Такой домъ, состоящій изъ хаты, сѣней и части ихъ—кладовой, могъ бы получить наименованіе трехраздѣльнаго дома, однако мы предпочитаемъ причислить этого разряда дома къ постройкамъ двураздѣльнымъ потому, что съ выдѣленіемъ части сѣней подъ хлѣвъ или кладовую, строго говоря, не образовалось новаго, мѣняющаго структуру дома помѣщенія, а лишь раздѣлилось уже ранѣе существовавшее.

3. Трехраздѣльный домъ (хата, сѣни и комора, или клѣть, или варевня, или истопка, или вторая хата, или комната—рис. 15, 17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 53, 59, 60, 61, 62, 63,

130, 139, 179; черт. 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44 на стр. 128, 134, 140, 146, 152, 158, 164, 170). Трехраздѣльность дома, по нашей терминологіи, наступаетъ тогда, когда образуется третье помѣщеніе, въ значительной степени мѣняющее обликъ дома, а именно: съ противоположной хатѣ стороны сѣней пристраивается покой, соединенный внутреннимъ ходомъ съ сѣнями, а слѣдовательно съ хатой. Такое развитіе дома повидимому шло тѣмъ путемъ, что первоначально помѣщавшійся на мѣстѣ сѣней или въ нихъ самихъ хлѣвъ былъ отодвинутъ въ сторону, не потерявъ, впрочемъ, тѣсной связи съ жильемъ. Примѣромъ такого дома можетъ служить домъ, изображенный на черт. 28 на стр. 128. На этомъ чертежѣ мы видимъ, что по входѣ въ сѣни одна дверь (правая) ведетъ въ хату, а другая (лѣвая) въ хлѣвъ. Къ такому дому, какъ и къ дому, находящемуся на болѣе низкой степени развитія, могутъ примыкать хозяйственныя строенія; но такъ какъ связь ихъ съ жильемъ только механическая, а не органическая, то они не имѣютъ отношенія собственно къ жилью и его развитію. Они указываютъ только на порядокъ сочетанія жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ.

Какъ хлѣвъ, помѣщающійся въ сѣняхъ, можетъ замѣняться, въ болѣе прогрессировавшихъ домахъ, кладовой, такъ равно и хлѣвъ сбоку сѣней замѣняется кладовой, именуемой или коморой, или клѣтью, или варевней, или истопкой, о которыхъ нами было уже достаточно подробно сказано на своемъ мѣстѣ. Но кладовая сбоку сѣней часто отапливается или по крайней мѣрѣ согрѣвается тѣмъ или инымъ способомъ (варевня или истопка) и тѣмъ самымъ приближается по своему характеру собственно къ жилью — хатѣ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, какъ мы увидимъ ниже, кладовыя могутъ видоизмѣняться въ благоустроенное жилье. Наличность кладовой сбоку сѣней не исключаетъ возможности устройства хлѣва въ задней части послѣднихъ, какъ это видно на черт. 29 (стр. 128). Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить слѣдуетъ, что возможно и обратное расположеніе помѣщенія, т. е.

что въ задней части сѣней помѣщается кладовая, а сбоку сѣней хлѣвъ съ выходомъ въ эти послѣднія, какъ то видно, напримѣръ, на черт. 30 (стр. 134).

Важный шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія жилья заключается въ томъ, что примыкающій къ сѣнямъ хлѣвъ получаетъ выходъ не въ сѣни, а непосредственно наружу. Этимъ достигается знаменующее прогрессъ отдѣленіе хозяйственной постройки отъ жилья. Примѣромъ такой хаты можетъ служить хата, изображенная на черт. 31 стр. 134. Въ дальнѣйшемъ развитіи мѣсто отдѣленнаго хлѣва занимаетъ кладовая, наличность которой нисколько не исключаетъ наличности другой кладовой, помѣщающейся въ задней части сѣней. При этомъ главное мѣсто въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ боковой кладовой, тогда какъ другая играетъ роль вспомогательную (черт. 32, на стр. 140). Однако, встрѣчаются дома, гдѣ наблюдается и обратное явленіе, т. е. въ которыхъ главная кладовая позади сѣней, боковая же кладовая малыхъ размѣровъ и находясь, какъ бы, въ подчиненной роли имѣетъ значеніе вспомогательное (черт. 33, на стр. 140). Если кладовая заняла мѣсто сбоку сѣней, мѣсто, принадлежавшее, какъ мы видѣли, первоначально хлѣву, то этотъ послѣдній весьма часто лишь передвигается въ сторону, оставаясь связаннымъ съ домомъ, но уже лишь механически, имѣя выходъ отнюдь не въ кладовую, а обязательно непосредственно наружу (черт. 34, на стр. 146). Это мѣсто хлѣва, мѣсто, такъ сказать, второго порядка можетъ заниматься, какъ то видно на черт. 35 на стр. 146, и другимъ хозяйственнымъ зданіемъ, напримѣръ, гумномъ. Засимъ на томъже мѣстѣ можетъ стоять не одинъ, а два или даже болѣе хлѣва, причемъ собственно жилой домъ не претерпѣваетъ никакого существеннаго измѣненія, а лишь, находясь подъ одной крышей съ хлѣвами, получаетъ чрезвычайно вытянутый видъ. (Примѣрами такихъ домовъ могутъ служить дома, изображенные на рис. 58, 61, 115, 136 и на черт. 2, 11, 19, 28, 36, 37, 38, 43, 44 на стр. 32, 62, 92, 128, 152, 158 и 170). Вмѣстѣ съ тѣмъ надо отмѣтить, что кладовая, находящаяся сбоку сѣней, можетъ

распадаться на двѣ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои опредѣленныя функціи (см. черт. 36 на стр. 152). Непосредственно къ жилому дому можетъ примыкать и иныя постройки, напримѣръ, повѣть, за которой затѣмъ уже слѣдуетъ хлѣвъ или другая постройка въ разнообразныхъ комбинаціяхъ (см. черт. 37 и 38 на стр. 152 и 158). Не мѣняя, какъ указано, существа собственно жилья, всѣ эти постройки въ отношеніи развитія жилого дома не имѣютъ значенія. Существеннымъ въ этомъ развитіи представляется перерожденіе кладовой сбоку сѣней въ жилое помѣщеніе, которое въ развитомъ своемъ видѣ тождественно съ первоначальнымъ жильемъ—хатою и носитъ поэтому одно съ ней наименованіе (черт. 39 на стр. 158). Такое жилище представляется весьма обычнымъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, причемъ кладовая, обыкновенно не большихъ размѣровъ, помѣщается въ задней части сѣней. Кладовая же или нѣсколько кладовыхъ для разныхъ надобностей выдѣляются въ особыя постройки подъ наименованіемъ клѣти, варевни, истопки. Такой домъ, состоящій изъ трехъ ячей: сѣней и двухъ жилыхъ покоевъ, не является исключительной принадлежностью Сѣверо-Западнаго края. Напротивъ того, подобныя жилища свойственны большей части славянскаго міра, по краймѣрѣ до границы Балканскаго полуострова: они одинаково встрѣчаются у насъ въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ, въ мѣстностяхъ, заселенныхъ поляками, какъ у насъ, такъ и въ Германіи и Галиціи, далѣе у чеховъ, словаковъ, словинцевъ и хорватовъ. Это—жилое зданіе того типа, которое въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ, напр. въ Вятской мѣтко именуется *связью* *).

На образованіи трехраздѣльнаго дома, собственно говоря, заканчивается внѣшнее развитіе жилого дома въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Дальнѣйшее его развитіе уже внутреннее. Этого рода

*) Въ означенныхъ губерніяхъ *избой* называется однокамерный и двураздѣльный домъ, т е. изба безъ сѣней или съ сѣнями, но безъ другихъ помѣщеній. Домъ же, состоящій: изъ двухъ избъ безъ сѣней, либо изъ избы. сѣней и клѣти, либо изъ двухъ избъ съ сѣнями между ними—именуется *связью*. Такое жилище, а равно и болѣе развитое по преимуществу называется *домомъ*.

развитіе шло и идетъ медленнымъ путемъ и образцы подлежащихъ домовъ, встрѣчаясь спорадически, сравнительно рѣдки.

4. Выдѣленіе спальни (см. рис. 175 и черт. 42, 45, 46, 47, 48, 54 на стр. 164, 176, 182, 206). Весьма существеннымъ въ дѣлѣ развитія жилья является образованіе особаго помѣщенія, служащаго для сна. Такое помѣщеніе можетъ, говоря вообще, представлять покой разнаго примыканія къ основной части жилища или же выдѣляться изъ него самого и составлять часть его. Этого послѣдняго рода процессъ можно наблюдать въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а именно: спальней становится прежде всего та часть хаты, въ которой даже на низкихъ ступеняхъ развитія мѣстнаго жилья помѣщается нара (полъ) для сна или кровать. При этомъ образованіе въ указанномъ мѣстѣ спальни можетъ идти двойнымъ порядкомъ. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что указанная часть хаты отдѣляется отъ остальной легкою переборкой. Примѣромъ можетъ служить хата, изображенная на чертежѣ 41 на стр. 164. Здѣсь видно, что жилой домъ состоитъ изъ сѣней, кладовой и хаты. Послѣдняя отъ края печи до фронтонной стѣны разгорожена не цѣльной и не доходящей до верха перегородкой, отдѣляющей небольшое помѣщеніе, служащее для сна и вмѣщающее кровать. Такая спальня не носитъ никакого опредѣленнаго наименованія, что вполнѣ правильно потому, что она, какъ то видно на помянутомъ чертежѣ, ни въ чемъ не измѣняетъ существа жилья, даже не прибавляетъ ему числа оконъ. Другой примѣръ подобнаго же рода представляетъ хата шляхтича, изображенная на чертежѣ 42 на стр. 164, въ которой спальня отгорожена отъ остальной части хаты плотной перегородкой, благодаря чему спальня здѣсь представляется болѣе диференцированной, чѣмъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Данная хата равнымъ образомъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ остальныхъ. Вниманія заслуживаетъ лишь то, что примыкающая плотно къ жилью хозяйственная пристройка соединяется внутреннимъ ходомъ съ дополнительной (съ боку сѣ-

ней) жилой комнатой, служащей помѣщеніемъ для работниковъ и называемой официней.

Другой порядокъ образованія въ указанномъ мѣстѣ спальни заключается въ томъ, что она отдѣляется отъ остальной хаты не деревянной перегородкой, а дополнительной, согрѣвательной печью, такъ называемой грубкой, стѣновкой или печью-стѣной. Эта печь, выдвигаясь то въ меньшей, то въ большей степени, въ соотвѣтствіи съ этимъ въ меньшей или большей степени отдѣляетъ отъ хаты спальню (см. черт. 43 и 44 на стр. 170). Послѣдній чертежъ заслуживаетъ вниманія благодаря еще и тому, что задняя часть сѣней, занятая обыкновенно, какъ указывалось, кладовкой, приспособлена въ видѣ особаго покойчика, называемаго свѣтелкой. Если жилой домъ состоитъ не изъ одной жилой хаты, а изъ двухъ хатъ, то обѣ онѣ могутъ имѣть выдѣленныя спальни, причемъ одна изъ нихъ можетъ быть отдѣлена деревянной переборкой, а другая печью-стѣной или частью этой послѣдней, частью переборкой (см. черт. 45 на стр. 176). Къ изложенному слѣдуетъ присовокупить, что подобное описанному способу выдѣленіе спальни присуще не одному Сѣверо-Западному краю. Напротивъ того, такого рода спальни встрѣчаются, какъ весьма распространенное явленіе, во всемъ славянскомъ мірѣ отъ восточной Россіи до предѣловъ южныхъ славянъ включительно. Интересно отмѣтить, что типъ дома, изображеннаго на черт. 45 повторяется (съ небольшими лишь осложненіями) въ домахъ помѣщиковъ Сѣверо-Западнаго края старой постройки. Въ этомъ отношеніе не дѣлаютъ исключеніе и помѣщичьи дома богатыхъ владѣльцевъ.

Кромѣ описаннаго способа образованія спальни, встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи и другой. Онъ нами найденъ только среди полѣшуковъ Кобринскаго уѣзда и заключается въ томъ, что спальня образуется съ передней стороны сѣней, при стѣнѣ, примыкающей къ печи. На чертежѣ 46 на стр. 176 видно, что на указанномъ мѣстѣ отгорожена коморка (С), называемая *хаткой*, предназначенная для

сна. Наличность этой хатки совершенно не исключаетъ, какъ то видно на приведенномъ чертежѣ, возможности пользоваться для сна обычнымъ мѣстомъ въ хатѣ такъ же, какъ это мѣсто не исключаетъ возможности пользоваться для сна остальными частями хаты, напримѣръ: печью, лавками въ хатѣ и т. д. Такой способъ эксплоатаціи сѣней, при его развитіи, могъ въ значительной мѣрѣ измѣнить внутреннюю структуру жилья. Описанная спальня и примыкающая къ ней дополнительная часть, совершенно отдѣляя сѣни отъ хаты, иногда приводятъ жилой домъ, строго говоря, къ четырехраздѣльности дома. На чертежѣ 47 на стр. 182 видно, что по входѣ въ сѣни налѣво имѣются два рядомъ стоящія помѣщенія: кладовая и кладовка, служащая одновременно и хлѣвомъ; направо же отъ сѣней помѣщается не непосредственно хата, а два другихъ помѣщенія. Одно изъ нихъ неотопляемое служитъ дополнительными сѣнями (*сѣнцы*), а другое отопляемое — спальней, именуемой *хаткой*. Въ хату же попадаешь изъ сѣней лишь при посредствѣ дополнительныхъ сѣней. И сѣнцы и хатка могутъ быть разсматриваемы и какъ части сѣней и какъ особыя помѣщенія, вліяющія на степень раздѣльности жилья. Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, подобная отмѣченной четырехраздѣльность жилья достигается и инымъ путемъ, а именно не образованіемъ спальни, а образованіемъ кухни.

5. Выдѣленіе кухни (см. черт. 49, 50, 51, 52 и 53 на стр. 188, 198 и 206). Это выдѣленіе происходитъ, какъ и выдѣленіе спальни, въ большой постепенности и отдѣльныя стадіи этого выдѣленія можно наблюдать въ разныхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края. Однако замѣтить слѣдуетъ, что, говоря вообще, процессъ образованія кухни идетъ съ большой медленностью и хаты съ обособленною кухнею представляютъ значительную сравнительно рѣдкость. Первый намекъ на образованіе кухни мы можемъ видѣть въ домѣ, изображенномъ на чертежѣ 48, на стр. 182, въ которомъ вся печь, помѣщающаяся въ хатѣ, отгорожена отъ общаго помѣщенія легкой переборкой. Шагъ впередъ въ этомъ процессѣ представляетъ слѣдующій домъ, изобра-

женный на чертежѣ 49 на стр. 188. Здѣсь печь поставлена въ особое помѣщеніе, рѣзко отдѣленное отъ хаты. Послѣдняя отапливается стѣновкой, а печь-хлѣбовка къ хатѣ отношенія не имѣетъ. Наконецъ сама хата не примыкаетъ къ сѣнямъ, а отдѣлена отъ нихъ тѣмъ помѣщеніемъ, въ которомъ находится печь и которое играетъ роль кухни. Въ остальномъ данная хата представляетъ обычное трехраздѣльное развитіе.

Другой порядокъ образованія кухни, наблюдаемый на югѣ и отчасти на западѣ Гродненской губерніи, заключается въ томъ, что печь-хлѣбовка, оставаясь въ хатѣ, поворачивается своимъ устьемъ въ сѣни, причемъ задняя часть ихъ отгораживается отъ передней. Примѣромъ образованія кухни этимъ порядкомъ могутъ служить хаты, изображенныя на чертежахъ 50, 51 и 52 на стр. 188, 198. На первомъ изъ означенныхъ чертежей видна первая или по крайней мѣрѣ одна изъ первыхъ стадій даннаго процесса, когда часть сѣней, которая приняла устье печи, еще стоитъ въ свободномъ общеніи съ хатой. На черт. 51 и 52 кухня въ большей степени обособилась и соединяется съ хатой лишь дверью, причемъ въ хатѣ, изображенной на чертежѣ 52, стѣсненныя кухней и кладовой сѣни раздались въ ширину.

Наконецъ, можетъ быть и еще одинъ способъ образованія кухни. Онъ заключается въ томъ, что печь поворачивается устьемъ не къ сѣнямъ, а отъ хаты въ противоположную сторону. Такой способъ выдѣла кухни, встрѣченный нами у старообрядцевъ великорусскаго происхожденія, позволяетъ, по характеру сложенія дома, предполагать, что къ хатѣ пристроено особое помѣщеніе, которое и приняло устье печи для того, чтобы образовать кухню. Это помѣщеніе, какъ видно изъ чертежа 53 на стр. 206, можетъ служить и спальней.

6. Сложный домъ. Если домъ, при наличности хаты, сѣней и кладовой или замѣняющаго ее жилого помѣщенія, имѣетъ обособленную и спальню и кухню, то онъ сложностью своего внутренняго устройства рѣзко выдѣляется изъ обычнаго типа

домовъ. Примѣромъ такого дома, встрѣчающагося преимущественно въ Гродненской губерніи, могутъ служить дома, изображенные на чертежахъ 54 и 55 на стр. 206 и 212. Сложность усиливается въ домахъ, развившихъ жилыя помѣщенія по обѣ стороны сѣней. Примѣрами столь развитыхъ домовъ могутъ служить изображенные на чертежахъ 56 и 57 на стр. 212 и 218. Оба состоятъ изъ двухъ жилыхъ покоевъ справа и слѣва сѣней, причемъ первый изъ нихъ въ задней части послѣднихъ имѣетъ кухню, а во второмъ сѣни раздѣлены на двѣ части съ особыми входами по одному для каждаго изъ хозяевъ—братьевъ, живущихъ семьями подъ одной крышей. У одного изъ братьевъ кухни не имѣется и жилище его состоитъ, кромѣ сѣней, изъ хаты и спальни, а у другого кухня выдѣлена за счетъ хаты и спальни. Въ домѣ же, изображенномъ на чертежѣ 56, слѣдуетъ отмѣтить, что за удлиненной хатой помѣщаются не одна, а двѣ комнаты, изъ которыхъ одна, примыкающая къ кухнѣ, играетъ роль спальни, а другая, идущая отъ нея къ фронтону, имѣетъ значеніе столовой.

Послѣднеотмѣченные два дома представляютъ типъ максимально развитого жилища въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Развитіе это шло почти исключительно по длинной оси зданія, а именно къ основной ячеѣ (хатѣ) присоединялась вторая—сѣни, а къ ней третья—кладовая: клѣть или истопка (варевня), которыя перерождались въ дополнительную жилую половину. Эти ячеи дробились и по длинѣ и по ширинѣ. Часть сѣней выдѣлялась либо подъ кладовку, либо подъ кухню; часть жилыхъ покоевъ удѣлялась подъ спальни.

Представить себѣ развитіе жилища Сѣверо-Западнаго края именно въ этомъ порядкѣ является естественнымъ и безъ чуждаго вліянія, такъ какъ мы подобный же процессъ встрѣчаемъ въ другихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами и въ томъ числѣ у великоруссовъ и малоруссовъ. Однако возможно допустить въ отношеніи образованія кухни, по крайней мѣрѣ въ задней части сѣней, а равно образованія спальни

и нѣмецкое вліяніе. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что указанное развитіе кухни (въ задней части сѣней) наряду съ наличностью спальни встрѣчается въ Гродненской губерніи и что въ той же губерніи, а именно въ Бѣлостокскомъ ея уѣздѣ, находившемся долговременно подъ нѣмецкимъ вліяніемъ и имѣющемъ и по настоящее время нѣмецкія колоніи, встрѣчается типичный германскій, такъ называемый, крестовый домъ (Kreuzhaus). Отличительныя черты этого дома заключаются въ томъ, что задняя часть сѣней занята кухней съ очагомъ и что отъ кухни вдоль жилой комнаты тянется покой, дополняющій жилье. Дома именно такого, совершенно германскаго, а не славянскаго типа, встрѣчаются, какъ указано, въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи (см. черт. 58 на стр. 218) среди чисто бѣлорусскаго населенія. Слѣдуетъ еще прибавить, что подобные дома, называемые, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Сѣверо-Западнаго края, хатой, отличаются отъ обычнаго ихъ типа и по своей внѣшности, какъ то, напримѣръ, видно на рисункѣ 23.

7. Фронтонное развитіе дома. Наше описаніе развитія жилища въ Сѣверо-Западномъ краѣ было бы не полно, если бы мы не остановились на своеобразномъ, впрочемъ уже выше нами помянутомъ, образованіи, замѣчаемомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной части Гродненской губерніи, а именно: тамъ, напримѣръ, въ Пружанскомъ уѣздѣ встрѣчаются дома во всемъ обычнаго развитія, но отличающіеся отъ остальныхъ тѣмъ, что у нихъ со стороны фронтона, выходящаго на улицу, пристроена *истопка* (стенка), т. е. кладовая. Наличность такой стенки нисколько не исключаетъ наличности другой на обычномъ для кладовой мѣстѣ—въ задней части сѣней. Фронтонная истопка обыкновенно занимаетъ лишь часть фронтона, какъ то видно, напримѣръ, на чертежѣ 59 на стр. 224, и рис. 116. Другая часть фронтона, въ которой помѣщается окно, занята иногда крылечкомъ подъ навѣсомъ, поддерживаемымъ столбами (рис. 30). Это крылечко можетъ быть столь плотнымъ и почти наглухо закрытымъ, что образуетъ передъ истопкой какъ бы особаго рода сѣни: *пристъ-*

нокъ или *подстепку*, совершенно закрывающую фронтонъ, который теряетъ окно, причемъ хата освѣщается лишь съ двухъ боковыхъ сторонъ: передней и задней (см. чертежъ 60 на стр. 224 и рис. 56 и 159).

Такое развитіе дома весьма своеобразно. Его нельзя не отмѣтить потому, что вмѣстѣ съ нимъ вводится въ жизнь новый принципъ развитія дома. Въ то время какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ мы видѣли, что фронтонъ, какъ лицевая часть, остается открытомъ и составляетъ главную сторону дома, при наличности фронтонной истопки фронтонъ теряетъ свое значеніе и фасадъ зданія переносится на боковую, длинную часть дома. Если бы при развитіи жилья отмѣченная истопка, потерявъ значеніе кладовой, переродилась въ жилое помѣщеніе и соединилась съ хатой, то все построеніе жилья пріобрѣло бы существенную новизну.

Подобное описанному фронтонное развитіе жилого дома встрѣчается въ славянскомъ мірѣ, сколько намъ извѣстно *) еще только у лужицкихъ сербовъ (лужичанъ, сорбовъ, вендовъ) Шпревальда, на югѣ Бранденбургской провинціи Пруссіи. А именно къ фронтону жилого дома пристраивается, совершенно какъ описанная степка Гродненской губерніи, жилой покой. Онъ снабженъ окнами и соединенъ внутреннимъ ходомъ съ избой; кромѣ того этотъ жилой покой имѣетъ наружній входъ, какъ и степка. Такой покой у лужичанъ служитъ жильемъ для тещи хозяина.

*) Возможна, что описанная фронтонная степка встрѣчается на югѣ Минской губ., а равно въ Волынской губ.

V. Заключеніе.

Хата, какой мы ее видимъ въ настоящее время, потребовала, конечно, для своего развитія, не смотря на сравнительную ея несложность, долгіе періоды, въ теченіе которыхъ происходили весьма существенныя ея измѣненія. Современная хата—срубчатая постройка, дѣлящаяся обыкновенно на три камеры: собственно хату, т. е. собственно жилье, отопляемое печью, дополнительное помѣщеніе—сѣни и примыкающее къ нимъ помѣщеніе хозяйственное (истопка или варевня, или клѣть, или комора), переходящее нерѣдко во второе жилое помѣщеніе. Хата имѣла рядъ послѣдовательныхъ стадій развитія. Эти стадіи ясны и по настоящее время, а именно: мы встрѣчаемъ хату, какъ однокамерную постройку, далѣе мы видимъ хату съ сѣнями, видимъ отдѣльно истопку (или варевню) и клѣть и, наконецъ, эти послѣднія, или вмѣсто нихъ вторую жилую комнату въ сочетаніи съ хатой и сѣнями. Современному сложному трехраздѣльному дому предшествовалъ не только менѣе сложный домъ или однокамерная и затѣмъ двукамерная постройка, но и однокамерной хатѣ въ современномъ ея видѣ предшествовало строеніе простѣйшее. Таковымъ по всей вѣроятности была въ Сѣверо-Западномъ краѣ клѣть—помѣщеніе безъ печи, согрѣваемое вѣроятно очагомъ. Этому жилищу въ свою очередь предшествовали еще болѣе простыя жилища, какъ землянка и шалашъ, едва замѣтные нынѣ въ формѣ разнаго рода переживаній.

Уяснить себѣ вѣроятность хода развитія жилья въ Сѣверо-Западномъ краѣ возможно не иначе, какъ при разсмотрѣніи помѣстнаго жилища съ жильемъ остальныхъ мѣстностей, заселенныхъ славянами, такъ какъ жилище Сѣверо-Западнаго края, не лишенное своеобразныхъ чертъ, тѣсно примыкаетъ къ общему циклу славянскаго жилья *).

*) Что мѣстное жилище Сѣверо-Западнаго края представляетъ одну изъ разновидностей славянскаго жилья, что оно имѣетъ общее съ послѣднимъ про-

Мы выше видѣли, что славянство въ разныхъ періодахъ своего развитія обитало разныя жилища. Таковыми на низшихъ степеняхъ развитія были примитивные шалаши, первоначально, очевидно, передвижные, приспособленные къ кочевому образу жизни. Періодъ осѣдлости, видоизмѣнивъ шалашъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулъ и иное жилище—прочную землянку, гарантирующую отъ невзгодъ въ большей степени, чѣмъ шалашъ. Землянка эта въ свою очередь видоизмѣнилась, переходя въ постройку наземную. Дальнѣйшее развитіе славянскихъ племенъ выдвинуло новый факторъ, повліявшій на измѣненіе жилища: очагъ былъ замѣненъ печью у однихъ (преимущественно сѣверянъ) или печь стала въ

исхожденіе и развитіе, можно было усмотрѣть уже изъ свойственныхъ ему и его частямъ наименованій.

Дѣйствительно, само поселеніе, части его, части усадьбы несутъ общеславянскія названія: *село, весь, улица, дворъ, огорожа, плотъ, тынъ, ворота.* Равнымъ образомъ общеславянскія имена присваиваются жилому дому и хозяйственнымъ постройкамъ: *истопка, изба, хижа, клѣть, хлѣвъ, сельникъ, гумно, стайня.* Существеннымъ частямъ всѣхъ этихъ построекъ также присваиваются общеславянскія наименованія: *стрѣха, окно, дверь, порогъ, комната, печь, дымникъ, мостъ, подлога, подъ, стропъ, кутъ.* Наконецъ и важнѣйшій инвентарь жилища именуется славянскими словами: *столъ, лавка, полица, скрыня* и т. п.

Естественно, что Сѣверо-Западный край, ограниченный землями, заселенными съ одной стороны велико-и малоруссами, а съ другой—поляками, подвергался перекрестному и въ отношеніи развитія жилища вліянію своихъ сосѣдей. Это вліяніе сказалось въ внѣдреніи въ названномъ краѣ разнаго рода терминовъ. Они частью тоже *славянскаго* происхожденія, частью же происхожденія *не славянскаго.* Благодаря общности этихъ терминовъ устанавливается частная близость мѣстнаго жилья, то съ жилищемъ велико-и малороссовъ, то поляковъ или вообще западныхъ славянъ. Такъ, повидимому, отъ великоруссовъ передались слова: *крыльцо, пуня, кладовая, свѣтлица*; отъ малороссовъ: *клуня, грубка, гора*; отъ тѣхъ и другихъ: *повѣтъ, чуланъ, фундаментъ.* Отъ поляковъ, очевидно, передались въ Сѣверо-Западный край слова: *полапъ, дахъ, варевня, спихлеръ, складъ, спижарня.* Далѣе среди номенклатуры построекъ и ихъ частей въ Сѣверо-Западномъ краѣ встрѣчаются термины, свойственные только русскому племени (велико-или малоруссамъ) и западнымъ славянамъ, напр. *хата, сѣни, стодола, лазня, призба, ганекъ, токъ, покой.*

Наконецъ, какъ въ остальную славянскую среду, такъ и въ Сѣверо-Западный край внѣдрился рядъ словъ иностраннаго происхожденія, сдѣлавшихся именно благодаря всемѣстному распространенію въ славянскомъ мірѣ общеславянскими. Къ нимъ принадлежатъ такія слова, какъ: *шатеръ, шалашъ, комора, кухня, коминъ* и др.

жилищѣ параллельно съ очагомъ (преимущественно у южанъ). Это измѣненіе было связано съ появленіемъ или совершенно новаго жилища, ставшаго на мѣсто стараго, или съ дополнительнымъ жилымъ помѣщеніемъ, ставшимъ рядомъ съ основнымъ.

Въ современномъ бытѣ славянъ, конечно, нѣтъ возможности повсемѣстно прослѣдить всѣ сложныя стадіи развитія жилища. Однако, разсматривая всѣ славянскія племена, какъ единую семью, составляющую свой міръ, мы безъ затрудненія найдемъ то ту, то другую стадію развитія, то у одного, то у другого племени. Это раскрываетъ стройную, хотя не достаточно еще детальную и поэтому не достаточно полную картину эволюціи славянскаго жилья.

Выше изложенные матеріалы, показываютъ, что въ славянскихъ языкахъ имѣется цѣлый рядъ словъ, передающихъ понятіе о современномъ, или бывшемъ нѣкогда реальномъ жилищѣ. Большинство изъ нихъ по своей древности и по своей распространенности у славянъ могутъ считаться всеславянскими. Мы остановимся на каждомъ изъ нихъ, чтобы уяснить себѣ, какое жилище разные славяне понимаютъ подъ тѣмъ, или другимъ словомъ и что́, по своей конструкціи и особенностямъ, представляетъ каждое данное жилище.

1. *Куща*, *куча*, *коча*, *кутья*, *кужа*, *кутя*, *кыща*, *кышта*. Жилище подъ этимъ наименованіемъ отсутствуетъ, на сколько то вытекаетъ изъ наличныхъ нашихъ матеріаловъ, лишь у малороссовъ и бѣлоруссовъ, поляковъ и чеховъ. На остальныхъ языкахъ подъ указанными словами понимается: *) во первыхъ шалашъ—у великоруссовъ и болгаръ; далѣе хижина, лачуга, избушка, т. е. убогое жилье—у великоруссовъ, словинцевъ и словаковъ; засимъ подъ тѣми же словами подразумѣвается жилое или при жильѣ находящееся помѣщеніе съ очагомъ, имѣющее значеніе кухни—у сербовъ, хорватовъ и словинцевъ и, нако-

*) Подробнѣе смотри на стр. 223—232 и рис. 74, 75, 78, 82, 83, 84, 85, 89, 93, 123, 140, 147, 148, 149, 151, 152, 160, 165, 166, 167, 193, 194, 197.

нецъ, тѣ же слова означаютъ жилой домъ вообще—у болгаръ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ.

Все это, по нашему мнѣнію, убѣждаетъ въ томъ, что куща одно изъ древнѣйшихъ жилищъ славянъ.

Первоначальная ея форма—шалашъ, сохранившійся мѣстами и понынѣ въ качествѣ обычнаго жилища, напримѣръ, въ Босніи и развившійся съ постепеннымъ движеніемъ культурной жизни славянъ въ постройки иного, чѣмъ шалашъ, рода, то сохраняя шалашевидность, то теряя ее. Такъ какъ подъ перечисленными словами зачастую подразумѣвается важнѣйшая, основная часть жилища (помѣщеніе съ очагомъ) и такъ какъ слова эти слѣдуетъ сопоставить со словомъ кутъ (и т. п.)—уголъ, главнѣйшею частью жилья и тѣхъ славянъ, которые въ настоящее время слово куща въ смыслѣ жилого дома не употребляютъ, то мы предполагаемъ, что куща есть первичное жилище славянъ. Мѣстами это понятіе, переносясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, удержалось по сіе время, мѣстами оно отнесено нынѣ къ понятію о временномъ или спеціальномъ жилищѣ (шалашъ, шатеръ, лачуга); наконецъ оно частью утеряно, частью спеціализировано въ смыслѣ части жилья (уголъ подъ образами, конникъ, стряпня, кухня).

2. *Станъ.* Жилище подъ этимъ наименованіемъ равнымъ образомъ славянское *). Оно отсутствуетъ, сколько намъ извѣстно, только у болгаръ и поляковъ. Въ настоящее время обычное его назначеніе—служить временнымъ жилищемъ, преимущественно для пастуховъ. На великорусскомъ нарѣчіи станъ можетъ означать шалашъ; то же значеніе это слово имѣетъ у словинцевъ, чеховъ и словаковъ. Затѣмъ, станъ можетъ означать и землянку—у великороссовъ; вообще помѣщеніе для пастуха разнообразной формы—у хорватовъ и словинцевъ и, наконецъ, то же слово можетъ означать и жилой домъ—у сербовъ.

*) См. подробности на стр. 239—241 и рис. 82, 83, 85, 185, 166.

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что и станъ, какъ и куща представлялъ первоначально шалашъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что станъ не получилъ (за исключеніемъ сербскаго племени) у славянъ дальнѣйшаго развитія и былъ приспособленъ въ большей мѣрѣ для спеціальныхъ функцій въ услугу тѣхъ, которые, какъ пастухи, напримѣръ, не нуждаются въ прочномъ и постоянномъ жилищѣ.

3. *Вьжа* (*вежа*). Слово это извѣстно всѣмъ славянскимъ языкамъ, за исключеніемъ болгарскаго *). Но оно далеко не всегда употребляется въ смыслѣ собственно жилища. Какъ куща и станъ, такъ и вѣжа, можетъ означать шалашъ; въ этомъ смыслѣ она употребляется въ великорусскомъ нарѣчіи, но преимущественно (и въ древнемъ и въ современномъ смыслѣ) въ отношеніи инородцевъ: торковъ, половцевъ, лопарей и т. д. У группы западныхъ славянъ (поляковъ, чеховъ и словаковъ), а равно у бѣлоруссовъ, слово вѣжа означаетъ, правда, зданіе, но не жилище, а башню, каланчу. Затѣмъ, у хорватовъ названное слово употребляется въ смыслѣ хозяйственнаго строенія; у сербовъ—въ смыслѣ воротъ. За то значеніе слова вѣжа у словинцевъ очень характерно. Оно обозначаетъ основную ячею современнаго жилого дома: помѣщеніе, соотвѣтствующее сѣнямъ, но съ очагомъ; по этому своему значенію оно соотвѣтствуетъ сербской и хорватской кочѣ или кучѣ. Наконецъ на языкѣ полабскихъ славянъ слово, соотвѣтствующее вѣжѣ (*visa*), означаетъ жилой домъ.

Хотя вѣжа и не представляетъ въ современныхъ славянскихъ языкахъ столь опредѣленнаго понятія, какъ, напримѣръ, куща и станъ, тѣмъ не менѣе есть основаніе предположить, что и она въ свое время представляла первобытное жилище въ видѣ шалаша. Шалашъ этотъ развился у полабскихъ славянъ въ обычный домъ, у другихъ же славянъ онъ, какъ жилище, утратилъ свое значеніе и лишь у словинцевъ вошелъ, сочетавшись съ другимъ жильемъ, въ нормальный домъ крестьянина.

*) См. подробности на стр. 220—222.

4. *Колиба.* Слово это въ смыслѣ жилища употребляется всѣми славянами *). Колиба означаетъ прежде всего шалашъ—у насъ на югѣ, у русскихъ въ Буковинѣ, у болгаръ, у поляковъ и чеховъ. Далѣе, то же слово употребляется въ смыслѣ лачуги, убогаго жилья, жилища пастуха—у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словинцевъ и словаковъ. Засимъ, колиба можетъ означать землянку—у сербовъ и хорватовъ и, наконецъ, избу—у хорватовъ.

На основаніи сказаннаго слѣдуетъ и это жилище причислить къ числу первобытныхъ и именно, съ наибольшей правдоподобностью, равнымъ образомъ, какъ и предыдущія, къ числу шалашей. Этотъ шалашъ, въ противоположность ранѣе поименованнымъ, повидимому нигдѣ, среди славянъ, не развился до стадіи современнаго жилища, такъ или иначе высоко развитого; онъ, повидимому, заглохъ въ своихъ простыхъ формахъ, обслуживая ту часть населенія, которая нуждается въ временномъ убѣжищѣ.

5. *Хижа, ижа, хиза, хиша, хижина.* Жилище подъ этими наименованіями извѣстно рѣшительно всѣмъ славянамъ **). Уже по этому одному его слѣдуетъ признать однимъ изъ древнѣйшихъ.

Съ теченіемъ времени модифицируясь, хижа получила у разныхъ славянъ весьма разное значеніе. И хижа мѣстами означаетъ шалашъ—у насъ въ Сибири и отчасти у сербовъ. Однако это ея значеніе не должно считаться типичнымъ. Напротивъ, характернымъ, повидимому, для хижи должно считаться то, что она представляетъ жилище подземное. Такой мы ее видимъ по настоящее время въ Болгаріи, а равно и у насъ на Дону. Затѣмъ, подъ перечисленными словами мѣстами понимается избенка, лачуга, убогое жилище—у великоруссовъ, сербовъ, поляковъ, чеховъ и словаковъ. Далѣе, хижа можетъ означать и кладовую и клѣть—у малоруссовъ, ***) сербовъ, хорватовъ. Кромѣ того,

*) См. подробности на стр. 241—244 и рис. 187 и 196.

**) См. подробности на стр. 130—132 и рис. 73, 74, 75, 76, 77. 78, 79, 80, 81, 150.

***) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи (напримѣръ, въ Харьковской губерніи) хижа—синонимъ отдѣльно стоящей коморы, т. е. клѣти (рис. 92 и 161).

хижа означаетъ мѣстами и кухню — на Дону. Наконецъ, она выражаетъ и понятіе о современномъ жиломъ домѣ—у болгаръ, сербовъ, словинцевъ, поляковъ, чеховъ и словаковъ.

О хижѣ мы можемъ высказать слѣдующія предположенія, безъ опасенія впасть въ существенную ошибку. Хижа есть древнее обще-славянское жилье и именно землянка. Эта землянка, впослѣдствіи развиваясь, вышла изъ подъ земли, превратилась мѣстами въ срубчатое строеніе и дала у нѣкоторыхъ славянъ развитое жилье. Мѣстами же хижа сочеталась съ другимъ жилищемъ и превратилась въ дополнительное помѣщеніе, имѣющее значеніе кладовой.

6. *Клѣть* (*клѣць*). Происхожденіе этой жилой постройки менѣе ясно, чѣмъ предыдущей. При этомъ надо отмѣтить, что хотя наименованіе ея, по имѣющимся у насъ матеріаламъ, и не встрѣчается у всѣхъ славянъ *), но жилище это равнымъ образомъ всеславянское. Отсутствуетъ оно въ настоящее время только у чеховъ и словаковъ. Что касается ея современнаго значенія **), то подъ клѣтью отчасти понимаютъ хижину или шалашъ—только у поляковъ. У болгаръ подъ клѣтью понимаютъ землянку. Затѣмъ клѣть въ большинствѣ случаевъ означаетъ разнаго рода кладовую, амбаръ—у велико и бѣлоруссовъ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ. Далѣе: погребъ, подвалъ—у болгаръ и словинцевъ. Наконецъ, клѣть въ старорусскомъ языкѣ означала жилой домъ, который, какъ можно думать, былъ замѣненъ избой.

Хотя съ полной опредѣленностью и не возможно утверждать, но въ видѣ весьма вѣроятнаго предположенія есть основаніе высказаться, что клѣть первоначально была обитаемой

*) Это отсутствіе мы констатируемъ на основаніи располагаемаго нами матеріала, что конечно не исключаетъ возможности, при дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ, придти къ другому заключенію.

**) См. подробности на стр. 105—114 и рис. 12, 37, 38, 92, 104, 154. Въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ отдѣльно стоящая клѣть именуется *коморой* или *хижей* (рис. 92 и 161) и *будой* (рис. 68, 162).

землянкой, подобно хижѣ, но впослѣдствіи она частью развилась до степени наземнаго жилья, отопляемаго не печью, а очагомъ, частью же заглохнувъ, была приспособлена для хозяйственныхъ надобностей.

7. *Изба.* Жилище этого наименованія извѣстно, какъ и хижа, рѣшительно всему славянству. Обычное значеніе слова изба—это либо жилой и отопляемый печью домъ, либо жилая и отопляемая въ домѣ комната, либо одновременно и то и другое *). Лишь мѣстами изба, какъ жилище, не извѣстно. Такъ это слово не употребляется малоруссами; у бѣлоруссовъ изба (истопка) означаетъ кладовую; далѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи изба означаетъ погребъ, подвалъ, землянку; въ Герцеговинѣ и Черногоріи слово изба употребляется въ смыслѣ конюшни, находящейся въ нижнемъ этажѣ дома. Какъ объяснить такое значеніе избы, какое мы встрѣчаемъ въ Герцеговинѣ, Черногоріи и части Болгаріи, сказать, на основаніи наличнаго матеріала, опредѣленно невозможно. Быть можетъ слово изба было лишь занесено внѣ зависимости отъ жилья и что изба, какъ жилище, въ этихъ мѣстностяхъ никогда не существовала.

Въ остальныхъ мѣстахъ, заселенныхъ славянами, мы видимъ передъ собою избу, какъ зданіе, обыкновенно срубчатое и всегда отопляемое печью. Именно наличность печи и есть та особенность избы, которая выдѣляетъ ее изъ ряда остальныхъ славянскихъ жилищъ.

8. *Хата.* Жилище этого наименованія никакъ нельзя считать обще-славянскимъ. Слово хата мало употребительно въ чисто великорусскихъ мѣстностяхъ и совершенно неизвѣстно всѣмъ южнымъ славянамъ: болгарамъ, сербамъ, хорватамъ и словинцамъ. Съуженная въ своемъ распространеніи, хата не носитъ, какъ предыдущія жилища, разнообразнаго значенія.

*) См. подробности на стр. 118—130 и рис. 67, 105, 106, 142, 143, 144, 146, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 180, 191, 192. Къ сказанному нами на означенныхъ страницахъ мы можемъ прибавить, что и у лужичанъ встрѣчается слово изба (*istwa*). Оно означаетъ жилой покой, горницу, комнату.

Значеніе ея повсемѣстно одно и то же: она является синонимомъ избы у мало-и бѣлоруссовъ, поляковъ, чеховъ и словаковъ *). Слово хата чуждо древнему славянству и исторію ея происхожденія слѣдуетъ искать среди неславянскихъ народностей.

На основаніи изложеннаго, мы можемъ раздѣлить всѣ помянутыя жилища на три категоріи: во первыхъ *шалашъ*—куча, станъ, вѣжа и колиба; во вторыхъ *землянка*—хижа и вѣроятно клѣть и въ третьихъ: *наземное, отопляемое печью жилище*—изба или хата. Въ настоящее время всѣ перечисленныя жилища въ большей или меньшей степени утратили свой первоначальный обликъ, развившись въ болѣе сложные дома, или заглохнувъ или видоизмѣнившись, но первоначальная ихъ натура, за исключеніемъ хаты, ясна.

Если мы разсмотримъ всѣ названныя жилища по народностямъ, то мы должны отмѣтить слѣдующее. Русской народности извѣстны всѣ перечисленныя жилища, хотя конечно и не повсемѣстно. Однако, собственно жильемъ служитъ лишь изба и хата. Затѣмъ, почти всѣ приведенныя наименованія жилищъ извѣстны сербамъ, хорватамъ, словинцамъ и словакамъ: у первыхъ трехъ отсутствуетъ лишь хата, у словаковъ клѣть. Далѣе, поляками не употребляются: куща и станъ; чехами: куща и клѣть, а у болгаръ отсутствуютъ: станъ, вѣжа и хата.

Изъ всѣхъ наименованій жилищъ наиболѣе распространенными являются—изба, хижа и колиба: онѣ извѣстны всѣмъ славянскимъ племенамъ. Второе по распространенію мѣсто мы должны удѣлить вѣжѣ: слово это отсутствуетъ лишь у болгаръ. Затѣмъ, слѣдующее мѣсто по степени распространенія (мы повторяемъ: по сколько указываютъ наши матеріалы) принадлежитъ кущѣ, стану и клѣти, такъ какъ каждое изъ нихъ отсутствуетъ у двухъ племенъ: куща—у поляковъ и чеховъ, станъ—у болгаръ и по-

*) См. подробности на стр. 60—70 и рисунки наиболѣе характерныхъ и при томъ разнообразныхъ хатъ: 4, 5, 8, 10, 11, 16, 18, 23, 26, 56, 59, 63, 66, 70, 71, 72, 108, 116, 117, 118, 119, 125, 127, 129, 134, 136, 137, 144, 145, 156, 158, 161, 162, 163, 164, 178, 198, 201.

ляковъ и клѣть—у чеховъ и словаковъ. Наименѣе же распространеннымъ словомъ является хата, которая отсутствуетъ у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словинцевъ, да собственно говоря и у большинства великоруссовъ.

Однако, не всѣ переименованныя жилища участвовали въ созиданіи современныхъ славянскихъ домовъ. Такъ, напримѣръ, колиба осталась по сіе время въ своихъ болѣе или менѣе первобытныхъ формахъ и при первобытныхъ функціяхъ. Станъ и вѣжа приняли участіе въ развитіи современнаго жилища лишь у незначительной доли славянъ: станъ—только у сербовъ, вѣжа—только у словинцевъ и полабскихъ славянъ. Такимъ образомъ, разсматривая современныя славянскія жилища, мы имѣемъ передъ собою съ малыми исключеніями дома, произшедшіе изъ четырехъ основныхъ, но принадлежащихъ разнымъ культурнымъ эпохамъ, жилищъ: куща (шалашъ), хижа и клѣть (землянки) и изба или хата (отопляемое печью помѣщеніе).

На основаніи степени господства въ настоящее время того или другого наименованія въ смыслѣ обычнаго, такъ сказать, средне-нормальнаго жилья, можно предположить, что слѣдующія жилища имѣютъ основное значеніе у слѣдующихъ племенъ: куща—у болгаръ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ; станъ—у сербовъ; вѣжа—у полабскихъ славянъ; хижа—у болгаръ и словинцевъ; изба—у великоруссовъ, болгаръ, поляковъ, чеховъ и словаковъ и хата—у мало-и бѣлоруссовъ, поляковъ, чеховъ и словаковъ.

Однако, современное жилище созидалось въ большинствѣ случаевъ при помощи разныхъ комбинацій, въ большей или меньшей степени сложныхъ. Комбинаціи эти заключались съ одной стороны въ томъ, что два или нѣсколько первоначальныхъ жилищъ тѣсно сливались другъ съ другомъ, такъ что въ настоящее время нѣтъ возможности разчленить основы, а съ другой стороны комбинаціи выражаются въ томъ, что два жилья примыкали другъ ко другу, каждое сохраняя свое первоначаль-

ное наименованіе, при чемъ одно пріобрѣтало главнѣйшее, а другое второстепенное значеніе. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ два первоначальныхъ жилья существуютъ въ качествѣ самостоятельныхъ жилищъ параллельно и по сіе время.

На основаніи той же номенклатуры мы можемъ предположить, что современный средне-нормальный великорусскій домъ образовался изъ сочетанія избы и клѣти. Однако среди великорусскаго населенія не рѣдкостью представляется наличность одной избы. Въ бѣлорусскомъ домѣ, повидимому, сочетались, съ клѣтью же, хата или изба. У малоруссовъ сочетаніе было иное, а именно: хаты (или избы) съ хижей. Что касается, засимъ, остальныхъ славянъ, то въ отношеніи болгаръ слѣдуетъ отмѣтить, что у нихъ параллельно и самостоятельно уживаются два жилья: куща *(кышта)* и хижа; вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и изба. Къ болгарамъ стоятъ въ отношеніи развитія дома довольно близко отчасти сербы, отчасти хорваты. У первыхъ образованіе жилища шло на основаніи сочетанія кущи (*куча*), стана и избы, а у вторыхъ—кущи (*кутья*) и избы. Весьма сложно сочетаніе у словинцевъ. Въ ихъ современномъ жилищѣ можно констатировать наличность: кущи (*коча*, *куча*), хижи (*хиша*), избы, вѣжи и клѣти. Что касается западныхъ славянъ, то у всѣхъ ихъ племенъ было одно сочетаніе, подобное тому, которое мы видимъ и у малороссовъ, а именно: избы или хаты съ хижей.

Если, согласно ранѣе изложенному, считать: кущу, станъ и вѣжу за шалаши, хижу и клѣть—за землянки, а избу за отопляемое печью наземное срубчатое строеніе *), то жилища

*) Въ отношеніи сруба слѣдуетъ отмѣтить, что онъ представляетъ совершенно обычный для славянъ способъ постройки жилища. Хотя въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ срубъ, какъ вообще деревянный матеріалъ, замѣняется камнемъ, однако срубъ, какъ обычное еще явленіе, мы встрѣчаемъ во всей Россіи, за исключеніемъ южныхъ, степныхъ мѣстностей, далѣе среди поляковъ, чеховъ, лужичанъ, словаковъ и хорватовъ (рис. 142, 143, 144, 146, 188). Затѣмъ, еще часто встрѣчается срубъ, по крайней мѣрѣ въ глухихъ мѣстностяхъ среди словинцевъ (рис. 77 и 78). Рѣже мы видимъ срубъ на Балканскомъ полуостровѣ, хотя онъ примѣняется и тамъ, напримѣръ въ Босніи, (рис. 165) и нѣкоторыхъ мѣстахъ Черногоріи (рис. 84). Принципъ, вложенный въ срубъ, заключается, какъ извѣстно,

современныхъ славянъ возможно характеризовать слѣдующимъ образомъ. У болгаръ шалашъ, землянка и отопляемое печью жилье существуютъ параллельно; у сербовъ и хорватовъ шалашъ и землянка сочетались другъ съ другомъ; у словинцевъ къ шалашу и землянкѣ присоединился отопляемый печью срубъ; у великоруссовъ сочеталась земляпка съ отопляемымъ печью срубомъ, а у бѣло-и малоруссовъ, а равно у поляковъ, чеховъ и словаковъ къ землянкѣ и избѣ присоединилось какъ будто какое то чуждое остальнымъ славянамъ жилье—хата.

въ томъ, что отдѣльныя бревна накладываются другъ на друга горизонтально, какъ то особенно ясно видно на рис. 154. Этимъ способомъ достигается во первыхъ то, что углы зданія, будь бревна четырехстороннія или иной формы, тѣсно спаяны путемъ перекрещиванія, а во вторыхъ то, что при помощи прокладки между бревнами простѣйшаго даже матеріала, какъ напримѣръ мохъ, достигается внутри зданія значительное тепло. Срубъ самъ по себѣ есть уже столь совершенный способъ употребленія деревяннаго матеріала, что усовершенствованіе сруба заключается лишь въ деталяхъ, не нарушающихъ основного принципа. Такъ, напримѣръ, спайка бревенъ на углахъ можетъ производиться „въ лапу“; верхняя сторона бревенъ можетъ выдолбливаться жолобомъ, что обезпечиваетъ особо плотное примыканіе нижней стороны сверху налегающаго бревна; далѣе бревна могутъ отесываться, ошалевываться и т. д. Хотя срубъ и является типичнымъ способомъ постройки славянскихъ домовъ, но онъ не можетъ называться исключительно славянскимъ. Его скорѣе можно признать международнымъ, такъ какъ онъ распространенъ, или вѣрнѣе говоря, былъ распространенъ, болѣе или менѣе по всей Европѣ. Въ виду высоко совершенныхъ свойствъ сруба, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ представлялъ изъ себя первоначальный способъ употребленія прочнаго деревяннаго матеріала. Срубъ знаменуетъ полную осѣдлость строителя, полный разрывъ съ кочевымъ образомъ жизни, полную замѣну осѣдлымъ жильемъ жилья передвижного—шалаша. Такъ какъ послѣдній въ первобытныхъ своихъ формахъ состоитъ изъ болѣе или менѣе вертикальныхъ жердей, то можно допустить, что существовала между шалашомъ жердянымъ или плетенымъ или иного рода и срубомъ промежуточная форма. За таковую можно признать постройку столбяную, т. е. жилище, сооруженное изъ вертикально поставленныхъ бревенъ. Такой способъ постройки въ славянскомъ мірѣ примѣняется очень рѣдко, обыкновенно лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ хозяйственныхъ построекъ, напримѣръ. хлѣва или пристроекъ, напримѣръ кладовой. Что столбяныя постройки когда то существовали въ большомъ количествѣ и при томъ служили въ качествѣ жилья, доказываютъ, между прочимъ, свайныя постройки, а равно встрѣчающіяся этого способа сооруженія жилища въ германскомъ мірѣ, (нѣмец. Stehwerk. Pfostenbau, норвеж. Reisvaerk). Есть, наконецъ, еще два способа постройки деревянныхъ или вѣрнѣе полудеревянныхъ жилищъ, которыя, въ общемъ ходѣ развитія жилья, могутъ быть разсматриваемы, какъ промежуточныя стадіи между постройками жердяными (шалашами) и постройками срубчатыми- это такъ называемый фахверкъ

По характеру исторіи развитія жилья мы можемъ раздѣлить весь славянскій міръ на двѣ половины: въ одной, состоящей изъ болгаръ, сербовъ, хорватовъ и словинцевъ, жилище характеризуется наличностью шалаша, а въ другой—жилище шалаша не имѣетъ. Эту вторую группу мы можемъ въ свою очередь разчленить на двѣ неравныя половины: великорусскую, у которой нѣтъ хаты, и на группу, состоящую изъ бѣло-и малоруссовъ, поляковъ, чеховъ и словаковъ, въ образованіи жилища которыхъ участвовала и хата.

Указанныя двѣ главныя группы славянскихъ племенъ (съ шалашомъ и безъ шалаша) отличаются въ отношеніи исторіи развитія жилья слѣдующимъ весьма существеннымъ факторомъ. У первой группы основная ячея жилища заключается именно въ шалашѣ. Онъ частью существуетъ самостоятельно въ видѣ однокамернаго жилья, иногда сохраняя и внѣшній обликъ шалашевидной постройки, частью же къ нему присоединилось дополнительное помѣщеніе, причемъ шалашъ пріобрѣлъ значеніе сѣней и кухни. И въ томъ и другомъ случаѣ въ основномъ шалашѣ присутствуетъ очагъ. Хотя въ такихъ жилищахъ и встрѣчается печь, но она во первыхъ не обязательна для каждаго

(нѣмец. Fachwerk, Riegelwerk, датск. Bindingsvaerk, рис. 88) съ одной и мазанка съ другой стороны. Первый способъ, встрѣчающійся среди славянъ, (не считая тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ явно нѣмецкаго происхожденія), въ Босніи, состоитъ въ томъ, что между бревнами, поставленными, частью горизонтально, частью вертикально, частью наискось, закладывается камень, глина или кирпичъ. Что касается второго способа, заключающагося въ обмазываніи бревенчатаго или даже жердяного и плетневаго остова глиною снаружи и внутри (рис. 158, 189), то онъ широко практикуется, главнымъ образомъ, въ нашихъ русскихъ степныхъ мѣстностяхъ. Хотя безлѣсье степей несомнѣнно и содѣйствовало вкорененію и развитію этого способа постройки, однако нельзя не отмѣтить, что причина возникновенія мазанки заключается не въ одномъ только безлѣсьѣ. Такъ, напримѣръ въ Босніи, странѣ и по сіе время совершенно лѣсистой, мы встрѣчаемъ: дома-мазанки, основа которыхъ состоитъ изъ плетня (рис. 83). Если сопоставить домъ, изображенный на этомъ рисункѣ, съ домомъ, виднымъ на рис. 82, и выстроеннымъ исключительно изъ плетня, намъ станетъ ясно, что мы передъ собою имѣемъ два весьма первобытныхъ, хотя и не передвижныхъ шалаша, изъ которыхъ одинъ покрытъ строителемъ глиной, очевидно, ради большаго тепла жилого помѣщенія. Такимъ образомъ, въ босній-ской мазанкѣ мы должны видѣть лишь нѣсколько усовершенствованное первобытное жилище.

хозяйства, а во вторыхъ имѣетъ спеціальное значеніе либо только для согрѣванія, либо для печенія хлѣба, а не изготовленія всякой пищи вообще. Въ жилищѣ второй группы славянъ (безъ шалаша) характернымъ представляется то, что основной ячеею является обязательно отопляемое печью жилье, которое въ свою очередь можетъ существовать самостоятельно въ видѣ однокамернаго жилища; печь въ немъ служитъ и для согрѣванія и для изготовленія всякой пищи, въ томъ числѣ и хлѣба. Такое жилище въ настоящее время обыкновенно соединяется съ дополнительнымъ помѣщеніемъ. Это послѣднее, несущее наименованіе *сѣней*, имѣетъ значеніе передней. Если въ сѣняхъ и находится иногда очажокъ, то онъ позднѣйшаго происхожденія и имѣетъ второстепенное въ хозяйствѣ, спеціальное назначеніе. Къ первой группѣ принадлежатъ съ незначительными исключеніями славяне Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Далмаціи, Хорватіи, Истріи, Каринтіи, Штиріи и Крайны, т. е. болгары, сербы, хорваты и словинцы. Ко второй же группѣ принадлежатъ велико-мало-и бѣлоруссы, поляки, чехи, словаки.

У народностей первой группы жилище именуется и другими, кромѣ кучи, кочи, кущи и т. п. словами, но они не вытѣсняютъ собою этого основного понятія. Такъ, у болгаръ, напримѣръ, *гижа* или *хижа* имѣетъ болѣе спеціальное значеніе извѣстнаго рода жилища (землянки), чѣмъ жилого дома вообще; у сербовъ слово *станъ* не поглощаетъ слова *куча*; у словинцевъ *куча* и *хиша* болѣе или менѣе синонимы съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ деревенскомъ быту хиша считается болѣе организованнымъ зданіемъ, чѣмъ куча; у хорватовъ же *куча* или *кутья* не имѣютъ въ смыслѣ жилого дома замѣстителя.

Переходя къ группѣ славянскихъ народовъ второго разряда, слѣдуетъ рѣшительно отмѣтить, что у большинства ихъ слово *изба* доминируетъ надъ остальными. Такъ, въ русскомъ племени многочисленные великоруссы, можно сказать, иного жилья, кромѣ избы, не знаютъ; она лишь на рубежѣ съ малорусской и бѣлорусской вѣтвями замѣняется, но не вытѣсняется окончательно

словомъ *хата*. У поляковъ, чеховъ и словаковъ изба, какъ уже указывалось, является синонимомъ и *хаты* и *хиши* и *халупы*.

При такихъ условіяхъ самостоятельный раіонъ хаты необыкновенно съуживается, а именно она, не имѣя синонима, является доминирующей лишь среди бѣлорусскаго и малорусскаго населенія *), вклинивающагося въ населеніе великорусское съ одной и польское, чешское и словацкое съ другой стороны.

Такимъ образомъ, все славянское населеніе можно раздѣлить на двѣ группы: на ту, у которой основаніе жилища составляетъ шалашъ съ очагомъ, т. е. куща-куча и на ту, у которой въ основу жилья легло отопляемое печью помѣщеніе, т. е. изба **).

Спрашивается, къ какому изъ этихъ двухъ типовъ примыкаетъ хата: къ постройкѣ ли съ очагомъ, или же къ постройкѣ съ печью. На этотъ вопросъ можно отвѣтить съ полною опредѣленностью, что хата не только стоитъ ближе къ избѣ, но тождественна съ нею. Если принять во вниманіе, что бѣлорусская, а равно мѣстами и малорусская хата тамъ, гдѣ она является срубомъ, даже по своему морфологическому строенію тождественна съ избой, то болѣе или менѣе своеобразную хату мы можемъ отмѣтить лишь въ тѣхъ незначительныхъ мѣстностяхъ, гдѣ она является либо мазанкой, либо глинобитной постройкой. Только въ этомъ въ настоящее время и слѣдуетъ видѣть оригинальную своеобразность хаты. Если засимъ принять во вниманіе и то, что у малороссовъ бывшая нѣкогда самостоятельнымъ жильемъ хиша является какъ бы непремѣнной принадлежностью современнаго

*) Наименованіе хата рѣшительно преобладаетъ въ губерніяхъ: Виленской, Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Волынской, Подольской, Бессарабской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Кубанской области, а равно въ русской части Галиціи и въ Буковинѣ.

**) Интересно отмѣтить, что словинцы, живя между славянами, жилище которыхъ изба, и славянами, въ жильѣ которыхъ находится куча, обитаютъ дома, имѣющіе и избу и помѣщеніе съ очагомъ, равное кучѣ—вѣжѣ. Печь находится въ хишѣ, которая называется и избой, при чемъ устье печи выходитъ на очагъ, лежащій въ вѣжѣ.

жилья-хаты, то мы можемъ пожалуй предположить, что у малороссовъ болѣе древнее жилище (хиша) сочеталось съ болѣе новымъ (хатой), получившимъ доминирующее значеніе. Была ли здѣсь первоначальная хата, если вообще допустить ея самостоятельное существованіе, землянкой или шалашемъ, сказать съ какою либо опредѣленностью невозможно. За шалашевидность говоритъ конструкція хаты-мазанки, за происхожденіе изъ землянки—конструкція хаты-глинобитки. Однако не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что уже отмѣчалось нами ранѣе, именно, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія жилья, первоначальный матеріалъ измѣняется и строеніе перерождается. Примѣры такого явленія нами приводились выше неоднократно. Здѣсь мы не можемъ въ дополненіе къ сказанному нами на стр. 65—70 не указать, что въ конструктивномъ отношеніи связь между мазанкой и глинобиткой существуетъ несомнѣнно уже потому, что при сооруженіи той и другой постройки пользуются однороднымъ матеріаломъ—глиной. Мазанка отъ глинобитки отличается тѣмъ, что первая имѣетъ жердяной остовъ, тогда какъ глинобитка такого остова не имѣетъ. Остовъ этотъ дѣлается разно, но онъ всегда несетъ весьма первобытный характеръ. Какъ примѣръ можетъ служить хата, изображенная на рис. 189 и взятая нами изъ Бессарабской губерніи. На рисункѣ видно, что данная хата (двураздѣльная) жердяная. Изъ жердей изготовленъ весь остовъ, не исключая и трубы, видной на крышѣ слѣва. Болѣе усовершенствованный остовъ видѣнъ на рис. 158, изображающемъ строющуюся хату изъ Харьковской губерніи. И въ томъ и другомъ случаѣ нельзя, казалось бы, не признать, что въ основу жилья легъ шалашъ, превращающійся собственно въ домъ только благодаря глинѣ. Такъ хата (трехраздѣльная), изображенная на рис. 181, обмазываемая глиною и снаружи уже утрачиваетъ свои первоначальныя характерныя особенности шалашевидной постройки, а совершенно законченныя хаты-мазанки, изображенныя на рис. 182 и 183, снабженныя глиняной призьбой, имѣютъ видъ дома, сооруженнаго изъ прочнаго матеріала. Что касается хаты-глино-

битки, то она такъ схожа съ хатой мазанкой, что происхожденіе ея изъ послѣдней вполнѣ допустимо. Такъ, напримѣръ, глинобитка, изображенная на рис. 190, можетъ быть признана тождественной съ мазанками, видными, на рис. 182. Къ нимъ примыкаютъ и глинобитныя хаты изъ другихъ губерній, напримѣръ изъ Екатеринославской, изображенныя на рис. 72, 162 и 163. Поэтому мы можемъ разсматривать и мазанки и глинобитки, какъ отдѣльныя стадіи одного процесса развитія. Однако мы можемъ смотрѣть на мазанки и глинобитки и какъ на жилища происхожденія разнаго. А именно мы можемъ себѣ представить, что жердяной шалашъ, покрывавшійся нѣкогда шкурами, камышомъ или инымъ матеріаломъ, впослѣдствіи сталъ покрываться глиною, давъ хату-мазанку. А подземное жилище, т. е. землянка, повышая съ теченіемъ времени свои стѣны и выходя изъ подъ земли, получила глиняныя стѣны. Дальнѣйшее развитіе такой первобытной глинобитки заключалось въ томъ, что зданіе сооружалось не изъ одной глины, а изъ глины, смятой съ соломой, что дало такъ называемые *чамурныя* постройки. На этомъ развитіе не остановилось: оно пошло дальше, а именно изъ глины, смятой съ соломой, предварительно изготовлялся *лимпачъ*, т. е. высушенный на солнцѣ, но не обожженный кирпичъ, который въ свою очередь явился переходной ступенью къ кирпичу, обожженному и поэтому гораздо болѣе прочному.

Допуская образованіе хаты въ ея высокихъ стадіяхъ развитія изъ мазанки или глинобитки, мы нисколько не объясняемъ этимъ происхожденіе ея наименованія, такъ какъ его невозможно поставить въ опредѣленную связь съ тѣмъ или инымъ способомъ сооруженія хаты и такъ какъ мазанка и глинобитка у сосѣднихъ съ русскими племенъ несутъ иныя, чѣмъ хата, наименованія, напримѣръ у молдаванъ *каса*, у болгаръ *кышта*.

При разсмотрѣніи хаты, какъ жилого дома, мы, между прочимъ, указывали на сопоставленія проф. Е. Ѳ. Карскимъ слова хата со словомъ: староперсидскимъ kota и новоперсидскимъ kad, kadah.

Нашъ трудъ былъ уже въ значительной своей долѣ напечатанъ, когда нѣкоторые новые матеріалы дали намъ основаніе войти въ новое соображеніе вопроса о происхожденіи и существѣ жилища, именуемаго хатой. Переходя къ этимъ новымъ мыслямъ, въ дополненіе къ изложенному на стр. 63, 64, 66 и 67, мы считаемъ нужнымъ прежде всего отмѣтить, что новоперсидскому слову *кад*, *kadah* (домъ) въ Авестѣ соотвѣтствуетъ слово *kata*, означающее подземное жилище. Такимъ образомъ, если нашу хату выводить отъ иранскаго жилища, то приходится признать, что прототипомъ ея была землянка. Однако, не лишнее повторить, что хата могла быть занесена въ славянскій міръ уже въ качествѣ наземнаго жилья, при томъ и шалашеподобной формы. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ жилищахъ нѣкоторыхъ народностей замѣчается иногда сочетаніе шалаша съ землянкой. Такъ напримѣръ, исторія развитія жилища у финскихъ племенъ показываетъ, что шалашъ нерѣдко ставится надъ ямой. Подобное же сочетаніе мы видимъ и у бессарабской колибы. Быть можетъ къ хатѣ славянина, а также *кад* иранцевъ, имѣютъ отношеніе финскія жилища, бывшія нѣкогда шалашами: *kota* тавастовъ и кареловъ, *кода*—эстовъ, *kata* (*goatta*)—скандинавскихъ лопарей, *kud* (*kuda*)—черемисовъ и мокши, *kudo*—ерзи, *kodi*-вепсовъ *).

Засимъ, важнымъ представляется отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи домъ крестьянина-бобыля называется: *kathe*, *kothe*, *kote*, *kotte*, *köte*, *käte*, *kotia*. Подъ этими словами подразумѣвается домъ безземельнаго крестьянина, а мѣстами хижина, лачуга, наконецъ, шалашъ (напримѣръ въ Брауншвейгѣ), особенно угольщика въ лѣсу. Одинъ изъ нѣмецкихъ изслѣдователей **) исторіи развитія жилища предполагаетъ, что жилье съ указаннымъ наименованіемъ перешло въ германскія племена отъ финновъ (указанное выше *kad*, *kata* и т. п.). При

*) Ник. Харузинъ—Очеркъ развитія жилища у финновъ. М. 1895 г.

**) K. Rhamm—Etnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde, T. I. 1905.

этомъ онъ, основываясь на томъ, что нѣмецкое *kathe* выражаетъ какъ бы подчиненный способъ владѣнія землею, допускаетъ мысль, что первоначально *kathe* могла принадлежать финскому, порабощенному германцами племени. Не отрицая возможности такого явленія, мы, съ своей стороны, считаемъ болѣе важнымъ отмѣтить, что жилище съ наименованіемъ, соотвѣтствующимъ нѣмецкой *kathe*, и именно жилище преимущественно второстепеннаго свойства, т. е. хижина, лачуга и даже шалашъ, встрѣчается, какъ указываетъ только что названный авторъ, и въ другихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ германцами, напримѣръ: *kota, koyta, kot*—въ Норвегіи, *käta*—въ Швеціи, *kaad* и *kodde*—въ Даніи, *kote, kate*—въ Голландіи. Дѣйствительное происхожденіе жилища отмѣченныхъ наименованій остается по сіе время далеко не достаточно выясненнымъ и поэтому темнымъ. Можно лишь одно сказать съ увѣренностью, что мы въ германской *kathe* должны видѣть весьма древнее жилище и первоначально жилище очевидно шалашевидное, т. е. одно изъ простѣйшихъ.

Возвращаясь собственно къ нашей славянской хатѣ, мы должны отмѣтить, что она въ своихъ первоначальныхъ формахъ и съ своими первоначальными особенностями не сохранилась, являясь повсемѣстно синонимомъ сравнительно высокоорганизованной избы. Чуждая коренному славянству, хата принадлежитъ къ инымъ племенамъ и возможно, что происхожденіе ея надо искать и среди германцевъ и среди финновъ, а не среди иранцевъ. За заимствованіе хаты, или по краней мѣрѣ наименованія отъ германцевъ, говоритъ какъ бы то, что хаты мы встрѣчаемъ у западныхъ славянъ (поляковъ, чеховъ и словаковъ), т. е. у тѣхъ племенъ, жизнь которыхъ наиболѣе тѣсно соприкасалась съ жизнью германцевъ. Что касается бѣлоруссовъ и малоруссовъ, то къ нимъ слово хата могло быть перенесено при помощи поляковъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ тѣсная историческая связь Польши съ Бѣлоруссіею и Малороссіею, отразившаяся, между прочимъ, въ значительномъ числѣ полонизмовъ въ терминологіи частей жилыхъ построекъ у бѣло- и малоруссовъ.

При такихъ условіяхъ можно придти къ мысли, что хата, какъ особое жилое зданіе, среди славянъ никогда не употреблялась и что наименованіе ея какъ бы механически было перенесено на уже существовавшее жилище, отопляемое печью, т. е. на избу. Въ пользу этого говоритъ то, что жилой домъ и у поляковъ и у чеховъ и у словаковъ называется и хатой и избой. Лишь у бѣлоруссовъ и малоруссовъ жилище крестьянина именуется исключительно хатой, тогда какъ слово изба совершенно не употребляется. Въ этомъ отношеніи мы даже склонны стать въ противорѣчіе съ тѣмъ, что нами было высказано на стр. 63. Хотя мы и держимся того убѣжденія, что жилище принадлежитъ къ тѣмъ основнымъ факторамъ народнаго быта, которые упорно сохраняютъ исконнія наименованія и не имѣютъ склонности мѣнять ихъ подъ чужими воздѣйствіями безъ измѣненія существа, однако мы не можемъ не считаться съ тѣмъ, что слово хата у славянъ не выражаетъ понятія о какомъ либо своеобразномъ жилищѣ, что слово это не даетъ никакого намека на исторію происхожденія хаты отъ болѣе низкихъ, чѣмъ нынѣ, жилищъ, что, наконецъ, слово хата у большинства славянъ, которые именуютъ свое жилище хатой, обычно замѣняется и словомъ изба.

Въ славянскихъ языкахъ, какъ видно изъ ранѣе изложенныхъ нами матеріаловъ, наряду со славянскими наименованіями частей жилищъ, не мало встрѣчается и наименованій, заимствованныхъ изъ языковъ сосѣднихъ, но чуждыхъ славянству народностей. Эти чужія слова обыкновенно показываютъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ или инымъ иностраннымъ словомъ внѣдрились въ славянство или особая постройка или особая часть ея. Если это внѣдреніе не всегда представляется возможнымъ доказать, то предположеніе его вполнѣ правдоподобно. Такъ, напримѣръ, допустимо, что приморскіе хорваты, называющіе конюшню *štala* (отъ нѣмецкаго *Stall*) заимствовали это сооруженіе, а быть можетъ и лошадей, какъ рабочій скотъ, у германцевъ или при ихъ посредствѣ. Равнымъ образомъ допустимо, что бѣлоруссы и малоруссы заимствовали крыльцо у поляковъ, а эти послѣдніе у нѣмцевъ и

поэтому на польскомъ языкѣ и мало-и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ крыльцо называется *ганекъ*, *ганыкъ* (отъ нѣмецкаго *Gang*). Напротивъ, мало понятно, какимъ образомъ великоруссы помѣщеніе для сѣна, соломы, повозокъ и инвентаря, для котораго они имѣли свое слово *повѣть*, могли наименовать словомъ *сарай*, заимствовавъ его, очевидно, у татаръ, которые употребляли это слово въ совершенно другомъ смыслѣ. Также мало понятно, почему *житница* и *клѣть* могли получить татарское наименованіе *амбаръ*, или обще-европейское *комора* и почему у насъ мѣстами на югѣ и западѣ для погреба, вмѣсто весьма распространеннаго слова *яма*, говорятъ и *лёхъ* (съ нѣмецкаго *Loch*). Совершенно непонятно, наконецъ, какимъ образомъ татарское слово *очагъ* могло вытѣснить у русскихъ общеславянское слово *огнище*, получившее спеціальное значеніе, или почему обще-славянское слово *стрѣха* замѣнилось мѣстами у бѣлоруссовъ и малоруссовъ, а также у поляковъ, нѣмецкимъ словомъ *дахъ* (*Dach*). Въ послѣдне-указанныхъ случаяхъ едва-ли есть основаніе думать, что съ новыми словами пріобрѣтено было нѣкоторое усовершенствованіе, такъ какъ крыша, напримѣръ, осталась соломенной и простѣйшей конструкціи, а слово *очагъ* замѣнило слово *огнище* въ простѣйшемъ его значеніи. Очевидно, что языкъ въ предѣлахъ номенклатуры, касающейся жилищъ, обогащался далеко не всегда параллельно съ обогащеніемъ строительнаго знанія, усиленіемъ комфорта, прогрессомъ жилища, а, напротивъ, обогащеніе языка шло иногда и механическими путями, благодаря тѣсному соприкосновенію съ сосѣдями.

Въ виду этого, представляется возможнымъ допустить, въ противорѣчіе изложенныхъ нами на стр. 63 предположеній, что хата и изба произошли не отъ разныхъ прототиповъ, а что хаты, какъ оригинальнаго жилья, среди славянъ никогда не существовало и что то, что нѣкоторые славяне (поляки, чехи, словаки, бѣлоруссы и малоруссы) называютъ хатой, ни что иное, какъ изба. Слово же хата воспринято безъ какого либо измѣненія органическихъ особенностей жилья отъ сосѣдей, въ частности

отъ нѣмцевъ, при чемъ воспринятымъ слово хата могло быть и чехами и поляками и словаками, или одной изъ этихъ народностей, которая впослѣдствіи передала его другимъ. Вѣдь жизнь чеховъ и поляковъ съ германскими племенами была искони тѣсная, тѣсно соприкасалась и жизнь поляковъ съ бѣлоруссами и малоруссами. Поэтому, вліяніе отъ запада естественно и оно дѣйствительно подтверждается массою словъ нѣмецкаго происхожденія, свойственныхъ польской рѣчи. И если нѣмцы подъ словомъ *kathe* понимали крестьянскій домъ, то это понятіе могло быть перенесено и на славянскую почву. Какого собственно происхожденія понятіе о нѣмецкой и вообще германской *kathe*, вопросъ особаго рода. Матеріалы германской этнографіи даютъ основаніе видѣть въ этомъ жилищѣ перерожденное, первобытное жилье, быть можетъ, связанное съ таковымъ у финновъ. Но въ славянскомъ мірѣ, повидимому, безполезно искать исторію происхожденія хаты, такъ какъ она, какъ синонимъ избы, не представляя варіацій и разныхъ ступеней развитія, является повсемѣстно однородной. Въ частности на почвѣ Сѣверо-Западнаго края слово хата, вытѣснивъ, какъ и у малоруссовъ, слово изба, является какъ бы побочнымъ наименованіемъ жилого дома такъ же, какъ и слова: хорома, хоромина, хабунька, хибарка, домъ, будынокъ. Какого бы происхожденія хата ни была, въ Сѣверо-Западномъ краѣ мы ее знаемъ и по ея внѣшнему облику и по ея внутреннему устройству, какъ жилище, тождественное съ избою великоруссовъ, и какъ жилье, весьма близкое къ таковому у поляковъ, чеховъ, словаковъ, словинцевъ и хорватовъ, съ которыми хата, какъ и великорусская изба, однородна.

Всѣ эти жилища въ настоящее время лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бываютъ однокамерны. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ они представляютъ изъ себя двураздѣльную или даже трехраздѣльную постройку. Двураздѣльность образовалась изъ сочетанія двухъ помѣщеній: у тѣхъ народностей, въ основу жилья которыхъ легла ячея съ очагомъ (куча или вѣжа) при посредствѣ присоединенія къ ней отопляемаго печью жилого помѣще-

нія, у тѣхъ же народностей, у которыхъ основаніе жилища состоитъ изъ помѣщенія съ печью (избы или хаты) путемъ присоединенія къ нему дополнительной, неотопляемой ячеи—сѣней.

Образовался ли двураздѣльный (двукамерный) домъ, исходя отъ помѣщенія съ очагомъ, или отъ помѣщенія съ печью, онъ можетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи перейти въ жилище трехраздѣльное (трехкамерное). Это достигается тѣмъ, что третье помѣщеніе пристраивается къ помѣщенію основному (съ очагомъ) у первой группы племенъ и къ помѣщенію дополнительному, неотопляемому, у второй племенной группы, т. е. къ шалашу-кущѣ и къ сѣнямъ. Появляющееся третье помѣщеніе обыкновенно неотопляемо и имѣетъ въ первичныхъ своихъ стадіяхъ значеніе хлѣва, кладовой, а, затѣмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи—дополнительнаго жилья. Такой трехраздѣльный домъ, какъ совершенно обычное жилище, мы встрѣчаемъ у великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ, чеховъ, словаковъ, словинцевъ, хорватовъ, отчасти и на Балканскомъ полуостровѣ.

Происхожденіе его, какъ указано выше, разное, но внутреннее его устройство (планъ) одинаково, подчасъ даже тождественно. Тождественъ часто и внѣшній обликъ жилища, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣняется одинъ и тотъ же строительный матеріалъ.

Особенно другъ ко другу близки и по конструкціи и по плану (по внутреннему расположенію отдѣльныхъ помѣщеній): жилые дома велико-бѣло-и малоруссовъ, поляковъ, чеховъ, словаковъ, лужичанъ и отчасти хорватовъ, т. е. народностей, живущихъ преимущественно сѣвернѣе р. Савы и р. Дуная послѣ ея впаденія въ послѣдній. Что касается словинцевъ, живущихъ по обѣ стороны верховьевъ Савы, то ихъ жилище представляетъ особый интересъ, такъ какъ оно, принадлежа племени какъ бы порубежному между указанными двумя группами славянъ, представляетъ сочетаніе началъ южныхъ съ началомъ сѣвернымъ. Правда, жилище это, тамъ гдѣ строитель перешелъ къ каменному

матеріалу, несетъ по внѣшности, какъ бы чуждый остальнымъ славянскимъ постройкамъ, характеръ, но старый, еще мѣстами сохранившійся деревянный словинскій домъ (см. рис. 78), тѣсно примыкаетъ къ избѣ-хижѣ-хатѣ другихъ славянъ.

Возвращаясь къ жилому дому (хатѣ) Сѣверо-Западнаго края, принадлежащему, главнымъ образомъ, бѣлорусскому племени, слѣдуетъ отмѣтить, какъ впрочемъ указывалось уже неоднократно, что этотъ домъ на всемъ протяженіи края представляетъ сравнительно большое разнообразіе. Однако, послѣднее сводится исключительно на детали, иногда съ трудомъ даже уловимыя. Входя, по своимъ характернымъ чертамъ, въ общій типъ славянскаго дома, какимъ мы его видимъ у всего славянства сѣвернѣе Балканскаго полуострова, хата Сѣверо-Западнаго края тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ великорусской избѣ преимущественно сосѣднихъ губерній, къ малорусской хатѣ, тамъ гдѣ она сооружается изъ сруба, къ халупѣ-хатѣ-избѣ польской народности. Однако тамъ, гдѣ крестьянское жилище другихъ славянъ не измѣнено позднѣйшими усовершенствованіями и гдѣ оно несетъ еще характерныя черты срубчатой постройки, будь то хижа-хата-изба словака, хата-изба чеха, хиша—словинца, даже кутья хорвата—оно зачастую такъ близко къ бѣлорусской хатѣ, что единство всѣхъ этихъ жилищъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. на рис. 4, 5, 16, 66, 67, 75, 78, 105, 109, 125, 134, 141, 188).

Въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ представляется отмѣтить, кромѣ только что указанныхъ жилыхъ построекъ, еще жилище остатка полабскихъ славянъ, живущаго въ Южной Пруссіи и сохранившаго, не смотря на германизацію всего племени, и по сіе время свое славянское жилище. Мы говоримъ здѣсь о лужичанахъ или лужицкихъ сербахъ (сорбахъ или вендахъ) въ Шпревальдѣ. Простой взглядъ на изображенный у насъ на рис. 188 домъ лужичанина изъ окрестностей Любина убѣдитъ насъ, что онъ нетолько обще-славянскаго типа, но

даже особенно близокъ по всему своему внѣшнему типу къ бѣлорусской хатѣ *).

Отмѣченныя выше общеславянскія основанія построекъ объединяютъ ихъ въ особый циклъ, отличный отъ цикла построекъ въ видѣ землянки **) и тѣмъ болѣе въ видѣ шатра-шалаша. Циклъ этотъ отличается тѣмъ, что жилище, дву-или трехраздѣльное, представляетъ удлиненный одноэтажный срубъ, съ входомъ съ длинной стороны, покрытый дву-или четырехскатной, обыкновенной соломенной крышей. Наличность удлиненнаго сруба, столь характерная для хаты Сѣверо-Западнаго края, великорусской избы, словинской хиши и т. п., конечно, не исключаетъ возможности развитія всѣхъ этихъ жилищъ изъ разныхъ прототиповъ, несмотря на близкое ихъ сходство, почти тождественность, въ современномъ ихъ видѣ. Напротивъ того, указанныя выше данныя подтверждаютъ разность происхожденія жилищъ. Тѣмъ не менѣе современныя постройки разныхъ наименованій принадлежатъ къ одному циклу, циклу срубчатыхъ построекъ удлиненнаго типа. Да и сами наименованія, употребляемыя зачастую тѣмъ или инымъ славянскимъ народомъ въ видѣ синонимовъ, показываютъ, что всѣ эти жилища въ нынѣшнее время однозначущи и что подъ всѣми ими слѣдуетъ понимать одинъ и тотъ же по существу жилой домъ славянскаго простолюдина.

Высказавъ изложенное, мы считаемъ долгомъ пояснить, что мы имѣемъ въ виду хату, избу, хижу въ ихъ болѣе или менѣе основныхъ формахъ, а не въ тѣхъ развитыхъ и поэтому измѣненныхъ, въ которыхъ онѣ представляются среди крестьянъ богатаго состоянія. Въ современномъ быту и хата и изба и хижа составляютъ такъ или иначе комплексъ зданій, зачастую весьма сложный. Достаточно въ этомъ отношеніи остановиться на из-

*) Мы отмѣчаемъ здѣсь особо одиночность и ассиметричность фронтоннаго окна.

**) Землянку мѣстами, напримѣръ, въ Яранскомъ у., Вятской губ., называютъ *чадовкой* (отъ слова чадъ-дымъ).

бахъ многихъ великорусскихъ губерній, въ которыхъ избы, тѣсно спаиваясь съ дворомъ, пріобрѣтаютъ обликъ, чуждый облику хаты Сѣверо-Западнаго края. Даже сравнительно малоразвитая изба изъ Московской губерніи, изображенная, напримѣръ, у насъ на рис. 173, благодаря слитію ея съ хозяйственными постройками, значительно отличается отъ ординарной хаты бѣлорусса. Избы же, изображенныя, напримѣръ, на рис. 180, 191 и 192, взятыя изъ Вологодской губерніи, являются съ перваго взгляда какъ бы совершенно чуждыми для Сѣверо-Западнаго края жилищами. Между тѣмъ и эти избы представляютъ обычное славянское трехраздѣльное жилье, лишь поднятое благодаря подклѣти во второй этажъ и соединенное съ хозяйственными строеніями.

На этомъ типѣ сложныхъ избъ необходимо остановиться, во первыхъ, вслѣдствіе того особаго интереса, который онѣ представляютъ какъ развитыя постройки, а во вторыхъ, для уясненія себѣ того, что въ основу ихъ легъ обычный типъ трехраздѣльной славянской постройки, впослѣдствіи (съ развитіемъ жилья) лишь замаскированной, но не перерожденной.

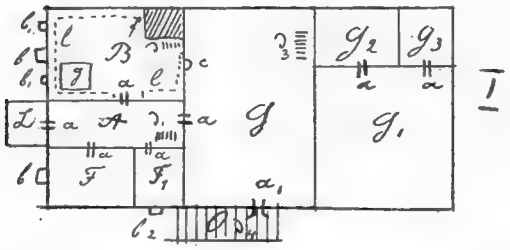
По наружному виду, избы указаннаго типа представляютъ большіе, высокіе, двухэтажные дома, крытые двускатной или четырехскатной крышей, какъ то видно на рис. 179, 180, 191, 192, изображающихъ избы изъ Олонецкой губ. и Кадниковскаго и Вельскаго уѣздовъ, Вологодской губерній *). Избы эти сложены изъ мощнаго сруба, причемъ жилье помѣщается главнымъ образомъ въ верхнемъ этажѣ. Оно можетъ находиться и въ нижнемъ, но это жилье второстепеннаго свойства. Важнѣйшая особенность подобныхъ (см. рис. 180) избъ заключается въ томъ, что вмѣстѣ съ жилымъ помѣщеніемъ часто подъ одной съ нимъ крышей находится вся или почти вся хозяйственная часть, а именно: кладовки, помѣщеніе для скота, сарай и амбаръ. Входъ въ верхній этажъ снаружи двоякій: въ жилую часть—чрезъ узорчатое крыльцо по наружной или по внутренней лѣстницѣ, а въ хозяйственную часть чрезъ особый взъѣздъ. Характерной внѣшней особенностью этихъ избъ является то, что онѣ обыкновенно богато

*) Рисунки и планы заимствованы изъ трудовъ: 1) Суслова—Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, С. П. Б., 1889; 2) его же—Памятники древнерусскаго зодчества, в. I.—С. П. Б., 1905 г. и 3) Бергъ—Нѣчто о древности типа деревянныхъ построекъ и рѣзьбы въ Важскомъ краѣ. (Памятники древней письменности и искусства, С. П. Б., 1882 г.).

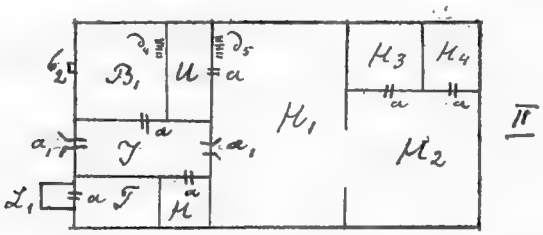
украшены раскрашенной рѣзьбой, изящно выточенными перильцами, снабжены расписанными, „красными“ окнами и дополнены сложными крылечками—„рундуками“. Крыши дѣлаются иногда (рис. 192) съ заломомъ, что въ свою очередь придаетъ избамъ архитектурную оригинальность.

Переходя къ внутреннему строенію избъ описываемаго типа (см. прилагаемые чертежи, относящіеся къ избѣ, изображенной на

Планъ двухэтажной избы изъ с. Воробьевскаго Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи.



1. *Верхній, жилой этажъ: A—сѣни; B—изба; F—клѣть;* (можетъ быть и *горницей)*; F_1—отдѣленіе клѣти для скарба; *G—сѣнникъ* для сѣна, телѣгъ и сбруи и др. хозяйственныхъ принадлежностей; G_1—*малый сѣнникъ* для корма скота; G_2, G_3—*задцы* или *придѣльцы*; *L—крыльцо*-балконъ; *O—взъѣздъ*; *a*, *a*—двери; a_1—ворота; *b*, *b*—*красныя* окна; b_1, b_1—*волоковыя* окна; b_2—*просвѣтецъ*; *c—дымникъ*; *d*—лѣстница въ *голбецъ*; d_1—лѣстница въ *теремъ* (на вышку); d_3—лѣстница въ *подсѣнникъ*; *f*—печь; *g*—столъ; *l*, *l*—лавки.



2. *Нижній этажъ*: B_1—*подклѣть* или *подполье* (можетъ служить жильемъ, держать и птицу); *H—стайка* для мелкаго скота; H_1—H_4—*дворище*; H_1—*большой подсѣнникъ* или *большія стаи* (для лошадей); H_2—*хлѣвъ* (для коровъ); H_3 и H_4—*стайки* или *коровники*; *J—подсѣнье*—проѣздъ; L_1—*рундукъ*-крылечко; *T—мшаникъ* (для муки и крупы); *U—голубецъ* голубецъ (голбецъ для провизіи); *a*—двери; a_1, a_1—ворота; b_2—*просвѣтецъ*; d_4—лѣстница внизъ; d_5—лѣстница вверхъ.

рис. 180), необходимо отмѣтить, что жилое помѣщеніе находится въ верхнемъ этажѣ. Если мы поднимемся въ этотъ этажъ по особой наружной лѣстницѣ, заканчивающейся крыльцомъ, то мы изъ послѣдняго вступаемъ въ обычныя сѣни. Отъ нихъ налѣво расположена жилая изба, а направо клѣть, которая можетъ служить для хозяйственныхъ надобностей, но можетъ превращаться, какъ повсемѣстно, и въ дополнительное жилое помѣщеніе—горницу. Такимъ образомъ, жилище въ данной избѣ, въ отдѣльности взятое, представляетъ обычное трехраздѣльное жилье. Но къ нему пристроена и подведена подъ одну съ жильемъ крышу хозяйственная часть, а именно сѣнники (малый и большой), служащіе для склада сѣна, соломы, храненія телѣгъ, сбруи и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Въ сѣнники два входа: одинъ черезъ сѣни, другой черезъ особый взъѣздъ снаружи; кромѣ того, имѣется еще лѣстница съ люкомъ, соединяющая сѣникъ съ нижними помѣщеніями.

Если-бы помянутыми помѣщеніями, т. е. сѣнями, избой и клѣтью съ одной стороны, и сѣникомъ съ другой, ограничивалось все зданіе, то мы имѣли бы передъ собой обычное жилище, отличительной чертой котораго явилось бы покрытіе примыкающей къ избѣ хозяйственной части одной съ нимъ крышей.

Но въ настоящей избѣ есть еще особенность, которая съ перваго взгляда выдѣляетъ ее въ чуждый другимъ славянскимъ постройкамъ типъ. А именно, описываемая изба высоко поднята на срубѣ, образующемъ вполнѣ развитой нижній этажъ. Его внутреннее раздѣленіе совершенно соотвѣтствуетъ такому же раздѣленію верхняго этажа. Подъ сѣнями помѣщается *подсѣнье*, снабженное (вмѣсто дверей) двумя воротами, что придаетъ ему характеръ проѣзда, какъ бы навѣса. Подъ избой находится *подполье* или *подклѣть*. Это помѣщеніе служитъ въ описываемой избѣ мѣстомъ нахожденія куръ и гусей. Однако въ другихъ избахъ Вологодской губерніи это помѣщеніе (напр. въ избахъ, изображенныхъ на рис. 191 и 192) можетъ быть приспособлено и для жилья. Затѣмъ, подъ клѣтью устроено два помѣщенія (вмѣстѣ они называются также *подклѣтью*): *мшаникъ*—кладовая для крупы и муки и *стайка*—для мелкаго скота. Подъ сѣникомъ, наконецъ, находится *дворище*, отводимое для крупнаго скота и лошадей.

Общій ходъ развитія описанной и ей подобныхъ избъ мы можемъ себѣ представить въ слѣдующемъ видѣ: образовавшаяся обычнымъ порядкомъ трехраздѣльная изба ставилась на высокій срубъ,

который эксплоатировался для хозяйственныхъ надобностей сначала вѣроятно только для мелкаго скота, а затѣмъ въ качествѣ кладовой. И то и другое помѣщеніе, съ развитіемъ (ростомъ) сруба, увеличивалось и превратилось въ обширное помѣщеніе, равное цѣлому этажу. Наряду съ этимъ примыкавшее къ жилищу дворище (дворъ), которое отводилось скоту, окружалось срубомъ, покрывалось крышей; съ ростомъ сруба отдѣлялось верхнее помѣщеніе для сѣна, давшее впослѣдствіи развитой верхній хозяйственный этажъ—сѣнникъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія для жилья приспосабливалась и часть нижняго этажа, при чемъ подполье или подклѣть частью, либо всецѣло, занималось подъ дополнительное жилище (рис. 191, 192).

Ближайшими факторами, послужившими къ указанному развитію дома, были: съ одной стороны, обиліе лѣса, позволявшее не стѣсняться количествомъ матеріала, а съ другой—суровость климата и продолжительность зимы, вынуждавшія приблизить хлѣва, кладовыя, сѣновалы и другія хозяйственныя помѣщенія къ жилищу, а затѣмъ и включить ихъ съ ними въ одну постройку, т. е. централизировать всѣ помѣщенія.

Въ описанной избѣ интересно отмѣтить, что второй этажъ получилъ свое развитіе изъ подполья, а не изъ чердака, какъ это наблюдается въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами. У словинцевъ напр., гдѣ двухэтажные дома каменные или полукаменные не представляютъ рѣдкости, верхній этажъ, какъ то не трудно прослѣдить, получилъ свое развитіе изъ чердака. А именно въ немъ нерѣдко устраивается со стороны фронта маленькая коморка (*камерца*), которая и является первой ячеей верхняго этажа. Такихъ коморокъ можетъ быть и двѣ и четыре—въ каждомъ углу чердака по одной. Развиваясь, камерцы получаютъ окна на щитѣ фронтона (рис. 79), составляя все еще явную принадлежность чердака, который, удѣливъ часть своего помѣщенія подъ камерцу, сохраняетъ въ остальной своей части прежнюю свою натуру. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія верхняго этажа, чердакъ поднимается надъ камерцами (рис. 76), которыя составляютъ уже ясно верхній, хотя и небольшихъ размѣровъ, этажъ. Затѣмъ, послѣдній уже явно надстраивается надъ нижнимъ, при чемъ нерѣдко послѣдній каменный, тогда какъ верхній, сложенный изъ сруба, образуетъ такъ называемую *горнюю хижу* (рис. 81). Наконецъ, верхній этажъ у словинскаго дома можетъ достигнуть полнаго своего развитія, при чемъ онъ, какъ и нижній этажъ, представляетъ трехраздѣльное жилье, состоящее изъ сѣней (*вѣжи*), избы (*хиши*) и горницы (*чумнаты*).

Изба изъ Тверской губерніи, изображенная у насъ на рис. 106, равнымъ образомъ является какъ бы чуждой постройкой для Сѣверо-Западнаго края. А между тѣмъ собственно жилье въ этой постройкѣ тождественно съ бѣлорусской хатой въ ея типичныхъ, отчасти устарѣвающихъ теперь, формахъ. Если же мы возьмемъ основу бѣлорусскаго жилья, т. е. преимущественно хату, состоящую лишь изъ двухъ помѣщеній: хаты и сѣней, то такое жилище (напримѣръ рис. 1, 4, 5, 8, 11, 16, 18, 59, 117, 118, 125, 129, 134, 136, 137, 139, 141, 145, 174), какъ уже указано, тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ въ конструктивномъ отношеніи не только къ избѣ великорусса (рис. 67, 172, 176) и къ хатѣ малорусса (напримѣръ рис. 70, 71, 161, особенно если она не мазанка и не глинобитная постройка), но и къ халупѣ-хатѣ-избѣ поляка (рис. 142, 143, 144) и къ халупѣ-избѣ чеха (рис. 146) и къ хишѣ-кочѣ словинца (рис. 74, 75, 78) и къ хатѣ-хишѣ-избѣ словака и къ жилому дому лужичанина (рис. 188). Жилище многихъ славянъ напримѣръ великоруссовъ (рис. 179, 180, 191, 192), и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у словинцевъ (рис. 79), ушло далеко въ своемъ развитіи впередъ и не въ развитыхъ постройкахъ надлежитъ искать сходство съ постройками Сѣверо-Западнаго края, а въ тѣхъ жилищахъ, которыя, стоя на болѣе низкой ступени, рельефно выдѣляются характерными чертами, не оставляющими сомнѣнія, что болѣе или менѣе всѣ жилища славянъ, по крайней мѣрѣ до Балканскаго полуострова и въ томъ числѣ обитателей нашего края, сооружены на общихъ для всѣхъ основаніяхъ.

Эти основанія лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ жилья, маскировались и жилище превращалось въ постройку помѣстнаго типа. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что уже малѣйшее измѣненіе въ матеріалѣ или способѣ его употребленія сравнительно весьма значительно мѣняютъ для глаза наблюдателя внѣшность зданія. Такъ напримѣръ, бревна неотесанныя (кругляки) придаютъ сооруженію отличительный характеръ (рис. 125) отъ зданія, построеннаго, хотя бы и на тѣхъ же основаніяхъ, но изъ бревенъ

отесанныхъ (рис. 11, 12). Ошалевка сруба (рис. 20) въ еще большей мѣрѣ мѣняетъ внѣшность дома. А между тѣмъ и отесанныя бревна и шалевка знаменуютъ лишь степень прогресса въ дѣлѣ развитія постройки, не мѣняя ея существа. Засимъ весьма опредѣленно мѣняетъ обликъ зданія крыша въ зависимости отъ того, четырехъ ли скатная она, или же двускатная (рис. 1, 8, 11, 16 и др.). Нами въ своемъ мѣстѣ уже указано, что и бѣлоруссы и великоруссы прибѣгаютъ къ покрытію хаты и избы обоими способами. Поэтому въ данномъ случаѣ разности покрытія невозможно придавать чрезмѣрно важнаго значенія. Мы ранѣе высказали, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ четырехскатная крыша, по нашему мнѣнію, должна быть признана болѣе ранней, а двускатная позднѣйшею по своему происхожденію. Такъ какъ хата малорусса типично четырехскатная, а изба великорусса обыкновенно двускатная и такъ какъ двускатная крыша бѣлорусской хаты встрѣчается преимущественно на востокѣ края, можно высказать предположеніе, что форма крыши бѣлорусской хаты измѣнилась подъ вліяніемъ великорусскаго населенія. Далѣе, обликъ зданія въ значительной мѣрѣ мѣняется въ зависимости отъ большей или меньшей крутизны крыши, отъ способа ея покрытія (напримѣръ рис. 20, 23, 25, 26) и особенно, конечно, отъ матеріала, служащаго для сооруженія крыши. Въ отношеніи крутизны крыши достаточно сопоставить словинскую хишу-кочу, изображенную на рис. 78, великорусскую избу (рис. 67) и бѣлорусскую хату (рис. 117). Рисунки эти наглядно показываютъ насколько наименѣе крутая крыша избы, весьма крутая крыша хиши-кочи и средняя по крутизнѣ крыша хаты придаютъ своеобразный оттѣнокъ данному зданію, отличающемуся, благодаря своей крышѣ, отъ другихъ. Появленія вальмы, (лобяка, рис. 15, 46, 74) или окопа (рис. 4, 5, 6, 7, 119, 142, 143, 145), въ сущности придатковъ незначительныхъ, въ свою очередь, оттѣняетъ характеръ дома. Количество оконъ съ своей стороны мѣняетъ общую физіономію постройки. Въ этомъ отношеніи достаточно сопоставить хату по-

лѣшука или лужичанина съ однимъ фронтоннымъ окномъ (рис. 12, 188), хату бѣлорусса съ двумя такими окнами (рис. 11) и избу великорусса и хижу словинца съ тремя окнами (рис. 78, 105, 172, 176).

Если хата Сѣверо-Западнаго края покрыта двускатной крышей, то она болѣе приближается къ избѣ великорусса, какъ въ этомъ можетъ убѣдить рядъ фотографическихъ снимковъ изъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской, Минской, Тверской и Московской губерній (рис. 11, 16, 18, 105, 117, 125, 134, 136, 172, 174, 176). Близость эта увеличивается, если хата выстроена не изъ отесанныхъ бревенъ, а изъ кругляковъ; напримѣръ хаты изъ Витебской губерніи (рис. 16 и 154), Могилевской (рис. 134) и Минской (рис. 125, 136 и 137) не оставляютъ сомнѣній почти въ полной тождественности съ великорусскими избами изъ Тверской и Московской губерній, изображенными на рис. 67, 105, 172, 176. Другъ отъ друга ихъ отличаютъ такія детали, которымъ невозможно придавать какого либо мало-мальски важнаго значенія. Но если почти полная тождественность несомнѣнна между двускатными хатами Сѣверо-Западнаго края и двускатными избами великороссовъ, то зданія эти несомнѣнно весьма тѣсно примыкаютъ и къ жилищамъ и другихъ славянскихъ народовъ, напримѣръ поляковъ (рис. 142 и 143), чеховъ (рис. 146), лужичанъ (рис. 188) и словинцевъ (рис. 75 и 78). При разсмотрѣніи перечисленныхъ рисунковъ едва ли можно сомнѣваться, что мы отъ Волги до Балканскаго полуострова имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же жильемъ.

Останавливаясь на хатахъ Сѣверо-Западнаго края, покрытыхъ не двускатной, а четырехскатной крышей, мы не можемъ не найти большой близости между ними и хатами малорусскими. Примѣромъ могутъ служить хаты изъ Гродненской губерніи (рис. 1, 8, 14, 59, 102, 119), Виленской (рис. 53, 108, 129) и Могилевской (рис. 126), которыя по общему своему облику тѣсно примыкаютъ къ малороссійскимъ хатамъ Харьковской,

Черниговской и Екатеринославской губерній (рис. 70, 71, 72, 127, 161, 162, 163). И тѣ и другія хаты сближаются, благодаря формѣ крыши, и съ четырехскатными великорусскими избами (рис. 170) и съ хатами-избами-халупами нѣкоторыхъ мѣстностей, заселенныхъ поляками (рис. 144). Надо имѣть въ виду, что отмѣченная близость бѣлорусскихъ хатъ съ малорусскими срубчатыми выступала бы рельефнѣе, если бы малороссы не имѣли обыкновенія свои хаты бѣлить. Эта бѣлка придаетъ совершенно своеобразный характеръ жилью малоросса, маскируя матеріалъ, изъ котораго сдѣлана его хата. Такъ, зданія, изображенныя на рис. 70, 71, 72, 127, 161, 162, 163, однородныя по своему облику и отличающіяся своею цѣльностью отъ приведенныхъ выше хатъ Сѣверо-Западнаго края—утратили бы эту цѣльность, если бы отсутствовала бѣлка. Дѣло въ томъ, что отмѣченныя хаты, изображенныя на рис. 70, 71 и 161, построены изъ прочныхъ дубовыхъ бревенъ; хата на рис. 127—есть мазанка, а хаты на рис. 72, 162 и 163—глинобитныя постройки. Та же бѣлка и такой придатокъ какъ призба приближаетъ до степени полной тождественности къ малорусскимъ хатамъ дома (касы) молдаванъ Бессарабской губерніи независимо отъ того мазанки ли послѣднія (рис. 182, 183), или глинобитныя постройки (рис. 190), а равно кышты болгаръ (рис. 197), какъ и хаты руснаковъ (рис. 198, 201).

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ насколько мѣняется обликъ зданія отъ употребленія разнаго строительнаго матеріала и насколько значеніе этого матеріала для внѣшняго облика постройки теряется, разъ матеріалъ этотъ маскируется. Въ отношеніи значенія матеріала, какъ фактора, мѣняющаго зданіе, достаточно привести, кромѣ указанныхъ, еще слѣдующіе примѣры. Словинская хиша, изображенная на рис. 80, совершенно тождественна по своему устройству съ хишей (кучей), изображенной на рис. 78, а между тѣмъ онѣ кажутся различными благодаря тому, что первая изъ нихъ оштукатурена и покрыта деревянной крышей, тогда какъ вторая сохранила срубъ въ его

первоначальномъ видѣ и покрыта соломой. То же самое можно сказать о словинскихъ домахъ, изображенныхъ на рис. 77, 78 и 79, изъ которыхъ первый выстроенъ изъ дерева и камня, второй только изъ дерева, а третій только изъ камня съ развитымъ чердачнымъ помѣщеніемъ. Послѣ всего сказаннаго станетъ понятнымъ, почему каменныя зданія южныхъ, преимущественно балканскихъ, славянъ представляются чуждыми остальному славянству постройками (рис. 93, 147, 193, 194), тогда какъ и они зачастую примыкаютъ къ общему типу славянскаго жилья, какъ постройки обычно двухъ и трехраздѣльнаго типа. Наконецъ надо отмѣтить, что замѣчаемое даже значительное различіе между жилищами разныхъ мѣстъ представляется кажущимся. Такъ напримѣръ, съ перваго взгляда двѣ избы изъ Московской губерніи, изображенныя на рис. 171 и 175, рѣзко отличаются по всей своей конструкціи отъ бѣлорусскихъ хатъ и остальныхъ великорусскихъ избъ (напримѣръ, рис. 170 и 174). Между тѣмъ въ дѣйствительности мы имѣемъ передъ собою лишь нѣсколько измѣненныя нѣкоторымъ развитіемъ обычныя двураздѣльныя постройки. Развитіе это заключается въ томъ, что въ домѣ, изображенномъ на рис. 171, поставлены рядомъ двѣ двураздѣльныя избы, соединенныя общими сѣнями, имѣющими выходъ на улицу. Въ домѣ же, изображенномъ на рис. 175, такія же двѣ избы соединены внѣшнимъ образомъ наружными навѣсами, не сообщаясь между собою внутреннимъ ходомъ.

Если отмѣченные факторы, мѣняя внѣшній обликъ постройки, отдаляютъ другъ отъ друга общія по существу жилища славянъ разныхъ мѣстностей, то отдаленіе это становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ зданіе дальше ушло по пути своего общаго или чисто мѣстнаго развитія. Достаточно взглянуть на рис. 106, изображающій избу богатаго крестьянина изъ Тверской губерніи, чтобы убѣдиться, насколько рѣзьба, столь характерная многимъ мѣстностямъ Великоруссіи, насколько, далѣе, пристроенное рѣзное крылечко, рѣзной мезонинъ измѣняютъ первоначальный характеръ дома, въ существѣ своемъ совершенно не измѣнившійся. Достаточно далѣе сравнить хиши словинца, изображенныя на

рис. 75, 76 и 78, чтобы убѣдиться въ какой степени мѣняется внѣшній обликъ дома, благодаря приподнятому фундаменту и развившемуся чердачному помѣщенію, снабженному висячей галлерейкой, какъ то видно на хижѣ, изображенной на рис. 76. Весьма перерождаетъ обликъ великорусскаго дома усвоенная великоруссами во многихъ мѣстностяхъ манера высоко поднимать подполье или подъизбицу *), такъ что изба часто получаетъ характеръ даже двухэтажнаго зданія (рис. 179), или соединять съ избой въ одинъ комплексъ хозяйственныя постройки (рис. 180, 191, 192). Этотъ послѣдній способъ, благодаря которому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крытый дворъ органически сливается съ жильемъ, порождаетъ, какъ указывалось выше, совершенно своеобразнаго характера жилой домъ (рис. 180), особо сложный, если онъ при этомъ съ двумя жилыми этажами, (рис. 192). То же самое слѣдуетъ сказать и про дома другихъ славянъ, у которыхъ жилище нерѣдко и благодаря матеріалу и благодаря развитію подчасъ мѣняется до неузнаваемости, какъ то, напримѣръ, видно на домахъ: приморскаго хорвата (рис. 151) или словинца (рис. 81).

Между тѣмъ оба дома обычной конструкціи: первый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ этажей, при чемъ каждый изъ нихъ включаетъ двураздѣльное жилье. Словинская же хиша, изображенная на рис. 81, представляетъ трехраздѣльное жилище, имѣющее срубчатую надстройку (gornja hiša) съ двумя комнатками (kamerca).

Хата Сѣверо-Западнаго края не знаетъ развитія въ двухъэтажное зданіе и потому типъ ея болѣе однороденъ и съ большею легкостью поддается анализу, въ виду меньшей сложности сооруженія.

Если мы обратимся къ внутреннему строенію жилого дома въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то и въ немъ мы найдемъ совершенно опредѣленныя болѣе или менѣе обще-славянскія основы.

*) Въ Нижегородской губерніи напримѣръ крестьянинъ, по словамъ В. Бабарыкина (село Васильевское Нижегородской губерніи „Этнографическій Сборникъ“, I, 1853 г.) въ высотѣ избы полагаетъ главное свое тщеславіе.

Первая изъ нихъ жилая хата, являющаяся важнѣйшей ячеей. Она характеризуется наличностью печи, обѣденнаго стола, лавками вдоль стѣны, нарою для сна и иконами, помѣщаемыми въ красномъ углу. Совершенно такую же ячею, хотя и не всегда основную, мы встрѣчаемъ во всемъ русскомъ племени, далѣе у поляковъ, чеховъ, словинцевъ, словаковъ, лужичанъ и хорватовъ. Она называется либо хатой, либо избой (это наименованіе ея наиболѣе распространено), либо хишей. Отмѣченная ячея столь характерна для большей части славянскаго міра, что не только помянутые предметы встрѣчаются повсемѣстно, но они въ громадномъ большинствѣ случаевъ занимаютъ тождественное положеніе: печь у двери; за нею вдоль стѣны нара или кровать; наискось отъ печи столъ въ кутѣ, по стѣнамъ, образующимъ кутъ, лавки.

Къ основной ячеѣ-хатѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ присоединяется другая ячея, имѣющая дополнительное значеніе—это сѣни. При наличности ихъ жилой домъ превращается въ двураздѣльную постройку. Совершенно то же мы встрѣчаемъ, опять таки, во всемъ славянскомъ мірѣ до Балканскаго полуострова. Нѣкоторое исключеніе дѣлаютъ лишь дома южныхъ славянъ, у которыхъ роль сѣней исполняетъ, хотя и вполнѣ аналогичное, но не тождественное по происхожденію, помѣщеніе, съ несвойственной сѣнямъ важной особенностью—очагомъ, на который обыкновенно выходитъ устье печи, лежащей, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ избѣ-хишѣ-хатѣ. Часть сѣней повсемѣстно, какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, можетъ быть удѣлена подъ кладовую, занимающую заднюю часть сѣней и носящую разнообразныя наименованія.

Ходъ дальнѣйшаго развитія жилого дома въ Сѣверо-Западномъ краѣ тотъ же, что и въ другихъ мѣстностяхъ, заселенныхъ славянами, за исключеніемъ Балканскаго полуострова, а именно: съ противоположной хатѣ, или избѣ, или хиши стороны сѣней (вѣжи-кучи) образуется новое помѣщеніе,

имѣющее выходъ въ сѣни. Первоначально оно имѣло вѣроятно повсѣмѣстно значеніе хлѣва; впослѣдствіи оно было превращено въ кладовую. Наименованія этого помѣщенія весьма разнообразны, по повидимому основнымъ его наименованіемъ, по крайней мѣрѣ мѣстами, являлась клѣть. Впослѣдствіи слово это замѣнилось иными, изъ которыхъ наиболѣе распространеннымъ является комора, камара и т. п. Для Сѣверо-Западнаго края особо отмѣтить слѣдуетъ, что помянутое третье помѣщеніе носитъ иногда названіе истопки, т. е. имя родоначальницы, какъ мы полагаемъ, избы. Это третье, собственно, хозяйственное помѣщеніе, знаменующее значительное развитіе жилья, имѣетъ повсемѣстно склонность перерождаться въ жилой покой. Оно либо продолжаетъ носить наименованіе коморы, либо называется комнатой, или чумнатой, или горницей, или свѣтлицей, или второй хатой, холодной, лѣтней избой.

Такое раздѣленіе жилого дома на три части: на жилую ячею, на вспомогательное помѣщеніе—сѣни или соотвѣтствующее имъ основное помѣщеніе—кучи или вѣжи и на дополнительное помѣщеніе, служащее либо хлѣвомъ, либо кладовой, либо вторымъ жилымъ помѣщеніемъ, нерѣдко знаменующимъ извѣстный комфортъ, весьма характерно для жилого дома Сѣверо-Западнаго края, всей остальной Россіи и земель, заселенныхъ поляками, чехами, словаками, словинцами, лужичанами и хорватами.

Въ дальнѣйшемъ развитіи дома важно отмѣтить и еще одну общую для славянскаго міра черту, а именно то, что мѣсто наръ, отъ печи къ фронтонной стѣнѣ, отдѣляется въ особое помѣщеніе, служащее спальней. Въ остальномъ развитіе жилого дома касается уже бо́льшихъ деталей, общихъ либо тѣмъ, либо другимъ мѣстностямъ. Къ нимъ можно причислить напримѣръ образованіе кухни, которая при развитіи жилья переносится въ сѣни, или въ часть ихъ. Процессъ этотъ совершается самъ собою въ тѣхъ постройкахъ, въ которыхъ сѣни замѣняются помѣщеніемъ съ очагомъ. При этомъ очагъ нерѣдко сдвигается въ заднюю

часть помѣщенія, которая отгораживается отъ передней; эта же послѣдняя, очищаясь отъ очага, превращается въ прихожую, т. е. сѣни. Кухня можетъ выдѣляться и инымъ образомъ. А именно, печь въ избѣ-хатѣ отгораживается стѣнкой отъ остального простора жилья. Такой способъ выдѣленія кухни приводитъ при развитіи къ тому, что вся изба превращается въ кухню и передъ ней (по фронтону) пристраивается новое собственно жилое помѣщеніе.

Всѣ эти детали конечно не мѣняютъ единства славянскаго дома, единства, имѣющаго столь наглядное выраженіе въ общности наименованій и самого жилого дома и его отдѣльныхъ частей и даже главнѣйшихъ предметовъ обычнаго инвентаря.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВЪ.

I. По русской азбукѣ.

Авлија—156.
Адрина—88.
Азгорода—159.
Ајат—71.
Акно—52.
Амамджик—139.
Амбарча—114.
Амбаръ—72, 93, 102, 106, 107, 112, 113, 114, 133, 249, 250, 252, 292.
Амшаникъ—84.
Анбаръ—114.
Ангельки—186.
Анкиръ—263.
Аплетъ—157.
Аслонъ—204.
Астал—205.
Атешликъ—232.
Ар—84.
Аралукъ—230.
Асеть—91.
Ахъръ—84.

Бабура—191.
Баджа—55, 232.
Баджакъ—232.
Балка—201.
Балька—201.
Балька—196, 201.
Баляса—157.
Баляска—157.
Баляспна—159.
Балясникъ—157.
Баница—139.
Банья—138.
Баня—138.
Барканъ—160.
Басамаке—58.
Басамаци—58.
Бачія—84.
Бирог—246.
Боговница—207.
Божéнка—207.
Божница—201, 207.
Божничка—207.
Божóнка—207.
Божьница—207.
Бозьница—207.
Боковушка—259.
Болонка—52.
Болта—246.
Большой уголъ—201.
Бома—49.
Бочило—84.
Брама—163.
Брана—163.
Брогъ—99.
Брукъ—159.
Брусь—196.
Буда—72, 115, 239, 292.
Будивля—72.
Будка—72, 84, 107, 250.
Будова—72.
Будовля—72, 141.
Будъ—72.
Будынекъ—71, 72.
Будынокъ—61, 71, 72.
Бурдей—45, 67, 69, 233.
Бурделница—69.
Бурделъ—67, 69, 130.
Бутка—72.
Бѣлая изба—120.

Вајат—71, 251.
Вајата—71, 77.
Вазауня—100.
Вазовня—100, 104, 105.
Вазуня—100, 105.
Вальма—46, 316.
Варевня—115, 117, 247, 275, 276, 278.
Варево—117.
Варивня—117.
Варивo —117.
Варильня—117.
Варовня—117.
Варэуня—117.
Вас—144.
Ватра—192.
Ватрище—192.
Ввозъ—154.
Вежа—108, 220, 221, 290, (см. вѣжа).
Вертнико—162.
Верхникъ—185.
Верховая хата—69.
Верхъ—185.
Вёска—142.
Весники—161.
Веснякъ—144.
Веснянка—144.
Вестибюль—219.
Весца—144.
Весь—142, 144, 150, 151.
Взъѣздъ—312.

Вивчарня—84.
Вивчынецъ—84.
Викно—55.
Виконныця—55.
Вильчикъ—48.
Вимбаръ—114.
Вобразы—201.
Вогнище—193.
Возовня—102.
Волоковое окно—52, 53.
Вокно—52.
Воконко—52.
Воконница—53.
Воконце—52.
Вокошечко—52.
Вокошко—52.
Ворота—161, 162.
Вороты—161, 162.
Воруна—191.
Восеть—91.
Вотеръ—192.
Врака—162.
Врата—162.
Врати—162.
Вратило—163.
Вратица—162.
Вратища—162.
Вратло—162.
Вратникъ—162.
Вратница—163.
Вратниче—162.
Вратничка—162.
Вратня—162.
Врахъ—93.
Врзина—85.
Врубка—191.
Вулица—76, 86, 151.
Вулка—86, 151.
Вулыця—153.
Вурнія—191.
Вуруна—191.
Выселокъ—144.
Выступъ—49.
Вышка—73, 261, 271.
Вьсь—144.
Вьсъ—150.
Вѣжа—220, 222, 223, 226, 232, 233, 245, 290, 294, 295, 296, 314.
Вѣжка—222.
Вѣнокъ—39.

Гамазея—250.
Ганакъ—99.
Ганекъ—57, 59, 105.
Ганки—57.
Ганокъ—57, 59, 99.
Ганыкъ—105.
Ганэкъ—57, 59.
Гат—137.
Глада—246.
Гладкій уголъ—39.
Глина—30.
Глинобитка—318.
Гобецъ—251.
Говбецъ—251.
Голбецъ—251, 312.
Голубецъ—251, 312.
Гонтъ—40, 48.
Гора—271.
Горенка—111, 259.
Горпще—271.
Горнича—259.
Горница—51, 73, 121, 256, 258, 259, 260, 312, 313.
Городецъ—148.
Городище—148.
Городиште—148.
Горожа—159, 160.
Городъ—147, 148, 149.
Городыще—148.
Городьба—148.
Горыще—271.
Горьница—258.
Готварница—268.
Град—148.
Градарь—148.
Градежъ—148.
Градец—148.
Градиво—148.
Градина—148.
Градинка—148.
Градиско—148.
Градиште—148.
Градище—148.
Градка—205.
Градъ—148, 149, 151.
Гражъ—84, 148.
Граѣевина—161.
Род—148.
Груба—190, 191.
Грубка—190, 191, 266.
Групка—190.
Грьница—258.
Грънци—191.
Гувно—93.
Гумбедъ—191.
Гуменникъ—93.
Гуменце—88.
Гумнище—153.
Гумно—44, 85, 88, 90, 93, 153.

Дахъ—51, 196, 272.
Дашокъ—100, 101.
Двера—163.
Двери—161, 162, 163.
Дверы—163.
Дверь—55, 163.
Двиръ—155.
Двойчакъ—49.
Двор—155.

Дворацъ—155.
Дворекъ—154.
Дворецъ—154, 155, 239.
Двори—103, 155.
Дворина—154.
Дворище—155.
Дворище—154, 155, 312, 313.
Дворове—155.
Дворокъ—154.
Дворча—155.
Дворочикъ—154.
Дворъ—81, 83, 103, 151, 153, 154, 155.
Двухжильная изба—120.
Двухжирная изба—120.
Двьрьникъ—163.
Двьрьца—163.
Демир-оджак—192.
Денникъ—153, 156.
Деревня—141, 142, 143.
Дерево—29, 31, 33.
Дзвери—161.
Дзеникъ—153.
Дзюрка—184, 187.
Дзярэуня—142, 143.
Диванхана—272.
Диминьак—194.
Димник—194.
Димъ—72.
Долафъ—251.
Долонь—94.
Дом—72.
Домикъ—61.
Домъ—61, 63, 71, 72, 121, 278.
Драбина—215, 270.
Дрань—40, 57.
Древникъ—105.
Дробина—270.
Дровникъ—105.
Дровитня—105.
Друки—91.
Духовая печь—190.
Душникъ—136.
Дыля—39.
Дымаръ—194.
Дымарь—194.
Дымникъ—189, 194, 312.
Дымница—194.
Дымнякъ—194.
Дыра—185.
Дядинецъ—86, 153.
Дянникъ—81, 153.

Евинка—91.
Евинъ—95.
Евня—91.
Евь—232.
Евья—95.
Егрекъ—84.
Еуня—91.

Жерло—133, 136. 270.
Жерны—214.
Жилле—141.
Житенка—114.
Житница—114, 115.
Житня—114.
Жито—115.
Житовня—115.
Житье—73.
Жицце—быцце—141.
Жорна—214.
Жорау—214.

Забороло—160.
Заборъ—160.
Заброло—160.
Завалина—35, 36.
Заваленка—36.
Завалинка—34, 35.
Завальня—35.
Загнетокъ—186.
Загнетъ—186.
Загородка—161.
Загорожа—159.
Заград—161.
Заграда—161.
Загуменье—90.
Задвора—155.
Задворенка—155.
Задвориня—155.
Задворица—155.
Задворня—155.
Задворокъ—155.
Задворъ—155.
Задворье—155.
Задникъ—113, 250.
Задница—250.
Задняя изба—113.
Задцы—312.
Закута—79, 84, 228.
Закутак—229.
Закутокъ—228.
Закутка—228.
Закутки—229.
Закутъ—228.
Закутье—228.
Закуцце—228.
Залобъ—46.
Заложешникъ—205.
Заметъ—159.
Замокъ—39.
Запечка—189.
Запечное окно—55.
Запечча—189.
Запечче—189.
Запечь—189, 203.
Запечье—189, 262.
Заплетъ—159.
Запыкъ—203.
Запычне—262.

Запычне окно—55.
Засада—36.
Засинац—219.
Засклепъ—136.
Засторона—90.
Засторонокъ—90.
Застрѣха—51.
Застрѣхъ—51.
Застрѣшекъ—48.
Застрѣшникъ—48.
Застрѣшокъ—46.
Застѣнокъ—144, 147.
Засѣка—105.
Затинъ—160.
Заулокъ—153.
Захата—76.
Защитъ—46.
Защитокъ—46.
Збижныця—115.
Зграда—161.
Зевникъ—137.
Землянка—29, 30, 42, 43, 45, 64, 65, 66, 69, 73, 83, 109, 114, 123, 126, 130, 131, 175, 223, 233, 287, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 301, 302, 303, 310.
Земникъ—137.
Земныкъ—137.
Земская изба—120.
Земуница—67.
Земя—200.
Зимник—137.
Зодля—204.
Зристъ—240.
Зрубъ—37.
Зэдликъ—204.
Зэдэль—204.

Игрякъ—84.
Ижа—43, 67, 70, 83, 130, 223, 225, 291, 299.
Изба—36, 39, 40, 45, 61, 63, 64, 65, 73, 103, 109, 118, 120, 124, 129, 137, 175, 179, 233, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 267, 268, 278, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 300, 304, 305, 306, 307, 310, 311, 312, 315, 317, 319, 321.
Изгородь—81, 156, 161.
Изрубъ—37.
Изъба—118.
Илиа—139.
Истебка—117.
Истобка—119.
Истобъка—119.
Истопель—120.
Истопка—55, 61, 109, 115, 117, 118, 119, 120, 247, 248, 275, 276, 278, 284, 293, 322.
Истопкѣ на—271.
Истопля—120.
Истопня—120.
Истопокъ—119, 120.
Истопье—120.
Иструбъ—39.
Истьба—119.
Истэпка—117.
Исцепка—117, 255.

Кабица—192, 194.
Кабыця—191, 235.
Кабычка—235.
Кабычь—235.
Каганецъ—210.
Казенка—112.
Калдосъ—84
Калдось—84.
Камара—251, 252.
Камарица—252.
Камарка—252.
Камарца—252.
Камарча—252.
Камарчика—252.
Каменица—143.
Каменка—129, 138, 183.
Камень—30, 31, 33, 34.
Камера—251, 252.
Камина—272.
Каминокъ—193.
Каминъ—180, 193, 194.
Камора—252.
Каморка—252.
Камышъ—37, 40, 69.
Капіја—163.
Капја—163.
Каолдосъ—84.
Капежъ—46, 48.
Капня—163.
Каса—70, 302.
Катуха—84.
Кашта—84, 223.
Кганокъ—59.
Келяръ—137.
Кералъ—137.
Керхана—225.
Кибитка—245.
Килари—137.
Килери—137.
Килјер—137, 251.
Киляри—137.
Кимната—258.
Кинныця—83.
Кирпичъ—31, 34.
Кишъ—82, 240.
Кладовая—71, 137, 229, 247, 276, 277, 278, 291, 292, 321, 322.
Кладовка—247.
Кладовочка—247.
Клеписко—94.
Клет—113.

Клети—137.
Клеть—107, 113.
Клиjет—113.
Клить—112.
Клопа—207.
Клуня—42, 44, 45, 56, 88, 90, 92, 94, 95, 104.
Клупа—207.
Клѣтва—108.
Клѣтека—108.
Клѣтка—108, 112.
Клѣтуха—112.
Клѣтушка—112.
Клѣтца—112.
Клѣтька—108.
Клѣть—37, 64. 71, 72, 73, 97, 102, 105, 106, 107, 111, 127, 175, 178, 181, 219, 247, 248, 249, 250, 252, 253, 254, 255, 256, 259, 275, 276, 278. 291, 292, 294, 295, 296. 312.
Клѣць—106, 292.
Клюнкъ—194.
Ключъ—48.
Ковчегъ—208.
Ковчек—208.
Ковъчегъ—208.
Ковьчегъ—208.
Козликъ—48.
Козлы—48.
Козолецъ—95.
Козырокъ—46.
Колешня—100, 103.
Колиба—67, 73, 241, 242, 243, 291, 294, 295, 303.
Колибари—242.
Колибица—67, 242.
Колля—159.
Колница—105
Коло—103, 105.
Колыба—241, 243.
Колыбка—241.
Колэшня—100.
Комара—252.
Коменъ—193, 194.
Коменокъ—186.
Комин—194.
Комина—186.
Коминокъ—181, 186, 194.
Коминъ—181, 186, 187, 189, 192, 193, 194, 210, 211, 236.
Комирка—252.
Комирчыня—252.
Комната—51, 83, 103, 191, 219, 252, 253, 254, 256, 257, 275.
Комнатка—257.
Комора—56, 74, 106, 107, 115, 247, 252, 263, 275, 276, 291, 292.
Коморица—252.
Коморка—256.
Комынокъ—210.
Комэнъ—193.
Коневый стовбъ—204.
Конекъ—48.
Коникъ—227.
Коцjар—84.
Коноба—137. 251.
Конобъ—251.
Конобь—251.
Коновка—251.
Конушница—84.
Конь—184, 204.
Конюшница—84.
Конюшница—84.
Конюшня—79. 83.
Конюшьня—83.
Копежъ—48.
Копешъ—46.
Копка—186.
Коривныкъ—84.
Коровать—209.
Коровникъ—79.
Котара—240, 246.
Котац—84.
Коча—223, 226, 241, 288, 296.
Кочанъ—84.
Кочина—84.
Кошар—82, 84.
Кошара—79, 82, 83, 85.
Кошаръ—82.
Кошела—82.
Кошери—82.
Кошикъ—82.
Кошница—82.
Кошница—82, 83.
Кошня—82.
Кошова—82.
Кошовка—82.
Кошолка—82.
Кошъ—82. 85.
Кошьница—82.
Кошыкъ—82.
Кравать—209.
Кревет—209.
Крёква—48.
Крестоватикъ—121.
Крноце—58.
Кров—51.
Кровать—202, 204, 209.
Кровля—51.
Кровъ—51.
Кроква—48.
Круглякъ—39.
Крылце—58. 199. 312.
Крыльцо—57, 58, 199, 312
Крынка—208.
Крыша—40. 42. 48, 51, 316.
Кубла—105.
Кубки—186.
Кужина—268.
Куина—268.

Кукица—225.
Кукурузнякъ—82.
Кукя—223, 288.
Кукя чардакліа—271.
Кула—271.
Куликъ—49.
Кумбедъ—191.
Куминъ—194.
Курепь—67, 246.
Куринь—246.
Курная печь—177.
Ку (ы) стау—43.
Кут—229.
Кута—54.
Кутјара—225.
Кутјера—225.
Кутникъ—227, 228.
Кутнія окна—54.
Кутный вуголъ—202.
Кутокъ—228.
Кутъ—201, 227, 228, 289.
Куть—201, 227, 228.
Кутья—223, 288, 296, 299.
Кутя—225, 288.
Кутяне—227.
Куѣа—223.
Куѣара—240.
Куѣарица—246.
Куѣер—246.
Куѣера—240.
Куѣерица—246.
Куферокъ—205.
Куферъ—208.
Куфра—205.
Куфръ—205.
Кухарница—268.
Кухаръ—205.
Кухенка—267.
Кухинья—268.
Кухна—268.
Кухня—65, 121, 227, 230, 232, 237, 250, 258, 259, 261, 263, 267, 281, 283, 288, 292, 298, 322.
Кухоръ—205.
Куца—226.
Куць—228.
Куча—223, 225, 226, 229, 233, 240, 268, 288, 296, 299.
Кучара—225.
Кучарица—225.
Кучер—225.
Кучерица—225.
Кушица—227.
Кушта—225.
Куща—226, 227, 288, 294, 295, 296.
Кущица—227.
Кущникъ—227.
Кущьникъ—226.
Кюмбе—191.
Кюпецъ—194.
К҃тове—229.
К҃тища—229.
К҃ть—226.
К҃шта—223, 225, 226.
К҃ща—223, 225.
К҃щепце—225.
К҃щица—225.
К҃щовникъ—225.
К҃щя—225.
Къть—192, 225.
Къшла—84.
Кыминокъ—138.
Кымянокъ—138.
Кышта—70, 223, 288, 296, 302.
Кыща—288.

Лава—202, 207.
Лавашъ—190.
Лавица—207.
Лавка—207.
Ладонь—94.
Лажетникъ—205.
Лазня—44, 138.
Лата—49.
Лаука—202.
Лачуга—73.
Легало—209.
Легло—209.
Ледивня—137.
Ледникъ—132, 133, 137.
Ледовецъ—137.
Ледовня—137.
Ледовысько—137.
Лежакъ—189.
Лежанка—184, 187, 195.
Лежница—209.
Лемега—46.
Лесница—58.
Лёхъ—137.
Лижко—209.
Лимпачъ—302.
Лобъ—46.
Лобякъ—46, 47.
Ложа—209.
Ложикъ—202.
Ложка—202, 209.
Ложище—209.
Ложница—209, 263.
Лошадникъ—83.
Лошка—202, 209.
Лошко—209.

.Лужка—209.
.Лучина—187, 210, 211.
.Льдовня—137.
.Льохъ—137.
.Лѣсвица—270.
.Лѣтняя изба—121.
.Люшка 187.
.Лядовня—137.

Магаза—249.
Магазей—250.
Магазея—250.
Магазинокъ—248, 249.
Магазинъ—249.
Магазня—249.
Мазанка—65, 66, 69, 298, 301, 318.
Майданъ—153, 156.
Мандра—84.
Мандричка—84.
Маса—205.
Матица—196.
Мата—53.
Махзанъ—249.
Машинка—186.
Место—150.
Миндере—207.
Мисто—149.
Мистъ—199.
Мостина—199.
Мостки—199.
Мостовая—199.
Мостъ—105, 195, 199.
Мосты—199.
Мутвакъ—268.
Мшаникъ—84, 250, 312, 313.
Мшанникъ—84.
Мшенникъ—84, 259.
Мышеникъ—84.
Мэтки—49.
Мѣстечко—149.
Мѣсто—147. 149, 150, 151.
Мѣстэчко—147, 149.
Мѣсцечко—147, 149.
Мякинникъ—89.
Мястэчко—147, 149.

Навѣсъ—48, 51, 81, 93, 97. 217, 219.
Надворъ—153.
Накотъ—48.
Наличникъ—52.
Наметъ—101.
Напод—197.
Нара—202, 203.
Наслопъ—101.
Насрѣщньякъ—51, 101.
Настанак—240.
Настрешница—51, 101.
Наулокъ—153.
Нахирье—272.
Нахылъ—101.
Небо—187.
Нѣмецкій уголъ—39.

Обграда—161.
Обозъ—240.
Обора—79, 81, 85, 153
Оборина—81.
Оборница—81.
Оборокъ—81.
Оборохъ—81, 99, 244.
Оборочекъ—81.
Оборъ—81.
Оборь—81.
Образъ—201.
Овечникъ—79.
Овешникъ—84.
Овинъ—85, 90, 91, 95, 115.
Овчара—84.
Овчарница—84.
Овчарня—71. 84.
Овчарухъ—84.
Огнище—193.
Огнище—192, 193, 235.
Огныште—193.
Огнынце—193.
Огородь—160.
Огорожа—159, 160.
Ограда—160, 161.
Ограђа—161.
Огуменникъ—153.
Ода—246.
Одаа—84, 246.
Одая—84, 246.
Оджак—192.
Оджаклија—192.
Одрина—88, 101, 103, 108, 263.
Одринецъ—79, 101.
Одринка—101.
Одрына—96.
Одрыня—101.
Одъръ—58, 200.
Ожягъ—192.
Окапъ—48.
Окнишко—55.
Окнище—55.
Окно—47, 52, 55, 316.
Околица—144, 145.
Околня—145.
Окольница—145.
Окольность—145.
Околыця—145.
Оконичница—53.
Оконище—55.
Оконко—55.
Окониница—53, 55.
Оконце—55.
Окончина—55.
Окопъ—46, 47, 316.
Окошечко—55.
Окошко—55.

Окошишко—55.
Окъно—55.
Окъньце—55.
Ольшапникъ—84.
Омбаръ—114.
Омшапникъ—84.
Онбаръ—114.
Опечье—184.
Оруда—105.
Осётка—91.
Осеть—91.
Осець—91.
Осин—219.
Ослонь—207.
Оспов—36.
Основье—36.
Остовъ крыши—48, 51.
Остришапка—49.
Остришекъ—101.
Остришокъ—101.
Островки—91, 95.
Остроколъ—48, 159.
Острѣшованникъ—49.
Отынкованные дома—40.
Офицыня—256.
Очагъ—117, 178, 179, 180, 181, 183, 185, 210, 211, 223, 226, 229, 232, 234, 235, 237, 238, 254, 287, 298, 299.
Очарникъ—79.
Очелье—103.
Очепъ—39, 48.
Очолокъ—186.
Ошалевка—40.

Павалуша—73.
Пазулъ—272.
Пазъ—39.
Палати—203.
Палатка—101.
Палаты—184.
Палаци—203.
Палица—204.
Паличка—204.
Парка—49.
Парканъ—157, 160.
Паціятъ—46.
Пезулче—272.
Пезулъ—272.
Пекарня—267.
Пелюсть—187.
Пенджера—55.
Пенджура—55.
Передмистя—149.
Передній уголъ—201.
Переклѣтка—113.
Переклѣть—105.
Перелазъ—159.
Переплотъ—91, 95.
Перерѣзъ—106.
Переулокъ—153.
Петер—200, 272.
Петъ—191.
Пеѣина—191.
Пеѣка—191.
Печера—190.
Печка—191.
Печурка—186, 187.
Печь—91, 117, 129, 138, 177, 178, 183, 191, 233, 237, 238, 258, 259, 261, 287, 293, 298, 299.
Печь варевная—178.
Печь голландская—189.
Печь крыжовая—178.
Печь хлѣбовка—178.
Пешникъ—191.
Пещера—190, 191.
Пещь—190, 191.
Пищьница—191.
Пивница—137.
Пиддаша—272.
Пиддашка—101.
Пидлога—196.
Пидмура—36.
Пидстава—36.
Пижуль—207.
Пирадокъ—204.
Пичъ—178, 191.
Плетень—157, 159.
Плетина—159.
Плетница—159.
Плетъ—157, 159.
Плита—181, 186.
Плитъ—159.
Плот—159.
Плотове—159.
Плотъ—157, 159, 160.
Плужина—240, 246.
Поуйтъ—157.
Повалока—200, 271.
Поварьница—267.
Поварьня—267.
Повитка—84, 102.
Повить—102.
Повклѣць—106.
Повѣтка—44, 50, 97, 100, 102, 113.
Повѣточка—100, 102.
Повѣтъ—100, 102.
Повѣть—68, 74, 80, 86, 100, 102, 154.
Повѣтье—102.
Повѣць—100.
Погостъ—142.
Погребня—136, 249, 250.
Погребъ—69, 112, 132, 136, 250.
Под—197.
Подбоj—200.
Подвалина—35.
Подвалъ—132, 136.
Подворокъ—38, 98, 151.

Подграѣе—148.
Подземльушка—67.
Подземница—84.
Подизбица—135.
Подина—197.
Подклѣть—73, 108, 111, 135, 256, 312, 313.
Подкупье—200.
Подлог—207.
Подлога—195, 196, 197, 207.
Подлогај—207.
Подлогъ—195, 196, 197.
Подмостки—195.
Подмуровка—35.
Подмуровокъ—35.
Подмурокъ—35.
Подникъ—84, 199.
Подница—137.
Подокъ—197.
Подпечекъ—184, 187.
Подпечка—76, 184.
Подпечча—184.
Подпечче—184.
Подповѣтка—100.
Подполье—135, 184, 251, 257, 312, 313.
Подприпечекъ—184, 186, 187.
Подрубъ—34.
Подрум—137.
Подрумы—137.
Подстеб(п)ка—225, 285.
Подстрѣшье—48.
Подстѣнокъ—36.
Подстѣнье—36.
Подсѣнникъ—257, 312.
Подсѣнье—257, 312, 313.
Подумента—36.
Подшевъ—36.
Подъ—184, 197.
Подъ бому—49.
Подъ гребенку—49.
Подъизбица—257.
Подъ колосъ—49.
Подъ лопату—49.
Подъ прутъ—49.
Подъ стрѣховку—49.
Подъ щетку—49.
Појата—71, 97.
Појатак—71.
Појатица—71.
Покой—51, 262, 263.
Покотъ—196, 271.
Покривля—51.
Покриво—51.
Покривъ—51.
Покутнія окна—54.
Покутъ—201, 228.
Покуть—201, 203, 228.
Покутье—202, 228.
Покуцъ—201.
Покуць—228.
Полапъ—196, 200.
Полатки—203.
Полача—85.
Полесокъ—101.
Политка—207.
Полица—204, 207, 208.
Поличка—207.
Полка—207.
Половникъ—89.
Полокъ—138.
Поломента—36.
Полочка—207.
Полувенкъ—99.
Полугрубка—187.
Полъ—76, 138, 184, 196, 202.
Полы—203.
Полыня—208.
Помистъ—199.
Помостникъ—57.
Помостокъ—57.
Помостъ—199.
Понадворокъ—153.
Понджа—137.
Поница—137.
Поплотъ—157.
Поригъ—59.
Порогъ—58, 59.
Порожекъ—59.
Порожнишка—59.
Порожища—59.
Порта—163.
Порти—163.
Порты—163.
Порубь—111, 135.
Посадъ—150.
Постеліа—209.
Постелка—209.
Постель—209.
Постелья—209.
Постелытя—209.
Постеля—209.
Постиль—209.
Постлань—209.
Посцеля—202.
Потолокъ—196, 200, 272.
Призьба—35.
Потъ—197.
Пошопъ—137.
Поята—71.
Праг—59.
Прага—59.
Прагумень—153.
Прагъ—59.
Прадиште—59.
Праулокъ—153.
Превјача—240.
Предмѣстье—149, 150.
Предпечекъ—186.
Предпечное окно—55.

Предпечье—186.
Прелѣзъ—159.
Преничное окно—55.
Престолъ—205.
Прибой—85.
Привенъ—219.
Придѣлецъ—312.
Призба—35, 36, 37, 61, 121, 124, 272.
Призва—35.
Призьба—35, 36.
Приказная изба—120.
Приклѣтокъ—105.
Прилазникъ—138.
Примень—219.
Примы—219.
Примыльникъ—138.
Припечекъ—186.
Припечка—186, 187.
Припечь—186.
Припникъ—186.
Пристрѣше(о)къ—46, 47, 104.
Пристѣнокъ—249, 284.
Пристѣнъ—259.
Присьба—35.
Причелина—103.
Причелка—89.
Причелокъ—99, 102.
Причелье—46.
Причилка—103.
Пріебой—85.
Прійзба—124.
Пріймы—219.
Продуха—47, 270.
Прозорци—55.
Прозор—55.
Промень—219.
Просвѣтецъ—52, 312.
Просторище—155.
Протка—163.
Процивокъ—248.
Пругмень—90, 153.
Прутъ—49.
Пръля—205.
Прыгуменокъ—93.
Прызьба—35, 36.
Прыпыкъ—187.
Прысинокъ—219
Прысникъ—272.
Прысьба—35, 36.
Прѣзорци—55.
Прѣлазъ—159.
Пунька—97, 113, 261.
Пупя—44, 50, 68, 79, 80, 95, 96, 97, 100, 101.
Пывныця—137.
Пылаци—203
Пырканъ—157.
Пяреклѣть—105.
Пятистѣнокъ—121.
Пячурка—187.

Расадникъ—117, 181, 184.
Рея—88.
Рига—88, 95.
Ригачь—95.
Ридъ—200.
Рудная печь—177.
Рундукъ—58, 312.
Рысадникъ—184.
Рѣшетня—91.

Савардак—246.
Саграда—161.
Садъ—104.
Сажъ—84.
Салаш—82, 245.
Салашъ—245.
Сандук—208.
Сарае—225.
Сарай—71, 84, 96, 97, 100, 103, 225.
Сарај—103.
Сарайчикъ—103.
Свинарникъ—79.
Свининецъ—79.
Свиничникъ—79.
Свинушникъ—79.
Свинярня—79.
Свиренъ—106.
Свирень—106, 248.
Свирнъ—106.
Свиронокъ—106, 248.
Свиронъ—44, 50, 92, 105, 106, 248, 249.
Свитлонька—261.
Свитлыца—261.
Свѣсъ—48.
Свѣтелка—121, 254, 257, 260.
Свѣтлица—73, 257, 260, 261.
Свѣтскій уголъ—39.
Связь—278.
Сдепка—61.
Сдэпка—117, 119.
Селеніе—82, 143.
Селечко—142.
Селиба—143.
Селива—143.
Селидба—143.
Селитьба—143.
Селище—143.
Село—141, 142, 143, 150, 151.
Селце—143.
Сельбище—143.
Сельникъ—92, 250.
Сельница—97.
Сельничекъ—96.
Сельпыкъ—96.
Селпыкъ—96.
Сельце—142.
Сельцо—142.
Сен—219.
Сена—219.
Сенак—97.

Сенара—97
Сентья—101, 219.
Сильце—143.
Сини—219.
Синныця—97.
Синцы—219.
Сипы 213. 219.
Синэ—213.
Сіоница—97.
Скале—58.
Скалине—58.
Скедань—95.
Скирдъ—91.
Склад—115.
Складъ—248, 250.
Склепленния—136.
Склепъ—44. 136.
Склипенния—187.
Скляпенне—136, 187.
Скрина—205.
Скринка—208.
Скринъ—208.
Скриньа—208.
Окриня—205.
Скрыница—208.
Скрынка—208.
Скрынья—208.
Скрыня—205, 208.
Слончикъ—204.
Слопъ—204, 207.
Смѣтникъ—153.
Соба—125, 191, 193, 233, 261.
Собаджик—261.
Собаѣик—191.
Совра—205.
Солома—37, 40, 48, 49, 53, 57.
Соломенная крыша—49. 51.
Софра—205, 207.
Сохра—205.
Спальня—71, 103, 209, 250, 252, 253, 261, 279, 283, 322.
Спальняя изба—120.
Спижаренка—248.
Спижарня—117, 248, 250.
Спихлеръ—104, 248, 249.
Спускъ—48.
Срубъ—37, 39, 42, 65, 296, 297.
Ставка—240.
Ставни—53.
Ставня—55.
Стаенка—79.
Стан—83, 312.
Стайка—83, 312, 313.
Стайня—79, 83.
Стаja—83.
Стан—240, 242.
Станица—240.
Становище—239.
Станокъ—240.
Станція—256.
Станъ—239, 240, 289, 294, 295, 296, 299.
Старигград—148.
Стая—83, 85.
Стебка—117, 248.
Стель—200.
Стеля—200.
Стёпка—117.
Стигъ—95.
Стійло—83.
Сто—205.
Стовбъ—204.
Стог—96.
Стогъ—91, 95.
Стодола—79, 88, 90, 93, 95.
Стожокъ—91.
Стожэчекъ—91.
Стойло—83.
Стоја—83.
Столац—205.
Столецъ—205.
Столица—205.
Столка—204.
Столовая изба—120.
Столокъ—204.
Стóлпье—160.
Столъ—201, 205.
Столь—196, 200.
Стопа—59.
Стопень—59.
Стопка—61, 117, 119, 120.
Сторона—90.
Стреха—51.
Стриха—51.
Стрихъ—272.
Стромина—270.
Стропилина—200.
Стропило—200.
Стропильникъ—200.
Стропочка—200.
Стропъ—48. 196.
Струга—84.
Стрѣха—48. 51.
Стряпная—267.
Стряпня—227, 267.
Стула—205.
Стулъ—34, 195, 205.
Ступань—59.
Ступинь—59.
Ступникъ—59.
Ступница—59.
Стѣна—190, 256.
Стѣновка—190, 256, 266
Стѣнь—217.
Стэпка—117.
Сундукъ—208.
Сушня—95.
Схидъ—59.
Сходня—58.

Сходы—58.
Сыробойня—88, 94.
Сѣни—57, 58, 137, 138, 199, 213, 217, 219, 223, 239, 257, 273, 274, 275, 298, 299, 312, 321.
Сѣнки—213.
Сѣнникъ—108, 217, 219, 257, 312, 313.
Сѣнница—96, 97, 217, 219.
Сѣновалъ—95, 97.
Сѣнометъ—97.
Сѣнцы—213, 219, 281.
Сѣнь—217.
Сялиба,—141, 143, 144.
Сялидба—143.

Табиръ—240.
Таванъ—200, 272.
Такауня—90.
Тапачанъ—204.
Таплушка—267.
Темелек—36.
Темель—36.
Темныкъ—137.
Теплая изба—121.
Теплушка—267.
Теремъ—73, 271, 312.
Терло—84.
Тесъ—40.
Тикъ—94, 160.
Тинь—219.
Тіунская изба—120.
Тле—199.
Тло—199.
Токовня—90.
Токъ—44, 62. 88, 90, 93, 94, 195, 199.
Топлюшка—267, 268.
Топцанъ—204.
Топцяникъ—204.
Топчанъ—204.
Тор—85.
Торг—149.
Торги—149.
Торгъ—149.
Трамъ—196, 200.
Трапеза—205.
Тристѣнъ—116, 219.
Тройчакъ—49.
Труба—194. 195.
Трубка—106.
Тывница—250.
Тынецъ—160.
Тынина—159, 160.
Тынъ—159, 160.
Тѣнь—217.
Тюнаци—194.

Уголъ—201, 227, 228, 229.
Уёска—142.
Улица—68, 76, 86, 151, 153.
Улка—153.
Улокъ—153.
Улочка—153.
Упретъ—192.
Усадьба—165.
Услонъ—204.
Ушко—186.

Физычна печь—190.
Физычная печь—190.
Фольваркъ—144.
Фортка—161, 162.
Форточка—162.
Форуна—191.
Фундаментъ—34, 35.
Фурна—191.
Фуруна—191.
Фурунъ—191.
Фуртка—52.
Фырынъ—191.

Хабунька—60.
Хаjат—71.
Халабуда—101.
Халупа—60, 732, 42, 300.
Халупка—60.
Халупникъ—73.
Хамбаръ—114.
Хар—84.
Хат—64.
Хата—60, 63, 64, 70, 124, 175, 213, 254, 255, 256, 267, 272, 273, 274, 275, 286, 293, 294, 296, 297, 298, 300, 301, 303, 304, 305, 306. 307, 309, 310, 315, 317, 321.
Хатина—65, 266, 271.
Хатка—60, 65, 255, 263, 280, 281.
Хаточка—60.
Хатчина—60.
Хатчонка—60.
Хатына—65, 258.
Хацёнка—60.
Хашкана—232.
Хаята—71, 232.
Хаятъ—232.
Хвортка—161.
Хибарка—60.
Хибарны—97.
Хижа—43, 67, 83, 107, 113, 127, 130, 131, 175, 178, 223, 225, 231, 291, 292, 294, 295, 296, 299.
Хижина—73, 130, 131, 291.
Хижинка—130.
Хижица—130.
Хижка—67, 130, 131, 250.
Хиза—130, 291.
Хизина—130.
Хиша—70, 226, 233, 241, 291, 296, 299, 300, 301, 310, 314, 321.
Хишка—131, 250.
Хлавъ—81.

Хлывецъ—81.
Хлывъ—81
Хлѣвикъ—81.
Хлѣвина—81.
Хлѣвишка—81
Хлѣвокъ—81.
Хлѣвочекъ—81.
Хлѣвушка—81.
Хлѣвушокъ—79, 81.
Хлѣвчикъ—79.
Хлѣвъ—42, 71, 75, 79, 81, 85, 102, 103, 251, 274, 276, 277.
Хлѣу—79.
Хлѣучикъ.—79.
Хлѣушокъ—79.
Хлэу—79.
Хлявы—79.
Холодная изба—121.
Холодныкъ—137.
Хорома—60, 73.
Хороми—236.
Хоромина—60, 73.
Хороминка—73.
Хоромникъ—73.
Хоромщикъ—73.
Хоромы—73, 108, 217, 236.
Хот—64.
Храдек—148.
Храдиште—148.
Храмина—73.
Храмъ—73.
Хундаментъ—35.
Хфортка—52, 162.

Цаклота—55.
Царай—103.
Циглана—191.
Цилятникъ—79.
Цюлапъ—250.

Чадаръ—245.
Чадовка—310.
Чадор—245.
Чадоръ—245.
Чалесникъ—187.
Чалесьникъ—187.
Чало—187.
Чамурное строеніе—70, 302.
Чардак—271, 272.
Чардакъ—271.
Чардац—271.
Чарень—184, 192.
Черинь—192.
Частоколъ—159, 160.
Чашка—48.
Челестникъ—187.
Чело—46.
Чердакъ—51, 73, 102, 200, 268, 271, 272.
Чердачная комната—51.
Черепица—40, 48.
Черѣен—192.
Черная изба—120.
Чилер—137, 251.
Чирелъ—137.
Чобарня—84.
Чуланецъ—250.
Чуланникъ—250.
Чуланчикъ—250.
Чуланъ—97, 131, 247, 250, 252.
Чумъ—245.

Шалашъ—42, 43, 66, 70, 71, 72, 73, 82, 114, 123, 126, 142, 217, 222, 225, 227, 229, 230, 237, 241, 242, 243, 244, 245, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 304.
Шалевка—40.
Шалацъ—100, 104, 245.
Шапка—186.
Шастоколъ—159.
Шатеръ—42, 51, 71, 72, 99, 221, 227, 229, 230, 241, 244.
Шатор—245.
Шатро—244.
Шелева—270.
Шепиръ—82.
Шестокъ—186.
Шибка—52.
Шипа—37.
Шишъ—95.
Шкандара—34.
Шкандарта—34.
Шопа—96, 100, 102.
Шопка—100, 104.
Шопочка—100.
Шофа—102.
Шпихерикъ—115.
Шпыхлиръ—115.
Штакетъ—157.
Штахетъ—157.
Штукатурка—40
Штэмпала—34.
Шупа—44, 102.
Шурикъ—100.
Шуръ—100.

Щитокъ—190, 256.
Щитъ—41, 46, 47, 103.

Юрта—245.
Юшка—184, 187.

Яеры—84.
Яма—64, 135.
Ямка—186, 187.
Ята—71.
Яхары—84.
Яхеръ—84.
Яхыры—84.

II. По латинской азбукѣ.

Alkieryk—263.
Alkierz—263.

Bajta—71.
Balas—159.
Balka—201.
Banĕ—139.
Bania—139.
Banja—139.
Baňka—139.
Barak—67.
Brama—163.
Brog—81.
Broma—163.
Brona—163.
Buda—67, 73.
Budinok—73.
Budka—73.
Budova—73.
Budowa—73.
Budynek—73.

Camara—251.
Caminus—194.
Chalupa—73, 123.
Chata—65, 123.
Chatiska—65.
Chatka—65.
Chatre—65.
Chiša—131.
Chiška—131.
Chiža—131.
Chlev—81.
Chlew—81.
Chliw—81.
Chyše—67.
Chyža—131,
Chyže—131.
Chyžina—131.
Częstokol—160.
Čador—244.
Čardak—272.
Čevder—137.
Čumnata—258.

Dimnik—194.
Dimnjak—194.
Dira—115.
Dlažka—197.
Dom—72.
Dřewnik—105.
Drvarnica—105.
Drvnica—105.
Drwalnia—155.
Drzwi—163.
Dûm—72.
Duri—163.
Dvere—163.
Dveri—163.
Dvernica—163.
Dvor—155.
Dvoran—155.
Dvorana—155.
Dvorec—155.
Dvorina—155.
Dvorište—155.
Dvûr—155.
Dwor—155.
Dworek—59.
Dymnice—194.
Dymnik—194.

Fornax—191.
Furnus—191.
Furtka—162.
Furuna—191.

Ganek—59.
Gang—148.
Goatta—303.
Gora—271.
Grad—148.
Gradina—143, 161.
Gradzisko—93.
Gumna—93.
Gumniščе—93.
Gumno—93.
Gura—271.
Guvno—114.

Hambar—131.
Hiša—123, 131, 225, 320.
Hižica—131.
Hlev—81.
Hlevec—81.
Hliev—59.
Hodńik—148.
Hrad—148, 149.
Hradba—148, 161.
Hradec—148.
Hradek—149.
Hradište—149.

Hradza—149.
Hrodba—149.
Humna—93.
Humno—93.
Huvno—131.
Hyža—131.

Istwa—293.
Izba—123, 250.
Izbana—133.
Izdebka—123.

Jama—71.
Jamnica—133.
Jata—64. 71.
Jatka—71.
Jizba—123.
Jizdebnik—123.

Kaad—304.
Kad—64, 303.
Kadah—64, 303.
Kamerca—253, 320.
Kamin—194.
Kamora—252, 253.
Kamra—253.
Kamrica—253.
Kašča—115.
Kašta—115.
Kat—229.
Kata—303.
Kate—304.
Kathe—303, 304, 307.
Kaut—229.
Käta—304.
Käte—303.
Kevder—137.
Klec—113.
Kleca—113.
Klepisko—94.
Klet—113.
Kleta—113.
Kletka—113.
Kliet—113.
Klita—113.
Klop- 207.
Klopica—207.
Klupa—207.
Koča—225.
Kočar—226.
Kočica—226.
Kočne—97, 225, 226.
Koda—303.
Kodde—304.
Kodi—303.
Komen—194.
Komin—194.
Kominek—194.
Kol—105.
Kola—105.
Kolibica- 242.
Količic—160.
Kolna—105.
Kolnica—105.
Kolo—105.
Koliba—242.
Koljeba—242.
Kolyba—242.
Komora—252. 253.
Komorica—253.
Komorka—253.
Konica—84
Konirna—84.
Konjara—84.
Konjušnica—84.
Konoba—251.
Kosz—83.
Koszar—83.
Koš—83.
Košarica—83.
Kašec—83.
Košiar—83.
Košica—83.
Kot—304.
Kota—64, 304.
Kotac—84.
Kote—303, 304.
Kotec—84.
Kothe—303.
Kotia—303.
Kotte—303.
Kôut—229.
Kovčeg—208.
Kownata—258.
Koyta—304.
Koza—115.
Kozolec—95. 97. 101.
Köte—303.
Krevet—209.
Krov—51.
Krovak—84.
Krovje—51.
Krow—51.
Krowiarnia—84.
Kuchenka—268.
Kuchnia—268.
Kuchyn—268.
Kuchyna—268.
Kuchyně—268.
Kuchynka—268.
Kuča—225, 226.
Kučan—226.
Kučarica—226.
Kučica—225.
Kučnik—226.
Kud—303.
Kuda—303.

Kudo—303.
Kufer—208.
Kuferek—208.
Kufor—208.
Kuha—268.
Kuhinja—268.
Kuhnja—268.
Kulna—105.
Kupel—138.
Kut—229.
Kutera—229.
Kutica—229.
Kutija—225.
Kutja—225, 268.
Kutjica—225.
Kutnik—229.

Lavica—207.
Lavice—207.
Ława—207.
Ławka—207.
Lazen—138.
Laznia—138.
Ledenica—137.
Lednice—137.
Lednik—137.
Ledovec—137.
Lepianka—67.
Leva—211.
Lodownia—137.
Lopa—101.
Lož—209.
Loža—209.
Lože—209.
Ložje—209.
Ložko—209.
Ložnica—209.

Magazin—249.
Mesto—150.
Miasteczko—150.
Miasto—150.
Mjesto—150.
Most—199.

Namiot—101.

Obdaszek—101.
Obili—95.
Obilnice—95.
Obor—81.
Obora—81.
Oborka—81.
Odryna—103.
Odžak—192.
Oficyna—256.
Ognisko—193.
Ognjišče—193.
Ognjište—193.
Ograd—161.
Ograda—161.
Ohnište—193.
Ohrad—161.
Ohrada—149, 161.
Okenica—55.
Okienice—55.
Okolek—145.
Okoli—145.
Okolica—145.
Okoliczc—145.
Okolic—145.
Okolnice—145.
Okno—55.
Osjen—219.
Ostrnice—95.
Ovčara—84.
Ovčarica—84.
Ovčiarna—84.
Ovčin—84.
Ovčinec—84.
Owczarnia—84.

Parkan—160.
Pec—191.
Pecera—191.
Peč—191.
Pečina—191.
Pečnica—191.
Peter—200, 272.
Piec—191.
Pieczura—191.
Pivnica—137.
Piwnica—137.
Plot—159.
Pod—97, 197.
Pôda—199.
Poddasze—272.
Podlaha—197.
Podlog—197.
Podloga—197.
Podnica—197.
Podrum—137.
Podruna—137.
Podsinek—58.
Podstawa—36.
Podstrešek—101.
Podstřeši—272.
Podstrešnica—51.
Podstrešina—51, 272.
Podstrešje—51, 101, 272.
Podworze—155.
Pokoik—263.
Pokoj—263.
Pokojik—263.
Polap—200.
Polica—208.
Police—208.
Polka—208.

Posciel—210.
Postel—210.
Postelj—209.
Postelja—209, 210.
Posteljišče—210.
Poval—97, 200, 272.
Povala—200, 272.
Prag—59.
Prah—59.
Prečnica—200.
Prečnik—200.
Předměsti—150.
Predmestje—150.
Předsien—219.
Předsiň—219.
Předsiňi—219.
Pričelje—103.
Přischodek—58.
Přistřešek—101.
Pročelje—103.
Prog—59.
Przeddaszek—101.
Przedmieście—150.
Przybytek—246.
Przyzba—36.
Przyspa—36.
Půda—97, 199.
Pulap—200.
Pułka—208.
Salaj—246.
Salas—246.
Saraj—103.
Schod—59.
Schody—58.
Sedliśte—143.
Sedlo—143.
Selo—143.
Senca—219.
Senica—97.
Senik—97.
Senišče—97.
Senjak—97.
Sennik—97.
Shod—58.
Shramba—113, 137, 250.
Siennica—97.
Siň—219.
Sien—219.
Siňka—219.
Siolo—143.
Sjen—219.
Sjena—219.
Sjenik—97.
Skedenj—95, 97.
Sklad—115, 250.
Skladiště—115.
Sklep—136.
Sklepenie—136.
Skrinja—208.
Skrzynia—208.
Skrzynka—208.
Skřinč—208.
Soba—191, 252, 261.
Sobana—191, 261.
Spichlerz—115.
Spichrz—115.
Spižarka—250.
Spižarnia—250.
Staj—83.
Staja—83.
Stajenka—83.
Stajna—83.
Stajnia—83.
Stan—240.
Stani—83.
Stanica—240.
Stanie—83.
Stin—219.
Stodola—93, 95.
Stofa—125.
Stog—95, 96.
Stog z lopo—101.
Stoh—96.
Stol—205.
Stolac—205.
Stolček—205.
Stolec—205.
Stolek—205.
Stolica—205.
Stolice—205.
Stolik—205.
Stopa—59.
Stopin—59.
Stopnice—59.
Stopnja—125.
Stove—51.
Strecha—51.
Strop—200.
Stropilo—200.
Stropje—200.
Stropnica—200.
Stropnice—200.
Stropnik—200.
Stropovnice—200.
Střecha—51.
Střeh—51.
Strych—272.
Stůl—205.
Sufit—200.
Svetnice—261.
Svisel—97.
Svisli(e)—97.

Swiernia—115.
Swiron—115.
Swironek—115.
Sypareň—115.
Sypka—115.
Szalas—246.
Szalasz—246.
Szallas—246.
Szatr—245.
Szatra—245.
Szoba—261.
Szopa—102.
Szopka—102.
Šator—245.
Šatr—245.
Šiator—245.
Šopa—102.
Šotor—245.
Špichlerz—249.
Špižirna—115, 250.
Štala—85.

Tamor—246.
Targ—149.
Tieň—219.
Tin—160.
Tinj—160.
Tla—199.
Tlo—199.
Tok—94, 199.
Trąba—195.
Trauba—195.
Trg—149.
Trh—149.
Troba—195.
Truba—195.
Tyn—160.

Ulica—153.
Ulice—153.
Uta—101.

Varionica—268.
Vas—144, 150.
Ves—144.
Vesnice—144.
Vestibulum—219.
Veža—221.
Visa—221, 290.
Vrata—162.
Vratica—162.
Vratnica—162.

Wazownia—105.
Wes—144.
Wež—221.
Wežě—221.
Weženi—221.
Wies—144.
Wieża—221.
Wioseczka—144.
Wioska—144.
Wižka—221.
Wjaža—221.
Wrota—162.

Zahrada—161.
Zakat—229.
Zaklad—36.
Zasada—36.
Zasienak—219.
Žitnica—115.
Žitnice—115.
Žito—115.
Žytnica—115.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . *стр.* 163

I. Вмѣсто введенія:

изъ статистики населенія Сѣверо-Западнаго края . . „ 175

II. Постройки.

А.—Жилой домъ . . . . . „ 187

1. Матеріалъ. . . . . „ 189
2. Фундаментъ и завалинка . . . . „ 184
3. Срубъ . . . . . „ 197
4. Крыша и щитъ . . . . . „ 200
5. Окна . . . . . „ 212
6. Крыльцо и порогъ . . . . . „ 215
7. Хата—жилой домъ . . . . . „ 220

В.—Хозяйственныя постройки.

1. Хлѣва . . . . . „ 235
2. Гумно и овинъ . . . . . „ 245
3. Сѣновалъ . . . . . „ 255
4. Навѣсъ и сарай . . . . . „ 257
5. Клѣть или свиронъ . . . . . „ 265
6. Варевня или истопка . . . . . „ 275
7. Подвалъ и погребъ . . . . . „ 292
8. Баня . . . . . „ 297

III. Деревня и усадьба.

1. Деревня . . . . . „ 301
2. Дворъ . . . . . „ 311
3. Изгородь . . . . . „ 316
4. Ворота . . . . . „ 321
5. Усадьба . . . . . „ 323

IV. Развитіе жилья.

А.—Составныя части жилого дома.

1. Хата—жилой покой . . . . . „ 335
2. Сѣни . . . . . „ 373
3. Кладовая . . . . . „ 407
4. Комната и свѣтелка . . . . . „ 414
5. Спальня . . . . . „ 421
6. Кухня . . . . . „ 423
7. Чердакъ . . . . . „ 428

В.—Типы жилого дома.

1. Однокамерный домъ . . . . . „ 432
2. Двураздѣльный домъ . . . . . „ 433
3. Трехраздѣльный домъ . . . . . „ 435
4. Выдѣленіе спальни . . . . . „ 439
5. Выдѣленіе кухни . . . . . „ 441
6. Сложный домъ . . . . . „ 442
7. Фронтонное развитіе дома . . . . „ 444

V. Заключеніе . . . . . „ 446

Алфавитный указатель . . . . . „ 485

Рис. 1. **Хата крестьянина**

изъ с. Дмитровичи Брестскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *автора).*

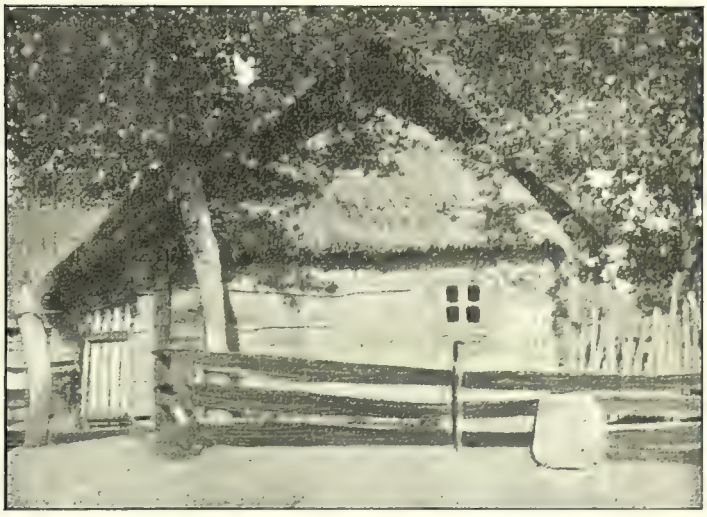


Рис. 2. **Хата крестьянина,**

обложенная камышомъ, изъ дер. Берковичи Кобринскаго уѣзда, Гродненской губ.

(Съ фот. *автора).*

Рис. 3. **Хата крестьянина**
изъ дер. Стоцкъ Сокольскаго уѣзда Гродненской губ.
(Съ фот. *автора*).
Передъ хатой свинушникъ, справа погребъ.

Рис. 4. **Хата крестьянина**
изъ дер. Старая Воля Пружанскаго уѣзда
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

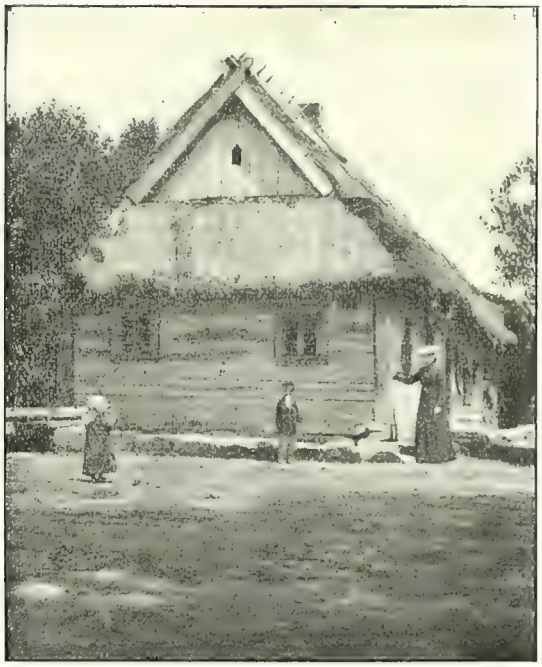


Рис. 5. **Хата крестьянина**

изъ дер. Стоцкъ Сокольскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 6. **Хата крестьянина**

изъ околицы Бѣлосукно Бѣлостокскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича*).

Рис. 7. **Хата крестьянина**
изъ дер. Старая Воля Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 8. **Хата крестьянина**
изъ села Именинъ Кобринскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 9. **Хата крестьянина**
изъ дер. Застава въ Бѣловѣжской Пущѣ Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 10. **Хата крестьянина**
изъ Бѣловѣжской Пущи дер. Буда Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 11. **Хата крестьянина**

изъ дер. Гащово Слонимскаго уѣзда Гродненской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 12. **Хата крестьянина съ клѣтью**
(*свиронъ, свиронокъ*)

изъ дер. Горки или Гурка Кобринскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 13. **Хата крестьянина**

изъ с. Дмигоровичи Брестскаго уѣзда. Гродненской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 14. **Хата шляхтича**

Малешевской волости Бѣлостокскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 15. **Хата крестьянина**

изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

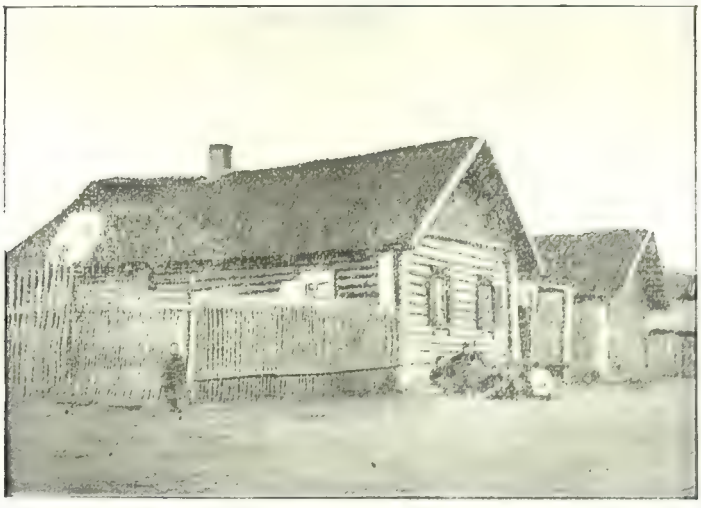


Рис. 16. **Хата крестьянина**

изъ мѣст. Улла, Лепельскаго уѣзда, Витебской губерніи.
(Съ фот. *неизвѣстнаго*).

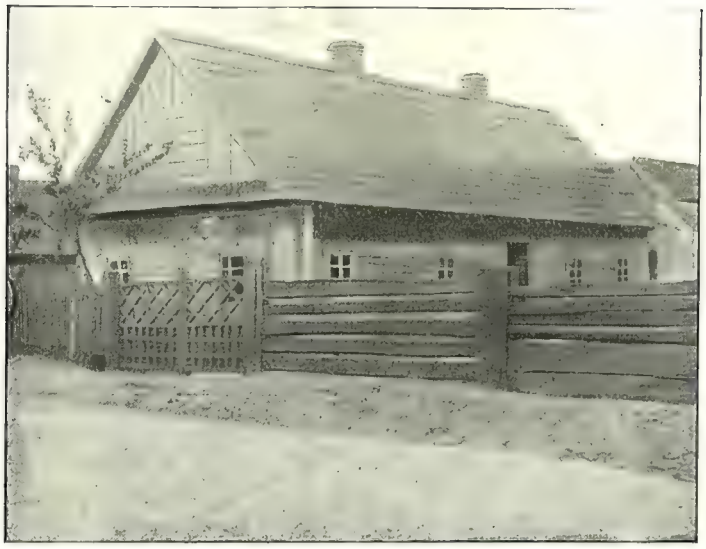


Рис. 17. **Хата крестьянина**

изъ дер. Сточекъ въ Бѣловѣжской Пущѣ Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

(Съ фот. *автора).*

Рис. 18. **Хата шляхтича**

изъ Тельшевскаго уѣзда, Ковенской губерніи.

(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича*).

Рис. 19. **Будынокъ шляхтича**
Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича*).

Рис. 20. **Будынокъ шляхтича**
Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 21. **Хата крестьянина**
изъ дер. Старая Воля Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

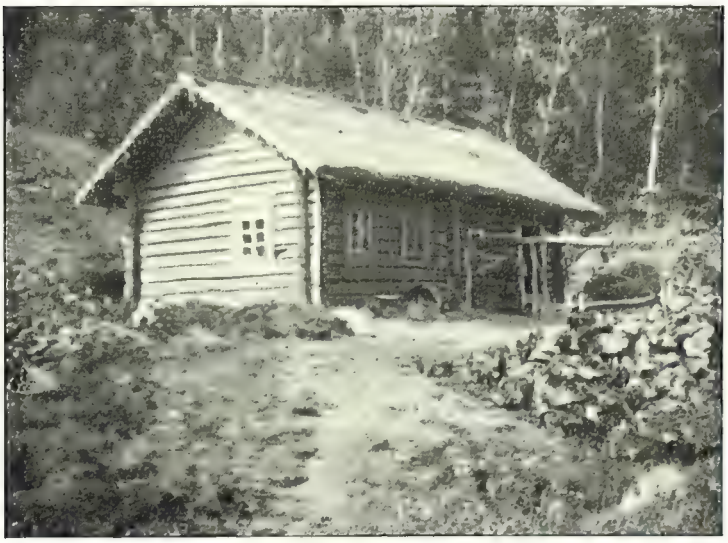


Рис. 22. **Хата бобыля**
(*кутника*)
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 23. **Хата крестьянина**
изъ дер. Огородники Бѣлостокскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 24. **Хата крестьянина**
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).
Слѣва хата, передъ ней повѣтка; справа хлѣвъ, повѣтка,
свиронъ и др. хоз. постройки.

Рис. 25. **Хата крестьянина**
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Передъ хатой временный навѣсъ.

Рис. 26. **Хата крестьянина**
изъ дер. Воловель Кобринскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 27. **Хата старообрядца-великорусса,**
изъ окрестностей Вильны.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 28. **Хата крестьянина**
изъ Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. неизвѣстнаго).

Рис. 29. **Хата шляхтича**
изъ Шавельскаго уѣзда, Ковенской губерніи.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 30. **Хата мѣщанина**
изъ слободы Хватка Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 31. **Печь крестьянской хаты**
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго).*

Рис. 32. **Шалашъ сторожа**
(*б у д а*)
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

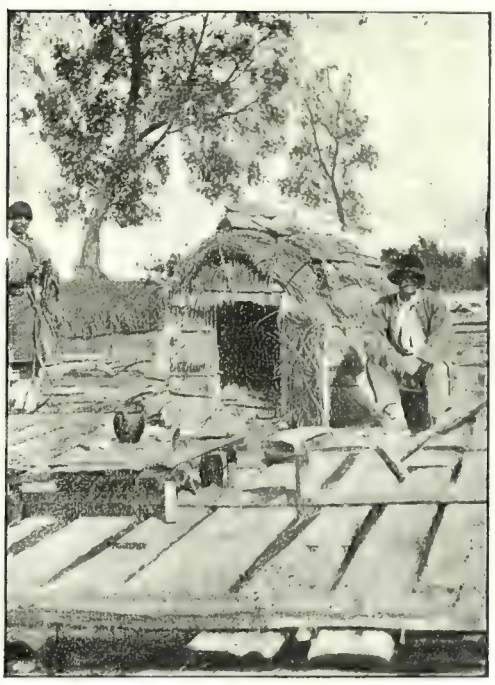


Рис. 33. **Шалашъ** *(буда)* **и очагъ** *(коминъ)*
на плоту Днѣпровско-Бугскаго канала.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 34. **Крыльцо и навѣсъ** *(повѣтка)*
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 35. **Навѣсъ** (*шуръ, шурикъ*)
для дровъ при дер. Шене Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 36. **Навѣсъ** (*шопа*) **для дровъ**
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

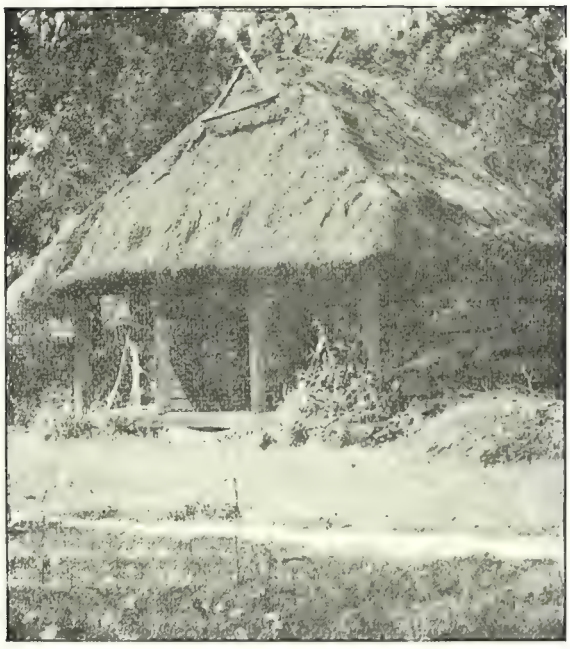


Рис. 37. **Клѣть** *(свиронъ)*
изъ дер. Шене Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *автора).*

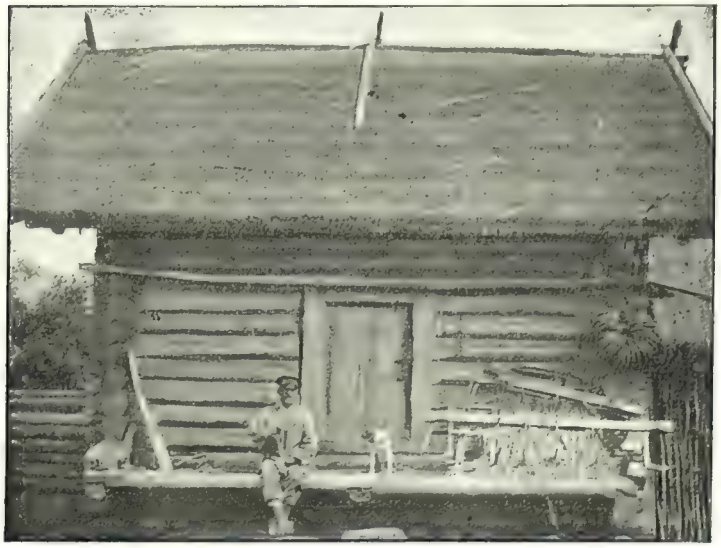


Рис. 38. **Клѣть** *(свиронъ)*
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Рис. 39. **Хлѣвъ**
изъ дер. Старая Воля Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 40. **Свиронъ, повѣтка, овчарня и хлѣвъ**
(для коровъ)
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Рис. 41. **Хлѣва**
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго).*

Рис. 42. **Сѣновалъ** *(пуня)*
съ примыкающими къ нему **гумномъ** (*токъ*)
и навѣсъ (*вазовня*)
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Рис. 43. **Гумно** *(токъ)*
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Рис. 44. **Строющееся гумно**
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 45. **Гумно** *одрина* (гумно)
изъ Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *неизвѣстнаго)*

Рис. 46. **Гумно**
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 47. **Гумно** *(одрина)*
изъ Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *неизвѣстнаго*).

Рис 48. **Одрина** (гумно)
мелкаго арендатора Виленскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *автора*).

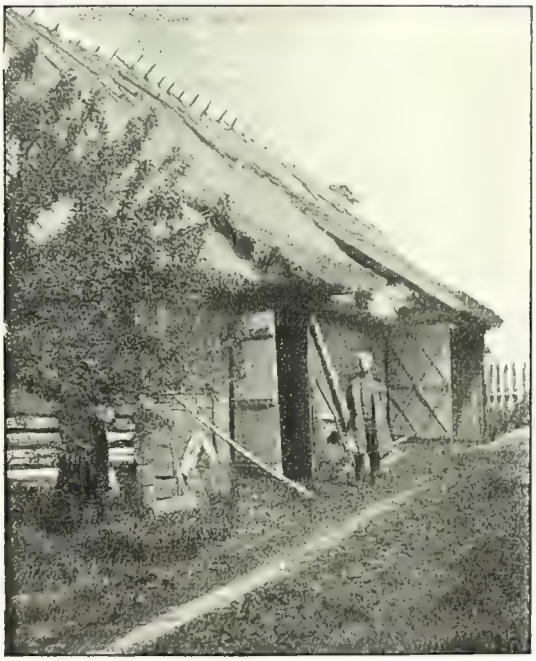


Рис. 49. **Гумно**
изъ дер. Стоцкъ Сокольскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 50. **Гумно** *(токъ)*
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

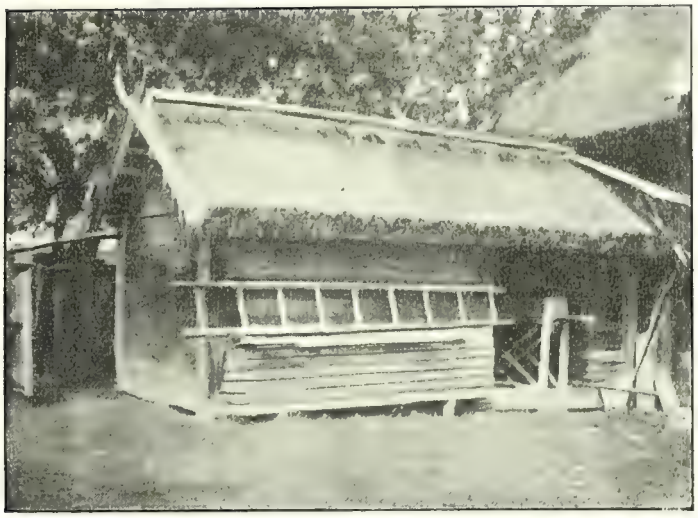


Рис. 51. **Мякиникъ** *(половникъ)*
изъ дер. Буды Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 52. **Погреба** *(склепъ)*
изъ дер. Огородники Бѣлостокскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 53. **Хата крестьянина**
изъ дер. Пашвагино Свенцянскаго уѣзда,
Виленской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Виноградова).*

Рис. 54. **Трубная печь**
изъ дер. Пашвагино Свенцянскаго уѣзда,
Виленской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Виноградова*).

Рис. 55. **Курная печь**
изъ дер. Пашвагино Свенцянскаго уѣзда,
Виленской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Еиноградова*).

Рис. 56. **Хата крестьянина**
изъ дер. Шене Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 57. **Навѣсъ** *(повѣть),*

соединяющій два ряда хозяйственныхъ строеній, изъ дер. Плебанца Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.

(Съ фот. *автора).*

Рис. 58. **Хата крестьянина**

изъ дер. Старая Воля Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

(Съ фот. *автора*).

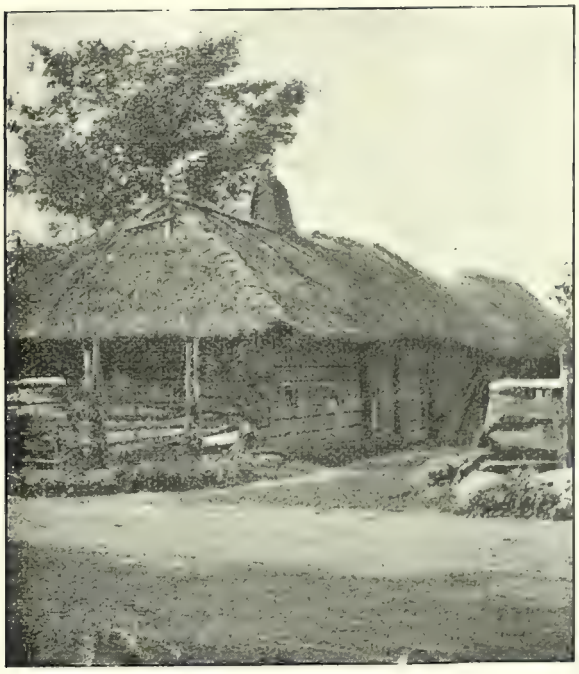


Рис. 59. **Хата крестьянина**
изъ дер. Плебанца Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 60. **Хата крестьянина**
изъ дер. Оссово Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 61. **Хата крестьянина**
изъ дер. Слободки Бобруйскаго уѣзда, Минской губ.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 62. **Хата крестьянина**
изъ мѣст. Банцевичи Бобруйскаго уѣзда, Минской губ.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 63. **Будынокъ шляхтича**
у мѣстечка Свислочи Бобруйскаго уѣзда, Минской губ.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича*).

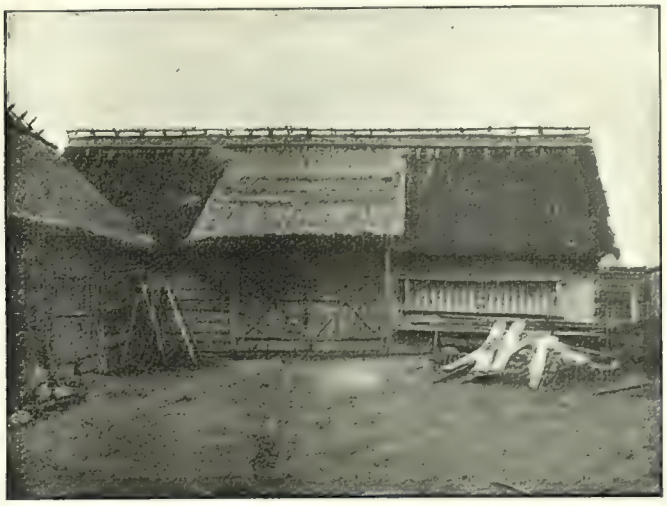


Рис. 64. **Гумно** *(клуня)*
изъ дер. Огородники Бѣлостокскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 65. **Рыбачья хата**
изъ окрестностей гор. Вильны.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 66. **Хата крестьянина**
изъ Наройской волости Бѣльскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *Н. Г. Невѣровича).*

Рис. 67. **Типъ великорусской избы**
центральной Россіи.
(Съ фот. *неизвѣстнаго*).

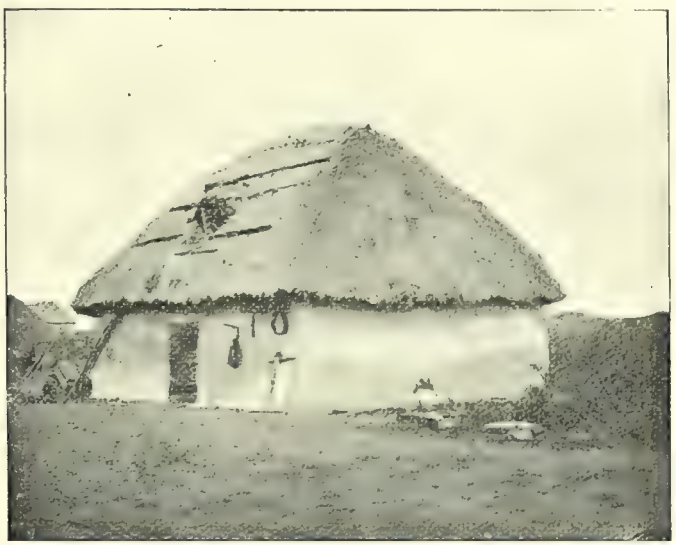


Рис. 68. **Глинобитная клѣть**
(*комора или будка*)
изъ дер. Божедаровка Верхнеднѣпровскаго уѣзда,
Екатеринославской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 69. **Глинобитная будка для гусей и свиней**
изъ дер. Оболоновка Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 70. **Хата крестьянина**
изъ с. Гіевка Валковскаго уѣзда, Харьковской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 71. **Хата крестьянина**
изъ с. Гіевка Валковскаго уѣзда, Харьковской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 72. **Хата крестьянина**
изъ дер. Божедаровка Верхнеднѣпровскаго уѣзда,
Екатеринославской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

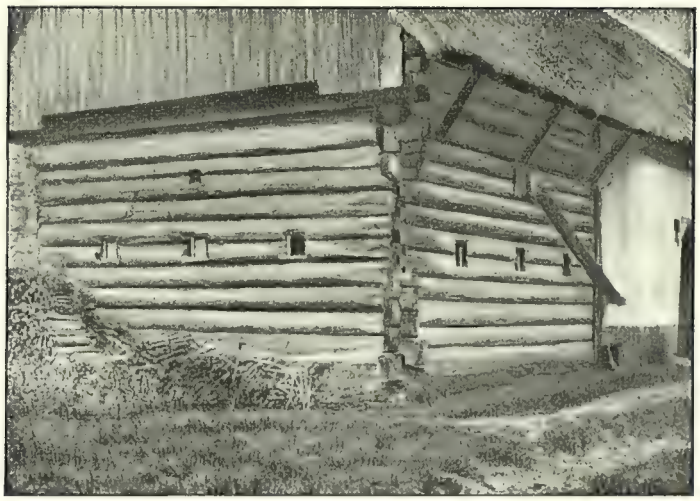


Рис. 73. **Хиша словинца**
изъ дер. Сподній Кашель въ Крайнѣ, выстроенная въ 1753 г.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 74. **Хиша словинца**
изъ дер. Сподній Кашель въ Крайнѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 75. **Хиша словинца**
изъ дер. Примско въ Крайнѣ.
(Съ фот. *автора*).

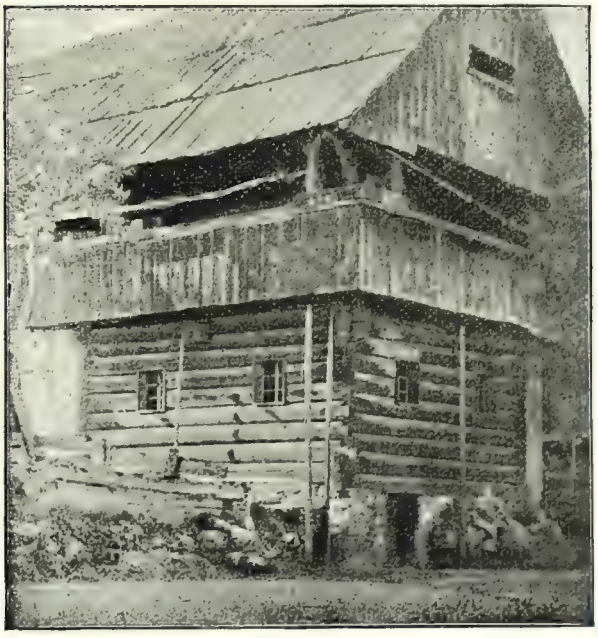


Рис. 76. **Двухэтажная хиша словинца**
изъ дер. Нижняя Гарья, выстроенная въ 1748 г.
и перестроенная въ 1858 г.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 77. **Полукаменная словинская хиша**
изъ дер. Нижнее Гарье.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 78—А. **Хиша словинца**
изъ дер. Студенецъ; фронтонная часть.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 78—Б. **Хиша словинца**
изъ дер. Студенецъ; длинная сторона.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 79. **Каменная хиша словинца**
изъ дер. Студенецъ въ Крайнѣ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 80. **Хиша словинца**
съ берега Блѣдскаго озера, выстроенная въ 1783 г.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 81. **Словинскій каменный домъ съ деревянной горней хишей**
изъ дер. Кропа въ Крайнѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 82. **Плетеная коча изъ Босніи.**

(Съ рис. Меринчеза:
D. volksthüm. haus in Bos. u. Her.).

Рис. 83. **Двураздѣльная коча изъ Босніи.**

(Съ рис. Меринчеза:
D. volksthüm. haus in Bos. u. Her.).

Рис. 84. **Домъ (куча) васоевича изъ Черногоріи**

Съ рис. П. Равинскаго:
Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ т. II, ч. 1.).

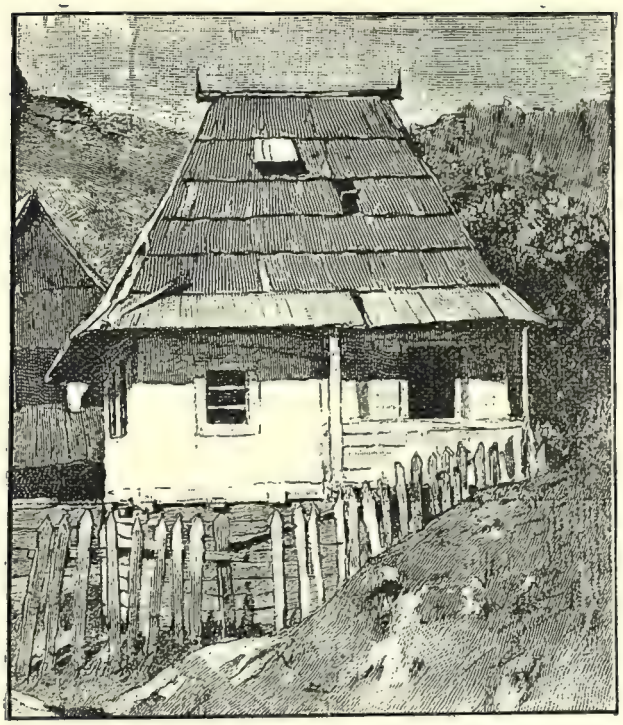


Рис. 85. **Домъ (станъ, куча)**
изъ дер. Дальній Вакуфъ въ Босніи.
(Изъ: D. öster.—ungar. Mon. in Wort u. Bild. B. XXII).

Рис. 86. **Навѣсъ—хлѣвъ**
съ горы Столъ въ Верхней Крайнѣ.
(Съ фот. *автора).*

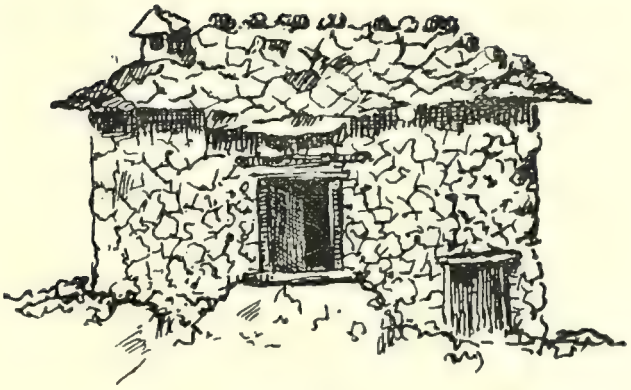


Рис. 87. **Домъ (куча)**
изъ дер. Држница въ Герцаговинѣ.
(*Съ рис. Меринчеза*).

Рис. 88. **Домъ съ наружнею печью**
для печенія хлѣба
изъ дер. Шварцхаузенъ въ Герц. Кобургъ-Гота.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 89. **Хлѣвчикъ или сарайчикъ**
у Люботина Волковскаго уѣзда, Харьковской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 90. **Хлѣвъ** *(сарай)*
съ хутора Волковскаго уѣзда, Харьковской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

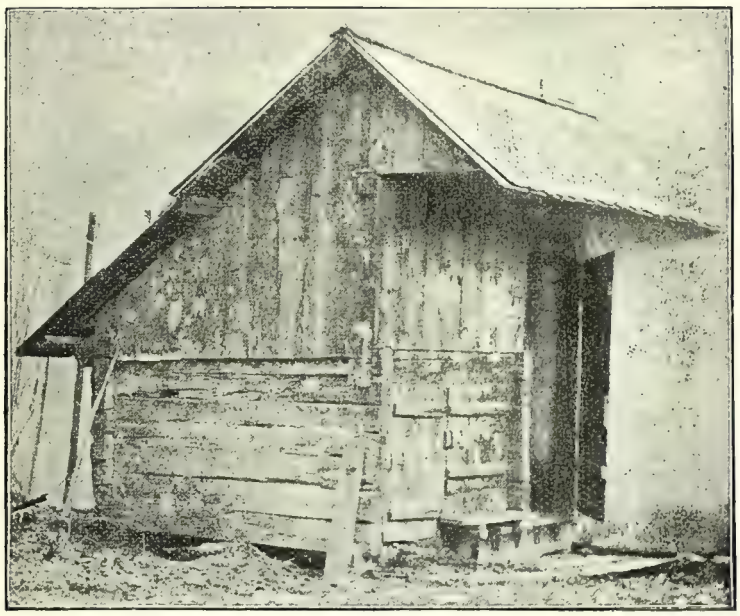


Рис. 91. **Свинушникъ**
изъ дер. Блѣдъ въ Верхней Крайнѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 92. **Комора**
изъ хутора Ревчикъ Валковскаго уѣзда,
Харьковской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 93. **Домъ съ выступающей кухней**
изъ дер. Хрельинъ въ Хорватскомъ Приморьѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 94. **Токъ** *(гумно)*
изъ дер. Которъ на Хорватскомъ Приморьѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 95. **Клуня**
изъ Харьковской губерніи и уѣзда.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 96. **Клуня**
изъ хутора Ревчикъ Валковскаго уѣзда,
Харьковской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 97. **Клуня**
изъ дер. Бождаровка Верхнеднѣпровскаго уѣзда,
Екатеринославской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 98. **Козолецъ**
изъ окрестностей Люблянъ въ Верхней Крайнѣ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 99. **Ворота и хлѣвъ**
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Рис. 100. **Гумно**
изъ дер. Пашвагино Свенцянскаго уѣзда,
Виленской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Виноградова*).

Рис. 101. **Изгородь изъ высокихъ жердей.**
изъ дер. Бузуны Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

Рис. 102. **Хата**
изъ дер. Поддубно Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

Рис. 103. **Баня (лазня)**
изъ дер. Огородники Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 104. **Свиронъ**
изъ дер. Огородники Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 105. **Изба бѣднаго крестьянина**
изъ дер. Шутово Старицкаго уѣзда, Тверской губ.
(Съ фот. *П. К. Гиндце*).

Рис. 106. **Изба богатаго крестьянина**
изъ дер. Шутово Старицкаго уѣзда, Тверской губ.
(Съ фот. *П. К. Гиндце*).

Рис. 107. **Клуня**
изъ дер. Алексѣевки Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.
(Съ фот. *В. И. Арандаренко*).

Рис. 108. **Курная хата**
изъ дер. Маньковичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 109. **Курная хата**
изъ дер. Щерчево Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова).*

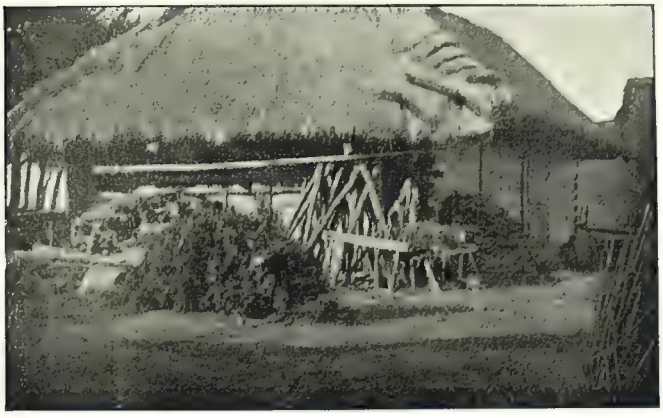


Рис. 110. **Клуня**
изъ дер. Поддубно Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

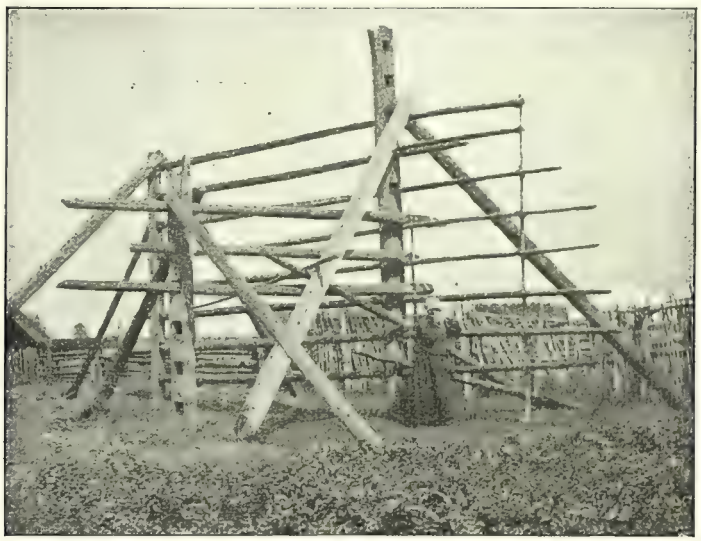


Рис. 111. **Переплотъ для сушки травъ и яровыхъ хлѣбовъ**

изъ дер. Маньковичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи.

(Съ фот. *автора*).

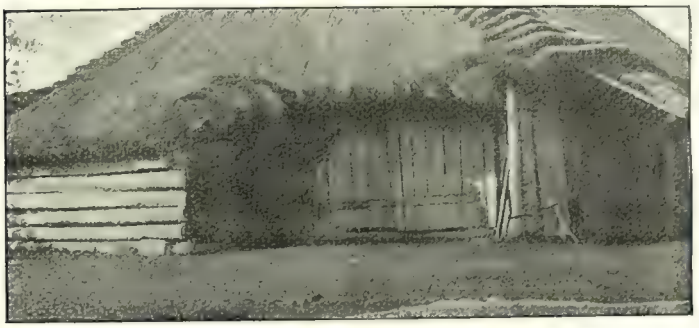


Рис. 112. **Входъ въ клуню**

изъ дер. Поддубно Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

(Съ фот. *А. А. Маслова*).

Рис. 113. **Загуменье съ клунями**
изъ дер. Горки (Гурка) Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 114. **Клуня**
изъ дер. Поддубно Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

Рис. 115. **Хата**
изъ дер. Яковичи, Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

Рис. 116. **Хата съ истопкой на фронтонной сторонѣ**
изъ дер. Поддубно, Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

Рис. 117. **Хата**
изъ дер. Огородники Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 118. **Хата**
изъ дер. Огородники Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

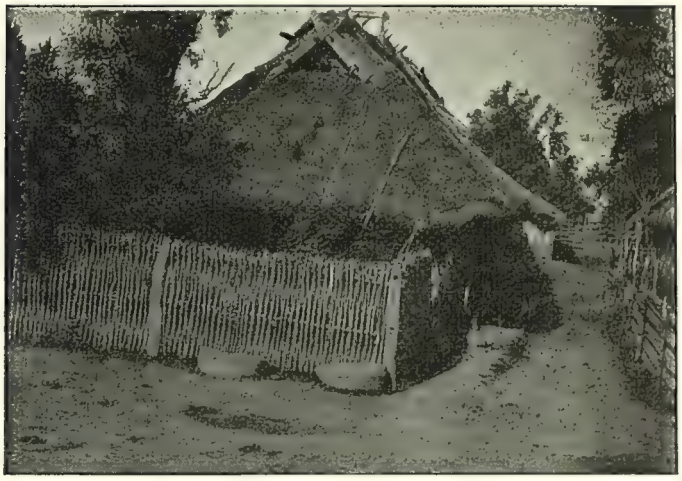


Рис. 119. **Хата**
изъ дер. Огородники Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова).*

Рис. 120. **Хата**
изъ дер. Щерчево Пружанскаго уѣзда, Гродненской губ.
(Съ фот. *А. А. Маслова).*

Рис. 121. **Хата**
изъ дер. Щерчево Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова).*

Рис. 122. **Хлѣвъ съ шуромъ (навѣсомъ)**
изъ дер. Поддубно Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

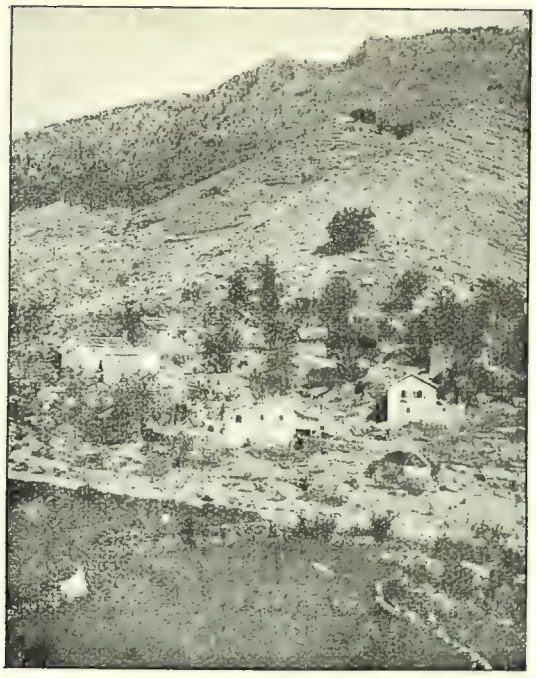


Рис. 123. **Черногорская деревня.**
(Съ фот. *автора*).

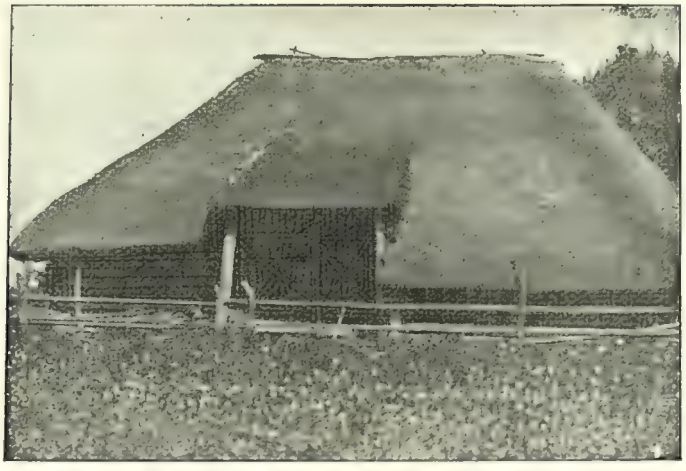


Рис. 124. **Гумно**
изъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи.
(Съ фот. *И. М. Рожанца*).

Рис. 125. **Хата**
изъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи.
(Съ фот. *И. М. Рожанца*).

Рис. 126. **хата**
изъ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи.
(Съ фот. *А. И. Долгово-Сабуровой*).

Рис. 127. **Малороссійская хата**
(Съ фот. *неизвѣстнаго*).

Рис. 128. **Усадьба**
изъ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи.
(Съ фот. *А. И. Долгово-Сабуровой).*

Рис. 129. **Курная хата**
изъ дер. Маньковичи Вилейскаго уѣзда,
Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 130. **Хата**
изъ Виленскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 131. **Гумно, клуня или рига**
изъ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи.
(Съ фот. *А. И. Долгово-Сабуровой*).

Рис. 132. **Крыльцо, хлѣвъ и повѣть**
изъ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи.
(Съ фот. *А. И. Долгово-Сабуровой*).

Рис. 133. **Дворъ съ повѣткой**
изъ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи.
(Съ фот. *А. И. Долгово-Сабуровой).*

Рис. 134. **Х а т а**
изъ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи.
(Съ фот. *А. И. Долгово-Сабуровой*).

Рис. 135. **Гумно**
изъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи.
(Съ фот. *И. М. Рожанца*).

Рис. 136. **Хата**
изъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи.
(Съ фот. *И. М. Рожанца*).

Рис. 137. **Хата**
изъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи
(Съ фот. *И. М. Рожанца*).

Рис. 138. **Призба у малорусской хаты**
изъ с. Гіевка Волковскаго уѣзда, Харьковской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 139. **Хата**
изъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи.
(Съ фот. *И. М. Рожанца*).

Рис. 140. **Черногорскій домъ**
(Съ фот. *автора*).

Рис. 141. **Хата**
изъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи.
(Съ фот. *И. М. Рожанца*).

Рис. 142. **Польская халупа или изба стараго типа**
изъ Луковскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.
(Съ рис. изъ Bibl. Wisty, t. IV. Jagodne. Warszawa, 1889).

Рис. 143. **Польская халупа или изба новаго типа**
изъ Луковскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.
(Съ рис. изъ Bibl. Wisty, t. IV. Jagodne. Warszawa, 1889.)

Рис. 144. **Польская хата или изба**
изъ Яновскаго уѣзда, Люблинской губерніи.
(Съ рис. изъ „Wista“ t. XVI, 1902).

Рис. 145. **Хата**
изъ дер. Старая Воля Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

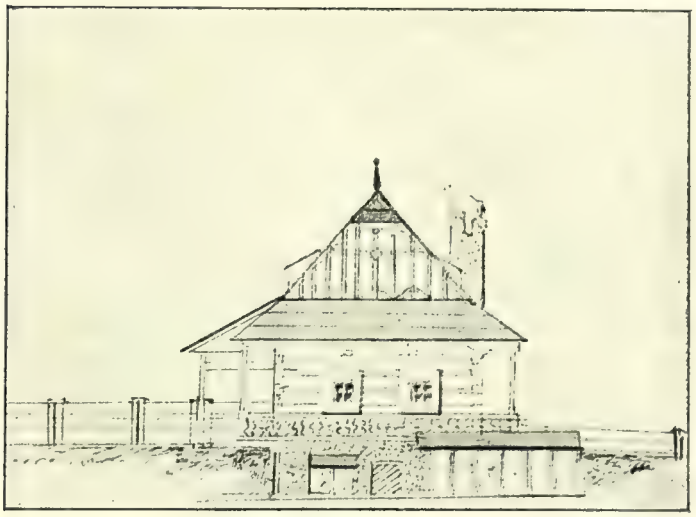


Рис. 146. **Чешская халупа или изба.**
(Съ рис. изъ Národopisná vystava česko slovanská
v Práze, 1895).

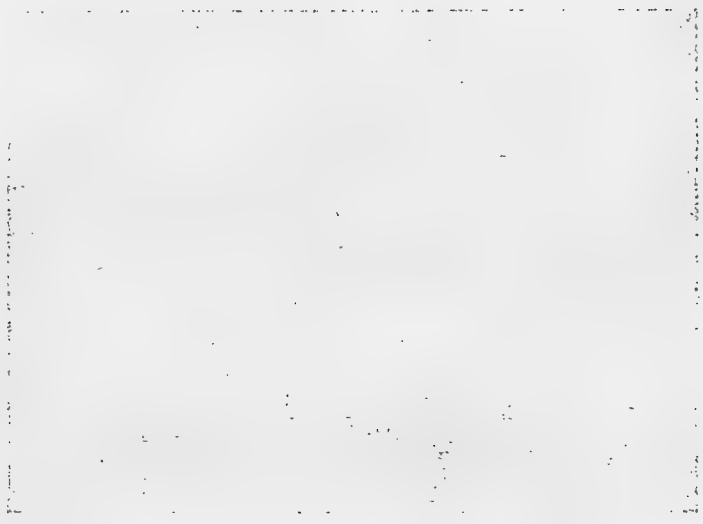


Рис. 147. **Крестьянская кутья или куча**
изъ Хорватскаго Приморья.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 148. **Рыбацкая хата**
(*рибарская кучица*)
изъ Хорватскаго Приморья.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 149. **Хижина** *(кочне)* **пастуха**
съ горы Черна Пырстъ въ Верхней Крайнѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 150. **Домъ словинца съ нижнимъ хлѣвомъ**
изъ дер. Засыпъ въ Верхней Крайнѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 151. **Крестьянскій домъ (куча или кутья)** изъ с. Церквеница въ Хорватскомъ Приморьѣ. (Съ фот. *автора).*

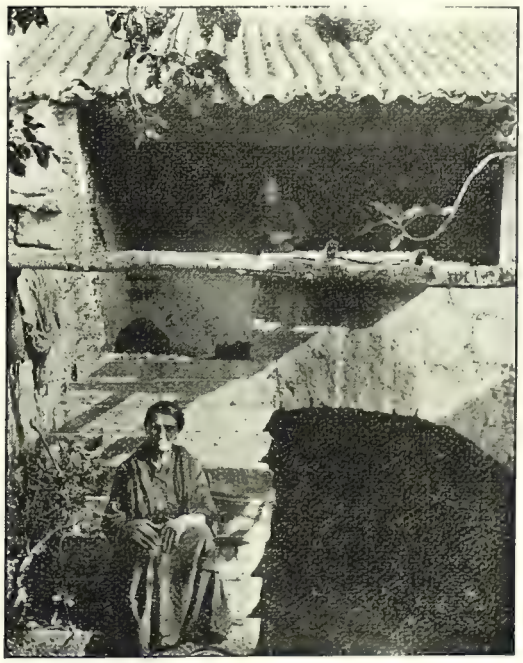


Рис. 152. **Крестьянскій домъ (куча или кутья)** съ нижнимъ помѣщеніемъ для скота, изъ дер. Бырдо въ Хорватскомъ Приморьѣ.

(Съ фот. *автора*).

Рис. 153. **Хлѣвъ** *(сарайчикъ)*
изъ Валковскаго уѣзда, Харьковской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

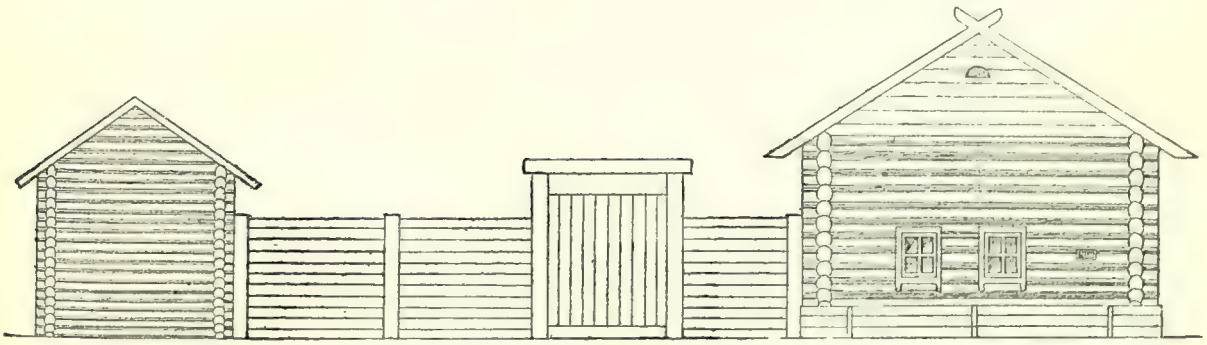


Рис. 154. **Хата съ клѣтью**
изъ Витебской губерніи.
(Съ рис. *А. А. Корчагина).*

Рис. 155. **Печь, стоящая внѣ хаты,**
изъ дер. Божедаровки Верхнеднѣпровскаго уѣзда,
Екатеринославской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 156. **Хата безъ недостроенныхъ сѣней**
изъ Харьковской губерніи.
(Съ фот. *М. В. Денъ*).

Рис. 157. **Очагъ съ выходящимъ на него устьемъ печи въ вѣжѣ (сѣняхъ) словинскаго дома**
изъ дер. Блѣдъ въ Верхней Крайнѣ.
(Съ фот. *автора*).

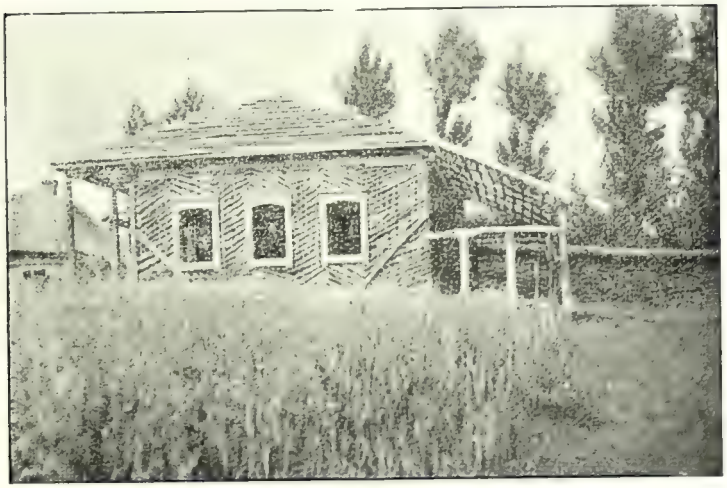


Рис. 158. **Остовы малороссійской мазанки**
изъ с. Гіевки, Харьковской губерніи.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 159. **Входъ въ истопку**
изъ дер. Порсляны Пружанскаго уѣзда,
Гродненской губерніи.
(Съ фот. *А. А. Маслова*).

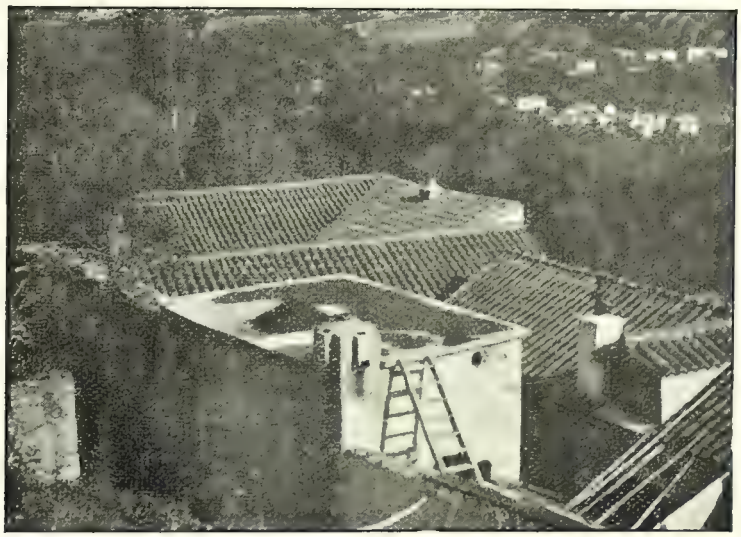


Рис. 160. **Домъ съ плоской крышей**
изъ дер. Яргово на Хорватскомъ Приморьѣ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 161. **Хата съ коморой**
изъ с. Гіевки Валковскаго уѣзда, Харьковской губ.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 162. **Хата съ будкой**
изъ дер. Алексѣевки Верхнеднѣпровскаго уѣзда,
Екатеринославской губерніи.
(Съ фот. *автора).*

Рис. 163. **Хата**

изъ дер. Божедаровки Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

(Съ фот. *автора*).

Рис. 164. **Хата**

изъ дер. Алексѣевки Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

(Съ фот. *автора*).

Рис. 165. **Домъ (куча)**
изъ Вареша въ Босніи.
(Съ рис. *Meringer*).

Рис. 166. **Домъ (куча)**
изъ Дервента въ Босніи.
(Съ рис. *Meringer*).

Рис. 167. **Домъ (куча)**
изъ Требижата въ Герцеговинѣ.
(Съ рис. *Meringer*).

Рис. 168. **Каменка въ банѣ**
изъ Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Рис. 169. **Глинобитная печь съ черной топкой**
изъ дер. Адамовичи Вилейскаго уѣзда, Виленской губ.
(Съ фот. *П. Н. Сергіевскаго*).

Рис. 170. **Изба**
изъ с. Старой Рузы, Московской губерніи.
(Съ фот. *Куликовскаго*.

Рис. 171. **Изба**
изъ с. Мытники Рузскаго уѣзда, Московской губ.
(Съ фот. *Ю. Н. Зографа*).

Рис. 172. **Изба стараго типа**
изъ с. Мытники Рузскаго уѣзда, Московской губ.
(Съ фот. *Ю. Н. Зографа*).

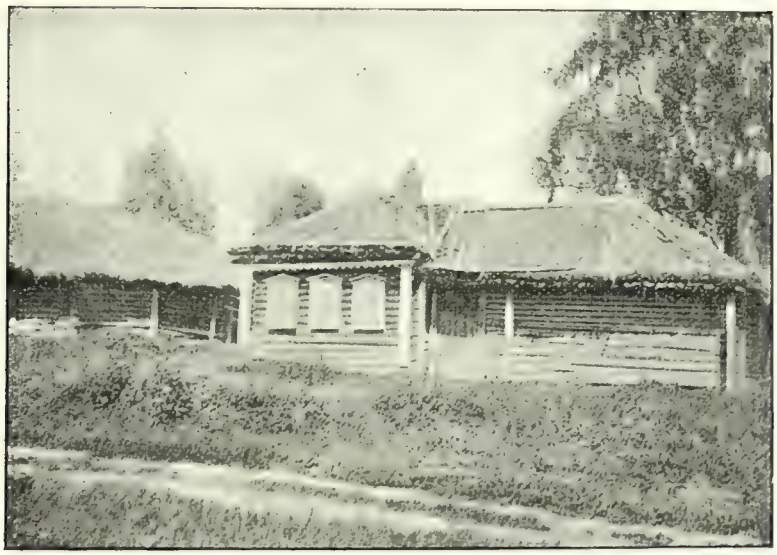


Рис. 173. **Изба новаго типа**
изъ с. Мытники Рузскаго уѣзда, Московской губ.
(Съ фот. *Ю. Н. Зографа*).

Рис. 174. **Хата**
изъ Могилевской губерніи.
(Съ фот. *А. И. Долгово-Сабуровой).*

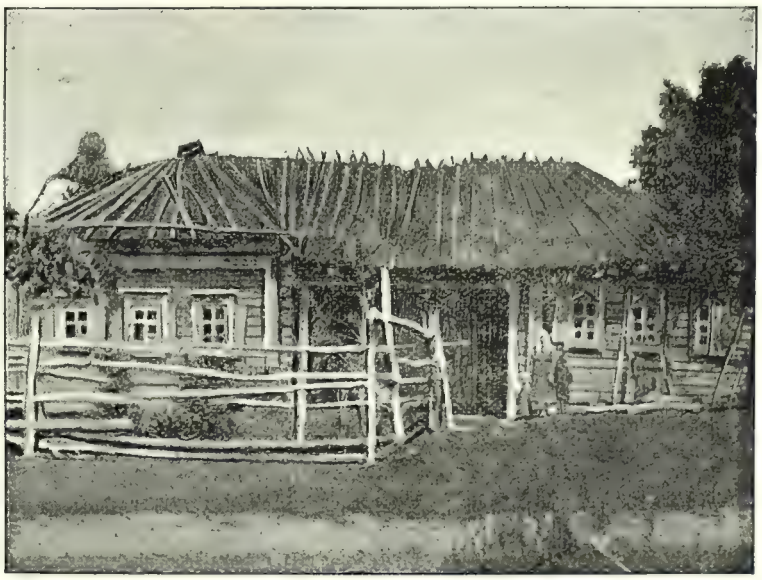


Рис. 175. **Изба новаго типа**
изъ с. Мытники Рузскаго уѣзда, Московской губ.
(Съ фот. *Ю. Н. Зографа*).

Рис. 176. **Изба**
изъ с. Сомовка, Нижегородской губерніи.
(Съ фот. неизвѣстнаго;
изъ коллекціи *кн. Тенишева*).

Рис. 177. **Изба маломожнаго крестьянина**
изъ Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.
(Съ фот. неизвѣстнаго;
изъ коллекціи *кн. Тенишева*).

Рис. 178. **Хата**
изъ Могилевской губерніи.
(Съ фот. *Л. Эйдликъ*).

Рис. 179. **Двухэтажная изба**
изъ с. Сѣнная Губа на Онежскомъ озерѣ,
Олонецкой губ.
(Съ фот. изъ коллекціи *кн. Тенишева*).

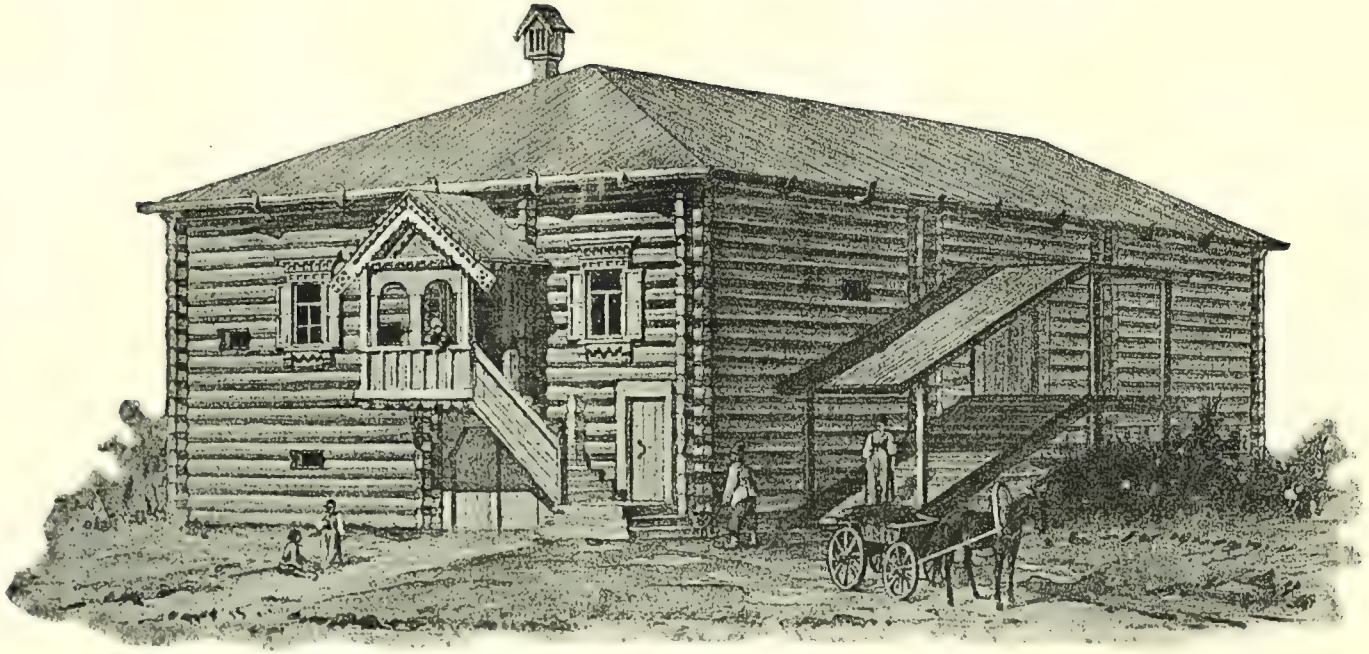


Рис. 180. **Двухэтажная изба**
изъ с. Воробьевскаго, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ.
(Съ гравюры изъ труда *Суслова*).

Рис. 181. **Хата** *(каса)*
изъ Бессарабской губ.
Обмазка плетенаго остова глиной
(Съ фот. *А. Сумовскаго*).

Рис. 182. **Хаты** *(каса)*
изъ Бессарабской губ.
(Съ фот. *А. Сумовскаго*).

Рис. 183. **Хата** *(каса)* съ припзбой *(чердакъ)*
изъ Бессарабской губ.
(Съ фот. *А. Сумовскаго*).

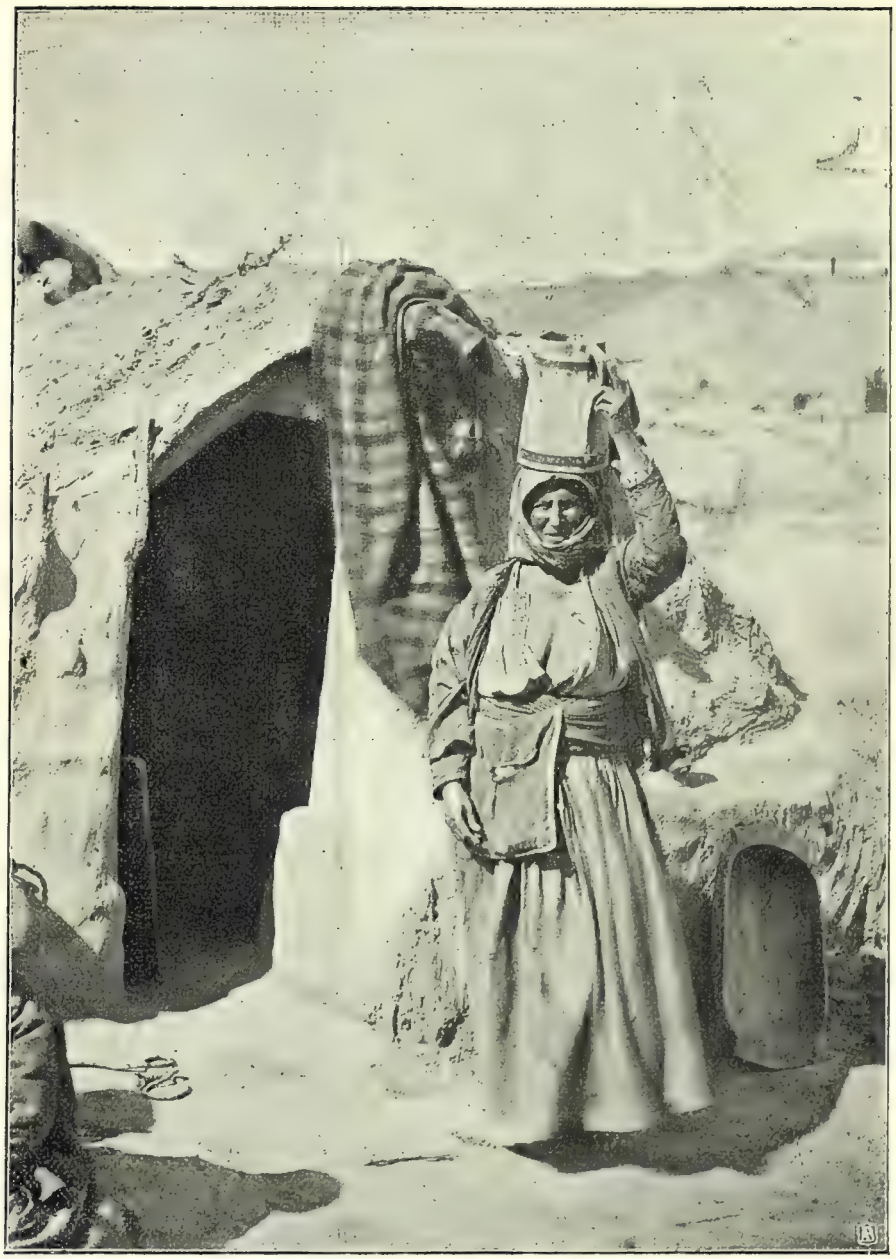


Рис. 184. **Землянка** *(бурдей)*
изъ Бессарабской губ.
(Съ фот. *А. Сумовского*).

Рис. 185. **Землянка** *(бурдей)*
изъ с. Нападово Сороксаго у. Бессарабской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 186. **Корзина** *(кашница)*
для просушки кукурузы изъ с. Нападово Сороксаго у. Бессарабской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 187. **Гуцульская колиба**
изъ Буковины
(Съ фот. *неизвѣстнаго*).

Рис. 188. **Домъ лужичанина**
изъ окрестностей Любина (Lübben) въ Пруссіи.
(Съ фот. *неизвѣстнаго*)

Рис. 189. **Остовъ хаты** *(касы)*,
обмазанный изнутри глиной изъ с. Кугурешты Сорокскаго у. Бессарабской губ.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 190. **Столѣтняя хата** *(каса)*
изъ с. Нападово Сороккаго у. Бессарабской губ.
(Съ фот. *автора*).

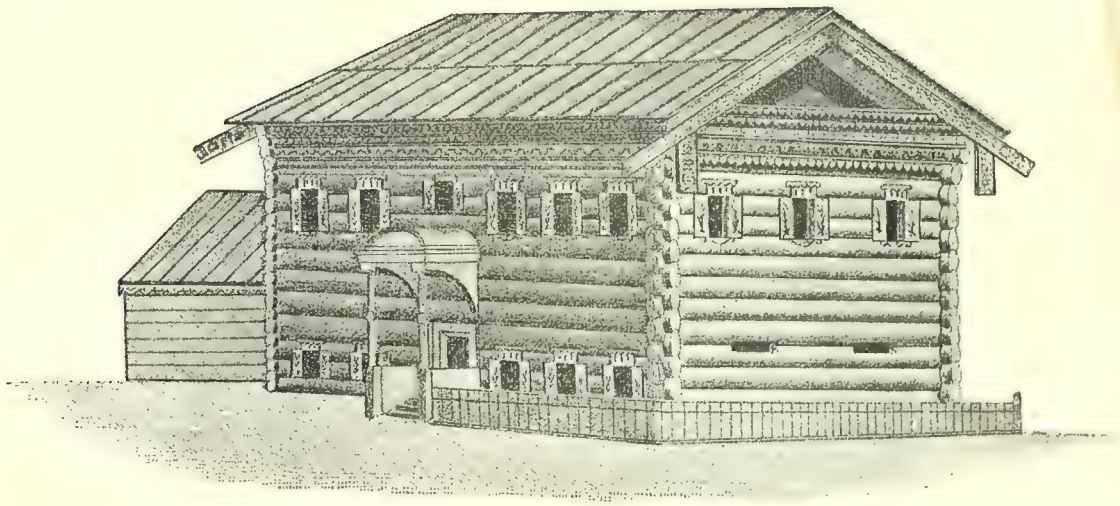


Рис. 191. **Изба крестьянина**
изъ Вельскаго уѣзда, Вологодской губ.
(Съ рис. *Ф. Берга* изъ „Нѣчто о древ. типа деревян. постр. въ Важскомъ краѣ“).

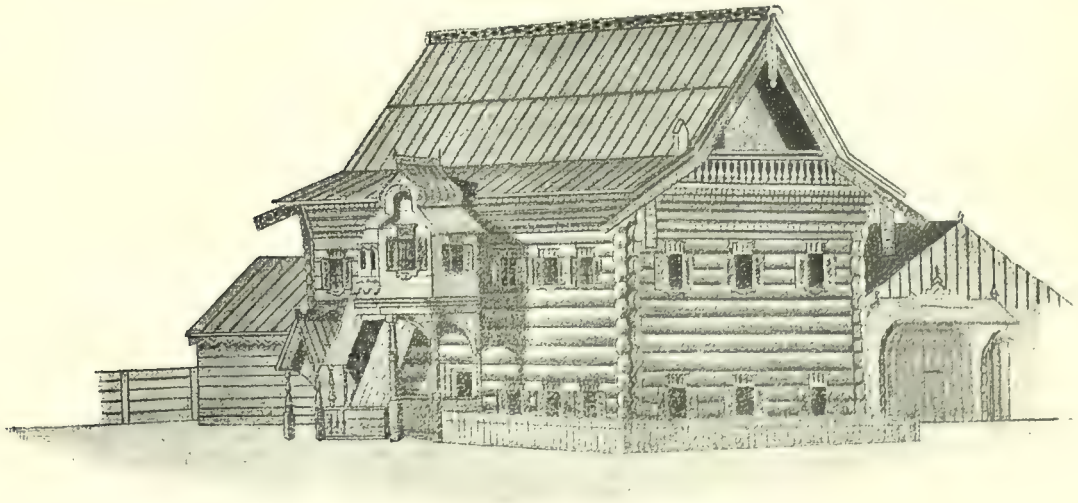


Рис. 192. **Изба крестьянина**
изъ Вельскаго уѣзда, Вологодской губ.
(Съ рис. *Ф. Берга* изъ „Нѣчто о древ. типа деревян. постр. въ Важскомъ краѣ“).

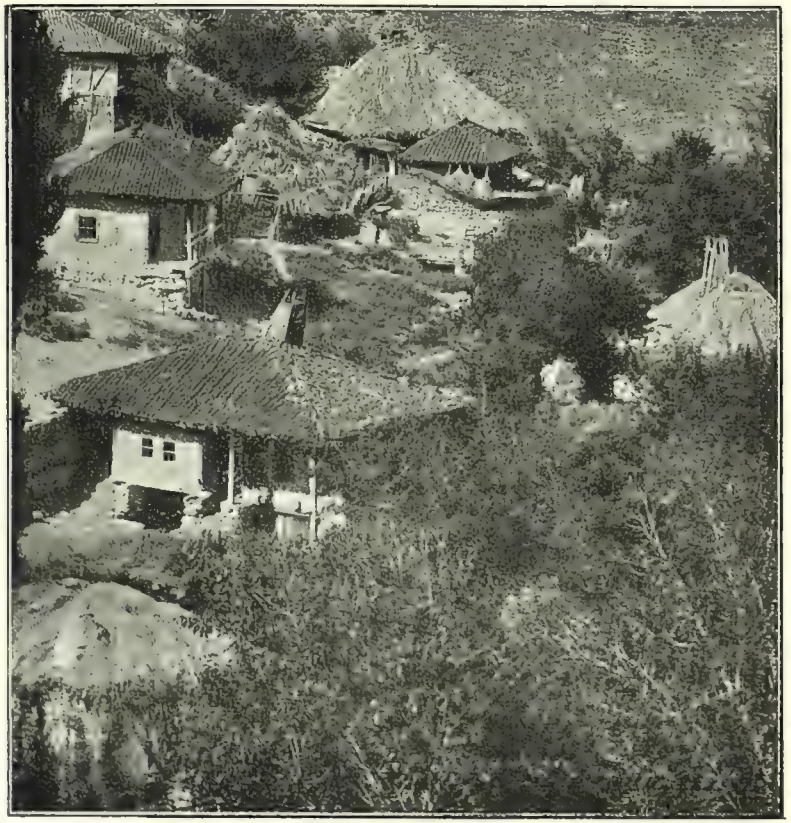


Рис. 193. **Болгарскія кышты**
изъ деревни въ Болгаріи.
(Съ фот. *неизвѣстнаго*).

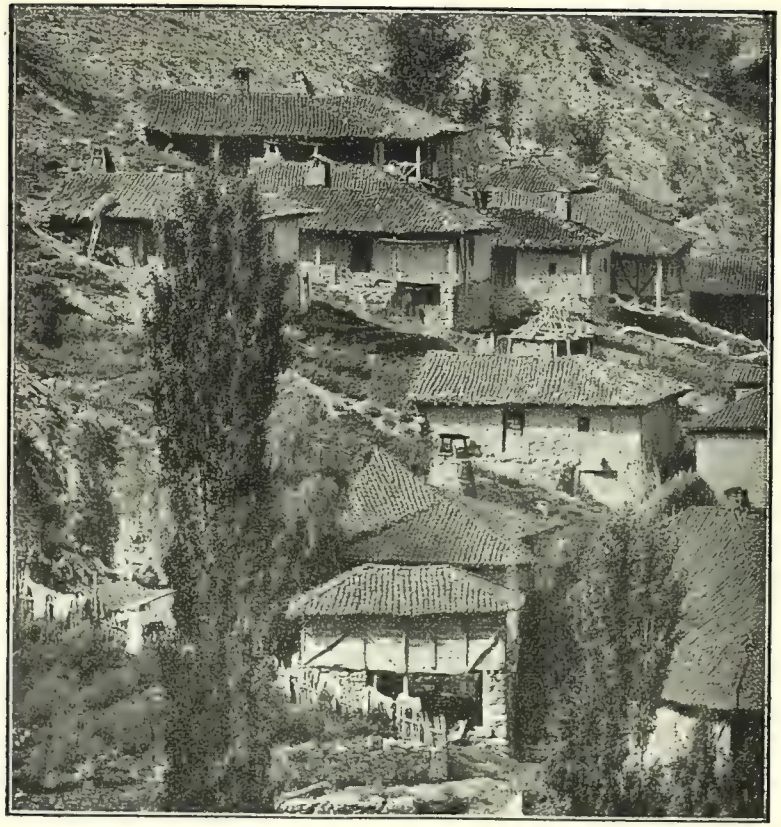


Рис. 194. **Болгарскія кышты**
изъ деревни въ Болгаріи.
(Съ фот. *неизвѣстнаго*).

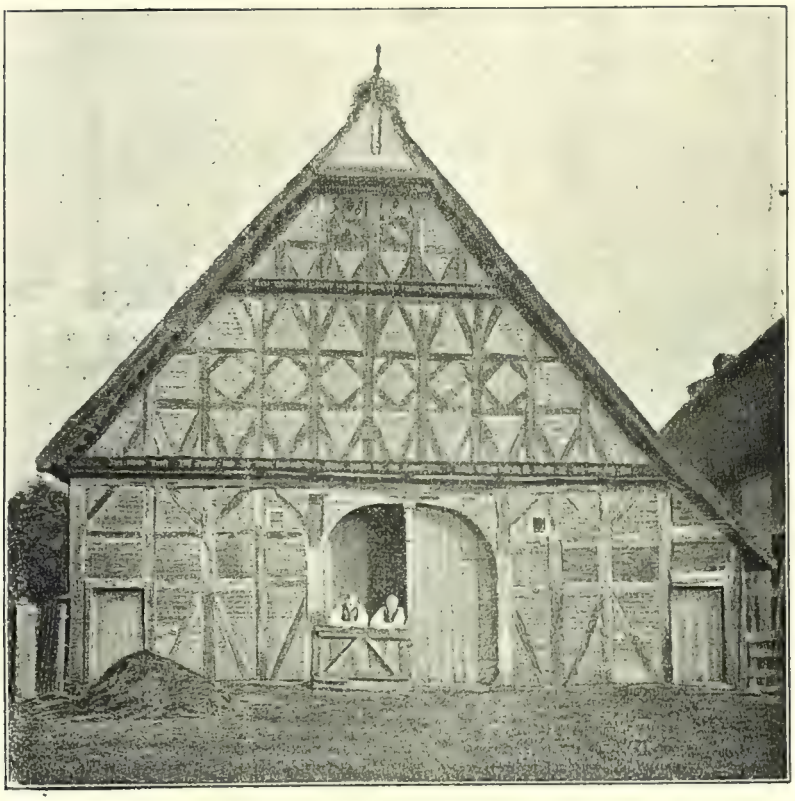


Рис. 195. **Домъ полаба**, 1777 г.
изъ Гановерской провинціи Пруссіи.
(Изъ: F. Tetzner—Die Slawen in Deutschland).

Рис. 196. **Колиба**
изъ Оргѣевскаго у., Бессарабской г.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 197. **Болгарская кышта**
изъ с. Чишме Варунта, Измаильскаго у., Бессарабской г.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 198. **Хата руснака**

изъ с. Клишковцы, Хотинскаго у., Бессарабской г. (Съ фот. *Струтынскаго).*

Рис. 199. **Болгарская „кухня“**

изъ с. Чишме Варунта, Измаильскаго у., Бессарабской г.

(Съ фот. *автора*).

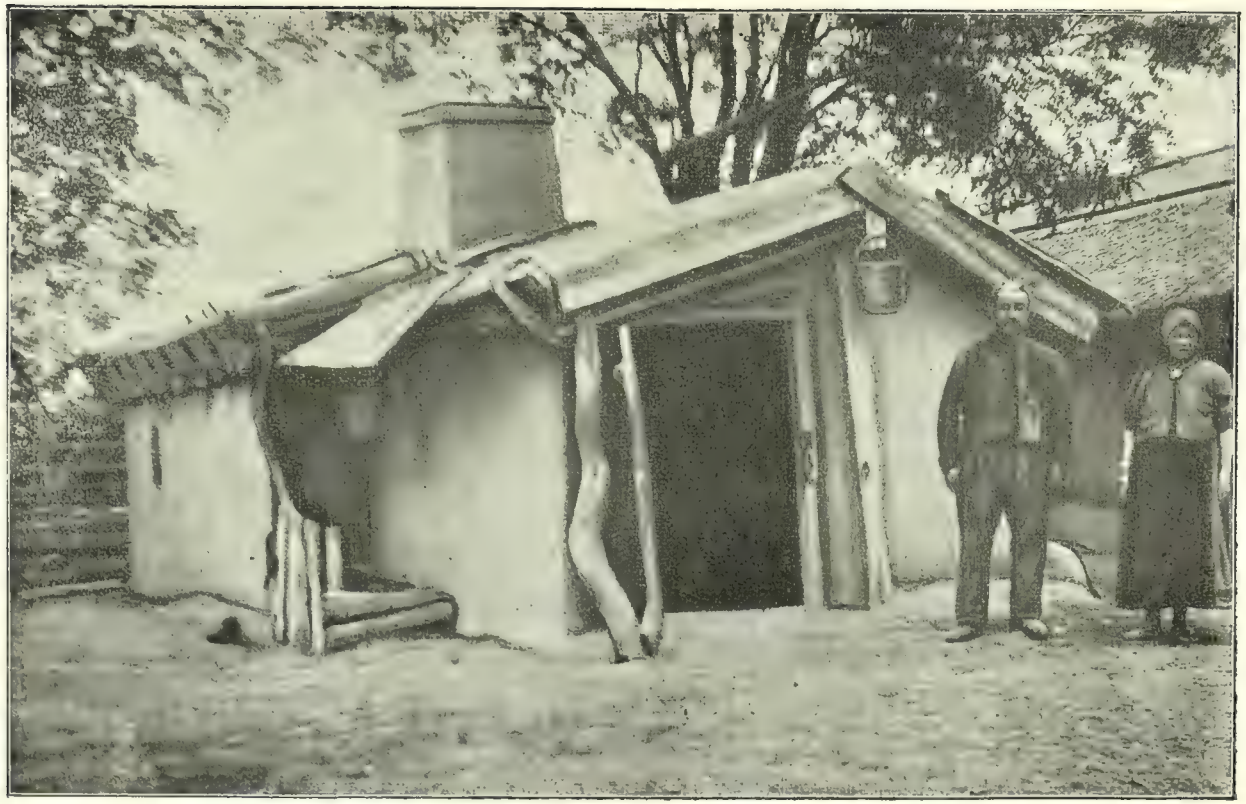


Рис. 200. **Болгарская „кухня“**
изъ с. Чишме Варуита, Измаильскаго у., Бессарабской г.
(Съ фот. *автора*).

Рис. 201. **Хата руснака**
изъ с. Ларга, Хотинскаго у., Бессарабской г.
(Съ фот. *П. Н. Крупенскаго*).

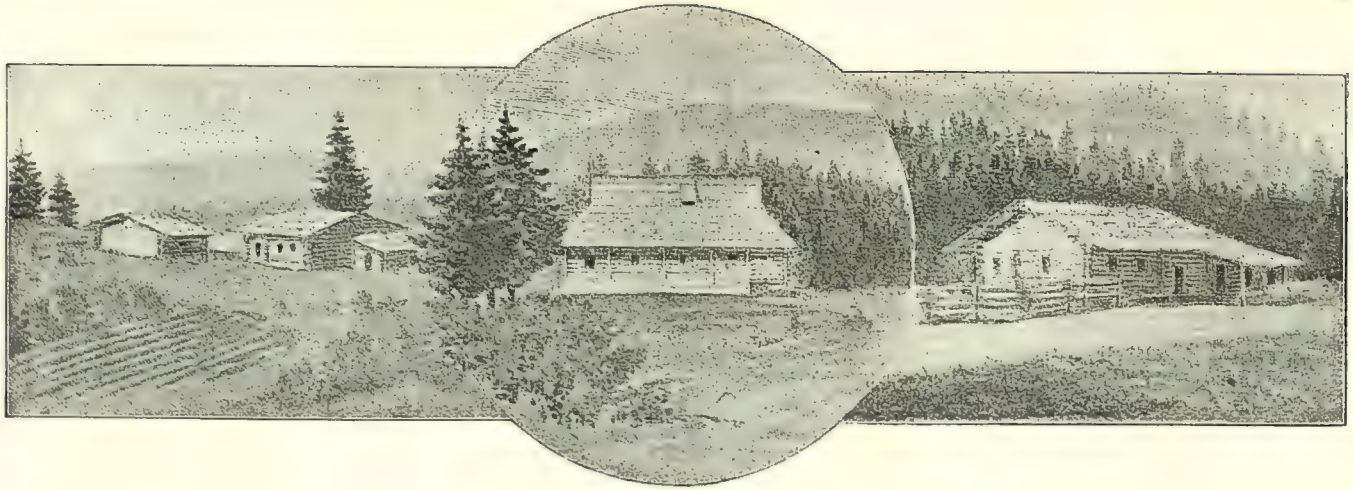


Рис. 202. **Хаты гуцуловъ.**
(Изъ: R. Kaindl—Die Huzulen).

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ ____ ____198 г.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	191	*строчн.*	9 св.	*вмѣсто:*	179 и 180	*слѣдуетъ:*	179, 180, 191 и 192.
»	236	»	6 »	»	*(захата)*	»	*(стына* и *захата).*
»	344	»	17 сн.	»	*Корчигинъ*	»	*Корчагинъ.*
»	352	»	18 »	»	*оджак*	»	*оджакъ.*
»	406	»	10 »	»	*бирог*	»	*дубирог*
»	413	»	4 »	»	отопляемымъ	»	не отопляемымъ.
»	419	»	11 »	»	поможетъ	»	не можетъ.
»	491	»	21 »	»	поуйтъ	»	плуйтъ.
»	491	»	19 св.	»	пищьница	»	пещьница.

Подъ рис.	13	*строчн.*	2	*вмѣсто:*	Дмиговичи	*слѣдуетъ:*	Дмитровичи.
» »	24	»	1	»	Хата	»	Усадьба.
» »	35	»	2	»	при дер.	»	изъ дер.
» »	57	»	3	»	Плебанца	»	Плебанцы.
» »	59	»	2	»	Плебанца	»	Плебанцы.
» »	76	»	2	»	Нижняя Гарья	»	Нижнее Горье.
» »	77	»	2	»	Нижнее Гарье	»	Нижнее Горье.
» »	82 и 83	»	3	»	Меринчеза	»	Мерингера.
» »	85	»	2	»	Дальній	»	Дольній.
» »	87	»	2	»	Држница	»	Дрежница.
» »	87	»	3	»	Меринчеза	»	Мерингера.
» »	89 и 90	»	2	»	Волковскаго	»	Валковскаго.
» »	142, 143, 144	»	3	»	Wisty	»	Wisly.